

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

А АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ЗА 1983 ГОД

Основан в 1957 г.
академиком
М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

Ответственный редактор
С. О. ШМИДТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1985

«Археографический ежегодник за 1983 год» содержит статьи и сообщения по проблемам археографии, архивоведения и других специальных исторических дисциплин, обзоры, описания и публикации документальных исторических памятников.

Статьи посвящены опыту издания документов Маркса и Энгельса, проблемам развития русской археографии в начале XX в., современным принципам издания средневековых грамот, изучению собрания восточных рукописей Института востоковедения АН СССР, деятельности Архива АН СССР и архивов научных центров союзных и автономных республик, периодическим архивоведческим изданиям, малоизвестным документальным памятникам по отечественной истории от средневековья до наших дней. Особое место отведено статьям, обзорам и публикациям по истории исторической науки. Печатаются многообразные материалы к 90-летию академика М. Н. Тихомирова.

В подготовке «Ежегодника» к печати принимали участие сотрудники Археографической комиссии: Ю. В. Андрушайтите, Н. А. Долдобанова, В. В. Морозов, И. Е. Тамм, С. В. Чирков.

Редакционная коллегия:

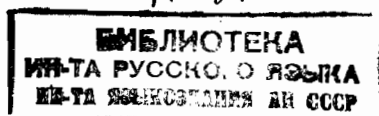
С. О. ШМИДТ (ответственный редактор),
Ю. В. АНДРЮШАЙТИТЕ,
Н. А. ДОЛДОБАНОВА (ответственный секретарь),
В. А. ДЬЯКОВ, М. П. ИРОШНИКОВ,
С. М. КАШТАНОВ, А. А. КУРНОСОВ,
Б. Г. ЛИТВАК (заместитель ответственного редактора),
Н. Н. ПОКРОВСКИЙ, В. А. ЧЕРНЫХ

Рецензенты:

В. В. ЖУРАВЛЕВ, Е. В. СТАРОСТИН

8(П)

A-87

79785

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Б. Г. Литвак

О КУЛЬТУРЕ ПЕРЕДАЧИ ТЕКСТА В ИЗДАНИИ

«АРХИВ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА»

(к выходу т. XVI)

С выпуском очередного тома «Архива Маркса и Энгельса»¹ приближается к концу публикация материалов, отражающих работу К. Маркса над русскими книгами. Наиболее полное описание русской части библиотек К. Маркса и Ф. Энгельса насчитывает 526 книг, брошюр, воззваний и периодических изданий². В ЦПА ИМЛ хранятся оригиналы или фотокопии 18 тетрадей К. Маркса и одной — Ф. Энгельса, а также ряд отдельных листов с выписками из русских источников³. Судя по полному перечню этих тетрадей, приведенному в названной книге, из рукописей Маркса остаются неопубликованными тетради с грамматическими упражнениями по русскому языку (д. 2542, 2752) — следы его работы по изучению языка; конспекты книги И. И. Кауфмана «Теория и практика банковского дела». Т. 1. Кредит, банки и денежное обращение (СПб., 1873); статьи А. Энгельгардта «Химические основы земледелия»; книги И. Патлаевского «Денежный рынок в России от 1700 до 1762 года» (Одесса, 1868); выписки из составленного В. И. Кельсиевым «Сборника правительственных сведений о раскольниках». Вып. 3. О скопцах (Лондон, 1862) и книги Ю. Э. Янсона «Сравнительная статистика России и Западно-европейских государств». Т. 1. Территория и население (СПб., 1878); Т. 2 (1880) (д. 3676, л. 47—60; д. 3678, л. 3—14; д. 3679, л. 3—4, 30—38; д. 3881, л. 3—134, 138—144; д. 3882, 4006, л. 6—7; д. 4053, л. 11, 28)⁴. Подавляющий комплекс материалов, конечно, опубликован. Публикаторы в первую очередь стремились обнародовать те материалы, которые должны были послужить К. Марксу для осуществления главной задачи, ради чего он изучил русский язык и проработал столько источников. Ф. Энгельс эту задачу сформулировал так: «Благодаря разнообразию форм земельной собственности и эксплуатации сельскохозяйственных производителей в России в отделе о земельной ренте («Капитал», т. 4. — *Б. Л.*) Россия должна была играть такую же роль, какую играла Англия в книге 1 при исследовании промышленного наемного труда»⁵.

Итак, перед нами XI, XII, XIII, XVI тома «Архива Маркса и Энгельса», целиком заполненные конспектами и выписками из русских изданий. Известен также состав неопубликованных материалов, и, следовательно, можно проанализировать археографические качества этого уникального издания. Тем более что издание такого рода текстов — довольно сложная археографическая задача, в решении которой практически не было предшественников. Текстология, изучающая авторские тексты, не могла давать рекомендации по изданию конспектов чужих текстов. Не могли помочь ни солидная теория текстологии и практика издания литературных текстов, ни опыт подготовки Ленинских сборников. Правда, в предисловии к т. I «Архива Маркса и Энгельса» В. Адоратский писал: «Настоящим томом «Архива Маркса и Энгельса» мы начинаем публикацию неизданных рукописей основоположников научного коммунизма по примеру того, как публикуются рукописи Ленина в «Ленинских сборниках»⁶. Имелись

при этом в виду не археографические приемы издания, а отбор разновидностей документов — текстов К. Маркса и Ф. Энгельса. «Ленинский сборник», т. I вышел на семь лет раньше т. I «Архива Маркса и Энгельса». В кратком уведомлении «От редакции»⁷ сообщалось только о том, что будет публиковаться в этом издании, но не как. Однако каждая публикация предварялась «архивной справкой», содержащей описание рукописи и лишь иногда отдельные элементы ее археографической подготовки. В дальнейшем, когда на страницах Ленинских сборников появились конспекты или выписки других авторов, уже можно было определять приемы публикаторов по изданию таких текстов. В «Ленинском сборнике» VII были помещены замечания В. И. Ленина на книгу Е. Варга «Die Wirtschaftspolitischen Probleme der proletarischen Diktatur» (Е. Варга «Проблемы экономической политики при пролетарской диктатуре») ⁸. Текст оригинала книги дан петитом на странице слева, его перевод — справа. «Все подчеркивания и отчеркивания, сделанные Лениным чернильным карандашом, — читаем в предисловии, — точно воспроизведены посредством линеек, замечания же, сделанные им на полях, печатаются корпусом против соответствующих мест текста книги» ⁹. Хотя эти объяснения очень скудны, так как в тексте мы находим «линейки» различной формы (прямые, зигзагообразные, горизонтальные и вертикальные, двухкратные подчеркивания), а на полях замечания содержат слова, напечатанные не только прямым, но и курсивным корпусом, все же в публикации можно четко отделить ленинские текст и подчеркивания от текста Е. Варги. Методика публикации ленинских конспектов заслуживает специального разбора и не входит в задачи данной статьи.

В первой публикации такого же рода издатели «Архива Маркса и Энгельса» (т. III), к сожалению, этот опыт не использовали, хотя указанный том вышел в 1934 г. В нем помещены выписки из газет от 18 марта до 1 мая 1871 г., сделанные К. Марксом во время работы над книгой «Гражданская война во Франции», и два наброска рукописи этой книги ¹⁰. При описании рукописей в предисловии не сообщается о приемах их издания. Текст приведен на языке оригинала и в переводе на русский (как и в «Ленинском сборнике» VII). Поскольку в начале публикации дана фотокопия страницы выписок из газет, можно полагать, что все подчеркивания в тексте переданы в публикации курсивом, но, к сожалению, таким же курсивом переданы слова К. Маркса. Так, очень часто в тексте выписок из английских газет встречаются немецкие слова и фразы, которые явно принадлежали К. Марксу ¹¹. Ясно, что это не выписки, а конспекты. Когда же текст был переведен на русский язык, читатель ясного представления о его происхождении и авторской принадлежности не мог получить.

Публикаторы столкнулись с этим при начале публикации «Хронологических выписок» Маркса. В Адоратский рекомендовал: «Изучая рукопись Маркса, надо сопоставлять ее с проконспектированными Марксом книгами. Это позволит установить, что в рукописи принадлежит авторам конспектируемых книг и какие замечания и формулировки принадлежат самому Марксу».

Конспектируя Шлоссера, Маркс нередко делает к нему добавления, дает факты, которых у Шлоссера нет, исправляет имеющиеся у Шлоссера неточности и ошибки. Установить все источники, которыми пользовался Маркс, пока нет возможности — это дело дальнейшего изучения рукописей Маркса и его научной работы» ¹². Таким образом, впервые публикаторы предупреждают о «многослойности» текста конспектов и сообщают, что раскрытие этих «слоев» — задача будущего. Но вместе с тем они все же стремятся зафиксировать очевидные следы работы Маркса над текстами конспектируемых им книг. «Подчеркивания Маркса набраны курсивом», — сообщают публикаторы в «Предисловии», подтверждая то, что молчаливо подразумевалось в предыдущих томах. Далее читаем: «Составляя свою „Хронологию“, Маркс с левого края страницы особо выделял в столбец даты. Так это сделано и при печатании рукописи. Здесь воспроизводится

по возможности точно расположение материала в рукописи Маркса. На полях особо отмечена нумерация страниц рукописи, сделанная самим Марксом»¹³. Обращаясь к публикации, мы отмечаем, что даты, выписанные Марксом, набраны жирным курсивом, а страницы — жирным прямым.

Таким образом публиковались «Хронологические таблицы» и в последующих томах VI—VIII, с той лишь разницей, что в этих томах заглавия конспектируемых книг уже не давалось жирным курсивом. Это свидетельствовало о дальнейшем закреплении приема передачи собственного текста Маркса жирным курсивом в отличие от всех других текстов.

Следующий шаг в совершенствовании приемов публикаций конспектов Маркса и Энгельса сделан в т. X, редактором которого был С. Д. Сказкин, подготовителями Л. И. Гольман и С. З. Левиова. Им принадлежит приоритет в окончательном отделении от конспектируемых текстов текста К. Маркса и Ф. Энгельса при помощи шрифтов. Издавая конспекты Энгельса, публикаторы впервые четко сообщали, что «текст, принадлежащий самому Энгельсу, и его собственные замечания выделены редакцией и напечатаны полужирным шрифтом или *полужирным курсивом*, когда этот текст вдобавок подчеркнут самим Энгельсом»¹⁴.

Как мы уже могли убедиться, за этой фразой в предисловии кроется громадная работа по четкому вычленению каждого «слоя» конспектируемого произведения, что подняло археографическую подготовку текста на новую ступень. Предстояло закрепить эту практику.

Задача всестороннего анализа опыта публикации конспектов Маркса и Энгельса и выработки четкой методики, развивающей положительные стороны этого опыта, была успешно решена при подготовке и издании материалов, отражающих работу основоположников марксизма над русскими источниками. Тома XI—XIII и XVI «Архива Маркса и Энгельса» — яркое тому доказательство. Они подготовлены к печати Р. П. Конюшей (т. XIII — при участии К. В. Соловьевой, т. XVI — при участии И. А. Дмитриевой). То обстоятельство, что один и тот же археограф работал над публикацией, руководил ее подготовкой, обеспечило преемственность методики. С т. XI последовательно осуществляется прием передачи различных «слоев» текста шрифтовым выделением¹⁵. Все комментарии Маркса и Энгельса печатаются полужирным курсивом, подчеркнутые комментарии — полужирным курсивом в разрядку. Это слой авторский — Маркса и Энгельса. Второй слой — следы работы Маркса и Энгельса над конспектируемым текстом. Здесь все подчеркнутое в тексте передается светлым курсивом, а дважды подчеркнутое — светлым курсивом в разрядку. Слова, написанные Марксом по-русски, отмечаются звездочкой¹⁶.

Эта методика передачи текста — не застывшая догма. Уже в т. XI публикатор от нее отходит, не нарушая при этом научных основ ее. Например, в тексте конспекта «Писем без адреса» Н. Г. Чернышевского не отмечены подчеркивания Маркса¹⁷, так как в приложении воспроизводится экземпляр «Писем. . .», принадлежавший Марксу, со всеми его отчеркиваниями и подчеркиваниями¹⁸. Правда, светлый курсив в тексте приложения не оговорен как подчеркивания Чернышевского, что может ввести в заблуждение читателя, так как в двух случаях (на с. 185 и 186—188) эти курсивные места совпадают с курсивом в тексте конспекта (см. соответственно с. 10 и 11, 12), означающим подчеркивания самого Маркса. Но это единственный замеченный нами случай такой неясности. В последующих томах подобные отступления исключены, поскольку, кроме фотокопий отдельных страниц конспектов, других приложений не дается. Следует сказать, что и в томах «Архива Маркса и Энгельса», не включающих русские материалы, строго придерживаются выработанной на этом материале методики. Особенно показательны сравнение т. XV¹⁹, где помещены выписки из французских газет времен Парижской Коммуны 1871 г., с публикацией аналогичных выписок из английских газет в т. III (о котором уже говорилось), чтобы убедиться в плодотворности выработанной методики передачи текста.

Начиная с т. XII то, что мы назвали бы археографическим предисловием, отделяется от общего текста предисловия к тому.

Эта установившаяся методика применена и в т. XVI. Попытаемся на его примере показать значение ее для исследователя, стремящегося проникнуть в лабораторию Маркса. Публикация позволяет ознакомиться с проявленным и непроявленным, если можно так выразиться, комментированием текста источника Марксом. Проявленное передано различными шрифтами. Исследователь, благодаря предварительной глубокой аналитической работе археографа, получает возможность быстро и безошибочно ориентироваться в этой запечатленной мыслительной работе Маркса. И не только мыслительной, но и эмоциональной. Мы буквально ощущаем то бурю гнева, то тонкую иронию, которыми сопровождалась эта, казалось бы черновая, академическая работа — конспектирование.

Маркс, например, читает отзыв председателя одной из уездных земских управ Тульской губернии о том, что крестьяне отказываются работать даже за самую высокую оплату, когда у них хороший урожай. Для этого помещика действия крестьян — признак их «лености и нерадения». Маркс, перефразируя В. Шекспира, тут же комментирует: «*Здорово про-рычал!*» («Архив. . .», с. 142). Вот как под пером Маркса преобразовывается самый спокойный текст. В «Военно-статистическом сборнике» (Вып. 4. Россия, 1871), конспект которого помещен в разбираемом томе, читаем: «Но, с присоединением Прибалтийского края к России, означенные шведские узаконения постепенно пришли в забвение; немецкое дворянство стало снова неограниченно располагать личностью и имуществом крестьян. . .» (с. 217). У Маркса: «С присоединением Прибалтийского (последнее слово написано по-русски. — *Б. Л.*) края к России шведские узаконения постепенно пришли в забвение. Немецкие дворяне — *каналы* вновь стали произвольно распоряжаться людьми и их имуществом. . .» («Архив. . .», с. 283). И далее: «Наконец, в начале XIX столетия русское правительство сочло нужным ослабить произвол этих *псов*. . .» (Там же), тогда как в Сборнике: «. . . Русское правительство сознало необходимость. . . ослабить произвол землевладельцев» (с. 217). Маркс выписывает из «Трудов податной комиссии» следующую фразу: «А между тем *Петербургский уезд* (последнее слово написано по-русски. — *Б. Л.*) далеко не принадлежит к числу самых бедных в империи (стр. 706, 707)», подчеркивая этот текст и тут же замечая: «*Какое блестящее свидетельство благосостояния уезда* (слово написано по-русски. — *Б. Л.*), в котором находится столица!» («Архив. . .», с. 147). Сколько горькой иронии в этом замечании!

Такой эмоциональный комментарий — дополнительное свидетельство того, что революционный дух Маркса проявляется в любых его действиях. Новаторский, творчески преобразующий подход к объекту изучения — характерная черта конспекта. Проиллюстрируем это на примере конспектирования упомянутого Сборника.

Необходимо отметить, что «Труды. . .» и Сборник ни по происхождению, ни по целям создания не были одноплановыми. Если «Труды. . .» — продукт фиксации, а порой обобщения всевозможных ведомственных документов, мнений земских гласных, членов губернских по крестьянским делам присутствий, видных чиновников и т. п., то Сборник — статистический труд, созданный специалистами высшей квалификации. В его подготовке участвовали офицеры Генерального штаба. Общую редакцию осуществил профессор военной статистики, управляющий делами Военно-ученого комитета генерал-майор Н. Н. Обручев (1830—1904). Он был близок к революционному демократу, входил в тайное общество «Земля и воля», затем отошел от революционной деятельности. Активно участвовал в проведении буржуазных военных реформ 60—70-х годов, в 1881—1897 гг. — начальник Главного штаба, с 1888 г. — почетный член Петербургской академии наук.

Выпуск IV Сборника — обширный труд (1187 с.), состоящий из двух отделов. В первом дана общестатистическая характеристика Российской

империи, во втором — военно-статистическая. Первый отдел имел следующие разделы: «Государственное устройство империи», «Государственное устройство Великого княжества Финляндского и Царства Польского», «Территория и народонаселение», «Землевладение», «Сельское хозяйство», «Горный промысел», «Мануфактурная промышленность», «Пути сообщения», «Торговля», «Финансы», «Кредит», «Народное образование», «Нравственность (статистика преступности)» и пять «Прибавлений», содержащих новейшие статистические данные по состоянию на 1867—1871 гг.

Сборник действительно «своего рода» энциклопедия о России конца 60-х годов XIX в., как правильно утверждается в «Предисловии» (с. IX) т. XVI «Архива Маркса и Энгельса». Источниковедческое значение этого Сборника непреходяще. Это хорошо понимали и его составители, которые писали: «Каждый серьезный статистический труд всегда сослуживает две службы: удовлетворяет насущнейшим потребностям общества в данную минуту, а затем — обращается в историю, и передает потомству несколько фактически закрепленных и наиболее достоверных страниц из предшествовавшей его жизни»²⁰.

Таким образом, в руки К. Маркса попал первоклассный материал, который давал ясное представление о современном ему состоянии России. Конспекты Маркса не только раскрывают его интересы «в данную минуту», но и его приемы работы над источником, информационные потенциалы которого и в наше время далеко не исчерпаны.

Маркс законспектировал следующие разделы первого отдела: «Государственное устройство империи», «Территория и народонаселение», «Землевладение», «Сельское хозяйство». Они опубликованы в том порядке, в каком Маркс изучал Сборник. Он начал с раздела «Землевладение», но переименовал его, назвав «Русская крестьянская земля», и продолжил разделом «Сельское хозяйство». Очевидно поэтому в начале стоит такое сводное название: «Русская крестьянская земля. Сельское хозяйство». Эта сводность названия скорее отражает общие интересы и цели Маркса, так как на содержании конспекта она не отразилась, ибо, завершив на с. 4—10 и 42—83 тетради изложение раздела «Землевладение»²¹ (см.: Архив. . . , т. XVI, с. 219—294), Маркс вновь пишет заглавие раздела «Сельское хозяйство» и на с. 84—105 первой тетради и 1—17 — второй конспектирует его текст²². Для понимания логики этой, казалось бы сугубо «черновой», подготовительной работы Маркса очень важны два обстоятельства. Маркс начал конспект Сборника с раздела «Землевладение», но прервал конспектирование текста, где излагаются законодательные акты реформы 19 февраля 1861 г., чтобы тут же зафиксировать свои соображения о прочитанных только что вышедших в 1875 г. в Берлине брошюрах А. И. Кошелева «Наше положение» и «Об общинном землевладении в России», т. е. на тему, близкую к конспектируемому материалу из Сборника. Налицо сопоставление позиций подцензурного и бесцензурного изданий. Далее, конспектируя раздел «Сельское хозяйство», Маркс не преминул воспользоваться новейшими данными таблицы «Пространство и народонаселение Российской империи за 1867 г.» («Прибавление» I к первому отделу Сборника). При этом он по-своему перегруппировал их. В таблице даны сведения о территории, населении по полу, о жителях в расчете на 1 кв. милю и проценты прироста населения с 1863 г. по губерниям России, расположенным в алфавитном порядке. Маркс формирует данные по 12 группам, учитывая при этом не только естественно-исторические, но и социально-исторические факторы, органически вписывая эти группы в контекст сюжетов о неурожаках (см.: Архив. . . , с. 322—327). Аналогичное преобразование таблиц наблюдаем при группировке Марксом губерний по цене выкупной земли и по проценту перешедших на выкуп крестьян (с. 238—245). Таким образом: данные казенной статистики под пером Маркса обретают новую форму, что позволяет «выжать» из них незамеченную составителями информацию. Эти приемы преобразования таблиц как бы обогащают сам источник. Отмеченная активность Маркса

по отношению к источнику имеет особое методологическое значение, так как наглядно показывает возможности диалектического взгляда на источник, сочетающего уважительное отношение к нему и отрицание его фетишизации. Марксова критика источника, как видим, конструктивна. В свое время Б. Ф. Поршнев, рассматривая «Хронологические выписки» Маркса, заметил: «Маркс конспектирует активно, творчески: то кратко обобщает содержание многих страниц, то полностью выписывает те или иные сведения, лишь бегло и попутно приведенные автором (речь идет о Шлоссере. — Б. Л.), не придававшим им большого значения»²³.

Эта активность в отборе материала, его дозировке и переосмыслении отдельных сведений и есть критика источника. Мы имеем возможность это утверждать, опираясь на материалы т. XVI «Архива. . .». Данная форма критического изучения источника позволила Марксу, во-первых, концентрировать, фокусировать информацию, а во-вторых, «поворачивать» ее так, как требовал его интерес к процессу капиталистической эволюции пореформенной деревни. Работа Маркса над Сборником может служить прекрасной иллюстрацией к тезису, сформулированному в его письме Н. Ф. Даниельсону от 10 апреля 1879 г.: «. . . необходимо тщательно наблюдать за нынешним ходом событий до их полной зрелости, прежде чем вы окажетесь в состоянии „потребить“ эти факты „производительно“, я имею в виду „теоретически“»²⁴. Действительно, только на основе такой работы над таблицами Маркс приходит к выводам общетеоретического уровня: о фактическом выкупе крестьянами не земли, а своей личной свободы, о выгодности выкупной операции для правительства и разорительности для крестьян, о последовательном процессе буржуазного классовобразования в русской пореформенной деревне.

Для работы Маркса над Сборником характерна еще одна сторона — широта взгляда на источник. Конкретная цель Маркса, заставившая его обратиться к изучению русских источников, как известно из авторитетного свидетельства Ф. Энгельса, могла быть достигнута, если бы Маркс остановился только на данных о землевладении и сельском хозяйстве. Но конспект охватывает куда более широкий круг вопросов, по каждому из которых Маркс мимоходом делает ценнейшие замечания источниковедческого плана. Скажем, изучая территорию и население России, Маркс корректирует привычные приемы демографической статистики. Так, он замечает: «*При совершенно неодинаковой величине и плотности населения российских губерний и областей и даже уездов (слово написано по-русски. — Б. Л.) средние цифры жителей на 1 кв. милю имеют мало значения*» («Архив. . .», с. 351). Его демографические изыскания на основе данных Сборника вооружают нас и рядом принципиальных выводов.

В свете недавних дискуссий по поводу так называемого вымирания крепостного крестьянства в эпоху кризиса феодализма особенно важно наблюдение Маркса по таблице за 1801—1863 гг. о плодovitости браков²⁵. Рассмотрев данные по России в сравнении с шестью западноевропейскими государствами, он отмечает «*наибольшую плодovitость браков и наибольший процент браков от численности населения*» в России (с. 358). Маркс показывает, что Россия занимает второе место по приросту населения среди 15 стран Европы, уступая только Норвегии (с. 360).

Комментируя это явление, Маркс высмеивает досужие вымыслы о его причинах. Он пишет: «*Поскольку женщины нигде так не бьют, как в России, то побои оказываются фактором плодovitости; это заключение во всяком случае столь же неверно, как какое-нибудь мальтусовское, так как русские женщины (крестьянские и т. д.) в то же время и наиболее плохо питаются*» (с. 360). Поскольку в Сборнике нет никаких рассуждений о побоях как факторе плодovitости, нужно предположить, что Маркс полемизирует с неустановленным публикаторами демографом — «теоретиком». Как бы там ни было, из этого заключения Маркса видно, что он ника-

кого вымирания русского крестьянства не фиксирует, несмотря на низкий жизненный уровень крестьян.

Когда мы говорим о «невидимой» критике источника у Маркса, это вовсе не означает, что Маркс не прибегал к прямой, открытой критике. Обнаружив пристальный интерес к демографии народов России и их религиозной принадлежности, Маркс считает, что статистика религиозного состава населения «*[вдвойне ненадежна, потому что: 1) секты и т. д. не хотят давать сведений о своем числе, насколько возможно скрывают это; 2) русское правительство делает все, чтобы официально как можно более завысить число православных (слово написано по-русски. — Б. Л.); 3) масса язычников — греко-унииаты и т. д., обращенные в „православных“ с помощью оружия, вынуждены показывать себя таковыми]*» (с. 366).

Он иронизирует над утверждением Сборника «о всеобщей веротерпимости в Российской империи», но, конспектируя текст о различных толках старообрядчества, о сектах, Маркс фиксирует больше внимания на проявления крайнего изуверства (с. 374—377), иронически записывает по-французски: «*Это святой дух в своем славном труде!*» (с. 377). Вместе с тем он подчеркивает те места в Сборнике, которые содержат намеки на социальный протест в вероучениях федосеевцев, филипповщины, бегунов, воздерживаясь, однако, от какого-либо комментирования этих мест (с. 371—372).

Приведем еще один яркий пример открытой критики. В конспекте «Трудов. . .» Маркс пишет: «*Проект подчеркивает неравномерность раскладки бремени {налогов} и не желает видеть чрезмерности самого бремени для всей массы крестьян. . .*» (с. 35).

Так обстоит дело с проявленным комментированием.

Непроявленное, т. е. не отмеченное прифтами, комментирование требует уже работы самого исследователя. Здесь археографическая методика бессильна. Более того, было бы даже опасно, если бы археограф вторгся в эту работу, которая по своей природе целиком гипотетична. Публикаторы не стремились при переводе текста конспекта на русский к предельной близости к конспектируемому, т. е. русскому, тексту, это позволяло увидеть Марксово прочтение конспектируемого текста и его понимание Марксом. Допустим, Маркс, конспектируя текст о валовом урожае хлеба и его реализации, записывает (см. с. 310): «*Из этого числа за границу экспортируется около 10 млн четвертей* (слово написано по-русски. — Б. Л.)». В тексте Сборника фраза сформулирована так: «*Из этого числа положим на отпуск за границу около 10 милл. четвертей. . .*» (с. 246). Предположительная цифра по тексту Сборника у Маркса принята в более категорической форме, видимо, потому, что для целей Маркса такой юанс роли не играл. Это только один из примеров подобного рода.

Очень интересно пронаблюдать, мимо чего Маркс проходит и что скрупулезно фиксирует. Показателен в этом отношении его конспект раздела «Землевладение в Привисленском крае» из Сборника. Маркс выписывает только фактический материал, все исторические или иные рассуждения в Сборнике им полностью игнорируются. Наоборот, в таком же разделе по Прибалтике он эти данные тщательно фиксирует. Вероятнее всего, Маркс, имея широкий доступ к источникам о Польше (о чем свидетельствует «Архив Маркса и Энгельса», т. XIV), пренебрег этими сведениями Сборника.

Часто мы встречаемся с таким преобразованием текста, что давало публикаторам право считать его авторизованным Марксом. Вот один из характернейших случаев. Маркс, конспектируя главу XVII второй части т. XXII «Трудов податной комиссии», излагает мнение курского губернского гласного Изъединова о том, что в дореформенное время подушная подать раскладывалась на тягло, а поскольку под тяглом разумелись мужчины и женщины, то теперь, читаем мы в тексте «Трудов. . .»

(Труды. . . , с. 595), «женщина, платящая поголовную подать, не будет представляться новым явлением». Вместо последней фразы Маркс записывает: „*Так пусть же платит подушный налог и женщина!*“ (Архив. . . , с. 145). Маркс, как видим, обнажил суть мысли Изъединова, изложенной в витиевато-адвокатской манере, и вместе с тем высказал свое отношение к этой крепостнической идее. В другом месте Маркс вместо фразы из «Трудов. . .» «много было говорено и писано о вреде семейных разделов. . .» (Труды. . . , т. XXII, ч. 1, с. 167) пишет: «. . . много было *болтовни и писанины. . .*» (Архив. . . , с. 47), что отражает не только сарказм Маркса, но и его осведомленность об этой литературе, о чем мы знаем из его переписки и других томов «Архива. . .». Но есть и такие случаи, когда публикатор не счел необходимым выделить отдельные слова Маркса, придающие особый оттенок мысли, изложенной в конспектируемом тексте.

Так, Маркс записывает: «Прежде крестьянин был прикован к определенному обществу. . .» (слово написано по-русски. — *Б. Л.*) (Архив. . . , с. 40) вместо слова «прикреплен» в «Трудах. . .», что придает другой нюанс всей фразе, а главное, — это след Марксова прочтения. В другом месте (Архив. . . , с. 36) он тоже употребляет термин «прикованность» (публикатор здесь его выделил шрифтом) вместо слова «прикрепление» в оригинале, что свидетельствует о неслучайности отмеченного нюанса.

Богатую пищу для размышления дают подчеркивания Маркса, которые также следует отнести к одной из разновидностей непроявленного комментирования. Если, допустим, Маркс выписывает по-русски и подчеркивает фразу «*наши пожарные эпидемии*», объясняя причину такого подчеркивания: «*(весьма удачное выражение на стр. 98)*» (Архив. . . , с. 35), то в большинстве случаев подчеркивания не объясняются, но внимательное прочтение дает возможность определить тенденцию, невысказанный внутренний смысл их.

Так, например, когда Маркс без всяких комментариев записывает: «В губерниях *северо-восточных и центрально-промышленных*, где цена земли определена Положением (слово написано по-русски — *Б. Л.*) *невыгодно для крестьян, то есть гораздо выше ее действительной стоимости. . .*» (Архив. . . , с. 249), подчеркивая почти весь текст Сборника, то ясна причина такого подчеркивания. Таких мест много, и в каждом случае исследователь получает возможность выяснить, на какие места текста Маркс обратил особое внимание и почему, он может соотнести эти места с общими выводами Маркса о жизни пореформенной деревни, чтобы выявить источник сведений для этих выводов. Это вовсе не праздная работа, так как речь идет о том незафиксированном процессе осмысления Марксом данных источника, который может быть восстановлен таким образом. Этой цели могут послужить и наблюдения за комплексом слов, написанных Марксом по-русски, их отбором, частотой применения и т. п.

Конспекты Маркса в том их виде, как они представлены публикаторами, становятся ныне доступным объектом для источниковедческих изысканий.

Что же касается их методологической ценности, то она определяется тем значением, которое им придавал Ф. Энгельс. Энгельс полагал, что, поскольку Маркс не успел в т. III «Капитала» включить результаты своей работы над русскими источниками, следовало бы их издать отдельно. В своем письме П. Л. Лаврову 28 января 1884 г. он сообщал: «Я еще не знаю, в какой мере смогу их использовать для третьей книги, — может быть, лучше будет объединить их в отдельном издании. Я так, несомненно, и сделаю, если включение их в «Капитал» представит слишком большие трудности»²⁶.

Публикаторы т. XI—XIII и XVI «Архива Маркса и Энгельса» успешно осуществили это намерение Энгельса.

- ¹ Архив Маркса и Энгельса. М., 1982, т. XVI.
- ² Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1979, с. IX.
- ³ Там же, с. 209; ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1. Далее указываются лишь номера дел и листов.
- ⁴ Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса, с. 209—235.
- ⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 1, с. 10.
- ⁶ Архив Маркса и Энгельса. М., 1932, т. I (VI), с. III.
- ⁷ Ленинский сборник I. М., 1925, с. 7.
- ⁸ Ленинский сборник VII. М., 1928, с. 335—384.
- ⁹ Там же, с. 337.
- ¹⁰ Архив Маркса и Энгельса. М., 1934, т. III (VIII), с. 89—239.
- ¹¹ Например: «Es will mit seinen measures. . .» (Там же, с. 102).
- ¹² Архив Маркса и Энгельса. М., 1938, т. V, с. V.
- ¹³ Там же, с. VI—VII.
- ¹⁴ Архив Маркса и Энгельса. М., 1948, т. X, с. VII.
- ¹⁵ Этот принцип был закреплен и при издании аналогичных текстов во втором русском издании «Сочинений» Маркса и Энгельса. В данном случае были применены вариации прифтов без выделений и варианты различных форм кавычек. Так был передан текст конспекта книги М. А. Бакунина «Государственность и анархия» (Соч. 2-е изд., т. 18, с. 581—624).
- ¹⁶ Любопытно отметить, что если в конспекте книги Бакунина русский текст отмечается определенной формой кавычек, то в конспекте книги М. Ковалевского «Общинное землевладение. . .» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. т. 45, с. 153—226) русские слова отмечены звездочкой, как и в изданиях «Архива Маркса и Энгельса». Это лишнее свидетельство полной унификации приемов издания.
- ¹⁷ Архив Маркса и Энгельса. М., 1948, т. XI, с. 3—17.
- ¹⁸ Там же, с. 172—199.
- ¹⁹ Архив Маркса и Энгельса. М., 1963, т. XV.
- ²⁰ Военно-статистический сборник. СПб., 1871. Вып. 4, Россия, с. XXX.
- ²¹ Там же, с. 172—227.
- ²² Там же, с. 227—284.
- ²³ *Поршнев Б. Ф.* Исторические интересы Маркса в последние годы жизни и работа над «Хронологическими выписками». — В кн.: Маркс — историк. М., 1968, с. 407.
- ²⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 34, с. 288.
- ²⁵ Военно-статистический сборник. . . , с. 79.
- ²⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 36, с. 84.

С. В. Чирков

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ АРХЕОГРАФИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Русская гуманитарная наука перед Великой Октябрьской революцией характеризуется повышенным вниманием к источниковой основе исторического и филологического знания. В этот период активизировалось введение в научный оборот письменных источников, углублялось их источниковедческое исследование. Область науки, вводящая материалы письменности в сферу изучения, именовалась в этот период археографией. Под археографической деятельностью понималась работа по собиранию, описанию и изданию памятников письменности.

Развитие русской археографии в начале XX в. изучено в нашей историографии слабее, чем, например, археография XIX в. Внимание исследователей обычно сосредоточивается на издательской работе, весь комплекс археографической деятельности не рассматривается. Нет достаточно четких представлений о качественных отличиях данного периода от предыдущих. Между тем имеется значительное количество материалов, как опубликованных, так и архивных, которые нуждаются в комплексном рассмотрении и вынуждают ставить вопрос о существенных особенностях развития археографии в начале XX в. В силу ограниченности объема настоящей статьи в ней предпринята попытка раскрыть некоторые проблемы и закономерности археографической работы в основном на примере Академии наук, Археографической комиссии — наиболее авторитетных научных учреждений России в начале XX в. в области собирания, описания и издания памятников русской письменности.

Начало собирания древнерусских рукописных памятников совпадает со становлением отечественной научной археографии. Особенно впечатляющими оказались результаты археографических экспедиций первой трети XIX в., в известной мере «затмивших» собирательскую деятельность более поздних времен. Но с окончанием поездок П. М. Строева, К. Ф. Калайдовича и Я. И. Бередникова такие экспедиции не прекратились. Трудami Н. В. Калачова, Н. И. Костомарова, А. Е. Викторова, А. Ф. Бычкова и других (ожидающими еще обстоятельного изучения) традиция археографических экспедиций была продолжена до конца XIX в. И здесь, на пороге нового столетия, традиция эта получила во многом новое и непривычное преломление.

История археографических экспедиций сотрудников Библиотеки Академии наук в начале XX в. изучена достаточно подробно¹. Известна та роль, которую сыграл в их организации А. А. Шахматов: после его поездки в Архангельскую губернию (зима 1900—1901 гг.), когда он узнал «о тех рукописных богатствах, которые до сих пор рассеяны в... северных наших губерниях»², был организован ряд поездок на Север В. И. Срезневского. В дальнейшем произошло расширение географических рамок экспедиций, в них приняли участие А. Д. Григорьев, В. Г. Дружинин, Н. Е. Ончуков и другие, а финансирование экспедиций, наряду с Библиотекой, осуществлялось также Отделением русского языка и словесности. Здесь нет необходимости рассматривать фактические обстоятельства собирания рукописей, следует остановиться на некоторых общих чертах организации и хода этой работы, проследив наметившиеся новые явления в ней. Обратившись к отчетам и переписке археографов, к изложенным в литературе фактам, можно заметить целый ряд обстоятельств, влиявших на постановку и результаты собирательской работы указанных учреждений.

Прежде всего претерпевали изменения представления археографов о целях и объектах собирания. Для второй половины XIX в. характерна задача пополнения рукописных собраний в центральных (петербургских и московских) книго- и архивохранилищах. При этом рукописи или документы собирали в местных хранилищах, хотя и плохо организованных, зачастую не выполнявших задачи сохранения этих материалов (в монастырях, церквях, государственных учреждениях губерний и уездов). Так действовали и Н. В. Калачов в 50-х годах и А. Е. Викторов в 70-х³. К концу века, с развитием архивного дела на местах, с образованием ученых архивных комиссий, епархиальных древлехранилищ и т. п., такое направление собирания становится невозможным. Уже А. Е. Викторов в своих поездках перешел от физического собирания к описанию рукописей местных хранилищ⁴. Разумеется, собирали рукописи и у частных лиц, но преимущественно путем приобретения готовых коллекций. Перед А. А. Шахматовым и его сотрудниками раскрылись новые источники собирательства, одновременно у них возникают новые представления о целях собирания и даже о его объекте.

Первоначально в своей поездке на Север Шахматов явно преследовал цель собрать (помимо лингвистических и историко-географических данных) все сохранившиеся двинские грамоты до XVI в. для готовившегося их издания. Он прямо писал, что «останавливался перед мыслью о том, что в Архангельске и Холмогорах могут оказаться грамоты XV в. в подлинниках или копиях»⁵. Уже после выхода издания двинских актов ученый вел переписку с Ю. М. Сибирцевым, отыскивавшим акты, дополняющие данный комплекс⁶. Однако в ходе поездки Шахматов имел случай наблюдать два ряда явлений: с одной стороны, «что некоторые местные деятели начинают ценить те исторические сокровища, которыми они до сих пор располагают, несмотря на все неблагоприятные условия», а с другой — что «рукописи, и притом довольно ценные, попадают даже на городских рынках», что остающееся в частных руках и некоторых церквях «далеко не обеспечено от гибели и расхищения»⁷. Очевидно, ближайшее знакомство с положением рукописной книжности на Севере резко расширило представление Шахматова о круге подлежащих собиранию памятников и о целях собирания: наряду с задачей пополнения Рукописного отделения БАН выдвигается и задача спасения рукописей от гибели. Широкие представления о круге подлежащих собиранию объектов проявились уже в первых шагах археографической практики В. И. Срезневского. Имея задание Библиотеки по отысканию новых списков древнерусских литературных памятников⁸, Срезневский в своем отчете о поездках 1902 г. выдвинул пожелание не ограничиваться рукописями, а собирать «все, что заслуживает спасения от уничтожения; рукописи попадают сравнительно редко, вещественная старина гораздо обильнее книжной»⁹. Такое расширение представлений об объекте, подлежащем исследованию и в этих целях сохранению, может быть поставлено в связь с общим процессом, происходившим в источниковедении в начале XX в. Процесс этот двоякий — интенсивное и экстенсивное расширение источниковой основы исторической науки; в общем виде он изучался в литературе¹⁰. Отмечалось, в частности, что «экстенсивное изменение источниковедческой базы» происходило и под влиянием развития вспомогательных исторических дисциплин¹¹.

Можно констатировать, что в начале XX в. у археографов только формировались теоретические понятия о круге памятников, подлежащих собиранию. Субъективные представления археографов об объекте собирания отражали объективную совокупность сохранившихся памятников через зеркало потребностей науки, выделяя в этой совокупности некоторый круг «источников». Указанная взаимосвязь археографического поиска и развития специальных исторических дисциплин была ясна уже современникам. Так, А. Е. Пресняков писал об источниковедческих наблюдениях над поздними летописями и хронографами, которые имеют археографическое значение, так как дают возможность ориентироваться в много-

численных рукописях этого вида¹². Через осознание связи археографической собирательской работы с теорией источниковедения лежал путь к научному определению объекта собирания. Но это было делом будущего. В начале XX в. наиболее преобладало представление о широком море «старины», в котором исследователям известны только разрозненные острова. Ориентация на «старину», сохраненную частными владельцами, резко расширяла горизонты этого моря, а потому и воспринималась как необычайно плодотворная. Не противоречили этому представлению и опасения за судьбу памятников, нуждающихся в спасении и охране. Они вели к другой стороне проблемы, к вопросу о том, что можно собирать.

Перед В. И. Срезневским в его экспедициях предстала достаточно пестрая картина хранения «предметов старины», в которую он попытался внести простейшую систему, подразделив эти предметы на «неподвижные» и «пущенные в оборот». Первые собраны в государственных, общественных, церковных и монастырских хранилищах. Объектом собирания они, естественно, не являются, выступая только в качестве объекта описания и в необходимых случаях копирования. Вторые — «предметы, принадлежащие частным лицам, и частью церковные, причём признанные за хлам»¹³. Конечно, далеко не все из последней категории можно было считать «пущенным в оборот». Срезневский встречался в северных деревнях с библиофилами — собирателями книг. Во время поездки в Карелию он описал целый ряд собраний, владельцы которых «хранят старину как святыню». Старообрядцы-скрытники, по наблюдению Срезневского, «более других сознательно ценят рукописи и только в крайней нужде продают их»¹⁴. Другая категория владельцев скупала старину как редкость или в торговых целях. Срезневский сознавал безнадежность попыток конкурировать со скупщиками и приобретать рукописи, сделавшиеся товаром: слишком малы для этого были денежные средства экспедиции. Оставалась категория «невольных держателей старины», имевших рукописи в силу случайных причин, чаще всего как наследство после родственников. Ясно, что получить от них рукописи можно было, пока они не были утрачены по той же причине случайности владения ими. И Срезневский, и другие археографы приводят ряд случаев свежих утрат рукописных книг и документов.

Можно заметить, что сходная ситуация наблюдалась во времена деятельности археографических экспедиций первой трети XIX в., имевших в архивной сфере дело с последствиями секуляризации церковного землевладения и сокращения штатов монастырей: потеряв исконных владельцев, документы и рукописные книги быстро гибли. Таким образом, наиболее продуктивная для работы археографа-собирателя область оказывается сравнительно узкой: между разрушением старой социальной стратификации, определяющей «неподвижный» статус памятников, и физической утратой памятников, подготовленной тем же разрушением. Эта закономерность, по-видимому, общая для всякой собирательской работы археографов¹⁵. Следует заметить, что в конце XIX—начале XX в., с развитием капиталистических отношений, социальная динамика на русском Севере резко ускоряется, а социальная и территориальная мобильность населения возрастает. Сам Срезневский отмечал усиление влияний «новой жизни» на Севере¹⁶. Это обуславливало представление о быстротечности удобных для собирателя ситуаций в области статуса рукописей. Срезневский писал, что приобретение рукописей из частных рук «есть дело только случая»¹⁷. Наступление «новой жизни» порождало тревогу за судьбу рукописной и иной «старины», становившейся жертвой уничтожения и спекуляции. При этом соответственно остроте переживаемых социальных пертурбаций обострялась проблема охраны памятников истории, в частности письменных. Так, с началом первой мировой войны Академия наук предприняла ряд мер для охраны исторических памятников в районах военных действий: в ноябре 1914 г. была избрана комиссия по охране исторических памятников и научных коллекций в этих районах и утверждена инструкция уполномоченному комиссии, включавшая предписание

собирать и эвакуировать из угрожаемых районов письменные памятники¹⁸. В 1915—1916 гг. на Кавказском фронте в качестве уполномоченного комиссии действовал сотрудник Азиатского музея С. В. Тер-Аветисян. Инструкция для него была подготовлена академиком Н. Я. Марром. Ему удалось собрать и эвакуировать несколько сотен восточных рукописей, обреченных на гибель, потому что они были брошены владельцами, покинутыми район военных действий¹⁹. Как известно, еще явственнее выступила собирательская работа археографов в организации охраны письменных памятников в революционные годы.

Ощущение «обреченности» потерявшей свой статус старины вызывало к тому же у Срезневского скептическую оценку дальнейших перспектив собирательской работы на Севере и в других районах России. Он считал возможности собирания в основном исчерпанными в результате своих поездок. Со временем советским археографам удалось открыть новые горизонты собирания. Но воззрения, возникшие в начале века, обусловили постепенный переход археографов Библиотеки Академии наук от экспедиционной работы к покупке сложившихся собраний местных любителей старины. Такая покупка в основном осуществлялась через агентов, связи с которыми устанавливались археографами в ходе экспедиций. В рассматриваемый период было приобретено значительное число таких собраний²⁰.

Представления о случайности приобретений, об угрозе физическому существованию памятников вели археографов к мысли, что рукописи могут быть сохранены для научного использования только в стенах централизованных хранилищ. Соответственно, когда частновладельческое собрание обследовалось археографом, это был обычно лишь шаг к последующему приобретению рукописей. В связи с этим экспедиционная работа в изучаемое время имела тот же недостаток, что и в предшествующие десятилетия: разрушались сложившиеся собрания рукописей, ухудшались условия изучения бытования письменности. Однако в определенном противоречии с этой тенденцией развиваются новые черты в работе собирателей. В. И. Срезневский, Н. Е. Ончуков, как и А. А. Шахматов, в своих отчетах рисуют очень обстоятельную картину состояния рукописной книжности в разных районах страны²¹. Такое направление работы, подкрепленное наметившейся тенденцией к описанию сложившихся местных собраний, вело к исследованию распространения книжной культуры «в среде бытования». Характерно, что, обсуждая вопрос о возможности новой археографической экспедиции для собирания актов материала, Н. П. Павлов-Сильванский видел ее задачу не в отборе отдельных важнейших актов, а в установлении (путем развития описания) важнейших собраний актов и определении их сравнительной важности в плане издания²². В конце изучаемого периода противоречивые тенденции собирания были в известной мере уравновешены в деятельности И. И. Ульянова, собиравшего по заданию Академии наук материалы, относящиеся к войне. Программа работы Ульянова была комплексной: он собирал «солдатские дневники, письма, заговоры, песни, стихотворения; списывал надписи на крестах братских могил; вел и записывал беседы с солдатами, офицерами, полковыми священниками, врачами, сестрами милосердия и другими участниками войны; а также просил разные тыловые учреждения направлять, при случае, материалы в Рукописное отделение Библиотеки Академии»²³. Как видно, «археографическая» часть этой программы предусматривала сбор документов, непосредственно создаваемых в «среде бытования», что предвосхитило некоторые методические идеи нашего времени²⁴.

Можно отметить некоторые черты бытования книжности, установленные археографами в ходе экспедиций. По их наблюдениям, осведомленность и даже просто грамотность большей части «случайных» держателей рукописей были, как правило, весьма низки. Срезневский жаловался, что «самое понятие о писаных книгах мало кому ясно», часто их путают с печатными (церковной печати)²⁵. В среде старообрядцев, в значительной

части формально отошедших от «раскола», умение читать старые книги постепенно понижалось. Срезневский даже вывел закономерность: «Степень уважения к старой книге и знание ее оказывается обратно пропорциональным развитию общей грамотности и православия»²⁶. Свообразным уровнем образованности и специфическими интересами характеризовались профессиональные скупщики, главные конкуренты археографов. Ончуков отмечал, что скупщики, снабжавшие книгами богатых старообрядцев, покупали книги, главным образом старопечатные допетровские или рукописи полемического содержания и певческие. При этом требовалось, «чтобы книга была цела, так как предназначалась она для практических целей: для службы, для назидательного чтения. . .». Рукописи «гораздо большей научной ценности», но скромные на вид или отрывочные оценивались гораздо дешевле, за них просили «иногда совсем гроши»²⁷. Некоторые из старообрядцев, сделавшихся сотрудниками археографов по собиранию рукописей, постепенно становились настоящими специалистами. Такова была судьба Ф. А. Каликина²⁸, снабжавшего старообрядческой литературой В. Г. Дружинина.

Субъективные особенности собирательской работы определялись не только особенностями подготовки археографа, но и принадлежностью его к определенному типу культуры. Если Срезневский был для старообрядца — владельца рукописи «чужим», да и для него старообрядческая книжность оставалась внеположным объектом изучения, то Каликин сам был старообрядцем, и древнерусская книжность была для него собственной культурной стихией. Способность проникнуться той культурой, которую представляют книжники-старообрядцы, является весьма существенной предпосылкой успешной собирательской работы в соответствующей среде. Так, именно «отношение к древности как к живому наследию, как к органическому элементу современности» облегчало установление контактов с начетчиками — владельцами рукописей одному из крупнейших советских археографов В. И. Малышеву²⁹. В этом смысле Срезневский оставался на другом культурном «полюсе», что отразилось в его ориентации преимущественно на поддержку местных властей. Большая часть светской и духовной администрации оказывала ему содействие в работе, но данная ориентация создавала препятствия в налаживании контактов с населением, в первую очередь со старообрядцами и сектантами. Срезневский жаловался, что «не везде. . . показывали с полной охотой свои книги; в некоторых местах спервоначала боялись. . .». Один из крестьян боялся показывать свои рукописи, «потому что слышал, что книги собирают, чтобы сжечь»³⁰. В такой обстановке еще более выступала потребность в вербовке агентов из среды местного населения, чем Срезневский занимался уже целенаправленно³¹.

В рассматриваемый период продолжалось обследование и собирание материалов по русской истории в иностранных архивах и библиотеках. По заданиям Академии наук в разных странах работали В. Н. Бенешевич, Ф. А. Браун, Э. А. Вольтер, Ю. И. Клецанда, В. А. Кордт, А. Л. Петров, С. Л. Пташицкий, П. А. Сырку, О. В. Тер-Аветисян, Ф. И. Успенский, В. Н. Щепкин, Ю. Я. Яворский, А. И. Яцимирский и др. С 1903 г. была учреждена должность ученого корреспондента Академии в Риме, в чьи функции входило обследование итальянских архивов и библиотек, описание их фондов, относящихся к русской истории, и подготовка документов к изданию³². Занявший эту должность Е. Ф. Шмурло подчеркивал систематический характер предпринимаемой работы.

Таким образом, если для XIX в. было характерно в основном «коллекционное» собирание рукописей, то в начале XX в. собирательство стремится к систематическому охвату материала, появляются первые опыты изучения рукописей в среде, их создавшей. А. С. Лаппо-Данилевский считал, что собирание письменных памятников «не имеет большого теоретического значения, если собираемые материалы не подвергнуты дальнейшей критической оценке; в противоположность археологическому коллекционерству, коллекционерство археографическое само по себе

маловажно, хотя и может повести к практически важным последствиям»³³. Отход от коллекционерства вел археографов начала XX в. к пересмотру значения собирательства, в частности оно начинало приоткрывать дотоле неизвестные глубины народной книжной культуры. Зарождалось представление о собирании, идентификации и определении места письменных памятников в историко-культурном окружении как о задачах археографии³⁴.

От изменившихся задач полевой археографии следует перейти к рассмотрению проблем археографии камеральной, проблем описания рукописей. Возникшие в начале XX в. труды в данной области сравнительно недавно стали не только восприниматься в качестве справочников, но рассматриваться как факты истории археографии. Обыкновенно историки специальных дисциплин сосредоточивались на характеристике классических трудов XIX в. — А. Х. Востокова, А. В. Горского и К. И. Невострюева. Но уже Д. С. Лихачев обратился к состоянию описательной работы в начале XX в. в своей книге, вышедшей в 1962 г., причем нашел, что положение с описанием мало в чем изменилось за истекшие с той поры полвека³⁵. В ряде работ изучено развитие описания рукописей в отдельных крупных хранилищах³⁶, в связи с чем, естественно, затрагивается и изучаемый нами период, принесший в области описания существенные практические и теоретические результаты.

79785

Следует отметить прежде всего количественный рост описаний рукописей, появившихся в рассматриваемое время. Значительное увеличение числа описаний как общественных, так и частных собраний отмечал в своих обзорах новых трудов по источниковедению русской литературы В. Н. Перетц³⁷, а также фиксировала, хотя и явно неполная, библиография³⁸. Крупные публикаторские начинания этого времени предусматривали описание рукописей в качестве предварительного этапа работы. Так, когда М. И. Сухомлиновым и А. А. Шахматовым был выдвинут проект издания собрания сочинений русских писателей (начиная с XI в.) с привлечением всех известных списков того или иного произведения, на очередь встал вопрос о предварительном описании этих списков, переросший затем в широкую задачу описания рукописей всех отечественных хранилищ. В деятельности образовавшейся в 1901 г. Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы созрела идея о составлении сводного каталога древнерусских рукописных книг (первоначально — до XIV в.)³⁹. Разрабатывая план издания архивных документов XVI—XVIII вв., А. С. Лаппо-Данилевский предусматривал предварительное описание грамот Коллегии экономии по тем хранилищам, где они отложились, и составил формуляр такого описания⁴⁰. Проект тотального описания актового материала для установления сравнительной важности того или иного собрания актов и определения перспектив издания предложил, как уже говорилось, Н. П. Павлов-Сильванский. Разработанный Лаппо-Данилевским проект издания памятников русского законодательства XVII—XIX вв. провозглашал необходимость привлечь к такому изданию все рукописные тексты; для предварительного описания этих рукописей, дел и документов был составлен проект правил⁴¹. Задачу дать «подробное и по возможности исчерпывающее описание летописных сборников» по хранилищам выдвинул в специальной записке А. А. Шахматов⁴². Описание понималось им как часть более общей задачи ввести в оборот науки «путем полных изданий или только извлечений, описаний все памятники нашего летописания»⁴³. Во всех этих случаях описание так или иначе связывалось с подготовкой издания рукописей, занимая подчиненное по отношению к последнему положение. Важно отметить появление представлений о систематическом своде памятников определенной категории, включающем как издания, так и описания.

В рассматриваемое время возникли, однако, и самостоятельные работы, рассматривавшие дело описания рукописей в теоретическом плане. Практика описания, представляя собою непосредственную исследовательскую работу, обычно теоретических обобщений не включает. Они являются

результатом рефлексии, переработки конкретного опыта археографа. Такие теоретические обобщения формировались в виде правил описания и учебных курсов.

Обстоятельно разработал проект описания древнерусских рукописей В. Н. Перетц, представив его в качестве доклада Тверскому областному археологическому съезду⁴⁴. Появление этого проекта можно поставить в связь с опытом «археографических экскурсий» семинария Перетца, в ходе которых проводилось описание рукописей провинциальных и ряда центральных хранилищ⁴⁵, а также с работой Перетца по анализу выходящих из печати описаний, отразившейся в обзорах и рецензиях⁴⁶.

Раскрыв значение описаний и каталогов рукописей как «каталога к библиотеке» для исследователя, автор проекта остановился на явлении методической пестроты имевшихся описаний, выделив два их основных типа — краткое описание, сообщаемое основные данные о рукописи, и распространенное, сопровождающееся исследованием. Перетц отмечал достоинства последнего типа, представленного трудами классиков археографии XIX в., которые «вносили в описание не только внешние признаки рукописей, исчисляли статьи с указанием начал и источников, известных или предположительных, но и давали целые исследования о языке и достоинствах перевода того или другого описываемого ими сочинения»⁴⁷. Указывая на «значительные шаги вперед в изучении литературы, палеографии, языка с его историей и диалектологией», сделанные с середины XIX в., Перетц считал, что задача составителя описания рукописей сильно облегчилась, так как он может «внести с меньшим трудом много такого в свое описание, чего не знали или что игнорировали» старые ученые.

Совокупность требований к современному описанию представлялась Перетцу в следующем виде. Уже в изложении сведений о внешнем виде присутствует субъективный, исследовательский момент. После указания инвентарного номера и старых номеров рукописи следует ее наименование и указание редакции памятника, причем обязательна ссылка на мнение ученого, эту редакцию установившего. Далее указывается вид рукописи: сборник, конвюлет или сборник постоянного состава. Приводится число листов или тетрадей с указанием чистых листов. Описывается материал рукописи с указанием знака бумаги. Определяется век или приблизительная дата, если нет точной. Для обоснования датировки приводятся палеографические особенности почерка, особенности языка диалектологические и орфографические, цитируются записи о времени написания, о переходе книги от одного владельца к другому, о ее цене. Далее дается построчное описание с обозначением самих мелких статей, с указанием начала текстов и первых стихов поэтических произведений. Затем должны следовать сведения, оригинальный ли текст содержит рукопись, а также указание исследований, причем не только данного манускрипта, но и произведений, в нем содержащихся. От «идеального» описания Перетц требовал «внимания к искусству» — указания и определения орнамента, инициалов, особенностей композиции миниатюр, характеристики красок, описания переплета, включая особенности его материала. Отдельно отмечал ученый важность снабжения описаний указателями.

Работа А. И. Яцимирского по описанию славянских рукописей протекала в основном в зарубежных книгохранилищах⁴⁸. В одном из отчетов, представленных в Академию наук, он обобщил приемы, применявшиеся при описании в течение ряда лет⁴⁹. Яцимирский приводил в начале описания «данные внешние библиографические»: определял содержание рукописи, эпоху или дату, формат, материал, число листов. Затем следовали «данные собственно палеографические»: определение письма, его характеристика, отличия разных почерков, число строк на странице, знаки препинания и надстрочные, особые написания и употребления букв. Далее помещались «данные для истории славянского искусства»: описание заставок, инициалов, миниатюр и других украшений. К числу лингвистических данных относились определение языка, правописания

или школы, сюда включались выписки отдельных форм или отрывков как образцов языка, глоссы на полях и в тексте. «Данные историко-культурные» включали записи о времени написания, продаже и покупке, пожертвовании, переплете и о дальнейшей судьбе рукописи, записи исторического содержания, не имеющие ближайшего отношения к рукописи. В первых своих описаниях Яцимирский давал также «археологические, географические, исторические, библиографические, биографические и иные справки» по поводу записей, однако отказался от них под влиянием отрицательного отзыва Х. М. Лопарева в рецензии на «Славянские и русские рукописи румынских библиотек» Яцимирского⁵⁰. Наконец, ученый сосредоточивался на историко-литературных данных: описывал состав рукописи, порядок отдельных частей ее, состав статей сборников смешанного содержания, перечислял прибавления в рукописях определенного состава.

В своих описательных работах оба упомянутых ученых руководствовались своими схемами, не всегда, правда, развертывая схему во всех элементах при описании конкретных памятников. Однако многообразие и сложность выделяемых этими схемами параметров рукописей рождали противоречие: профессионально владеть столь сложной методикой мог далеко не всякий археограф. Попытки организовать систематическое описание сложившихся книгохранилищ по схемам, подобным приведенным, упираясь в недостаток компетентных специалистов, обычно не приводили к успеху. Так, предпринятое Рукописным отделом Библиотеки Академии наук описание (при составлении Охранной описи) исходно имело столь же широкую программу, но вскоре составители должны были ограничиться «по преимуществу внешним описанием рукописей без разбора их языка, без сличений с другими текстами (а в переводных памятниках — с оригиналами) и без определения редакций и изводов»⁵¹. Тем не менее даже при указанных отступлениях дело оказалось слишком трудоемким и было отложено⁵².

Нараставшая сложность описания рукописей вела в первую очередь к специализации этого вида научной деятельности. В начале века активно усиливалась и осознавалась специализация труда археографа. И. Ф. Колесников считал, что «археографические работы могут и должны вестись независимо от тех или иных исторических работ. . . Труд археографа, требующий от него широкого образования, общего и специального, большой опытности и навыка в работе, — все-таки только труд чернорабочего, и его работа — черновая работа» по подготовке материала для исторического исследования⁵³. Появилось представление о различии задач археографии и архивоведения в области описания. Так, А. П. Воронов выделял два основных типа описания — краткое инвентарное и подробное научное, с указанием в описи «мест наиболее любопытных с научной точки зрения»⁵⁴. С. В. Рождественский склонен был считать задачей археографов работу с отдельными памятниками, а архивистов — с комплексами документальных материалов (фондами)⁵⁵.

Такая специализация, выражавшая по существу самоопределение археографии в качестве научной дисциплины⁵⁶, сопровождалась осознанием необходимости специального обучения археографов, описывающих рукописи, а для этой цели — созданием учебных курсов и пособий. Одно из первых такого рода пособий — глава «Описание рукописей» в учебнике русской палеографии В. Н. Щепкина, в основе которого — лекционный курс, читавшийся с 1910 г.⁵⁷ Щепкин дал такую схему «самого краткого описания»: обозначение названия памятника, года или века его возникновения, материала, формата, характера алфавита и почерка, счет листов. Далее должен быть обозначен извод рукописи, т. е. место ее написания. Требовалось описать водяные знаки бумаги, вязь, орнамент, миниатюры, чернила и краски, вклеенные в рукопись гравюры. Отдельным и сложнейшим вопросом считал ученый определение литературного состава памятника, посвятив практически всю главу учебника разъяснению основных понятий исследования истории текста древне-

русских литературных произведений. В описании далее приводились прямые и косвенные даты, позднейшие записи и приписки, подробная характеристика особенностей переплета. Щепкин склонен был все рубрики своей схемы, помимо названия и литературного состава рукописи, считать объектом палеографического исследования и поэтому описание рассматривать как преимущественно палеографическую задачу. В этом проявилось стремление ученого опереться в преодолении субъективности составителя описания на данные сравнительно точной (притом единственной) дисциплины. Однако субъективные моменты присутствуют в таких элементарных на первый взгляд операциях, как определение характера почерка и стиля миниатюр, не говоря уже о датировке. В итоге схема Щепкина, оставаясь несколько усеченной схемой археографического описания, не помогла преодолеть субъективности описательной работы.

В своих лекционных курсах и учебных пособиях В. Н. Перетц развил и несколько дополнил ту схему описания, которую он наметил в более раннее время⁵⁸. Для взглядов Перетца наиболее характерно начавшееся осознание неизбежной ограниченности возможностей всякого описания. Такое осознание вело к пониманию того факта, что современное исследование находится на определенной ступени исторически развивающегося познания, а субъективность, понятая в своем историческом измерении, тем самым ограничивается. Поэтому ученый одним из первых отошел от ориентации на старые образцы описания как пособия по методике описания нового (такая ориентация свойственна, например, Щепкину⁵⁹). Перетц возражал и против сообщения составителем описания только своих выводов о содержании, дате, авторе рукописи, и против некритического переноса в описание элементов памятника: его самоназвания, даты, перечня филигранных, начертаний букв и т. п. По его мнению, для описания годятся только выводы составителя (или его предшественников), подкрепленные доказательным конкретным материалом. В описаниях, составленных самим Перетцем, как и в других лучших описаниях этого периода, читателю была представлена система доказательств утверждений составителя.

Осознание исследовательского характера всякой работы по описанию рукописей приводило к пониманию того, что логика построения памятника и логика исследования — различные вещи, что описание должно осуществлять «перекодирование» языка источника на язык науки. Чтобы удовлетворить требование точности описания, приходилось вдаваться в изучение построения памятника, его внутренней структуры. Ясно, что наиболее успешно описание актового материала и копийных книг актов могло осуществляться специалистом по дипломатике, а летописных сборников — специалистом по истории летописания. Методы же построения описаний оказывались связанными с целевым их назначением, с нуждами той дисциплины или исследовательской области, для представителей которой описание предназначалось⁶⁰.

Одну из первых попыток рассмотрения этих проблем предпринял П. Н. Шеффер, читавший курс лекций по «методологии археографии» сначала в Петербургском археологическом институте, а затем в университете. Литографическое издание этого курса вышло только в 1925 г.⁶¹, но сформировался он, видимо, ранее. Первая часть курса посвящена вопросу о научном описании памятников письменности.

Констатируя, что «для описания рукописей существуют более или менее установившиеся правила», Шеффер предупреждал, что «описание памятников письменности не есть только техническая работа, это прежде всего научная задача». Для ее выполнения «необходимо знакомство с особенностями памятника, являющимися результатом того, что он живет как рукопись, а не как произведение печатного станка, знакомство, хотя бы некоторое, с тем, как углубляются и уточняются методы работы над рукописями, независимо от их содержания». Связывая задачи описания с широким кругом наблюдений историко-литературного, палеографического и даже психологического характера, Шеффер по сути дела

толковал его как прикладную текстологию (если можно применить здесь этот позднее возникший термин). Сравнительно подробно рассмотрел учебные проблемы, возникающие в ходе описания: нумерация рукописей в хранилище и в описании и связь ее с систематизацией, наименование рукописей и роль научных традиций в унификации наименований, нумерация листов рукописи в связи с установлением однородности ее состава и в плане техники нумерации листов, значение определения формата, палеографическая характеристика почерка и его особенности, значение различных данных в датировке рукописи, вопросы описания художественных особенностей и переплета. Выделял Шеффер проблему характеристики содержания рукописи, настаивая на установлении отличий от имеющихся в научном обороте текстов данного памятника. В заключение Шеффер подчеркивал, что археограф должен быть хорошо знаком с научной литературой, постоянно следить за ней и стараться «быть вполне в курсе современного положения того или иного вопроса, чтобы быть в состоянии дать описание, стоящее на высоте тех требований, которые могут предъявляться к нему исследователями».

Таким образом, в развитии камеральной археографии в начале XX в. также можно наблюдать черты существенной новизны сравнительно с предшествующим временем. Главнейшие из них — распространение правил описания взамен господства обычая, рост осознания учеными теоретического значения описания и обусловленности его протекающими в науке процессами.

История эдиционной археографии в начале XX в. изучалась во многих работах, но изучена крайне неравномерно. Объем настоящей статьи не дает возможности обстоятельно изложить даже основные итоги издательской деятельности центральных научных учреждений России. Поэтому правильнее, кажется, сосредоточиться лишь на некоторых направлениях этой деятельности и на возникавших проблемах. Вместе с тем было бы неверно, исследуя процесс (а не итоги) издательской работы, ограничиваться рассмотрением, как это обычно делается, осуществленных изданий. Подчас незавершенные работы и замыслы больше дают для понимания «внутренних пружин» деятельности, чем готовые труды, скрывшие бури научного поиска под ровной поверхностью своих страниц.

Даже при беглом ознакомлении с источниками бросается в глаза значительное количество новых издательских начинаний, возникших на рубеже XIX и XX вв., причем наибольшее оживление приходится на 1898—1902 гг. В 1898 г. М. И. Сухомлинов и А. А. Шахматов выдвигают проект издания собрания сочинений древнерусских писателей. В 1900 г. Шахматов составляет проект по существу нового издания «Полного собрания русских летописей». В 1901 г. А. С. Лаппо-Данилевский выступает с планом издания архивных документов XVI—XVIII вв., главной идеей которого является подготовка «Сборника грамот Коллегии экономии», а в 1902 г. он же предлагает издать серию «Памятников русского законодательства», включающую законодательные источники с 1649 по 1831 г. В 1901 г. Н. П. Павлов-Сильванский формулирует проект нового издания «Актów Археографической комиссии». В 1907 г. И. А. Кубасов составил проект научно-популярного издания произведений русских писателей-классиков, в том же году преобразованный в проект «Академической библиотеки русских писателей». В 1916 г. по инициативе Исторического общества при университете Лаппо-Данилевский представил в Историко-филологическое отделение Академии наук проект издания «Собрания бумаг, сочинений и писем М. М. Сперанского». Этот перечень включает только проекты крупных серийных публикаций. Учитывая, что выдвижение большинства из них совпадает с началом деятельности в Академии наук и Археографической комиссии академиков Шахматова и Лаппо-Данилевского, заманчиво возложить ответственность за упомянутое явление на этих ученых. Но такое объяснение не кажется исчерпывающим. Скорее и приход указанных ученых в научные учреждения, и направление их работ там следует поставить в связь с развившимися к рассматривае-

тому времени потребностями русской науки в опубликованных источниках.

С одной стороны, эти потребности выступали в форме осознания несовершенства, отсталости источниковой основы научного исследования. По словам Н. К. Никольского, состояние издания и изучения памятников древнерусской литературы в начале XX в. было «аналогично тому уровню, на каком происходила разработка истории западноевропейской и византийской литератур приблизительно в первой половине XVII в., когда для нее еще не был собран и систематизирован фактический материал, необходимый для воспроизведения ее прошлого и для синтетического его освещения»⁶². С другой стороны, само развитие науки, проблематики исследований вело к расширению круга необходимых для него опубликованных источников. Упомянутая уже тенденция к экстенсивному расширению источниковой основы науки осознавалась учеными того времени прежде всего через призму обогащения тематики исследований, что в области философии истории связывалось с разрушением генерализующих схем и переходом к «точному» познанию фактов, предписанному позитивистской методологией. Как разрушающуюся историку конца XIX в. рассматривали прежде всего гегельянскую схему, усматривая ее влияние на историко-философские воззрения С. М. Соловьева и В. О. Ключевского⁶³. С. В. Рождественский писал о направлении развития данной эпохи: «С течением времени философская тенденция к отысканию общих начал, предрекающих пути исторического процесса, ослабела и уступила место стремлению к раскрытию конкретных линий этого процесса и к объяснению его закономерности в смысле эволюционного развития. Разрешение такой задачи должно было опираться уже не на единичные типичные памятники, а на такой массовый материал, разновидности которого открывали бы все разветвления сложного исторического процесса и освещали бы все оттенки его эволюции»⁶⁴. Таким образом, уже современникам была ясна связь изменений, происходивших в сфере источниковедения и издания источников, с эволюцией философских основ науки, мировоззрения ученых. Такая связь обстоятельно изучена в советской историографии, однако роль позитивизма в расширении источниковой основы исторического исследования обстоятельно еще не раскрыта. Появившаяся в последнее время историко-философская литература создает хорошие предпосылки для выполнения этой задачи⁶⁵.

Тот же С. В. Рождественский заметил, что с точки зрения тех требований науки, которые развились в конце XIX в., «горизонт археографической работы расширялся до последних пределов»⁶⁶. Действительно, известны многие высказывания историков и филологов о необходимости ввести в научный оборот всю массу имеющихся источников определенного вида. Ощущалась необходимость в расширении издания традиционных источников, таких, как летописи и акты. В важности для исследователя иметь тексты, по возможности, в опубликованном виде А. А. Шахматов мог, к примеру, убедиться уже в самом начале своего изучения общерусского летописания: рецензируя труды И. А. Тихомирова о летописании Северо-Восточной Руси, он видел одну из коренных причин неудачи автора в построении картины летописания в том, что им не были привлечены все списки рассматривавшихся летописных сводов⁶⁷. Следует отметить, что Тихомиров, директор гимназии в г. Троицке Оренбургской губернии, мог, конечно, пользоваться только опубликованными летописными текстами.

Широкая задача введения в научный оборот максимального количества материала немедленно ставила в порядок дня другую задачу — разобратся в материале, подлежащем введению в оборот, и определить первоочередный его комплекс с точки зрения интересов исследователей. Для этого следовало создать научное представление о системе источников, достигаемое развитием источниковедческого изучения. Идеи выработки систематических представлений об изучаемых материалах достаточно широко распространились в изучаемое время. Так, А. С. Лаппо-Дани-

левский во время обсуждения в январе 1901 г. в Археографической комиссии плана издания документов Приказа тайных дел «заметил о том, что желательнее было бы выработать план будущих изданий Комиссии по части документальной, в котором точнее было бы указано относительное значение разнообразных групп документов, а следовательно, и той последовательности, в какой должно приступать к их изданию; в противном случае случайные заявления о важности какой-либо отдельной группы документов не могут быть оценены по достоинству»⁶⁸. Незадолго до того, в декабре 1900 г., А. А. Шахматов представил в Комиссию записку, содержащую план, по сути дела, нового издания Полного собрания русских летописей.

Как известно, в 70-х годах XIX в. издание этой серии почти прекратилось, новые издания древнейших летописей выходили без указания на их принадлежность к одному целому, хотя продолжалось издание в Полном собрании Никоновской летописи и Летописи Авраамки.

Шахматов предложил восстановить издание летописей в составе одной общей серии, которую он считал нужным называть по-прежнему «Полным собранием русских летописей». Как полагал ученый, «в этом названии заключается программа; оно требует от учреждения, предпринявшего подобное издание, целесообразных усилий для его выполнения». Основной смысл плана Шахматова сводился к тому, чтобы обеспечить вхождение в Полное собрание не случайных, произвольно выбранных памятников летописания, а издание всех русских летописей, «хотя и постепенное, но систематическое»⁶⁹.

Ссылаясь на опыт издателей летописей, формулировал свой проект нового издания древнерусских актов Н. П. Павлов-Сильванский. В качестве новейшего достижения археографии в указанном направлении он рассматривал «дело издания актов по другому (сравнительно с серединой XIX в. — С. Ч.) плану — обширными полными коллекциями документов различных учреждений». А очередная задача, по мнению ученого, вести это дело «плановмерно, заранее наметив подлежащие изданию коллекции и постепенность издания их, соответственно их важности», для чего «следовало бы общими силами ученых взвесить сравнительную важность различных собраний и составить план постепенного издания важнейших собраний, для руководства научных учреждений и отдельных исследователей»⁷⁰.

В 1904 г. В. Г. Дружинин вновь подчеркивал необходимость «выработать план издания материалов, который, будучи приведен в исполнение, сообщил бы последующим изданиям Комиссии характер систематического издания материалов». Признавая, однако, значительную трудность его составления, ученый считал ближайшей задачей «принятие мер к избежанию случайностей при выборе издаваемых памятников и актов». Наиболее действенной мерой Дружинин считал предварительное обсуждение вопроса о том или ином издании с привлечением специалистов⁷¹.

В 1904 г. в «Положение» об Археографической комиссии был включен пункт, относящийся к числу целей Комиссии систематическое издание источников отечественной истории⁷².

Определенным ответом на явно назревшие потребности систематизации издательской работы стали источниковедческие труды крупных русских ученых, нашедшие «выход» в область археографии. Перелом в изучении летописей, произведенный А. А. Шахматовым, непосредственно сказался на их издании. Шахматов первым понял летописные своды «как цельные труды старой русской книжности, преследовавшие свои определенные литературные и публицистические задачи, отнюдь не исчерпанные подбором практического материала разнородных известий в хронологическом порядке»⁷³. С этой точки зрения издание летописей сильно усложнилось. «Теперь совершенно недопустимым должно оказаться объединение при издании воедино тех летописных списков, которые признаны будут нами содержащими различные летописные своды, или использование с целью лишь приведения вариантов таких рукописей, которые на самом

деле являются не списками одного свода, а самостоятельными летописными сводами»⁷⁴. Новая теоретическая разработка эволюции русского летописания в трудах Шахматова вела к тому практическому выводу, что всякому изданию летописей должно предпосылаться детальное изучение подлежащих изданию рукописей с точки зрения их места в общей истории летописания.

Значение в области издания актового материала близкое к тому, какое имели работы Шахматова в издании летописей, приобрело издание Лаппо-Данилевским «Сборника грамот Коллегии экономии»⁷⁵. Как бы отвечая на созревшую потребность определить первоочередной для науки комплекс русских актов, Лаппо-Данилевский напечатал свой «План издания архивных документов XVI—XVIII вв.», обосновав в нем необходимость издания коллекции грамот Коллегии экономии. Состав этой коллекции представляет совокупность тех частей большинства архивов русских монастырей, которые создавались как результат экономической жизни духовных землевладельцев. Для развивавшегося в русской науке направления экономической истории такой комплекс источников был действительно первоочередным. Лаппо-Данилевский в ходе издания грамот Коллегии экономии предпринял попытку детального изучения дипломатики русских частных актов и на этой основе разработал принципы издания актового материала. До его трудов, по замечанию С. Н. Валка, при издании актов «либо ничем не руководились, либо, в лучшем случае, следовали элементарным приемам издания рукописного материала вообще, с пренебрежением (по сути дела, прямым незнанием) тех особенностей, которые вытекали из специфических отличий именно актового материала»⁷⁶.

Приступы к осуществлению плана издания сочинений древнерусских писателей таким же образом привели к изучению рукописей, в которых сохранился подлежащий изданию материал, а от них — к исследованию тех историко-литературных явлений, какие обусловили судьбу самих произведений в древнерусской письменности. По словам Н. К. Никольского, «стала очевидной необходимость расширить пределы подготовительных библиографических работ Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы, охватив ими не только всю оригинальную русскую литературу допетровских столетий, но и весь состав уцелевшей от этих столетий русской рукописной книжности в наивозможно полном ее объеме»⁷⁷. Нельзя признать случайностью крайне медленную работу над данной серией и небольшое количество осуществленных изданий: и здесь, как и в других случаях, формировалось требование предварительного изучения публикуемого памятника, так настоятельно приобретающее в наше время значение научного постулата⁷⁸.

Особую роль играли в рассматриваемый период правила издания. Нужно отметить, что весьма велико было количество появившихся новых правил: каждое из упомянутых издательских начинаний сопровождалось разработкой правил, кроме того, «кодификационную» работу в широких масштабах Археографическая комиссия. Правила издания, созданные в этот период, нуждаются в отдельном изучении, которое выявило бы все попытки упорядочить с их помощью издательскую работу и позволило бы раскрыть те идейные течения, какие в этих попытках проявились. Здесь можно привести только мнение С. Н. Валка о значении «Правил издания грамот Коллегии экономии»: «Они не столько вывод из наличной в русской литературе системы дипломатики, которой и нет, сколько практическая формулировка ее основных принципов и вместе с последней — указание пути, по которому должно пойти ее построение»⁷⁹.

Выявившиеся новые течения во всех областях русской археографии в начале XX в. позволяют считать, что вместе с другими специальными историческими дисциплинами она переживала в эти годы становление в качестве самостоятельного раздела историко-филологической науки. Многие тенденции, намечившиеся в ее развитии, получили продолжение уже в советские годы, когда они оказались весьма плодотворными с точки зрения

новой методологии. Представляется поэтому важным дальнейшее углубленное изучение различных аспектов истории отечественной археографии в рассматриваемый сложный и интересный период.

- 1 Краткий исторический очерк и обзор фондов Рукописного отделения Библиотеки АН СССР. М.; Л., 1960; История Библиотеки АН СССР. М.; Л., 1964; *Копанев А. И. В. И. Срезневский — библиотечкарь Библиотеки Академии наук.* — В кн.: Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. Л., 1973. Вып. 3. Об археологической деятельности академических учреждений см. также: *Щетинина Г. И.* Центры изучения истории в до-революционной Академии наук. — В кн.: История и историки. Историографический ежегодник. 1975. М., 1978.
- 2 [Отчет А. А. Шахматова о поездке в Архангельскую губернию в декабре 1900—январе 1901 г.] — Сб. ОРЯС. СПб., 1905, т. 80, с. ХХХII.
- 3 *Маяковский И. Л. Н. В. Калачов как историк-архивист: (Из истории русского архивоведения, 1860—1880-е гг.)* — ТМГИАИ. М., 1948, т. 4, с. 163; *Срезневский И. И.* Несколько припоминаний о научной деятельности А. Е. Викторова. — Сборник ОРЯС. СПб., 1881, т. 21, с. 5.
- 4 «Описи рукописных собраний в книгохранилищах северной России» А. Е. Викторова изданы посмертно (СПб., 1890).
- 5 Сб. ОРЯС, т. 80, с. ХХV.
- 6 ЛО ААН, ф. 134, оп. 2, д. 209; оп. 3, д. 1379. О деятельности Сибирцева см.: *Кошелев Я. П.* Заседания, посвященное памяти Ю. М. Сибирцева. — АЕ за 1978 год. М., 1979.
- 7 Сб. ОРЯС, т. 80, с. ХХVIII—ХХХII.
- 8 Об этом Срезневский писал Шахматову. — ЛО ААН, ф. 134, оп. 3, д. 1458.
- 9 *Срезневский В. И.* Отчет о поездке в Вологодскую губернию. — ИОРЯС. СПб., 1902, т. VII, кн. 3, с. 271.
- 10 *Иванов Г. М.* Исторический источник и историческое познание. Томск, 1973.
- 11 Там же, с. 55.
- 12 *Пресняков А. Е.* Отчет о работе по изучению летописания в 1901 г. — Сб. ОРЯС. СПб., 1902, т. 71, с. 56—58.
- 13 *Срезневский В. И.* Отчет о поездке в Вологодскую губернию, с. 270.
- 14 *Срезневский В. И.* Поездка в Петро-заводск и Заонежье. (Июнь 1903 г.) — ИОРЯС. СПб., 1904, т. 9, кн. 3, с. 19—36.
- 15 *Тверская Д. И.* О некоторых итогах развития полевой археографии на территории СССР в послевоенный период. — История СССР, 1976, № 1, с. 124.
- 16 *Срезневский В. И.* Поездка в Петро-заводск и Заонежье, с. 20.
- 17 *Срезневский В. И.* Отчет о поездке в Вологодскую губернию, с. 270.
- 18 ИАН, 1915, № 3, с. 161—163.
- 19 ИАН, 1915, № 16, с. 1711—1719; № 18, с. 1893—1894.
- 20 История Библиотеки Академии наук, с. 285 и след.
- 21 Кроме отчетов Шахматова и Срезневского, см.: *Ончуков Н. Е.* Петерская старина. — ИОРЯС. СПб., 1905. Т. 10, кн. 3.
- 22 *Павлов-Сильванский Н. П.* Погрешности актов Археологической экспедиции. — ЛЗАК за 1904 г. СПб., 1907, вып. 17, с. 31—32 отд. паг.
- 23 Отчет о деятельности ОРЯС имп. Академии наук за 1915 г. Пг., 1915, с. 72.
- 24 О сборе, учете и использовании документальных памятников истории и культуры: (Рекомендации руководителю поисковой и музейной работы общественных музеев). М., 1981.
- 25 *Срезневский В. И.* Отчет о поездке в Вологодскую губернию, с. 260.
- 26 *Срезневский В. И.* Поездка в Петро-заводск и Заонежье, с. 20.
- 27 *Ончуков Н. Е.* Петерская старина, с. 212.
- 28 *Поньрко Н. В.* Федор Антонович Калинин — собиратель древних рукописей. — ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35; *Бубнов Н. Ю. В. Г.* Дружинин и его лекция старообрядческих рукописей. — Наст. изд.
- 29 *Панченко А. М. В. И.* Малышев как археолог. — АЕ за 1977 год. М., 1978, с. 217.
- 30 *Срезневский В. И.* Поездка в Петро-заводск и Заонежье, с. 21—22.
- 31 См. об этом в его письме к А. А. Шахматову: ЛО ААН, ф. 134, оп. 3, д. 1458, л. 8.
- 32 Россия и Италия: Сб. исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. СПб., 1907, т. 1, вып. 1, с. II—III.
- 33 Рукописные заметки в архиве А. С. Лашо-Данилевского. — ЛО ААН, ф. 113, оп. 1, д. 207, л. 127.
- 34 *Черных В. А.* О предмете археографии и ее месте в кругу смежных научных дисциплин. — СА, 1976, № 6, с. 51.
- 35 *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. М.; Л., 1962, с. 103 и след.
- 36 См. статьи в кн.: Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Л., 1981.
- 37 *Перетц В. Н.* Новые труды по источниковедению русской литературы. — Университетские известия. Киев, 1905, № 4, с. 1.
- 38 *Смирнов И. М.* Указатель описаний славянских и русских рукописей отечественных и зарубежных книгохранилищ. Сергиев Посад, 1916.
- 39 *Никольский Н. К.* Задачи и краткий очерк деятельности Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы. Л., 1929, с. 9, 10.
- 40 Приложение к протоколу заседания Историко-филологического отделения АН от 10 января 1901 г. — ЛО ААН, ф. 1, оп. 1а, д. 148.
- 41 АЛОИИ, ф. 276, оп. 1, д. 178.

- ⁴² Археографические проекты А. А. Шахматова. — АЕ за 1973 год. М., 1974, с. 294.
- ⁴³ ЛЗАК за 1900 г. СПб., 1901, вып. 13, с. 34.
- ⁴⁴ *Перетц В. Н.* К вопросу о рациональном описании древних рукописей. Тверь, 1905.
- ⁴⁵ *Адрианова-Перетц В. П.* Археографические и источниковедческие труды В. Н. Перетца. — АЕ за 1968 год. М., 1970; *Розов Н. Н.* О возрождении традиций академика В. Н. Перетца в археографических экспедициях. — АЕ за 1971 год. М., 1972.
- ⁴⁶ См. список в кн.: *Перетц В. Н.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв. М.; Л., 1962.
- ⁴⁷ *Перетц В. Н.* К вопросу о рациональном описании древних рукописей, с. 7.
- ⁴⁸ О его трудах см.: *Матковская А.* Яцимирский Александр Иванович: (Библиографический справочник). Кишинев, 1979.
- ⁴⁹ [Отчет А. И. Яцимирского о работе в венских библиотеках по описанию славянских рукописей]. — Сб. ОРЯС. СПб., 1908, т. 84, с. 58—60.
- ⁵⁰ Сб. ОРЯС. СПб., 1906, т. 82, № 3.
- ⁵¹ *Срезневский В. И.* Предисловие. — В кн.: Охранная опись Рукописного отдела БАН. СПб., 1905, т. 1, с. 1.
- ⁵² *Копанев А. И.* Научное описание как основной метод раскрытия рукописных фондов Библиотеки АН СССР. — ТБАН и ФБОН АН СССР. М.; Л., 1958, т. 3, с. 134.
- ⁵³ *Колесников И. Ф.* Древние рукописи: (От памятника старины до исторического источника). — Отчет Московского археологического института. М., 1914, с. 19, 20.
- ⁵⁴ *Воронов А. П.* Архивоведение. СПб., 1904, с. 21.
- ⁵⁵ *Рождественский С. В.* Историк—археолог—архивист. — АД, 1923, вып. 1, с. 3—6.
- ⁵⁶ Процессы дисциплинарной организации знания в источниковедении характерны для начала XX в. Об этом автор делал сообщение на симпозиуме по историографии в ноябре 1982 г.
- ⁵⁷ *Щепкин В. Н.* Русская палеография. 2-е изд. М., 1967, с. 162 и след.
- ⁵⁸ *Перетц В. Н.* Из лекций по методологии истории литературы. Киев, 1914, с. 241—244.
- ⁵⁹ *Щепкин В. Н.* Русская палеография, с. 165.
- ⁶⁰ Отчетливо выявилось значение этого позднее. Так, Д. С. Лихачев (Текстология, с. 109—112) подчеркивает, что предложенная им схема описания предназначена для текстолога.
- ⁶¹ *Шеффер П. Н.* Археография: Курс, читанный в 1924/1925 учеб. г. — АЛООИ, ф. 297, оп. 1, д. 209, л. 1—6 об.
- ⁶² *Никольский Н. К.* Задачи и краткий очерк деятельности. . . , с. 2.
- ⁶³ *Пресняков А. Е.* С. М. Соловьев в его влиянии на развитие русской историографии. — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР: Сб. статей. М.; Л., 1963, с. 76—86.
- ⁶⁴ *Рождественский С. В.* Историк—археолог—архивист, с. 3.
- ⁶⁵ *Шкуринов П. С.* Позитивизм в России XIX в. М., 1980.
- ⁶⁶ *Рождественский С. В.* Историк—археолог—архивист, с. 3.
- ⁶⁷ *Шахматов А. А.* Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной». — В кн.: Отчет о сороковом присуждении награды графа Уварова. СПб., 1899, с. 130.
- ⁶⁸ ЛЗАК за 1901 г. СПб., 1902, вып. 14, с. 6.
- ⁶⁹ ЛЗАК за 1900 г., вып. 13, с. 33.
- ⁷⁰ *Павлов-Сильванский Н. П.* Погрешности актов. . . , с. 30—35.
- ⁷¹ ЛЗАК за 1904 г., вып. 17, с. 6, 7.
- ⁷² Там же, с. 2, 3.
- ⁷³ *Пресняков А. Е.* А. А. Шахматов. — Дела и дни. Пг., 1920, кн. 1, с. 613.
- ⁷⁴ *Валк С. Н.* Советская археография. М.; Л., 1948, с. 134.
- ⁷⁵ История этого издания изучалась С. Н. Валком. См.: *Копанев А. И.* Археографическая деятельность А. С. Лаппо-Данилевского в освещении С. Н. Валка. — ВИД, Л., 1978. Сб. 9.
- ⁷⁶ *Валк С. Н.* Века: Исторический сборник. Пг., 1924, кн. 1, с. 168. — Рец. на книги: Сборник грамот Коллегии экономики. Пг., 1922. Т. 1; Правила издания Сборника грамот Коллегии экономики. Пг., 1922.
- ⁷⁷ *Никольский Н. К.* Задачи и краткий очерк. . . , с. 7—8.
- ⁷⁸ *Лихачев Д. С.* Текстология, гл. 13.
- ⁷⁹ Века: Исторический сборник, кн. 1, с. 169.

Ю. А. Петросян, Э. Н. Тёмкин

**ИЗУЧЕНИЕ СОБРАНИЯ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР.
ОПИСАНИЕ ФОНДОВ,
ИЗДАНИЕ И ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕКСТОВ**

Собрание восточных рукописей Института востоковедения АН СССР имеет долгую и славную историю. Первые приобретения, положившие начало этому собранию, относятся еще к петровским временам. С созданием Азиатского музея Академии наук в 1818 г. началась большая и систематическая работа отечественных востоковедов по собиранию письменных памятников народов Востока. В этой работе принимали участие не только хранители Азиатского музея, не только востоковеды, но и российские государственные деятели, дипломаты, путешественники, ученые разных учреждений и специальностей. Будучи на Востоке, они чаще всего на свои собственные средства приобретали восточные рукописи и таким образом пополняли коллекции музея ценнейшими памятниками восточной письменной культуры. Эта собирательская деятельность осуществлялась целым рядом поколений российских востоковедов и путешественников с глубоким сознанием важности совершаемой ими работы и искренним уважением к культурному наследию народов Востока¹.

Конечно, собрание восточных рукописей Института востоковедения АН СССР, который был создан в 1930 г. на базе Азиатского музея, формировалось не только за счет даров коллекционеров. Музей пополнял свои рукописные фонды и сам, расходуя свои, правда скудные, средства на приобретение восточных рукописей и организацию археографических экспедиций на Кавказ и в Среднюю Азию. Значительно обогатили рукописное собрание музея знаменитые археологические и географические экспедиции русских ученых в Центральной Азии и на Дальнем Востоке во второй половине XIX и в начале XX в.

Восточная книжная традиция знала не только рукопись, но и ксилографию, и литографию. Отпечатанные малыми тиражами с доски или камня тексты ценились так же высоко, как рукопись, и в наши дни они представляют собой не меньшую редкость, чем кодексы или свитки, изготовленные пером мастера-переписчика. Литография на Ближнем Востоке и ксилограф на Дальнем Востоке — важный элемент письменной культурной традиции. Естественно, что они нашли себе достойное место в собрании Азиатского музея.

Открытия российских географов и археологов в Центральной Азии в конце XIX—начале XX в. обогатили науку множеством уникальных текстов: сакских, санскритских, тохарских, согдийских, китайских, уйгурских, тангутских. Вместе взятые, они составляют одну из важнейших частей рукописного собрания Института востоковедения АН СССР и служат основой для многих исследований по актуальным проблемам истории и истории культуры народов Центральной Азии и Китая. Сенсационными были находки академика С. Ф. Ольденбурга (1909—1911 гг., 1914—1915 гг.) в Дуньхуане, составившие Дуньхуанский фонд китайских рукописей, С. Е. Малова и Н. Н. Кроткова, образовавшие уникальный фонд уйгурских рукописей, Н. Ф. Петровского, давшие уникальные памятники буддийского канона на санскрите и памятники на сакском и тохарском языках.

С. Ф. Ольденбург прибыл в Дуньхуанский средневековый буддийский монастырь после ряда экспедиций западноевропейских ученых. Значи-

тельная часть того, что было собрано С. Ф. Ольденбургом, — сохранившиеся в песке обрывки и клочки текстов некогда богатейшего хранилища рукописей. Усилиями реставраторов ЛО ИВАН (в первую очередь Г. С. Макарихиной) эти хрупкие, чудом уцелевшие клочки бумаги были возвращены к жизни и стали предметом научного описания и исследования. Заслуга обнаружения библиотеки на мертвом ныне тангутском языке принадлежит известному русскому путешественнику П. К. Козлову (экспедиция 1907—1909 гг.).

В наши дни рукописная коллекция Института востоковедения АН СССР является крупнейшим в СССР и одним из самых крупных в мире собранием первоклассных рукописных источников по социально-экономической, политической и культурной истории народов Востока. Изучение этих письменных памятников позволяет исследователям исторического и культурного прошлого народов Востока правильно понять и оценить вклад этих народов в сокровищницу мировой культуры.

Собранные в коллекции Института востоковедения рукописи и ксилографы дают довольно полную картину развития письменности в странах Востока, позволяют на конкретном материале изучать весь процесс становления и развития письменной культуры — от написания первых документов (на дереве, коже, бересте, пергамене, бумаге) до развития книгопечатания на Востоке.

В составе собрания — около 100 тыс. рукописей и ксилографов. В нем представлено более 60 восточных языков. Материалы этого собрания можно разделить на две большие группы. В первую входят рукописи, документы и ксилографы на языках, существующих в наши дни. Эту группу материалов образуют крупные коллекции на иранских, тюркских и арабском языках; в ней богато представлены рукописные памятники и ксилографы на китайском, японском, маньчжурском, тибетском, монгольском, армянском и грузинском языках, а также коллекция индийских рукописей. Вторую группу образуют письменные памятники на исчезнувших ныне восточных языках — египетские и коптские папирусы, сирийские и самаритянские, санскритские и согдийские рукописи, тангутские рукописи и ксилографы. Отличительной чертой рукописного собрания ЛО ИВАН является то, что в его составе имеется ряд совершенно уникальных фондов — памятники тангутской письменности, фонд согдийских документов, редкое собрание документов на уйгурском языке, крупнейшее собрание китайских рукописей из Дуньхуана, уникальная коллекция древних буддийских текстов на санскрите и сакском языке, одно из крупнейших в Европе собраний тибетских ксилографов.

В настоящее время изучение и издание памятников письменной культуры народов Востока — одно из центральных направлений деятельности ЛО ИВАН². Ученые-текстологи опираются в своей работе на богатые традиции отечественного востоковедения в области восточной текстологии. Исследованию восточной рукописной книги немало сил и таланта отдали выдающиеся представители советских востоковедов — В. М. Алексеев, В. В. Бартольд, Е. Э. Бертельс, И. Ю. Крачковский, Н. А. Невский, С. Ф. Ольденбург, И. А. Орбели, А. Н. Кононов и мн. др.

Хотя это собрание пополнялось в течение полутора веков, до сравнительно недавнего времени оно было описано только в некоторых обзорных статьях, характеризовавших выборочно отдельные фонды. Что же касается систематической планомерной научной каталогизации всего собрания, то эта работа началась сравнительно недавно (примерно в 1950 г.).

К этому же времени относится и начало разработки методики описания рукописей и принципов составления каталогов. Первоначально ее создавал коллектив Сектора восточных рукописей ЛО ИВАН. Основные принципы описания были опубликованы в первом каталоге, посвященном персидским и таджикским рукописям³. Эта общая схема описания была составлена таким образом, чтобы в каталоге были сведения об

авторе и содержании рукописи, об ее истории, палеографии, а также все библиографические сведения.

Эта общая схема была положена в дальнейшем в основу издававшихся позже описаний. В развернутом виде схема представлена в каталоге монгольских, бурят-монгольских и ойратских рукописей и ксилографов ⁴. Конечно, она использовалась применительно к разным фондам, с учетом их специфики. Например, китайские рукописи описывались по специальной схеме ⁵. Но большинство составителей описаний следовали схеме, опубликованной Н. Д. Миклухо-Маклаем и Л. С. Пучковским.

В рамках этой схемы составители каталогов и описаний значительное внимание уделяли установлению истории создания сочинения, определению характера списка, выявлению данных об авторе и переписчике, характеристике содержания рукописи и ее датировке. Тщательно собирались все сведения об описываемой рукописи — об изданиях и переводах самого сочинения или о данной рукописи в иных хранилищах. Выполненные по такой схеме описания фондов, естественно, представляют собой значительный вклад в науку, так как вводят в ее оборот источники первостепенного значения.

Вопросы методики описания рукописей постоянно находились в центре внимания ученых, описывавших рукописные коллекции ИВАН. В 1960—1966 гг., когда работа по описанию фондов велась особенно интенсивно, в ЛО ИВАН постоянно действовало Методическое бюро по описанию рукописей, которым руководил академик А. Н. Кононов. Бюро рассматривало общие вопросы методики на основе общей схемы, изучало и решало вопросы специфики описания отдельных фондов. В его работе постоянно участвовали 30—40 специалистов по разным фондам. Обсуждались образцы описаний в процессе подготовки каталогов, доклады по отдельным вопросам описания рукописей, изданные каталоги. Вопросы методики описания восточных рукописей оживленно обсуждались на двух специальных всесоюзных сессиях по восточной текстологии (Москва-1962, Ташкент-1963). Примечательно, что участники совещания в Ташкенте, собравшего востоковедов-текстологов из всех востоковедных центров СССР, постановили принять в качестве основы для полного научного описания восточных рукописей схему, выработанную в ЛО ИВАН ⁶, о которой шла речь выше.

Более четверти века работы по описанию фондов собрания ИВАН СССР выявили два типа научного описания фондов — полное тематическое и краткое алфавитное. Представляется оптимальным такой вариант, при котором фонд имеет изданный краткий алфавитный каталог, содержащий основные сведения о всех сочинениях и рукописях фонда, и специальные подробные описания, составляемые по тематическим рубрикам — исторические, географические, естественно-научные, литературно-художественные и т. д. К настоящему времени краткие каталоги имеют фонды персидско-таджикских рукописей, китайских ксилографов, дуньхуанских рукописей, арабских рукописей (находится в печати), подготовлены к изданию краткие каталоги монгольских и тангутских рукописей. Остальные фонды представлены подробными тематическими описаниями, число которых к сегодняшнему дню достигло 35 ⁷.

Специалисты считают, исходя из опыта работы по описанию рукописей нашего собрания, что подготовка «Кратких каталогов» крупных рукописных фондов — первоочередная задача, ибо такие каталоги делают фонды в сравнительно короткое время доступными ученым всего мира, а также позволяют хранителям и исследователям фонда составить точное представление о составе фонда и определить нужные направления полного научного описания и изучения рукописей ⁸.

Таковы в самых общих чертах те принципы, которыми руководствовался коллектив специалистов, более четверти века описывающий богатые фонды собрания восточных рукописей ИВАН СССР. Сейчас уже можно говорить о том, что почти все фонды введены в научный оборот.

Богатейший фонд рукописей на арабском языке представлен тремя изданными тематическими описаниями⁹. Весьма разнообразный по своему содержанию фонд персидских и таджикских рукописей к настоящему времени имеет изданный краткий алфавитный каталог и ряд тематических научных описаний многих разделов фонда¹⁰.

Работа по подготовке тематических описаний остальных разделов фонда продолжается. Издано описание небольшой, но весьма ценной по содержанию коллекции афганских рукописей на языке пашто¹¹, описание курдских рукописей¹², четыре тома описания тюркских рукописей¹³. Описан небольшой, но ценный фонд грузинских рукописей и документов¹⁴, подготовлено к печати описание армянских рукописей, хранящихся в библиотеках Ленинграда. Фонд монгольских рукописей и ксилографов представлен одним изданным томом описания (история, право)¹⁵. Ведется составление краткого алфавитного каталога всего фонда монгольских, бурятских и калмыцких рукописей и ксилографов. Весьма разнообразный по языкам фонд индийских рукописей не имеет еще изданного краткого алфавитного каталога, но опубликовано тематическое описание рукописей на языках хинди и панджаби¹⁶. Материалы фонда китайских рукописей и документов из Дуньхуана описываются группой китаеведов. Первые два тома описания уже изданы¹⁷. Подготовлено к печати описание коллекции китайских ксилографов из Хара-Хото, изданы краткий алфавитный каталог фонда китайских ксилографов¹⁸ и краткий список отождествленных рукописей и ксилографов на тангутском языке¹⁹.

Издано описание маньчжурских рукописей²⁰. Подготовлено к печати описание маньчжурских ксилографов. Предварительные работы по инвентаризации и систематизации тибетских рукописей и ксилографов уже позволили выявить значительное число редких текстов. Важной задачей остается подготовка каталога этой ценной коллекции. Небольшой по численности, но весьма значительный по содержанию фонд корейских письменных памятников представлен сегодня полным научным описанием, изданным в двух выпусках²¹. В течение ряда лет успешно велась работа по описанию японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. К сегодняшнему дню эта работа полностью завершена. Изданы шесть выпусков описания материалов японского фонда²².

Опыт описания разнообразных фондов собрания ИВАН СССР свидетельствует о том, что вопросы методики описания рукописей и определение типов и принципов составления каталогов имеют исключительно важное значение для правильной организации весьма нелегкого труда специалистов, описывающих рукописи. Правильное решение методических вопросов в значительной мере определяет темп этой работы, а следовательно, и степень получаемой нами научной информации о многочисленных рукописных коллекциях.

Советские востоковеды-текстологи сейчас обсуждают вопрос о возможности составления «Сводного каталога восточных рукописей в хранилищах СССР», который явится составной частью большой работы по составлению сводных каталогов, осуществляемой археографами разных специальностей под эгидой Археографической комиссии АН СССР. Это, конечно, очень масштабный и трудоемкий проект, и его реализация потребовала бы многих лет работы. Но если проект будет осуществляться, специалисты по истории и культуре восточных народов смогут получить новые материалы для своих исследований.

Естественно, что обобщение накопленного в процессе описания и изучения фондов восточных рукописей опыта позволило поставить вопрос о подготовке специальной работы, которая, будучи текстологической в своей основе, выведет специалиста-археографа за пределы собственно текстологического анализа и поставит своей целью обобщенную характеристику рукописной книги на Востоке в рамках различных историко-культурных регионов. Опыт изучения восточных рукописей ленинградскими востоковедами позволил вплотную подойти к решению этой новой

научной задачи — выявлению роли рукописей в истории культуры народов Востока. Так возникла новая тема коллективной работы ленинградских востоковедов-археографов — «Рукописная книга в культуре народов Востока». Большой авторский коллектив подготовил двухтомную книгу, в которой подробно рассмотрена история зарождения и бытования восточной рукописной книги в различных историко-культурных регионах. Эта работа готовится к печати.

Советские востоковеды обладают большими возможностями для анализа исторического и культурного прошлого народов Востока на основе изучения первоисточников — древних и средневековых восточных рукописей. Наше востоковедение имеет особенно прочные традиции изучения исторического и культурного прошлого народов Востока, которое постоянно базировалось именно на тщательном изучении письменного наследия этих народов. Понятно, что работа по изданию и изучению рукописей из собрания ИВАН занимала со времени образования ЛО центральное место в его исследовательской работе.

В этой связи нужно сказать, что ленинградские текстологи-востоковеды хорошо знают и используют в своей работе фонды ГПБ и библиотеки Восточного факультета ЛГУ. Однако наша программа издания текстов предусматривает главным образом публикацию памятников из собрания ИВАН. Естественно, что некоторые разделы текстологической работы опираются на изданные или микрофильмированные тексты из других собраний, в том числе зарубежных. Но главным источником изучения памятников еще многие годы будет являться богатейшее собрание нашего Института.

Долгосрочная программа издания текстов, осуществление которой было начато в конце 50-х годов по инициативе академиков И. А. Орбели и Б. Г. Гафурова, проводится планомерно в рамках издательской серии «Памятники письменности Востока», редколлегия которой возглавили академики Б. Г. Гафуров и А. Н. Ковонов²³. За два десятилетия советскими текстологами сделано многое²⁴. Уместно, пожалуй, упомянуть о наиболее значительных изданиях, осуществленных коллективом ЛО ИВАН.

Важное место среди опубликованных уникальных рукописей из собрания ИВАН занимают памятники исторической, художественной и географической литературы на арабском²⁵, тюркских²⁶ и персидском языках²⁷. Научная значимость этих изданий отразилась в факте переиздания ряда этих публикаций за пределами СССР²⁸.

В ряду значительных изданий текстов стоят публикации уникальных дуньхуанских рукописей, в частности текстов, представляющих крупный вклад в изучение идеологии и литературы средневекового Китая²⁹. Находится в печати публикация хозяйственных документов из дуньхуанского фонда. Ценные публикации подготовлены тангутоведами³⁰. Эти издания представляют собой важный вклад в изучение культуры тангутов. В настоящее время в печати находится издание (с исследованием и переводом) уникальных памятников тангутского законодательства, осуществленное Е. И. Кычановым. Издан текст исключительно важного памятника монгольской историографии XIII в.³¹ Сотрудники ИВАН издали ряд древних буддийских текстов на санскрите и сакском языке³². В ряду этих публикаций особо значительным является издание уникального буддийского философского сочинения «Сказание о Бхадре»³³.

Среди изданных письменных памятников народов Дальнего Востока следует отметить также публикацию «Предания о шаманке Нишань» — ценного памятника маньчжурского фольклора³⁴, а также ряда текстов, представляющих первостепенное значение для исследования средневековой корейской литературы³⁵.

Примечательно, что корееведы — издатели текстов сумели на основе анализа рукописных памятников поставить и решить сложную задачу анализа основных направлений развития средневековой корейской литературы. Именно исследователи рукописей создали изданные в послед-

нее десятилетие фундаментальные труды по истории корейской средневековой литературы. В данном случае мы имеем особенно наглядные примеры прямой связи между изучением рукописей и созданием монографических исследований по узловым проблемам истории и истории культуры народов Востока.

Значительную работу по изучению и изданию памятников японской письменности проделали японоведы. Отметим прежде всего полный русский перевод «Записок от скуки» Кенко-хоси, одного из самых известных памятников японской литературы середины XIV в.³⁶ Осуществлена публикация текста тетради рукописи «Канкай ибун» — одного из первых в мире японо-русских словарей³⁷.

Хотелось бы отметить, что работа по изданию и изучению памятников имеет исключительное значение, ибо востоковедная текстология является сегодня, безусловно, необходимой базой для проведения исследовательских работ во всех областях изучения исторического и культурного прошлого народов Востока. Более того, опыт показывает, что изучение и издание памятника (литературного или исторического, философского или религиозного), в особенности памятника уникального, будучи важным самостоятельным научным событием, всегда становится стимулом и предпосылкой исследования историко-культурного процесса. Особенно яркими примерами подобного рода являются очень широко сегодня известные исследования уникальных тангутских и согдийских памятников коллекции нашего института.

Когда весной 1909 г. П. К. Козлов начал раскопки древнего субургана (культового сооружения буддистов) у стен затерянного в песках южной Гоби мертвого города Хара-Хото, он не предполагал, что с этого момента родилась новая отрасль ориенталистики — тангутоведение. Тангутское государство погибло, исчез и тангутский язык в огне монгольского завоевания; важнейшее свидетельство тангутской культуры — памятники письменности. Целую библиотеку, более 8 тыс. рукописей и ксилографов коллекции П. К. Козлова, составляет не имеющий себе равных тангутский фонд ЛО ИВАН.

Делом огромной сложности явилась дешифровка забытого тангутского языка. Начало реконструкции тангутского языка и воссоздания истории тангутов положил выдающийся ученый Н. А. Невский — блестящий знаток языков Дальнего Востока. За книгу «Тангутская филология», изданную в 1960 г. по инициативе академиков Н. И. Конрада и И. А. Орбели, Н. А. Невский в 1962 г. был посмертно удостоен звания лауреата Ленинской премии.

На основании сделанных им открытий были отождествлены многие тангутские сочинения, в том числе переводы с китайского. Это позволило значительно расширить наши знания о тангутской письменности. В результате многолетней работы М. В. Софроновым написана «Грамматика тангутского языка», а Е. И. Кычановым — первая в мире «История тангутского государства», основанная на тангутских исторических и правовых памятниках. Им же завершена многолетняя работа по изучению уникальных памятников тангутского права. К. Б. Кеинг подготовила ряд оригинальных работ по грамматике тангутского языка.

Большим научным событием стала дешифровка и исследование документов согдийской коллекции, изучение которой открыло новые страницы истории и истории культуры народов нашей Родины³⁸. Согдийское государство занимало в древности долины Зеравшана и Кашка-Дарьи. Его культура оказала сильнейшее влияние на соседние страны, в том числе и на Китай.

Весной 1932 г. в Таджикистане среди развалин замка на горе Муг (120 км к востоку от Самарканда) была найдена корзина, в которой лежал документ, написанный неизвестными письменами. Фотография была отправлена в Ленинград, и здесь установили, что это текст на малоизвестном науке согдийском языке. В 1933 г. замок на горе Муг раскапывался экспедицией Академии наук СССР. В результате был обнаружен архив согдий-

ских документов (всего 77 текстов на коже, бумаге и дереве). Документы относятся к периоду арабского завоевания Средней Азии.

Интенсивное изучение документов с горы Муг, проводившееся в Отделении в последние годы, завершилось большим научным результатом — все документы расшифрованы, опубликованы и исследованы. В эту работу вложен огромный труд М. Н. Боголюбова, А. А. Фреймана, В. А. Лившица и О. И. Смирновой, прочно закрепивших приоритет советской науки в исследовании одного из важнейших периодов истории Средней Азии.

О трудностях, которые пришлось преодолеть исследователям, может свидетельствовать хотя бы такой факт: в согдийском алфавите 18 букв, из них 9 — в середине слова в курсивном письме практически совпадают по начертанию. Чтобы осуществить дешифровку, потребовалось применить все современные приемы анализа и реконструкции контекста. Вместе с тем эта работа оказалась очень благодарной: впервые получены многочисленные и точные данные об уровне развития экономики и общественных отношений в согдийском государстве, о религии и правовых установлениях, о браке и семье согдийцев.

Среди прочитанных документов особое значение имеют подлинные юридические тексты — договоры. До последнего времени историки восстаивали картину жизни общества Средней Азии домусульманского периода в основном на базе археологических материалов. Теперь к ним прибавились свидетельства мугских документов, в том числе весьма важные. В одном из них — брачном контракте, например, упоминаются четыре категории рабов. Это единственное свидетельство такого рода в письменных источниках. Оно подтверждает существование рабовладения в Средней Азии, что до расшифровки мугского архива оставалось лишь гипотезой.

Можно было бы продолжить примеры, свидетельствующие об исключительно плодотворных результатах текстологических и источниковедческих исследований ленинградских востоковедов.

Опираясь на изучение письменных памятников Востока, сотрудники ЛО ИВАН ведут подготовку монографических исследований, в которых будут освещаться различные аспекты культуры народов Востока в древности и в эпоху средневековья. Советские исследователи исходят из того, что в эти периоды развития человеческой цивилизации народы Востока внесли огромный вклад в мировую культуру, дали миру выдающихся философов и поэтов, зодчих и математиков. Этот исторический факт является сегодня одним из источников национального возрождения многих молодых независимых государств Азии и Африки. Работы советских востоковедов по изучению восточных рукописей являются одним из многочисленных свидетельств глубокого уважения народов Советского Союза к культурным традициям народов Востока, значительным вкладом в изучение всемирной истории.

¹ Историю сложения коллекции восточных рукописей ИВАН см.: *Тихонов Д. И.* Восточные рукописи Института востоковедения Академии наук СССР. — Учен. зап. Ин-та востоковедения. М.; Л., 1953, т. 6, с. 4—11. В сводном виде сведения о собрании см. в кн.: *Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза*. М., 1963, с. 30—59. Многие данные можно найти также в кн.: *Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР*. М., 1972.

² Историю формирования этого научного коллектива и развития представлений

в нем востоковедных дисциплин см.: *Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР*.

³ *Миклухо-Маклай Н. Д.* Описание таджикских и персидских рукописей. М.; Л., 1955, с. 3—5.

⁴ *Пучковский Л. С.* Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. [Вып.] 1. История, право. М.; Л., 1957, с. 5—8.

⁵ О ней см.: *Меньшиков Л. Н.* и др. Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии. М., 1963, вып. 1, с. 10—13.

- ⁶ Решения первой и второй сессий по восточной текстологии. М., 1964, с. 5.
- ⁷ Очерки археографических работ по разным фондам см.: *Меньшиков Л. Н.* Дальневосточные и центральноазиатские рукописные фонды Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. — АЕ за 1970 год. М., 1971, с. 277—290. Археографическая работа по другим фондам частично отражена в следующих статьях и докладах: *Miklukho-Maklay N. D., Akimushkin O. F., Kushev V. V., Salakhedinova M. A.* Some rare persian and tajik mss in the collection of the Leningrad branch of the Institute of oriental studies, the USSR Academy of sciences. М., 1960; *Muginov A. M., Dmitrieva L. V., Muratov S. N., Nuriahmetov A. H.* Turcic manuscripts in the collection of the Institute of oriental studies of the Academie of Sciences of the USSR. Moscow, 1960; *Халидов А. Б.* Арабские рукописи в СССР и их изучение. — АЕ за 1977 год. М., 1978, с. 76, 77; *Тугушева Л. Ю.* Памятники древнейтурской письменности в рукописном собрании ИВАН СССР. — АЕ за 1980 год. М., 1981. См. также соответствующие разделы в обзорных статьях по разным востоковедным дисциплинам в кн.: *Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.*
- ⁸ *Акимушкин О. Ф.* Основные итоги работы по описанию и изданию письменных памятников из коллекции ИВАН СССР (Средний Восток). — В кн.: *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVI годовичная научная сессия ЛО ИВАН СССР.* М., 1982, с. 16.
- ⁹ *Халидов А. Б.* Каталог арабских рукописей Института народов Азии Академии наук СССР. М., 1960. Вып. 1. Художественная проза; *Михайлова А. И.* Каталог арабских рукописей Института народов Азии Академии наук СССР. М., 1961. Вып. 2. Географические сочинения; *Михайлова А. И.* Каталог арабских рукописей Института народов Азии АН СССР. М., 1965. Вып. 3. История.
- ¹⁰ *Акимушкин О. Ф., Кушев В. В., Миклухо-Маклай Н. Д., Мугинов А. М., Салахетдинова М. А.* Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР: (Краткий алфавитный каталог). М., 1964, Ч. 1/2; *Миклухо-Маклай Н. Д.* Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения. М.; Л., 1955. Вып. 1; *Он же.* Описание таджикских и персидских рукописей Института народов Азии. М., 1961. Вып. 2. Биографические сочинения; *Он же.* Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. М., 1975. Вып. 3. Исторические сочинения; *Баевский С. И.* Описание персидских и таджикских рукописей Института народов Азии. М., 1962. Вып. 4. Персидские толковые словари (Фарханги); *Он же.* Описание персидских и таджикских рукописей Института народов Азии. М., 1968. Вып. 5. Двуязычные словари; *Туманович Н. Н.* Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения АН СССР. М., 1981. Вып. 6. Фольклор: Занимательные рассказы и повести; *Воржейкина З. Н.* Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. М., 1980. Вып. 7. Персоязычная художественная литература (X — начало XIII в.); *Ниязов Х. Н.* Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения М., 1979. Вып. 8. Персоязычная художественная литература (XI—начало XIII в.).
- ¹¹ *Кушев В. В.* Описание рукописей на языке папато Института востоковедения. М., 1976.
- ¹² *Руденко М. Б.* Описание курдских рукописей ленинградских собраний. М., 1961.
- ¹³ *Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н.* Описание тюркских рукописей Института народов Азии. М., 1965. [Вып.] I. История; *Дмитриева Л. В., Муратов С. Н.* Описание тюркских рукописей Института востоковедения. М., 1975. [Вып.] II. История, акты, библиография, энциклопедии, география, календарь; *Дмитриева Л. В.* Описание тюркских рукописей Института востоковедения. М., 1980. [Вып.] III. Поэзия и комментарии к поэтическим сочинениям, поэтика; *Мугинов А. М.* Описание уйгурских рукописей Института народов Азии. М., 1962.
- ¹⁴ *Какабадзе С. С.* Грузинские документы Института народов Азии АН СССР. М., 1967; *Орбели Р. Р.* Грузинские рукописи Института востоковедения. М.; Л., 1956. Вып. 1. История, география, путешествия, археология, законодательство, философия, языковедение, библиография.
- ¹⁵ *Пучковский Л. С.* Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Вып. 1. История, право.
- ¹⁶ *Зограф Г. А.* Описание рукописей хинди и панджаби Института востоковедения. М., 1960.
- ¹⁷ *Меньшиков Л. Н. и др.* Описание китайских рукописей Дунхуанского фонда Института народов Азии. М., 1963. Вып. 1; М., 1965. Вып. 2.
- ¹⁸ *Вахтин Б. В. и др.* Каталог фонда китайских ксилографов Института востоковедения АН СССР. М., 1973. Т. 1—3.
- ¹⁹ Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР. М., 1963.
- ²⁰ *Волкова М. П.* Описание маньчжурских рукописей Института народов Азии АН СССР. М., 1965.
- ²¹ *Петрова О. П.* Описание письменных памятников корейской культуры. М.; Л., 1956. Вып. 1; М., 1963. Вып. 2.
- ²² *Петрова О. П., Горегляд В. Н.* Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. М., 1963.

- Вып. 1; Петрова О. П., Иванова Г. Д., Горегляд В. Н. Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. М., 1964. Вып. 2. Филология; Петрова О. П., Горегляд В. Н. Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. М., 1966. Вып. 3. Идеология; Они же. Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. М., 1969. Вып. 4; Горегляд В. Н. Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. М., 1971. Вып. 5; Горегляд В. Н., Ханин З. Я. Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. М., 1971. Вып. 6.
- ²³ Большая научно-организационная работа по серийному изданию текстов с 1959 г. проводилась Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука», руководитель которой О. К. Дрейер постоянно уделял большое внимание изданию письменных памятников народов Востока. Опыт издательства и редколлегии был суммирован в публикации правил издания текстов (см.: Правила издания серии «Памятники письменности Востока». М., 1966).
- ²⁴ Аннотированный перечень изданий до 1977 г. см.: Памятники литературы народов Востока. Памятники письменности Востока: Каталог серийных изданий, 1959—1976 гг. М., 1977.
- ²⁵ Шумовский Т. А. Три неизвестные locci Ахмада ибн Маджида, арабского loccмана Васко да Гамы в уникальной рукописи Института востоковедения АН СССР. М.; Л., 1957; «Вторая записка Абу Дулафа» / Изд. текста, пер., введение и коммент. П. Г. Булгакова и А. Б. Халидова. М., 1960; Арабский аноним XI в. / Изд. текста, пер., введение и коммент. П. А. Грязневича. М., 1960; *Усама ибн Мункиз*. Книга ал-маназил ва-д-дийар (Книга стоянок и жилищ) / Изд. текста, предисл. и указ. А. Б. Халидова. М., 1961; *Мугаммад ал-Хамави*. Ат-Та-рих ал-Мансури (Мансурова хроника) / Изд. текста, предисл. и указ. П. А. Грязневича. М., 1960 (2-е изд., стер. М., 1963); «История халифов» анонимного автора XI в. / Факс. рук. Предисл. и краткое излож. содер. П. А. Грязневича; Указ. М. Б. Пиотровского и П. А. Грязневича. М., 1967.
- ²⁶ Алишер Навои. Возлюбленный сердец / Сводный текст подг. А. Н. Кононов. М.; Л., 1948; Кононов А. Н. «Родословная туркмен»: Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М.; Л., 1958; Хюсейн. Беда и'ул-века и' (Удивительные события) / Изд. текста, введение и общая ред. А. С. Тверитиновой; Аннот. огл. и указ. Ю. А. Петросяна. М., 1961. Ч. 1, 2; Алишер Навои. Диван / Изд. текста, предисл. и указ. Л. В. Дмитриевой. М., 1964.
- ²⁷ Мугаммад ибн Наджиб Багран. Джахан-наме (Книга о мире) / Изд. текста, введение и указ. Ю. Е. Борщевского. М., 1960; Мугаммад Казим. Наме-йи
- аламара-йи надир (Мироукрашающая Надирова книга) / Изд. текста, предисл. и общая ред. Н. Д. Миклухо-Маклая; Указ. и аннот. огл. Г. В. Шитова, О. П. Щегловой, Н. В. Елисейевой. М., 1960—1966. Т. 1—3; Шах Махмуд ибн мирза Фазил Чурас. Хроника / Критич. текст, пер., коммент., исслед. и указ. О. Ф. Акимущкина. М., 1976; Бадр ад-Дин Ибрахим. Фарханг-и зафангуя ва джаханпуя (Словарь говорящий и мир изучающий) / Факс. рук. Изд. текста, введ., список толкуемых слов и прил. С. И. Баевского. М., 1974.
- ²⁸ В Иране переиздан текст труда Мухаммеда ибн Наджиб Багран «Джаханнаме», в Египте переиздана публикация сочинения Усамы ибн Мункиза «Китаб ал-маназил ва-д-дийар», в Египте и Португалии переиздан текст трех неизвестных locci Ахмада ибн Маджида.
- ²⁹ Бяньвэнь о Вэймоцзе. Бяньвэнь «Десять благих знамений»: (Неизвестные рукописи бяньвэнь из Дуньхуанского фонда Института народов Азии) / Изд. текста, предисл., пер. и коммент. Л. Н. Меньшикова. М., 1963; Бяньвэнь о воздаянии за милости (Рукопись из Дуньхуанского фонда Института востоковедения). М., 1972. Ч. 1 / Факс. рук. Исслед., пер. с кит., коммент. и табл. Л. Н. Меньшикова; Ч. 2. Грамматический очерк и словарь И. Т. Зограф.
- ³⁰ Китайская классика в тангутском переводе / Факс. текстов, предисл., словарь и указ. В. С. Колоколова и Е. И. Кычанова. М., 1966; Море письмен: Факс. тангут. ксилографов. М., 1969. Ч. 1, 2 / Пер. с тангут., вступит. статьи и прил. К. В. Кепинг, В. С. Колоколова, Е. И. Кычанова, А. П. Терентьева-Катанского. М., 1969; Вновь собранные драгоценные парные изречения / Факс. ксилографа, изд. текста, пер. с тангут. вступит. статья и коммент. Е. И. Кычанова. М., 1974.
- ³¹ Юань-чао би-ши (Секретная история монголов) / Изд. текста и предисл. Б. И. Пянкратова. М., 1962. Т. 1. Текст.
- ³² См., в частности, публикации, подготовленные Г. М. Бонгард-Левиным, М. С. Воробьевой-Десятской и Э. Н. Тёмкиным (Indo-Iranian Journal, Leiden, 1965, vol. VIII, N 4, p. 268—274; 1967, vol. X, N 2/3, p. 150—159). См. также: Bongard-Levin G. M., Tuomkin E. N. New Buddhist text from Central Asia. M., 1967.
- ³³ Сказание о Бхадре: (Новые листы сакской рукописи «Е») / Факс. текста. Транскрипция, пер., предисл., вступит. статья, глоссарий и прилож. В. С. Воробьева-Десятской и М. И. Воробьевой-Десятской. М., 1965.
- ³⁴ Нишань самани битхе (Предание о нишанской шаманке) / Изд. текста, пер., предисл. М. П. Волковой. М., 1961.
- ³⁵ Пэкрён чхохэ (Антология лирических стихотворений рён-гу с корейским пе-

- реводом) / Изд. текста, пер. и предисл. Д. Д. Елисеева. М., 1960; Ссянъчхон кыйбонъ (Удивительное соединение двух браслетов) / Изд. текста, пер. и предисл. М. И. Никитиной и А. Ф. Троцевич. М., 1962; Чхунхянджон квонджитан (Краткая повесть о Чхунхян) / Факс. ксилографа, пер., предисл. и коммент. А. Ф. Троцевич. М., 1968; Чхое чхун джон (Повесть о верном Чхое) / Факс. рук., пер., предисл. и коммент. Д. Д. Елисеева. М., 1971.
- ³⁶ *Кэнко-хоси*. Цурэдзурэгуса (Записки от скуки) / Пер. с яп., вступит. статья, коммент. и указ. В. Н. Горегляда. М., 1970.
- ³⁷ *Оцуки Сигэака, Симура Кокё*. Канкай ибун (Удивительные сведения об окружающих морях) / Изд. текста и предисл. В. Н. Горегляда. М., 1961. Тетр. 8. Словарь.
- ³⁸ Согдийские документы с горы Муг. М., 1962. Вып. 1; *Фрейман А. А.* Описание, публикация и исследование документов с горы Муг. М., 1962. Вып. 2. Юридические документы и письма / Чтение, пер. и коммент. В. А. Лившица; М., 1963. Вып. 3. Хозяйственные документы / Чтение, пер. и коммент. М. Н. Боголюбова, О. И. Смирновой; Документы с горы Муг: Фотоальбом. М., 1963.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ ЛАТИНСКИХ ГРАМОТ

Богатая практика публикации латинских средневековых грамот подвергается в последнее время существенному пересмотру в целях внесения большего единообразия в принципы их издания. Этому вопросу уделила значительное внимание Международная комиссия по дипломатике. На проведенном ею коллоквиуме в Барселоне (2—5 октября 1974 г.) обсуждался проект унификации правил издания латинских грамот. В коллоквиуме приняли участие такие видные средневековеды-дипломаты и археографы, как Б. Барбиш (Франция), Дж. Бателли (Италия), Р.-А. Ботье (Франция), К. Брюль (ФРГ), А. Каннелас-Лопес (Испания), А. Пратези (Италия), В. Превенье (Бельгия), Э. Саес (Испания), К. Чини (Великобритания). Письменные рекомендации были присланы Г. Аппельтом (Австрия), М. Белинской (Польша), Ф. Веркотереном (Бельгия), В. Хайнемаером (ФРГ), П. Шапле (Великобритания), Й. Шебанеком (Чехословакия).

Первоначальный проект правил был разослан членам Международной комиссии по дипломатике и особенно тщательно изучался во Франции, где над ним работала специальная комиссия (Commission ad hoc), образованная Комитетом по историческим и филологическим исследованиям. В комиссию входили Б. Барбиш, Р.-А. Ботье, Ж. Буссар, П. Гано и Л. Каролюс-Баррэ. Комиссия учла замечания старейшего французского палеографа и археографа Ш. Самарана и других ученых, исправила и дополнила проект 1974 г. Новая редакция правил была представлена в секцию филологии и истории названного комитета. Секция одобрила текст правил. В 1977 г. они были изданы ротационным способом в Риме¹. Брошюра содержит предисловие Р.-А. Ботье, генерального секретаря (ныне президента) Международной комиссии по дипломатике, и носит подзаголовок: «Доклад Р.-А. Ботье, генерального секретаря, на Генеральной ассамблее, [созванной] по случаю V Международного конгресса по дипломатике (Париж, 12—16 сентября 1977 г.)». Распространенные среди членов Международной комиссии по дипломатике, эти правила получили окончательную апробацию на коллоквиумах комиссии в Мадриде (23—27 октября 1978 г.), Риме (17—20 октября 1979 г.)² и Сарагоссе (4—8 октября 1982 г.). Институт Фердинанда Католика в Сарагоссе принял в 1982 г. решение о публикации усовершенствованного варианта этих правил наряду с переизданием опубликованных в 1980 г. в Бухаресте в Трудах XV Международного конгресса исторических наук «Правил издания финансовой, доманиальной³ и административной документации, а также писем и сборников корреспонденций»⁴.

Правила издания грамот содержат следующие основные разделы: 1) общие представления об издании грамоты; 2) определение времени и места выдачи грамоты (La datation); 3) определение юридического и исторического содержания акта (L'analyse de l'acte); 4) генеалогия текстов и легенда (Le tableau de la tradition); 5) передача текста: а) расположение текста и отражение его графики (Disposition et présentation du texte), б) транскрипция; 6) выбор (установление) текста (Etablissement critique du texte); 7) исторические и источниковедческие примечания (Annotation historique et dissertation critique); 8) публикация сборника грамот; 9) таблицы и указатели.

В разделе, дающем общее представление об издании грамот, обосновывается порядок расположения элементов публикации, который рису-

ется в следующем виде: сначала проставляется номер документа (обычно арабскими цифрами), затем дата, взятая из самого источника или реконструируемая, потом идет «анализ» или резюме содержания документа, после него — генеалогия текстов грамоты и библиография, наконец, сам текст и «критический аппарат» к нему (варианты и примечания, иногда реальный комментарий — его предлагается помещать либо перед текстом, либо в сносках внизу страницы). Практика указания даты после «анализа», встречающаяся в английских и бельгийских публикациях, не рекомендуется для всеобщего внедрения. Советские правила издания документов, как известно, предусматривают размещение всего справочного аппарата, кроме номера, даты и заголовка акта, после текста. Впрочем, и среди наших публикаций имеются такие, в которых вся легенда или ее часть приводятся перед текстом. Наиболее последовательно этот принцип проведен в ГВНП (1949), где тексту предшествуют указание степени подлинности документа, описание подлинника и списков, характеристика печатей, перечень более ранних изданий, обоснование датировки. В АСЭИ, т. I—III (1952—1964) перед текстом, после заголовка, помещаются лишь три элемента научно-справочного аппарата: слева — определение степени подлинности публикуемого документа (подлинник, список такого-то времени), размер подлинника, справа — шифр только публикуемой рукописи. Остальные списки указываются после текста. Там же приводятся сведения о более ранних изданиях документа и дается описание печатей, водяных знаков бумаги, обоснование датировки и т. п.⁵

В указании на первом месте — номера, а на втором — даты документа. Правила издания латинских грамот вполне совпадают с принятыми и у нас правилами, однако в наших публикациях актов рядом с датой обычно не указывается место выдачи документа. В правилах публикации латинских грамот различаются данные о времени (*date de temps*) и данные о месте (*date de lieu*) выдачи документа⁶. Их предлагается разделять точкой и тире.

Что касается времени, то в западных публикациях авторы правил различают три принятых порядка расположения элементов даты: 1) число — месяц — год; 2) год — число — месяц; 3) год — месяц — число. Наилучшей системой признается третья, хотя вторая имеет глубокие корни, особенно во французской археографической традиции. Третья система вполне соответствует практике русской и советской актовой археографии.

Можно согласиться с авторами правил и в том, что независимо от того, как и по какой эре выражена дата в источнике, в заголовке ее следует давать по современной системе летосчисления. Признано нецелесообразным сопровождать превращенную дату словами «по новому стилю», как это принято в некоторых странах, хотя принцип перевода дат полезно оговорить в предисловии к сборнику.

Для документов, имеющих две даты (например, дата дарения или вклада и дата подтверждения его третьими лицами), предлагается указывать две даты, соединенные союзом «и». Это правило, применимое, например, к русским духовным грамотам, особенно с середины XVI в., в наших публикациях практически не проводится. Если же вносить в заголовки жалованных грамот даты их позднейшего подтверждения, эти даты нельзя будет соединить с первоначальной, а придется давать после заголовка в скобках. Например: (с подтверждениями 1551, 1584 и 1624 гг.). Подобное добавление, как думается, не ухудшит заголовков и полнее отразит весь текст документа⁷.

В правилах рассмотрены случаи с «альтернативными датами», когда не указано число, но указаны год, день и переходящий церковный праздник как ориентир. Если неясно, каким стилем пользовался составитель документа — пасхальным или благовещенским, следует давать два варианта даты — по обоим стилям (. . . или . . .).

По благовещенскому стилю (*Style de l'Annonciation*) год начинается с 25 марта (Благовещение), но при этом, как и в известном историкам феодальной Руси первомагтовском стиле, возможны два отсчета начала года:

после и до 1 января года, указанного в документе. При переводе даты на современное летосчисление в первом случае число года увеличивается на единицу для промежутка с 1 января по 24 марта (ср. русский мартовский стиль), во втором уменьшается на единицу для промежутка с 25 марта по 31 декабря (ср. русский ультрамартовский стиль). Первый тип отсчета именуется флорентийским стилем (существовал во Флоренции до 1749 г.), второй — пизанским (сохранялся в Пизе до 1750 г.). Флорентийский стиль был распространен также во многих районах Франции и Швейцарии, в Шотландии — до 1599 г., в Англии — до 1751 г., применялся в XII в. в канцеляриях ряда пап, в XV в. был принят в Кёльнском университете. Пизанский стиль употреблялся, кроме Пизы, в некоторых других городах Тосканы (Пистойя, Сиенна) и в канцелярии нескольких пап XII в.

Пасхальный стиль, широко использовавшийся во Франции (он называется поэтуо также *Style de France*), начинается год с Пасхи, но, поскольку она — переходящий праздник, протяженность года варьировалась от 11 до 13 месяцев, а число дней в году — от 330 до 440. Кроме того, не всегда началом года считался сам день Пасхи (воскресенье Господне): часто им была страстная суббота, реже — понедельник после Пасхи. Пасхальный стиль известен во Фландрии в IX в., во Франции — с начала XII в. до Парижского эдикта 1564 г. Он применялся также в Лотарингии, Кёльне, Льеже и во многих районах, входящих в пределы территории, где находятся современные Бельгия и Голландия⁸.

В правилах двувариантные даты предусматриваются как для документов без месяца и числа, так и для тех, где вместо года фигурирует индикт. Двувариантные и даже многовариантные датировки — не редкость и в наших изданиях актов XIV—XVI вв.

Для документов с противоречащими друг другу элементами даты рекомендуется ориентироваться на год царствования или понтификата как наиболее надежный показатель, хотя в таких случаях обязательно обоснование выбора даты.

При отсутствии точной даты в документе издатель устанавливает возможные пределы датировки. Ранняя из возможных дат (называемая у нас также «верхней» датой) определяется в правилах как *terminus a quo* (предел, от которого. . .), позднейшая из возможных дат (называемая у нас также «нижней») ⁹ определяется в качестве *terminus ad quem* (предел, до которого). Как и в советской археографии, предельные даты разделяются посредством тире.

Документы, датированные годом «от Воплощения» (*l'année de l'Incarnation*), но не имеющие указания на месяц и число, датируются временем между началом и концом года по соответствующему стилю¹⁰. Это правило обычно не применяется в публикациях русских актов, где указываются только возможные годы (через знак дроби — например: 1525/26 г.), по зато принято в нашем «Хронологическом перечне иммунитетных грамот» для документов, содержащих лишь номер года по сентябрьскому стилю византийской эры (от 1 сентября раннего из двух возможных годов по эре от Р. Х. до 31 августа следующего года)¹¹.

Если известен только *terminus a quo* документа, дата предваряется словом «После. . .»; если известен лишь *terminus ad quem*, ему предшествует слово «До» или «Ранее». Все такие датировки обязательно обосновываются издателем.

Еще более приблизительны датировки, устанавливаемые только на основании упоминаний в документе тех или иных лиц, известных и по другим источникам. Даты деятельности этих лиц не отождествляются с датой документа и поэтому выносятся в качестве датировок с многоточием перед начальной датой и после конечной (. . . 981—998. . .), если составитель предполагает, что акт мог появиться до и после указанных дат. Если конечная грань не вызывает сомнений, после нее многоточие не ставится (. . . 981—998).

Когда упомянутое в грамоте лицо известно лишь по одному датированному документу, дата последнего принимается, но предваряется словом

«Около». При отсутствии уточняющих данных документы могут датироваться с учетом хронологии рукописного сборника, в котором они находятся, и по другим признакам, например: «Начало XIII в.» или «Середина XIII в.» При полной невозможности датировать грамоту издатель употребляет формулу *S. d. (Sans date)*, т. е. Б. д. (Без даты).

Число дня, в какой бы форме оно ни было выражено (календы, ноны, иды, название праздника, соотнесение с праздником), должно, согласно правилам, приводиться по современной системе, а трудности перевода могут быть оговорены в примечании. День недели в заголовке не указывается, даже если он фигурирует в самом источнике, хотя составителю нужно проверить соответствие между днем недели и числом и в случае их несоответствия отметить этот факт в примечании.

Когда акт датирован годом, месяцем и днем недели без числа, составитель указывает все подходящие для данного дня числа, разделяя их союзом «или»: «1140 г. сентября 6 или 13 или 20 или 27». Квадратные скобки в датировках правила предусматривают лишь для номера года, «вычисленного» или реконструированного составителем, — например: [1055]. В других случаях приблизительных или неточных датировок («Около», «Ранее», несколько месяцев в пределах между двумя годами и т. п.) даты ставятся без квадратных скобок. Нам представляется, что было бы более последовательным все приблизительные датировки заключать в квадратные скобки.

Место выдачи документа правила рекомендуют давать также в современной транскрипции и в соответствии с национальной традицией той страны, где издается сборник (т. е. во французских публикациях Лондон должен называться *Londres*, а не *London* и т. п.). Если идентификация топонима представляет трудности, предлагается приводить его в кавычках в соответствии с написанием грамоты. В примечании могут быть отмечены наиболее вероятные отождествления. Встречающиеся в тексте определения типов географических объектов (*palatium, civitas, castrum* и др.) правила рекомендуют приводить при соответствующих собственных географических названиях, особенно для раннесредневековых документов, причем либо на языке самого документа, либо в переводе, взятом в кавычки, например: «*grande salle du Palais*». В правилах не дано четкой классификации географических или топографических терминов, вследствие чего не вполне ясно, чем принципиально отличается *qualification technique*, куда отнесены слова типа *palatium, curtis, civitas, castrum etc.*, от *precision topographique*, к которой относятся *monastère, église, bâtiment, place, rue etc.* Создается впечатление, что в первом случае речь идет преимущественно о вполне обособленных географических единицах (город, замок и т. п.), во втором — о частях целого (церковь, здание, улица и т. п.), хотя не всегда, вероятно, можно противопоставить в этом смысле *castrum* и *monastère*. В отношении «частей целого» правила оставляют на усмотрение издателя приведение или неприведение этих характеристик, хотя и подчеркивают необходимость приводить их, если такое упоминание «имеет значение для понимания документа» (например, «*Piacenza, Palazzo del Comune*»). Как полагают авторы правил, отсутствие сведений о месте не должно отмечаться в заголовке. Указание *S. l. (Sans lieu)* (Б. м.) необходимо лишь в исключительных случаях, когда оно говорит о каких-то вопиющих отступлениях от укоренившейся документальной традиции.

«Анализ» акта. Под «анализом» подразумевается не столько заголовок акта в привычном для нас смысле, сколько «резюме» или аннотация его юридического и исторического содержания, сочетающаяся с указанием автора и получателя. В некоторых публикациях «анализ» весьма пространен. В нем отмечается наличие отдельных компонентов условного формуляра — таких, как инвокация, интитуляция, излагается содержание наррации и диспозиции. Так или иначе характеризуются и другие компоненты. Составители правил рекомендуют давать по возможности краткий и точный «анализ», но и здесь предусмотрена передача целого ряда моментов. Это касается, во-первых, авторства документа. Различаются «автор юри-

дического акта» и «автор письменного акта», т. е. лицо от имени которого составлен документ, и лицо, занимавшееся непосредственно изготовлением документа. Если это не один и тот же человек, а разные лица, в начале «анализа» указывается «юридический автор», упоминание же составителя отодвигается в конец «анализа» или дается после него. Другой принцип действует в случае издания сборника документов одного «юридического автора» (епископа, сеньора) — тогда составитель фигурирует на переднем плане, ибо «юридический автор» всех документов общий. Во-вторых, предусматривается передача в «анализе» не только существа диспозитивной части документа, но и основной сути наррации. При этом нарративную часть рекомендуется излагать после диспозитивной. Во многих публикациях, правда, наррация излагается (в соответствии со структурой документа) раньше диспозиции. В-третьих, в правилах прямо подчеркивается, что «в эпоху незнания латыни» нельзя делать «анализ» слишком кратким, ибо это может создать для некоторых исследователей серьезные трудности. По этой же причине рекомендуется давать «анализ» не на латыни, а на живом литературном языке, доступном большинству исследователей. Пространность «анализа» более всего оправдана для раннесредневековых или не вполне ясных актов. Акты со сложившимся, трафаретным формулярным могут характеризоваться короче, без передачи каких-либо формулярных особенностей.

Для отражения юридического существа акта правила рекомендуют опираться на терминологию самого источника, а именно на глаголы диспозитивной части (*donamus, confirmamus* и т. п.) или на слова корроборации¹², характеризующие акт (*hanc cartam donationis, hoc privilegium confirmationis* и т. д.). Отсюда определение разновидности акта как «*donation*», «*confirmation*» и др. Правда, правила считают предпочтительной не объектную, а субъектную, т. е. глагольную, конструкцию заголовка: «*X* продает» (а не «Продажа *X—м*»). Эта давняя традиция зарубежной актовой археографии резко отличается от практики издания русских грамот, где абсолютно преобладают объектные заголовки, в которых подлежащее — обозначение разновидности документа, сказуемое отсутствует, а «юридический автор» выступает в форме определения к подлежащему.

Правила подчеркивают, что в каталогах «анализ» должен быть более развернутым, чем в публикациях, поскольку в каталоге отсутствует текст источника. В наших перечнях жалованных грамот подобное расширение передачи содержания источника по сравнению с публикациями идет главным образом за счет дополнения заголовка сведениями о лицах, участвовавших в выдаче документа (казначейх, дворецких, дьяках), и о позднейших подтверждениях акта, что в изданиях грамот обычно не делается.

Особое внимание уделяется в правилах способам передачи в «анализе» собственных имен. Предлагается использовать современную транскрипцию для имен, соответствующих современным личным именам, а также для традиционных библейских и исторических имен, употребляющихся и сейчас в устойчивой, общепринятой форме. Раннесредневековые имена германского происхождения рекомендуется давать в написании источника, имена, встречающиеся в источниках более позднего времени, — в обиходных для данного района формах, имея в виду, что ономастическая стабилизация начинается примерно с 1200 г. Авторы правил отказываются дать какую-либо общую рекомендацию относительно тех имен, которые могут быть как обозначением профессии, так и наследственным именем. Они призывают исследователей разобраться в каждом случае отдельно и полагают, что лишь дальнейшее развитие ономастики позволит наметить пути принципиального решения этого вопроса.

Акты, получившие у нас название «включенных», предлагается либо перечислить в «анализе» акта, который их содержит, сопроводив датами в скобках, либо посвятить каждому из включенных актов особый «анализ», поместив эти «анализы» после «анализа» основного акта. Второй путь, по мнению авторов, предпочтительнее. Для «анализов» включенных актов предлагается употреблять шрифт более мелкий, чем в «анализе» основ-

ного текста. У нас, как известно, включенные акты публикуются не только в составе основного акта, но и отдельно, и лишь эти выделенные из основного документа тексты снабжаются заголовками. Правила издания латинских грамот предлагают более экономный способ выделения включенных актов, не рекомендуя повторную публикацию их текстов. Мы бы остановились на компромиссном решении: помещать под общим порядковым номером в том месте, которое соответствует хронологии включенного акта, его подробный заголовок и указание на основной акт, содержащий включенный. При этом в заголовке основного акта включенные должны ушминаться в скобках в самой краткой форме (указание разновидности, адресанта и даты). Например: (с включенной купчей Д. А. Щепы-Ростовского 1430—1440-х гг.). Комментаторский аппарат по включенным актам помещается тогда при основном акте, как и предусматривают международные правила.

Согласно правилам, любой «анализ» должен набираться шрифтом, отличным от шрифта основного текста. В правилах рекомендуется набирать «анализы» курсивом, а имеющиеся в них латинские слова — антиквой. В наших актовых изданиях заголовки грамот также набираются курсивом.

Следующая после «анализа» легенда (*le tableau de la tradition*) определяется как часть издания акта, в которой упоминаются все известные источники сведений об акте (оригинал, копии, минуты, экстракты и т. д.) и все относящиеся к нему библиографические указания. Легенда печатается более мелким шрифтом, чем текст документа.

Оригинал обозначается всегда литерой А. Предпочтительнее набирать ее курсивом. Это обозначение сохраняется за оригиналом даже тогда, когда он отсутствует, — на случай, если оригинал будет найден, и для привязки к А различных сведений об оригинале, имеющих в других источниках (о его оформлении, способе прикрепления печати, упоминаниях в старинных описях и т. п.). При наличии нескольких оригиналов (размноженные подлинники) с одной и той же датой они обозначаются как А¹, А², А³; если же даты этих оригиналов разные, их следует рассматривать как разные документы. Отсутствие оригинала может не поясняться — достаточно отсутствия в легенде самого обозначения А. Нам представляется, что во всех случаях цифры лучше давать не над, а под литерами, чтобы не было впечатления знака возведения в степень.

Минута (или черновик) рассматривается как оригинал, но, если имеются и минута и беловой вариант оригинала, за беловиком сохраняется обозначение А, минута же обозначается греческой буквой α и указывается после А. Оригинал подложного акта, или псевдооригинал, рассматривается как оригинал. При наличии оригинала и псевдооригинала последний обозначается через А' (А-штрих).

Весьма целесообразны предложения правил относительно обозначения текстов акта, записанных в регистры. Авторы справедливо считают, что эти тексты нельзя воспринимать как простые копии оригинала. Во-первых, текст мог списываться в регистр не с белого оригинала, а с минуты. Во-вторых, в регистре могли сокращаться или опускаться отдельные клаузулы, имена лиц, особенно свидетелей, и, наоборот; вноситься данные, отсутствующие в оригинале (например, число дня). Тексты актов, сохранившиеся в регистрах, предлагается обозначать литерой R (*Registre*) или R¹, R² и т. д., когда в регистрах дошло несколько текстов одного и того же акта. Переводы акта на другой язык отмечаются после копий. Если сохранился оригинал латинского перевода оригинала греческого акта, оба документа указываются рядом, причем за греческим оригиналом закрепляется обозначение А, а за латинским переводом — Т (*Traduction*, т. е. перевод).

В описании оригинала предлагается отмечать следующие моменты: 1) материал для письма; 2) размеры; 3) скрепление печатью; 4) степень сохранности; 5) для *chartes-parties* способ разделения на части и девиз; 6) место хранения и шифр. Материал для письма может не указываться,

если все документы сборника относятся к эпохе употребления только пергамена. Внешняя форма документа упоминается в том случае, когда она необычна для грамот (тетрадь, свиток — в этом случае отмечается число листов или кож). Размеры писчего материала указываются для документов преимущественно древних или для тех, по которым хотят проследить обычаи определенной канцелярии. В других случаях этот момент может быть опущен. Приводить данные о размерах или нет, решает составитель. Правила настоятельно рекомендуют отмечать сначала ширину (*la largeur*), а потом высоту (*la hauteur*) листа, а не наоборот, как это принято до сих пор в некоторых странах. Заметим, что разработанные И. А. Голубцовым правила издания АСЭИ предусматривают указание сначала длины (высоты), а затем ширины документа¹³. Составители других сборников русских актов следуют тому же принципу¹⁴. Указание на первом месте ширины кажется более обоснованным, так как часто речь идет о «широких» или «узких» пергаменах, листах и свитках. Ширина измеряется параллельно тексту, высота — перпендикулярно.

Авторы международных правил рекомендуют давать результаты измерения листа с точностью до 0,5 см, в то время как у нас принято измерять размеры листа с точностью до 0,1 см¹. Правила ссылаются на складки и сгибы листа, препятствующие точному измерению. Вероятно, авторы исходят прежде всегда из особенностей пергамена, материала более жесткого, чем бумага, и действительно трудно поддающегося точному измерению. Бумага эластичнее, а поскольку издатели русских актов XIV—XVI вв. имеют дело преимущественно с нею, ими и принята иная шкала точности.

В правилах обращено внимание на связь измерения с состоянием той части поверхности листа, к которой прикреплялась печать. Так, французские грамоты, скрепленные печатью «на простом пергаменном хвосте» (или «язычке»)¹⁶, когда эта часть, расположенная внизу справа, оторвана, должны измеряться слева (если левая сторона листа цела). Поскольку в ряде документов, некогда скрепленных печатью с помощью загиба части пергамена, печать к настоящему времени утрачена, а загнутая часть отогнулась вниз и тем увеличила длину (высоту) листа, рекомендуется это добавление к прежней длине не учитывать и указывать высоту листа такой, какой она была при загнутой оконечности пергамена. Наличие полей, их размеры, расстояния между строками текста могут быть в случае необходимости отмечены в примечании.

Обязательно сообщается о присутствии в акте печатей или их следов. Указываются цвет, размер и способ прикрепления печати, размер загнутой части пергамена, предназначенной для пропуска через нее «хвоста» («язычка») пергамена или шнура. Применительно к русским актам XV—XVI вв., где аналогичную роль играет загнутая часть бумаги, в наших изданиях не принято подробно отмечать ни особенности, ни размеры загиба, что является существенным упущением.

Вопрос о месте, где следует давать полное описание печати, правила не решают с достаточной определенностью, предлагая несколько вариантов: 1) в примечании, 2) после издания текста, 3) в таблице печатей в конце тома, 4) в предисловии к тому (если одновременно исследуется история канцелярии). Думается, что ни первый, ни четвертый вариант нельзя считать оптимальными. В наших актовых изданиях более всего принят второй вариант, хотя встречается и третий (см. ДДГ).

Правила предусматривают указание специфики материального состояния документа, приведение сведений о повреждениях, нечитаемых местах и т. д. Методика передачи этой информации здесь специально не разрабатывается. Заметим, что все сведения такого рода, даваемые в легенде в самой общей форме, выглядят более конкретно в палеографических примечаниях к тексту.

Для chartes-parties, т. е. грамот, разрезаемых на части (хирографы), правила предусматривают указание числа частей (A, B, C, D) и тот текст (девиз), по которому идет разрез и который восстанавливается при соединении частей.

Правила рекомендуют приводить в примечании пометы на обороте и на полях акта, если они упоминают о канцелярии, или представляют прямой интерес для изучения судьбы документа (старинные архивные шифры), или же, наконец, облегчают понимание некоторых топонимов. Напротив, заголовки или аннотации, сделанные архивистами нового времени, правила советуют не приводить, за исключением тех случаев, когда они помогают объяснить ошибочную интерпретацию акта (в историографии).

При описании копий предлагается различать два случая: 1) когда сохранился оригинал, 2) когда текст оригинала сильно поврежден или вообще представлен только копиями. В первом случае возможно лишь упоминание копий (после оригинала) в порядке их хронологии. Во втором случае требуется более тщательное исследование копий, так как в основу издания кладутся они, а не оригинал. Правила предусматривают два подхода к копиям. Один из них состоит в том, что копии делятся на «полезные» и «бесполезные». «Полезные» — это такие копии, которые сделаны либо непосредственно с оригинала, либо с утраченного списка, восходящего прямо к оригиналу. «Бесполезными» признаются копии с уже известных сохранившихся копий, отнесенных к группе «полезных». Вторичные копии «бесполезны», поскольку не учитываются при реконструкции текста оригинала. В легенде описываются сначала «полезные», затем «бесполезные» копии. Второй подход предполагает перечисление всех известных копий в хронологической последовательности, но при этом должно быть сделано точное указание перед изданием текста, по каким именно копиям он публикуется (например: «Текст устанавливается по *B* и *C*»).

Второй подход представляется нам, несомненно, более правильным, ибо далеко не всегда определяется первичность или вторичность текста копий, и выяснение взаимосвязи между сохранившимися копиями лучше достигается при издании текста с привлечением всех копий. Учет всех копий важен и для изучения истории языка. Не вполне удовлетворяет нас формулировка типа «Текст устанавливается по *B* и *C*». Текст все же должен издаваться по одному основному списку с использованием в необходимых случаях других списков и с приведением вариантов по всем спискам. Поэтому, думается, указание должно быть более дифференцированным. Например: «Текст издается по списку *B*, утраченные в *B* места — по *C* или *E*, варианты — по *C — F*».

В правилах подчеркивается, что при наличии оригинала систематический поиск всех копий, особенно нового и новейшего времени, необязателен. Так же обязательно отыскивать все списки с копий, снятых непосредственно с оригинала, в том числе списки, устанавливаемые на основании изданий. Составители правил отказываются от намерения полностью унифицировать принципы систематизации копий, ибо слишком различны в этом отношении традиции разных национальных школ. Так, французская школа располагает копии (*B, C, D, . . .*) по степени их вероятной близости к оригиналу, не считаясь с хронологией копий и наличием или отсутствием сведений об авторе копии. Часто копия, сделанная эрудитом XVIII в., вернее передает оригинал, чем средневековый *vidimus*¹⁷ или копия, снятая канцеляристом суда (*greffier*). Вместе с тем всякая рисованная копия (*copie figurée*), автор которой стремился передать, (пусть даже несовершенно) внешний вид оригинала, ставится во главе списка копий (т. е. получает обозначение *B*). Немецкая школа исходит из чисто хронологического принципа, присваивая первые буквы алфавита (начиная с *B*) средневековым копиям, затем более новым. Происхождение одной копии от другой не сказывается на общем порядке обозначения копий, но отражается в стемме — генеалогической таблице текстов документа. Согласно итальянской системе, все копии, снятые с оригинала, обозначаются литерой *B*, причем, если таких копий несколько, они приобретают обозначения *B*¹, *B*², *B*³ и т. д., включая сюда и несохранившиеся списки, известные по последующим копиям. Вторичные копии, основанные на *B*, принимают обозначение *C* (или *C*¹, *C*², *C*³ и т. д.), третичные (основанные на *C*) обозначаются через *D*. Соотношение копий в стемме

во всех трех системах одинаковое, различаются лишь буквенные обозначения. Первую горизонтальную строку стеммы повсюду занимает литера *A*, помещаемая в квадратных скобках, что говорит об утрате оригинала. Во второй строке каждой стеммы в правилах указывается для примера по четыре списка. Во французской стемме это *B*, [*X*], *D* и *E*, из которых *B* — рисованная копия XI в., [*X*] — утраченный картулярий XIII в., *D* — копия XVII в., *E* — копия XVIII в. В немецкой стемме те же самые списки обозначаются соответственно литерами *B*, *D*, *F*, *G*, в итальянской — *B*¹, [*B*²], *B*³, *B*⁴. В третьей строке французской стеммы фигурируют списки *F*, *C*, *a*, *G*. Из них *F* — копия XII в. с копии XI в. (*B*), *C* — копия XVI в. с картулярия XIII в. ([*X*]), *a* — издание XVII в. копии XVII в. (*D*), *G* — копия XIX в. с копии XVII в. (*D*). В немецкой стемме 1-й, 2-й и 4-й списки третьей строки обозначаются литерами *C*, *E*, *I*, издание XVII в. упоминается без буквенного номера (может быть, пропущено «*a*»). В итальянской стемме четыре списка третьей строки выступают под номерами *C*¹, *C*², *a*, *C*³. В четвертой строке стеммы повсюду указан один список — копия XVIII в. с издания XVII в. (*a*); во французской и немецкой стеммах этой копии присвоено обозначение *H*, в итальянской — *D*. В конце каждой стеммы (пятая строка) перечислены использованные списки: *B C D E* (фр.), *BEFG* (нем.), *B*¹, *B*³, *B*⁴, *C*² (ит.). Повсюду имеются в виду 1) рисованный список XI в. (фр. и нем. *B*, ит. *B*¹), 2) копия XVI в. с утраченного картулярия XIII в. (фр. *C*, нем. *E*, ит. *C*²), 3) копия XVII в. (фр. *D*, нем. *F*, ит. *B*³), 4) копия XVIII в. (фр. *E*, нем. *G*, ит. *B*⁴).

В правилах говорится, что подобные стеммы составляются обычно для самоориентации издателя и публикация их необязательна, за исключением очень сложных случаев соотношения списков. Обязательным является, однако, указание в археографическом введении ко всей публикации того принципа, которым руководствуется издатель при обозначении списков. В нашей практике издания актов текстологическому изучению соотношения списков и построению их генеалогии пока не уделяется должного внимания. В русской и советской археографии не принято обозначать буквами списки грамот¹⁸, хотя этот прием широко используется при издании летописей и других повествовательных источников. Что касается расположения копий в определенной последовательности, то у нас, как и в немецкой археографии, безусловно преобладает хронологический принцип. При всем историзме этого принципа, который представляется наиболее верным, у него есть тот недостаток, что он уводит издателя от исследования генеалогии списков, от изучения вопроса о соотношении списка и оригинала, списков между собой. Некоторые «эрудитские» копии, сделанные с русских грамот в конце XVIII — первой половине XIX в., лучше, чем списки XVI—XVII вв., передают особенности оригинала, отражая его орфографию, расположение выносных букв, титла и т. д.

В правилах специально рассматривается вопрос о системе обозначения списков в случае, когда за основу издания берется картулярий (копийная книга). Литера *A* сохраняется за подлинником, *B* — за рисованной копией с него, *C* обозначает список в составе картулярия; если картуляриев два, список во втором из них получает обозначение *D*. Остальные литеры резервируются для других возможных копий. Если публикация делается по одному или двум спискам с утраченного картулярия, последний обозначается как *X*, а эти списки — как *Y* и *Z*, или, подобно спискам летописей, они называются по месту хранения рукописи: например *P* (Paris), *V* (Vatican) и т. п. Авторы замечают, что публикация, основанная на картулярии, тяготеет к типу издания, промежуточному между собственно дипломатическим и изданием литературного памятника. Из наших публикаций картулярным является издание 1-й части АФЗХ (митрополичья копия книга). Правила рекомендуют предельно краткое описание копий. Тем не менее предусматривается отражение в этом описании целого ряда моментов — таких, как характер копии (рисованная, *vidimus*, нотариальная и т. п.); дата — точная или примерная; автор; рукопись, в которой копия содержится; место хранения, шифр, номера лис-

тов; происхождение (указание копииста на источник, с которого текст списывался, возможные поправки к этому указанию, установление источника путем анализа текста).

В правилах говорится о необходимости максимально полной библиографии предшествующих изданий документа, с точными заголовками и выходными данными и желателен — с определением того, по какому списку (спискам) публиковался текст. Многократно упоминаемые издания должны указываться сокращенно, а полное название их приводится в списке сокращений. Издания перечисляются в порядке их хронологии. В правилах рассматриваются две системы обозначения изданий — французская и немецкая. Согласно первой, каждая публикация акта обозначается строчной буквой латинского алфавита, начиная с *a* (набирается курсивом). Если нужно указать, что текст публикуется на основании списка *B* и издания *a* или только на основании издания *a*, перед текстом помещается оборот типа: «Издается по *B* и *a*» или «Издается по *a*». Когда делается заимствования из издания *a*, в примечании к заимствованному чтению достаточно поставить букву *a*. Наконец, в перечне изданий можно легко сослаться, прибегая к этой системе, на источник какого-либо переиздания или контаминированного издания — скажем, после названия публикации *c* указать в скобках: «по *a*» или «по *a* и *b*».

В немецкой практике вместо условного буквенного обозначения изданий применяется сокращенное написание фамилии издателя. Так, *Mur* = *Muratori*; *Tir* = *Tiraboschi* и т. п. При этом последующее название отделяется от предыдущего точкой с запятой. Если одно издание воспроизводит другое, оно приводится после своего источника в скобках и после первой скобки, перед названием вторичного издания, ставится знак равенства (=). Когда таких изданий, воспроизводящих одну и ту же публикацию, несколько, они все перечисляются в скобках и последующие отделяются от предшествующих запятой и знаком равенства.

По мнению Р.-А. Ботье, редактора правил, французская система более удобна, чем немецкая. В русской археографической практике применяется система более близкая к немецкой, т. е. издания перечисляются полностью (когда такие ссылки единичны) или сокращенно (когда ссылки на одно и то же издание многократны), причем применяется как сокращение фамилии автора (например, «Шум.» вместо «Шумаков»), так и сокращение всего названия в целом (ААЭ вместо «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук»). Сокращения последнего типа приняты, как известно, и в западной археографии (скажем, *MGN* вместо «*Monumenta Germaniae Historica*» и т. п.).

Специально рассматривается в правилах вопрос об экстрактах, или выдержках, извлеченных из актов. Имеются в виду как рукописные, так и опубликованные выдержки. Согласно правилам, первые могут занять свое место в ряду *B, C* . . ., вторые — в ряду *a, b* . . . лишь в случае, если они пригодны для установления текста или дают представление о его распространении (*sa diffusion*). Нам кажется, что любая выдержка из акта может свидетельствовать об определенном распространении или циркуляции текста акта. Поэтому следует несколько уточнить критерии использования рукописных и печатных извлечений при издании актовых источников. Переводы акта на другие языки указываются в отдельном абзаце легенды. Критерии их отбора определены в правилах тоже не вполне четко. Как сказано там, переводы привлекаются, если они могут быть источником сведений об акте, его тексте или об особых формах его издания.

Относительно фотокопий вопрос решается следующим образом: указываются (с шифром) лишь те фотокопии, которые находятся в доступном для исследователей публичном хранилище. Если оригинал известен только по факсимиле или фотографии, этот источник как бы заменяет оригинал и обозначается литерой *A*. Такой подход нам кажется непоследовательным. Факсимильное или фотовоспроизведение оригинала следовало бы обозначить не просто буквой *A*, а буквой *A* с каким-либо дополнительным

значком, дабы не путать этот эрзац с настоящим оригиналом, всегда обозначаемым литерой А.

Старинные архивные описи, упоминающие оригинал акта, нужно указывать, по мнению составителей правил, лишь в тех случаях, когда оригинал утрачен или когда опись дает сведения, полезные для восстановления истории акта, или же когда она позволяет реконструировать внешние особенности исчезнувшего картулярия. В других случаях эти описи, независимо от того, сохранились ли они только в рукописи или опубликованы, не должны упоминаться. В правилах имеются в виду описи типа русских монастырских описей XVI—XVIII вв., описи Царского архива XVI в., описей Посольского приказа XVII в. и т. п. Нам думается, что привлечение их, по крайней мере при издании русского актового материала XVI—XVII вв., во всех случаях полезно, хотя и необязательно.

Правила говорят о необходимости ссылок на классические каталоги регестов актов, каковыми для папских булл являются, например, сборники Яффе (Jaffé-Loewenfeld, или J.-L.), Потхаста (Potthast), издание папских Регистров, а для актов императорской власти — «Regesta imperii», для актов французского и бельгийского происхождения — большие сборники Брекиньи (Bréquigny) и Вотэ (Wauters). В русской археографической практике наиболее часты ссылки на «Обзор грамот коллегии экономии» С. А. Шумакова. В последнее время входят в обычай также ссылки на перечни иммунитетных грамот, составленные автором настоящих строк (отдельно и при участии В. Д. Назарова и Б. Н. Флори), Д. А. Тебекиным, перечень полных и докладных, составленный Е. И. Колычевой, и др.¹⁹

Авторы правил рекомендуют в случае отсутствия упоминания об акте в соответствующем его профилю регесте отмечать это обстоятельство особо.

В правилах говорится о нецелесообразности упоминания многочисленных исследований (книг и статей), где акт цитируется или используется. Исключение делается лишь для работ, специально посвященных данному акту и представляющих особый интерес для его интерпретации. В этих случаях, как и при указании публикаций акта, название печатного произведения приводится целиком, если оно упоминается редко (один раз?), и в сокращении, когда ссылки на него многочисленны. Таблицу сигл (sigles, т. е. названий, составленных лишь из начальных букв слов, входящих в заголовки, — например, МГН, ААЭ) и сокращений (abréviations) рекомендуется поместить в начале всего издания²⁰.

¹ Normalisation internationale des méthodes de publication des documents latins du Moyen Âge (Colloque de Barcelone 2—5 octobre 1974). Rapport de R.-H. Bautier, secrétaire général, à l'Assemblée à l'occasion du V-e Congrès International de Diplomatique (Paris, 12—16 septembre 1977). Roma, 1977.

³ Об этом см.: *Каштанов С. М.* Современные проблемы европейской дипломатики. — АЕ за 1981 год. М., 1982, с. 47—48.

³ Термин «доманиальный» принят в русском языке для перевода французского слова «domanial» (*Макаров Н. П.* Полный французско-русский словарь. 17-е изд. Пг., 1917, с. 363; *Ганшина К. А.* Французско-русский словарь. 7-е изд. М., 1977, с. 274), которое означает: относящийся к государственной, казенной собственности, государственному имуществу (Le Domaine — государственное имущество); по Макарову: «государственных или удельных имуществ».

⁴ *Bautier R.-H.* Pour une normalisation internationale des règles de publication des documents financiers, domaniaux et administratifs et des lettres et recueils de correspondance. — XV-e congrès international des sciences historiques. Rapport, III. Bucarest, 1980, p. 361—378. В недавнее время Институтом Фердинанда Католика (директор — проф. А. Канеллас Лопес) опубликованы следующие труды Международной комиссии по дипломатике: 1) Международные правила издания средневековых документов (рассматриваемые в настоящей статье); 2) Международные правила издания писем и корреспонденций; 3) Международные правила издания финансовой, административной и доманиальной документации; 4) Проект правил составления описательных статей к изданиям печатей; 5) Международный словарь по дипломатике (ст. 1—338), с алфавитным указателем терминов. Одновременно опубликованы труды Международного комитета по сфраги-

- стике, а именно проект Международного словаря по сфрагистике (ст. 1—219), с предварительным алфавитным указателем французской сигиллографической терминологии. См. все эти материалы в сборнике: *Folia Caesaraugustana*. Zaragoza, 1984, I.
- ⁵ Об этом разделении легенды на две части в АСЭИ см. также: *Зимин А. А.* Методика издания древнерусских актов. М., 1959, с. 38—42.
- ⁶ В обоих случаях в правилах стоит «la date». Все словари показывают употребление этого слова в жен. роде (la date) только для обозначения времени (*Litttré E.* Dictionnaire de la langue française. Paris, 1874, t. 2, D—H, p. 955; Dictionnaire de l'Académie Française. 8-e éd., t. 1. A—G. [Paris, 1932], p. 341; Dictionnaire du français contemporain / J. Dubois [et autres]. Paris, 1966, p. 334; Dictionnaire du français contemporain illustré / J. Dubois. [Paris], 1980, p. 334; Dictionnaire Hachette de la langue française. [Paris], 1980, p. 407. Согласно Литрэ, говорят также «le date» (муж. род) в значении «данные» — от лат. datum, data (причастие прошедшего времени глагола dare — давать). Подробнее см.: *Litttré E.* Op. cit., p. 955. Ср.: Dictionnaire Hachette. . . , p. 407. Выражение «la date de l'ieu» относится, таким образом, к современному научному жаргону, выходящему за рамки обычного литературного языка.
- ⁷ Реализацию такого подхода см., например: *Каштанов С. М.* К истории феодального землевладения в Свияжском уезде в 70-х годах XVI в. (Жалованные грамоты 1572 и 1575 гг.). — В кн.: *Историография и источниковедение: Вопросы методологии исследования: (Учен. зап. КГПИ; вып. 184).* Казань, 1978, с. 136, № 2.
- ⁸ *Giry A.* Manuel de diplomatique. Paris, 1894, p. 107—111.
- ⁹ Выражения «верхняя» и «нижняя» дата являются в современном русском языке порождением научного жаргона. В словарях русского литературного языка слова «верхний» и «нижний» во временном значении не фигурируют (см.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. 1, с. 184; М., 1935, т. 2, с. 561—562; Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1951, т. 2, стб. 204; М.; Л., 1958, т. 7, стб. 1288; Словарь русского языка. М., 1958, т. 1, с. 192; М., 1958, т. 2, с. 680; Словарь русского языка / Сост. С. И. Ожегов. 3-е изд. М., 1953, с. 61, 369; *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 13-е изд. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1981, с. 68, 365; Словарь русского языка: В 4-х т. 2-е изд. М., 1981, т. 1, с. 154; М., 1982, т. 2, с. 496). Вместе с тем такое словоупотребление характерно для французского языка, где слова haut (высокий, верхний) и bas (низкий, нижний) имеют множество значений, и в том числе: haut — наиболее удаленный от нас по времени, bas — более близкий к нам по времени. Отсюда выражения: Le Bas-Empire — позднеримская империя (начиная с царствования Константина Великого), la basse latinité, le bas-latin — поздняя латынь, la haute Antiquité — глубокая древность, ранняя античность и т. п. Подробнее см.: *Litttré E.* Op. cit. Paris, 1863, t. 1, p. 302; t. 2, p. 1994; Dictionnaire de l'Académie. . . , t. 1, p. 126; t. 2, p. 9; Dictionnaire du français contemporain illustré. . . , p. 121, 601; Dictionnaire Hachette. . . , p. 142, 744. В указанных словарях не упоминается, но в исторической литературе широко принято выражение: Le Haut Moyen Âge — раннее средневековье; ср. нем. — das Hohe Mittelalter, ит. — Alto Medioevo.
- ¹⁰ В качестве примера в правилах приводится датировка временем между 25 марта 1284 г. и 24 марта 1285 г., т. е. по благовещескому стилю. Однако, как показал еще А. Жири, выражение an de l'Incarnation могло употребляться и в документах, составители которых пользовались пасхальным стилем. Ср.: *Giry A.* Op. cit., p. 111.
- ¹¹ *Каштанов С. М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. [ч. 1]. — АЕ за 1957 год. М., 1958, с. 302—376; То же, ч. 2. — АЕ за 1960 год. М., 1962, с. 129—200; *Каштанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в., ч. 3. — АЕ за 1966 год. М., 1968, с. 197—253.
- ¹² Corroboratio — условное название части текста, где говорится о способах удостоверения документа.
- ¹³ АСЭИ. М., 1952, т. 1, с. 9—10; ср.: АСЭИ. М., 1952—1964. Т. 1—3.
- ¹⁴ См.: АФЗХ, ч. 2, 3 (М., 1956—1961); АРГ (М., 1975). Об этом см.: *Зимин А. А.* Указ. соч., с. 39. Правда, в наших публикациях грамот второй половины XVI в., относящихся к Казанскому региону, сначала указывается ширина, затем высота листов документа. См.: *Каштанов С. М.* Возникновение русского землевладения в Казанском крае: (Документы). — Из истории Татарии. (Учен. зап. КГПИ, Вып. 116). Казань, 1973, сб. 5, с. 16, 20, 22, 28, 31, № 1, 4, 5, 13, 17; *Он же.* К истории феодального землевладения в Свияжском уезде. . . , с. 140—141, № 2.
- ¹⁵ *Зимин А. А.* Указ. соч., с. 39.
- ¹⁶ Изображение такого рода грамоты см., например: *Tessier G.* Diplomatique royale française. Paris, 1962, pl. IX, № 2 (между с. 232 и 233).
- ¹⁷ Об этом понятии см.: *Каштанов С. М.* Современные проблемы европейской дипломатики. — АЕ за 1981 год. М., 1982, с. 41.
- ¹⁸ Но ср.: *Каштанов С. М.* К истории феодального землевладения в Свияжском уезде. . . , с. 136, 141—142.
- ¹⁹ Обзор этих перечней см. подробнее: *Каштанов С. М.* Из опыта актовой археографии. — АЕ за 1982 год. М., 1983, с. 78; ср. выше, примеч. 11.
- ²⁰ Продолжение статьи см. в АЕ за 1984 год.

И. В. Панина

**К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ
И ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ
В ПИСЬМЕ ПЕРГАМЕННОЙ РУКОПИСИ НАЧАЛА XV в.**

(Апостол из собрания ГБЛ)

Принято считать, что древнерусская письменность в конце XIV в. испытывала влияние со стороны южнославянской книжной культуры и усваивала новые для русского языка графико-орфографические нормы. Но вопрос о его масштабах и временных рамках остается дискуссионным. В настоящей статье делается попытка освещения этой проблемы на материале одной рукописи: пергаменного Апостола, состоящего из Деяний и посланий (ГБЛ, ф. 152, № 52). В «Предварительном списке славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР»¹ кодекс датируется концом XIV—началом XV в. Однако полагаем, что возможно более точное заключение о времени и отчасти о месте создания кодекса.

Апостол хранится в собрании И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича, которое включает в себя как рукописи, собранные И. Я. Лукашевичем, так и приобретенные им у Н. А. Маркевича. Точно не установлено, кому лично из собирателей принадлежала книга. В ней нет помет, указывающих на время и место приобретения, только на листе 46 об. имеется владельческая запись украинской скорописью: «Року 1605 на Руси будучи сия мне книга присключилася Ярош Володкович власною рукою подписал». И. Я. Лукашевич и Н. А. Маркевич осуществляли свою собирательскую деятельность главным образом на территории Полтавской губернии, и это позволяет предположить, что рукопись в течение долгого времени находилась на Украине. В библиотеке Румянцевского музея она получила номер 1044. В 1873 г. было опубликовано ее предварительное описание². Краткие палеографические сведения содержатся также в описании Я. Н. Шапова³.

Рукопись в лист большого формата (26×19 см) насчитывает 234 листа, из них 111 пергаменных и 123 бумажных, восполняющих утраченный текст. Водяные знаки бумаги — русского производства, 20-х годов XIX в. Вероятно, в первой половине XIX в. книга была реставрирована. Пергамен в рукописи лощеный, среднего качества с дефектами выработки, загрязненный, с пятнами воска.

Текст написан в два столбца. Разлиновка проведена сразу для двух столбцов. Количество строк в столбце колеблется от 26 до 30. Книга состоит из 23 тетрадей. Из них девять тетрадей по восемь листов пергамена — 3, 4, 5, 10, 16, 18, 19, 20-я и 22-я; остальные тетради, кроме пергаменных, включают в себя бумажные листы. Переплет — выдвинутые над обрезами доски в коже с тиснением, два кожаных ремешка с металлическими застежками. Можно предполагать, что при реставрации книги был использован один из старых переплетов.

Пергаменная часть рукописи написана коричневыми чернилами. Киноварью выделены заглавия статей, примечания, заглавные буквы и инициалы. Наличие в рукописи тонких киноварных инициалов, которые являются ее единственным украшением, позволяет датировать рукопись началом XV в.⁴

Над пергаменной частью работали два писца. Одним из них написаны тетради 1—5 (л. 1—40) и 11—22 (л. 82—180), а другим — 6—10 (л. 41—80). Первый писец использует большее количество надстрочных знаков, чаще

употребляет букву “ѣ” (наряду с “оу” и “у”) для обозначения звука [y] в положении после согласных, а также несколько раз употребляет букву «ж», которая в тексте второго писца отсутствует. Однако эти различия в приемах письма не имеют существенного значения, что дает нам основание рассматривать письмо рукописи как единое целое.

Общий стиль письма мы определяем как устав конца XIV — начала XV в. Почерк прямой, буквы его симметричны и пропорциональны, строго соблюдаются границы верхней и нижней уровней строки. Но, несомненно, элементы полуустава уже присутствуют в нем — это прежде всего многовариантность начертаний отдельных букв. Например, «н» встречается с прямой и косой перекладной, варьируется высота ножки у буквы «ч», перекладники у «ѣ», «е», «ю» пишутся на разных уровнях. В начертании некоторых букв можно обнаружить нарушение геометричности, используется большое количество надстрочных знаков. Последнее обстоятельство позволяет нам уточнить датировку, так как такое широкое употребление знаков сокращения, словесного приступа, ударения и количества было характерно для графической системы русских рукописей только с XV в.⁵ Датировочным признаком данного периода может быть и употребление запятой, которая, по мнению Е. Ф. Карского, «появляется у нас с XV в., проникнув от югославян»⁶.

Из южнославянских начерков в рукописи встречаются: «ы» с «ь» в левой части, причем «ь» употребляется наряду с «ъ»; «т» на трех ножках (незначительное количество примеров) и «в» калачиком в составе лигатуры (вензельная лигатура).

Буква «ѣ» употребляется строго в соответствии с этимологией независимо от места ударения и качества следующего согласного. Например, мѣсто 17в, оутѣша 40б, терпѣти 40б и под. Исключения составляют традиционные написания с «е» вместе «ѣ» в неполногласных сочетаниях (предъ 11а, среды 32б), в формах «тебе», «себе» дательного и местного падежей ед. числа и написания с «е» в формах от основы «телес-».

Буквы «ѣ» и «ѣ» употребляются в соответствии со сложившейся древнерусской традицией. Их функции строго разграничены. Буква «ѣ» пишется только в начале слов и после букв гласных. Например: ѣко 25б, дѣланиа 84г, боизнь 89б, ѣвлениа 85в и под. Буква «ѣ» употребляется после букв парных мягких согласных, например: время 81в, князю 32а, тажки 43б и под. Отклонений встретилось очень мало, к ним относятся: аже 86в, азыки 20б. Кроме того, несколько раз буква «ѣ» встретила после «ѣ»: вдовица 34а, конца 68г. В рукописи отмечены соответствующие южнославянским нормам орфографии написания с «ѣ» вместо «ѣ» после гласных, например: немощнаа 86б, дѣланиа 17а, нечистаа 90а, боудоуцаа 87в и под. В количественном отношении такие написания составляют приблизительно 17 %.

При обозначении [je] в позиции после гласных и в начале слова зафиксированы буквы «е» «якорно», «е», «е». Наиболее часто встречаются в такой позиции написания с «е» «якорным». Написания с «е» прямым в данной позиции можно рассматривать как явление, появившееся под влиянием южнославянского письма.

Для обозначения [y] после твердых согласных, после гласных и в начале слова писцы рукописи регулярно пользуются диграфом «оу», например: вѣдоуще 41а, июдеомъ 139в, оувидѣвъ 33б и под. Такие написания, по всей вероятности, являются следствием южнославянского влияния в графике, так как в русской письменности XIV в., как известно, для обозначения [y] после твердых согласных использовался знак «у».

Влиянию южнославянской орфографии обязано написание «ж» для обозначения [y], например: сѣщи 14а, разсѣжжаетъ 84г, плащаницѣ 16а, в ризѣ своѣ 17а, исполнѣаѣ сѣ 19г. Встретилось несколько случаев написаний с «ж» в киноарных заголовках, например: сѣтъ 17б, сѣ 82а, сѣтъ 89б и под. Буква «і» в тексте рукописи употребляется в конце строки. В положении перед гласными «і» пишется очень редко.

При исследовании рукописи особое внимание было уделено нормам употребления букв «ъ» и «ь». Памятник написан в то время, когда в языке писцов особых фонем <ъ> и <ь>, конечно, уже не существовало, но буквы «ъ» и «ь» продолжали употребляться. В русской письменности XIV в. сложилась довольно упорядоченная в отношении редуцированных орфография⁷. Второе южнославянское влияние приводит к нарушению сложившейся традиции, знаки «ъ» и «ь» стали употребляться по южнославянским образцам.

В нашей рукописи написаний, соответствующих южнославянской орфографии, встретилось немного. Отмечены несколько написаний «вѣси» (с ъ вместо ь), а также предлога «къ» в киноварных заголовках. Например: къ коринѣ 184, къ галатѣ 190. Отмечено также несколько случаев написания с буквами редуцированных после плавных: трѣпѣти 16в, мртѣвхъ 24г, бѣмрѣзкы 69б, четврѣтовластникоу 17г, исплѣнено 18б. Что касается написаний «мъздоу» — «мъздоу», то, возможно, здесь отражается собственно русский процесс отвердения согласного [м]. Кроме того, знаки «ь» и «ъ» после «м» в этом корне могли обозначать добавочную слоговость сонорного «м».

Во всех остальных случаях буквы «ъ» и «ь» в памятнике употребляются в соответствии с графической традицией русской письменности XIV в. — в одних случаях буквы редуцированных пишутся на месте этимологических редуцированных, в других — их употребление или пропуск отражает собственно русские фонетические процессы.

Как правило, нормы этимологической орфографии последовательно выдержаны в предлогах (предъ славою 65б, подъ грѣхомъ 70г, въ азыки 26а, въ оуста 32а, въ вѣрѣ 41б, къ кесарю 35б, съ зноемъ 41б), в приставках (въкратцѣ 33в, съблазна 57г, съшедше 35а, възможешы 33б⁸ и под.), в некоторых суффиксах (всацьскыхъ⁹ 24б, скотьско 35в, множество 30г, величество 27а, оставльше¹⁰ 29а, соужьше 30а и под.). Отклонения встретились в написании предлога-приставки «съ» (отмечено несколько случаев пропуска «ъ»), например: створи 24б, сблюдати 30а и под.) и суффиксов -ьн-, -ьц-, -ьк-, -ьш-, -вьш- (оучително 65г, непорочны 65б, кормилцем 43в, старцы 29г, минувшю 37б, бывшей 32б и под.). Эти нарушения соответствуют нормам русской фонетики.

Написания букв «ъ» и «ь» в соответствии с [ъ] и [ь] в слабой позиции в корне или на конце слова также отражают орфографические традиции русских рукописей: в конце слов последовательно пишутся буквы «ъ», «ь», при частом пропуске их в слабой позиции в середине слова (например: книги, токмо, полза, лжа, вдовицѣ, на дщицахъ, сномъ и под.). В рукописи зафиксированы случаи отступления от традиции, но они редки. Как правило, эти случаи утраты написаний конечных «ъ» и «ь» в положении перед энклитиками (их же 47в, став же 33г, родих са 31г, признав ма 32г и под.) или же написание букв этимологически слабого редуцированного в корнях слов «мъзда» и «льстецъ», которые часто сохраняли такое написание как в памятниках XIII—XIV вв., так и в позднейших.

В рукописи последовательно употребляются буквы «о» и «е», в соответствии с «ъ» и «ь» в сильной позиции (например: сонмище, во мне, со мною, избытокъ, конецъ и под.). Буквы «о» и «е» обычно пишутся и на месте «ъ» и «ь» в корнях с сочетаниями редуцированных с плавными между согласными, причем всегда сохраняется исконный порядок гласного и плавного (кровь 25а, первий 36в, плоти 65а, дерзати 25г и под.).

Особо следует сказать о написании «ж» в соответствии с южнославянским «жд». Как известно, эта традиция является собственно русской особенностью. В рукописи написания с «ж» значительно преобладают (например: гражанъ 19в, рассужаа 26б, ражааетъ 41в, утвержающе 20в и под.). Но зафиксировано и значительное количество написаний с «жд» при «д» выносном что, по всей вероятности, является отражением южнославянского влияния: мужа 82б, одежи 42б, сужаа 44г и др.

На основании исследования палеографии и графико-орфографических особенностей памятника можно сделать вывод, что рукопись была написана в начале XV в. Характер начертаний букв, особенности иллюминации, широкое употребление надстрочных знаков подтверждают эту датировку. Можно утверждать, что рукопись не могла быть создана в пределах Юго-Западной, Северо-Западной или Западной Руси, так как в ней не отразились особенности письма и языка этих территорий. Есть все основания считать, что памятник был создан в Северо-Восточной Руси.

Середина XIV—середина XV в. — переходный период в истории графической системы русской письменности, в течение которого могли, следовательно, появляться рукописи с графической системой «смешанного» типа¹¹. По соотношению восточнославянских и южнославянских особенностей, отразившихся в письме рукописи, мы можем отнести ее именно к этому «смешанному» типу рукописей. При значительном преобладании собственно русских особенностей в графике и орфографии в рукописи отмечены лишь отдельные южнославянские начерки и написания, что отражает начальный этап проникновения второго южнославянского влияния.

¹ АЕ за 1965 год. М., 1966, с. 258, № 1299.

² Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1870—1871 гг. М., 1873, с. 26.

³ Шапов Я. Н. Собрание И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича: Описание. М., 1959, с. 48, № 52.

⁴ Неволин Ю. А. Методика работы над иллюстрированным каталогом иллюстрированных рукописей в собрании ГБЛ. — ЗОР ГБЛ. М., 1976, т. 37, с. 212—223.

⁵ Булатова Р. В. Надстрочные знаки в южнославянских рукописях XI—XIV вв. — В кн.: Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973, вып. 1, с. 127.

⁶ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, с. 224.

⁷ Жуковская Л. П. К вопросу о конечной стадии истории редуцированных в рус-

ском языке. — В кн.: Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960, с. 100.

⁸ Но: взыскати 24б и под. В положении перед гласным писцы пишут «вз» — без буквы «ъ». Написаний «въз» перед начальным гласным корня встретилось очень мало.

⁹ Встретилось только два случая пропуска «ь»: бѣсовска 44а, мирска 44в.

¹⁰ Таких форм причастий встретилось в рукописи немного. Можно предположить, что они были употреблены только в книжном языке и потому сохраняли этимологически правильные написания.

¹¹ Соболевский А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV вв. — В кн.: Переводная литература Московской Руси XIV—XV вв. СПб., 1903, с. 6.

О ХРОНОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ГРАМОТ, УПОМИНАЮЩИХ «ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ» ИВАНА III ВАСИЛЬЕВИЧА

Работы Л. В. Черепнина, А. А. Зимина, С. М. Каштанова, А. Д. Горского, В. Д. Назарова, В. А. Кучкина, Б. Н. Флори и ряда других исследователей показали несомненную важность точной датировки актов XIV—XV вв., упоминающих великих и удельных князей (их духовных, договорных, жалованных, правых грамот и т. д.), как одного из наиболее эффективных средств углубленного изучения политической истории Руси. Настоящей заметкой автор хочет обратить внимание на необходимость тщательного исследования датировки документов, упоминающих «великого князя» Ивана III Васильевича.

В литературе отмечалось, что родившийся 22 января 1440 г. Иван уже при жизни отца стал именоваться «великим князем»¹. Это произошло между 31 марта 1448 и 22 июля 1449 г.² С тех пор Иван, наряду с отцом, именуется «великим князем» в княжеских докончаниях и завещаниях³, а также в великокняжеском летописании⁴. Еще при жизни отца он мог получить право на управление теми или иными территориями. Такая возможность пока не учтена. А ведь предположение о получении Иваном каких-то территорий еще до 27 марта 1462 г. (день смерти Василия Тёмного) имеет право на существование уже потому, что даже младший брат Ивана Юрий еще при отце, в конце 1454—начале 1455 г., получил в удел Дмитров⁵. Это предположение можно подкрепить и прямыми указаниями источников.

Во время тяжбы некоего Андрона с попом Сидором выяснилось, что Андрон скушал волостные крестьянские земли, которые суд вернул в волость. Соответствующее судное дело было доложено «великому князю Ивану»⁶, и на этом основании его принято датировать временем после 1462 г.⁷ Но упоминание о продаже Андроном волостной земли Лахово Андрею Ярлыку⁸ заставляет пересмотреть эту датировку. В составленном 5 марта 1459 г. — 17 марта 1460 г. завещании Ярлыка земля Лахово в числе его владений не упомянута⁹. Следовательно, суд, возвративший в волость все распроданные Андроном волостные земли (в том числе и Лахово), состоялся до составления завещания Андриана Ярлыка, и рассматриваемая судная грамота писана, во всяком случае, до 17 марта 1460 г.

На купчей Троице-Сергиева монастыря на деревню Назарьевскую Кинельского стана Переяславского уезда (начало XV в.) есть следующее подтверждение: «По сей грамоте князь великий Иван Васильевич келаря троицкого Лариона оправил, а Куземку Назарова и его детей обвинил, что искали земли Назарьевские лет за пятьдесят. А подписал Фёдор дьяк»¹⁰. По мнению И. А. Голубцова, которое разделяют А. А. Зимин и А. Д. Горский, «подпись на приговоре великого князя Ивана и дьяка Фёдора Дубенского. . . могла быть сделана в начале княжения Ивана III, когда действовал и келарь Илларион»¹¹. Но скорее всего подтверждение великого князя Ивана дано не позднее 1454 г. Троицкие акты сообщают о келарстве Иллариона под 1447—1454 гг. Данных о его келарстве в более позднее время нет. В акте, относящемся к 1455—1456 гг., Илларион назван «келарем старым», а в актах 60—70-х годов XV в. именуется «старцем»¹². При игумене Вассиане (1454—1466 гг.) известны келаря Логин и Макарий¹³.

В грамоте с прочетом «от великого князя Ивана Васильевича в Переяславль к таможенникам Мартыну Черному да Гриде Ильипу» излагается жалоба на этих таможенников троицкого игумена Вассиана: «что есте откупили нынеча тамгу в Переяславле у отца моего (Василия. — Г. С.), великого князя, у попов у благовещенских, да емлете деи на их людях на монастырских тамгу и все пошлины, да и по селам деи по их по монастырским посылаете поборов брати. А они сказывают, что наперед того на их крестьянах таможенники переяславские тамги, некоторых пошлин не имывали, ни по селам деи по их поборов не бирывали. Иван Васильевич требует от таможенников, чтобы они «по старине на их людях на монастырских тамги, никаких пошлин не имывали, ни по селам бы есте по их не посылали поборов брати»¹⁴.

Составители Актв археографической экспедиции датируют грамоту временем «около 1465 г.»¹⁵, Д. М. Мейчик и С. А. Шумаков — 1462 г.¹⁶ С. Б. Веселовский, А. И. Яковлев и И. А. Голубцов — 1462—1466 гг. — (основание для установления нижней грани — упоминание троицкого игумена Вассиана)¹⁷. Но в грамоте есть особенности, говорящие об ее составлении при жизни Василия Тёмного — в 1454 (начало игуменства Вассиана)¹⁸ — 1462 гг. Слова об откупе «нынеча» тамги «у отца моего у попов у благовещенских» понятны лишь в том случае, если считать, что Василий II был жив в момент выдачи рассматриваемой грамоты. Едва ли «благовещенские попы» могли считаться подданными покойного князя¹⁹. Примечательно помещенное на обороте этой грамоты подтверждение: «Сее грамоты князь великий Иван Васильевич пожаловал — рупити не велел. А подписал Василий дьяк»²⁰. Такие подтверждения обычно помещались на старых грамотах при вокняжении нового князя. Поэтому можно заключить, что сама грамота писана до вступления Ивана III в управление страной. Заслуживает внимания и печать, привешанная к этой грамоте. Невозможно прочесть, кому она принадлежит. Но изображение на ней видно достаточно отчетливо — всадник, скачущий на колеснице, запряженной в четверку лошадей, попарно смотрящих в разные стороны²¹. Печати с таким изображением использовал Василий Тёмный в последний период своего княжения²². В то же время случаи их использования при документах, точно датируемых временем после 27 марта 1462 г. и вышедших из великокняжеской канцелярии, не выявлены²³. Видимо, к грамоте Ивана в данном случае привешена печать его отца.

Итак, еще при жизни отца Иван в течение какого-то времени был переяславским правителем. Это могло произойти 31 марта 1448 г. — 27 марта 1462 г. Возможна и более точная датировка переяславского княжения «великого князя» Ивана Васильевича.

11 июля 1456 г. и 25 августа 1458 г. Василию Тёмному докладываются меновые на переяславские земли²⁴. Он же выдает жалованные грамоты в Переяславском уезде 17 марта 1460 г. и в 1460—1461 гг.²⁵ Очевидно, с середины 1456 г. до 27 марта 1462 г. Василий Тёмный сам управлял Переяславлем. Время же переяславского княжения его сына следует датировать примерно 1454—первой половиной 1456 г. Переяславское княжение Ивана Васильевича частично совпадает с келарством в Троице-Сергиевом монастыре Иллариона (который, повторим, уже в 1455—1456 гг. не был троицким келарем) и с игуменством там Вассиана²⁶. Получение Иваном Васильевичем Переяславля до 1454 г. маловероятно. В 1447—1454 гг., 29 июня 1449 г., 1 сентября 1449 г. — 31 августа 1450 г., 27 сентября 1450 г. Василий Тёмный выдает в Переяславском уезде жалованные грамоты²⁷. В 1453 (после 5 июля) — 1454 (до 22 сентября) гг. он оформляет данную по духовной Софьи Витовтовны на завещанные великой княгиней в Троице-Сергиев монастырь переяславские вотчины²⁸. Так что до 1453/54 г. в Переяславле распоряжался сам Василий Тёмный. Иван же был, видимо, слишком мал для получения удела. Второй сын Василия Юрий получил удел, только когда ему было около 14 лет²⁹. А Ивану 14 лет исполнилось как раз в 1454 г.³⁰

Итак, 1454 — первая половина 1456 г. — хронологические рамки, в которых следует датировать правую грамоту на изъятие у Андрона захваченных им земель Бармазовской волости Кистемского стана Переяславского уезда, жалованную Ивана Васильевича таможенникам Мартину Чёрному и Гриде Ильину; подтверждение Иваном прав Троице-Сергиева монастыря на деревню Назарьевскую (данное на имя келаря Иллариона) определено следует отнести примерно к 1454 г. Не исключена вероятность составления в 1454—первой половине 1456 г. некоторых других (кроме трех рассмотренных) переяславских грамот, где упомянут «великий князь» Иван Васильевич, но пока не приведено веских оснований, чтобы считать 27 марта 1462 г. верхней хронологической гранью этих грамот³¹. Почему же к середине 1456 г. Василий Тёмный вновь взял управление Переяславлем-Владимирским непосредственно в свои руки? Возможно, ему пришлось это сделать в связи с резким обострением отношений с серпуховским князем Василием Ярославичем (который был арестован 10 июля 1456 г.)³² — ведь переяславские земли граничили с входившим в Серпуховской удел Радонежем³³.

Не являлся ли Иван в 1454—первой половине 1456 г. владельцем еще и других (кроме Переяславля) земель? И не получал ли он в компенсацию за потерянный Переяславль в удел какие-либо другие земли? Это не исключено. Грамоты, упоминающие «великого князя» Ивана Васильевича, в отношении которых твердо не установлено, что их верхняя грань — 27 марта 1462 г., дошли от Москвы³⁴, Владимира³⁵, Юрьева³⁶, Суздаля³⁷, Нижнего Новгорода³⁸, Костромы³⁹, Гороховца⁴⁰, Ростова⁴¹, Ярославля⁴², Белоозера⁴³, Бежецкого Верха⁴⁴, Вологды⁴⁵, Торжка⁴⁶, Ржевы⁴⁷, Радонежа⁴⁸, Боровска⁴⁹, Звенигорода⁵⁰, Галича⁵¹, Рузы⁵². Чтобы решить вопрос о вероятности (или невероятности) получения Иваном указанных земель до 27 марта 1462 г., нужно специальное исследование.

Рассмотренные выше переяславские грамоты указывают не только на хронологические рамки, но и на некоторые особенности переяславского княжения «великого князя» Ивана Васильевича. В них названы некоторые представители переяславской администрации в тот период — дьяк Федор Дубенский, судья Никита Васильевич, судья высшей инстанции переяславский наместник Фёдор Михайлович (видимо, Челябин)⁵³. Последний был переяславским наместником не только Ивана Васильевича, но и Василия Тёмного, как это видно из судебного дела 1453—1462 гг.⁵⁴ Следовательно, дав Переяславль в удел сыну, Василий Тёмный контролировал его деятельность через верную себе администрацию. О несамостоятельности еще роли Ивана в политической жизни страны говорит и отсутствие у него в период управления Переяславлем своей печати. Таким образом, сыновья Василия Тёмного, получавшие уделы при жизни отца (это касается не только Ивана, но и Юрия⁵⁵), не стали полноправными удельными князьями, и их деятельность в значительной степени контролировалась их отцом.

Политический смысл привлечения с середины 50-х годов XV в. Василием Тёмным к участию (хотя и ограниченному) в управлении страной старших сыновей, видимо, состоит в его желании укрепить право наследников на Московское княжество. Нельзя забывать, что в Великом княжестве Литовском в это время осели враждебные Москве князья Иван, сын Дмитрия Шемяки, и Иван Можайский⁵⁶. Наделение старших сыновей Василия Тёмного уделами при жизни отца⁵⁷ послужило прецедентом для Ивана III, который также при жизни стал наделять наследников землями⁵⁸.

¹ Назаров *ИВ.* Д. Дмитровский удел в конце XIV—середине XV в. — В кн.: Историческая география России, XII—начало XV в. М., 1975, с. 57.

² В составленном после 31 марта 1448 г. дознании Василия Тёмного с Иваном

Можайским (ДДГ, № 51, с. 150—155; Черепнин *Л. В.* Русские феодальные архивы. М.; Л., 1948, ч. 1, с. 144; Зимин *А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. — В кн.: Про-

- блемы источниковедения. М., 1956, вып. 5, с. 312, 324) Иван Васильевич еще не упомянут. Но в составленном не позднее 22 июля 1449 г. докончании Василия Тёмного суздальским князем Иваном Васильевичем (ДДГ, № 52, с. 155—160; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. . . , ч. 1, с. 145—146) Иван, старший сын Василия Тёмного, именуется уже «великим князем».
- ³ ДДГ, № 52, 56, 57, 58, 59, 61; ГВНП, № 22/23, с. 39—43.
 - ⁴ ПСРЛ. М.; Л., 1949, т. 25, с. 271—273, 275, 276, 278.
 - ⁵ *Назаров В. Д.* Дмитровский удел. . . , с. 58—62.
 - ⁶ АСЭИ. М., 1952, т. 1, № 326, с. 235—236.
 - ⁷ *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до конца XVI в. М., 1954, кн. 1, с. 523, примеч. 24; АСЭИ, т. 1, с. 235—236; *Веселовский С. Б.* Пояснительные примечания к актам. — АСЭИ, т. 1, с. 626; *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси (Переяславский уезд). М.; Л., 1966, с. 26; *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. — ИЗ. М., 1971, т. 87, с. 235.
 - ⁸ АСЭИ, т. 1, № 326, с. 236.
 - ⁹ АСЭИ. М., 1958, т. 2, № 361, с. 354—356. Грамота Андриана писана после 5 марта 1459 г., так как в ней он назван «чернцом симоновским», а 5 марта 1459 г. был еще митрополитом дьяком (АСЭИ. М., 1964, т. 3, № 100, с. 138). В то же время она писана до 17 марта 1460 г. В этот день Василий Тёмный выдает жалованную грамоту Симонову монастырю на завещанные туда Андрианом сельцо Бельдино, пустошь Абакумцеву и деревню Рождественскую (АСЭИ, т. 2, № 359, с. 352, 353).
 - ¹⁰ АСЭИ, т. 1, № 32, с. 43.
 - ¹¹ АСЭИ, т. 1, с. 43; *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат. . . , с. 235; *Горский А. Д.* Борьба крестьян за землю в XIV—XV вв. М., 1974, с. 197.
 - ¹² АСЭИ, т. 1, № 201, 204, 207, 209, 214, 255, 256, 293, 370.
 - ¹³ Там же, № 259, 271, 277, 293, 306, 343, 349.
 - ¹⁴ Там же, № 311, с. 222.
 - ¹⁵ ААЭ, т. 1, № 76, с. 55.
 - ¹⁶ *Мейчик Д. М.* Грамоты XIV и XV вв. из Московского архива Министерства юстиции. М., 1885, № 138, с. 139—140; *Шумаков С. А.* Обзор грамот коллегии экономии. М., 1917, вып. 4, № 1370, с. 497—498.
 - ¹⁷ *Веселовский С. Б., Яковлев А. И.* Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв. М., 1929, т. 1, № 181, с. 96; АСЭИ, т. 1, с. 222.
 - ¹⁸ 3 марта 1454 г. игуменом Троице-Сергиева монастыря был Мартемьян (АСЭИ, т. 1, № 250, с. 178—179), а 22 сентября 1454 г. — Вассиан (*Кашианов С. М.* Очерки русской дипломатии. М., 1970 (далее: Очерки. . .), № 15, с. 368—370).
 - ¹⁹ Д. М. Мейчик обратил внимание на слова «откупили нынеча (курсив мой. — Г. С.) тамгу». Слово «нынеча» он истолковал как доказательство выдачи грамоты сразу после смерти Василия в 1462 г., интуитивно приближаясь к обосновываемой в данной заметке датировке грамоты, но не решаясь сделать вывод, на который наталкивают последующие слова («У отца моего, великого князя, у попов благовецских») о ее составлении до смерти Василия II.
 - ²⁰ АСЭИ, т. 1, № 311, с. 222.
 - ²¹ Там же, № 311, с. 222.
 - ²² По наблюдениям автора, наиболее ранняя из дошедших до нас более или менее точно датированных грамот Василия Тёмного, содержащих печати с таким изображением, относится к 1448/49 г. Затем такие печати неоднократно встречаются в грамотах 50-х годов XV в. (АСЭИ, т. 1, № 220, 224, 260, 262, 278; т. 2, № 101, 169, 359, 453; т. 3, № 41; ДДГ, № 52, 55, 56, 58, 59, 61).
 - ²³ *Лакиер А.* Русская геральдика. СПб., 1855. Кн. 1; *Орешиников А. С.* Материалы к русской сфрагистике. М., 1903.
 - ²⁴ АФЭХ. М., 1951, ч. 1, № 115, с. 107; № 126, с. 117, 118.
 - ²⁵ АСЭИ, т. 2, № 359, с. 352—360; т. 3, № 41, с. 62.
 - ²⁶ Первое упоминание об игуменстве в Троице-Сергиевском монастыре Вассиана относится к 22 сентября 1454 г. (*Кашианов С. М.* Очерки. . . , № 15, с. 368—370), последнее — к марту 1463 г. (АСЭИ, т. 1, № 377, с. 244). К 1 июня 1467 г. троицким игуменом был уже Спиридоний (АСЭИ, т. 1, № 342, с. 250).
 - ²⁷ АСЭИ, т. 1, № 195, 199, 201, 224, 236; *Кашианов С. М.* Очерки. . . , № 11, 12.
 - ²⁸ АСЭИ, т. 1, № 244, с. 172. Грамота писана после 5 июля 1453 г., когда умерла великая княгиня Софья (ПСРЛ, т. 25, с. 273). Ее села даются «в дом живоначальной Троице в Сергиев монастырь». Неупоминание игумена дает как будто некоторые основания считать, что грамота дана в отсутствие в монастыре игумена — между игуменствами Мартемьяна и Вассиана — 3 марта 1454 г., когда Мартемьян последний раз назван игуменом Троице-Сергиева монастыря (АСЭИ, т. 1, № 250, с. 173—179) — 22 сентября 1454 г. (первое упоминание об игуменстве Вассиана). Но Василий Тёмный не называл по имени троицкого игумена уже после 3 июля 1453 г. (АСЭИ, т. 1, № 245, с. 172—173; *Кашианов С. М.* Очерки. . . , № 14, с. 366—368). Видимо, после ссоры с Мартемьяном (*Бриллиантов И. И.* Ферапонтов Белозерский монастырь — место заточения патриарха Никона. СПб., 1899, с. 24, 25) великий князь стал искать нового игумена, явно демонстрируя, что Мартемьян в роли троицкого настоятеля ему негоден. Поэтому верхней гравью грамоты надежнее считать 5 июля 1453 г. — день смерти Софьи Витовтовны, а не 3 марта 1454 г. (последнее

- упоминание Мартемьяна в жалованной Ивана Можайского).
- ²⁹ Назаров В. Д. Дмитровский удел. . . , с. 60.
- ³⁰ ПСРЛ. СПб., 1859, т. 8, с. 180.
- ³¹ АСЭИ, т. 1, № 61, 224, 259, 328, 330, 332, 340; АФЗХ, ч. 1, № 124, 125; *Каштанов С. М.* Очерки. . . , № 25. Нижняя хронологическая грань этих грамот — 17 июля 1483 г. К этому дню Иван III был уже «великим князем всея Руси» (*Хорошкевич А. Л.* Об одном из эпизодов династической борьбы в России в конце XV в. — История СССР, 1974, № 5, с. 130; *Абрамович Г. В.* Поганая писцовая книга. — ВИД. Л., 1978, вып. 9, с. 188), а в вышеприведенных грамотах слова «всея Руси» отсутствуют. Особенно вероятно написание в 1454—1456 гг. двух грамот, подписанных дьяком Федором (АСЭИ, т. 1, № 61, 224) — тем, который подписал подтверждение «великого князя» Ивана Васильевича на деревню Назарьевскую, определенно относившееся к 1454—1456 гг. Ряд грамот (АСЭИ, т. 1, № 322; *Каштанов С. М.* Очерки. . . , № 19, 20, 23) упоминают Ивана III и троичного игумена Васиана и, следовательно, определено могли быть составлены не только после 1462 г., но и в 1454—1456 гг.
- ³² ПСРЛ, т. 25, с. 275.
- ³³ ДДГ, № 27, 45, 56, 58.
- ³⁴ АСЭИ, т. 1, № 307; т. 2, № 349, 370—372, 374—376, 381, 398, 402.
- ³⁵ Там же, № 312, 313; т. 2, № 360; АФЗХ, ч. 1, № 173, 225.
- ³⁶ АФЗХ, ч. 1, № 154.
- ³⁷ АСЭИ, т. 1, № 315, 316; т. 3, № 101, 484, 496.
- ³⁸ *Каштанов С. М.* Очерки. . . , № 22.
- ³⁹ АСЭИ, т. 1, № 321, 329; т. 2, № 299; *Каштанов С. М.* Очерки. . . , № 21.
- ⁴⁰ АСЭИ, т. 1, № 314.
- ⁴¹ АФЗХ, ч. 1, № 2, 6.
- ⁴² АСЭИ, т. 3, № 193, 195—197.
- ⁴³ АСЭИ, т. 1, № 318; т. 2, № 366; *Каштанов С. М.* Очерки. . . , № 24.
- ⁴⁴ АСЭИ, т. 2, № 364, 366.
- ⁴⁵ Там же, т. 3, № 253, 257.
- ⁴⁶ Там же, т. 1, № 319.
- ⁴⁷ Там же, т. 2, № 360, 365.
- ⁴⁸ Там же, т. 1, № 308, 309, 331.
- ⁴⁹ Там же, т. 3, № 49.
- ⁵⁰ Там же, т. 3, № 54.
- ⁵¹ Там же, т. 1, № 245, 287, 317; т. 2, № 368, 383.
- ⁵² АФЗХ, ч. 2, № 1.
- ⁵³ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 62, 71, 74, 312, 408.
- ⁵⁴ *Каштанов С. М.* Очерки. . . , № 9, с. 354—361. С. М. Каштанов датирует дело 1442—1462 гг. Верхнюю грань грамоты можно уточнить. На суде Фёдора Михайловича присутствовал дьяк великого князя Василий» (*Каштанов С. М.* Очерки. . . , № 9, с. 360). Василий Беда стал великокняжеским дьяком только в июле 1453 г. (ПСРЛ, т. 12, с. 109). Следовательно, и рассматриваемое дело состоялось не ранее июля 1453 г.
- ⁵⁵ В. Д. Назаров (Дмитровский удел. . . , с. 60—61) обратил внимание на то, что все выданные Юрием грамоты писаны в Москве, а не в Дмитрове (полученном в удел еще при отце), и сделал отсюда логичный вывод о несамостоятельности Юрия и подконтрольности его отцу.
- ⁵⁶ В московско-тверских и московско-ризанских договорах второй половины XV в. систематически присутствуют статьи с требованием «не ссылаться» с этими противниками Москвы и их потомками (ДДГ, № 59, 62, 78, 79).
- ⁵⁷ Уделы при жизни отца явно получили Иван и Юрий. Не только при Василии Тёмном, но и в первые после его смерти годы (примерно до конца 60-х годов XV в.) не имел удела родившийся лишь 8 августа 1452 г. Андрей Меньшой (ПСРЛ, т. 25, с. 273; *Каштанов С. М.* Очерки. . . , с. 369, 370; *Зимин А. А.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. — В кн.: История и генеалогия. М., 1977, с. 172, 173). Вопрос о возможном получении уделов при жизни отца двумя другими сыновьями Василия Тёмного, Андреем Большим и Борисом, оставим пока открытым. В день смерти Василия II, 27 марта 1462 г., Андрею Большому, который родился 13 августа 1447 г. (ПСРЛ, т. 25, с. 267), было 14,5 лет, а Борису — родился с июля 1449 г. (ПСРЛ, т. 25, с. 270) — около 13 лет. Судя по тому, что Иван и Юрий получили уделы в 13—14 лет, Андрей Большой и Борис могли получить их накануне смерти отца. Но произошло ли это, неясно.
- ⁵⁸ *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России в конце XV—первой трети XVI в. М., 1967.

ИЗ ИСТОРИИ АРХИВА СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Научное значение монастырских архивов определяется той политической, хозяйственной и культурной ролью, которую играла церковь в феодальный период. В составе архивов духовных корпораций до нас дошла основная часть актового материала, имеющего важное значение для изучения социально-экономической и политической истории Русского государства XIV—XVII вв.

Вопрос о степени полноты и репрезентативности документальных материалов, отложившихся в архивах монастырей и государственных учреждений, весьма важен. Изучение и реконструкция первоначального состава феодальных архивов — одна из актуальных задач современного источниковедения.

Большое значение для решения этой задачи имеет фундаментальный труд Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV—XV вв.», в котором автор впервые заявил о возможности и необходимости реконструкции цельных архивных комплексов, утраченных или разобщенных в настоящее время, и разработал методику реконструкции на основании комплексного изучения дошедших актов, копийных книг и старых архивных описей. Эта методика успешно применяется и развивается в работах А. А. Зимина, С. М. Каштанова, М. В. Кукушкиной, А. А. Амосова и др.

Давно осознанная необходимость «полного выявления всех сохранившихся источников, обследования всех архивных фондов страны и создания каталога всех дошедших актов XVI в.»¹ дополнена в настоящее время постановкой еще одной важной задачи — монографического исследования истории каждого феодального архива на протяжении XVI—первой половины XVIII в.² Добавим, что судьбы монастырских архивов должны быть прослежены вплоть до настоящего времени, ибо их современное состояние (рассредоточенность по отдельным фондам и хранилищам, находящимся зачастую в разных городах) является следствием обстоятельств, которые необходимо учитывать при реконструкции первоначального состава архива. Без проведения такого исследования нельзя решить вопрос о степени сохранности дошедшего комплекса и ставить задачу реконструкции.

В настоящей работе сделана попытка изучения истории соловецкого архива как комплекса актовых материалов, их описания, систематизации и дальнейшего рассредоточения со времени образования архива до наших дней. Ниже представлена первая часть этой работы, касающаяся так называемого периода практической археографии в развитии монастырского архива от начала его образования до 1733 г.

Богатейший архивный комплекс Соловецкого монастыря оказался рассредоточенным между архивными хранилищами Москвы (ЦГАДА, ГММК, ОР ГБЛ, ОР ГИМ), Ленинграда (АЛЮИИ, ОР ГПБ, Музей истории религии и атеизма, ЦГИА СССР) и Архангельска (ГАО). Важная экономическая, политическая и идеологическая роль, которую играл Соловецкий монастырь в XVI—XVIII вв., определила оживленный интерес к его истории в русской и советской исторической литературе. Материалы соловецкого архива привлекались рядом исследователей: В. О. Ключевским, А. А. Савичем, Н. С. Чаевым, Л. В. Черепниным, Н. А. Барсуковым, А. М. Борисовым, Г. Г. Фруменковым, А. Г. Маньковым, С. М. Каштановым, А. А. Амосовым, М. В. Кукушкиной и многими другими, изучавшими историю Соловецкого монастыря в самых

разнообразных аспектах, однако вопрос о судьбах архива не ставился в этих исследованиях.

Источники для изучения истории архива весьма разнообразны: сами акты (подлинники и копии), пометы на них, свидетельствующие об описании архива; копиянные книги монастыря; монастырские описи XVII—XIX вв. и материалы, содержащие специальную информацию о состоянии архива (переписка монастырских властей с высшими инстанциями, отчеты об осмотре архива, описи изъятых из архива документов и т. п.).

Актовые материалы XV—XVII вв., дошедшие до нашего времени в подлинниках и копиях в составе различных собраний, дают неполное, но наиболее зримое представление о составе архива. Копийные книги XVII—XIX вв. полнее отражают корпус хранившихся в монастыре документов, а иногда и систематизацию их в архиве, позволяют выявить утраченные акты. В настоящее время известны восемь соловецких копиянных книг (1636—1833 гг.)³.

Монастырские описи в широком смысле можно разделить на несколько разновидностей: 1) отписные книги на все имущество, создававшиеся при передаче его от одного игумена другому (XVI—XVIII вв.); 2) отводные книги крепостной казны, т. е. хранилища «крепостей» — актов, создававшиеся при передаче архива от одного хранителя другому (XVII—начало XVIII в.); 3) описные книги монастырских вотчин (1676, 1705 гг.); 4) архивные описи XVIII—XIX вв.

Отписные игуменские книги — самые ранние из сохранившихся передаточных описей монастырского имущества. Как правило, они составлялись по грамоте царя (или великого князя) представителями светской власти при смене настоятелей, о чем свидетельствует запись в Стоглаве: «А манастири и казны монастырские ведаютъ и отписываютъ по всемъ монастыремъ царя и великого князя дворецкие и диаки, и приказываютъ архимандритомъ, и игуменомъ и строителемъ с соборными старцы, и считают архимандритовъ и игуменовъ и строителейъ во всем приходе и розходе царя же и великого князя дворецкие и диаки, или кому повелятъ по цареву слову. Да непорочен будетъ судъ святительской»⁴. Одной из древнейших дошедших до нашего времени монастырских описей является отписная книга Соловецкого монастыря 1514 г. Утвержденная Стоглавом традиция переписи имущества при смене настоятелей в Соловецком монастыре систематически поддерживалась на протяжении XVI—XVII вв. В XVIII в. такие описания, несмотря на требования Синода, проводились нерегулярно. В XIX в. эта практика затухает. От XVI—XVII вв. сохранились 10 отписных книг: 1514, 1549 гг. (в списках 1900-х годов), 1570, 1582, 1597, 1604, 1613, 1632, 1640, 1645 гг.⁵ От XVIII в. дошли две описи, присланные в Синод при смене настоятелей: 1788—1789 гг. и 1793 г.⁶ Для XIX в. такие книги неизвестны. В отписных книгах дается общая характеристика имущества.

В связи с развитием и разветвлением монастырского хозяйства выделяются в отдельные службы казначейская, келарская, затем ризная, книжная палаты, крепостная казна, швальная (портная) и др. При смене хранителей в этих службах было принято также составлять описи — отводные книги. Отводные книги подписывались сдавшим и принявшим хранение, а также «отводчиками», переписавшими казну, и «лучшими старцами», присутствовавшими при отводе. В отводных книгах крепостной казны описаны архивные материалы в том порядке и последовательности, в каком они хранились в ящиках казны. При составлении книг, судя по пометам в тексте, проводилась сверка с прежними отводными книгами, фиксировались изменения в хранении (если документы перекладывались в другие ящики), утрата документов и поступление новых за период службы сменяемого хранителя. В фонде Соловецкого монастыря сохранилось 12 отводных книг крепостной казны 1639—1712 гг.⁷ Ряд отводных книг за длительный период позволяет проследить все изменения в системе хранения и систематизации складывающегося архива и порой уточнить время и причину утраты тех или иных документов. Однако отличительной

чертой отводных книг, особенно ранних, является большая обобщенность в описании, частое использование суммарных характеристик, учет при описании главным образом только подлинных документов.

К отдельной разновидности монастырских описей отнесены две описные книги монастырской вотчины 1676 и 1705 гг.⁸ Эти книги содержат подробное описание всего монастырского хозяйства. Если при составлении отводных книг переписчики часто ограничивались обобщенной характеристикой той или иной группы имущества, то в общих описных книгах присланные в монастырь дьяки более детально фиксировали все, что подлежало описанию. В состав книг 1676 и 1705 гг. входит подробное описание крепостной казны.

В 1733 г. в Соловецком монастыре впервые была составлена архивная опись. В настоящее время известны также еще две описи типа архивных — 1863 и 1885 гг.⁹ В них соблюдается более строгая предметно-тематическая и хронологическая систематизация документов, не допускаются суммарные характеристики целых групп, приведены только индивидуальные заголовки. Архивные описи более полно отражают состав архива, но для изучения судеб архива на первых этапах его складывания они не могут заменить более ранние отводные книги.

К четвертой группе источников относятся материалы, найденные в фондах Синода, Ризничной коллекции Соловецкого монастыря, а также Наркомпроса, которые содержат характеристику состояния соловецкого архива на протяжении XVIII—XX вв. (переписка, отчеты об осмотре соловецкого архива, акты передачи). Один из важных источников этой группы — отчет Б. Д. Грекова о проверке состояния архива Соловецкого монастыря в 1917 г. до его разобращения¹⁰.

Названные источники в той или иной мере использовались в работах дореволюционных и советских историков. На изучении актовых материалов построены работы А. А. Савича, Н. С. Чаева, А. М. Борисова и др. Копийные книги Соловецкого монастыря изучались В. О. Ключевским, А. А. Савичем (книги 1833 г.), Л. В. Черепниным, Н. С. Чаевым, С. М. Каштаповым, А. А. Амосовым (книги 1632—1635 гг.). Описи привлекались к исследованию Н. С. Чаевым (опись 1733 г.), Е. С. Сизовым (опись 1705 г.), А. А. Амосовым, М. В. Кукушкиной (описи XVI—XVII вв.).

Большое значение имела публикация соловецких актов, а также общих хронологических перечней грамот, куда включены сведения о ряде опубликованных и неопубликованных публично-правовых актов из архива Соловецкого монастыря¹¹. Кроме того, весьма важны издания соловецких описей 1514, 1549 гг., извлечений из описей 1570, 1582, 1597 гг., части описной книги 1676 г.¹² В этих публикациях отражен состав книжного собрания и крепостной казны монастыря.

Хотя по истории соловецкого архива нет специального исследования, отдельные наблюдения, касающиеся этого вопроса, можно найти в трудах А. А. Савича (общая характеристика постановки архивной службы в монастыре и данные о состоянии архива в 1920-е годы), Н. С. Чаева и Л. В. Черепнина (датировка копияных книг XVII в.), С. Н. Валка (сведения об обследовании архива Б. Д. Грековым в 1916 г.), С. М. Каштапова (о соловецких материалах в архиве П. М. Строева — собрании М. П. Погодина), М. В. Кукушкиной (публикация и общая характеристика соловецких описей XVI в.), Г. Г. Фруменкова (сведения о вывозе соловецкого собрания в Антониево-Сийской монастырь в 1854 г. и помещении затем его библиотеки в Казанскую духовную академию), А. А. Амосова (исследование организации архивной службы в северных монастырях в XVII в.)¹³. Этим исчерпываются известные в литературе материалы по истории соловецкого архива. Данная работа построена главным образом на неопубликованных источниках.

Время выделения архива Соловецкого монастыря (крепостной казны) в самостоятельную службу трудно определить. По мнению Б. Д. Грекова, должность хранителя крепостной казны была создана в монастыре в пер-

вой половине XVI в.¹⁴ Согласно А. А. Амосову, крепостная казна образовалась лишь во второй четверти XVII в.¹⁵

Самое раннее упоминание о хранении документов в Соловецком монастыре имеется в описной книге 1514 г. Книга дошла в неполной копии начала XX в.¹⁶ Грамоты в ней упомянуты в связи с описанием Успенской церкви: «Да грамота монастырская великого князя Васильева жаловальная, а печат в ней серебряна золочена. Да на сумлян у них грамота правая . . .»¹⁷. В последующих описных игуменских книгах до 1632 г. акты материалы не упомянуты. Самая ранняя из сохранившихся отводных книг крепостной казны была составлена в 1639 г.¹⁸ Однако из предисловия к ней видно, что она служила лишь сдаточной описью архива при переходе его из ведения одного крепостного казначея (старца Гурья) в ведение другого (старца Сергия). В предисловии сказано: «Лета 7147-го августа в 11 день по приговору Соловецкого монастыря келаря . . . да казначея и всех соборных старцев старец Исаия Любимец переписал в крепостной службе у старца Гурья Путимца, что было государевых жаловальных грамот . . . а переписав те всякие имянные дела и отвел старцу Сергию». В конце книги имеется «память, что в крепостной книге от старца Гурья на отводе по главам не сыскали». Следовательно, книга 1639 г. не вводит должность крепостного казначея впервые, так как и до ее составления за сохранность грамот отвечало специальное должностное лицо. Его контролировали по другим крепостным книгам («по главам»).

Упоминание о таких книгах, где грамоты записаны «особно, по статьям по главам», есть уже в описной книге игумену Рафаилу 1632 г.¹⁹ В эту книгу впервые были записаны «государево жалованье грамоты и всякие монастырские крепости». Характеристика их, в отличие от других описанных ценностей, дана очень бегло: названа грамота Новгородской республики за 8-ю свинцовыми печатями, «да и иные новгородские посадничьи даные на всякие монастырские угожья», «да жаловальные грамоты государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси, и блаженные памяти прежних государей: царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, и царя Федора Ивановича всеа Руси, и царя Бориса, и царя Василья за вислыми за красными и за глухими печатми на Соловецкий остров и на иные тутошные островки, и на монастырскую отчиму, и на цренные промыслы, и на рыбные ловли, и на сенные покосы, и на всякие угожья, и о хлебной и товарной покупке, и о соляной продаже, и о всяких пошлинах» (л. 157 об. — 158). Суммарная характеристика грамот объясняется наличием книг, где все эти грамоты «писаны»: «И те данные и государевы жаловальные грамоты в монастыре писаны в монастырских записных казенных книгах особно по статьям имянно». Названными записными казенными книгами вероятно являются дошедшие до нашего времени две кошійные книги Соловецкого монастыря²⁰. Эти книги, очевидно, служили учетным документом, с которым сверялось наличие актов в архиве.

Первый сборник (кн. 136) озаглавлен: «Книги 141 году Соловецкого монастыря при игумене Рафаиле переписные государевым жаловальным грамотам и всяким крепостем». Книга представляет собой рукопись в 4° на 588 листах. В начале книги помещены «главы» (заголовки), содержащие краткую аннотацию документов, вошедших в сборник. Эти «главы» имеют буквенную нумерацию. На полях против «глав» прослеживается несколько рядов помет, свидетельствующих о проверке наличия оригиналов переписанных грамот. На листе 17, после оглавления, имеется запись: «Лета 7141-го февраля в 1 день, Соловецкого монастыря игумен Рафаил, посоветовав с келарем старцем Паисием да с казначеем старцем Азарием и со всеми соборными старцы, велел написать в книги списки с государевых жаловальных грамот . . . и со всяких крепостей слово в слово подлинно порознь по статьям вперед для ведома». В сборнике помещены документы конца XV—XVII в. (до 1635 г.), причем главным образом публично-правового характера. Попавшие сюда частноправовые акты относятся исключительно к XV в. и, вероятно, к моменту описания стали своего рода ре-

ликвиями, так как показывали, с чего начиналось землевладение Соловецкого монастыря.

Последующие описи всегда ставят эти грамоты на первое место как «крепости старые дачи новгородских посадников». Сборник № 146 озаглавлен: «Книги, а в них списки с вотчинных и всяких крепостей». Он состоит из двух книг. Обе в картонных переплетах XIX в., в 4°. Первая: л. 1—436. Вторая: л. 437—808. В книгу вошли списки с частных актов XVI—XVII вв., расположенные не по хронологии, а по владениям, причем перед каждым из разделов имеются заголовки такого рода: «Книги, а в них писаны крепости Чюские и Керецкие волости» (л. 105). В правом верхнем углу лицевой стороны листов всего раздела (л. 105—127а) проставлены пометы типа: «Кереть и Чюпа», или: «Книги, а в них писаны крепости Корельские Шуерецкие волости» (л. 18), «Шуя Корельская» (в правом верхнем углу л. 18—24а).

Такая систематизация актов по владениям укрепились и получила дальнейшее развитие в крепостной казне. В соответствии с ней хранились документы «по ящикам», и, вероятно, их наличие при составлении отводных книг проверялось по копиям в книге. На полях напротив текста грамот в книге № 136 имеются пометы «есть» и другие (типа «галочек» и т. п.), а также более распространенные сведения, например: «Подлинная в Новгородском ящике», или «Подлинная на Москве згорела, а список в Пузыревском ящике», или «Есть список в Орлецком ящике, а матица²¹ на Москве згорела». На проверку по копиям в книге указывают также записи в отводной книге крепостной казны 1639 г.: «Память, что в крепостной книге от старца Гурья на отводе по главам не сыскали, тому роспись. Нашли во главах (т. е. в оглавлении копиях книг. — Т. Т.) выдран лист, а против тех глав же в той книге выдрана тетрадь, а в той тетради были списаны з дву государевых грамот два списка, да з дву грамот патриарших два списка о игумене Иринеархе, да о келаре старце Васьяне, да о казначее Протасие, да и грамот подлинных матиц не сыскали, да в той же тетради был список о старце Андреяне да о Симеоне, да в той же тетради были две главы 34 да 35; тех глав нет, а какие грамоты, того неведомо». Действительно, тексты названных в оглавлении книги № 136 грамот «Про келаря Васьяна и про казначея Протасья», «О Симеоне да об Ондреяне» (гл. 130—132) в сборнике отсутствуют, а сами заголовки заклеены и против них просматриваются пометы об утрате подлинников. Часто оказывается, что заголовки конкретных грамот, приведенные в отводных книгах, заимствованы из копиях книги № 136.

От второй трети XVII в. сохранилось шесть отводных книг крепостной казны: 1639, 1642, 1645, 1648, 1653 и 1663 гг.²², причем две из них использовались для вторичного отвода без переписки: книга 1639 г. — в 1641 г., книга 1642 г. — в 1643 г. Эта группа отводных книг отражает ряд последовательных передач архива от одного хранителя другому. По ним хорошо прослеживаются изменения в составе документального комплекса и в его систематизации. Наиболее близки между собой по структуре отводные книги 1639—1653 гг. Описания в них построены по одной схеме. В отводной книге 1639 г. описаны 45 ящиков, содержащих архивные документы. В первых ящиках были сосредоточены «государевы грамоты»: 1) «за красными и черными печатями», 2) «с золотою печатью», 3) «о разных делах» и «о опальных», 4) «о запросных деньгах». Далее описано несколько ящиков, где находились патриаршья грамоты, ставленные поповские и др. Затем описано 32 ящика, содержащих «государевы грамоты» и частные акты, систематизированные по владениям: «новгородской», «сумской», «кемской», и др. ящики. Всего в отводной учтены 283 государевы грамоты, из них лишь 19 имеют индивидуальные описания (главным образом это те великокняжеские и царские грамоты, которые хранились в ящиках по владениям, вместе с частными актами). Но индивидуальные характеристики грамот здесь настолько кратки, что не дают ясного представления об описанных грамотах. Таковы, например, заголовки: «Грамота з золотою печатью» или «Государева грамота отписная на 12 дере-

вень» и т. п. Большинство грамот описано не индивидуально, а по группам: «Государевых жаловальных листовых 39 грамот за красными печатями» или «Государевых же 62 грамоты за черными печатями о монастырских разных делах, на деревни и на тони по книгам». Такая большая степень обобщенности характеризует еще не развитую систему описания, а также факт использования для проверки наличия других учетных документов (уже упомянутых копийных книг).

Изменения в системе хранения и описания документов с 1639 по 1653 г. были незначительными и характеризовались главным образом выделением некоторых групп документов в отдельное хранение, что и фиксировалось в описи. Так, в 1639—1643 гг. «государевы грамоты листовые за красными печатями» и «столбцовые за черными» хранились вместе и записаны в описях в одной рубрике, а в 1645 г. они были распределены по разным ящикам и описаны раздельно. Из группы грамот «о разных делах» выделены грамоты «о опальных»²³. Но главные изменения вносят вновь поступившие документы, которые, как правило, описаны более конкретно. Так, в отводной 1642 г. впервые записаны «списки с судных дел усольских прикащиков 137—149 годов».

В книге 1663 г. намечается переход к новым принципам систематизации и описания документов. Царские грамоты сгруппированы здесь уже по периодам правления, однако индивидуальные заголовки пока являются исключением. Многочисленные пометы на полях черными черпилами и киноварью свидетельствуют о тщательной проверке наличия грамот и соответствия описи действительному содержанию описываемых ящиков. Около каждого описания ящика стоит помета либо «не смотреть», либо «смотреть». Встречаются также пометы о результатах просмотра: «В сем ящике грамот не объявилось»; «Сей ящик разнесен в разные ящики»²⁴. В отводной 1663 г. можно выделить 43 конкретных заголовка царских грамот. Однако книга 1663 г. являлась лишь первым шагом на пути к подробному описанию царских грамот. Окончательный переход к индивидуальному описанию каждой грамоты закреплен в переписной книге Соловецкого монастыря 1676 г.²⁵

Книга 1676 г. явилась определенной вехой в развитии архивной работы в монастыре. В 1676 г. по указу царя Федора Алексеевича и патриарха Иоакима было предпринято описание всех монастырских владений, как на Соловецких островах, так и на побережье во всех монастырских усольях и других промыслах. Это мероприятие имело ясно выраженное политическое значение. Перепись производилась сразу после снятия восьмилетней осады царскими войсками соловецкой крепости и разгрома старообрядческой оппозиции. Дьяку Алмазу Чистого и воеводе князю В. А. Волконскому, направленным в монастырь, было велено: «. . . описать церкви божие и колокола, и книги, и церковную утварь, и монастырскую и всякую казну, и запасы и все, что есть, переписать имянно». Им надлежало также ехать в «дальние» и «ближние» вотчины Соловецкого монастыря для переписи, «а переписав все и счетчи по книгам и сметя всякие доходы», писать к государю «подлинно, и переписную сметную роспись и счетные списки прислать к Москве» в Новгородский приказ²⁶.

В переписной книге 1676 г. дано подробное описание всей монастырской вотчины и всех служб, в том числе и крепостной казны. Происхождение книги объясняет ее особенности. Поскольку книга не была отводной, часть документов (наименее важных по мнению составителей и описываемых в отводных книгах суммарно) совсем исключалась из описания. В то же время составители описи 1676 г. с особым вниманием отнеслись к документам, исходившим от великих князей и царей. Если в отводной книге 1663 г. имеются 43 индивидуальных описания царских грамот, то в описной книге 1676 г. их 358. Описания царских грамот отличаются большой подробностью. Они дают сведения о разновидности документа, адресанте, содержании, наличии дьячьих подписей, скреп, подтверждений, печатей, а иногда указывают состояние сохранности документа. Суммарные характеристики остались только для грамот «о еретиках» и «о ссыльных».

Для последующих отводных книг опись 1676 г. играла роль учетного документа, с которым сверялись при отводе крепостной казны, так же как ранее сверялись с копиями книгами 1632—1635 гг. В отводной книге 1677 г., например, прямо указывается «Соборный старец Игнатий переписал крепостную казну с переписных книг стольника и воеводы князя Владимира Андреевича Волконского да дьяка Алмаза Чистого . . . и отвел по статьям перомонаху Геронтию»²⁷. Не обнаруженные при проверке документы, а также вновь поступившие записывались в конце книги²⁸. Вносились изменения и в основной текст описи: встречаются описания документов, не отмеченных в описи 1676 г. Например, в отводной 1677 г. записано: «Да сверх переписных книг объявилась государева грамота царя Михаила Федоровича 143 году . . .»²⁹. В отводной книге 1684 г. также отдельно записано, «чево не объявилось по описным книгам стольника и воеводы Володимира Андреевича Волконского да дьяка Алмаза Чистого»³⁰. Содержащееся в книге 1676 г. описание крепостной казны вплоть до начала XVIII в. служило эталоном для всех отводных книг Соловецкого монастыря.

От последней четверти XVII—первой половины XVIII в. дошло пять отводных книг: 1677, 1684, 1690, 1695 и 1711 гг.³¹, причем три из них использовались для вторичного отвода без новой переписи: книга 1677 г. в 1679 г., книга 1695 г. в 1697 г., книга 1711 г. в 1712 г. Все они составлены в ходе передачи архива от одного крепостного казначея другому, причем лакун в этом ряду нет, из чего можно сделать вывод, что казначеи менялись в среднем через пять лет (но иногда через год и даже через 15 лет). Начиная с 1677 г. в отводные книги вносятся сведения о поступлении в казну новых документов и о временной выдаче из нее грамот, необходимых в моменты расследования спорных земельных дел³². С 1685 г. эти своеобразные книги поступления существуют самостоятельно под названием «Книги переписные грамот (или «документов и книг»), что передано из соборных сеней (или «из приказа») в крепостную казну»³³.

В 1705 г., видимо в связи с общим описанием монастырских и церковных земель, проведенным по указу Петра I Монастырским приказом в первые годы XVIII в.³⁴, было предпринято тщательное описание всей соловецкой вотчины. Опись 1705 г., составленная дьяком холмогорского архиерейского дома Карпом Андреевым, представляет собой книгу в кожаном переплете, в лист, на 655 листах с дьячей скрепой по листам³⁵. Разделы описи, касающиеся церковных и хозяйственных построек внутри монастыря (л. 2—363 об.), расположены в той же последовательности, что и в описной книге 1676 г. На последующих листах (л. 364 об.—655 об.) дана подробная характеристика вотчин Соловецкого монастыря. Раздел, посвященный крепостной палате (архиву), расположен на л. 223—290 об.

Структура этого раздела в целом соответствует принятой в описной книге 1676 г. Однако сюда включен целый ряд статей, отсутствующих в предыдущей описной книге: «33-й ящик, а в нем грамоты великих государей и патриаршие о ссыльных людех и о всяких делех. 34-й ящик, а в нем государевых дватцать грамот в Соловецкий монастырь ко игуменом о разных делах и о Анзерской пустыни . . . 39-й ящик, а в нем грамоты великих государей, числом триста тритцать одна грамота о всяких разных делах . . . 41-й ящик, а в нем списки со многих государевых жаловальных грамот — листовые и в столпцах . . . 45-й ящик, а в нем государские и патриарши и митрополичьи грамоты. Тритцать три грамоты блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца в Сумской острог о всяких монастырских делах. Шесть грамот государевых в разные города к воеводам . . . 46-й ящик, а в нем семь грамот государевых в Соловецкий монастырь о разных делех . . . 47-й ящик, а в нем великих государей дватцать грамот о всяких разных монастырских делах . . . Шеснатцать списков с государевых жаловальных грамот в лист . . . 48-й ящик, а в нем прежних великих государей жаловальные грамоты, писаны на листах

за красными вислыми печатми . . .». Составители книги 1705 г. включили в нее описания документов, поступивших в монастырь в 1676—1705 гг. В книге появились суммарные характеристики и более ранних грамот, которые до того в описях не фигурировали. Царские жалованные грамоты «за красными вислыми печатями», не зарегистрированные в книге 1676 г., были выделены в отдельное хранение (48 ящик) и получили индивидуальные заголовки.

В целом описание 1705 г. отличается большей подробностью по сравнению с книгой 1676 г., но структура описательных статей не изменилась. Более того, заголовки грамот, упоминаемых и в описи 1676 г., чаще всего заимствованы из нее. Однако внесение в опись 1705 г. сведений о ряде документов, не упоминавшихся ранее, позволяет считать ее особо важной для реконструкции состава соловецкого архива.

В XVIII в. состояние крепостной казны ухудшилось. В общей описи Соловецкого монастыря, произведенной в 1711 г. полковником Иваном Кокоскиным и подобной в других разделах описи 1705 г., крепостная казна не описана³⁶. В соловецкой «Росписи монастырским тоням» 1721 г., составленной по архивным материалам крепостной казны, находим следующую характеристику состояния архива: «Крепостная не разобрана по статьям, и всякие крепости на одни места — по разным ящикам, а иные крепости — в розбитых письмах, и приискывать без разбору крепостной трудно»³⁷.

В 1721 г. предпринимается разбор крепостной казны присланным для этой цели в монастырь поручиком Михаилом Салтыковым. Это событие отмечено в Соловецком летописце: «1721 года . . . по указу великого государя приезжал в Соловецкий монастырь архангелогородского гарнизона поручик Михайло Салтыков для описи оригинальных древних царских жалованных грамот, также и других достопримечательных документов, которые высочайше повелено тщательно хранить и просушивать»³⁸. К сожалению, опись Михаила Салтыкова не найдена, но по пометам на самих документах можно сделать вывод, что при нем была проделана работа не только по описанию, но и по пересистематизации документов. Подлинные царские грамоты сосредоточивались в одном месте. Так, на сохранившемся списке с грамоты царя Ивана IV на село Сузырево помечено: «. . . Подлинная грамота по описи з Двины поручика Михаила Салтыкова 721 году переложена в первой ящик к другим ево великого государя грамотам»³⁹. Пометы такого типа есть и на других грамотах. Салтыков, вероятно, предпринимал и розыски затерянных грамот. Так, на списке с указной грамоты царя Василия Ивановича Шуйского новгородскому воеводе 1607 г. тем же почерком помечено: «Подлинной грамоты в крепостной нет, а дана была с прочетом. Надо поискать»⁴⁰.

Следующая по времени из сохранившихся описей относится к 1733 г.⁴¹ Рукопись на 536 листах (I—V+531), в лист, вжном переплете. По своей структуре и характеру она еще близка к отводным книгам: перед описательными статьями групп документов записано место их хранения («на ящике 1-м» и т. п.), т. е. опись отражает систему хранения документов в архиве. Однако она уже более приближается к архивной описи в современном понимании: статьи ее пронумерованы, схема систематизации более строгая и соответствует предметно-хронологическому принципу. На первых четырех листах описи (л. I—IV) помещен «Реестр главам», который отражает схему систематизации документов в архиве. Всего в реестре 87 глав-разделов.

В гл. 1 названы описные книги 1705 и 1721 гг., планы Соловецкого монастыря. В гл. 2 — грамоты новгородских посадников и Ивана III на владение Соловецкими островами. В гл. 3 — новгородские пергаменные грамоты на монастырские вотчины. В гл. 4—12 перечислены подлинные царские жалованные грамоты в Соловецкий монастырь 1539—1711 гг. В гл. 13, как указано в реестре, предполагалось описать «копии с грамот и печатные листы», однако в описи на месте этого раздела оставлены два чистых листа (л. 63—64 об.). Гл. 14—22 также содержат описания царских грамот, но систематизированных по предметно-хронологическому

принципу (выделены группы грамот «богомольных», «опасных», о ссыльных и т. п.; внутри этих групп грамоты описаны в хронологическом порядке). В гл. 23—29 описаны грамоты духовных властей. Остальные архивные материалы систематизированы по географическому принципу (по волостям и усадьям Соловецкого монастыря).

Созданию описи предшествовала определенная архивная обработка документов. Она сводилась к просмотру грамот и «приписи» на них кратких аннотаций-заголовков. Предисловие к описи (л. V) гласит: «1733 году июля . . . по благословию . . . Варсонофия архимандрита з братиею Соловецкого монастыря келарь иеромонах Геннадий Дроздовский, по прежним отводным книгам пересмотря в крепостной казне государевы жалованные, патриаршие и митрополичьи, архиепископские грамоты о разных государевых и митрополичьих делах, на монастырские вотчины всякие крепости, и с писцовых книг заручные и беззаручные выписи, которые тщанием своим он, келарь, разобрав и на них для скорого способного прииску подписав, о чем всякая грамота и крепость и выпись гласит, положил каждую грамоту, крепости и выписи по особливим ящикам . . .».

Из всех рассмотренных книг XVII—XVIII вв. опись 1733 г. является наиболее подробным описанием собственно архива Соловецкого монастыря. В ней уже нет суммарных аннотаций групп документов, еще встречающихся в описи 1705 г., содержание документов характеризуется полнее, чем в предшествующих описях, даны индивидуальные заголовки царским грамотам «о благочинии», «богомольным», «опасным», «о ссыльных» (в ранних описях они выступают как нерасчлененные группы грамот «о разных делах»). Однако в описи 1733 г. не указан целый ряд грамот, упомянутых в описи 1705 г., что, возможно, объясняется утратой подлинников. Так, в описи 1705 г. названы пять неизвестных ныне несудимых грамот Ивана IV 1541—1542 гг., которые в описи 1733 г. уже не записаны. Следовательно, хотя опись 1733 г. значительно расширяет информацию о многих грамотах, она не может быть использована для реконструкции состава архива без привлечения предыдущих описаний.

Трудно сказать, принадлежала ли инициатива описания Соловецкого архива в 1733 г. монастырским властям или была вызвана указаниями Синода. В предисловии к описи 1733 г. о подобных указаниях ничего не говорится. Известно лишь, что в 1726—1733 гг. Синод запрашивал из монастырей ведомости о составе хранившихся в них ценностей и имущества⁴². Возможно, работа келаря Геннадия по описанию архива и была с этим связана.

В 1741, 1761 и 1762 гг. в Соловецкий монастырь направлялись указы из канцелярии архангелогородского архиепископа и из Синода об описании всего монастырского имущества при назначении новых архимандритов. Но, судя по свидетельству архимандрита Иеронима, такие описания не составлялись, и в 1788—1789 гг., при вступлении его в должность настоятеля, была составлена опись монастырского имущества⁴³, которую он прислал в Синод в 1790 г.⁴⁴ Эта опись состоит из шести книг⁴⁵, пятая из них (на 36 листах) содержит описание архива. Однако в связи с тем, что монастырские власти после секуляризации церковных земельных владений и изъятия в Коллегию экономии грамот, удостоверявших прежние права корпорации, потеряли практический интерес к архивным материалам, описание оставшихся грамот сделано достаточно бегло. Большую ценность этой описи представляет включенный в ее состав список изъятых из соловецкого архива в Коллегию экономии в 1767 г. документов.

Секуляризация монастырского землевладения, очевидно, явилась причиной упадка архивной службы монастыря (в актовой ее части). В описях монастырского имущества, сделанных впоследствии, при приеме дел новыми архимандритами в 1791 г. и в 1805 г.⁴⁶, нет даже краткого описания архива. Завершился период развития «практической археографии» в монастыре.

- ¹ *Зимин А. А.* Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси. — В кн.: Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 443.
- ² *Амосов А. А.* Архивная опись как источник информации об утраченных актах. — СА, 1975, № 1, с. 65.
- ³ ЛОИИ, Собр. актов книг, № 136, 146, 150; ОР ГПБ, Соловецкое собр., № 18/1477, 19/1479; Погод., № 1906; ЦГАДА, ф. 281, д. 7270.
- ⁴ АИ, т. 1, № 155, с. 273.
- ⁵ *Кукушкина М. В.* Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в., ч. 1. — АЕ за 1971. М., 1972, с. 357—372; ЛОИИ, Собр. актов книг, № 121, 124, 127, 128, 130, 138, 141; ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 40.
- ⁶ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 2, д. 225; ф. 834, оп. 3, д. 2421.
- ⁷ ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 37, 249, 253, 315, 454, 458, 481, 557, 570, 629, 653, 816, 904.
- ⁸ ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 555; ОРМ ГММК, охр. № 40505.
- ⁹ ЛОИИ, Собр. актов книг, № 149, 151, 153.
- ¹⁰ *Греков Б. Д.* Отчет об осмотре архива Соловецкого монастыря. — В кн.: ЛЗАК. Л., 1926, вып. 33, с. 47—95.
- ¹¹ Характеристику дореволюционных публикаций см. в кн.: *Савич А. А.* Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927, с. 22, 23. В советское время соловецкие акты публиковались в следующих изданиях: Сборник грамот Коллегии экономов. Пг.: Л., 1922—1929. Т. 1, 2; *Чаев Н. С.* Северные грамоты XV в. — ЛЗАК. Л., 1929. Вып. 35; Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв. Л., 1930; Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск, 1941; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949; История Карелии в документах и материалах: Хрестоматия: Учебное пособие для средних школ Карельской АССР. Петрозаводск, 1980. Ч. 1; Указания в перечнях см.: *Каптанов С. М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. ч. 1. — АЕ за 1957 год. М., 1958; То же, ч. 2. — АЕ за 1960 год. М., 1962; *Каптанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в., ч. 3. — АЕ за 1966 год. М., 1968; *Тевбекин Д. А.* Перечень иммунитетных грамот 1584—1610 гг. — АЕ за 1978 год. М., 1979; То же, ч. 2. — АЕ за 1979 год. М., 1981.
- ¹² *Белокуров С. А.* Материалы для русской истории: Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады (1676 г.) по современным описям. — ЧОИДР. М., 1887, кн. 1, с. 1—80; *Кукушкина М. В.* Библиотека. . . , ч. 1. — АЕ за 1970 год. М., 1971; То же, ч. 2. — АЕ за 1971 год. М., 1972.
- ¹³ *Савич А. А.* Указ. соч., с. 215; *Чаев Н. С.* Указ. публ., с. 123—124; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., 1951, ч. 2, с. 40; *Валк С. Н.* Б. Д. Греков как деятель археографии. — АЕ за 1958 год. М., 1960; *Каптанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970, с. 339; *Кукушкина М. В.* Библиотека. . . Ч. 1, 2; *Она же.* Монастырские библиотеки русского Севера. Л., 1977; *Фруменков Г. Г.* Соловецкий монастырь и оборона Беломорья. Архангельск, 1975, с. 116, 119; *Амосов А. А.* Архивы двинских монастырей: Очерки по истории организации и складывания архивов духовных корпораций: Дис. . . канд. ист. наук. М., 1975. Машинопись.
- ¹⁴ *Греков Б. Д.* Указ. соч., с. 82. А. А. Амосов считает мнение Б. Д. Грекова лишены оснований, так как «первая опись собственно архива в Соловецком монастыре (следует добавить: первая из сохранившихся до нашего времени. — Т. Т.) была составлена 1639 г.» (*Амосов А. А.* Указ. дис., с. 62).
- ¹⁵ *Амосов А. А.* Указ. дис., с. 62.
- ¹⁶ *Кукушкина М. В.* Библиотека. . . , ч. 1, с. 368—372.
- ¹⁷ Там же, с. 369.
- ¹⁸ ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 37.
- ¹⁹ ЛОИИ, Собр. актов книг, № 138.
- ²⁰ Там же, № 136, 146, ч. 1, 2.
- ²¹ По наблюдениям А. И. Копанева, слово «матица» в значении «подлинник» получает распространение в северных актах с последней четверти XVI в. и употребляется в Судебнике 1589 г. (Судебники XV—XVI веков. М.; Л., 1952, с. 497).
- ²² ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 37, 153, 249, 454, 458, 481.
- ²³ Там же, д. 37, л. 2 об.; д. 454, л. 3; д. 249, л. 2 об.; д. 253, л. 2 об.
- ²⁴ Там же, д. 481, л. 23 об., 32.
- ²⁵ Там же, д. 555.
- ²⁶ ГИМ, Синодальное собр. грамот и свитков, ед. хр. 231 (1223—3), стлб. 36—38.
- ²⁷ ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 570, л. 2.
- ²⁸ Там же, д. 570, л. 90—92 об.; д. 629, л. 69—79.
- ²⁹ Там же, д. 570, л. 75.
- ³⁰ Там же, д. 629, л. 1 об.—2.
- ³¹ Там же, д. 315, 557, 570, 629, 653, 816.
- ³² ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 570, л. 89 об.—92; д. 629, л. 69—74, 83.
- ³³ Там же, д. 631, 648, 811, 829, 863.
- ³⁴ *Бульгин И. А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977, с. 33—35.
- ³⁵ ОРМ ГММК, Колл. ризницы Соловецкого монастыря, охр. № 40505.
- ³⁶ ЛОИИ, Собр. актов книг, № 154.
- ³⁷ ОРМ ГММК, колл. ризницы, охр. № 40503, л. 75 об.
- ³⁸ *Досифей.* Летопись Соловецкий на четыре столетия. . . 3-е изд. М., 1833, с. 106—107.
- ³⁹ ОРМ ГММК, колл. ризницы, охр. № 37826.
- ⁴⁰ Там же, охр. № 37887.
- ⁴¹ ЛОИИ, Собр. актов книг, № 149.
- ⁴² ЦГИА СССР, ф. 796 (Канцелярия Синода), оп. 5, д. 567.
- ⁴³ Там же, оп. 58, д. 285.
- ⁴⁴ Там же, оп. 71, д. 18, л. 1.
- ⁴⁵ Там же, ф. 834, оп. 3, д. 2421, кн. 1—6.
- ⁴⁶ Там же, ф. 796, оп. 72, д. 225, л. 120—341; оп. 86, д. 431.

Е. Б. Емченко, И. В. Курукин

К ИЗУЧЕНИЮ ПУБЛИКАЦИЙ «ДЕЛА ВИСКОВАТОГО» И ФОРМИРОВАНИЯ ЕГО СОСТАВА

«Дело Висковатого» — материалы собора конца 1553—начала 1554 г. Оно посвящено разбору выступления знаменитого дьяка И. М. Висковатого против композиций на новых иконах и фресках кремлевской Золотой палаты. Это «Дело» длительное время привлекает внимание исследователей — историков и искусствоведов¹. Но единственной специальной работой, посвященной изучению этого памятника, остается большая статья Н. Е. Андреева, в которой он впервые провел источниковедческое изучение «Дела» на основе опубликованных материалов и пришел к выводу, что оно представляет собой позднейшую сводку материалов, основанную на записи очевидца судебного разбирательства и включившую в себя подлинные документы и связующие вставки писца или составителя².

Для А. А. Зимина «Дело Висковатого» не являлось предметом специального исследования. Он коснулся лишь некоторых аспектов изучения памятника: выяснил состав публикаций «Дела», дал краткое описание Волоколамского и Погодинского списков и сборников, в которых они содержатся. На основании изучения известных ему списков А. А. Зимин считал, что этот источник представляет собой «продуманное изложение всего хода дела, принадлежащее перу официозного составителя, который знал судебную документацию», и по характеру изложения напоминает «правые грамоты», т. е. протокол судебного разбирательства с приговором³.

Впервые «Дело Висковатого» было частично опубликовано в 1836 г. по Соловецкому списку⁴ (далее — Сол.). В издании были помещены лишь «покаяние и ответ» дьяка Висковатого, соборная епитимия ему, жалобницы Сильвестра и Симеона. Большая часть самого соборного разбирательства не была опубликована по неизвестным причинам.

Новую публикацию «Дела» осуществил О. М. Бодянский по датированному им XVI в. списку из собрания И. П. Сахарова (далее — Сах.). Но пропуски в тексте памятника он восполнял по предыдущему изданию, никак не оговаривая⁵.

Затем «Дело» было опубликовано в 1858 г. тем же О. М. Бодянским по списку, принадлежавшему Иосифо-Волоколамскому монастырю (далее — Вол.), в котором сохранилось начало «Дела» (предисловие составителя, «исповедь» Висковатого и часть соборных возражений), отсутствовавшие в ранее известных списках⁶. Рукопись сильно пострадала от времени, и часть текста была повреждена (эти места отмечены отточиями). Позднее, ко времени реставрации, рукопись оказалась в еще более ветхом состоянии по сравнению с тем временем, когда ее использовал О. М. Бодянский, что придает изданию еще большую ценность. Однако из-за того, что листы рукописи слиплись, в публикации были пропущены два сравнительно больших отрывка⁷.

Следует также иметь в виду, что во всех публикациях допущены ошибки, очень часто искажающие смысл текста, например:

Соловецкий список

Публикация 1836 г.

Таковы всяк человек убо должен есмь
ведать свой чин (л. 215)

Толкование: всяк человек убо должен
есть ведать свой чин (с. 244)

...а Артемей с Селиверстом, а поп Семен Башкину отец духовной... (л. 92)
 ...а на ней написан год аки ангел... (л. 94)

...а Артемей Селиверстов, а после Семен Башкину отец духовной... (с. 5)
 ...а на ней написан господь аки ангел... (с. 7)

В настоящее время нам известно шесть списков «Дела», из которых ни один не является полным. Помимо давно известных Сол., Стр., Вол. и обнаруженного А. А. Зиминим Погодинского списка (далее — Пог.), нам удалось разыскать еще один список «Дела» в собрании В. М. Ундольского (ОР ГБЛ, далее — Унд.) и определить местонахождение Сах., который А. А. Зимин считал утраченным. Все эти списки можно разделить на две группы по принципу полноты состава, в первую из которых войдут Вол. и Пог.

Вол. представляет собой самостоятельную рукопись, написанную одним почерком⁸. За прошедшее с момента публикации время рукопись еще больше обветшала: связный текст сейчас оканчивается на л. 108 об. словами: «мудрование Матюшино от Семена...» (далее сохранились лишь отдельные фрагменты истлевших листов). Как еще в 1858 г. отметил О. М. Бодянский, публикуемая рукопись была оборвана и, по-видимому, в свое время имела продолжение⁹.

Самое начало «Дела» — вступление и отрывок «исповеди» Висковатого (до слов: «...аще видехом, что по истине же видехом, яко же громов сын нас научи, еже бы исперва») — сохранилось и в сборнике-конволюте из собрания М. П. Погодина, где под одним переплетом оказались различные, собранные П. М. Стровым рукописи XVI, XVII и XVIII вв.¹⁰

Все четыре списка другой группы — Сол.¹¹, считавшийся утраченным Сах.¹², Унд.¹³ и Стр.¹⁴ — входят в состав сборников XVII в. и содержат вторую половину соборных возражений («Ответов») Висковатому, его покаяние, епитимию и жалобы Сильвестра и Симеона.

Во всех четырех сборниках «Дело» (без начала) находится вместе с отмеченными А. А. Зиминим произведениями: «Сказанием вкратце о соборе на Матвея Башкина на еретика и о епископе Касьяне Резанском»¹⁵, материалами собора по делу А. Поссевино и такими сочинениями, как «Никифора Панагиота прение с латынею», «Сказание о вере срачинской», «Како говорит с неверными о вере», «Сказание о армянской ереси» и рассказ ученика Макария Александрийского о душах умерших. А. А. Зимин предположил, что сокращенный вариант «Дела» (без начала, сохранившегося только в Вол.) является результатом редакторской переработки в конце XVI в., когда «Дело» было объединено вместе с названными полемическими сочинениями. Причиной подобного сокращения «Дела» А. А. Зимин считал нежелание составителей распространять сомнительные мудрствования дьяка (его «исповедь») и стремление «перенести центр тяжести обвинений в ереси на более колоритные фигуры Матвея Башкина и епископа Кассиана»¹⁶.

Но суть в том, что во всех четырех сборниках «Дело» является как бы составной частью обширного сборника, который открывается «Сказанием о израильтеских пророцах» и заканчивается указанными А. А. Зиминим произведениями. «Сборник» этот включает в себя более 40 крупных и мелких статей в основном церковно-учительного характера. Большая часть из них представляет собой толкования различных сторон церковного обихода: «Сказание священническому чину» Василия Великого, «Устав и чин мнишеский» Пахомия Великого, «О демественном пении», толкования молитв, чина литургии, просфор и вина. Другую группу составляют церковно-исторические произведения: «Сказание о белом клубуке», «Константинов дар», «Повесть о Псково-Печерском монастыре» и т. д. Третья группа представляет собой толкования различных иконных композиций и повести о чудотворных иконах богородицы: Тихвинской, Ватопедской, Оковецкой, Иверской и «чудо пресвятой богородицы во граде Муроме».

На время составления этого «сборника» или подборки материалов указывает помещенная в Стр. и Сах. запись: «Сия подпись аще кто по ро-

дителей своих в церкви даст книгу. Начало: В лето 7131 или коего году и день в пречистую обитель имя рек», а также находящийся во всех четырех сборниках в числе ее статей набор формуляров обращений и приветствий от имени астраханского архиепископа Онуфрия царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету. Там же помещена и запись об основании церкви на дворе архиепископа Онуфрия в Астрахани 30 ноября 1617 г.¹⁷

Нам представляется, что протограф выделенной подборки материалов явно церковного происхождения был составлен в конце 10-х—начале 20-х годов XVII в., возможно в окружении астраханского архиепископа. «Дело» вошло в этот протограф уже в неполном составе, но поскольку все «мудрствования» Висковатого повторяются в уцелевшем тексте, а в отсутствующей части находятся и аргументы Макария, то нет оснований полагать, что утрата начала текста «Дела» была вызвана редакторским вмешательством по указанным А. А. Зиминим соображениям. Скорее всего, в XVII в. в распоряжении составителей протографа подборки был уже дефектный текст «Дела», который, судя по совпадающей в списках первой и второй групп части текста, не подвергался правке и сокращению.

Если составленные в одно время Сол. и Сах. сборники тождественны по составу, то в дальнейшем материалы сборника-протографа начинают «размываться». К ним присоединяются новые сочинения, отдельные статьи переставляются и утрачиваются совсем. В более поздних сборниках, Пог. и Унд., утрачено несколько статей из состава подборки, зато к ней присоединен целый ряд других материалов. Меньше половины статей из состава протографа вошло в другой сборник из собрания Ундольского, отсутствует здесь и само «Дело»¹⁸. Текст «Дела» в Унд. отражает уже тот момент, когда переписчика меньше интересовали подробности аргументации в споре Висковатого с Макарием: из него убираются многочисленные повторения в обращениях Висковатого к митрополиту и в его «покаянии», исключаются и повторения в изложении аргументов собора. Переписчик счел возможным исключить даже жалобницу Сильвестра¹⁹.

Проведенный текстологический анализ показывает, что все четыре списка второй группы имеют сходные отличия от списка Вол., и подтверждает у них наличие общего протографа. Но и самый старший список — Вол. все же не может считаться наиболее исправным, ибо в ряде случаев содержит худшие чтения:

Сах., Сол., Стр. и Унд.

... и тогда от уст Артемьевых ученья книжнова довольно ми показалось, и доброго права и смирения исполнен бысть, и тако всеми людьми видим бысть и ближними и дальними. И яз его тогда познал, и тогда по братцкому прошению и по государеву велению игумен к Троицы поставлен бысть. В та же времена ученик его Порфирий...

Вол.

... и тогда от уст Артемьевых довольно ми ся показало и доброго права и смирения исполнен бысть. В та же времена ученик его Порфирий... (л. 109 об.).

Поэтому нам кажется, что, скорее всего, Вол. был создан уже в монастыре через несколько лет после получения копии «Дела».

Что же все-таки представляет собой «Дело»: позднейшую сводку документов и записей очевидца (как предполагал Н. Е. Андреев) или своеобразный протокол соборного разбирательства (мнение А. А. Зимина)? Попробуем разобраться, насколько «Дело» можно сопоставить с действительной процедурой записи соборного рассмотрения судебных дел в XVI в. Н. А. Казакова в статье о судебных списках Максима Грека и Вассиана Патрикеева установила, что «Дело» Вассиана можно считать типичным для судебных материалов того времени, тогда как «судный список» Максима Грека представляет собой литературно-публицистическую обработку подлинных протоколов судебного разбирательства²⁰.

Исследовательница обратила внимание на характер вступления к судебным спискам, составлявшегося из определенных формул и включавшего

указания на место заседания, перечисление объектов судебного разбирательства и состава суда: приводилась и точная дата. В Вол., сохранившем начало «Дела», мы находим целых два вступления, первое из которых представляет собой краткое изложение всего «Дела»: «Да тогда же бысть собор на диака Ивана на Михайлова сына Висковатого о его богохульных строках и о сомнении святых честных икон, что он сумнение имел о святых иконах и писал о божестве строки развратны и хульны и тех ради вин на том соборе отлучили его от святые соборные церкви и всякыя святыни и пребысть в том соборном отлучении две седмици и потом начат о том своем великом согрешении каяться и плакати . . .»²¹. Далее сообщается о покаянии Висковатого на соборе и о епитимии ему.

Текст этого вступления, как видим, мало походит на обычные вступления к судным спискам. О. М. Бодянский обратил внимание на странное начало этого вступления («Да тогда же бысть собор . . .») и предположил, что издаваемый им «Розыск» является составной частью какого-то большого памятника²². Н. Е. Андреев считал это вступление записью самого очевидца-составителя «Дела», но, поскольку в «Деле» больше ничего не сообщается о двухнедельном отлучении Висковатого, ученый пытался объяснить это известие недоразумением²³ (что, заметим, для очевидца подозрительно). Нам кажется, что это вступление «Дела» можно сопоставить с первым же вступлением (т. е. аналогичной записью литературного характера) к «судному списку» Максима Грека, где также отсутствуют признаки судебного протокола и сообщается о лживом учении Максима: «В лето 7033 писано сице. Максим инок святогорец и учил многих и писал о Христе, яко седение Христово одесную отца мимошедшее и минувшее . . .»²⁴.

Второе вступление к «Делу» как будто похоже на вступления к обычным судным спискам: «В лето 7062 месяца октября в 25 день была речь царя и государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси самодержца с отцом своим Макарием митрополитом всея Руси и с архиепископом и с епископы и з боляры и со всем священным собором в брусной избе о прежнем соборном уложении, о многоразличных делах и чинах церковных . . .»²⁵. Однако и оно представляет собой законченный рассказ о предыстории соборного разбирательства — о заседании царя с боярской думой и освященным собором, на котором, когда речь зашла о контроле над иконописцами, дьяк Висковатый и выступил с осуждением новых икон, что вызвало резкий отпор митрополита Макария. Далее сообщается о подаче Висковатым месяц спустя «списка» с его мнениями об этих новых иконах, о переговорах Макария с царем по поводу поданного «списка» и о новом заседании уже только освященного собора, где рассматривалось вступление дьяка.

Следующей частью «Дела» является пространная «исповедь» Висковатого, после которой Н. Е. Андреев выделяет вставку составителя — вопрос Макария к Висковатому о его «советниках»²⁶. Затем следует основная часть «Дела» — запись соборного разбирательства «сумнений» дьяка, а после нее помещены покаяние Висковатого, епитимия и жалобы Сильвестра и Симеона. Запись судебного разбирательства построена следующим образом — сначала зачитывался один из пунктов «исповеди»: «Вопросити Ивана Михайлова: Писал еси в своей исповеди о ветхом образовании по Данилову пророчеству. . .». После такого вопроса-цитаты, обозначенной в «Деле» словом «вопрос», следовали возражения собора («ответ»), подготовленные Макарием.

Надо отметить, что запись судебного разбирательства в «Деле», вообще довольно близкая к формам судебных списков, обычно не содержит высказываний Висковатого по поводу приведенных ему объяснений (кроме его окончательного покаяния), хотя второе вступление прямо указывает, что Висковатый отвечал на возражения собора: «И диак Иван Михайлов . . . против всех тех соборных ответов говорил»²⁷. Лишь однажды, когда Висковатому был задан вопрос, почему говорил, что в Благовещенском соборе сняли старые иконы и повесили новые образы «своего мудрования» без подписи,

а Макарий в «ответе» изъяснил, что таковые подписи имеются, составитель «Дела» сохранил выступление Висковатого: «И Иван сказал: Яз, государь, на всех на тех иконах у всех святых образов подпись видел, что Исус Христос и Саваоф, а толкования тому не написано, которые то притчи, а ково вспрашу, и они не ведают . . .»²⁸.

В записи сохранено и еще одно выступление дьяка, сделанное в ответ на те вопросы, которые выходили за рамки содержания его «исповеди» (обычно после зачитывания вопроса-цитаты дьяк, видимо, ограничивался согласием с приведенным текстом). Так, когда собор уличил Висковатого в неверном цитировании правил вселенских соборов и слов Иоанна Дамаскина, тот стал защищаться, ссылаясь на списки, которые имел в своем распоряжении. Это, в свою очередь, вызвало допрос свидетелей-владельцев книг. Видимо, в результате последовательного удаления ответных «речей» Висковатого Н. Е. Андреев посчитал то место соборного разбирательства, где говорится о допущенных Висковатовым искажениях цитат и где реплики дьяка сохранены, вставкой составителя²⁹. Между тем именно эта часть текста производит впечатление подвергшейся наименьшей обработке при редактировании подлинных протоколов. Так же может быть объяснена и указанная выше предполагаемая Н. Е. Андреевым вставка в самом начале записи, где помещен вопрос Макария о «советниках» дьяка и ответ Висковатого об отсутствии у него таковых.

Заслуживает внимания и само изложение вопросов-цитат Висковатого и соборных «ответов» в «Деле». Текст «исповеди» Висковатого иногда сокращался и не приводился дословно, но в особо важных случаях (когда речь шла о постановлениях VII вселенского собора) в «вопросе» полностью приведена обширная цитата из «исповеди». В «ответах» допускается повторение одних и тех же мест, например трижды излагается объяснение композиции, где Христос изображен в доспехах, восседающим на кресте³⁰. Можно предположить, что на соборе «ответы» Висковатому зачитывались (а в руках составителя имелся список этих «ответов», подготовленных в канцелярии Макария). Так, по поводу изображения святого духа на иконе Василия Мамырева в соборном «ответе» значится: «Да что еси писал о святом дусе, как писано на Васильевой иконе Мамырева, и ты помянути ужасаешься, и о том впереди писано, а хотим о том соборе изыскати»³¹. Для редактора «Дела» характерна и расстановка в тексте указаний «вопрос» и «ответ», но сделана она непоследовательно, и в некоторых случаях ни пункт из «исповеди» Висковатого, ни соборное возражение на него таким образом не выделяются. Любопытно, что подобная же расстановка слов «вопрос» и «ответ» (и тоже непоследовательная) была проведена и редактором Погодинского списка «Дела» Максима Грека, — в более раннем Сибирском списке их нет³².

Н. Е. Андреев отметил, что после записи судебного разбирательства помещено покаяние Висковатого, а затем без какого-либо пояснения следуют дополнительные вопросы ему — помещен один вопрос-цитата и обширный соборный «ответ», который на две трети состоит из точной цитаты одного из предыдущих «ответов»³³. Можно предположить, что такой перерыв в записи судебного разбирательства отражает действительное положение вещей (во втором вступлении говорится, что Висковатого «на два собора . . . ставили»). Но вероятнее всего, составитель решил таким образом усилить аргументацию собора. Текст «вопроса» не совпадает с соответствующим местом «исповеди» Висковатого — слова: «. . . а подписи на них нет, а что во ангельском образе писали господа нашего Исуса Христа и на верх креста сидит в доспесе и совет пречечный, и подписи над тем нет же» — в ней отсутствуют³⁴. Соборный «ответ» цитирует уже приводившееся объяснение почти всех обсуждавшихся на соборе иконографических композиций, а после повторения столь внушительной аргументации помещен перечень символических икон, которые признаны собором вполне каноничными и достойными почитания. Подобным стремлением можно объяснить и помещение жалобниц священников Сильвестра и Симеона, прерывающих последовательное изложение осуждения Висковатого, в самый конец

«Дела» после приговора. В действительности, как следует из текста жалобниц, они были поданы до окончания разбирательства.

Особо следует выделить вопрос о предполагаемых источниках соборных «ответов». На наш взгляд, одним из таких источников послужило сочинение литературно-публицистического жанра — толкование на иконный сюжет, известный в XVII в. под названием «Ты еси иерей во век по чину Мелхисидекову»³⁵. Отдельные части этой композиции, встречающиеся в Четырехчастной иконе Благовещенского собора, и вызвали протест дьяка Висковатого: изображение Христа в образе Давида, Христа в доспехах, восседающего на кресте, Христа распятого и прикрытого херувимскими крыльями. Одновременно толкование на этот сюжет имеет некоторые текстологические совпадения с «Делом Висковатого». Впервые на это обратили внимание А. В. Горский и К. И. Невоструев при описании сборника № 569 Синодальной библиотеки³⁶.

В настоящее время нами обнаружены в рукописных собраниях ГБЛ, ГПБ и ГИМ 32 списка толкования и установлены три редакции этого произведения. Его появление, возможно, было связано с борьбой с московско-новгородской ересью начала XVI в. В сборнике № 569 имеются списки всех трех редакций, каждая из которых носит свое условное название: «О ветхом деньми», «О имени Иисусове», «В образе Адамове». Н. К. Голейзовский указал лишь на отдельные отличия между списками редакций, помещенных в сборнике № 569, отметив при этом, что вопрос требует специального исследования. Он предположил также на основании текстологических совпадений с «Делом Висковатого», что тексты «О имени Иисусове» (вторая редакция) и «В образе Адамове» (третья редакция) могли быть созданы между 1518—1553 гг. и, по-видимому, были знакомы судьям Висковатого³⁷.

Однако в тексте третьей редакции («В образе Адамове») есть одна деталь, которая позволяет предположить, что она была создана после соборного разбирательства 1554 г. В «исповеди» Висковатый отметил, что на Четырехчастной иконе его недоумение вызвало изображение Христа в образе Давида. Причем Висковатому показалось неубедительным объяснение этого образа лишь ссылкой на Евангелие. На соборе митрополит Макарий на вопрос об этом изображении оставил без ответа: «А на которых иконах пишется в Давидове образе и дух святой в птиче образе. . . и мы о том свидетельства поищем в божественных писании, да посоветуем соборне, да о том и указ учиним»³⁸. И если во второй редакции («О имени Иисусове») изображение бога «в образе Давидове» обосновывается только Евангелием, то в третьей редакции («В образе Адамове») появляется еще и свидетельство пророка Давида: «. . . и како совокупися царское колено со святительским в родстве богородичине, о том пророк Давид глаголет: «Ис чрева прежд дньница родих тя, клятся господь». А о святительской одежде Давид пророк глаголет: Господь воцарися и в лепоту облечесе»³⁹. Таким образом, третья редакция толкования, вероятнее всего, возникла уже после собора 1554 г., под непосредственным влиянием «Дела Висковатого», а указанные изменения были сделаны по распоряжению митрополита Макария. В то же время текстологические совпадения «Дела Висковатого» и второй редакции толкования («О имени Иисусове») говорят о том, что она с некоторыми изменениями и дополнениями могла быть использована судьями Висковатого при объяснении целого ряда изображений Христа и ангелов на Четырехчастной иконе⁴⁰. К тому же она присутствует и во всех четырех сборниках со списками Дела» (Сах., Стр., Сол. и Унд.).

Что же касается времени составления «Дела», то в тексте есть, как кажется, данные для этого. Соборное разбирательство закончилось вынесением приговора-епитимии Висковатому, датированного 14 января 1554 г., но в первом же «ответе» собор ссылается на письменное свидетельство приехавших в Москву за милостыней «старца Еуфимия иконника, да священноинока Павла сам пят с товарищи» из Афонского Пантелеймонова монастыря об изображении Саваофа на афонских фресках и иконах⁴¹.

Дело в том, что названные монахи прибыли в Москву, скорее всего, только весной 1554 г.: в мае 1554 г. они подали челобитную о выдаче проезжей грамоты для беспрепятственного сбора пожертвований на Руси, которая 30 мая и была им выдана⁴². Если бы они приехали в конце 1553—начале 1554 г., то просьба о выдаче грамоты, без которой монахи не могли выполнить своей миссии, последовала бы раньше.

Нам представляется, что митрополит, получив от приезжих греков интересующие его сведения, распорядился внести их в «Дело» как явно обличающие неправду дьяка. Тогда же после окончания целого ряда судебных процессов (по делу Башкина, Артемия и Висковатого) и была создана своеобразная сводка материалов этих процессов, частью которой и явилось «Дело Висковатого». Среди документов Царского архива опись XVI в. выделяет «дела соборные подлинныя, в листех за митрополичью рукою 62-го, 63-го, Матфея Башкина и Артема, бывшего троцкого игумена и иных» и «четыре тетраты, которые посланы по монастырем и в заточенье»⁴³. Последними А. А. Зимин считает списки Вол., Стр. и Сол.⁴⁴ Однако это не те же рукописи, которые упоминает опись, поскольку Сол. и Стр. списки восходят не к оригиналу дела, а к дефектному тексту из выявленной нами подборки церковно-исторических материалов. Требуется дополнительного изучения и вопрос о происхождении списка Вол. Что же касается «тетратей», то это могли быть и обработанные материалы судебных процессов и сами списки судебных процессов над еретиками.

Возвращаясь к изложенным в начале статьи точкам зрения по поводу происхождения «Дела», нам представляется, что позиция А. А. Зимина более убедительна. Однако следует подчеркнуть, что подлинные материалы собора подвергались тщательной литературно-публицистической обработке с целью убедить читателя в несомненной виновности Висковатого и дискредитировать еретиков. Это необходимо учитывать при обращении к «Делу Висковатого» как источнику. В настоящее время необходима новая, научная публикация памятника, поскольку все его издания не отвечают современным требованиям.

¹ Подробную дореволюционную историографию см.: *Андреев Н. Е.* О деле дьяка Висковатого. — *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1932, т. 5, с. 191—241. (Переизд.: *Andreev N.* *Studies in Muscovy. Wester Influence and Byzantine inheritance*. London, 1970, p. 191—241); *Смирнов И. И.* Иван Грозный и боярский «мятеж» 1553 г. — *ИЗ*, 1953, т. 43, с. 162—168; *Мнева Н. Е.* Московская школа живописи XVI в. — В кн.: *История русского искусства*. М., 1955, т. 3, с. 579—582; *Зимин А. А.* И. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 176—179; *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960, с. 265, 266; *Мнева Н. Е.* Искусство Московской Руси при Иване IV. М., 1972, с. 56, 57; *Успенский Л. А.* Роль московских соборов XVI в. в церковном искусстве. — *Вестник русского западноевропейского патриаршего экзархата*. Париж, 1968, № 64, с. 242.

² *Андреев Н. Е.* Указ. соч., с. 197—299.

³ *Зимин А. А.* Указ. соч., с. 178—179.

⁴ ААЭ. СПб., 1836, т. 1, № 139. Епитимия Висковатому была сверена по списку, принадлежавшему П. М. Строеву (ныне ОР ГПБ, Пог., № 1558. Далее — Стр.).

⁵ Московские соборы на еретиков XVI в. в царствование Ивана Васильевича. — *ЧОИДР*, 1847, кн. 3, отд. II, с. 1—30.

⁶ Розыск или список о богохульных строках и о сумнении святых честных икон дьяка Ивана Михайлова сына Висковатого. — *ЧОИДР*, 1858, кн. 2, отд. III, с. 1—42.

⁷ Там же, с. 5, 7; ср.: ГИМ, Епарх., № 432/14, л. 19 об.—20.

⁸ ГИМ, Епарх., № 432/14, л. 1—110. Переплет кожаный. Филигранные: *Briquet C. M.* *Les filigranes*. Paris, 1907, № 12742 (1550—1585 гг.); *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899, № 1740 (1556 г.), Кувшинчик с короной и литерами NO (или LIO) в справочниках не обнаружен (*Зимин А. А.* Указ. соч., с. 177, примеч. 279).

⁹ Розыск. . . , с. 42.

¹⁰ ОР ГПБ, Пог., № 1564, л. 24—35 об. Отывок написан полууставом XVI в. Филигрань (одноручный кувшинчик с розеткой) в справочниках не обнаружена. Описание сборника см.: *Бычков А. Ф.* Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882, с. 2—6.

¹¹ ОР ГПБ, Сол., № 857/967, 4^о, 517 л. Соловецкий сборник представляет собой конволют, две части которого раньше были самостоятельными сборниками. Интересующие нас материалы входят в состав первой рукописи сбор-

- ника, датируемой 30-ми годами XVII в. (л. 1—264 об. Филиграния: *Гераклитов А. А.* Филиграния XVII в. М., 1963, 524 (1628—1630 гг.), 666 (1631 г.), 758 (1625 г.). Согласно записи на л. 264 об. рукопись была куплена у князя Г. В. Тюфякина, ставшим стольником в 1635 г. Н. М. Толочановым, который и оставил на л. 1—37 свою владельческую запись от 23 июля 1659 г. См.: Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию в 1650—1652 гг. Тифлис, 1926, с. 043—044; ср.: *Кукушкина М. В.* Монастырские библиотеки русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII вв. Л., 1977, с. 146. Князь Г. В. Тюфякин упоминается в 1616—1625 гг. (*Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. СПб., 1895, т. 2, с. 309).
- ¹² Обнаружен нами в ГИМе в собрании А. С. Уварова, № 1868/40, л. 90 об.—104 об. Весь сборник (Г^о, 122 л.) написан скорописью, одним почерком в 30-е годы XVII в. Филиграния: *Hea-wood E.* Watermarks mainly of the 17th and 18th. centuries. Hilversun, 1950, № 1215 (1621 г.), № 3531 (1637 г.); *Гераклитов*, № 830 (1636—1638 гг.), № 832 (1639—1640 гг.). На л. 1 и 122 находятся оттиски печати «Из библиотеки лекаря Сахарова» и запись: «Из библиотеки Сахарова». В тексте «Дела» карандашом расставлены знаки препинания, выделены начало и конец публикуемого текста, на поля вынесены заголовки отдельных частей.
- ¹³ ОР ГПБ, Унд. № 593, 4^о, 239 л. Почерк — полуустав и скоропись разных рук. Вторая половина XVII в. Филиграния (стоящая фигура) в справочниках не обнаружена. «Дело» находится на л. 99 об.—116 об.
- ¹⁴ ОР ГПБ, Пог., № 1558, Г^о, 252 л. Филиграния: *Churchill W.* Watermarks in Paper in Holland, England, France in the XVII and the XVIII Centuries. Amsterdam, 1935, № 8 (1665 г.); *Hea-wood*, № 2002 (1674 г.), № 2011 (1678 г.); *Гераклитов*, № 1398 (1669 г.). «Дело» находится на л. 57 об.—68.
- ¹⁵ В XVII в. встречается и отдельно в сборнике первой четверти XVII в. (БАН, 24.5.32, л. 46—49) и в летописце первой половины XVII в. (ГИМ, Увар., № 1388/31, л. 40—40 об.).
- ¹⁶ *Зимин А. А.* Указ. соч., с. 177—179.
- ¹⁷ ОР ГПБ., Сол., № 857/967, л. 57—60 об., 67—67 об.; ГИМ, Увар., № 1863/40, л. 28 об.—30, 33 об.; ОР ГБЛ, Унд., № 593, л. 45 об.—49, 53—53 об.; ОР ГПБ, Пог., № 1558, л. 107 об.—109. Архиепископ Онуфрий занимал свой пост в 1615—1628 гг. (*Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стлб. 310).
- ¹⁸ ОР ГБЛ, Унд., № 614.
- ¹⁹ Там же, № 593, л. 109—109 об., 110—110 об.
- ²⁰ *Казакова Н. А.* О «судном списке» Максима Грека. — АЕ за 1966 год, 1968, с. 30, 35.
- ²¹ ГИМ, Епарх., № 432/14, л. 1.
- ²² Ровьск. . . , с. VIII.
- ²³ *Андреев Н. Е.* Указ. соч., с. 195.
- ²⁴ Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М., 1971, с. 140—160.
- ²⁵ ГИМ, Епарх., № 432/14, л. 3.
- ²⁶ «И митрополит на соборе сию исповедь выслушав, да спросил диака Ивана Михайлова: Писал еси в своей исповеди, и мнел и мудрствовал о святых иконах, и хто с тобою в том ныне есть ли? И Иван от себя о том советников не сказал. . .» (ГИМ, Епарх., № 432/14, л. 35 об.—36).
- ²⁷ ГИМ, Епарх., № 432/14, л. 7.
- ²⁸ Там же, л. 91 об.—92.
- ²⁹ *Андреев Н. Е.* Указ. соч., с. 197, 198.
- ³⁰ ГИМ, Епарх., № 432/14, л. 52 об.—53, 58 об.—59, 95—95 об.
- ³¹ Там же, л. 63, ср. л. 98.
- ³² Судные списки Максима Грека. . . , с. 26—27.
- ³³ ГИМ, Епарх., № 432/14, л. 91—98; ср. л. 55 об.—59.
- ³⁴ Там же, л. 91 об.—92.
- ³⁵ Описание см.: *Голейзовский Н. К.* Два эпизода из деятельности новгородского архиепископа Геннадия. — Византийский временник, 1980, вып. 41, с. 134.
- ³⁶ *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862, т. 4, отд. II, № 322. На связь «Дела Висковатого» и толкования указывал также Ф. Калугин (Зиновий, инок отенский. СПб., 1894, с. 257).
- ³⁷ *Голейзовский Н. К.* Указ. соч., с. 134, 135.
- ³⁸ ГИМ, Епарх., № 432/14, л. 22—22 об., 52 об.
- ³⁹ Там же, Син., № 569, л. 239—239 об.
- ⁴⁰ Там же, л. 264; Епарх., № 432/14, л. 52 об.—53, 58 об.—59, 95—95 об.; Син., № 569, л. 239 об.—240; № 569, л. 265; Епарх., № 231/14, л. 51 об.—52, 57, 94—94 об.; Син., № 569, л. 240; № 569, л. 258 об., 261, 264 об.; Епарх., № 432/14, л. 55 об.—56, 92—92 об.; Син., № 569, л. 240; № 569, л. 265; Епарх., № 432/14, л. 56 об., 93 об.; Син. № 569, л. 240. Первая редакция толкования («О ветхом деньми») имеет с «Делом Висковатого» меньше текстологических совпадений, чем вторая и третья редакции.
- ⁴¹ ГИМ, Епарх., № 432/14, л. 38.
- ⁴² ЦГАДА, ф. 52 (Сношения России с Грецией), оп. 1, кн. 1, л. 74—76.
- ⁴³ Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, с. 37.
- ⁴⁴ *Зимин А. А.* Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. М., 1978, с. 81—82, 419.

Л. Е. Морозова

**ВОПРОСЫ АВТОРСТВА И ДАТИРОВКИ
ПЕРВЫХ ШЕСТИ ГЛАВ
«СКАЗАНИЯ» АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА**

Одним из важнейших источников истории «великой смуты» является «Сказание» Авраамия Палицына. Несмотря на то что произведение изучается уже более 100 лет, многие вопросы, связанные с происхождением этого памятника, с составом, датировкой и даже авторством, не считаются окончательно решенными. Причина кроется в сложности состава произведения, в обилии разновременных списков, наличии нескольких отличающихся друг от друга редакций, главным образом первых шести глав, отсутствии точных биографических сведений о самом Авраамии. Настоящая статья не охватывает весь комплекс проблем, связанных с изучением этого важнейшего памятника публицистики первой половины XVII в. Основная ее задача — выявление редакций первых шести глав, анализ основных разночтений, датировка и решение вопроса об авторстве Авраамия Палицына.

Историография «Сказания» Авраамия Палицына насчитывает не один десяток работ и дореволюционных, и советских авторов. Начало критическому осмыслению текста положила дискуссия между Д. П. Голохвастовым и А. В. Горским, развернувшаяся на страницах «Москвитянина»¹. Предметом спора являлись следующие вопросы: историческая достоверность «Сказания», состав произведения, авторство Авраамия первых шести глав и некоторых последующих. Большой вклад в изучение «Сказания» внесли работы С. И. Кедрова «Авраамий Палицын» и «Авраамий Палицын как писатель»². В них подробно рассмотрена биография Авраамия, поставлен вопрос о постепенном создании окончательного текста «Сказания», выявлены основные разночтения между двумя известными в то время редакциями первых шести глав — Академической, введенной в научный оборот А. В. Горским, и окончательной в составе «Сказания» Авраамия Палицына.

Новый этап в изучении «Сказания» открыло исследование С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о смутном времени как исторический источник»³. В этой работе впервые был поставлен вопрос об изучении «Сказания» не изолированно, а в комплексе всех произведений, относящихся к периоду «великой смуты». Правда, в самом исследовании С. Ф. Платонова нет достаточно полного и исчерпывающего сравнительного анализа всех произведений «смутного времени». Например, относительно «Сказания» содержатся только отдельные намеки на наличие сходных черт с «Повестью 1606 года» и Временником Ивана Тимофеева⁴. При датировке первоначальной редакции первых шести глав С. Ф. Платонов предложил использовать указание в тексте о 14-летних запасах хлеба. Считая, что 14 лет относится только к периоду «смуты», начавшейся, по его мнению, в 1601—1603 гг., он предложил датировать первоначальную редакцию 1615—1617 гг.⁵

Следующий этап изучения «Сказания» связан с работами П. Г. Любомирова и П. Г. Васенко⁶. П. Г. Любомиров обнаружил в собрании рукописей И. Е. Забелина еще один список первых шести глав без имени Авраамия. Внимательно изучив его и сравнив с Академической редакцией, он сделал вывод, что новая редакция является черновым вариантом Академической редакции, которая, в свою очередь, — черновым вариантом окон-

чательной. При датировке Забелинской редакции он отверг указание о годах как основу для датировки, так как в ее тексте писалось лишь о старых, сделанных 14 лет назад запасах хлеба. Поэтому П. Г. Любомиров предложил датировать Забелинскую редакцию периодом от 17 августа 1610 г. до 19 марта 1611 г., когда возникла необходимость писать о грехах общества и осуждать изменников. Однако при датировке Академической редакции он, как и С. Ф. Платонов, использовал указание о 14-летних запасах хлеба во время «смуты», которая, по его мнению, началась с воцарения Годунова в 1598 г. Поэтому он считал, что эта редакция появилась в 1612 г.⁷

П. Г. Васенко выявил наиболее тщательно основные разночтения между первоначальной редакцией в Академическом списке и окончательной в «Сказании» Авраамия и выделил два вида разночтений: стилевую правку и дополнения. Он решил, что причиной появления окончательной редакции было желание автора придать повествованию лучшую форму. Анализируя текст о 14-летних запасах хлеба, он пришел к выводу, что это указание — авторская глосса, и потому предложил датировать и Забелинскую, и Академическую редакции периодом от 1612 до 1613 г.⁸ Датировки, предложенные П. Г. Любомировым и П. Г. Васенко, надолго утвердились в историографии и были приняты большинством исследователей «Сказания».

В 1955 г. вышло новое научное издание «Сказания»⁹. В предисловии к изданию О. А. Державина вновь поставила вопрос об авторстве Авраамия первоначальной редакции первых шести глав. Она обратила внимание на политический смысл ряда изменений и сокращений текста в окончательной редакции, которые меняли замысел и идейную направленность произведения. В итоге она пришла к выводу о том, что первоначальная и окончательная редакции были созданы разными писателями с различными политическими взглядами. Автором первоначальной редакции, по мнению О. А. Державиной, мог быть Дионисий Зобниновский, троицкий архимандрит с 1610 по 1633 г., активный участник освободительной борьбы русского государства¹⁰.

Выводы О. А. Державиной об авторстве Дионисия первоначальной редакции первых шести глав вызвали резкую критику со стороны Ю. Д. Кашкарова¹¹. Путем логических построений, зачастую малоубедительных, он попытался доказать, что обе редакции «Сказания» идейно близки, едины по стилю и поэтому созданы одним автором.

В последнее время появилось несколько работ Я. Г. Солодкина, в которых предпринята попытка пересмотреть большинство выводов, сделанных в работах предшествующих исследователей. При датировке первоначальной редакции он подверг критике все существовавшие до этого мнения и предложил датировать ее первыми месяцами 1619 г., до приезда Филарета, окончательную — 1619—1620 г. до отъезда на Соловки. Вполне вероятной, по его мнению, могла быть и обратная зависимость, т. е. первоначальная редакция появилась позднее окончательной, уже в период пребывания Авраамия на Соловках¹². Рассуждения Я. Г. Солодкина о датировке первоначальной редакции вряд ли можно признать убедительными, так как они основаны на предположениях о том, что считал и думал сам Авраамий, и что в настоящее время, разумеется, выяснено быть не может. В работах Я. Г. Солодкина, несмотря на ряд явных недочетов, сохраняются и положительные моменты. Он продолжил поиск и сличение различных списков «Сказания», к известным 134 спискам добавил еще 48. При сличении списков он поставил вопрос о существовании нескольких редакций всего текста, а не только первых шести глав, и главы об оскудении монастырской казны, как это считалось ранее. Он ввел в научный оборот новую редакцию первых шести глав, найденную в Соловецком собрании в рукописи № 878, и предположил, что она была создана Авраамием в период пребывания на Соловках¹³.

Подводя итог более чем столетнему изучению «Сказания» Авраамия Палицына, следует отметить, что многие вопросы, связанные с историей

возникновения этого памятника, атрибуцией отдельных глав, датировкой редакций, до сих пор остаются предметом спора среди исследователей.

Одним из наиболее важных в изучении «Сказания» является вопрос об авторстве Авраамия первоначальной редакции первых шести глав, представляющих собой краткий очерк событий, начавшихся смертью Ивана Грозного и закончившихся пострижением Василия Шуйского. По своему характеру они являются отдельным произведением, никак не связанным с последующим описанием осады Троицкого монастыря. Цель — выявить причину «смуты» в Российском государстве. В них наиболее цельно и полно выражено отношение автора к происходящим событиям, к политике властей и личностям правителей. Решение вопроса об авторстве первых шести глав играет первостепенное значение при изучении и взглядов Авраамия Палицына, и в целом общественной мысли начала XVII в.

В рукописной традиции первые шесть глав известны как отдельное произведение, так и в составе «Сказания». В многочисленных рукописях можно выделить несколько редакций:

1. Редакция в рукописи ГИМ, собр. Забелина, № 641 (Заб.) — XVII в.

2. Редакция в рукописи ГБЛ, МДА, № 175 (Ак.) — XVII в.

Обе эти редакции считаются первоначальными или черновыми.

3. Промежуточная редакция в рукописи ГИМ, собр. Барсова, № 1569 (Бар.) — XVII в. Вводится в научный оборот впервые.

4. Окончательная редакция (Ок.). Содержится в многочисленных рукописях «Сказания» Авраамия Палицына.

5. Редакция в рукописи ГПБ, Соловецкое собрание, № 878 (Сол.) — XVII в.

6. Редакции последующих времен.

Археографический обзор большинства рукописей содержится в трудах О. А. Державиной и Я. Г. Солодкина.

В первую очередь необходимо рассмотреть разночтения между двумя первоначальными редакциями — Забелинской и Академической. Большинство исследователей, считая их незначительными, не уделяли им должного внимания.

Основные разночтения между Заб. и Ак. следующие:

1. Различие в заглавии произведения. В Ак. оно названо «История в память сущим предвидущим родом, да не забвена будут благодеяния, еже показа нам мати слова божия, всегда от всея твари благословенная приснодевая Мария, и како соверши обещание к преподобному Сергию, яко неоступно буду от обители твоея. И ныне всяк возраст да разумеет и всяк да приложит ухо слышать, киих ради грех попусти господь бог наш праведное свое наказание. . . и вся места по России огнем и мечем поядены быша». В Заб. — «Сказание киих ради грех попусти господь праведное свое наказание»¹⁴. При сравнении двух названий следует отметить, что, во-первых, название Ак. значительно шире и включает в себя во второй части название Заб., во-вторых, название Заб. значительно больше соответствует основному содержанию первых шести глав, нежели название Ак., которое в первой своей части вообще никакого отношения к нему не имеет. Действительно, в первых шести главах ничего не пишется ни о благодеяниях Марии, ни о «преподобном Сергии», ни о Троицком монастыре. Об этом уже говорится в последующих главах «Сказания». Объяснить появление пространный заголовок можно тем, что редакция Ак. уже является переработкой Заб. для включения ее в текст Сказания об осаде Троицы.

2. В целом текст Заб. короче текста Ак., особенно в главах 4, 5, 6. Так в гл. 4 отсутствует довольно значительный отрывок о смерти Отрепьева, о его величании, о планах борьбы с крымскими татарами, нет деления текста на главы 5 и 6. В гл. 5 отсутствует ряд отступлений церковного характера и несколько образных сравнений. В гл. 6 отсутствует конец, текст обрывается внезапно: «Не словом ли моим вся создана суть?». Можно предположить, что текст конца отсутствовал в оригинале.

3. В Заб. и Ак. содержатся некоторые незначительные фактографические отличия: в имени Луки, в количестве лет голода, в числе воинов, прибывших на свадьбу Отрепьева, в описании одежды плененного Филарета и ряд других.

Большинство исследователей, исходя из краткости Заб., считали ее более ранней редакцией первых шести глав. С выводом можно согласиться, так как разночтения не дают оснований для пересмотра этого установившегося мнения, а различие в заголовках только его подтверждает. Кроме того, в Заб. отсутствует конец шестой главы, где сообщался факт пострижения Василия Шуйского в июле 1610 г., поэтому она может быть датирована более ранним периодом. Неисправность оригинала, с которого списывался текст Заб., возможно, объясняется тем, что создатель его умер во время осады, и его записи в тяжелое для монастыря время некому было сбережчь. П. Г. Любомиров отмечал, что список был сделан малограмотным писцом, что также существенно отразилось на тексте редакции¹⁵. Следует отметить, что ни Авраамию, ни последующим переписчикам текст Заб. остался неизвестен, он дошел в единственном экземпляре.

Следующий вопрос, относящийся к истории создания «Сказания», — разночтения между Ак. и окончательной редакциями. Рассмотрим наиболее существенные из них.

Основное — в заглавии. В Ок. появляется вставка, сообщающая: «Списано бысть тоя же великия обители живоначальные Троица-Сергиева монастыря келарем иноком Авраамием Палицыным». На основании вставки все произведение приписывается Авраамию. Другим существенным различием в заглавии Ак. и Ок., не раз отмеченным исследователями, является изменение «ких ради грех» (Ак.) на «како грех ради наших» (Ок.). В полном соответствии с заглавием в Ак. подробно перечисляются все грехи тогдашнего общества: «безумное молчание» о преступлении правителей, стремление к наживе, клятвопреступление, властолюбие, жадность, эгоизм, угнетение неимущих. Вот «ких ради грех» наказал бог Русскую землю, по мнению автора Ак. В Ок. нет подробного перечня грехов общества. О грехах автор пишет в общих чертах, лишая это понятие конкретного содержания. Для унижения обличительности текста Ак. он последовательно сократил все те места, где перечислялись грехи представителей высших классов, осуждались их пороки. В итоге в Ок. основной акцент сделан на перечень «божиих наказаний», что полностью согласуется с новым заголовком. Таким образом, изменение идейных и политических задач произведения наложило отпечаток и на заглавие произведения.

При переделке первоначальной редакции в окончательную изменился характер текста. Редакция Ак. представляет собой яркое, остропублицистическое произведение. Редакция Ок. — это скорее краткая хроника событий конца XVI — начала XVII в. В ней опущены резкие обличения, образные описания, отступления богословского характера, пословицы и поговорки, уточнены отдельные факты, расставлены даты. Так, в тексте Ок. появляется девять дат, исправлена неверная дата начала голода, уточнены сведения о походе В. Шуйского под Калугу, внесены большие по объему добавления о смерти царевича Дмитрия, о выступлении дьяка Осипова против самозванца. Для придания повествованию летописных черт опущены отступления на тему церковной морали — «мерзко отцу пить кровь сына», «богатство от бесов», изменена церковная терминология (вместо «винограды» — «сады и вотчины», «злато животочащая уста» — Златоуст), нет перечня священных писаний и их авторов, постановлений церковных соборов, рассуждений об Улеяне законопреступнике, патриархе Серафиме, апостоле Павле. В редакции Ок. отсутствуют обличительные отступления о «безумном молчании» общества во время убийства Дмитрия и прихода самозванца, осуждение умоления Бориса Годунова иконой, образное описание жестокости богатых во время голода. Особенностью Ок. является смягчение резких обличений в адрес Бориса Годунова за любовь к иноземцам, за помощь нищим, истощавшую царскую

казну, за брачные планы относительно детей, за разграбление домов бояр и вельмож. Возможно, автор Ок. счел их неубедительными или малообоснованными, хотя в целом он относится к Борису отрицательно. Интересно, что ни в Ак., ни в Ок. Борис Годунов прямо не обвинялся в смерти царевича Дмитрия, как это делалось в большинстве проромановских произведений. Вся вина за случившееся возлагалась на «ласкателей Борисовых».

Сокращение и смягчение резких обличений правящих кругов и высших слоев общества является одной из особенностей Ок. в целом. В ней сглажена острота и размах гражданской войны, нет описаний лютоści изменений по отношению к пленным, обогащений за счет народных бедствий. В конце гл. 6 отсутствуют обвинения Ивана Грозного — в мнимости благочестия, Бориса Годунова — в стремлении прославиться любой ценой, Василия Шуйского — в грабеже монастырей и вельмож.

Для решения вопроса о том, какая из редакций была создана раньше, необходимо более подробно остановиться на некоторых разночтениях.

1. В Ак. первым грехом общества названо «безумное молчание» по поводу гибели царевича Дмитрия. Текст Ок. polemизирует с этим утверждением. В нем подробно описано восстановление в Угличе, выступление бояр против Бориса. Явное противопоставление взглядов автора Ок. трактовке событий в Ак. указывает на вторичность этой редакции.

2. Автор Ак. резко обличал обряд умоления иконой. Именно с этого события он начал счет всем бедам в России: «Двигнут образ нелепо, и Россия двигнута нелепо». Это обличение вряд ли могло появиться после воцарения Михаила Романова, так как при его умолении использовали тот же обряд, в котором участвовал сам Авраамий. Подобная критика после 1613 г. звучала по меньшей мере крамольно, так как ставила под сомнение законность процедуры избрания на царство Михаила в то время, как в стране сохранилось напряженное положение и претендентов на престол было достаточно. Поэтому не случайно, что в Ок. этих обличений уже нет. Следовательно, есть все основания предположить, что первоначальная редакция — до воцарения Романовых, окончательная — после, вероятно в 1620 г., как сообщал сам Палицын.

Наиболее вероятное время возникновения Ак. — период междуцарствия. Последнее событие, упоминаемое в ней, — пострижение Василия Шуйского (19 июля 1610 г.). В тексте Ак. нет сведений о трагической гибели «тушинского вора» в декабре 1610 г., о пожаре в Москве в марте 1611 г., а эти события как нельзя лучше вписываются во впечатляющую картину бедствий и разорения в Российском государстве, представленную в первых шести главах «Сказания». Отсюда можно предположить, что при создании Ак. ее автору еще были неизвестны эти события. Поэтому более вероятное время возникновения Ак. — июль—декабрь 1610 г. После свержения Василия Шуйского русское общество наглядно увидело результат неразумной внешней и внутренней политики предыдущих царей, приведших страну к полному разорению. В этот период возникла насущная необходимость в критическом осмыслении всей предшествующей истории Российского государства. Поэтому в Ак. содержатся резкие обличения и Ивана Грозного, и Бориса Годунова, и Василия Шуйского. В редакции Ок. критика заметно сглажена, вероятно потому, что, во-первых, новая династия не поощряла хулений ни в адрес царственного родственника Ивана Грозного, ни Василия Шуйского, признанного законным царем; во-вторых, обвинения Романовых за их внешнюю и внутреннюю политику в принципе могли быть такими же: и многочисленные денежные поборы, и дальнейшее закрепощение крестьян, и ущемление интересов монастырей (указ Филарета о запрещении земельных вкладов в монастыри, новые налоги — ямские и стрелецкие запасы), и активное сотрудничество с иностранными державами (поставки Дании дешевого хлеба). Отражение внутренней политики Романовых в содержании Ок. обнаруживается в вопросе о «тушинцах». Стремясь к сплочению класса феодалов, новое правительство не посягало на владения бояр и дворян, перебежавших в годы интервенции из одного лагеря в другой. Бывшие «тушинцы» даже заняли

видное положение в административном аппарате¹⁶. Поэтому в Ок. значительно уменьшен накал гражданской войны, критика в адрес высших слоев общества носит весьма общий характер; не порицаются воинские чины, присвоившие боярство в период «смуты», отсутствуют обличения современного автору общества, выдвинутые в Ак.: «Возлюби все лесть, и донныне всем то и есть»¹⁷.

3. В Ок. обнаруживается целый ряд указаний на вторичность ее текста в сравнении с Ак. Например, в Ак. о планах самозванца относительно Азовского похода сообщено следующее: «. . . да избит христиане на велицех полех и не радуяся о победе на агарян, но ища, како бы предати к тем в руки всех православных христиан». В Ок. об этих планах написано с таким замечанием: «О сем неции глаголют — истинно или ни — не вем»¹⁸. Под «нецами» автор Ок. подразумевает, скорее всего, автора Ак. При переделке чужого текста он, видимо, засомневался в его истинности и вставил свое замечание.

4. Образность и живость языка Ак., эмоциональная приподнятость всего повествования убеждают в том, что автор писал по горячим следам событий. Особую современность повествованию придает прямая речь, например обращение Бориса Годунова к присутствующим во время избрания на царство, разговор казаков с москвичами: «О, злодеи, что о том много скорбите, что солнышку нашему годно, и он творит, якоже хочет», нелестное замечание в адрес Василия Шуйского: «Хотя бы нам чорт, только бы нам не тот»¹⁹. В редакции Ок. в большинстве случаев прямая речь переведена в косвенную, что подчеркивает вторичность этой редакции.

5. Ряд разночтений указывает на более раннее происхождение Ак. в сравнении с окончательной редакцией. Напротив, в Ак. изменники названы «перелетами», в Ок. добавлено: «. . . тако бо тех тогда нарицаху»²⁰. Замечание отдаляет по времени содержание Ок. от описываемых событий и от Ак. Еще один пример, текст Ак. «смеяхуся безумству *нашему*» переделан в Ок. на «смеяхуся безумству *их*» (курсив мой. — Л. М.), т. е. автор Ак. причислял себя к числу современников описываемых событий, для автора Ок. эти события уже были прошлым.

6. Свидетельством раннего происхождения Ак. является одно на первый взгляд несущественное разночтение с Ок. В тексте Ак. князь Андрей Андреевич Телятевский, известный сподвижник И. Болотникова, назван только по имени и отчеству, в Ок. добавлена фамилия. По разрядам 1550—1636 гг. до 1613 г. был известен только один князь по имени Андрей Андреевич, это Телятевский, с 1613 г. упоминается еще один князь с таким именем — Хованский, с 1628 г. другой — Голицын²¹. Отсюда — до 1613 г. — надобности в уточнении фамилии князя Андрея Андреевича не было, и его нет в Ак. В Ок., написанной, по нашему предположению, после 1613 г., указана фамилия Телятевского, чтобы не было путаницы с другими князьями.

7. Есть и другие указания в тексте на то, что Ак. написана по горячим следам событий. Например, отмечая некоторые негативные явления в современной ему жизни, такие, как появление «украинных воров», нашествие поляков, автор как бы обозревал мысленным взором всю историю России до этого момента и делал вывод: «К великому греху уклоняюся и к толику, якова же не бысть в России от начала благочестия», «Иже никогда же таковы гости в Москве прежде сего не слышашася». Для данного экскурса в историю временной точкой отсчета служат описываемые автором, современником и очевидцем, события. Автор Ок. писал уже значительно позднее и опустил эти замечания как несовременные его действительности.

Вторичность Ок. подтверждают и некоторые неточности в ее тексте. Неправильно понята поговорка «Яко мухи от огня прилетающе сокрушахомся» — «Яко мужи о огнь сокрушаюся»²². Вместо «узах» — «горах» («. . . и вси архиереи. . . водимы яко злодеи во узах») ²³.

В пользу раннего происхождения первоначальной редакции «Сказания» свидетельствует и тот факт, что в ней нет упоминания о «чудесах» от мощей царевича Дмитрия, организованных в 1606 г. не без участия Васи-

лия Шуйского и потом широко рекламируемых правительством Михаила Романова. Во всех памятниках публицистики более позднего времени это событие подробно описано («Житие царевича Дмитрия», «Сказание о царстве Федора Ивановича», «Сказание о Гришке Отрепьеве»), сообщение о нем появляется и в Ок.

Многие исследователи считали, что упоминание в Ак. о гонениях на Никитичей-Юрьевых свидетельствовало о том, что эта редакция была написана после воцарения Романовых. Но возможно и другое предположение, сделанное еще П. Г. Любмировым. Бояре Романовы-Юрьевы были ближайшими родственниками царя Федора, входили в число регентов, назначенных Иваном Грозным, при слабоумном сыне. В глазах современников они могли являться наиболее законными претендентами на престол²⁴. Подтверждением тому служит факт резкого обострения в 1598 г. борьбы за власть между Борисом Годуновым и Федором Романовым. Вероятно, автор Ак. был сторонником Романовых-Юрьевых и считал незаконным устранение законных регентов. Отражая события этого периода, он упомянул о расправе над ними в числе прочих жертв произвола Годунова. К данным рассуждениям можно добавить и то, что в Ак. о Филарете уточнено, что он «Юрьевых бояр родом». В Ок. уточнения уже нет, так как в предполагаемый период ее создания и сам Филарет, и его родословная были общеизвестны. «Сказание» не является единственным источником, в котором упоминается о гонениях на Романовых. Например, в Пискаревском летописце подробно перечисляются наказания, которые понесли представители этого рода от правительства Годунова²⁵.

Таким образом, анализ различий между Ак. и Ок. показывает, что текст первоначальной редакции возник непосредственно по горячим следам событий и первичен; текст окончательной редакции — позднейшая переделка его Авраамием для включения в «Сказание».

Многие исследователи, как уже отмечалось выше, использовали при датировке первоначальной редакции указание о 14-летних запасах хлеба, полагая, что оно относится к периоду «смуты» и является авторской глоссой, указывающей на время создания этой редакции. Их взгляды расходились лишь в том, какую дату брать точкой отсчета 14 лет. Анализ текста, содержащего это указание, показал, что в нем сообщено не о том, что во время «смуты» питались 14 лет старыми запасами, а о том, что эти запасы были созданы за 14 лет до «смуты». Вот этот текст: *«Во время же пленения от всех околных язык, наипаче же от своих, то обретесе бесчисленно расхищаемо всякого хлеба и давныя житницы неистощены, и поля скирд стояху, гумна преполнены одоней и копен и зородов и до четырехнадесяти лет, отнеле же смятение бысть во всей Русской земле»* (курсив мой. — Л. М.). В данном отрывке описываются события 1608—1610 гг., периода пленения от поляков, литовцев и изменников, когда были найдены старые, «давние», запасы хлеба, созданные еще до смятения, которое началось, по мнению автора этой редакции, с воцарения Годунова («двигнут образ пелепо . . . двигнута. . . Россия. . . нелепо»), т. е. в период правления Федора, продолжавшегося как раз 14 лет. Автор осуждает владельцев запасов за то, что во время голода 1601—1603 гг. они не захотели накормить «братьев своих ближних» и в итоге запасы достались врагам, были «бесчисленно расхищаемы» и перестали существовать. В Забелинской редакции, как отмечал П. Г. Любмиров, прямо писалось о 14-летних запасах хлеба, сделанных до смятения²⁶, но это, к сожалению, не нашло отражения в печатном издании 1955 г.

Все вышеизложенные наблюдения подтверждают предположение Д. П. Голохвастова, сделанное более 100 лет назад, о том, что первоначальная редакция первых шести глав «Сказания» была отдельным публицистическим произведением, возникшим непосредственно после описываемых событий. Действительно, если считать все произведение принадлежащим Авраамии, то возникает целый ряд вопросов: почему авторское вступление Авраамия начинается только с гл. 7? Почему в гл. 8 снова кратко описываются события, о которых уже сообщено в первых шести главах, причем

ее автору, Авраамии, уже неизвестно имя «Тушинского вора», хотя в гл. 6 он был назван «поповым сыном Матюшкой Веревкиным»? Почему содержание первых шести глав никак не связано с остальным текстом и существуют списки без первых шести глав, отмеченные О. А. Державиной в археографическом обзоре. Например, в рукописи МДА № 202 помещена «История» только о Троицкой осаде. В заглавии значится имя Авраамия как ее создателя. Номера глав не указаны, но первая по счету глава (по изданию «Сказания» Авраамия Палицына 1955 г. она седьмая) названа «Предисловием». Заканчивается данный текст повествованием об оскудении Троицкой казны (по изданию это гл. 56) в редакции, признанной первоначальной. Во всем остальном текст совпадает с печатным изданием.

Хотя в описании данной рукописи отмечено, что текст «Сказания» является отрывком целого произведения, но по своему характеру он является вполне законченным повествованием, посвященным только осаде Троицкого монастыря и ее последствию — оскудению монастырской казны. Завершение произведения именно на этом моменте, на наш взгляд, вполне естественно для келаря, заботившегося главным образом о достоянии своего монастыря. Возможно, данный список дает нам первоначальный текст произведения о Троицкой осаде.

Все это дает право предположить, что первоначально первые шесть глав были отдельным произведением. Потом оно было включено в качестве исторического предисловия к труду об осаде Троицы. Первой обработкой текста явилась редакция Ак., сделанная еще не Авраамием, так как его имени нет в заглавии. Редакция Ак., по-видимому, была частью большого коллективного труда, создававшегося в Троицком монастыре во время осады польскими войсками. Возможно, именно о нем сообщал позднее Иван Наседка.

Следы использования более ранних источников обнаруживаются в произведении Авраамия Палицына. Например, в главах 9—35 главным действующим лицом являлся архимандрит Иоасаф, имя Авраамия при этом почти не упоминается. По своему характеру эти главы представляют собой хронику ежедневных событий, происходивших в монастыре осенью 1609 г. (с 23 сентября по 17 ноября). Это описание возведения укреплений в монастыре, переговоры с поляками, обстрел монастыря, подкоп и его ликвидация, сообщения о многочисленных сражениях под стенами монастыря, о голоде и болезнях, о мужестве защитников и т. д.

Авраамий Палицын не мог быть свидетелем всех этих событий, так как находился в данное время в Москве. Сохранились его указания об использовании чужих трудов: «О сем же знамени и о Стефане Епифанце, атамане, принесоша ми писанийце оставшиися иноцы. . . Аз же и сиа повелех zde вписати». Другое сообщение: «Сиа же старцы вси отидоша к богу, еже во осад тогда бывшии. Принесе же ми о сем писание диакон Маркел ризничей. Аз же исправив сие, повелех написати»²⁷. Из этого сообщения мы узнаем, что создатели первых описаний событий, происходящих во время Троицкой осады, умерли, поэтому все их записи об осаде попали в руки Авраамия, который одни отредактировал, другие целиком «повелех» писцам вписать в свой труд. Оставшиеся записи, по-видимому, охватывали события до конца 1609 г. и вошли в первые 35 глав. С гл. 36 главным действующим лицом повествования становится Авраамий, точные даты событий почти исчезают, при описании военных действий используются такие письменные источники, как «Повесть о взятии Царьграда», «Казанская история». Поэтому вряд ли можно считать, что в этих главах абсолютно достоверно отражены все события.

Относительно автора публицистического произведения, превратившегося в первые шесть глав «Сказания», трудно сказать что-либо определенное. Но можно предположить, что он был сторонником Романовых еще в период борьбы их за власть с Борисом Годуновым. Вызывает возражение предположение О. А. Державиной о том, что автором мог быть Дионисий Зобниновский. Дело в том, что и жизнь Дионисия, и его творчество хорошо известны по сообщениям современников Ивана Наседки и Симона

Азарьина. (В его житии, например, Симон Азарьин отрицал авторство Авраамия троицких грамот, но нигде не писал, что тот присвоил себе большое публицистическое произведение Дионисия). Интересно, что Дионисию было известно публицистическое произведение, ставшее предисловием «Сказания», так как он использовал при написании грамоты от 19 марта 1611 г. отрывок из него, носящий явно выраженный вставной характер в грамоте.

При создании труда об осаде Троицы Авраамий использовал текст редакции Ак., уже мыслившей как предисловие к этому труду. Процесс работы писателя по переработке Ак. отражен в недавно найденной рукописи в собрании Е. В. Барсова. Редакция первых шести глав в рукописи является промежуточным звеном между первоначальной и окончательной редакциями.

Сборник, содержащий эту редакцию, середины XVII в. (Бар., № 1569), состоит из нескольких тетрадей, написанных различным почерком. Наибольший интерес представляют следующие произведения: «Сказание об Иоане Новом» (л. 34—36), Житие митрополита Филиппа (л. 61—69, 72 об.—180), «Слово о преставлении великого князя Василия» (л. 69—72), «Слово об обретении мощей Гурия и Варсонофия» и их житие (л. 181—182, 215—318). В XVIII в. эта рукопись принадлежала князю П. С. Ухтомскому, о чем свидетельствует владельческая запись на л. 180.

Текст первых шести глав «Сказания» помещен на л. 1—21 об. без начала и конца. Первый сохранившийся лист оборван, и поэтому текст, который можно читать полностью, начинается со слов «овии же от родителей своих питахуся» (середина гл. 3). Различия между текстом этой редакции и редакциями Ак. и Ок. показывают, что она содержит как черты первой, так и второй. Например, в отрывке о ногайском князе Урусе сохраняется чтение первоначальной редакции, так же и в описании надруганий над Федором Колачником, в обличении митрополита Исидора, в сообщениях о военных действиях под Калугой, в названии гл. 4. В Бар. нет большой вставки о дьяке Осипове, которая есть в Ок. и которой нет в Ак. Есть в Бар. и свои отличительные особенности, например не выделена гл. 5, ее заголовок включен в общий текст, отсутствует конец гл. 3 со слов «продолжения ради немощных слуха к забытию», он есть и в Ак., и в Ок. Появляется новая вставка, кратко пересказывающая текст первоначальной редакции, отсутствующий в Ок., в котором обличается стремление к «ризному украшению», пьянство, неумеренность в еде. Список Бар. не имеет конца и обрывается на середине гл. 6.

В целом по идейной и политической направленности редакция Бар. полностью согласуется с редакцией Ок., что дает возможность предположить, что она является первоначальным вариантом Ок. и создана самим Авраамием.

Кроме рассмотренных редакций первых шести глав, есть еще несколько, возникших в более позднее время. Одной из них является Соловецкая редакция. Я. Г. Солодкин предположил, что она принадлежит Авраамии и была создана на Соловках²⁸.

Анализ текста Соловецкой редакции (Сол.) показывает, что она является переделкой окончательной редакции. Вторичность ее текста доказывается наличием неудачных стыковок при сокращении текста Ок. и внесении новых добавлений. Наиболее характерным примером является следующий: в тексте Сол. отсутствует большой отрывок, в котором порицалась внешняя и внутренняя политика Годунова, в частности любовь к иностранцам. Взамен сделана большая вставка об измене жителей южнорусских городов. Дальше сохранен текст Ок., сообщавший о намерении Бориса выдать дочь замуж за датского принца: «Помысли же царь Борис дщерь свою браку совокупити, но *их* же языков любляше и к *сим* о сватовстве посла» (курсив мой. — Л. М.). Поскольку в новой вставке говорилось об южнорусских изменниках, то получилось, что именно их любил Годунов и к ним послал сватов. В Ок. этого абсурда нет, так как в пред-

шествующем тексте, опущенном в Сол., писалось о любви Бориса к иноземцам.

Основной особенностью Сол. является изменение текста глав, в которых описывалось царствование Бориса Годунова. Всюду, где в Ок. порицалась деятельность Бориса, в Сол. текст переделан так, что его поступки либо прославлялись, либо оправдывались. Особенно подчеркнута его любовь и милость к духовному чину. Прославляя Годунова, автор этой редакции противопоставил свое произведение мощному потоку проромановских творений, всячески хуливших и обличавших Бориса, таких, как, «Иное Сказание», Временник Ивана Тимофеева, «Сказание о Гришке Отрепьеве», Повесть Катырева-Ростовского и др. В них Борис Годунов обвинялся не только в убийстве царевича Дмитрия, но и отравлении Ивана Грозного, царя Федора, поджоге Москвы. Поэтому не случайно в Сол. опущено описание гонений на Романовых-Юрьевых при Годунове, в Сказании о воцарении Михаила нет доказательств его богоизбранности и молитвы о даровании ему благополучия. Вряд ли был способен на такой политический вызов новой династии Авраамий Палицын. «Биография Палицына убеждает нас, что он — монах поневоле — был по своему характеру в первую очередь практиком и умелым, причем часто беспринципным дельцом»²⁹. Непонятны и причины, которые могли побудить его так резко изменить отношение к давно умершему Борису Годунову.

Более правмерно, на наш взгляд, искать автора Сол. среди рядового монашества, так как главным, за что прославлял он Бориса, являлась денежная помощь, хлебная руга, устройство богаделен и снабжение их всем необходимым из царской казны («ко упокоению» беднейших монахов. Вероятно, автор сам жил в одной из богаделен, поэтому так подробно описывает устройство этих заведений. Правительство Романовых не оказывало такой помощи беднейшему монашеству, напротив, облагая монастыри новыми налогами и вводя запреты на земельные пожертвования, оно способствовало их «оскудению», что не могло не вызвать недовольства монахов, живших на средства монастырей. Возникновение Сол. и было результатом проявления этого недовольства.

Можно предположить, что автор Соловецкой редакции имел какое-то отношение к Троицкому монастырю, так как он исключил главу об измене казначея И. Девочкина, видимо, считая его невиновным. Кроме того, именно при Троицком монастыре существовала богадельня, возможно созданная на щедрые пожертвования Бориса Годунова.

Интересно, что немногочисленные произведения, характеризовавшие Б. Годунова положительно, были написаны людьми, не принадлежавшими к правящим кругам. Это Повесть И. А. Хворостинина, не раз подвергавшегося опале за вольнодумство и при В. Шуйском и при М. Романове; Бельский летописец, созданный служилым дворянином из г. Белого.

В многочисленных рукописях «Сказания» встречаются и другие редакции первых шести глав, являющиеся результатом творческого подхода переписчиков к тексту произведения. Например, в рукописи Соловецкого собрания № 878 в первую главу внесены значительные добавления из летописных источников о царствовании Федора Ивановича.

Таким образом, изучение различных редакций первых шести глав «Сказания» показало, что история создания окончательного текста, вошедшего в состав «Сказания о троицкой осаде», достаточно сложна. Первоначально существовало отдельное публицистическое произведение, посвященное обличению грехов общества, приведших Российское государство к «смуте» (Забелинская редакция). Можно предположить, что оно возникло в стенах Троицкого монастыря в период осады, но как самостоятельное произведение не нашло распространения, так как было использовано в качестве предисловия к большому труду о Троицкой осаде. Создание труда было начато при архимандрите Иоасафе и продолжено в первые месяцы архимандритства Дионисия (с февраля 1610 г.). Тогда и возникла Академическая редакция (вторая половина 1610 г.). Но история об осаде не была закончена, так как ее авторы умерли (по сообщению Палицына).

Их записи попали в руки Авраамия, приехавшего из Москвы после снятия осады. Под его руководством, вероятно, уже тогда было создано небольшое произведение о Троицкой осаде. В более позднее время после воцарения новой династии и нормализации положения в стране честолюбивый келарь решил создать более фундаментальный труд, прославляющий Троицкий монастырь и его самого как активного борца с интервентами. В качестве предисловия он использовал публицистическое произведение о бедах в Российском государстве, переделав его по своему усмотрению. Основным текстом стало сказание об осаде, к нему были добавлены сведения общерусского значения и сказания о разорении Москвы и избрании Михаила на царство.

Сначала появилась редакция Бар., затем в 1620 г. окончательный текст. На Соловках Авраамий, по-видимому, продолжал литературную деятельность, но она, скорее всего, касалась доработки последних глав о царствовании Михаила. Все другие редакции первых шести глав уже были созданы не Авраамием. Соловецкая редакция появилась в период реформ правительства Романовых, ущемлявших экономические интересы монастырей. В ней выразился протест рядовых монахов против новых законов.

Изложенный в настоящей работе взгляд на историю создания окончательного текста первых шести глав «Сказания» Авраамия Палицына, думается, дает возможность расширить представление о политических и идеологических брожениях в Российском государстве в период «смуты» и в годы правления Михаила Романова.

- ¹ Голохвастов Д. П. Замечания об осаде Троицкой лавры. — Москвитянин, 1842, № 6, 7; Горский А. В. Возражения против замечаний об осаде Троицкой лавры. — Москвитянин, 1842, № 12.
- ² Кедров С. И. Авраамий Палицын. М., 1880; Авраамий Палицын как писатель. — РА, 1886, № 7.
- ³ Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб., 1913.
- ⁴ Там же, с. 227—228.
- ⁵ Платонов С. Ф. Указ. соч., с. 224, 225.
- ⁶ Любомиров П. Г. Новая редакция «Сказания» Авраамия Палицына: Сб. статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. СПб., 1922; Васенко П. Г. Две редакции первых шести глав «Сказания Авраамия Палицына». — ЛЗАК за 1919—1922 г. Пг., 1923. Вып. 32.
- ⁷ Любомиров П. Г. Указ. соч., с. 242—245, 245—248.
- ⁸ Васенко П. Г. Указ. соч., с. 9—29, 36—38.
- ⁹ «Сказание» Авраамия Палицына. М.; Л., 1955.
- ¹⁰ Там же, с. 34—44.
- ¹¹ Кашкаров Ю. Д. Кто был автором первых шести глав «Сказания» Авраамия Палицына. — Филол. науки, 1964, № 4.
- ¹² Солодкин Я. Г. О датировке начальных глав «Истории» Авраамия Палицына. — ТОДРЛ, 1977, т. 32, с. 300—302.
- ¹³ Солодкин Я. Г. Редакции «Истории» Авраамия Палицына. — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980.
- ¹⁴ «Сказание» Авраамия Палицына, с. 250.
- ¹⁵ Любомиров П. Г. Указ. соч., с. 229.
- ¹⁶ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966, т. 2, с. 304, 305.
- ¹⁷ «Сказание» Авраамия Палицына, с. 262.
- ¹⁸ «Сказание» Авраамия Палицына, с. 264.
- ¹⁹ Там же, с. 263, 270.
- ²⁰ Там же, с. 267.
- ²¹ Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1976, вып. 2, с. 346, 376.
- ²² «Сказание» Авраамия Палицына, с. 271.
- ²³ Там же, с. 273.
- ²⁴ Любомиров П. Г. Указ. соч., с. 240.
- ²⁵ ПСРЛ. М., 1978, т. 34, с. 202.
- ²⁶ Любомиров П. Г. Указ. соч., с. 236.
- ²⁷ «Сказание» Авраамия Палицына, с. 149, 152.
- ²⁸ Солодкин Я. Г. Редакции «Истории» Авраамия Палицына, с. 231, 232.
- ²⁹ «Сказание» Авраамия Палицына, с. 28.

Ю. Н. Мельников

О СТРУКТУРЕ И ИСТОЧНИКЕ ОПИСИ ДОКУМЕНТОВ РАЗРЯДНОГО ПРИКАЗА 1626 г.

Архивные описи Разрядного приказа XVII в. как источник по истории феодальной России изучались мало. А. А. Гоздаво-Голомбиевский определил порядок листов в описи 1626 г., ее состав и оригинал, с которого она писалась, выяснил дату и обстоятельства составления описи 1668 г., собрал сведения о составлении в XVII в. других описей, не дошедших до настоящего времени. Н. П. Лихачев выяснил, что опись документов Разрядного приказа, хранящаяся в коллекции Г.-Ф. Миллера, является приказным оригиналом описи, составленной после описи 1626 г., и определил порядок листов в обеих описях¹. Работы этих исследователей могут служить основой для более детального изучения данных источников.

Опись 1626 г. является наиболее ранней из всех сохранившихся описей документов Разрядного приказа². Она была составлена после московского пожара, когда сгорела значительная часть приказной документации. Оригинал представляет собой копию — книгу в 4°, состоящую из 24 тетрадей, 165 листов. Текстом занято 136 листов и столько же пронумеровано, при этом один лист пропущен (л. 60) и один — лицевой (л. 122а). Из водяных знаков бумаги основного текста датируются два: герб, типа — Гераклитов³, № 322 (1628 — 1630 гг.) и знак без названия, типа — Гераклитов, № 1496, приближительная аналогия (1618 г.). Следовательно, книга списана с подлинника во второй половине 20—30-х годах XVII в.⁴ Переплет книги поздний, из коричневой кожи, оклеенной цветной бумагой. Водяной знак бумаги форзаца — герб города Ярославля, типа — Тромонин⁵, № 959 (1801 г.). Следовательно, книга переплетена в конце XVIII — начале XIX в.

Отрывок описи, содержащий перечень местнических дел, опубликован П. И. Ивановым. Полностью опись издана Н. П. Лихачевым⁶. В литературе отмечалось, что при переплетении листы рукописи оказались перепутанными. Н. П. Лихачев предложил два варианта порядка листов, свой вариант дал А. А. Гоздаво-Голомбиевский⁷. Их нельзя считать удачными. На некоторых листах сохранилась ранняя нумерация тетрадей. Если следовать предложениям Н. П. Лихачева, то порядок этих номеров будет нарушен. А. А. Гоздаво-Голомбиевский учел нумерацию тетрадей, но в тех случаях, когда она не сохранилась, порядок листов определен неверно. Неясность в этом вопросе затрудняет дальнейшее изучение описи.

В задачу статьи входит установить порядок листов в описи 1626 г., что позволит уточнить состав описательных статей и приемы описания документов и приступить к анализу ее текста с целью выяснить возможный источник этой описи. На основе полученных результатов будут сделаны некоторые выводы об истории учета и хранения документов Разрядного приказа в первой половине XVII в.

При определении порядка листов необходимо учесть, что текст на листах каждой тетради связный и логически переходит от листа к листу. При переплетении книги был нарушен порядок тетрадей. Тогда же, вероятно, была сделана и нумерация листов арабскими цифрами. Поэтому необходимо соблюсти очередность сохранившихся номеров тетрадей. Здесь буквенное обозначение чисел, почерк и чернила те же, что и в основном тексте, — тетради нумеровались во время составления рукописи. Предлагаемый порядок тетрадей показан в таблице.

Учет нумерации тетрадей сразу же проясняет порядок листов с записями документов Новгородского стола, Приказного, Денежного и отчасти

Т а б л и ц а

Порядок тетрадей Описи документов Разрядного приказа 1626 г.
и записи документов Новгородского, Приказного, Денежного и Московского столов

№ тетради	Порядок тетрадей	Порядок листов в тетрадах	Количество листов в тетрадах	Состав описи
	1	1, 2, 3, 4	4	1. Московский стол:
	2	38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45	8	а) родословные и разрядные книги (л. 1—4);
	3	46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53	8	б) местнические дела (л. 38—51);
4	4	30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37	8	в) боярские книги и списки (л. 52—53, 30—35),
5	5	118, 119, 120, 121, 121а, 121б, 122, 122а	8	г) списки дворян и детей боярских (л. 35—37);
6	6	122б, 123, 124, 125, 126, 126а	6	д) десяти (л. 118—136, 54—77);
7	7	126б, 127, 128, 129, 130, 130а	6	е) дело «о хлебном весу» (л. 5).
	8	131, 131а, 132, 133, 133а, 134, 135, 136	8	
9	9	53а, 54, 55, 56, 57, 58	6	
10	10	58а, 59, 61, 62, 62а, 63	6	
	11	64, 65, 65а, 65б, 66, 67, 67а, 67б	8	
	12	68, 69, 70, 71, 72, 72а	6	
	13	72б, 73, 74, 74а, 75, 75а, 76, 77	8	
	14	5, (5а)	2	
15	15	6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13	8	2. Новгородский стол (л. 6—29, 78—83)
16	16	14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21	8	
17	17	22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29	8	
18	18	78, 79, 80, 81, 82, 83, 83а, 83б	8	
19	19	84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91	8	3. Приказной стол (л. 84—92)
20	20	92, 92а	2	
21	21	93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 99а	8	4. Денежный стол (л. 93—117)
22	22	100, 101, 102, 102а, 103, 104, 105, 106	8	
23	23	107, 108, 108а, 109, 110, 111, 112, 112а	8	
24	24	113, 113а, 114, 114а, 115, 116, 117, 117а	8	

Московского. Тетрадь с л. 1—4, содержащая описание пожара и общий заголовок описи, несомненно, первая. Между нею и тетрадью № 4 может быть только две тетради. Между тетрадами № 7 и 9 может быть лишь одна. Между тетрадами № 10 и 15, с которой начинается описание документов Новгородского стола, должно быть четыре тетради.

При окончательном определении порядка тетрадей с перечнями дел Московского стола учитывались подзаголовки групп документов: «Счетных дел вынесено в пожар», «Списки дворян и детей боярских разных городов подлинные», «Десятни»⁸. За ними должны следовать перечни соответствующих дел. Четко определяются перечни, не имеющие подзаголовков: родословные и разрядные книги, боярские книги и списки⁹. Таким образом определяется порядок большинства тетрадей, номера которых не сохранились. Тетрадь с л. 5, где отмечены документы «о хлебном весу», занимает единственно свободное место под № 14.

Правильность расстановки тетрадей проверяется расчетом листов в каждой тетради, в том числе и листов незаполненных, которые не имеют номеров (в таблице они указаны под литерными номерами). Тетради состоят в основном из 6—8 листов. Это распространенный объем тетрадей в книгах Разрядного приказа того времени. Исключение составляют три тетради. Первая состоит из четырех листов, очевидно, потому что с нее начиналась книга. Тетрадь № 20 состоит из двух листов. Из таблицы видно, что документы приказа описывались по его структурным подразделениям — столам. Документов Приказного стола оказалось мало, и составитель книги решил сэкономить бумагу, сделав тетрадь в два листа. Отсюда становится

понятным объемом и место тетради с л. 5. Этот лист представляет собой остаток от тетради из двух листов, которая замыкала текст с описанием документов Московского стола. Второй лист был утерян (в таблице он условно обозначен как л. 5а). Оставшийся лист, со следами обрыва, выпал из переплета и в настоящее время вложен в книгу в соответствии с нумерацией листов арабскими цифрами.

Уточнение порядка тетрадей расширяет возможности изучения текста и содержания описи. Ясно, что пропусков в ней нет. Перечень местнических дел имеет одну особенность — он распадается на три части¹⁰. Первая включает описательные статьи дел за 1575—1609 гг. Все они датированы и расположены в хронологическом порядке. В большинстве случаев есть отметка о наличии или отсутствии дьячей приписи в деле. Вторая часть представлена небольшой группой описательных статей недатированных дел. Список пестрит пометами «без начала», «начала нет», «без дьячьей приписи», «а которого году, тово не написано». От одного дела остался лишь приговор. В редких случаях отмечено наличие дьячей приписи. Проверка показывает, что в эту группу вошли дела за 1575—1602 гг.¹¹ Третью группу составляет перечень дел за 1614—1626 гг. По всем признакам она сходна с первой группой.

Такое расположение статей могло получиться в том случае, когда составитель описи имел в своем распоряжении дела за 1575—1609 гг., часть которых удалось датировать. Остальные пришлось перечислить после. Однако недатированные дела отмечены в середине, а не в конце общего перечня, хотя составитель описи 1626 г. имел в своем распоряжении дела за 1575—1626 гг. Следовательно, эта особенность описи 1626 г. есть явление вторичное. Оно стало результатом использования более ранней описи, составленной до 1626 г. Составитель описи 1626 г. списал с нее текст без особых изменений, сохранив структуру, а в конце добавил описательные статьи дел по 1626 г. включительно. Этот прием составления описей практиковался и в Посольском приказе¹².

В перечнях родословных и разрядных книг, боярских книг и списков и других документов такого деления на три части нет. Здесь описательные статьи расположены в общем хронологическом порядке. Очевидно, в основе описи 1626 г. лежит более ранняя опись местнических дел (а не всех документов Разрядного приказа). Судя по тексту, этот предшественник описи 1626 г. составлялся в промежутке между 1608 и 1615 гг. Первоначальная опись могла составляться, пожалуй, только после 1612 г., когда с приходом к власти династии Романовых (январь 1613 г.) наступила относительная стабилизация государства. В приказах начался учет сохранившихся после Смуты документов. Результатом его явилась, в частности, Опись документов Посольского приказа 1614 г.¹³ Примерно в это же время и была составлена опись местнических дел Разрядного приказа, к которой восходит опись 1626 г.

Можно установить и более узкие рамки времени составления этой описи — предшественника описи 1626 г. Во второй половине XVII в. в Разрядном приказе хранилась еще одна опись, в которой были отмечены только местнические дела, но лишь за 1613—1626 гг.¹⁴ Логично предположить, что на более ранние дела уже имелась опись (которая затем и стала источником описи 1626 г.). В таком случае время ее составления можно отнести к 1613 г.

В описи 1626 г. после третьей группы статей, описывающих местнические дела, нет «хвоста» недатированных дел, аналогичного второй группе. Значит, к моменту составления описи 1626 г. дела за 1614—1626 гг. находились в хорошем состоянии. Можно сказать, что пожар не принес им больших потерь. Дела за 1575—1609 гг. отразились далеко не полностью. По другим источникам устанавливается, например, существование ряда дел за 80-е годы XVI в., которые в описи 1626 г. не значатся¹⁵. Этот факт и наличие второй группы недатированных свидетельствует, что комплекс местнических дел понес серьезные потери к моменту составления описи 1613 г.

Предполагать массовую гибель местнических дел до 1605 г. нет оснований. Имеется сведения об описи местнических дел, составленной в 1601/02 г.¹⁶ Следовательно, до 1605 г. дела учитывались и хранились в относительном порядке. Временем их массовой гибели следует считать период Смуты с 1605 по 1612 г. Частая смена престола, а следовательно, и приказной администрации, общая политическая неустойчивость были благоприятной почвой для всяких злоупотреблений. Местнические дела юридически закрепляли положение служилых людей на высших ступенях иерархической лестницы. Среди массы документов Разрядного приказа они обладали наиболее притягательной силой для нечистоплотных рук. Поэтому составление описи местнических дел в 1613 г. было крайне необходимым делом.

Итак, в описях 1601/02 и 1613 гг. были описаны только местнические дела. Есть также сведение о составлении описи местнических дел в 1619 г.¹⁷ Можно предположить, что опись 1626 г. восходит к описи 1613 г. через опись 1619 г. Однако доказательств этому не обнаружено. Важно отметить, что все три ранние описи отражают единый этап в истории учета и хранения документов Разрядного приказа, когда фиксировалась сохранность только местнических дел как наиболее ценной части текущей документации. Начиная с 1626 г. в приказе учитывается более широкий круг документов, отражавший состав всего государева двора. Такой же широкий круг документов отмечен и в более поздней описи, хранящейся в коллекции Г.-Ф. Миллера¹⁸. Следовательно, опись 1626 г. воплощает собой начало нового этапа в развитии учета и хранения документов Разрядного приказа.

Выяснение структуры и истории составления описи 1626 г. расширяет также возможности ее использования как источника по истории феодальной России. В ней содержатся сведения о документах Разрядного приказа, которые не сохранились к настоящему времени.

¹ *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* История Разрядного архива (1711—1812). — В кн.: Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министрства юстиции. М., 1888, кн. 5, с. 2—13; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века: Опыт исторического исследования. СПб., 1888, прилож., с. 30; *Он же.* Библиотека и архив московских государей в XVI столетии. СПб., 1894. Прилож., с. 53.

² ЦГАДА, ф. 210, оп. 10, д. 19.

³ *Герасимов А. А.* Филигранные XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения М., 1963.

⁴ Недатированные знаки: 1) одноручный кувшинчик с литерами О/НЕ и С/НЕ на боку и полумесяцем в розетке (л. 6, 13, 30, 32, 35, 37, 53а, 58 и др.); 2) двухручный кувшинчик двух разновидностей, с рисунком на боку и короной в розетке (л. 14—21, 78—83б); 3) петушок на шпигле (л. 40—43, 47, 49—50, 52).

⁵ *Тромонин К. Я.* Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге. . . М., 1844.

⁶ РИС, 1838, т. 2, с. XVI—XXII; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки. . . Прилож., с. 30—72.

⁷ *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки. . . Прилож., с. 30, примеч. 1; *Он же.* Библиотека и архив. . . Прилож., с. 53, примеч. 1; *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* История Разрядного архива. . . , с. 2, примеч. 7.

⁸ *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки. . . Прилож., с. 45, 48, 67.

⁹ Там же, с. 31, 43—45, 53—54.

¹⁰ Там же, с. 48—53.

¹¹ РИС, т. 2, с. 65—66, 214; 1842, т. 5, с. 1; ЦГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 1, л. 11, 20а; д. 335, л. 1. Датировку ряда дел см.: *Тиханкина В. Ф.* Источники по истории местничества времени правления Ивана IV: Дипломная работа / Науч. рук. А. А. Зимин. МГИАИ, 1972, с. 140.

¹² *Галыцов В. И.* О черновых вариантах архивных описей Посольского приказа XVII в. — АЕ за 1970 год. М., 1971, с. 128; *Он же.* Малоизвестный источник по истории архивного дела — черновая опись архива Посольского приказа 1626—1627 гг. — Сов. архивы, 1976, № 1, с. 51—53.

¹³ *Левина С. А.* Попытка систематизации архива Посольского приказа в 1614 г. — МГИАИ. М., 1964, т. 16, с. 421.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 210, оп. 20, д. 220, л. 185 об.

¹⁵ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966, с. 316, 352, 361, 394, 396; РИС, 1852, т. 5, с. 121, 175—176; Местнические дела 1563—1605 гг. / Собр. и изд. Н. П. Лихачевым. СПб., 1894, с. 3, 20, 28—29; ЦГАДА, ф. 210, оп. 15, д. 26, л. 98—99.

¹⁶ *Лихачев Н. П.* Библиотека и архив. . . Прилож., с. 77—78.

¹⁷ Там же, с. 78.

¹⁸ Там же, с. 53—81.

Ю. А. Иванов

ДОКУМЕНТЫ РУССКИХ АРХИВОВ НАЧАЛА XVII ВЕКА В КОЛЛЕКЦИИ С. В. СОЛОВЬЕВА

Большая археографическая работа, ведущаяся в нашей стране, затрагивает широкий круг проблем отечественной истории. В их числе один из ключевых вопросов периода феодализма — история крестьянских войн XVII—XVIII вв. в России.

В настоящее время Институт истории СССР АН СССР совместно с ЦГАДА готовит к публикации документы о крестьянских войнах в России XVII в. В последних публикациях В. И. Корецкого, Т. Б. Соловьевой, А. Л. Станиславского значительно расширена источниковая база исследований по истории Первой крестьянской войны в России¹. Однако до сих пор сохраняют свое значение крупные комплексы источников по истории Смутного времени, известные уже в XIX в. Следует заметить, что история их возникновения недостаточно изучена. Характерна в этом отношении коллекция С. В. Соловьева, хранящаяся в архиве ЛОИИ СССР.

Ядро коллекции составляют документы, относящиеся к событиям начала XVII в. России. Коллекция сложилась к 1848 г., когда Археографическая комиссия приобрела у известного собирателя древних актов профессора Гельсингфорского университета Сергея Васильевича Соловьева исследуемый комплекс документов начала XVII в. Будучи корреспондентом Археографической комиссии, С. В. Соловьев по ее поручению совершил в 1837—1840 гг. четыре поездки в Швецию для розыска документов, относящихся к русской истории. Благодаря феноменальной работоспособности он обследовал в Швеции 14 библиотек и архивов². Приобретенные в этих поездках документы (подлинники и собственноручные копии) составили его архивную коллекцию. Еще исследователи XIX в. обратили внимание на то, что за редким исключением не представляется возможным определить, где конкретно был приобретен или скопирован Соловьевым тот или иной документ³. Сам собиратель не оставил на этот счет никаких указаний.

Можно с уверенностью сказать, что многочисленные документы Смутного времени были обнаружены Соловьевым в Государственном архиве Швеции в Стокгольме, библиотеке Ску-Клостерского замка графов Брахе (собрание графов Брахе в 1893 г. было передано в стокгольмский архив), в семейном архиве Делагарди в Лёберёде⁴. Особенно важным было приобретение в 1838 г. у частного лица в городе Лунде более 300 подлинников русских, белорусских и польских актов, относящихся к началу XVII в. Среди них находились и многочисленные документы Смоленской воеводской избы⁵.

Коллекция С. В. Соловьева поступила в Археографическую комиссию тремя частями. Первая часть, приобретенная у Соловьева за 1200 руб. в октябре 1837 г., содержала 189 актов на русском языке исключительно важного содержания⁶. Второе поступление состоялось в 1838 г. и насчитывало 241 документ на русском языке. Основу этого поступления составили акты, приобретенные Соловьевым в Лунде. Я. И. Бередников, составивший реестр поступления, отмечал на заседаниях Археографической комиссии 5 декабря 1838 г., что «из поименованных документов большая часть могут быть напечатаны в подготавливаемом Комиссией „Собрании исторических актов“»⁷. Тогда же было принято решение о публикации 138 из вновь поступивших документов во втором томе «Актов исторических». Все они относились к событиям Смутного времени. В поступлениях 1837—

1838 г. содержались наиболее ценные документы, на них приходится основная часть из 312 документов собрания, опубликованных в различных изданиях⁸.

Третья, последняя часть коллекции была продана Комиссии в 1848 г. в связи с бедственным финансовым положением владельца. В подготовленном Соловьевым реестре значилось 600 отдельных русских документов начала XVII в., передал же он Комиссии лишь 221 акт⁹. Значительную часть этого поступления составляли документы, относящиеся к истории шведского правления в Новгороде в 1612—1617 гг. Конфликт из-за отсутствия указанного количества актов был урегулирован, но судьба почти 400 документов осталась неизвестной. С. В. Соловьев не представлял в Комиссию подробного перечня документов последней части коллекции, а ограничился «Конспектом Актам оригинальным и на иностранных языках», где только перечислил основные группы источников по тематическому признаку и указал их количество¹⁰. «Конспект» играл роль реестра при приобретении собрания. Этот факт и склонность Соловьева к мистификации, о чем свидетельствуют современники¹¹, не позволяют с определенностью ответить на вопрос о действительном существовании недостающих документов.

Из 652 единиц хранения коллекции к первым 15 годам XVII в. относится 414. Из них лишь 276 было опубликовано; в том числе две трети материалов второго тома «Актов исторических», посвященного периоду 1598—1613 гг., были взяты из собрания Соловьева. Отдельные документы, относящиеся к этому времени, были опубликованы в «Актах Археографической экспедиции» (т. II), «Дополнениях к Актам историческим» (т. I—II), «Русской исторической библиотеке» (т. 2)¹².

В 1918 г. М. Г. Курдюмов составил первое описание коллекции и, следуя тематическому принципу, свел наиболее интересные документы примерно в 20 групп¹³. После этого стало ясно, что в отличие от случайных документов, относящихся к XII—XVII вв., скопированных или приобретенных Соловьевым в различных библиотеках и архивах, комплекс документов Смутного времени представляет собой большие подборки однотипных материалов: челобитных, отписок воевод, царских грамот, частных писем, объединенных адресатом или местом назначения. На этот факт еще ранее обратил внимание Я. И. Беренников, который предположил, что эти документы «составляют, вероятно, малую часть бумаг, принадлежавших в начале XVII в. Воеводскому смоленскому архиву и лагерям Тушинскому и Сапегину»¹⁴.

Подобной точки зрения придерживался и В. С. Иконников, считавший, что эти архивы были захвачены шведами¹⁵. Правильность подобной гипотезы подтверждается тем, что наиболее широко в собрании представлены материалы как раз за 1608—1610 гг. 314 документов, относящихся к этому периоду, распределяются по годам следующим образом: 1608 г. — 60 документов (не опубликовано — 13), 1609 г. — 180 (не опубликовано — 34), 1610 г. — 74 (не опубликовано — 32)¹⁶. Они относятся к наиболее сложному периоду Смутного времени и дают представление о взаимоотношениях Москвы и Тушина, Лжедмитрия II и Сигизмунда III, Лжедмитрия II и Я. П. Сапеги, героической обороне Смоленска и проявлениях классовой борьбы.

Самый примечательный факт — наличие среди документов Смутного времени большого числа черновых отпусков грамот смоленских воевод и подлинных грамот Московского правительства в осажденный Смоленск. Это свидетельствует о том, что документы, вероятно, принадлежали к составу архива, сложившегося в воеводской избе в Смоленске. Еще одна часть этого архива, состоявшая из 265 документов, была опубликована в 1912 г. Ю. В. Готье¹⁷. Он обнаружил их в коллекции графов Брахе в стокгольмском архиве. Документы, опубликованные Ю. В. Готье, были известны С. В. Соловьеву, но не заинтересовали его. Готье предложил наиболее убедительную версию появления смоленского архива начала XVII в. в Швеции¹⁸. Он доказал, что документы смоленской воеводской избы из

коллекции Соловьева не входили в состав материалов собрания графов Брахе, «между тем они близки к ним не только по содержанию, но и палеографически»¹⁹ и составляли когда-то единое целое. Вероятнее всего, Соловьев приобрел все материалы, относящиеся к Смоленску в начале XVII в., у одного владельца в Лунде.

Многочисленные отписки тушинских воевод, письма, адресованные Я. П. Сапеге, грамоты к нему Лжедмитрия II, хозяйственная переписка свидетельствуют, что значительный комплекс документов из коллекции Соловьева был связан с приказными учреждениями в лагере Я. П. Сапеги и в Тушине. Этот комплекс является частью своеобразного архива польского гетмана. Следы других частей его архива находили и в России, и в Польше²⁰. Таким образом, большинство документов из собрания Соловьева связаны со смоленским воеводским приказом, лагерями Лжедмитрия II и Я. П. Сапеги, ставкой Сигизмунда III. Наибольшую историческую ценность для исследователя представляют прежде всего дела воеводской избы в Смоленске за 1600—сентябрь 1609 гг. (отписки в Москву, переписка с литовскими пограничными старостами о торговле и спорных порубежных делах, распросные речи лазутчиков и другие материалы, характеризующие обстановку на границе Российского государства и Польши, всего — около 60 документов); более 20 документов, связанных с обороной Смоленска; около 20 грамот Лжедмитрия II и отписок его воевод; 11 грамот второго самозванца гетману Я. П. Сапеге; более 50 писем и челобитных из разных мест, адресованных Я. П. Сапеге, и переписка тушинских воевод с ним (31 документ); переписка Сигизмунда III и канцлера Л. И. Сапеги с И. Т. Грамотиным и членами московской «семибоярщины» (18 документов). Почти все названные материалы были опубликованы в изданиях Археографической комиссии уже в 40-е годы XIX в.

Особую группу составляют материалы, относящиеся к истории Новгородской земли в 1611—1617 гг. Комплекс новгородских документов насчитывает более 70 подлинников отписок, приговоров, наказных памятей и грамот новгородских бояр и Я. П. Делагарди, большинство из которых не опубликовано. Все они были приобретены Соловьевым в 1840 г. и поступили в Археографическую комиссию в 1848 г. Не вызывает сомнения, что эти документы — часть новгородского архива начала XVII в., вывезенного в Швецию Я. П. Делагарди в 1617 г.²¹ Архивный фонд местного управления в Новгороде, насчитывающий около 28 тыс. листов рукописей, составил Новгородский фонд стокгольмского архива²². Этот фонд был впервые открыт С. В. Соловьевым, который скопировал из него некоторые документы²³. Но отдельные материалы, связанные с пребыванием Я. П. Делагарди в Новгороде, остались в семейном архиве Делагарди, где и были, скорее всего, приобретены Соловьевым (маловероятно, что подлинники документов были проданы в Государственном архиве Швеции).

С середины прошлого века опубликованные источники коллекции Соловьева широко вошли в научный оборот. Их использовали в своих капитальных трудах С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, а несколько позже С. Ф. Платонов и П. Г. Любомиров. К ним обращаются и советские исследователи²⁴.

Наличие довольно значительного количества опубликованных материалов, естественно, ослабило интерес к коллекции в целом, однако до настоящего времени недостаточно исследованы и слабо использованы историками неопубликованные документы коллекции за 1603—1615 гг. В свое время эти материалы не были напечатаны в изданиях Археографической комиссии, так как одним из критериев отбора документов для публикации служила точность датировки: из 130 неопубликованных источников 71 имеет весьма приблизительную дату в пределах одного-двух лет, тем не менее многие из них представляют интерес для характеристики различных сторон политической и экономической жизни Смутного времени. Среди них челобитные королю Сигизмунду III и королевичу Владиславу, относящиеся к 1610—1612 гг., в том числе 10 — от дворян Ржевских (только одна опубликована²⁵). Вместе взятые челобитные позволяют проследить историю

стремительного возвышения в годы Смуты заурядной дворянской фамилии из Рязанского края.

Семья Ржевских давно попала в поле зрения историков. Наиболее известный ее представитель — Иван Никитич Ржевский был пожалован окольным чинством Сигизмундом III, что стало причиной столкновения князя А. И. Голицына с Гонсевским в Думе. Оказавшись в Первом ополчении, И. Н. Ржевский был убит казаками вместе с П. П. Ляпуновым²⁶. «Летопись о многих мятежах» называла его «недругом великим» Ляпунова²⁷. Оба они выходцы из «мещерской стороны», их поместья были рядом²⁸.

С. Ф. Платонову были известны документы о пожалованиях Сигизмунда III дворянам Ржевским, опубликованные в «Актах Западной России»²⁹. Он метко определил бурную деятельность этой семьи как «политическую вакханалию меньшей „братии“, желавшей сапов, власти, богатства и думавшей, что ей легко будет завладеть Москвою путем унижения и изменного раболепства перед иноверным победителем»³⁰. Но Платонов не использовал челобитные из коллекции Соловьева, которые существенно дополняют данную им характеристику. Применяя сведения из пожалованиях, можно откорректировать датировку некоторых челобитных³¹ и уточнить политическую карьеру И. Н. Ржевского в Смутное время.

В польском лагере под Смоленском И. Н. Ржевский явно поднимался над уровнем обычной провинциальной мелкоты. Определенную роль в этом сыграло участие «окольного» Ржевского в составлении приговора 14 февраля 1610 г. в Тушине, его многочисленные услуги полякам, о которых «ведомость учинилась от великого гетмана Желтовского». Имели значение и притеснения от Шуйского, о чем Ржевский не устал напоминать в своих челобитных³². Но ни «заслуги», ни ложь, будто их «родители преже сего бывали у великих государей в боярах и окольных»³³, не помогли И. Н. Ржевскому получить боярский чин. После прибытия гетмана Жолкевского под Смоленск Ржевские приняли решение выехать в Москву. В ноябре 1610 г. они обратились к королю с челобитной о назначении им подобающего («чтоб нам, подданным вашим при своей братии позорным не быть») жалования и даче грамоты о том «ко князю Федору Ивановичу Мстиславскому да к Олександру Ивановичу Гоцевскому»³⁴. Появился Ржевский в Думе, вероятно, в конце 1610 г., а не в начале 1611 г., как полагал М. Мархоцкий³⁵. Встреченный в штыки родовым боярством и видя напряженную атмосферу в Москве, он совершил последний в своей жизни «перелет» в Первое ополчение. Такой представляется его карьера в последние месяцы 1610 г.

Заслуживают упоминания также документы об обороне Троице-Сергиева монастыря и осаде Смоленска³⁶, многочисленные челобитные и грамоты, адресованные Я. П. Сапеге и освещающие различные стороны внутренней жизни Тушинского лагеря в 1608—1609 гг.³⁷ Среди копий документов на польском, латинском, датском и немецком языках, входящих в собрание Соловьева, оказались копии финансовых и хозяйственных документов 1613—1615 гг. из семейного архива Деллагарди, не представленные в коллекции подлинниками. Они принадлежали или были адресованы Я. П. Деллагарди и новгородскому воеводе князю И. Н. Большому Одоевскому³⁸.

В связи с историей возникновения коллекции С. В. Соловьева возникает вопрос об общем количестве русских документов начала XVII в., оказавшихся в Швеции. К сожалению, ответить на него определенно не представляется возможным. Если мы имеем некоторое представление о размерах новгородского архива, вывезенного в Швецию, то об объеме документации смоленского архива, попавшего сначала в Польшу, а затем в качестве трофея в Швецию, нам остается только догадываться. Кроме того, смоленский архив сразу оказался у нескольких владельцев. Значительное количество смоленских материалов, видимо, погибло, хотя не исключены и новые находки, скорее всего в провинциальных архивах.

Одной из главных предпосылок дальнейшей разработки проблем сложного комплекса событий начала XVII в. исследователи справедливо признают публикацию вновь обнаруженных документов этого периода и созда-

ние полной библиографии изданных в XVIII—XX вв. источников³⁹. В этой связи целесообразно обратиться к коллекции Соловьева, рассмотрев в совокупности опубликованные и неопубликованные источники, исходя из того, что перед нами часть архивов начала XVII в. Такой подход позволяет по-новому взглянуть на известные источники и открывает широкие возможности их интерпретации. Давно назрела необходимость публикации с соответствующими комментариями ряда документов коллекции, незаслуженно отнесенных к числу «малоценных».

- ¹ Новые документы о восстании Болотникова. — ВИ, 1981, № 7, с. 74—83; Документы первой крестьянской войны в России. — СА, 1982, № 1, с. 34—41.
- ² Протоколы заседаний Археографической комиссии 1835—1840 гг. СПб., 1885, вып. 1, с. 580.
- ³ См., например: Якубов К. И. Русские рукописи Стокгольмского государственного архива. М., 1890, с. 3, 4.
- ⁴ Протоколы заседаний Археографической комиссии 1835—1840 гг., вып. 1, с. 305, 384.
- ⁵ Там же, с. 367—382.
- ⁶ Протоколы заседаний Археографической комиссии 1835—1840 гг., вып. 1, с. 173—179.
- ⁷ Там же, с. 382.
- ⁸ ЛЗАК за 1918 год. Пг., 1923, вып. 31, с. 4.
- ⁹ Протоколы заседаний Археографической комиссии 1841—1849 гг. СПб., 1886, вып. 2, с. 433.
- ¹⁰ ЛО ААН, ф. 133 (Археографическая комиссия), оп. 1, д. 514, л. 3—8.
- ¹¹ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896, т. 1, с. 505.
- ¹² ЛЗАК за 1918 год, вып. 31, с. 5.
- ¹³ Там же, с. 5—7.
- ¹⁴ Протоколы заседаний Археографической комиссии 1835—1840 гг., вып. 1, с. 382.
- ¹⁵ Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1891, т. 1, ч. 1, с. 261.
- ¹⁶ Подсчитано на основании Описи № 1 фонда К 124 (коллекция С. В. Соловьева) АЛЮИИ.
- ¹⁷ Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг. / Под ред. Ю. В. Готье. М., 1912.
- ¹⁸ Там же, с. VIII.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Zycia Sapiehow u listy od monarchow, Ksia'zat ugo'znych panuiancych do tychze pisane. W Warszawie, 1791; Муханов П. А. Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши преимущественно во время Самозванцев. М., 1834, с. 247—252; Сборник Муханова. М., 1836, с. 171—174, № 97—103; Сборник князя Хилкова. СПб., 1879, с. 14—81, № 12.
- ²¹ Шаскольский И. П. Как оказался в Стокгольме новгородский архив начала XVII в. — СА, 1968, № 3, с. 117.
- ²² Шаскольский И. П. Судьба государственного архива Великого Новгорода. — В кн.: ВИД. Л., 1972, вып. 4, с. 228.
- ²³ Протоколы заседаний Археографической комиссии 1841—1849 гг., вып. 2, с. 4—6.
- ²⁴ См., например: Шенелев И. С. Освободительная и классовая борьба в русском государстве 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957.
- ²⁵ АИ. СПб., 1841, т. 2, с. 369, 370.
- ²⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960, кн. 4, с. 617.
- ²⁷ Летопись о многих мятежах. СПб., 1771, с. 236.
- ²⁸ Писцовые книги Рязанского края. Рязань, 1898, т. 1, с. 43, 49.
- ²⁹ АЗР. СПб., 1851, т. 4, с. 349—351, 356, 418, 425.
- ³⁰ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937, с. 359.
- ³¹ Две челобитные из коллекции Соловьева (АЛЮИИ, К 124, оп. 1, ед. хр. 430, 460) непосредственно связаны с пожалованиями, которые были сделаны в ответ на просьбы Ржевских (АЗР, т. 4, с. 351, № 273, 274). Жалованные грамоты Ржевским точно датированы 25 сентября 1610 г., поэтому челобитные относятся к первой половине сентября. В архивной описи они просто отнесены к 1610 г. Известная из пожалований дата получения И. Н. Ржевским околичества (25 сентября) позволяет уточнить датировку еще двух челобитных (АЛЮИИ, К 124, оп. 1, ед. хр. 463, 478), в одной из которых он просит о назначении ему жалования как околичному, а в другой — боярский чин. Все это происходило не ранее октября 1610 г.
- ³² АЛЮИИ, К 124, оп. 1, ед. хр. 467, л. 1; ед. хр. 519, л. 2.
- ³³ АИ, т. 2, с. 369.
- ³⁴ АЛЮИИ, К 124, оп. 1, ед. хр. 463, л. 1.
- ³⁵ Marchockiy M. S. Historia wojny Moskiewiskiej. Poznan, 1841, s. 112.
- ³⁶ АЛЮИИ, К 124, оп. 1, ед. хр. 209, 347, 382, 431 и др.
- ³⁷ Там же, ед. хр. 181, 258, 339, 386, 394, 400—402 и др.
- ³⁸ АЛЮИИ, К 124, оп. 2, ед. хр. 39, л. 15—21.
- ³⁹ См., например: Буганов В. И. Крестьянские войны в России — итоги и перспективы исследований. — В кн.: Будущее науки. М., 1976, с. 264, 265.

Е. И. Смирнова

ДОКУМЕНТЫ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ
ИЗ АРХИВА ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ
О СОЗДАНИИ ЭКСПОЗИЦИИ В МАСТЕРСКОЙ КАЗЕННОЙ
ПАЛАТЕ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Малоизученный документальный материал 20-х годов XVIII в. содержит не только интересные данные о характере размещения и хранения древних исторических сокровищ в кремлевских казенных палатах, но и сообщает новые дополнительные сведения об отношении Петра I к историческим реликвиям Русского государства.

В этом плане наиболее примечательно дело № 766 из архива Оружейной палаты, находящееся ныне в ЦГАДА¹. Оно содержит 55 листов с записями о расходах по Мастерской палате Кремля за 1718—1722 гг. На л. 33—47 этого дела приводится указ Петра I от 30 января 1718 г. о переустройстве Мастерской Казенной палаты и сведения о расходах, которые повлекло его исполнение. Документы подписаны князьями П. И. Прозоровским и Ю. В. Одоевским и дьяком Мастерской палаты Герасимом Невежиным. Это хорошо сохранившиеся беловые записи на бумаге конца XVII—начала XVIII в. с водяным знаком, изображающим двух львов со щитом под короной.

Указ Петра I записан здесь следующим образом: «1718 году, генваря в 30 день великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всея великия и малыя и белыя России самодержецъ, будучи в Мастерской и в Казенной полатах и смотрев своей Государевой казны Царских венцов и платья, и всех вещей, которые обретаются в Казне Мастерские полаты, по имянному своему Государеву указу указал тое Мастерские полаты Казенную полату починить всю вновь, так чтоб в ней гнилости не было, и своды, которые от воды потекли, устроить, чтоб впред течи не было ж. А на вышеписанные Царские венцы и платья и на все вещи устроить шафы дубовые, и чтоб все вышеписанные Царские венцы и платья и все вещи устроить в тех шафах *явственно за стекла* (Курсив мой. — Е. С.). А которые Царские венцы и иные вещи в той Казенной полате попортились починить вновь и с венцов царских, и своего Государева платья соболи снять. И столб, которой зделан в Казенной полате был для хождения часовых гирь, и прежние деревянные шафы за гниlostью выломать. А на тот расход денги брать ис приказы Большие Казны. Тот вышеписанной свой великого государя имянной указ изустно изволил приказать боярину Петру Ивановичю Прозоровскому»².

С именем князя П. И. Прозоровского, стоявшего в то время во главе Мастерской палаты, приказа Большой казны, крупного государственного деятеля и рачительного хозяина, связано предание о сохранении огромного древнего собрания серебряной посуды, находившегося на Казенном дворе. В трудный период Северной войны Прозоровский должен был по приказу Петра перелить серебряные изделия и перечеканить серебро в монету. Но, согласно преданию, он выслал Петру I известные только ему одному денежные запасы, спрятанные в кремлевских тайниках, и сохранил древние коллекции, чему Петр был впоследствии очень рад³.

Материалы ЦГАДА хотя и не дают полной картины осуществления приведенного указа, но сообщают важные сведения о связанных с ним работах. Во исполнение царского указа Прозоровский распорядился «быть у того дела, у расходу денег Мастерские полаты дьяку Герасиму

Невежину». Он требовал, «чтоб то каменное и деревянное строение сделано было впред в твердости, и в Казенную полату течи водной не было, и шафы б зделаны были столярным делом самым добрым мастерством и добрыми мастерами»⁴.

Интересно отметить, что имя дьяка Герасима Невежина, которому поручен был контроль за расходом денег, встречается в документах Мастерской палаты с 1701 г. Почти все приходо-расходные и описные книги 1701—1720 гг. дошли до наших дней за его скрепой.

Он же первый получил уведомление о назначении по указу Петра I начальником Мастерской палаты П. И. Прозоровского в 1712 г. Все это, равно как и довольно высокий оклад (160 руб. в год), говорит о том, что Г. Невежин был опытным и доверенным служилым человеком и ответственное дело по серьезному переустройству Мастерской палаты поручено было ему вполне заслуженно⁵.

Ремонт Мастерской палаты и исполнение шкафов потребовали нескольких лет. В апреле 1718 г. шкафы, которые указ предписывал «за гнильстью выломать», были перенесены в старую царицыну казну⁶, очевидно для временного хранения вещей. Есть также упоминания об исполнении ящиков и чемоданов из сафьяна для переноски вещей. В августе-сентябре из приказа Большой казны на ремонт и шкафы было выдано 300 руб. В ноябре-декабре того же года были окончены работы по вычинке сводов и покрытию их алебастром и выстилке полов. Четырем мастерам-штукатурам было выплачено 15 руб. «за дело алебастром в Казенной полате на сводах отрезных дорожников и подушек, и от виноградной кисти в середине, и у дверей, и у окошек-дорожников. . .». А 18 мастерам, выставшим пол «лещадью в шахмат», за шесть дней работы уплатили каждому «по рублю, по 20 и 4 алтына па день»⁷.

Подряд на исполнение 18 новых дубовых шкафов был отдан столяру Ивану Архипову, который закончил работу в июне 1719 г.

27 числа новые шкафы были установлены в Казенной палате. Любопытно отметить, что люди, выносившие шкафы, получали поденный корм по 10 денег (5 коп.), а устанавливавшие новые шкафы — «по 3 алтына, по 2 денги», т. е. вдвое больше⁸.

Большие трудности возникли при застеклении шкафов. В августе 1719 г. иноземец Иван Вернизобр поставил в Мастерскую палату в пяти ящиках 78 зеркальных стекол «ценою по 2 рубли по 20 по 6 алтын по 4 денги за стекло» общей стоимостью 218 руб. 30 алтын 2 денги⁹. Но этих стекол не хватило для всех шкафов, и новый начальник Мастерской палаты князь Василий Юрьевич Одоевский, пришедший на смену умершему в январе 1720 г. П. И. Прозоровскому, предпринял энергичные меры для покупки недостающих стекол. Он приказал выставить «в пристойных местах» указы Петра I следующего содержания: «По его императорского величества указу велено в Мастерской полате, где обретаются его императорского величества главнейшие вещи, достроить в шафы, к которому строению надобно в добавку сорок два стекла. И ежели кто похочет к тому строению стекла поставить и те б люди приходили в его императорского величества Мастерскую полату, и явясь о поставке стекол и о цене уговоры свои записывали без продолжения времени. . .»¹⁰.

Эти указы дважды вывешивались у Спасских и Никольских ворот в Кремле и у Воскресенских ворот в Китайгороде. Но долгое время никто в Мастерскую палату с предложениями о подряде не являлся. Наконец, по распоряжению Одоевского «о торгу тех же стекол велено было публиковать с барабанным боем»¹¹.

Эта чрезвычайная мера также не дала скорых результатов. Только в сентябре 1720 г. брат Ивана Вернизобра, Яков Соломон Вернизобр, после длительного торга продал палате 42 стекла «за 117 рублей 20 алтын». Обрезал эти стекла «дворцовый стеклянных дел оконнишник Андрей Иванов сын Холодовский», а вставлял в рамы и шкафы плотницкой слободы столяр Исай Трофимов. Застекление, судя по распискам Холодовского и Трофимова в получении денег, было окончено до ноября 1722 г.¹²

Что же представляла собой в то время Мастерская Казенная палата? И. Е. Забелин и вслед за ним Г. Л. Малицкий указывали, что в начале 20-х годов XVIII в. Мастерская и ее главная Казенная палаты имели общую площадь «около 140 м², окна (одни стеклянные, другие слюдяные) были снабжены решетками и железными затворами, двери сделаны из железа или дерева»¹³.

Мы уже отметили, что своды палаты были покрыты алебастром, украшены «дорожниками», «подушками» и виноградной гроздью посередине, а пол выстлан «лещадью в шахмат». Так что помещение Казенной палаты было достаточно нарядным.

Напомним также имущественный состав этого казнохранилища. Он достаточно полно охарактеризован оценочной описью 1702 г., которая дала суммарную стоимость (138 702 руб. 22 алтына) всему, что было в Мастерской палате налицо, и передаточной описью 1720 г., составленной в связи с приемом этого хранилища Одоевским¹⁴.

В первых главах указанных описей перечисляются пять царских шапок, в том числе Мономахова и Казанская, золотые и серебряные шапочные верхи, скипетры, державы, диадимы (бармы), цепи, кресты, запястья. Далее в гл. 9 следуют записи о большом количестве серебряных изделий — о кубках, братинах, кружках, стопах, лоханях, рукомоях. Упомянуты также скульптурные изделия: два коня, олень и другие предметы. В следующих главах указаны различные хрустальные, яшмовые, сердоликовые, янтарные, ореховые сосуды, буйволовый рог, карманные и столовые часы. Среди одежды названы платна, опашень, кабат, кафтаны и другие вещи, здесь же поименованы ткани: аксамиты, алтабасы, бархаты, а также шпалеры, ковры и др. В описи присутствуют многочисленные запоны, петлицы, кружево с царского платья, ожерелья, наконечники от посохов, жезлы, ларчики с серьгами, перстневики с перстнями, пуговицы, драгоценные камни и жемчуг. В числе вещей находились также три золотые нагруски, три сабли и щит, кинжалы, лубья бархатные и кожаные.

Таким образом, Казенная Мастерская палата вмещала чрезвычайно ценные, редкие и разнообразные по характеру и назначению вещи. И мы можем согласиться с определением, которое проходит через многие документы XVIII в. о том, что в Казенной Мастерской палате обретаются «его императорского величества главнейшие вещи».

В ноябре 1722 г. для опечатывания помещения и новых шкафов Мастерской палаты была заказана на Монетном дворе печать с изображением орла «с персоною на коне и словами, что оная печать Мастерские полаты». Исполнил ее резчик Иван Зернов¹⁵.

Резюмируя приведенный документальный материал, нужно отметить, что все перечисленные в указе от 1718 г. распоряжения: капитальный ремонт и переустройство помещения Мастерской Казенной палаты, вычинка венцов и других вещей и, наконец, исполнение застекленных дубовых шкафов, «чтоб все вышеписанные царские венцы и платье и все вещи устроить в тех шафах явственно за стеклы», несомненно, были продиктованы не только стремлением Петра I сохранить исторические ценности, но и сделать их доступными для обозрения. В подтверждение этого можно привести следующий известный факт. В дни коронации Екатерины I Мастерская палата наравне с Грановитой и Столовой палатами была включена в число помещений, где «великая публика могла чинно испратиться», т. е. находиться. Для этого палата была заново отделана и стала еще более нарядной. Слюдяные окончины были заменены стеклянными, для чего из дома А. Д. Меншикова было взято 209 ябургских стекол. На них по золотому фону были написаны разные фрукты. Лепные украшения на сводах и карнизы, «к которым прибиты камки», были вызолочены красным золотом¹⁶.

По всей вероятности, за 120 стеклами новых шкафов были хорошо видны государственные регалии и другие произведения ювелирного искусства, парадные одежды, узорные ткани и драгоценные сосуды. Отметим, что для размещения в шкафах царских венцов был использован

очень разумный экспозиционный прием. Токарю плотницкой слободы Дмитрию Иванову были заказаны специальные подставки-болванцы. Он получил «от точки семи болванов под шапки алмазные нарядные, его императорского величества за лес и за работу по 2 алтына от болванца, итого 14 алтын . . .»¹⁷.

Нам представляется, что все сделанное во исполнение указа Петра I от января 1718 г. можно рассматривать как ранний опыт создания музейной экспозиции и как один из этапов в процессе постепенного превращения кремлевской сокровищницы в государственный музей.

¹ ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, д. 766, л. 1—55.

² ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, д. 766, л. 33, 33 об. А. Викторов в своем труде

«Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584—1725 гг.» (М., 1877. Вып. 1, 2) под № 764 приводит почти идентичный текст указа Петра I в копии 1735 г. со ссылками на л. 69—78, но современная единица хранения ЦГАДА № 764 содержит только 66 листов, и текста, опубликованного А. Викторовым, в ней нет.

³ РБС. СПб., 1918, т. Притвиц-Рейс, с. 21.

⁴ ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, д. 766, л. 33 об., 34.

⁵ Викторов А. Указ. соч., с. 221, 222, 224, 225, 228, 231, 259, 266, 281, 284, 286, 592, 593, 598, 602, 606, 608.

⁶ ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, д. 767, л. 11.

⁷ Там же, л. 14, 15.

⁸ Там же, л. 46.

⁹ Там же, л. 49.

¹⁰ Там же, л. 38, 38 об.

¹¹ Там же, л. 39.

¹² Там же, л. 40, 41, 45.

¹³ Малицкий Г. Л. К истории Оружейной палаты Московского Кремля. — В кн.: Государственная Оружейная палата Московского Кремля: Сб. М., 1954, с. 542.

¹⁴ Викторов А. Указ. соч., с. 221—230.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, д. 766, л. 44.

¹⁶ Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1884, ч. 1, с. 1311, 1344, 1346.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, д. 766, л. 45.

А. А. Формозов

ВОСПОМИНАНИЯ

И. Е. ЗАБЕЛИНА О Т. Н. ГРАНОВСКОМ

Во всех очерках о выдающемся русском историке и археологе Иване Егоровиче Забелине (1820—1908) говорится о том, что он был близок с замечательным историком-медиевистом Тимофеем Николаевичем Грановским (1813—1855). В 1856 г., т. е. через год после смерти Грановского, Н. А. Добролюбов писал, что «Грановский учил Забелина»¹.

В статье, появившейся в 1892 г. к 50-летию научной деятельности Забелина, В. Е. Якушкин утверждал, что юбиляр «стал близким человеком в кругу Грановского. Знаменитый профессор не мог не обратить, конечно, внимания на талантливого молодого человека, помогал ему в его стремлениях к знаниям и даже читал для него. . . особый курс по истории. . . Обществу Грановского и вообще ученым и литературным связям Забелин обязан и своим общим образованием и своим направлением»².

В некрологе 1909 г., написанном Д. Н. Анучиным³, намечена такая схема: не получив ни гимназического, ни университетского образования, юный Забелин жадно тянулся к знаниям, мечтал найти для себя учителя и руководителя. Он оказался перед трудным выбором: пойти на выучку к университетским профессорам, стоявшим на позициях «официальной народности», — М. П. Погодину и С. П. Шевыреву или искать учителей среди славянофилов. Забелин резко выступил против Погодина, Шевырева и славянофилов и сблизился с западниками, начав учиться у Грановского.

Эта схема перешла и в советскую историческую литературу. «Ученик Грановского, он был убежденный западник», — читаем в статье А. В. Арциховского «Забелин-археолог»⁴. В то же время в ряде изданий встречаются и такие оценки Забелина: «эпигон славянофильства»⁵, «представитель славянофильского лагеря»⁶, ученый, отличавшийся «эклети-ческим смешением понятий славянофильства и юридической школы»⁷. Вопрос о взаимоотношениях Забелина и Грановского интересен не только для уточнения биографий двух видных ученых, но и для уяснения исходных позиций столь плодотворного и авторитетного историка, как Забелин.

Представляют интерес наброски воспоминаний Забелина о Грановском, хранящиеся в составе его архива в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея⁸. Два из них находятся среди дневниковых записей историка. Первый — заключен в тетради с записями от 11 декабря 1864 г. до 29 апреля 1865 г.⁹, второй — на отдельных листах, не датирован, но, судя по почерку, относится примерно к тому же времени. Сейчас эти листы лежат в стопке с записями 1865 г., хотя при составлении описи отнесены почему-то к 1869 г.¹⁰

Представляется вероятным, что эти два отрывка появились в связи с предстоявшим в 1865 г. 10-летием со дня смерти Грановского и готовились для прочтения на каком-нибудь собрании или для публикации. В записи от 28 января 1865 г. Забелин упомянул о вечере у А. В. Станкевича, где все время говорили о Грановском и читали его письма¹¹.

Обе записи имеют характер черновых набросков для статьи мемуарного типа и несколько отличаются друг от друга стилистически. Приводим их полностью, сопровождая необходимыми комментариями.

«Восп[оминания]. Не помню в какое время, зимою в 1841—42 годах Татаринов объявил мне, что Грановский очень мною интересуется и желает со мною познакомиться. Я всегда дичился подобных знакомств, хотя и глупо делал. Я так высоко ставил таких людей, как Грановский, и так мало думал о себе, что всегда боялся быть помехою, быть в тягость. Какие у меня были достоинства? С чем я мог придти к Грановскому? Говорилл, что он мною интересуется, а я знал очень хорошо, что во мне ничего не было интересного; по крайней мере я не знал, что в самом деле было интересного в моей особе. Слова Татаринова я принял просто за выражение особой дружбы, симпатии ко мне, принял их как дружелюбную лесть и, признаваясь, думал, что он просто врет, льстит мне. Как сможет моей особой заниматься Грановский, о котором я слышался от Татаринова. Малышева, Павлова, Жиленкова, Фермора, Бабста и др[угих] самых восторженнейших суждений и рассказов?

Не один раз Татаринов повторял свое предложение идти к Грановскому. Я соглашался неохотно, не вполне доверяя искренности Татар[инова]. Наконец, он объявил, что в воскр[есецье] мы непременно должны идти обедать к Грановскому. Я вообще думал, что не Грановс[кий] желает меня видеть, а что Татар[инов] желает меня показать Грановскому. Эта мысль не оставляла меня всю дорогу, когда мы наконец отправились на обед. Грановс[кий] жил тогда в Грачевке в д[оме] Мильгаузена, самом последнем к Садовой.

На учебник он надеялся, как на стену. Читал мне.

NB. Грановский толковал, что ничего хорошего не сделал. Целый вечер я с ним провел. Скорбел, что люди ушли, а было бы можно сделать, указывал на декабристов. «Вот Вы еще молоды». Я доказывал, что мы, хотя и молоды, да плохи на дело.

Хлопотал о переводах, хотел издавать сборник. Момсен и т. п.

Занимающиеся Русской историей все суживают воззрения и взгляд. Указал Бодянского и Соловьева, которого он не высоко ставил по таланту и говорил, что он умный, но узкий ч[ело]в[ек].

Запись четко распадается на две части, разделенные знаком *NB* самим Забелиным. Начало чересчур многословно, изложение как бы топчется на месте: Забелина зовут в гости, а он стесняется, его опять приглашают, а он уклоняется и т. д. Существенно здесь следующее: знакомство с Грановским состоялось в начале 40-х годов, причем инициатором был Грановский, заинтересовавшийся рассказами своих студентов о талантливом самоучке. (Возможно, что Забелин не слышал тогда лекций Грановского и даже не читал его немногочисленных первых работ.)

Посредником в знакомстве выступил Василий Иванович Татаринов. Об этом ученике Грановского мы знаем, что по окончании университета он преподавал в Ярославле в Демидовском лицее и рано умер, — судя по сохраненной Забелиным части его архива, в конце 1850 или в начале 1851 г.¹² Окончив гимназию в 1841 г., Татаринов снял комнату в казенной квартире Забелина и жил на пансионе у его матери Авдотьи Федоровны. В 40-х годах жили у Забелиных и два других упомянутых в записи студента — Федор Александрович Фермор и Жиленков¹³. Среди названных Забелиным слушателей Грановского наиболее известен его любимый ученик Иван Кондратьевич Бабст, впоследствии профессор политической экономии Московского университета. Забелин поддерживал знакомство с ним долгие годы. Андрей Иванович Малышев и Иван Васильевич Павлов упомянуты в воспоминаниях Забелина 90-х годов.

Вторая половина первой записи конспективна, и разговор (или разговоры) с Грановским восстанавливаются по ней с трудом. Интересно высказывание Грановского о декабристах. Уже первая фраза настораживает: передан здесь разговор 1841—1842 гг. или позднейшие беседы? Назван «учебник», а учебник всеобщей истории был заказан Грановскому новым

министром народного просвещения А. С. Норовым в феврале 1854 г. Грановский умер, едва приступив к этой работе¹⁴.

Не менее показательно упоминание о Теодоре Моммзене. В 1842 г. ему было 25 лет, он учился в Кильском университете и вряд ли был известен Грановскому. Но в 1854 г. вышел первый том «Римской истории» Моммзена, и интерес к этой книге профессора всеобщей истории Московского университета вполне понятен.

Вероятно, 50-ми годами датируются и разговоры о Сергее Михайловиче Соловьеве. Грановский знал его и в 1841 г. и относился к нему как к ученику М. П. Погодина с известным предубеждением. Окончив университет в 1842 г., Соловьев уехал за границу в качестве домашнего учителя в семье графа А. Г. Строганова. Тогда еще ничто не говорило о том, что он будет преемником Погодина на кафедре русской истории и станет центральной фигурой русской исторической науки. В начале 50-х годов Соловьев, будучи профессором и доктором русской истории, начал выпускать свою «Историю России с древнейших времен».

Таким образом, первая запись Забелина — не рассказ о знакомстве с Грановским, а конспект того, что запомнилось из бесед с ним, преимущественно в 50-х годах.

II

«Гранов[ский]

Влияние было таково, что из одной лекции слушатель уносил запас на всю жизнь. Конечно, не все сряду лекции были такого свойства. Иные бывали *так себе*, но в иных он был вдохновенный оратор, поэт, бард, скальд. Его лекция была священнодействием, таинством, во времена которого совершалась действительная тайна очеловечивания человека, освящения и просвещения чувств и помыслов ч[ело]в[е]ка, возвышение из среды пошлости в среду высреннюю.

Блισταющий, светлый взор, сдержанная, грустная, страдальческая улыбка, сжатие, движение губ иногда досказывало больше, чем слова и вся речь говорила. Фраза его была иной раз нескладна, бессвязна, но грациозна, как юношеский лепет, как *язык страсти*. Вообще была значительная доля недоговоренного словом, но договоренного движением губ, улыбкой, взглядом, наклоном головы или поднятием, поворотом (длинные кудри придавали ему много красоты).

В глазах его светило, блистало то чувство вселюбви, которое немногие понимают и умеют ценить. Мужчины его относят к излишней маниловщине, романтизму, женщины принимают на свой счет, т. е. думают, что это любовь в обыкновенном смысле, любовь с плотскою подкладкою и, след[овательно], личной.

Нет, это была поэзия, это была любовь к высокому и благородному человеческой природы, любовь к человеку в самом возвышенном смысле слова, как к поэтическому созданию природы. Это была любовь, неспособная отрицать, нигилизировать, неспособная оценивать людей и их дела, как и отвлеченные идеи, одним холодным рассудком — умом, разумом. Отсюда — религиозность Грановского, собственно не религиозность, а мир поэтических представлений и верований. Теплая натура, Гранов[ский] живо верил во все прекрасное и благородное Человека.

Он мог ненавидеть, но из любви, ибо чем он больше любил, тем пластичнее был способен выразить ненависть ко всему низкому и подлому человека. Ирония его была тепла и добродушна, желчи в ней не было приметно. Эта ирония была страдальческим воплем любящего и верящего, а не воплем холодного, совсем разлюбившего, совсем разуверившегося ч[ело]в[е]ка. Он верил, а другие уже не верили. Это была любовь, которая свое личное приносила в жертву общему, вот почему Гранов[ский] сходился с разнообразными людьми и во всяком трогал любовную сторону или умел ее найти, поднять и тем привязывал ч[ело]в[е]ка. У него не было фанатизма кружка, той узкой мерки людей, которая отрицает все, что

не наше, или что нами не уважается или не признается, очень часто лишь по недоразумению или по невежеству.

Не было в нем фразы, как, напр[имер], в Герц[ене] и Огарев[е], т. е. не было той доли хлестаковства).

Вторая запись литературно более обработана, чем первая, и дает выразительную характеристику Грановского-лектора. Лекции Грановского Забелин слушал по крайней мере дважды. В записи от 23 июня 1845 г. в дневнике Забелина приведен его разговор с С. Г. Строгановым. На вопрос об образовании Забелин ответил, что слушал курс всеобщей истории в Московском университете¹⁵, а мы знаем, что этот курс читал Грановский.

Что касается лекций, прочтенных Грановским на дому (о чем упоминали В. Е. Якушкин и Д. Н. Анучин), то дату их определяет письмо Грановского Е. К. и А. В. Станкевичам, отправленное летом 1854 г.: «Прочел краткий курс древней истории Забелину и Солдатенкову. Забелин доставил мне большое удовольствие своим отзывом о пользе, принесенной ему моими чтениями»¹⁶.

Любопытна близость характеристики Грановского во второй записи Забелина к той, что дана А. И. Герценом в «Былом и думах». Может быть, это не случайно. Очерк «На могиле друга» напечатан Герценом в «Полярной звезде» уже в 1856 г.¹⁷ Забелин следил за вольной русской прессой¹⁸ и мог его прочесть. Но в публикуемой записи Грановский противопоставлен Герцену и Огареву, получившим сугубо отрицательную оценку. Уже прошло Польское восстание 1863 г., остался позади «Апогей» (по Герцену) в деятельности лондонских изгнанников. В период «Перигея» вместе со всем либеральным лагерем отшатнулся от Герцена и Забелин.

Есть, наконец, третья запись Забелина о Грановском — в тетрадях 1893—1895 гг., содержащих начало его подробных воспоминаний¹⁹. Рассказ о своей жизни он успел довести до 1841 г., и среди самых поздних записей мы и найдем новую версию истории его знакомства с Грановским.

III

«Первое знакомство. „Вас непременно желает видеть Грановский, — говорил мне Вас[илий] Ив[анович] Татаринov. — В прошлое воскресенье был разговор о Вас, и потому пойдемте к нему в это воскресенье. Он по воскресеньям утром до 2 часов всегда дома”».

Я спрашиваю: «Для чего я пойду его беспокоить? Как-то неловко придти к нему без дела, без всякого повода». — «Он желает с Вами познакомиться — вот и повод. А я обещал ему, что приведу Вас, и потому и пойдемте». Говорю, что у меня и костюма, платья надлежащего нет! Как идти? — «Он хочет познакомиться не с Вашим сертуком, а собственно с Вами», — сострил В. И. Делать было нечего. Надо было идти, хотя я чувствовал большую целовкость. Что я приду, с чем я приду, говорить не умею.

Главное, я чувствовал себя великим невеждою во всем и боялся, точно шел на экзамен. Начнет Гранов[ский] что говорить, а я ни в зуб толкнуть. Как ни тяжело было для меня, но все-таки мы пришли. Застали человек пять студентов, которым Т[имофей] Н[иколаевич] указывал какие-то сочинения по истории с отзывами о их достоинствах научными. Внимательно занятый этим обстоятельством, он извинился, что скоро кончит. Мы отошли в сторону. Когда один за другим, что-то записавши на лоскутках бумаги, студенты разошлись, Т. Н. с приветливой улыбкой обратился к нам. Не припомню теперь, о чем был наш разговор, продолжавшийся очень недолго, потому что новые посетители помешали нам. Помнится, что я вышел неудовлетворенный, что завязки знакомства не последовало. . . Мне все казалось, что я напрасно беспокою Т. Н., явившись к нему без всякой причины и без всякого дела. И однако по воскресеньям и еще не один раз я приходил к нему с Татаринovым. В конце концов

Тим[офей] Ник[олаевич] позвал меня обедать по воскресеньям. «Приходите запросто к 4 часам». Тяжело, неловко. Но надо было совершить этот подвиг. И вот в одно из воскресений, как-то весной, в апреле, я явился на этот любезнейший зов. Пришел. Т. Н. жил в доме Мильгаузена на углу Садовой и Грачевки. Внизу была зала — столовая, вверх — его кабинет. Посторонних не оказалось никого. Т. Н. позвал меня к себе наверх. Поговорили о новостях и кое о чем, потом сошли вниз, где был уже накрыт стол на три прибора. Вскоре вышла и Елиз[авета] Богдановна. Т. Н. порекомендовал меня ей и затем сели за стол. Они сели рядом, а меня посадили против, на противоположной стороне стола. На столе стояла только одна бутылка сотерну поблизости ко мне. После супа подали печеные горячие каштапы и к ним сливочное масло — блюдо, которое я от роду не видал, и, так как начали с меня, то я совсем не знал, что делать, и попросту сказал, что в первый раз в жизни вижу такое блюдо и потому не знаю, как с ним поступают. „А вот очень просто, — сказал Т. Н. — Положите к себе на тарелку как можно побольше, потом, как орехи, снимите скорлупу, к ядру прибавьте масла и кушайте. Ведь это заграничный картофель, не более того“. Я краснел до ушей. Елиз[авета] Богд[ановна] улыбалась и, как мне показалось, с той поры почувствовала ко мне немалую симпатию, что выражалось и впоследствии. Третье кушанье была жареная телятина, большая нога, от которой доли нам отрезала сама Е[лизавета] Богд[ановна]. Тем обед и окончился. Между блюдами пили сотерн. И я рюмку выпил».

Публикуемые записи интересны не столько для пополнения биографии Т. Н. Грановского, сколько для характеристики самого Забелина. Мы видим, что не Забелин выбрал Грановского в качестве учителя, а, напротив, Грановский заинтересовался историком-самоучкой. К моменту знакомства путь Забелина в науку уже определился. Еще в 1840—1842 гг. наметились две главные темы его жизни; первая — «История Москвы» возникла в ходе сотрудничества с И. М. Снегиревым, вторая — «Домашний быт русского народа в XVI—XVII столетиях» встала, когда Забелин помогал П. М. Строеву готовить к изданию книгу о «Выходах царей московских». В формировании Забелина-историка сыграл свою роль и М. П. Погодин, о дружеском общении с которым свидетельствуют и записи в дневнике Погодина²⁰, и воспоминания Забелина²¹, и обширная переписка двух ученых²².

Не случайно в первой записи речь идет главным образом о беседах с Грановским в 50-х годах. В 1841—1842 гг. Забелин, всего несколько лет назад покинувший пятиклассное сиротское училище, еще не мог быть равноправным собеседником Грановского. К 50-м годам Забелин уже достаточно вырос как ученый и занял определенное место в кругу Грановского. Характерно, что именно в 1850 г. он перестал печататься в погодинском «Москвитянине» и перешел в «Отечественные записки». К 1858 г. (не к 40-м годам, как писал Д. Н. Анучин) относится полемическое выступление Забелина против Погодина в журнале «Атеней». Из этого отнюдь не следует, что под влиянием Грановского Забелин, отойдя от Погодина, стал «убежденным западником». Забелину не могли быть близки некоторые исходные установки Грановского. Как и другие западники, он полагал, что у славян нет значительного исторического наследия. Те, кто так думал, не видели в этом тезисе чего-либо оскорбительного для своей родины; напротив, в этом усматривалось большое преимущество: в отличие от европейских соседей Россия как организм еще не одряхлела, у нее все впереди, в будущем²³. Представления Забелина о прошлом России всегда были другими. Специально занимаясь Московской Русью, он чувствовал влияние традиций той поры на условия жизни в стране в XIX в. Недаром он не раз подчеркивал, что «наши поступки есть стиль XVI—XVII веков»²⁴. В статье «Современные взгляды и направления в русской истории», впервые напечатанной в 1863 г., Забелин назвал оценки прошлого России, данные западниками, не менее ложными, чем рассуждения славянофилов²⁵.

Светлая личность Грановского, бесспорно, произвела большое впечатление на Забелина. Недаром он начал писать воспоминания о нем, а не о Погодине. Для сына бедного чиновника и воспитанника сиротского училища, получившего там самое скудное образование, было важно общение с высокоинтеллектуальным гуманным человеком. Разговоры за обедами у Грановского, затрагивавшие весьма широкий круг тем (декабристы, разница поколений, исследователи русской истории), заставляли Забелина задуматься о многом. Его, очень земного, даже заземленного человека, влекло к идеальным личностям. Он интересовался Д. В. Веневитиновым, Н. В. Станкевичем, видел в В. Г. Белинском не революционного демократа, а философа-идеалиста, «презирающего все реальное»²⁶. И в Грановском ему был близок именно его идеалистический настрой. Но как историк Забелин взял у Грановского не так уж много. В трудах Забелина мы не найдем сопоставления явлений, присущих русскому средневековью, аналогичным явлениям в истории средневековья западного. И не потому ли остались неоконченными мемуары о Грановском, что Забелин не смог вспомнить что-либо значительное и существенное?

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9-ти т. М.; Л., 1964, т. 9, с. 248. Письмо И. П. Турчанинову от 1 августа 1856 г.

² Якушкин В. Е. И. Е. Забелин. — Рус. худож. архив, 1892, вып. 3/4, с. 137.

³ Анучин Д. Н. Забелин как археолог в первую половину его научной деятельности. — Древности: Труды Московского археологического общества, 1909, т. 22, вып. 2, с. 33—37.

⁴ Арциховский А. В. Забелин-археолог. — Историко-археологический сборник. М., 1948, с. 10.

⁵ История Москвы. М., 1954, т. 4, с. 609 (текст Л. С. Цетлина).

⁶ Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Л., 1977, с. 248; Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982, с. 10.

⁷ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1944, с. 419.

⁸ Упоминания этих текстов: Калантырская И. С. Фонды деятелей науки и культуры XVIII—XIX вв. — Письменные источники в собрании Гос. Ист. музея. М., 1958, ч. 1, с. 44; Путеводитель по фондам личного происхождения Отдела письменных источников Гос. Ист. музея. М., 1967, с. 106; Бутько С. П. Дневниковые записи И. Е. Забелина. — МГИАИ: Материалы научной конференции 1970 г. М., 1970, вып. 2, с. 40—44.

⁹ ОПИ ГИМ, ф. 440, ед. хр. 5, л. 312—335. Запись о Грановском — л. 317, 317 об.

¹⁰ Там же, л. 364, 365.

¹¹ Там же, л. 319 об.

¹² ОПИ ГИМ, ф. 440, ед. хр. 866, 867.

¹³ ОПИ ГИМ, ф. 440, ед. хр. 12, л. 84, 134, 135.

¹⁴ Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1892—1897, ч. 1, с. 249; ч. 2, с. 258.

¹⁵ ОПИ ГИМ, ф. 440, ед. хр. 5, л. 27.

¹⁶ Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897, ч. 2, с. 362.

¹⁷ Герцен А. И. Былое и думы. — Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1956, т. 9, с. 121, 122.

¹⁸ ОПИ ГИМ, ф. 440, ед. хр. 5, л. 125

¹⁹ Там же, ед. хр. 12, л. 239—241.

²⁰ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1896, кн. 10, с. 165; 1897, кн. 11, с. 420, 483, 484; 1901, кн. 15, с. 168, 170, 404—413, 483.

²¹ Забелин И. Е. Воспоминание о Д. А. Ровинском. — В кн.: Публичное собрание Академии наук в память ее почетного члена Дмитрия Александровича Ровинского. СПб., 1896, с. 8.

²² ОПИ ГИМ, ф. 440, ед. хр. 71, л. 79—125, 132—138; ОР ГПБ, ф. Пог./II, № 12, 25.

²³ См., например, письмо Т. Н. Грановского В. В. Григорьеву 1838 г.: «Не могу согласиться, что славяне не менее немцев участвовали во всемирной истории. Мне кажется, что нам принадлежит будущее, а от прошедшего мы должны отказаться в пользу других народов» (Григорьев В. В. Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве. — Русская беседа, 1856, IV. Смесь, с. 40—41).

²⁴ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1896, ч. 1, с. X.

²⁵ Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872, ч. 1, с. 339—349.

²⁶ ОПИ ГИМ, ф. 440, ед. хр. 5, л. 80—82 об.

Е. Ю. Филькина

Н. П. БАРСУКОВ И ЕГО «СОБРАНИЕ АВТОГРАФОВ»

История коллекционирования долгое время не привлекала внимания советских историков. Одним из первых на необходимость изучения этого интересного явления обратил внимание Ю. Ф. Кононов¹. Он писал, что «освещение истории частных коллекций, как и других видов частных архивов, представляет не только научно-познавательный, но и чисто практический интерес»². А. А. Курносков, В. А. Черных и С. О. Шмидт, называя историю собирательской деятельности «важной исследовательской проблемой», справедливо замечают, что до нашего времени проблема эта разработана лишь фрагментарно³.

За последние годы заметно возрос интерес к этому вопросу, но в основном внимание советских ученых привлекают такие крупные и известные рукописные собрания, как коллекции Н. П. Румянцева, М. П. Погодина, П. М. Строева⁴. К тому же эти коллекции формировались в первой половине XIX в., а собирательская деятельность в пореформенную эпоху до сих пор остается в тени.

А между тем коллекционирование развивалось «и вглубь, и вширь». Если в начале XIX в. собирательской деятельностью занимались в основном крупные и богатые сапожники, то к середине века положение изменилось. Коллекционирование постепенно развивалось в сторону большей демократизации⁵, состав коллекционеров расширялся. Многие русские ученые, в особенности историки, археологи, филологи, с увлечением покупали на аукционах, разыскивали по монастырям и церквам, обменивали у других коллекционеров древнерусские летописи и другие источники по истории Древней Руси.

К распространенной в прошлом веке когорте историков-коллекционеров принадлежал и Николай Платонович Барсуков (1838—1906).

Н. П. Барсуков, историк, археограф, архивист, родился в 1838 г. в небогатой дворянской семье. В 1859 г. был зачислен вольнослушателем в Петербургский университет, где посещал лекции Н. И. Костомарова, К. Д. Кавелина, которые произвели на него большое впечатление. Тогда же под руководством Н. И. Костомарова он начал изучать древнейшие источники русской истории. «Одних лекции Костомарова влекли на площадь, меня же привели к древнерусским летописям», — писал он своему брату А. П. Барсукову⁶. В 1862 г. университет был временно закрыт, и Барсуков туда больше не вернулся. В 1863 г. он поступил на службу в Археографическую комиссию. В 1868 г. был назначен помощником начальника Синодального архива и библиотеки, а в 1883 г. перешел на службу в архив Министерства народного просвещения, где до самой смерти занимал должность начальника архива.

Еще работая в Синодальном архиве, Барсуков списал известность как знаток архивного дела, и его неоднократно приглашали для разбора и описания частных архивов. Он работал в архивах П. А. Вяземского, Д. Б. Голицына, В. П. Орлова-Давыдова, С. Д. Шереметева и др. Разбирая архивы, историк подготовил к печати и ввел в научный оборот большое количество хранящихся в них документов. Он опубликовал множество писем из Остафьевского архива (кн. Вяземских), архива М. П. Погодина и т. д.

Н. П. Барсуков поставил своей целью «напомнить новому поколению о трудах и усилиях деятелей старых»⁷ и всю жизнь посвятил этому делу,

стараясь опубликовать как можно больше исторических источников. Хорошо зная, как трудно в России попасть для записей в государственные, а тем более в частные архивы, историк считал себя связующим звеном между архивным и научным миром⁸. Труды его были бескорыстны, только любовь к истории родины руководила его деятельностью. Случалось, что он даже публиковал документы себе в убыток. Так произошло, например, при публикации «Дневника А. В. Храповицкого». П. И. Бартев предупредил историка, что вещь эта сейчас «нечитальная» и что печатать ее невыгодно. Барсуков отвечал: «Не знаю, читальная она вещь или не читальная, а знаю только, что это драгоценный исторический источник, имеющий сродство с нашими древними летописями...»⁹.

Высоко ценились современниками составленные Барсуковым указания и описания. Особенно много положительных отзывов вызвали «Источники русской агиографии» (СПб., 1882), труд, основанный на изучении рукописных собраний государственных, монастырских, церковных и частных библиотек.

Барсуков занимался не только архивной и археографической деятельностью. Наиболее известной его работой является 22-томный труд «Жизнь и труды М. П. Погодина» (СПб., 1888—1910), написанный на основе личного архива известного русского историка. Кроме того, Барсуковым написаны «Жизнь и труды П. М. Строева» (СПб., 1878), «Русские палеологи 40-х годов» (СПб., 1880), «Жизнь и труды В. Г. Барского» (СПб., 1885), «Воспоминания о Н. И. Костомарове и А. П. Майкове» (СПб., 1898), а также целый ряд небольших статей и заметок, опубликованных в различных журналах и газетах¹⁰. Все эти работы основаны на архивных материалах и содержат многочисленные цитаты из документов.

Выход работ Барсукова обычно сопровождался обилием рецензий в журналах и газетах различных направлений. Современники единодушно признавали его серьезной заслугой обнародование большого количества документов, хранящихся в частных архивах и «сгруппированных последовательно и аккуратно»¹¹. Далее мнения расходились. Одни одобряли его методику, считая эти работы ценным источником для изучения «литературной» жизни первой половины XIX в. Например, С. А. Рачинский замечал, что в работах Барсукова «содержится история всего русского общества и всех общественных явлений за все... столетие»¹². А А. С. Суворин так писал о «Жизни и трудах М. П. Погодина»: «Вы не Погодину воздвигаете памятник, а именно литературе нашей за этот период, и в этом большое значение Вашего прекрасного труда»¹³. Но о той же работе в журнале «Русская мысль» была опубликована рецензия, в которой «Жизнь и труды М. П. Погодина» названы «бессвязным калейдоскопом отрывочных фактов»¹⁴.

Богатый фактический материал работ Барсукова широко используется и в трудах советских историков (академика Н. М. Дружинина, В. А. Китаева, В. П. Козлова, С. И. Машинского, Н. Г. Сладкевича и др.). Исследователи, занимающиеся историей общественной жизни середины XIX в., невольно обращаются к «Жизни и трудам М. П. Погодина», к опубликованным там выпискам из переписки и дневников Погодина. (Дневники эти хранятся в ОР ГБЛ, но они трудночитаемы из-за множества сокращений и неразборчивого почерка автора¹⁵).

Острый ум, начитанность, глубокие познания в области истории привлекали к Барсукову людей, несмотря на его внешнюю резкость и отчужденность. В 1880-е годы вокруг историка образовался «Барсуковский кружок», в который входили А. Ф. Бычков, И. Ф. Горбунов, Г. Ф. Карпов, Д. Ф. Кобеко, Л. Н. Майков, А. И. Тимофеев, Г. Ф. Штейдман, С. Д. Шереметев. Собрания проходили в квартире у Н. П. и А. П. Барсуковых¹⁶, известной среди петербургских историков под названием «Патриаршие палаты». Вечер проходил за обсуждением только что написанного исследования, статьи или просто за беседою о «прошлой духовной жизни России»¹⁷.

Несмотря на то что работы Барсукова зачастую были посвящены вопросам современности, в душе он оставался человеком «древнерусским или, правильнее сказать, древлемосковским»¹⁸, что сказывалось и на тематике бесед кружка. Тем более что убранство квартиры создавало определенное настроение. Барсуков был страстным коллекционером и собрал множество портретов русских ученых, писателей, церковных деятелей, которые и украшали стены его квартиры. Кроме того, у него была прекрасная библиотека, о которой А. В. Добряков писал: «Прекрасное книгохранилище Ваше — сокровище, в землю не зарытое, но доступное благодаря любезности хозяина для лиц, желающих им для добрых целей пользоваться»¹⁹, а также собрание рукописей.

Одна из частей его коллекции — «Собрание автографов».

Формировать свою коллекцию автографов Барсуков начал в 1863 г. (Приступив к собиранию документов, он на многих из них проставлял дату приобретения и порядковый номер. Наиболее ранний из обнаруженных документов под № 4 датирован 10 марта 1863 г.²⁰). В это время он стал сотрудником Археографической комиссии и начал возвращаться среди людей, для которых было свойственно «любопытство к авторской рукописи». И молодой историк сначала, возможно, подражая или следуя моде (а в середине XIX в. уже очень многие собирали коллекции автографов²¹), начал формировать «собрание автографов великих людей» — так впоследствии называли коллекцию Барсукова его друзья²². Первые годы работы Барсукова в Археографической комиссии были временем приобщения его к историческим разысканиям. В эти годы он стал обладателем автографов П. И. Иванова, Н. В. Калачова, Н. И. Костомарова, т. е. тех людей, у которых он учился, на кого пытался равняться. Первое время поступления в коллекцию носили лишь эпизодический характер. Но «автографическая страсть» постепенно овладевала Барсуковым. К тому же круг знакомых его заметно расширялся и количество приобретений с каждым годом увеличивалось. В 1863 г. в коллекцию поступило лишь 17 автографов, в 1864 г. — 26, в 1865 — 39 и т. д.²³ Расширялся и именной состав коллекции.

Своеобразие этого «Собрания автографов» заключается в том, что почти все его «действующие лица» — современники Барсукова. К тому же в большинстве своем это представители ученого мира и общественные деятели — историки, археографы, филологи (И. С. Аксаков, П. И. Бартенев, А. И. Кочелев, К. Д. Кавелин, М. П. Погодин и др.). Исследуя состав коллекции, нельзя согласиться с невольной приходящей мыслью, что Барсукова интересовали только представители научного мира. Почти полное отсутствие в собрании автографов государственных сановников и членов царствующей фамилии вовсе не говорит о том, что историк не стремился их иметь²⁴. Дело в том, что ограниченные финансовые возможности Барсукова определили и источники комплектования его коллекции. На многих приобретенных документах коллекционер указывал, от кого они получены. Изучая эти надписи, можно определить, что основными «поставщиками» автографов для Барсукова были И. П. Липранди, А. Н. Майков, А. И. Тимофеев, Н. И. Костомаров, т. е. люди, с которыми он находился в дружеских отношениях. Зная, что Барсуков собирает автографы, они дарили ему (иногда по его просьбе, иногда по собственному почину) отрывки и черновики своих произведений, а также эпистолярные памятники. Например, в 1877 г. А. И. Тимофеев прислал Барсукову письмо А. П. Строева с такой припиской: «Н. П. Барсукову, для прибавления к имеющейся у него коллекции . . . автографов великих людей»²⁵. А в 1879 г. А. И. Кубарев писал А. Е. Викторову: «Посылаю Вам и прошу вручить письма Сахарова нашему приезжаемому гостю [Барсукову, — Е. Ф.], если он еще в Москве: он, кажется, желал иметь их»²⁶.

В собирательской деятельности Барсукова, в отличие от других коллекционеров, нами не обнаружено пока ни одного случая приобретения документов путем покупки на аукционах или у других коллекционеров. Источниками комплектования коллекции были дары документов Барсу-

кову в благодарность за что-либо (разбор архива, помощь при публикации, консультации и т. д.). Таким образом он получил от П. А. Вяземского дневник А. В. Храповицкого²⁷, бумаги А. Ф. Вейкова²⁸. Дарили друзья, зная, что он собирает автографы. Например, в 1871 г. «в знак памяти сердечной» М. А. Максимович прислал автограф Г. Ф. Квитки²⁹. Считая Барсукова хорошим археографом, ему дарили документы для возможной публикации впоследствии³⁰.

Присылали документы-источники для работ Барсукова, часто по собственной инициативе, без каких-либо просьб со стороны историка. В 1874 г. Д. Ф. Кобеко подарил письма к его отцу П. А. Вяземского³¹.

Занимаясь изданием произведений П. А. Вяземского, М. А. Максимовича, М. П. Погодина, Барсуков пополнял свою коллекцию автографами их работ, присланных ему для публикации. «В вознаграждение... за переписку и хлопоты позвольте мне воспользоваться Вашешю рукописью и приобщить к моему собранию автографов», писал он 11 мая 1873 г. П. А. Вяземскому³².

Еще одним источником комплектования коллекции был обмен с другими коллекционерами. В 1879 г. Барсуков писал А. Е. Викторову: «Ухаживая за Савваитовым, у которого оказалось 24 письма Кубарева к Сахарову. Решаюсь в случае отказа предложить ему имеющееся у меня издание Избрание на престол Михаила Федоровича»³³.

К сожалению, не удалось пока установить, пополнялась ли коллекция Барсукова во время его ежегодных поездок по заданию Археографической комиссии по государственным и монастырским архивам России.

Особенно активно способствовал пополнению коллекции Барсукова И. П. Липранди, с которым историка связывали не только деловые, но и дружеские отношения³⁴. Липранди передал Барсукову значительную часть своего архива, включавшую рукописи генерала и его переписку за 1820—1868 гг. Передать свои документы он начал в 1869 г. и за несколько лет подарил Барсукову 112 писем, полученных им от 82 корреспондентов, в том числе 34 письма А. Ф. Вельмана за 1833—1861 гг.³⁵, 19 писем Н. И. Греча³⁶, 12 писем Н. И. Надеждина³⁷, 4 письма М. С. Воронцова³⁸ и т. д.

Интересно, что в «Собрание автографов» Барсуков включил только письма, а рукописи и биографические документы Липранди он хранил отдельно. На это указывает то, что вся переписка была передана в Румянцевский музей вместе со всем собранием автографов, а биографические и творческие документы Липранди Барсуков сдал в музей отдельно в 1879 г.³⁹ (Так он поступил в том же году и с документами П. Б. Бланка⁴⁰.) Это было единственное массовое поступление документов в коллекцию от одного человека. В основном же собрание Барсукова составлялось из единичных приобретений.

Исследуя способы пополнения коллекции, невольно удивляешься, что увеличивалась она лишь за счет документов, полученных от других лиц. Ведь Барсуков и сам состоял в переписке со многими людьми, чьи автографы он включал в свое собрание, но туда не вошло ни одно письмо, адресованное самому коллекционеру (исключение составляют только письма П. А. Вяземского, которые вошли в «Собрание автографов»). Например, в 1866 г. Барсуков приобрел письмо К. Д. Кавелина к А. Д. Дмитриеву⁴¹, но полученное им самим письмо историка он не включил в коллекцию, а вклеил в альбом со своей перепиской⁴². Возможно, это объясняется тем, что Барсуков очень заботился о своем архиве и содержал его в образцовом порядке. Вклеивая в альбомы все полученные им письма, а также копии своих ответов, он не допускал каких-либо пропусков.

Хронологические рамки «Собрания автографов» охватывают XVIII—XIX вв., но в основном, как уже было отмечено, Барсуков собирал автографы своих современников. В его коллекцию входили автографы архивистов П. И. Иванова, Н. В. Калачова; историков К. Н. Бестужева-Рюмина, К. Д. Кавелина, М. А. Корфа, Н. И. Костомарова, П. А. Муханова, М. П. Погодина; библиографов М. Н. Лонгинова, С. Д. Полторацкого,

С. А. Соболевского; публицистов славянофилов И. С. Аксакова, А. И. Коселева; поэтов, писателей П. А. Вяземского, Н. А. Некрасова, В. Ф. Одоевского, Ф. И. Тютчева; издателя П. И. Бартенева; археолога коллекционера П. И. Севастьянова и др. Целую группу документов составляют факсимиле автографов А. С. Пушкина ⁴³.

Были в собрании и автографы государственных и военных деятелей: М. С. Воронцова, Л. В. Дубельта, Н. А. Милютина, Д. А. Милютинна и др. Все они поступили от И. П. Липранди.

В основном «Собрание автографов» составляли письма, но были и другие виды документов: черновики стихотворений А. Н. Майкова ⁴⁴, надпись на конверте рукой М. А. Корфа ⁴⁵, отрывки из черновиков работ Н. И. Костомарова ⁴⁶, подпись-автограф П. И. Иванова на составленной им ведомости о состоянии МАМЮ ⁴⁷. Содержание автографа, очевидно, не интересовало коллекционера, ему было важно лишь, кем написан документ. Он включал в свое собрание и интереснейшие письма И. И. Срезневского, С. П. Шевырева ⁴⁸, и трафарет для разлиповки листа с подписью-автографом В. Ф. Одоевского ⁴⁹.

В противоположность большинству коллекционеров, ревниво оберегающих свои сокровища от посторонних, Барсуков старался познакомить ученых с наиболее интересными документами из своего собрания. Так, в 1869 г. он опубликовал письма Ф. В. Булгарина к И. П. Липранди в журнале «Северная пчела» ⁵⁰, в 1872 г. — письмо И. П. Липранди об обороне Севастополя ⁵¹.

Кроме этого, документы из «Собрания автографов», как мы можем предположить, сразу же становились известными близкому к Барсукову кружку историков, доступными для его друзей. Скорее всего, его собранием пользовались. На это указывает то, что наиболее значимые по содержанию письма переписаны Барсуковым. Например, он переписал письмо С. П. Шевырева к А. Н. Майкову с рассуждениями о стихотворении поэта «Клермонтский собор» ⁵². Видимо, это было сделано для того, чтобы автограф не затерялся и не обтрепался. Это также облегчало использование документа, так как почерк С. П. Шевырева трудно читается. Для этой же цели (т. е. для удобства использования) Барсуков на многих автографах делал примечания. Их можно разделить на несколько групп. К первой — относятся примечания, сделанные в том случае, если в тексте документа (чаще всего письма) нет подписи или обращения. На таких документах Барсуков делал приписку, поясняющую, кем написана данная рукопись ⁵³.

Ко второй группе можно отнести примечания, способствующие пониманию текста документа, т. е. о ком или о чем в нем идет речь. Барсуков в этом случае делал списку и внизу писал объяснение. Например, в письме А. С. Норова к неустановленному лицу речь шла о «кн. Г.». Коллекционер поясняет: «Надо понимать князя Павла Павловича Гагарина, товарища Президента Государственного Совета» ⁵⁴. А на документе с текстом приглашительной записки того же Норова Барсуков приписал: «По случаю отъезда Н. В. Калачова в Москву на службу сенатором и начальником Архива министерства юстиции» ⁵⁵.

Так как в основном в коллекции Барсукова находились автографы не целых произведений различных авторов, а отрывки из черновых рукописей, то коллекционер сообщал, откуда этот отрывок. Эти пояснения мы и относим к третьей группе примечаний. На небольшом черновике (без начала и конца) рукописи Н. И. Костомарова Барсуков, например, написал: «Отрывок из публичной лекции о русском этнографическом институте, читаемой в Императорском географическом обществе Н. И. Костомаровым 11 марта 1863 г.» ⁵⁶.

Все эти примечания указывают на то, что, скорее всего, коллекцией автографов пользовались или же Барсуков надеялся, что она будет использована впоследствии.

На некоторых документах есть еще одна разновидность примечаний Барсукова, которые говорят о том, что коллекция была систематизирована. Как уже указывалось выше, в первые годы собирания автографов Барсу-

ков проставлял на документах дату их поступления в коллекцию и порядковый номер. Даты эти встречаются и на документах, приобретенных в 70-е годы, а нумеровались только автографы, полученные в 1863—1865 гг. Очевидно, начав собирать автографы, Барсуков решил систематизировать их по мере поступления. Но это было возможно лишь в начальной стадии формирования коллекции. Позднее, видя, что приток документов увеличивается, коллекционер отказался от принятой им систематизации, тем более что у него было по несколько автографов одного и того же лица, а при данной системе расположения документов они были разрознены. Возможно, позднее он разделил свое собрание по авторскому признаку, как оно и хранится ныне в ОР ГБЛ.

Барсуков собрал большую коллекцию — около 580 автографов 224 человек⁵⁷. Почему он перестал собирать такого рода документы, неизвестно. Знаем только, что в конце 70-х годов он уже не пополнял «Собрание автографов». Подаренные ему в 1879 г. письма И. П. Сахарова Барсуков не включил в собрание, а сразу же после публикации их, в 1880 г., передал в Румянцевский музей⁵⁸.

В 1881 г. тому же Румянцевскому музею Барсуков подарил все «Собрание автографов»⁵⁹. Директор музея В. А. Дашков писал коллекционеру: «Ваше собрание автографов как очень замечательное по своему богатству и внутреннему составу будет помещено в Отделение рукописей в виде отдельной коллекции. . . большей части находящихся в этом собрании автографов до нашего времени в музее не было»⁶⁰.

Дашков сдержал слово и не разделил коллекцию, но, к сожалению, она все же не дошла до нашего времени в своем первоначальном виде. В 1930-е годы в результате научно-технической обработки фонда был нарушен принцип недробимости фонда и некоторые документы из собрания автографов были выделены в другие фонды: автограф Н. А. Некрасова передали в фонд Некрасова⁶¹, были выделены автографы П. А. Вяземского и П. П. Вяземского, но их местонахождение обнаружить пока не удалось. Дробление это, на наш взгляд, является необоснованным, так как искусственное отсечение от сформированной коллекции каких-либо частей может изменить представление о составе и истории формирования коллекции, о научных интересах, мировоззрении и социально-политических взглядах коллекционера.

Передав автографы в музей, Барсуков не прекратил собирательской деятельности и продолжал коллекционировать источники по истории XIX в. Но его взгляды изменились: историк уже не стремился приобретать любые автографы интересных ему людей, независимо от содержания документа. Он начал подбирать документы лишь по определенной тематике. В частности, Барсуков собрал большое количество источников, относящихся к деятельности Погодина и его окружения. Но эта часть коллекции сохранилась гораздо хуже, чем «Собрание автографов». Еще при жизни Барсуков передал несколько документов в Императорскую Публичную библиотеку, часть, уже при Советской власти, поступила в ОР ГБЛ, немало документов хранится в ЦГАЛИ, местонахождение же большей части этого собрания пока не обнаружено.

Коллекцию Барсукова, состоящую из нескольких тематических комплексов, на наш взгляд, необходимо реконструировать. Восстановление и изучение всех частей его коллекции будет еще одним шагом в исследовании столь важного, но еще малоизученного вопроса, как история коллекционирования в дореволюционной России.

¹ Кононов Ю. Ф. Частные коллекции рукописных материалов в России до XIX в. М., 1961; *Он же*. Современные частные коллекции документов. — ВА, 1962, № 2, с. 35—44.

² *Он же*. Современные частные коллекции документов. — ВА, 1962, № 2, с. 44.

³ Курносов А. А., Черных В. А., Шмидт С. О. О состоянии и задачах советской полевой археологии. — АЕ за 1977 год. М., 1978, с. 4.

⁴ Козлов В. П. К истории комплектования румянцевского собрания русских и славянских рукописей. — ЗОР ГБЛ,

- М., 1980, с. 14—29; *Он же*. Колумбы российских древностей. М., 1981; *Никифоров Е. Н.* Частное собирательство документальных материалов в России в первой половине XIX в. — СА, 1972, № 3, с. 40—49; *Уо Д. К.* К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева. — ЗОР ИРЛИ. Л., 1975, т. 30, с. 184—201; 1977, т. 32, с. 133—165.
- ⁵ *Овсянникова С. А.* Частное собирательство в России в XVII—первой четверти XIX в. — В кн.: Очерки истории музейного дела в России. М., 1961, вып. 3, с. 293.
- ⁶ ЦГАЛИ, ф. 87, оп. 1, ед. хр. 65, л. 38.
- ⁷ Там же, ед. хр. 69, л. 596. Письмо Н. П. Барсукова А. М. Кубареву от 16 окт. 1879 г.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 565, ч. 1, л. 350. Письмо Н. П. Барсукова П. И. Бартенева от 19 мая 1873 г.
- ¹⁰ Подробнее о работах Н. П. Барсукова см.: *Рудаков В. Е.* Хронологический список учено-литературных трудов Н. П. Барсукова. СПб., 1909.
- ¹¹ ЦГАЛИ, ф. 361, оп. 1, ед. хр. 10, л. 37. Воспоминания Е. Н. Опочинина.
- ¹² Новое время, 1901, 12 июля.
- ¹³ ЦГАЛИ, ф. 87, оп. 1, ед. хр. 80, л. 155 об. Письмо А. С. Суворина Н. П. Барсукову от 16 апр. 1900 г.
- ¹⁴ Русская мысль, 1905, № 5, с. 160. Рец. без подписи.
- ¹⁵ ОР ГБЛ, ф. 231.
- ¹⁶ Н. П. Барсуков жил вдвоем со своим братом, тоже историком, Александром Платоновичем Барсуковым.
- ¹⁷ *Корсаков Д. А.* Из воспоминаний о Н. П. Барсукове. — Ист. вестн., 1907, № 6, с. 953.
- ¹⁸ Там же, с. 956.
- ¹⁹ ЦГАЛИ, ф. 87, оп. 1, ед. хр. 68, л. 757. Письмо А. В. Добрякова Н. П. Барсукову от 1 окт. 1876 г.
- ²⁰ ОР ГБЛ, ф. 18, карт. 5, ед. хр. 98.
- ²¹ *Овсянникова С. А.* Указ. соч., с. 92.
- ²² ЦГАЛИ, ф. 87, оп. 1, ед. хр. 68, л. 940. Письмо А. И. Тимофеева Н. П. Барсукову от 4 апр. 1877 г.
- ²³ Возможно, эти цифры не совсем точны, так как некоторые документы из коллекции утрачены, но процесс увеличения числа поступлений несомненен.
- ²⁴ В коллекции имеются только подписано-автографы Александра I.
- ²⁵ ЦГАЛИ, ф. 87, оп. 1, ед. хр. 68, л. 940.
- ²⁶ Там же, ед. хр. 69, л. 566.
- ²⁷ Там же, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6065. Дарственная надпись на дневнике А. В. Храповицкого.
- ²⁸ Там же, ф. 87, оп. 1, ед. хр. 67, л. 698. Письмо Н. П. Барсукова П. И. Бартенева от 19 апр. 1873 г.
- ²⁹ Там же, ед. хр. 67, л. 216. Письмо М. А. Максимовича Н. П. Барсукову от 26 апр. 1871 г.
- ³⁰ Там же, ед. хр. 69, л. 566. Письмо А. И. Кубарева А. Е. Викторову от 24 сент. 1879 г.
- ³¹ Там же, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1404, л. 85 об. Письмо Н. П. Барсукова П. А. Вяземскому от 5 дек. 1874 г.
- ³² Там же, ф. 87, оп. 1, ед. хр. 67, л. 734.
- ³³ Там же, ед. хр. 69, л. 624.
- ³⁴ Там же, ед. хр. 52, л. 27. Письмо И. П. Липранди Н. П. Барсукову от 4 сент. 1869 г.
- ³⁵ ОР ГБЛ, ф. 18, карт. 7, ед. хр. 61.
- ³⁶ Там же, карт. 5, ед. хр. 43, 44.
- ³⁷ Там же, карт. 6, ед. хр. 51.
- ³⁸ Там же, карт. 5, ед. хр. 21.
- ³⁹ Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1878—1882 гг. М., 1884, с. 75.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ ОР ГБЛ, карт. 5, ед. хр. 67.
- ⁴² ЦГАЛИ, ф. 87, оп. 1, ед. хр. 69, л. 680. Письмо К. Д. Кавелина Н. П. Барсукову от 12 дек. 1879 г.
- ⁴³ ОР ГБЛ, ф. 18, карт. 6, ед. хр. 96—98.
- ⁴⁴ Там же, ед. хр. 31, 38.
- ⁴⁵ Там же, карт. 5, ед. хр. 90.
- ⁴⁶ Там же, ед. хр. 95, 100.
- ⁴⁷ Там же, ед. хр. 60.
- ⁴⁸ Там же, карт. 6, ед. хр. 119; карт. 7, ед. хр. 30.
- ⁴⁹ Там же, карт. 6, ед. хр. 69.
- ⁵⁰ *Барсуков Н. П.* Письма Булгарина к И. П. Липранди. — РА, 1869, с. 1553—1559.
- ⁵¹ *Барсуков Н. П.* Генерал П. П. Липранди в Крыму в 1854 г. — РС, 1872, т. 5, с. 682—683.
- ⁵² ОР ГБЛ, ф. 18, карт. 7, ед. хр. 23.
- ⁵³ Там же, ед. хр. 10. Письмо Ф. И. Тютчева А. Н. Майкову; карт. 6, ед. хр. 68. Письмо В. Ф. Одоевского А. П. Пятковскому и др.
- ⁵⁴ Там же, карт. 6, ед. хр. 64.
- ⁵⁵ Там же, ед. хр. 66.
- ⁵⁶ Там же, карт. 5, ед. хр. 98.
- ⁵⁷ Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1883—1885 гг. М., 1886, с. 74.
- ⁵⁸ ЦГАЛИ, ф. 87, оп. 1, ед. хр. 69, л. 86. Письмо В. А. Дашкова Н. П. Барсукову от 20 мая 1880 г.
- ⁵⁹ На выбор места хранения коллекции повлияла, очевидно, дружба с хранителем Отделения рукописей А. Е. Викторовым.
- ⁶⁰ ЦГАЛИ, ф. 87, оп. 1, ед. хр. 70, л. 198.
- ⁶¹ ОР ГБЛ, ф. 195.

Н. Ю. Бубнов

В. Г. ДРУЖИНИН И ЕГО КОЛЛЕКЦИЯ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ

Крупный историк и археограф, член-корреспондент Академии наук СССР Василий Григорьевич Дружинин (1859—1937 гг.) многие годы своей жизни отдал собиранию и изучению старообрядческих рукописных книг¹.

В 1918 г. В. Г. Дружинин продал свою коллекцию Библиотеке Академии наук². Специалисты, осмотревшие рукописи, заключили, что «это собрание имеет очень большое научное значение и может быть поставлено в ряду с самыми значительными собраниями этого рода, существующими в России»³. В настоящее время оно насчитывает 1112 единиц хранения, в том числе почти 1 тыс. старообрядческих рукописей XVII—начала XX в., редкие гектографированные старообрядческие издания последней четверти XIX—начала XX в., а также фотовоспроизведения с нескольких десятков рукописей из других древних хранилищ. Собрание В. Г. Дружинина в БАН (фонд 19) включает в себя такие жемчужины русской письменности, как Пустозерский сборник с автографами житий протопопа Аввакума и инока Елифания, автографы многих деятелей и писателей Выговской старообрядческой пустыни и многочисленные рукописные книги из библиотеки этого знаменитого монастыря⁴.

Значительное количество старообрядческих сочинений представлено в Дружининской коллекции уникальными списками, отсутствующими в других хранилищах и собраниях. В 1912 г. В. Г. Дружинин издал справочник-указатель «Писаний русских старообрядцев», в котором были учтены все известные к тому времени по печатным описаниям старообрядческие рукописи, а также около 100 рукописей из собственной коллекции автора⁵. «На эту работу, — пишет В. Г. Дружинин в своих «Воспоминаниях», — я потратил около десяти лет и сверх ожидания получил более полутора тысяч сочинений именных и безымянных. . . при этом оказалось, что в моем собрании, кроме списков известных уже сочинений, имеется более полутора ста старообрядческих сочинений в единственном находящемся у меня экземпляре»⁶.

После выхода в свет «Писаний» коллекция В. Г. Дружинина продолжала пополняться. Собиратель готовил новое издание справочника, ведя переписку и получая «картаны с карточками» из Московского исторического музея и других хранилищ рукописей. По свидетельству В. Г. Дружинина, «книга увеличилась в объеме на 30 %»⁷. В 1922 г. Археографическая комиссия постановила напечатать второе издание «Писаний», исправленное и дополненное, «в которое вошли указания на 478 старообрядческих сочинений, бывших доселе неизвестными», что увеличивало число учтенных в справочнике сочинений на 25 %»⁸. Однако это издание так и не было осуществлено⁹.

Свою коллекцию рукописей В. Г. Дружинин держал широко открытой для исследователей старообрядчества. Рукописями из нее пользовались Н. И. Субботин, В. З. Белоликов, Я. Л. Барсков. В письме к В. Г. Дружинину из Москвы от 20 февраля 1912 г. Я. Л. Барсков, готовивший в этот период издание сочинений дьякона Федора Иванова, просит: «Довершите Ваши благодеяния, захватите „Книгу ответ православных“, если не в тягость. . . Возможно, что Ваша рукопись лучше хлудовской, у Вас ведь что ни книга, то жемчужина»¹⁰.

Большую часть рукописей своей коллекции В. Г. Дружинин приобрел у книготорговцев Петербурга и Москвы, с которыми у него были налажены

постоянные связи и переписка. Главным недостатком такого традиционного метода собирательства было то, что нарушались исторические связи между рукописью и средой ее бытования. Торговцев антикварными книгами редко интересовало то, где была найдена и откуда привезена та или иная книга, кто и когда ее написал, кем был ее последний владелец. К сожалению, рукописи из коллекции В. Г. Дружинина почти не сохранили владельческих помет, которые могли бы свидетельствовать о их происхождении, в них мало записей писцов и читателей. Это и понятно. Ведь принадлежность к «расколу» почти во все времена жестоко каралась духовными и светскими властями, и владельцы старообрядческих книг опасались делать на них какие-либо записи с упоминанием имен и адресов. Однако переписка В. Г. Дружинина с книгопродавцами, а также его «Воспоминания» в определенной степени помогают пролить свет на историю его рукописной коллекции.

По свидетельству самого В. Г. Дружинина, он начал покупать рукописи еще будучи гимназистом. Первую старообрядческую рукопись — Полемический сборник конца XVIII в. — он приобрел в 1874 г. у петербургского книгопродавца А. А. Мельникова. Со временем у собирателя появились постоянные поставщики рукописей, например А. С. Тимофеев, приписавший ему рукописи на дом, и старообрядец Федор Иванович Виргунов. Последний служил дворником в старообрядческом федосеевском монастыре, находившемся на Старообрядческой улице. «Он сам был собирателем книг и рукописей и складней, но все же продавал их мне», — пишет В. Г. Дружинин в своих «Воспоминаниях»¹¹. В 1884 г. в Москве В. Г. Дружинин познакомился с известным книготорговцем, старообрядцем С. Т. Большаковым и купил у него первую рукопись. За годы знакомства с В. Г. Дружининым С. Т. Большаков приобрел для него не одну сотню рукописей. В частности сохранившейся переписке (46 писем от С. Т. Большакова к В. Г. Дружинину) упомянуто до 80 рукописей, проданных или же предлагавшихся археографу этой книготорговой фирмой¹². Многие рукописи С. Т. Большаков или его сын привозили в Петербург лично, отправляли с посыльными, или В. Г. Дружинин покупал и привозил их сам во время своих наездов в Москву¹³.

В письме от 7 мая 1902 г. С. Т. Большаков сообщает В. Г. Дружинину, что недавно он «ездил в провинцию, купил рукописей и старопечатных книг»¹⁴. За две недели до отправки этого письма он в письмах от 22 и 26 апреля предлагает собирателю приобрести за 100 руб. две рукописи: «Творения Иоанна Дамаскина» и «Риторику» Андрея Денисова¹⁵. В письме от 10 мая того же года С. Т. Большаков предлагает В. Г. Дружинину «Рукопись поморскую с духовными стихами и алфавитом» за 20 руб.¹⁶, а в письме от 14 мая «4 рукописи из Поморья очень интересные»¹⁷. В письме от 20 июня 1902 г. С. Т. Большаков пишет: «Я приобрел целый короб книг — рукописей, где есть довольно интересные для Вас и каковые и решился Вам препроводить»¹⁸. Характерно, что все предлагаемые в цитируемых здесь письмах книги — «поморского письма», «из Поморья». По-видимому, С. Т. Большаков имел агентов, специально ездивших для него за рукописями на Север, и именно весной 1902 г. состоялась одна из таких поездок¹⁹. Часть проданных В. Г. Дружинину рукописей С. Т. Большаков приобрел в Нижнем Новгороде, куда ежегодно выезжал на ярмарку. После его смерти в 1906 г. книжную торговлю некоторое время продолжали сыновья Димитрий и особенно Николай Большаковы, с которыми В. Г. Дружинин переписывался вплоть до 1915 г.²⁰ Приобретения рукописей продолжались, хотя и с меньшей интенсивностью.

Обращают на себя внимание весьма значительные цены на рукописи, назначавшиеся В. Г. Дружинину фирмой Большаковых. Собиратель, видимо, не всегда мог позволить себе платить за одну рукопись 50—100 руб. и часто вынужден был отказываться от их приобретения. И все же он покупал большую и лучшую часть из того, что ему предлагали. В. Г. Дружинин отмечает, что в результате широких связей с букинистами «рукописи текли ко мне сами собой. Позднее, — пишет ученый, — я узнал,

что их несли ко мне первому, но зато спрашивали с меня процентов на 20 дороже и уменьшали им цену, если я не покупал их; но зато я снимал, так сказать, сливки и приобретал наиболее интересные рукописи»²¹.

Из провинциальных торговцев рукописями В. Г. Дружинин, по его свидетельству, «имел сношения с Е. И. Егоровым в Вольске Саратовской губернии». «Он привозил мне и присылал рукописи, — писал собиратель, — поморские акварели и складни в Петербург. Мы вели с ним деятельную переписку»²². Из этого источника В. Г. Дружинин, по всей вероятности получил некоторое количество рукописей, происходящих из иргизских старообрядческих монастырей.

Приобретая рукописи у книготорговых фирм С. Т. Большакова и Е. И. Егорова, В. Г. Дружинин, видимо, специально запрашивал своих поставщиков о происхождении продаваемых ему рукописей. Впрочем, такой опытный букинист, как С. Т. Большаков, сам бывший большим любителем древностей, хорошо понимал важность сохранения возможно большего количества сведений о среде бытования рукописей и охотно делился своими знаниями с В. Г. Дружининым. Так, на рукописи Друж. № 1005(172) рукою собирателя помечено: «Творение страннического отца Никодима Семенова, ум. 1894. Жил близ г. Плеса Костромской губ. (Сообщил С. Т. Большаков)».

Одним из средств пополнения своей коллекции В. Г. Дружинин считал снятие рукописных копий с интересовавших его рукописей, хранившихся как в частных собраниях, так и в государственных хранилищах. Так, известный книголюб старообрядец П. Д. Богданов, незадолго перед тем передавший свою богатую коллекцию рукописей в Публичную библиотеку, снял в 1891 г. по заказу В. Г. Дружинина копию с рукописи № 10 старого бывшего собрания («Два надгробных слова Даниилу Викуличу, список 1734 г.»)²³. Познакомившись в Петербурге со старообрядцем часовенного согласия Нижне-Кыштымского завода Алексеем Лукьяновичем Трифоновым, В. Г. Дружинин в 1896—1904 гг. неоднократно заказывал ему копии с имевшихся на Урале рукописей. Среди них назовем «Синодик уральских часовенных» и еще две рукописи, хранящиеся ныне в Дружининском собрании²⁴.

После выхода в свет описания коллекции старообрядческих рукописей и книг А. И. Хлудова²⁵ В. Г. Дружинин заказал несколько копий с рукописей этого собрания для своей коллекции. По его просьбе были скопированы рукописи собрания А. И. Хлудова № 303²⁶, 274²⁷ и 281²⁸. Последняя рукопись (Житие Андрея Денисова, составленное Андреем Борисовым) сохранила запись писца с указанием на время изготовления копии: «Сия книга списана из рукописи Хлудовской библиотеки за № 281, хранящейся в Москве в Никольском единоверческом монастыре, что у Преображенской заставы. С писатель того же монастыря иеродиакон Матфей 1885 года». Позднее, с появлением фотографии, В. Г. Дружинин заказал ряд фотокопий с интересовавших его рукописей московских древнехранилищ, и в частности из Хлудовского, Синодального и Румянцевского собраний²⁹. Очевидно, и московские книготорговцы, получив доступ к московским рукописным собраниям, и прежде всего к собранию А. И. Хлудова, сами занялись копированием рукописей для продажи. Купив одну из таких рукописей («Ответы на вопросы лужковцев», 1792 г.), В. Г. Дружинин легко установил ее протограф, пометив на листе от переплета: «копия с рукоп. Хлудова. Попов, № 329, с. 600, что доказывается сличением приведенной там выписки. Дружинин»³⁰.

Зная о серьезных занятиях В. Г. Дружинина историей и культурой старообрядчества, многие петербургские и иногородние знакомые ученого дарили ему попавшие к ним старообрядческие рукописи, а с иными собиратель обменивался рукописями из своего небольшого «обменного фонда». Так, от С. Ф. Платонова В. Г. Дружинин получил Катехизис в поморском списке XVIII в.³¹, список XVIII в. «Летописи о многих мятежах»³². А. С. Любимов в 1914 г. передал ученому Сборник XVIII в. с сочинениями протопопа Аввакума³³. В 1882 г. Николай Перфильев из г. Златоуста

изготовил для В. Г. Дружинина копию с «Ответов о крещении» поморского паставника Т. В. Байдосова, составленных последним в 1873 г.³⁴

Особое значение для судьбы Дружининской рукописной коллекции имело знакомство собирателя с приехавшим на заработки в Петербург в 1906 г. вологодским крестьянином-старообрядцем Федором Антоновичем Каликиным (1876—1971 г.)³⁵. Выходец из бедной семьи, традиционно занимавшейся иконописным промыслом и перепиской рукописей на продажу, Федор Антонович принял самое живое участие в ученых планах В. Г. Дружинина. Стремление исследователя сосредоточить в своей коллекции весь репертуар старообрядческой письменности, сложившийся на протяжении более чем двух столетий, нашло горячий отклик у крестьянина-самоучки, выразившего готовность активно содействовать В. Г. Дружинину в поисках и приобретении рукописей. Со своей стороны, ученый решил в полной мере воспользоваться услугами Ф. А. Каликина, сознавая, что последний, будучи своим человеком в старообрядческой среде, неocenim как агент по разысканию предметов старины, которому крестьяне-старообрядцы не только доверяли, но и уступали рукописи сравнительно недорого, «без запроса». Путешествуя на средства В. Г. Дружинина по русскому Северу в 1908—1916 гг., Ф. А. Каликин несколько раз побывал в Верхнем и Среднем Поволжье, Вологде, Вятке, на Северной Двине и в Олонецкой губернии, приобретая повсюду рукописи, медные литые иконки и складни, которые пересылал и привозил в Петербург своему ученому другу. Следуя указаниям В. Г. Дружинина, Ф. А. Каликин старался не только тщательно фиксировать места своих находок и приобретений, но и расспрашивал бывших владельцев рукописных книг о всех известных обстоятельствах их создания и о последующей судьбе.

Позднее, уже в 20-х годах, Федор Антонович возобновил свои археографические поездки, вследствие чего коллекция В. Г. Дружинина (основная часть которой к тому времени уже хранилась в Библиотеке АН) пополнилась несколькими новыми рукописями. Вот образцы записей Ф. А. Каликина на приобретенных им для В. Г. Дружинина рукописных книгах: 1) [Синодик выговский]. «Приобретен от последнего даниловского большака Н. Н. Лубакова, Даниловской обители» (в 1908 г.)³⁶. 2) «Цветник странников-статейников, переписано в Олонецкой губ. в 1908 г.»³⁷. 3) «Цветник. Принадлежал страннику Василию Матвееву (старцу Илариону), жителюствующему Шунгской волости и странствующему по деревням. Ум. 1914 г. в январе. Одною «уготования» (т. е. толка) с А. И. Егоровым и А. П. Петровым в СПб. Писано рукой его дочери. Составлено им самим, по его указанию писано»³⁸.

Имеются на рукописях, привезенных Ф. А. Каликиным с Севера, и такие пометы: «руки Прокопия Герасимова (филиповец) Вологодской губ., Тотемского уезда, Верховского об-ва, д. Першино, ум. 1902 г., его рука»³⁹. У наследников известного старообрядческого наставника С. И. Горшкова Ф. А. Каликин приобрел библиотеку и его личный архив⁴⁰, сопроводив одну из входящих в него рукописей справкой: «Степан Иванович Горшков, филиповец, живший в д. Филипповой, Кимерской волости, ум. ок. 1903 г., собственной руки»⁴¹.

Не имея порой возможности приобрести ту или иную рукопись из-за нежелания хозяев ее продать или же из-за чрезмерно высокой цены, Ф. А. Каликин, сознавая важность для науки редких и уникальных текстов, в ней находящихся, часто снимал с рукописи (или же с какой-либо ее части) собственноручные копии. Так, на одной из рукописных книг, включающей редкое старообрядческое сказание о Епифании Неплюеве, имеется запись: «Выписано из книги филипповского письма, хранящейся в дер. Селье у Ивана Фомича Федорова, Шунгской волости, Повенецкого уезда. Списал Каликин, 18.II.1908 г.»⁴² Здесь же, по-видимому, был переписан объемистый (366 л.) старообрядческий «Цветник»⁴³.

Яркое представление об «археографической ситуации» на русском Севере дают три сохранившихся письма Ф. А. Каликина, посланных им

с дороги и адресованных В. Г. Дружинину в Петербург. В этих письмах, написанных во время одной из первых поездок по Северу (в 1908—1909 гг.), наибольшую ценность представляют указания на рукописи, которые археограф видел на местах, по почему-либо не смог приобрести. Например, приехавший в Вологду из Поморья некий старообрядец Прохор предлагал Ф. А. Каликину купить у него целую библиотечку, состоящую из девяти рукописей. Высокая стоимость книг (свыше 230 руб.) не дала состояться этой покупке. «А книги таковы: 1-я) Содержащая 100 глав и разделение на 30 статей (частей) в 1/4-ку, 311 листов. Письмо не поморское. Просит 100 р.; 2-я) Аввы Дорофея Цветник с его портретом, письма XVIII века. Ц. 25 р.; 3-я) Анастасия Синайского XVII века в 1/4 листа — 50 р.; 4-я) Челобитная, что была подана в 176 году соборным старцем Кириллом и 2 послания прот. Аввакума и 1 — дьякона Федора и полное описание страдания Морозовой и Урусовых и прочих в 2-х словах, в 1/8-ю, письмо старинное — 20 р.; 5-я) В 1/4 листа в 2-х частях, 146 листов хорошего поморского письма, идет из Данилова монастыря, наверху написано: „Сочинение соловецкого старца Фирсова“. Просит 40 р. Спустился уже 30 р.; 6) Песенник, писал скорописью, не очень старый, на синей бумаге. Цена 5 р. И еще 2-й: „Страсти,.. Еще что-то вроде Жития Петра Первого, и еще какая-то книга не руская не скорописи“⁴⁴.

Интересную рукопись — «Житие протопопа Аввакума и несколько слов Спиридона Потемкина» в 8° — Федор Антонович также не смог приобрести из-за ее сравнительно высокой стоимости (15 руб.). Не очень древняя и скромно оформленная рукопись не показалась археографу стоящей названных денег: «Письмо не поморское и так, простенькое, и бумажка не очень старинная», — пишет он о виденной рукописи в письме к В. Г. Дружинину⁴⁵.

Характерно, что не все рукописные книги, приобретенные Ф. А. Каликиным в его путешествиях, В. Г. Дружинин считал возможным включить в свою коллекцию. Так, из семи небольших рукописей, приобретенных в Архангельске за 20 руб. и посланных в Петербург в адрес В. Г. Дружинина⁴⁶, в его собрании удалось обнаружить только одну. Это небольшой сборник в 8° с картинкой, изображающей «девицу на змею»⁴⁷. Остальные рукописи этой посылки В. Г. Дружинин, видимо, отказался приобрести и вернул Ф. А. Каликину по возвращении последнего в Петербург⁴⁸.

Во второй половине XIX в. среди крестьян—старообрядцев русского Севера широко распространилась в качестве своеобразного промысла переписка рукописей для продажи. Рукописные книги, среди которых особенно выделялись «лицевые», с красочными миниатюрами, предназначались не только для едшюверцев — кушцов и крестьян, но были рассчитаны и на распространение среди любителей-коллекционеров. Много таких рукописей продавалось на ярмарках, из которых особенно славилась Нижегородская. Иконописным и «книгописным» промыслами занималась и семья брата Ф. А. Каликина, жившая в д. Гавриловской Вологодской губернии. Изготовленный здесь лицевой список «Истории о отцах и страдальцах соловецких» Семена Деписова Федор Антонович приобрел для В. Г. Дружинина во время одной из своих поездок на родину⁴⁹. На переплетном листе этой рукописи, вышедшей из «семейной артели» вологодских книгописцев, В. Г. Дружинин оставил следующую запись: «Работа семьи Каликина из Вологодской губ., Тотьменского уезда, Спасской вол., дер. Гавриловской. Текст — Иван Антонович Каликин, картинки Григорий (17 л.) и Софья (8 л.) рисовали по тексту». Любопытно, что рукопись написана на старинной бумаге XVIII и первой половины XIX в. с филигранями, которую семья Каликиных закупила «целый воз, по случаю», в г. Нерехте для своей работы⁵⁰.

На такой же бумаге была написана в 1908 г. «История о бывшем патриархе Никоне, искоренителе древнего благочестия», приобретенная Ф. А. Каликиным для В. Г. Дружинина за 12 руб.⁵¹. Некоторые рукописи Ф. А. Каликин давал переписывать своему брату по просьбе самого В. Г. Дружинина⁵². Сам Федор Антонович, живя в Петербурге, часто

помогал В. Г. Дружинину снимать рукописные копии с интересовавших его рукописных книг, а также с изданий древнерусских текстов. Так, по просьбе ученого им был изготовлен список с «Истории о Филиппе и Терентии», оригиналом для которого явилось издание этого памятника В. И. Срезневским⁵³.

Через Ф. А. Каликина В. Г. Дружинин познакомился с его единомышленником — наставником филипповского «безбрачного» согласия Симеоном Гавриловым, уроженцем села Черевково на Северной Двине, с которым у ученого завязалась переписка⁵⁴. Этот странствующий проповедник и книжник интересовал В. Г. Дружинина не только как потенциальный поставщик рукописей для его коллекции, но и как типичный носитель средневекового крестьянского мировоззрения. В 1908 г. Симеон Гаврилов приезжал в Петербург к В. Г. Дружинину, где изготовил для себя несколько рукописных копий с заинтересовавших его текстов из Дружининской коллекции. Среди рукописей, проданных им ученому, назовем «Историю о патриархе Никоне», написанную на бумаге начала XIX в. и украшенную 25 миниатюрами нового письма⁵⁵, Сборник полемических старообрядческих сочинений первой половины XIX в.⁵⁶ и Житие старообрядца Герасима Вощикова в списке XIX в.⁵⁷ Особый интерес представляют собственные труды Симеона Гаврилова, а именно составленное им «Родословие» (История старообрядческих толков XVIII—XIX вв. на Верхней Двине) в трех томах с включением подлинных документов первой половины XIX в., содержащих подписи «двинских старцев»⁵⁸, а также еще три тома материалов полемического содержания, отражающих духовные искания северорусских крестьян — представителей различных старообрядческих сект на протяжении почти всего XIX в.⁵⁹

В одном из своих последних писем к В. Г. Дружинину от 12 февраля 1911 г. Симеон Гаврилов сообщил о своем намерении переселиться с друзьями-единоверцами в сибирские леса, в скиты, и ответил отказом на просьбу ученого «написать свою жизнь»⁶⁰. Хотелось бы отметить крайне отрицательное отношение этого представителя консервативной части воинствующего старообрядчества начала XX в. к книжному собирательству в деревнях для нужд государственных библиотек⁶¹ и вместе с тем явный интерес, проявленный им к предложению В. Г. Дружинина издать некоторые его сочинения⁶².

Забываясь о своей коллекции старообрядческих рукописей, на приобретение которой было потрачено много усилий и средств, В. Г. Дружинин стремился содержать свое собрание в должном порядке. Рукописи, попадавшие к нему непереpletенными или в разбитых переплетах, он отдавал реставрировать и переплетать Федору Михайловичу Марасаеву. Этот искусный мастер также был старообрядцем, жившим на Коломенской улице при филипповской «моленной» Киржакова. Он же переплетал и новые копии с рукописных текстов, изготовленные по заказу ученого. В собрании В. Г. Дружинина в Библиотеке АН хранится 16 рукописей, «одетых» в художественные переплеты работы Ф. М. Марасаева. Изготовленные из желтой тисненой кожи, натянутой на деревянные доски, они довольно своеобразны по рисунку тиснения и легко отличимы от переплетов, принадлежавших московским старообрядческим переплетчикам конца XIX—начала XX в.⁶³

Не меньшую заботу проявлял В. Г. Дружинин о правильном, упорядоченном хранении своей рукописной коллекции. К 1912 г., когда увидели свет «Писания русских старообрядцев», в коллекции насчитывалось уже около 500 томов рукописных книг. К этому времени рукописи были расставлены по форматному признаку и имели сплошные порядковые номера, которые нашли отражение как в изданном справочнике, так и в научной литературе по истории и культуре старообрядчества. После 1912 г. коллекция В. Г. Дружинина продолжала активно пополняться и к моменту передачи ее в Библиотеку АН в 1918 г. почти удвоилась, что отразилось в новом, подготовленном ученым к печати указателе-справочнике.

Передавая свою коллекцию в государственное хранилище, В. Г. Дру-

женин оговорил за собой право часть рукописей, необходимых ему для ученых занятий, временно оставить у себя. Эти рукописи в количестве 96 томов ученых в 1923—1928 гг. постепенно, партиями, передавал в Рукописный отдел БАН, где они по мере поступления заносились в инвентарь. Вынужденный отъезд ученого из города прервал его исследовательскую работу. Часть рукописей Дружининской коллекции, а именно 31 единица хранения, не была передана в БАН, и судьба ее до сих пор неизвестна⁶⁴. Из этого числа мы можем в какой-то степени охарактеризовать лишь восемь исчезнувших рукописных книг, содержание которых получило частичное отражение в Дружининском справочнике или же в других работах фондообразователя:

1) Друж. 17⁶⁵. Сборник старообрядческих житий и поучений (в том числе выговское житие инока Епифания в переработанной поморской редакции, состоящее из 15 глав с предисловием и поправками в тексте, и Житие Кирилла Сунского, состоящее из 43 глав с предисловием и поправками в тексте), XIX в., 4°, 141 л. Заголовки и инициалы написаны киноварью. Поправки в тексте сделаны рукой Ивана Филиппова — известного историка Выга, ему же принадлежат вставные листы в рукописи⁶⁶.

2) Друж. 22. «Книга о случаях последнего времени. Титин потрясает вельми. . .» Сочинение Ивана Алексеева, состоящее из 13 глав. XVIII в. (кон.), 4°, 160 л. Поморский полуустав. Заставка-рамка в красках⁶⁷.

3) Друж. 40. Житие Андрея Денисова, написанное Андреем Борисовым, и другие сочинения. XIX в. (1885 г.), 4°, 318 л. Заголовки и начальные буквы киноварные⁶⁸.

4) Друж. 65. Сборник, содержащий стихи и «плачи» по случаю смерти Андрея Денисова. XIX в., около 200 л. Поморский полуустав. Содержание: «Стих надгробного плача» об Андрее Денисове; «Стих на тезоименитство киновиарха Андрея Дионисиевича» Семена Денисова; «Плач о отце умершем» Семена Денисова⁶⁹.

5) Друж. 96. Сборник сочинений поморцев. XIX в., около 200 л., Поморский полуустав. Содержание: Плач о смерти Андрея Денисова; «Рифмы воспоминательны о киновиарсе Выгорецкаго общежительства Андрее Дионисиевиче»; «Стих надгробного плача» по Андрее Дионисиевиче; «Плач о отце умершем» Семена Денисова⁷⁰.

6) Друж. 451. «Краткое сказание о ревности и подвизех духовных предподобнаго отца Генадия, жившаго при речке зовомой Немена» (сентябрь 4). Без разделения на главы⁷¹.

7) Друж. 517. Сборник старообрядческий, содержащий черновые автографы Ф. П. Бабушкина⁷².

8) Друж. 535. «Нотная книга священного песнохваления духовного сладкогласия. . . праздников господских» с заставками «редкого рисунка»⁷³.

При поступлении рукописей Дружининской коллекции в Академическую библиотеку в 1931 г. была составлена их краткая «Приемная опись» с новой порядковой нумерацией поступивших рукописей. Несколько позже было решено закрепить за рукописями коллекции в качестве шифров присвоенные им новые порядковые номера, расходящиеся с прежними, уже вошедшими в научный обиход. Это ошибочное, на наш взгляд, решение привело к необходимости применения двойной шифровки рукописей в коллекции с указанием как порядкового номера рукописи в собрании В. Г. Дружинина в БАН, так и номера ее, данного собирателем, который помещается в скобках⁷⁴.

Одной из важных особенностей Дружининской рукописной коллекции является то обстоятельство, что это коллекция ученого-исследователя, тонкого специалиста своего дела. Составляя коллекцию сообразно со своими научными интересами, ученый сумел придать ей научную ценность и тематическую завершенность. В то же время сама коллекция, как цельный книжный организм, рожденный определенной культурно-исторической средой, подсказывала ученому плодотворные идеи, толкала на новые исследования и разработки. Многочисленные работы исследователя как бы раскрыли коллекцию, сделав ее доступной для многочисленных исследо-

вателей русской народной культуры, осуществляющих разработки именно по тем основным научным направлениям, которые наметил в своих трудах В. Г. Дружинин.

Интерес к старообрядчеству, к изучению источников этого примечательного общественно-религиозного движения на Руси проявился у В. Г. Дружинина еще в студенческие годы. Достойным завершением его ранних исследований в этой области явилась магистерская диссертация, где были рассмотрены своеобразные формы старообрядческого движения на казачьих окраинах Московского государства⁷⁵. Фундаментальная книга В. Г. Дружинина была написана им главным образом на материалах делопроизводства Посольского приказа, которые ученый впоследствии подготовил к печати⁷⁶.

Стремление к подлинным источникам, к рукописям, характеризующим своеобразную культуру старообрядцев, привело исследователя в Публичную библиотеку, где уже в то время хранилось значительное количество подлинных старообрядческих рукописей XVII—XIX вв. На материалах этой библиотеки им в 1884 г. было подготовлено исследование о житии Корнилия Выгопустынского, написанном Пахомием⁷⁷. Тогда же В. Г. Дружининим были опубликованы две рецензии на книги А. Ф. Гейдена и А. С. Пругавина о расколе⁷⁸. Не приходится сомневаться, что эти исследования подтолкнули молодого ученого к отысканию новых редакций и списков старообрядческих сочинений как в рукописных хранилищах, так и на антикварном книжном рынке и способствовали активизации его собирательской деятельности.

В последующих разработках В. Г. Дружинина по проблемам старообрядческой культуры и письменности рукописи его коллекции занимают уже главенствующую роль. Так, к исследованию о поповском «священноиерее» Матвее Андрееве ученый привлек пять принадлежащих ему рукописей⁷⁹. В исследовании о поморском торжественнике автор использовал также пять рукописей из личной коллекции⁸⁰. Кроме того, ездивший на Север Ф. А. Каликин по поручению В. Г. Дружинина ознакомился и скопировал оглавления двух торжественников, один из которых принадлежал старообрядческому наставнику, отцу Акиму Степановичу, жившему на Северной Двине, а второй хранился в одном из старообрядческих молитвенных домов в Ярославле⁸¹. К своему небольшому, но чрезвычайно важному исследованию о литературной жизни главного центра русского старообрядчества XVIII в. — Выголексинского монастыря — В. Г. Дружинин привлек уже 26 рукописей своей коллекции⁸², а еще пять — к своей статье о колонизации старообрядцами Олонецкого края в конце XVII в., где им был собран и осмыслен богатый материал об особенностях быта и духовной культуры поморских крестьян-старообрядцев⁸³. Своеобразным итогом комплексного изучения культурных достижений старообрядцев русского Поморья в XVII—XIX в. явились два исследования ученого о художественном наследии Выголексинского монастыря⁸⁴.

Некоторые из исследований В. Г. Дружинина явились на свет как результат сделанных им находок уникальных, неизвестных науке текстов. Такова его брошюра «О пребывании французов в Московском Преображенском богадельном доме в 1812 году» (СПб., 1912), изданная к 100-летию юбилею Отечественной войны 1812 г. и содержащая критическую публикацию исторической повести старообрядца Ивана Маркова о событиях в Москве во время оккупации ее французами⁸⁵. Особое внимание ученого привлекла жизнь и деятельность первого руководителя Выговской старообрядческой общины, замечательного ученого и писателя Андрея Денисова. Творчеству Денисова, судьбе оригинала его главного труда — «Поморских ответов» — и критике изданий этого памятника В. Г. Дружинин посвятил отдельную статью⁸⁶. В небольшой заметке о «Великой науке» Раймунда Люллия приведены найденные ученым в рукописях его коллекции текстологические подтверждения гипотезы архимандрита Никанора о принадлежности перу Андрея Денисова сокращенного «поморского» варианта этого памятника⁸⁷.

Другим важным направлением работ В. Г. Дружинина, в основе которых лежало изучение собранной им коллекции рукописей, явилось выявление индивидуальных почерков видных писателей и деятелей старообрядческого движения, исследование приемов книгописания и редактирования рукописей в старообрядческой среде. Свообразным толчком к такого рода исследованиям стала находка и приобретение ученым в 1912 г. знаменитого Пустозерского сборника, в котором он обнаружил автографы виднейших идеологов раннего старообрядчества — протопопа Аввакума, инока Епифания и дьякона Федора Иванова⁸⁸. Итогом тщательного изучения этого сборника стала написанная В. Г. Дружининым в 1914 г. специальная работа⁸⁹. Дальнейшие поиски автографов старообрядческих деятелей привели исследователя к обнаружению десятков автографов писателей-старообрядцев XVIII в., выявленных им как в рукописях государственных архивохранилищ, так и в собственной коллекции. В исследовании, написанном на основе этих материалов, подверглись тщательному изучению 24 рукописи Дружининской коллекции, содержащие автографы братьев Андрея и Семена Денисовых, Даниила Викулина, Петра Прокопьева, Ивана Филишова, Алексея Иродионова, Даниила Матвеева, Мануила Петрова, Тимофея Андреева, Григория Корнаева, Федора Бабушкина, Евстрата Федосеева. Некоторые из автографов перечисленных здесь писателей воспроизведены в Приложении к работе⁹⁰.

Углубленные занятия палеографией старообрядческих рукописей привели В. Г. Дружинина к осознанию того факта, что старообрядцы первой четверти XVIII в., а именно Андрей Денисов и его помощники, явились первыми русскими палеографами, применившими на практике выработанные ими научные приемы критики текстов для разоблачения сфабрикованных церковниками фальшивых документов. Речь идет о легендарном Соборном деянии 1157 г. на Мартина еретика и Требнике митрополита Феогноста, датированного серединой XIV в.⁹¹ Как бы итогом многолетней деятельности ученого по исследованию русского старообрядчества стало осуществленное в 20-х годах под его «смотрением» первое полное собрание сочинений крупнейшего старообрядческого писателя XVII в. — протопопа Аввакума⁹². Для этого сложного и трудоемкого издания В. Г. Дружинин предоставил 17 рукописей из своей коллекции⁹³, многие из которых были выбраны издателями в качестве основных для издания аввакумовских текстов.

Живо интересуюсь всеми выходящими в то время работами, в которых поднимались и решались вопросы, касающиеся старообрядческой письменности и культуры, В. Г. Дружинин откликался на них интересными и содержательными рецензиями. Назовем написанные им рецензии на «Учебник русской палеографии» В. И. Щепкина (М., 1920)⁹⁴, а также на книгу А. М. Селищева «Забайкальские старообрядцы. Семейские» (Иркутск, 1920)⁹⁵.

К сожалению, несколько важных и интересных работ ученого, созданных в последний период его творческой деятельности, осталось неизданными. Среди них книга воспоминаний о петербургских и московских букинистах⁹⁶, а также мемуары исследователя, содержащие обширный материал о научной и культурной жизни С.-Петербурга—Петрограда в последней четверти XIX и первой четверти XX в.⁹⁷

Следует выделить еще одну сторону интересов В. Г. Дружинина, имеющую определенное отношение к археографии. Мы имеем в виду его интерес к собиранию и изучению вещественных памятников старообрядческой культуры, а именно предметов поморского художественного литья. Богатая коллекция медных и бронзовых изделий, собранная В. Г. Дружининым за многие годы коллекционерства, послужила основой для написания им капитального труда «Поморские меднолитые кресты, иконы и створы»⁹⁸. Это исследование, законченное в 1919 г., было сдано в издательство, однако света не увидело, а корректурный экземпляр его исчез⁹⁹. Неизвестна нам и судьба самой коллекции, часть которой была, видимо,

распродана и попала к частным лицам, а другая часть оказалась в различных музейных хранилищах Ленинграда¹⁰⁰.

Возвращаясь к судьбе собрания рукописей В. Г. Дружинина после его приобретения Библиотекой АН, отметим, что эти рукописи активно используются как отечественными, так и зарубежными исследователями древнерусской письменности и культуры. Этому способствует проводимая в Рукописном отделе работа по созданию подробных описаний и обзоров хранимых здесь коллекций, среди которых почетное место занимает и Дружининская (фонд 19). В трех томах серии «Описание Рукописного отдела Библиотеки АН СССР», изданных в 1951—1980 гг., получили подробное постатейное описание 37 рукописей этого собрания¹⁰¹. В изданном недавно первом выпуске 7-го тома серии, посвященном описанию сочинений писателей-старообрядцев XVII в., подробно описаны еще 55 рукописных сборников Дружининского собрания¹⁰². Работа по комплексному изучению народного старообрядческого направления в развитии русской культуры и письменности, столь успешно начатая В. Г. Дружининым, ныне успешно продолжена новым поколением советских ученых.

- ¹ Большую часть своей жизни В. Г. Дружинин служил в Археографической комиссии. С 27 января 1896 г. он член Комиссии, с 5 марта 1903 г. — ее ученый секретарь, а с ноября 1921 г. — заместитель председателя комиссии. 4 декабря 1920 г. решением Общего собрания АН он был избран членом-корреспондентом АН по отделению исторических наук и филологии.
- ² Протоколы заседаний Общего собрания Российской Академии наук, 26 (13) окт. 1918 г., § 262. Доклад А. А. Шахматова о покупке собрания В. Г. Дружинина за 440 тыс. франков с условием 10-летней рассрочки. Пг., 1918.
- ³ Протоколы заседаний Общего собрания Российской Академии наук, 1920. Отделение исторических наук и филологии, XVI заседание, 24 нояб. от 1920 г. § 151. Прилож. 5, с. 136—138. Пг., 1920.
- ⁴ Краткий обзор рукописей собрания В. Г. Дружинина см.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела БАН. М.; Л., 1958. Вып. 2. XIX—XX вв. с. 129—132.
- ⁵ Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. СПб., 1912. См. также рецензии на эту книгу: Белоликов В. З. Писания русских старообрядцев: (Отзыв, дополнения, поправки). Киев, 1913; *Влагов П. И.* — Церковь (журн.), 1912, № 50, 51.
- ⁶ Дружинин В. Г. «Воспоминания о литературных встречах и знакомствах»: Рукопись. — ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, № 8, л. 150—152. «Издание моей книги, — пишет В. Г. Дружинин, — быстро разошлось, а литературно работавшие... называли ее настольной книгой для каждого...»
- ⁷ Дружинин В. Г. «Воспоминания...», л. 153 об.
- ⁸ ЛЗАК. Пг., 1923, т. 32, с. 70, 71.
- ⁹ Местонахождение рукописи этого труда В. Г. Дружинина не установлено.
- ¹⁰ ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, № 62, л. 18.
- ¹¹ Там же, № 4, л. 19—19 об.
- ¹² Там же, № 97.
- ¹³ Такие рукописи в переписке, естественно, не упомянуты. Лишь 11 рукописных книг собрания В. Г. Дружинина в БАН имеют штампы книготорговой фирмы С. Т. Большакова и 3 рукописи — его сына и преемника его дела Н. С. Большакова.
- ¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, № 99, л. 21.
- ¹⁵ Там же, л. 19, 21. Это рукописи собрания В. Г. Дружинина в БАН, № 121 (152), 122 (153).
- ¹⁶ ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, № 99, л. 22.
- ¹⁷ Там же, л. 23.
- ¹⁸ Там же, л. 25.
- ¹⁹ В феврале 1909 г. вологодский старообрядец Симеон Гаврилов писал В. Г. Дружинину: «А что в Кокшенге, то там найти для покупки ничего невозможно, потому что и до Федора Антоновича [Каликина. — Н. Б.] были покупатели старины: Варфоломей Петрович, да Демид Ефимыч, они все закупили и свезли в Москву в библиотеки; да которые [книги] книжным торговцам продали в Москве, Большакову и прочим» (БАН, Друж. № 1023, Архив. Письмо Симеона Гаврилова от 24 февр. 1909 г.).
- ²⁰ ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, № 97, 98.
- ²¹ Там же, № 4, л. 29.
- ²² Там же, л. 27 об. К сожалению, эта переписка не найдена. См. также: Дружинин В. Г. К вопросу об авторе сокращения «Великой науки» Раймунда Люллия. — ИОРЯС, СПб., 1914, т. 19, кн. 1, с. 34.
- ²³ БАН, Друж. № 86 (113).
- ²⁴ Там же № 165 (201), 89 (116), 145 (181).
- ²⁵ Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872.
- ²⁶ БАН, Друж. № 64 (86). См.: Попов А. Описание... с. 582.
- ²⁷ БАН, Друж. № 422 (449). См.: Попов А. Описание... с. 544. (Копия

- снята с части рукописи: Хлуд. № 274, л. 512—522).
- ²⁸ БАН, Друж. № 960 (40). См.: *Попов А.* Описание. . . , с. 549.
- ²⁹ Например: «Ответ православных» дьякона Федора Иванова. — ГИМ, Хлуд. № 282 (БАН, Друж. № 752 (796)); «Щит веры» инока Авраамия. — ГИМ, Синод. № 641 (БАН, Друж. № 753 (797)); «Книга бесед» протопопа Аввакума: (Часть рукописи). — ГБЛ, Музейн. № 2555 (БАН, Друж. № 769 (813)).
- ³⁰ БАН, Друж. № 1011 (929).
- ³¹ Там же, № 783 (828).
- ³² Там же, № 348 (397).
- ³³ Там же, № 929 (920).
- ³⁴ Там же, № 426 (455).
- ³⁵ Подробнее о Ф. А. Каликине см.: *Малышев В. И.* Слово о Федоре Антоновиче Каликине. — В кн.: Исследования по истории русской литературы XI—XVII вв.: ТОДРЛ. Л., 1974, т. 28, с. 425—426; *Поньрко Н. В.* Федор Антонович Каликин — собиратель древних рукописей. — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси: ТОДРЛ. Л., 1980, т. 35, с. 446—450.
- ³⁶ БАН, Друж. № 600 (635).
- ³⁷ Там же, № 969 (70).
- ³⁸ Там же, № 977 (820). Тому же «старцу» принадлежали рукописи: Друж. № 778 (821), 779 (822), 781 (824), 782 (825).
- ³⁹ БАН, Друж. № 346 (395), 343 (392), 352 (401).
- ⁴⁰ Там же, № 362—394 (410—441).
- ⁴¹ Там же, № 384 (411).
- ⁴² Там же, № 341 (390).
- ⁴³ Там же, № 969 (69).
- ⁴⁴ Письмо от 10 дек. 1908 г. — ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, № 270, л. 2.
- ⁴⁵ Письмо от 16 июля 1909 г. — ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, № 270, л. 1. Названную рукопись Ф. А. Каликин видел в Архангельске «у человека торговца-рыбника, старообрядца». По всей видимости, это «рыбник» — житель г. Данилова Иван Дмитриевич Яреничев. После его смерти Ф. А. Каликин посетил его дочерей и приобрел у них оставшиеся после отца рукописные книги. Некоторые из них хранятся ныне в Дрелехранилище ИРЛИ. См., например: ИРЛИ, собр. Ф. А. Каликина, № 53.
- ⁴⁶ Письмо от 16 июля 1909 г. — ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, № 270, л. 1.
- ⁴⁷ БАН, Друж. № 747 (791). XIX в., 8°, 11 л. Бумажная обложка.
- ⁴⁸ Часть этих рукописей ныне в ИРЛИ в собр. Ф. А. Каликина, № 1 и 45.
- ⁴⁹ БАН, Друж. № 109 (140).
- ⁵⁰ Это были, видимо, остатки какого-то старинного архива. Листы, исписанные по большей части с одной стороны, склеивались по два текстом внутрь и сшивались в тетради для последующего написания на них «древних» рукописей. О работе этой семейной артели можно судить по постановлению Тотемского окружного суда от 22 января 1903 г. по делу А. С. Каликина «о самовольном писании, как старообрядцем, икон без надлежащего разрешения» (БАН, собр. Ф. А. Каликина, № 51).
- ⁵¹ БАН, Друж. № 325 (369). Не следует, однако, преувеличивать роль Ф. А. Каликина в формировании Дружининской коллекции, как это делает Н. В. Поньрко, утверждая, что «собрание старообрядческих рукописей В. Г. Дружинина в БАН. . . собрано в большей части Ф. А. Каликиным» (см.: *Поньрко Н. В.* Федор Антонович Каликин — собиратель древних рукописей. . . , с. 446). Из приведенных нами материалов очевидно, что основная часть Дружининской коллекции была приобретена собирателем у книготорговцев еще до его знакомства с Ф. А. Каликиным и находки последнего составляют лишь сравнительно небольшую часть собрания.
- ⁵² Письмо Ф. А. Каликина, осень 1908 г. — ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, № 270, л. 4—5.
- ⁵³ *Срезневский В. И.* Описание рукописей и книг, найденных в Олонецком крае. СПб., 1915, с. 466. Шифр копии: БАН, Друж. № 305 (351).
- ⁵⁴ БАН, Друж. № 1023, Архив. Письма Симеона Гаврилова к В. Г. Дружинину.
- ⁵⁵ БАН, Друж. № 325 (369). См. также: Друж. № 1023, Архив. Письмо Симеона Гаврилова от 23 дек. 1908 г.
- ⁵⁶ БАН, Друж. № 844 (895). См. также: Друж. № 1023, Архив. Письмо Симеона Гаврилова от 23 дек. 1908 г.
- ⁵⁷ БАН, Друж. № 816 (863). См.: Друж. № 1023, Архив. Письмо Симеона Гаврилова от 1 июля 1910 г.
- ⁵⁸ БАН, Друж. № 847 (898), 848 (899), 849 (900). См.: Друж. № 1023, Архив. Письмо Симеона Гаврилова от 1 июля 1910 г.
- ⁵⁹ БАН, Друж. № 509 (540), 510 (541), 846 (897). См.: Друж. № 1023, Архив. Письмо Симеона Гаврилова от 24 февр. 1909 г. Еще несколько рукописей Симеона Гаврилова попали к Ф. А. Каликину и хранятся ныне в ИРЛИ в собрании его имени (ИРЛИ, Калик. № 2—9, 21, 43, 53).
- ⁶⁰ БАН, Друж. № 1023, Архив. Письмо Симеона Гаврилова от 12 февр. 1911 г.
- ⁶¹ В письме к В. Г. Дружинину от 27 июля 1909 г. он пишет: «Да к тому и за что наши отцы бранят тех людей, которые покупают хорошия старья книги и возят в библиотеки. Да и моя совесть тоже прегит, потому что в библиотеках мало кто когда почитает и попользуется ими, а в деревнях то люди гораздо чаще попользуются и почитают старья то книги. И есть некоторые старики и старухи плачут, жалеют, что продали в библиотеки свои книги — там лежат бесполезно» (БАН, Друж. № 1023, Архив).
- ⁶² БАН, Друж. № 1023, Архив. Письма Симеона Гаврилова от 10 июля 1910 г., 29 дек. 1910 г.; его «Замечание» от 31 окт. 1909 г., в котором он оговаривает себе право на получение 50 экз. своей книги в случае ее издания.
- ⁶³ Это рукописи собр. В. Г. Дружинина № 2 (3), 42 (63), 46 (68), 138 (173).

- 191 (231), 242 (288), 243 (289), 244 (290), 245 (291), 254 (300), 256 (303), 296 (342), 299 (345), 335 (383), 969 (69), 981 (862). Переплет работы Ф. М. Марасаева воспроизведен в кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки АН, вып. 2, с. 131, рис. 21.
- ⁶⁴ Это № 17, 22, 40, 58, 65, 71, 96, 223, 451, 454, 500, 517, 535, 634, 636, 688, 742, 743, 758, 784, 793, 805, 826, 877, 885, 890, 940, 951, 952, 954, 958 (по нумерации в коллекции В. Г. Дружинина).
- ⁶⁵ Шифры рукописей здесь и далее приводятся по справочнику В. Г. Дружинина «Писания русских старообрядцев» (СПб., 1912).
- ⁶⁶ Там же, с. 169, № 2; с. 180. См. также: Дружинин В. Г. Несколько автографов писателей старообрядцев. СПб., 1915, с. 10 и табл. X с воспроизведенным листом, писанного почерком Ивана Филиппова; *Он же*. К вопросу о колонизации старообрядцами Олонекского края в конце XVII в. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922, с. 300.
- ⁶⁷ Дружинин В. Г. Писания... , с. 44, 45, № 22.
- ⁶⁸ Там же, с. 62.
- ⁶⁹ Там же, с. 128, № 187; с. 132, № 203; с. 160, № 112. См. также: Дружинин В. Г. Поморский торжественник. СПб., 1911.
- ⁷⁰ Дружинин В. Г. Писания... , с. 131, № 200; с. 131, № 201; с. 132, № 202; с. 132, № 203; с. 160, № 112. См. также: Дружинин В. Г. Поморский торжественник.
- ⁷¹ Дружинин В. Г. Писания... , с. 81.
- ⁷² Дружинин В. Г. Несколько автографов писателей старообрядцев, с. 19.
- ⁷³ Дружинин В. Г. Подлинная рукопись Поморских ответов и ее издание. СПб., 1912, с. 20. Примеч. 2.
- ⁷⁴ Характерно, что сам ученый отрицательно относился к перешифровке рукописей в коллекциях, уже вошедших в научный оборот, хорошо представляя себе неудобства, которые влечет такая перешифровка. Свидетельство тому — одна из его работ: Дружинин В. Г. Таблицы для отыскания рукописей А. С. Уварова в описании этого собрания, составленном арх. Леонидом. — ИОРЯС. Л., 1924, т. 28, с. 259—272.
- ⁷⁵ Дружинин В. Г. Раскол на Дову в конце XVII в. СПб., 1889.
- ⁷⁶ Донские дела. СПб., 1898—1917. Кн. 1—5.
- ⁷⁷ Дружинин В. Г. О житии Корнилия Выгопустынского, написанном Пахомием. — ЖМНП. СПб., 1884, сент.
- ⁷⁸ Дружинин В. Г. — Библиограф за 1887 г. (см. также: Сборник рецензий — Там же, СПб., 1887, № 1). — Рец. на кн.: Гейден А. Ф. Из истории возникновения раскола при патриархе Никоне. СПб., 1886; *Он же*. — Библиограф за 1888 г. (см. также: Сборник рецензий. — Там же. СПб., 1888, № 2. — Рец. на кн.: Пругавин А. С. Раскол и сектанство. М., 1887. Вып. 1.
- ⁷⁹ Дружинин В. Г. «Священноиерей» Матвей Андреев, его беседы с бесповцами и послания к ним. — Христианское чтение, 1908. (Отд. изд. — То же. СПб., 1908). В статье использованы рукописи собр. В. Г. Дружинина № 48 (72), 49 (73), 164 (200), 189 (229), 197 (237).
- ⁸⁰ Дружинин В. Г. Поморский торжественник. — В кн.: Сборник в честь проф. С. Ф. Платонова; То же. СПб., 1911. В работе использованы рукописи собр. В. Г. Дружинина № 958 (2), 254 (300), 255 (301), 174 (212), 336 (384), 337 (385).
- ⁸¹ Дружинин В. Г. Поморский торжественник, с. 15.
- ⁸² Дружинин В. Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911. В работе использованы рукописи собр. В. Г. Дружинина: № 23 (39), 25 (43), 982 (47), 38 (59), 45 (67), 46 (68), 74 (99), 114 (145), 120 (151), 121 (152), 122 (153), 124 (155), 127 (160), 132 (165), 199 (239), 971 (302), 256 (303), 295 (341), 299 (343), 336 (384), 337 (385), 455 (483), 457 (486), 501 (531) и номера по справочнику В. Г. Дружинина: № 65, 96. Рукописи утрачены.
- ⁸³ Дружинин В. Г. К вопросу о колонизации старообрядцами Олонекского края в конце XVII в.: Сб. ст. по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову, с. 293—305.
- ⁸⁴ Дружинин В. Г. Значение труда старообрядцев в развитии промыслов. — В кн.: Архив истории труда в России. Пг., 1922. Кн. 4, ч. 2; *Он же*. К истории крестьянского искусства XVIII—XIX вв. в Олонекской губернии: (Худоожественное наследие Выгорецкой поморской обители). — ИАН Сер. 6, 1926, вып. 15/17, с. 1479—1490.
- ⁸⁵ «Алфавит духовный». Рукопись. — Друк. № 189 (229).
- ⁸⁶ Дружинин В. Г. Подлинная рукопись Поморских ответов и ее издание. — ИОРЯС, СПб., 1912, т. 12, кн. 1, с. 53—77.
- ⁸⁷ Дружинин В. Г. К вопросу об авторе сокращения «Великой науки» Раймунда Люллия. — ИОРЯС, СПб., 1914, т. 19, кн. 1, с. 342—344.
- ⁸⁸ БАН, собр. В. Г. Дружинина № 746 (790). О находке рукописи см.: Малышев В. Рукопись протопопа Аввакума. — Нева, 1957, № 3, с. 220, 221.
- ⁸⁹ Дружинин В. Г. Пустозерский сборник: Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1914.
- ⁹⁰ Дружинин В. Г. Несколько автографов писателей старообрядцев.
- ⁹¹ Дружинин В. Г. Поморские палеографы начала XVIII столетия. Пг., 1923; *Он же*. Дополнение к исследованию о поморских палеографах начала XVIII в. — ЛЗАК. Л., 1926, вып. 33. С приложением двух снимков с исследуемых памятников. Табл. I, II.
- ⁹² РИБ. Л., 1927, т. 39. Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1, вып. 1. Это издание, подготовленное Я. Л. Барсковым и П. С. Смирновым и начатое набором в 1916 г., вышло

- под редакцией С. Ф. Платонова отдельными выпусками вплоть до 1927 г., когда оно было прекращено. Практическую работу по «пробиванию» выпусков и их редактуру взял на себя В. Г. Дружинин (см.: ЛЗАК за 1919—1922 гг., Пг., 1923, вып. 32, с. 9, 25, 45, 73). Остался ненапечатанным также 2-й том «Памятников», подготовленный к печати в 1920 г. Я. Л. Барсковым и включавший сочинения дьякона Федора Иванова. Судьба рукописи этого тома нам неизвестна (см.: ЛЗАК за 1919—1922 гг., вып. 32).
- ⁹³ Памятники. . . , с. III—IV. Указатель шифров использованных в издании рукописей.
- ⁹⁴ Дела и дни (журн.) Пг., 1921, кн. 2, с. 204—206.
- ⁹⁵ Дела и дни. Пг., 1922, кн. 3, с. 235—237.
- ⁹⁶ Дружинин В. Г. «Букинисты с 1874 по 1915 гг.: Воспоминания». Рукопись. — ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, № 4.
- ⁹⁷ Дружинин В. Г. «Воспоминания о литературных встречах и знакомствах». Рукопись. — ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, № 6/10, с. 1—1850.
- ⁹⁸ Протоколы заседаний Общего собрания Российской Академии наук, 1920. Отделение исторических наук и филологии, XVI заседание, 24 нояб. 1920 г., § 151. Прилож. 5, с. 138, № 28.
- ⁹⁹ Это исследование В. Г. Дружинина, содержащее описание около 800 пред-метов медного литья, автор предложил издать Георгиевскому комитету. Однако в 1919 г. Комитет закрылся, и книга осталась ненапечатанной. «По счастью, — писал В. Г. Дружинин в своих «Воспоминаниях», — рукопись моя с текстом осталась у меня». Несколько цветных иллюстраций из этого издания сохранились в коллекции рижского исследователя старообрядчества И. Н. Заволоко.
- ¹⁰⁰ Известно, в частности, что в Музей истории религии и атеизма попала дружининская коллекция старообрядческих рисунков и настенных листов с текстами XVIII—XIX вв., «среди которых имеются очень ценные рисунки и миниатюры». См.: *Емелях Л. И.* Старинные рукописные книги Музея истории религии и атеизма Академии наук СССР. — ТОДРЛ. М.; Л., 1957, т. 13, с. 557.
- ¹⁰¹ Описание рукописного отдела БАН СССР. Л., 1971. Т. 3, вып. 3. Исторические сборники XVIII—XIX вв.; Описание. . . Т. 4, вып. 1. Повести, романы, сказания, сказки, рассказы. М.; Л., 1951; Описание. . . Т. 4, вып. 2. Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения, XVII—первая треть XIX в. Л., 1980.
- ¹⁰² Описание рукописного отдела БАН СССР. Л., 1984. Т. 7, вып. 1. Сочинения писателей — старообрядцев XVII в.

Ю. С. Уральский

РАСШИФРОВАННЫЕ ПИСЬМА ИЗ ПЕРЕПИСКИ РЕДАКЦИИ ЛЕНИНСКОЙ ГАЗЕТЫ «ИСКРА»

Свою гигантскую деятельность по созданию революционной партии в России ленинская «Искра» могла выполнить только благодаря систематической, хорошо налаженной переписке, связывавшей между собой все звенья нарождавшейся партии. В обстановке постоянных преследований со стороны карательных органов царизма искровская переписка должна была носить сугубо конспиративный характер.

Обычно содержание каждого нелегального письма состояло из открытой и конспиративной части. Открытая часть включала сведения, которые не только не раскрывали существа революционной работы, но и вообще не касались, даже отдаленно, этой области деятельности. Конспиративную же часть составляли сообщения, характеризующие подпольную работу комитетов РСДРП, групп содействия и агентов «Искры», установление нелегальных связей и распространение литературы, транспортировку «Искры» и другие вопросы. В ней указывались посреднические адреса, пароли для установления личных связей, открытые и условные названия городов, ключи шифров, фамилии лиц, содержащих явочные квартиры, и другая важная информация.

Наряду с тайнописью, т. е. применением химических средств, в конспиративной переписке «Искры» широко использовались шифры. С ростом революционного движения в России и расширением искровских связей значение шифрованной переписки увеличилось.

Шифры, применявшиеся В. И. Лениным, редакцией «Искры», агентами газеты и социал-демократическими организациями в России, усложнялись по мере развития нелегальных связей и овладения профессиональными революционерами техникой их ведения и учитывали достижения криптографии того времени ¹.

Наибольшее применение в искровской переписке нашли следующие виды шифров ².

Шифр по слову. Для построения этого шифра в качестве ключа бралось одно или несколько слов. Слово, обозначающее ключ, записывалось вертикально в левый крайний столбец прямоугольника. Размеры этого прямоугольника определялись по вертикали количеством букв, входящих в состав слова-ключа, а по горизонтали — количеством букв старого русского алфавита. При шифровке текста знаки записывались в виде дробей, числителем которых служил номер строки по вертикали, а знаменателем — цифра, обозначающая место буквы в строке по горизонтали.

Простой квадратный шифр. В квадрат (10×10 клеток) вписывались произвольно взятые слова, короткие предложения или буквы. Колонки и строки шифра нумеровались. Иногда в квадрат вписывался книжный текст. Тогда шифр носил наименование *квадратный книжный*. Буквы алфавита, которые ни разу не встречались в тексте, выписывались в конце квадрата. Столбцы и строки квадрата нумеровались двойным или тройным рядом цифр. Шифрованные знаки писались так же, как и в шифре по слову.

Стихотворный шифр имел наибольшее распространение в искровской переписке 1901—1903 гг. Ключом шифра служило стихотворение. Шифрованные знаки обозначались через дробные числа по всему стихотворению или части его, числитель — строка, знаменатель — номер буквы в строке.

Книжный шифр (страничный) широко вошел в практику конспиративных связей с 1902 г. После того как редакции «Искры» стало известно о том,

что конспиративная переписка перехватывается «черным кабинетом», этот шифр стал основным. Шифрованные знаки составлялись из номера строки и номера буквы в этой строке и писались в виде дробей. Ключ шифра обозначался номером страницы и проставлялся среди шифрознаков текста. Номер страницы образовывался путем произведения или суммы числителя и знаменателя. Ключ шифра проставлялся в тексте на первом или на любом заранее обусловленном месте.

В искровой переписке применялись и другие более сложные виды шифров³. В предлагаемых нами расшифрованных письмах использовались шифры по слову, стихотворный и гамбеттовский.

В переписке В. И. Ленина и редакции «Искры» с социал-демократическими организациями в России, подготовленной к публикации ИМЛ при ЦК КПСС и ЦГАОР СССР⁴, содержалось 416 зашифрованных текстов. Большинство их было в свое время прочтено секретарем редакции Н. К. Крупской, некоторые — в Департаменте полиции. 49 текстов остались неразобранными. При подготовке к печати составители расшифровали 35 текстов⁵. Из оставшихся 14-ти нам к настоящему времени удалось прочитать семь. Результаты этой расшифровки приводятся ниже⁶. Нумерация и заголовки писем № 34, 46, 280, 317, 370, 378, 605 в извлечении даны по «Переписке. . .», т. 1, 2. Слова, выделенные курсивом, расшифрованы автором, кроме слова «съезд» в письме № 280.

№ 31

Н. К. Крупская — Л. М. Книпович^а
В Астрахань

23 (10) апреля 1901 г.

23/IV. Астра^б.

[. . .] В Галицию пусть человек непременно поедет, найдет нас так же, как и Коз^в и т. д. Деньги в Сибирь я не смогла послать, ибо так и не получила адреса, куда послать, нельзя ли их отдать Нине^г (*Искре*)^а
[. . .]

^а В письме № 31 ключ шифра — стихотворение Н. А. Некрасова «Калистрат».

^б Астра[хань] — расшифровано из: 1.2 5.2 7.3 11.2 1.2.

^в Коз (возможно, Козицкий Н. Н. — Ю. У.) — из: 2.1 1.4 13.4

^г Конспиративное название нелегальной типографии «Искры» в Баку.

^а Искре — из: 5.1 5.2 2.1 8.7 8.2.

№ 46

Н. К. Крупская — Л. М. Книпович^а
В Астрахань

9 мая (26 апреля) 1901 г.

9/V. Ключ в Баку^б и т. д. «Печально я гляжу. . .». [. . .]

Требуются Фекле^в и деньги, она выплачивает провоз до Т^г и сообщает в Б. . .,^а а в тех местах, где этого не будет, брать при доставке плату за расстояние от Т^г. В Коркинском городе устроена уже, скоро будет в А^ж и т. д., Б^з и т. д. Тивли^д. . .

В Сар^к. . . дан адрес Штутгарт, ключ Демон^з (начало).

^а В письме № 46 ключ шифра — стихотворение Н. А. Некрасова «Калистрат».

^б Баку — расшифровано из: 3/1 1/2 2/1 3/2.

^в Редакция «Искры».

^г Т[авриз] — из: 7/3.

^ж Б[аку] — из: 3/1.

^д Т[авриз] — из: 7/3.

^з А[страхань] — из: 1/2.

^а Б[аку] — из: 3/1.

^б Тивли [Тавриз] — из: 8/3 5/1 9/1 2/3 14/6.

^в Сар[атов] — из: 5/2 1/2 6/2.

^з Демон — из: 3/3 3/4 2/9 1/4 8/1.

№ 280

Н. К. Крупская — С. И. Радченко^a
В Петербург

19 (6) декабря 1901 г.

[. . .] Союз^b, видимо, тянет руку «Рабочего Дела»^в, и потому нельзя идти на уступки. Так, например, в Питере был представитель «Рабочего Дела». Союзники^г хотят устроить *до рождества*^д съезд партии^е [. . .]^ж

^a В письме № 280 ключ шифра — стихотворение М. Ю. Лермонтова «Сон».

^b Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

^в Журнал «экономистов», орган «Союза русских социал-демократов за границей».

^г Петербургский «Союз» и «Союз русских социал-демократов за границей».

^д *до рождества* — расшифровано из: 2.6 3.7 13.5 7.3 5.3 1.6 5.2 9.2 13.3 9.10.

^е партии — из: 4.1 4.4 15.5 6.12 10.7 7.1.

^ж В целях противодействия той огромной работе по созданию марксистской партии в России, которую проводил В. И. Ленин и руководимая им «Искра», «экономисты» в 1901—1902 гг. предприняли шаги по созыву съезда РСДРП. Расшифрованное письмо показывает, что редакция «Искры» была информирована об этом.

№ 317

А. А. Кузнецова из Киева —
Берлинской группе содействия «Искре»^a

31 (18) января 1902 г.

На чье имя было послано мне письмо на имя Шакаловой или в аптеку Койлю или Краевской^b. [. . .]

^a В письме № 317 ключ шифра — 20 07 14 10 17 02 23 02 20 10 15 19 12 29.

^b Расшифровано из: 302313011202508013-21819333205233506230534 12022932350-

41102233 1303104172424101703 0120 040 8260631291135041 8220266280408292631 0328100303011001200408.

№ 370

Ф. И. Дан из Белостока — В. И. Ленину^a

10 апреля (28 марта) 1902 г.

[. . .] Кроме того, приняты такие резолюции: *Во исполнения решений избран Орг[анизационный] ком[итет]. Выказались за созыв съезда к концу лета. Загр[аничные] представители оповестят комитеты. Место встречи согласуют организации: «Искра», «Лига», «Союз» в короткий срок*^b [. . .] «Борьбу»^в после заявления моего (подтвержденного товарищем прокурора), что группа эта в обеих наших организациях возбуждает одинаковое презрение, единогласно послали к черту. *Согласованы предложения для образования Загр[аничной] орг[анизационной] комиссии*^г. [. . .]

^a В письме № 370 ключ шифра — 11 05 10 20 24 13 12 01 08 18 24 00 11 20 17 06 00.

^b Расшифровано из: 215 200 905 12 13 292 802 19 210 81 01 806 01 17 25 27 090 104 26 01 13 17 04 14 08 20 24 24 26 03 15 23 01 10 10 18 06 27 25 21 25 01 02 09 25 29 15 24 10 02 21 04 12 11 23 13 19 16 04 190 31 40 82 52 62 70 30 12 0 17 29 28 111 41 207 11 17 24 28 05 200 80 224 26 09 06 14 29 20 12 23 12 07 21 07 02 06 14 19 07 09 24 18 11 18 25 16 25 19 09 26 29 17 10 25 01 11 08 25 26 192 31 62 21 9 20 26 010 50 917 16 11 25 180 30 80 40 91 30 31 63 14.

^в Резановско-стекловская группа «Борьба».

^г Расшифровано из: 116 2812 27 16 13 17 1926 23 2808 2528 1422 2114 222 116 28 114 29 для образования 18025 25 22 2417 02 20 09 06 02 01 27 23 09 204. Расшифрованные данные расширяют имеющиеся в литературе сведения о Белостокской конференции представителей комитетов и организаций РСДРП и ряде других вопросов, связанных с подготовкой II съезда партии.

Ф. И. Дан из Ярославля — редакции «Искры»^а

16 (3) апреля 1902 г.

Вот известие, которое прошу Вас абсолютно никому, кроме самого тесного круга и а ш и х, не передавать: пронесся слух, между прочим, о нем говорил на таких же условиях одному господину Бродяга^б, что *Геносе провокат[ор]*^в, как быть при таких условиях? [. . .]

Боюсь, что придется заехать еще в Орел^г [. . .]

В См^а на вокзале взят чем[одан], шедший багажом из Пск^е в Вор^ж [. . .]

Из См^з он уехал накануне моего приезда от Старухи^н в день моего приезда [. . .]

Я пишу Вам в Яр^к; должен был заехать и к Старухе, но не знаю, как быть [. . .]

^а В письме № 378 ключ шифра — «За немощ побили франца».

^б Сильвин М. А.

^в *Геносе провокат[ор]* — расшифровано из: 8/3 19/6 1/1 7/1 3/6 14/6 10/5 13/1 6/29 5/6 3/3 2/5 1/18 6/4. Геносе — Ермацкий (Коган) О. А.

^г Орел — из: 10/4 6/2 2/1 16/19.

^д См[оленск] — из: 2/12 2/7.

^е Пск[ова] — из: 1/3 10/7 18/3.

^ж Вор[онеж] — из: 14/3 15/2 15/4.

^з См[оленска] — из: 1/5 3/1.

^и Москва.

^к Яр[ославль] — из: 5/3 6/2.

№ 605

Н. К. Крупская — М. А. Лурье^а

В Екатеринослав

26 (13) августа 1902 г.

26/VIII. Мы получили Ваш адрес и шифр через Льеж [. . .]. Нам пишите по адресу: Lehmann, подписывайтесь Славин.

Ждем ответа, чтобы вступить в более тесную переписку. Всего лучшего. Через Льеж. Славин^б.

^а В письме № 605 ключ шифра — «Благонадежный».

^б Расшифровано из: 5.10 1.5 2.6 9.1 9.3

2.1 12.2 3.6 1.6 11.5 1.10 3.1 7.3 3.9
11.1. Славин — Лурье М. А.

¹ Для социал-демократов выпускались специальные пособия по шифровальному делу. В них обобщен опыт российских социал-демократических организаций по применению шифров, рассмотрены различные их виды, давались советы, как соблюдать конспирацию нелегальной переписки (*Бахарев В. О шифрах. Женева, 1902; Бундовец А. Шифрованное письмо. Женева, 1904.*)

² Название шифров приводится в соответствии с терминологией, которой пользовались социал-демократы в 1900—1903 гг.

³ К числу таких шифров относится гамбеттовский шифр, названный в честь Леона Мишеля Гамбетты (1838—1882) — французского политического и государственного деятеля, одного из лидеров буржуазной республики, который применял этот вид шифра для конспиративной переписки. Шифр по своему построению и применению сложный, и поэтому его описание не приводится. О шифрах искровцев см.: *Степанов В. Н. Ленин и Русская организация «Искры». М., 1968, с. 140—144.*

⁴ Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократиче-

скими организациями в России, 1900—1903 гг.: Сб. док.: В 3-х т./Ред. колл. М. С. Волин, А. Ф. Костин, Р. А. Лавров, Н. Р. Прокопенко, В. Н. Степанов; Подг. К. Г. Лященко, В. Н. Степанов, З. Н. Тихонова. М., 1969—1970. (Далее: Переписка. . .)

⁵ *Тихонова З. Н.* Переписка редакции ленинской газеты «Искра» как источник для истории местных социал-демократических организаций в России накануне революции 1905—1907 гг. — В кн.: Вопросы источниковедения истории первой русской революции: Сб. статей. М., 1977, с. 125; *Тарновский К. Н., Тихонова З. Н.* Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России, 1900—1903 гг.: (Археографические приемы подготовки издания). — АЕ за 1980 год. М., 1981, с. 10—11.

⁶ Расшифрованные письма, публикуемые в настоящей статье, приводятся в приложении 4 к диссертации автора «Конспирация в деятельности ленинской «Искры» (1900—1903 г.)»: Дис. . . . канд. ист. наук. М., 1980, с. 199—204. Машинопись.

Н. М. Таранев

**РАСПУБЛИКОВАНИЕ ТЕКСТА
ПЕРВОЙ СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И МЕСТНОЙ ПРЕССЕ 1918 г.**

Конституция РСФСР 1918 г. принадлежит к числу важнейших источников по истории советского общества. В ней, как и в других законодательных актах Советского государства, нашли свое отражение те огромные социально-экономические и политические изменения, которые произошли в нашей стране со дня победы Великой Октябрьской социалистической революции и до июля 1918 г. Конституция наметила широкую перспективу дальнейшего развития страны по пути к социализму.

В обширной историографии Конституции РСФСР 1918 г. проблема распубликования ее текста в периодической печати не нашла своего освещения. Некоторое внимание уделялось публикациям в отдельных сборниках законодательных актов¹.

Основная задача данной статьи состоит в том, чтобы охарактеризовать особенности распространения текста Конституции в 1918 г., взаимосвязь между опубликованием текста в центральной печати и перепечаткой его на местах, формы публикаций. Кроме того, делается попытка наметить этапы распространения текста Конституции за весь период ее действия.

Исследование построено на изучении комплектов центральных и местных газет 29 губерний и 19 уездов РСФСР за 1918 г., сохранившихся в центральных библиотеках ГБЛ, ИМЛ при ЦК КПСС, ИНИОН, ГПИБ. Из губернских газет рассматривались те, которые выходили в 1918 г. на территории, не занятой белогвардейцами и интервентами. Исключение составляют газеты Самарской, Симбирской и Казанской губерний, ненадолго захватывавшихся противником. Уездные газеты за этот год в указанных библиотеках часто представлены отдельными номерами, что не позволяет полностью ответить на вопрос о публикации текста Конституции на местах, но дает возможность проследить определенные закономерности этого процесса.

Представляется возможным выделить несколько этапов распубликования Конституции РСФСР 1918 г., каждый из которых отличается формами, интенсивностью и географией распространения текста.

При рассмотрении данных этапов, очевидно, нужно принимать во внимание период выработки и обсуждения ее проектов как предварительный, первоначальный этап распространения текста Конституции. Его хронологические рамки: 1 апреля 1918 г. (начало работы Комиссии по выработке Конституции Советской республики при ВЦИК) — 18 июля 1918 г. (принятие окончательной редакции текста Конституции Президиумом ВЦИК V созыва).

Названный этап был очень коротким, создавалась Конституция в чрезвычайной спешке — это признавали сами ее авторы². Но в то время и вся страна только еще приобретала опыт строительства первого в мире государства трудящихся. «Каждый месяц такой работы и такого опыта, — говорил В. И. Ленин на V Всероссийском съезде Советов, — стоит десять, если не двадцать лет нашей истории»³.

Хотя этот этап назван предварительным, но он имел большое значение, так как идеи Конституции и ее отдельные положения из проектов в том же виде или с небольшими изменениями вошли в окончательную редакцию текста и распространялись на территории РСФСР еще до ее принятия⁴.

Нужно отметить, что именно тогда они могли доходить до периферии, впоследствии занятой белогвардейцами и интервентами, куда текст Конституции, опубликованный 19 июля 1918 г., уже не мог попасть или попал спустя длительное время.

Несмотря на то что по современным понятиям широкого, всенародного обсуждения проектов Конституции не было⁵, работа по созданию Советского Основного Закона несомненно имела большое влияние на массы. Центральная и губернская печать довольно много места уделяли освещению процесса выработки Конституции, публиковали ее проекты, комментарии к ним. В «Правде» 3 и 4 апреля 1918 г. под заголовком «Организация Российской Федеративной Республики» публиковалась беседа с народным комиссаром по национальным делам И. В. Сталиным, членом Комиссии ВЦИК по разработке Конституции. Другой член Комиссии — Ю. М. Стеклов выступил в «Известиях ВЦИК» со статьями «Русское гражданство» и «Конституция Советской России»⁶, в которых излагал свою точку зрения о принципах, на которых должна быть создана Конституция.

Начало деятельности Комиссии по разработке Конституции привлекло внимание и на местах. Помимо информации о создании Комиссии, стали публиковаться и связанные с ее работой материалы. Так, в Иваново-Вознесенске статья Стеклова «Конституция Советской России» была напечатана в качестве передовицы⁷.

12 апреля 1918 г. «Известия ВЦИК» поместили отчет о заседании Комиссии по выработке Конституции, включавший характеристику проекта, с которым выступил М. А. Рейснер, а позже — его статью «Советская власть и федерация. (К вопросу о Конституции)». Редакция указывала, что этой статьей она открывает дискуссию «по вопросу о Конституции Советской республики и приглашает товарищей высказываться по этому вопросу»⁸.

Рейснер предлагал расширить понятие федерации. По его мнению, под «федерацией» нужно понимать территориальную организацию социально-экономических союзов, возглавляемую Советом. Автор характеризовал систему Советов, частично уже сложившуюся, но требующую разработки и утверждения в Конституции, как систему, в которой «каждый высший Совет состоит из представителей низшего».

Дискуссию о взаимоотношении центральной и местной власти, которая проводилась на страницах газеты в марте—апреле, продолжала статья В. А. Тихомирнова «К вопросу об областной и центральной власти». Эту статью отличает важный для нас момент. Автор предлагал для ликвидации в будущем возможности трений между центральными органами и органами тех областей, где расположена центральная власть, внести в Конституцию пункт о том, что «в подобных случаях областных аппаратов власти не создается, а для представительства интересов области областной съезд делегирует по одному представителю в коллегии комиссариатов центрального правительства с правом решающего голоса в вопросах, касающихся области»⁹. Такой пункт не был внесен в текст Основного Закона, но вопросы взаимоотношений центральных и местных органов Советской власти были упорядочены Конституцией.

В апреле-мае 1918 г. центральная печать, продолжая освещать ход выработки Конституции, распространяла основные идеи конституционного строительства в массах.

В «Известиях ВЦИК» были опубликованы «Общие положения Конституции РСФСР» и проект раздела «Компетенция Всероссийских съездов Советов»¹⁰.

Выработанный Стекловым проект «Декларации прав и обязанностей трудящихся», которая, по мнению Комиссии ВЦИК, должна была составить вводную часть Конституции Советской Социалистической Федеративной Республики, был напечатан 1 мая¹¹. Пункты проекта о мерах, необходимых для того, чтобы постепенно вырвать капитал из рук буржуа-

зии, обеспечить переход средств производства в собственность Советского государства и возможно скорее увеличить массу производительных сил, взятых из «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», утвержденной III Всероссийским съездом Советов и впоследствии, по предложению В. И. Ленина, вошедшей в качестве первого раздела в Конституцию. Другие пункты ленинской Декларации, хотя и в измененных формулировках, также вошли в проект Стеклова.

Вскоре появился в печати проект положения «О Российских Совдепах», предложенный третьей подкомиссией (А. И. Бердников, Г. С. Гурвич, М. И. Лацис) Комиссии по выработке Конституции¹².

Публикация проектов разделов Конституции, отражавших принципы, на которых основывалась Советская республика, характер избирательной системы и т. д., вызвала обсуждение в печати. Буржуазные газеты подвергли проекты критике¹³. Им ответила «Правда» редакционной статьей «Конституция не нравится!»¹⁴.

Первые публикации проектов отдельных частей Конституции несомненно имели большое значение в упрочении основ советского строя и подготовке почвы для восприятия основных идей и принципов первой Советской Конституции. Например, военная секция Кронштадтского Совета постановила, что «лица, не стоящие на советской платформе, не могут быть членами Совета»¹⁵. Это постановление было откликом на обсуждение в центральной печати основных положений советского избирательного права, отражением стремления народных масс к утверждению классовой сущности Основного Закона РСФСР.

По мере приближения V Всероссийского съезда Советов в печати появлялось все больше материалов, связанных с созданием Конституции. «Известия ВЦИК» ввели специальную рубрику: «К выработке Советской Конституции». 19 июня 1918 г. под этой рубрикой были опубликованы проекты «Декларации прав и обязанностей трудящихся» и раздела об избирательном праве, принятые Комиссией ВЦИК. 22 июня была осуществлена сводная публикация проектов восьми разделов Конституции: 1. Декларация прав и обязанностей трудящихся (Проект, принятый Комиссией ЦИК¹⁶ по выработке Советской Конституции), 2. Общие положения Конституции Советской Федеративной Республики (Проект, принятый Комиссией ЦИК), 3. О Российских Советах (Проект, принятый Комиссией ЦИК), 4. Взаимоотношения ВЦИК и Совнаркома (Проект, не обсуждавшийся Комиссией ЦИК), 5. Основные положения бюджетного права (Проект, не рассмотренный Комиссией ЦИК), 6. Об отделах Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, 7. О декретах (Проект, не обсуждавшийся Комиссией ЦИК), 8. Компетенция Советов и съездов Советов (Проект, не обсуждавшийся Комиссией ЦИК). 25 и 27 июня публикация продолжалась. Эта подборка проектов распространялась также в губерниях и уездах¹⁷. Интересно отметить, что даже в том случае, когда сами проекты в местной печати не публиковались, руководящие органы Советской власти ссылались на них, использовали их в практической работе. Например, президиум Ярославского губисполкома определял нормы представительства на губернский съезд Советов «согласно проекту Конституции»¹⁸. Тульский губисполком организовал цикл лекций по таким темам, как «Организация Советской власти в центре и на местах», «Конституция Советской власти», «Структура Советов: съезды, исполнительные органы, отделы и канцелярии»¹⁹.

С 28 июня 1918 г. к работе по составлению текста Конституции подключилась специальная Комиссия ЦК РКП (б) во главе с В. И. Лениным, которая много сделала для выработки Конституции РСФСР 1918 г.

Перед самым открытием V съезда Советов появился проект полного текста Конституции в «Известиях ВЦИК» 3 июля 1918 г. По этому проекту Конституция состояла из четырех разделов: 1. Декларация прав и обязанностей трудящихся; 2. Общие положения Конституции РСФСР; 3. Конституция Советской власти (с подразделами: А. Организация центральной

власти, Б. Организация Советской власти на местах); 4. Об избирательном праве. Затем были опубликованы проект, разработанный коллегией Наркомата юстиции «с участием редакторов М. А. Рейснера и А. Г. Гойхбарга», и проект, представленный V съезду Советов Комиссией по выработке Конституции при ВЦИК²⁰. Проекты, опубликованные 3 и 5 июля, создавались под руководством Комиссии ЦК РКП (б), а публиковались от имени Комиссии ВЦИК.

Через некоторое время проекты полного текста Конституции стали появляться и в губернской печати (см. Приложение, табл.).

Кроме проектов, на страницах центральной печати помещались статьи, содержавшие их разбор: Б. Волина «Тайна буржуазии», И. Рабчинского «К советской Конституции», Г. Дамберга «К выработке советской Конституции»²¹. Названные статьи, в которых создание Советской Конституции рассматривалось как разработка плана строительства социалистического государства и давалась характеристика проектов некоторых ее разделов (Об избирательном праве, О Российских Советах), вызвали интерес на местах. Этим, очевидно, можно объяснить, что статьи Волина и Рабчинского были сразу же перепечатаны²².

Губернская печать дала также и образцы собственного, позитивного анализа проектов Конституции. Например, в статье Н. Копылова отмечалось, что рожденная с помощью «народно-революционного творчества» Конституция разрешает наболевшие вопросы, так как «точное разграничение сфер действий и степени компетенции центральных и местных органов Советской власти в значительной степени облегчает задачи управления Советской республикой»²³.

Проект Конституции, выработанный Комиссией ВЦИК, подвергся критике со стороны левых эсеров. Один из них, скрывшийся за инициалами Л. Б., в статье «К вопросу о советской Конституции» выступил против неравной квоты на выборах у рабочих и крестьян, призвал к ликвидации Совнаркома за счет слияния его с ВЦИК и т. д.²⁴ Ясно, что левые эсеры видели классовую направленность Конституции и не желали закрепления преимуществ пролетариата при выборах на съезды Советов.

В день утверждения Конституции V Всероссийским съездом Советов «Известия ВЦИК» поместили сообщение о том, что «проект советской Конституции представлен 5-му съезду Советов в измененной редакции»²⁵. Текст в измененной редакции целиком не давался, приводились только названия разделов с отсылкой к проекту, помещенному в той же газете 5 июля. Полностью были напечатаны тексты трех новых глав — «О съездах Советов», «О Советах депутатов» и «О предметах ведения органов Советской власти на местах», которые заменили 12 громоздких глав, ранее составлявших подраздел Б раздела II Конституции. Публиковались также и частичные изменения вновь введенного раздела «О бюджетном праве».

Как известно, V Всероссийский съезд Советов утвердил Конституцию Советской республики вместе с ленинской Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятой на III Всероссийском съезде Советов как Основной Закон РСФСР.

11 июля 1918 г. «Известия ВЦИК» последний раз под рубрикой «К выработке советской Конституции» поместили резолюцию V Всероссийского съезда о Советской Конституции и дополнения к ее тексту, принятые на том же заседании: «Проект советского бюджетного права» и «О гербе и флаге РСФСР».

Съезд поручил ВЦИК провести окончательное редактирование текста и его опубликование.

Вторым и наиболее важным является этап распубликования окончательно отредактированного Президиумом ВЦИК текста Конституции РСФСР 1918 г. на территории Советской республики. Хронологические рамки этого этапа: 19 июля 1918 г. (опубликование текста в «Известиях ВЦИК») — 1920 г. (окончание гражданской войны). Это согласуется

и с постановлением V Всероссийского съезда Советов о том, что «Основной Закон вступает в действие с момента его опубликования в окончательной форме в «Известиях Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов». Он должен быть распубликован всеми местными органами Советской власти и выставлен во всех советских учреждениях на видном месте»²⁶. О публикации текста в «Известиях ВЦИК» было сообщено Петроградским телеграфным агентством²⁷.

Данный этап, на наш взгляд, имеет и собственную периодизацию. Периоды этого этапа также различаются интенсивностью и формами распространения текста Конституции.

Первый период — 19—22 июля 1918 г. В этот короткий промежуток времени распространение текста Конституции было связано с центральной газетой — «Известия ВЦИК» от 19 июля (№ 151). В других газетах полный текст Конституции в это время не помещался²⁸.

Первый период, несмотря на свою краткость, был очень важным. Газета «Известия ВЦИК», имевшая в 1918 г. ежедневный тираж 324 тыс. экземпляров, распространялась очень широко, и ее получали во всех местных Советах²⁹.

Именно эффективностью, быстротой распространения номера газеты с текстом Конституции можно объяснить тот факт, что уже 23 июля 1918 г. начинается широкая публикация этого текста на местах³⁰. Материалов, свидетельствующих об ином способе передачи текста Конституции в губернии и уезды, нам выявить не удалось. Среди бюллетеней Бюро печати при СНК РСФСР и радиogramм с постановлениями ВЦИК и СНК за этот период сведений об этом нет³¹.

Эти изменения масштабов и характера публикаций определяют начало второго периода распространения текста Конституции. Формы опубликования текста различны. По таблице можно проследить, что полный текст Конституции, кроме Москвы, был напечатан в таких губернских центрах, как Тверь, Пенза, Саратов, Рязань, Вятка, Петрозаводск, Петроград, Воронеж, Нижний Новгород и др.; в уездных центрах: Кашине (Тверская губерния), Егорьевске и Спасске (Рязанская губерния) и др. Появлялись в этот период в местной печати и извлечения из текста Конституции в виде отдельных статей.

Текст Конституции в местной печати иногда помещался под рубриками: «Отдел официальный. Действия правительства», «Действия и распоряжения правительства», или еще добавлялось распространенное тогда «Всем, всем!»³². При публикации отдельных статей Конституции им иногда давались от редакции заголовки: «Действия местной власти. К предстоящим выборам в городской Совет» или «От отдела управления. . . губернского Совета»³³.

В основной массе рассматриваемых нами губернских газет текст Конституции был помещен в течение последней недели июля — первой недели августа 1918 г. В некоторых городах — Воронеже, Нижнем Новгороде — позже. Вслед за губернскими текст Конституции начинали печатать уездные газеты. Но в это же время (первая неделя августа) текст Конституции и другие «материалы агитационного характера, появляющиеся в печати, как-то: отчеты съездов, конференций, . . . декларации Советской власти и проч.»³⁴, начинают издаваться в виде брошюр. Об этом, например, сообщил в своем докладе II областному съезду Советов союза коммун Северной области комиссар печати, агитации и пропаганды Н. Кузьмин.

Начало распространения текста Конституции в форме брошюры, очевидно, было отделено от ее печатания определенным сроком, минимум которого можно определить в неделю. Скорее всего, распространение текста в новой форме началось не ранее середины августа 1918 г. Этим временем и определяется конец второго, чисто «газетного» периода и начало третьего, «смешанного» (по формам) периода.

Процесс распубликования текста Конституции постоянно расширялся. Однако его скорость не удовлетворяла центральные органы Советской

власти, и 16 августа 1918 г. Президиум ВЦИК отдал распоряжение, переданное по радиотелеграфу, практически дублирующее и уточняющее решение V Всероссийского съезда Советов. Этим распоряжением всем Советам вменялось в обязанность вывесить текст Конституции РСФСР не только в советских учреждениях, но и на «станциях железных дорог и других присутственных местах»³⁵. Получившее широкое распространение³⁶, это распоряжение дало новый импульс к распространению текста Конституции. При наличии разных форм все же основную роль играют в это время газетные публикации. Начавшись в середине августа, третий период продолжался до 20-х чисел ноября.

Четвертый период является также смешанным по формам распространения текста. Но теперь основной формой является брошюра с текстом Конституции, а газетные, журнальные публикации, издания в тематических сборниках законодательных актов, а также в виде листовок — плакатов являются вспомогательными. Начало периода мы связываем с рассылкой брошюр с текстом Конституции из ВЦИК в волостные, уездные и некоторые губернские Советы в 20-х числах ноября 1918 г.³⁷ Завершение этого периода, по нашему мнению, совпадает с концом второго этапа, хронологически относится к 1920 г. и связано с окончанием гражданской войны, т. е. уже выходит за рамки данной статьи.

Существовал, на наш взгляд, и третий этап распространения текста Конституции, начало которого — переход на мирную работу, а окончание связано с принятием Конституции СССР 31 января 1924 г.

Характер публикаций текста Конституции в периодической печати 1918 г. был чрезвычайно разнообразным. Образцом газетной публикации является публикация в «Известиях ВЦИК» от 19 июля 1918 г. На целой полосе, под крупным заголовком был помещен полный текст Конституции РСФСР (Основного Закона) вместе с постановлением V Всероссийского съезда Советов.

В такой форме — в одном номере или в приложении к газете — нам удалось обнаружить еще пять публикаций текста: в трех губернских центрах — Петрозаводске³⁸, Петрограде³⁹ и Нижнем Новгороде⁴⁰ и в двух уездных — Егорьевске и Спаске (Рязанская губерния)⁴¹. В ряде газет текст Конституции печатался компактными группами глав и статей, более или менее большими. Так, «Известия Бронницкого уезд. Совета крест. и раб. деп.» напечатали текст Основного Закона РСФСР в два приема⁴², разделив его примерно пополам, на статьи 1—48 и 49—90. «Известия» в Твери сразу опубликовали I и II разделы Конституции (23 статьи), в следующем номере — раздел III (40 статей), затем последние три раздела (27 статей)⁴³. В такой же форме публиковался текст в Пензе, Костроме, Рязани⁴⁴ и началась его публикация в Воронеже, Моршанске (Тамбовская губерния), Котельниче⁴⁵. Несколько иная форма — в каждом номере газеты по одному разделу или по одной-две главы Конституции — была основной для публикации текста в Иваново-Вознесенске, Саратове, Вятке, Кашине, Шуе⁴⁶.

В ряде газет текст Конституции появлялся не полностью, а в виде отдельных его глав и статей. Как видно из таблицы, наиболее часто публиковалась 17-я глава, содержащая в статьях 89 и 90 описание герба и флага РСФСР⁴⁷. Это, очевидно, диктовалось необходимостью утверждать новую, советскую государственную символику в сознании масс. Борьба с засоренностью Советов враждебными элементами⁴⁸ вызывала потребность в широком распространении текста статей 57, 64 и 65⁴⁹.

Необычную форму публикации текста гл. 5 раздела II Конституции «Общие положения Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» избрали в Орле. В течение трех с половиной месяцев, с 15 сентября по 31 декабря, в произвольных комбинациях, в количестве от одной до девяти на первой, второй и третьей страницах газеты⁵⁰ печатались ст. 9—23 Конституции, в которых были раскрыты задачи, стоявшие перед Конституцией, права и обязанности трудящихся. Чаще всего

появлялись ст. 9 (14 раз) и ст. 10 (13 раз), реже — статьи 15, 16, 21 (3 раза), ст. 17 (2 раза), а ст. 11 ни разу не была помещена. Отличительной чертой данных публикаций является также то, что, хотя суммарное количество опубликованных статей перевалило за 100, а количество номеров газеты, в которых эти статьи Конституции были напечатаны, — за 50, при этом ни разу не говорилось об их принадлежности к Конституции РСФСР. В указанных номерах газеты не содержалось никаких комментариев к статьям Конституции, не прослеживается также и какая-либо (тематическая, идейная) связь при опубликовании тех или иных статей раздела II Конституции с другими материалами номера газеты. Можно предположить стремление газеты внедрить в память, в сознание читателей общие положения Конституции, пусть даже без ссылки на нее. Во всяком случае, даже если такой задачи специально и не ставилось, она, по нашему мнению, вполне могла быть достигнута за счет длительного срока публикаций и многократного воздействия на читателей.

Рассмотрим другую форму — публикации текста Конституции с комментариями. Такого рода публикации в периодической печати 1918 г. имели для своего времени огромное значение. Низкий уровень культуры, образованности населения, молодость Советского государства к моменту появления Конституции — все это требовало тщательного, доступного разъяснения содержания и самого текста Конституции. Особенно это было необходимо в деревне, где с созданием комитетов бедноты разворачивалась и усиливалась классовая борьба.

При рассмотрении этой формы публикации текста Конституции мы можем выделить два направления. Первое — публикация цикла статей с подробной характеристикой всех разделов Конституции⁵¹, иногда в сравнении с основными законами Российской империи⁵², и второе — публикация текста отдельных статей Конституции внутри газетных материалов: передовиц, отдельных статей и заметок⁵³.

Первое направление ярко характеризуется статьями Нежданова и Николая Огнева⁵⁴. В этих статьях была подробно проанализирована Конституция РСФСР. Особое внимание было уделено «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», так как в ней, по мнению автора, выражены «цель, смысл и задачи трудового государства рабочих и крестьян». Кроме того, более подробно рассматривался подраздел Б раздела III Конституции «Организация Советской власти на местах». Интерес автора был связан с тем, что «общий взгляд на организацию местных учреждений Советской России дает возможность убедиться в единстве и стройности новой Конституции. Она проникнута сверху донизу идеей диктатуры пролетариата, лозунгом полновластия масс»⁵⁵.

Для нашего исследования ценность подобных комментариев к Конституции состоит еще и в том, что, кроме подробного разбора статей Конституции и авторского их изложения, приводятся тексты ряда статей (см. табл.).

Появление текстов отдельных статей Конституции в периодической печати связано, как правило, с рассмотрением роли и значения данных статей для определения сущности Советской власти, ее классового характера, создания стройной системы государственных органов, уяснения федеративных начал Советской республики.

Начало этому направлению публикаций текста Конституции положили статьи В. А. Карпинского — «Самые важные статьи нашей Конституции» и «Наша Конституция. (Что такое Советская республика)»⁵⁶. В них содержался текст нескольких статей Конституции: статьи 64, 65 и др. Эти материалы «Бедноты» оказали большое влияние на местную печать. В Перми их перепечатали⁵⁷. В других местах, скорее всего под их влиянием, в печати появились подобные материалы: передовица «Самые важные статьи нашей Конституции»⁵⁸ и большая статья В. Эйгеса «Советская Конституция»⁵⁹. В этих газетных материалах мы обнаруживаем и тексты ст. 8, 64, 65 Конституции. Тексты статей 3 и 10 были включены в заметку

«Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики», опубликованной к созыву Камышинского уездного съезда Советов ⁶⁰.

Необходимо отметить, что влияние первой Конституции Советского государства на все сферы общественной жизни, и особенно на практическую работу на местах, было огромным. Особенно важным, и это напрямую связано с распространением текста Конституции РСФСР, было то, что она представляла мощную опору в виде Основного Закона Советской власти для развития организаторской, политической и идеологической работы.

Значение Конституции для укрепления советского строя, возможность ее использования для очистки Советов от контрреволюционных элементов и представителей эксплуататорских классов хорошо понимали в центре. Еще до 10 июля (день принятия Конституции) всем губернским и уездным Советам была разслана телеграмма наркома внутренних дел Г. И. Петровского. В ней было отмечено, что зажиточные и кулацкие слои деревни пытаются «захватить в свои руки Советь», и предписывалось всем уездным, волостным и сельским Советам «строжайше проводить постановление Всероссийского съезда Советов о полном устранении от всякой советской работы и участия в выборах в Совет всех зажиточных и кулацких элементов деревни. Всех кулаков, принимавших до сих пор участие в выборах Совета и работающих в них, арестовать и предать суду за *нарушение основ Советской Конституции*» ⁶¹.

Большая значимость Конституции была ясна и низовым работникам. Так, в передовице, посвященной 3-му уездному съезду Советов в Верее (Московская губерния), это определялось следующим образом: «Некоторые сильные тормоза — которыми тормозили выборы — это не знали правильно, кто имеет и кто не имеет право избирать и быть избранным в Советы. Теперь этот тормоз устраняется согласно выработанной и утвержденной V Всероссийским съездом Советов Конституции, (Основной Закон) Социалистической Федеративной Советской Республики» ⁶².

Приведенный материал свидетельствует и о том, что на местах были знакомы с Конституцией, несмотря на то что в части уездных газет, в том числе и в Верее, из-за малого формата, недостатка бумаги, редкого выхода ее текст не публиковался ⁶³.

Подведем некоторые итоги. Взятые для анализа газеты 29 губерний и 19 уездов за 1918 г. составляют, по нашему мнению, представительный комплекс источников, который дает возможность в достаточной мере охарактеризовать процесс распубликования текста Конституции РСФСР 1918 г. в периодической печати того времени.

При рассмотрении центральных и губернских газет нам удалось выяснить, что проекты Конституции публиковали в 5 губерниях, полный текст — в 12, отдельные главы и статьи — в 9. Не выявлены публикации текста в 8 губерниях. По уездам соотношение соответственно следующее: 1, 7, 6, 6 ⁶⁴.

Исходя из рассматриваемого количества губерний и уездов, можно заключить, что центры, в которых текст не публиковался (или не был выявлен), составляют по губерниям не многим более четверти, а по уездам — менее трети. Однако, учитывая, что газеты ряда городов, не публикуя текста Конституции, использовали его (ссылались на него, упоминали в своих материалах и т. д.), мы можем говорить о большой широте процесса распространения текста первого советского Основного Закона.

Поскольку централизованная рассылка текста Конституции в бюллетенях началась только в конце мая, можно считать, что основную роль в распространении текста Основного Закона в 1918 г. сыграли газеты.

Распубликование текста первой Советской Конституции в центральной и местной периодике 1918 г. имело неопределимое значение для партийных, советских, военных и хозяйственных кадров, осуществлявших руководство социалистическим строительством и его защитой от внутренних и внешних

врагов. Эти публикации послужили созданию необходимой источниковой базы для изучения социалистических преобразований в нашей стране.

Исследование периодической печати по данной проблеме приводит к выводу о том, что ряд вопросов требует дальнейшей разработки. Необходимо продолжить выявление недостающих газет, которые, возможно, имеются в местных библиотеках, а также привлечь и другие источники, прежде всего архивные, и воспоминания современников. Следует глубже проанализировать связь между различными формами распубликования текста.

- ¹ Селезнев М. С. О публикации законодательных актов Советского государства в 1917—1920 годах. — АЕ за 1961 год. М., 1962, с. 126—144.
- ² К 5-му Всероссийскому съезду Советов: Отчет Народного Комиссара юстиции. — Изв. ВЦИК, 1918, 9 июля.
- ³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 499.
- ⁴ Примером этого могут служить Екатеринбург и Симбирск. «Известия Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и армейских депутатов» опубликовали следующие проекты: «Декларация прав и обязанностей трудящихся» — 18 мая и «О Российских Советах (В «Известиях ВЦИК» — О Российских Совдепах)» — 28 мая. «Известия Симбирского Совета крест., раб. и солд. деп.» 21 мая поместили проект «О Российских Совдепах».
- ⁵ В той или иной степени этот вопрос остается открытым, хотя бы на уровне губерний. Дело в том, что в мае 1918 г. было опубликовано предписание «Всем губернным Совдепам» о присылке в Наркомат внутренних дел инструкции, устава, наказа местного Совета для Комиссии при ВЦИК, разрабатывавшей «вопрос о советской Конституции и конструкции Советов» (Известия Уфимского губернского Совета народных комиссаров, 1918, 14 мая; Известия Московского губернского Совета раб., солд. и крест. деп., 1918, 31 мая). Это предписание не могло пройти мимо губернских Советов, и, скорее всего, определенная работа в этом направлении проводилась. Некоторые материалы, присланные в Комиссию (инструкции о правах и обязанностях Советов и др.), хранятся в ЦГАОР СССР (ф. 6980, оп. 1, д. 13, 16).
- ⁶ Известия ВЦИК, 1918, 3, 4 апр.
- ⁷ Рабочий край (Иваново-Вознесенск), 1918, 9 апр.
- ⁸ Известия ВЦИК, 1918, 17 апр.
- ⁹ Известия ВЦИК, 1918, 30 апр.
- ¹⁰ Известия ВЦИК, 1918, 25, 30 апр.
- ¹¹ Известия ВЦИК, 1918, 1 мая.
- ¹² Известия ВЦИК, 1918, 15 мая.
- ¹³ Свободная Россия, 1918, 17 мая; Раннее утро, 1918, 19 мая.
- ¹⁴ Правда, 1918, 19 мая.
- ¹⁵ Самойлова К. Кто может быть членом Совета. — Северная коммуна (Известия Центр. Исп. Ком. Советов крест., раб. и красноарм. деп. Северной обл. и Петроградского Совета раб. и красноарм. деп.), 1918, 9 июня. (Далее: Северная коммуна (Петроград)).
- ¹⁶ Здесь и далее так в тексте.
- ¹⁷ Орловские известия Советов раб., солд. и крест. деп., 1918, 2 июля. (Далее: Известия (Орел)); Известия Рыбинского Совета раб., крест. и красноарм. деп., 1918, 17 июля. (Далее: Известия (Рыбинск)).
- ¹⁸ Известия Советов раб., крест. и красноарм. деп. г. Ярославля и Ярославской губ., 1918, 26 июня.
- ¹⁹ Революционный вестник Советов крест. и раб. деп. г. Тулы и Тульской губ., 1918, 5, 6 июля. (Далее: Революционный вестник (Тула)).
- ²⁰ Известия ВЦИК, 1918, 4, 5 июля.
- ²¹ Правда, 1918, 4 июля; Известия ВЦИК, 1918, 4, 5 июля.
- ²² Известия исполн. ком. Владимирского губ. и уезд. Советов раб., солд. и крест. деп., 1918, 6, 7 июля. (Далее: Известия (Владимир)); Знамя революции (Казань), 1918, 9 июля.
- ²³ Копылов Н. Советская Конституция. — Революционный вестник (Тула), 1918, 7 июля.
- ²⁴ Известия Кашинского Совета раб., крест. и красноарм. деп., 1918, 12, 14 июля. (Далее: Известия (Кашин, Твер. губ.)).
- ²⁵ Известия ВЦИК, 1918, 10 июля.
- ²⁶ Известия ВЦИК, 1918, 19 июля.
- ²⁷ Известия Новгородской губ. исполн. ком. Совета раб., красноарм. и крест. деп., 1918, 21 июля.
- ²⁸ «Рабочий край» — газета вновь образованной Иваново-Вознесенской губернии, поместив раздел I Конституции 21 июля, продолжила публикацию последующих разделов 23 июля (см. табл. в наст. статье).
- ²⁹ БСЭ. 1-е изд. 1933, т. 27, с. 533; Известия ВЦИК, 1918, 17 мая.
- ³⁰ Известия Тверского Совета раб., крест. и красноарм. деп., 1918, 23 июля (Далее: Известия (Тверь)); Известия Пензенского Совета раб. и крест. деп., 1918, 23 июля. (Далее: Известия (Пенза)); Саратовская красная газета, 1918, 23 июля; и др.
- ³¹ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 93, д. 15, 16.
- ³² Известия Нижегородского отдела гражд. упр., 1918, 13 сент. (Далее: Известия (Н. Новгород)); Известия Воронежского губ. исполн. ком. Совета раб. и крест. деп. и гор. Совета раб. и красноарм. деп., 1918, 11 авг. (Далее: Известия (Воронеж)); Известия Котельничского исполн. ком. Совета крест., раб. и арм. деп., 1918, 1 сент. (Далее: Известия (Котельнич, Вятская губ.)).

- ³³ Известия (Пенза), 1918, 25 сент.; Ополчение бедноты (Пенза), 1918, 21 сент.
- ³⁴ Северная коммуна (Петроград), 1918, 6 авг. Прилож. к № 72.
- ³⁵ ДСВ. М., 1964, т. 3, с. 211.
- ³⁶ Известия Козловского Совета раб., крест. и красноарм. деп., 1918, 18 авг. (Далее: Известия (Козлов, Тамбовская губ.); Известия (Н. Новгород), 1918, 30 авг.; и др.
- ³⁷ ЦГАОР СССР, ф. 6980, оп. 1, д. 18, л. 4.
- ³⁸ Известия Олонцовского губ. исполн. ком. Советов крест., раб. и красноарм. деп., 1918, 3 авг. Прилож.
- ³⁹ Северная коммуна (Петроград), 1918, 5 авг. Прилож.
- ⁴⁰ Известия (Н. Новгород), 1918, 13 сент.
- ⁴¹ Известия Советов раб. и крест. деп. г. Егорьевска и уезда, 1918, 8 авг.; Изв. Спасского Рязанской губ. уезд. Совета, 1918, 13 авг.
- ⁴² № 24 от 9 окт. и № 25 от 23 окт. 1918 г.
- ⁴³ Известия (Тверь), 1918, 23, 24, 25 июля.
- ⁴⁴ Известия (Пенза), 1918, 23—25 июля; Советская газета (Кострома), 1918, 23—25 июля; Известия Рязанского губ. Совета раб. и крест. деп., 1918, 26—30 июля.
- ⁴⁵ Известия (Воронеж), 1918, 11 авг.; Борьба (Моршанск, Тамбовская губ.), 1918, 25 авг.; Известия (Котельнич, Вятская губ.), 1918, 1 сент. К сожалению, мы можем охарактеризовать лишь начало или часть публикации, так как последующие (Воронеж, Саратов) или предыдущие (Моршанск, Котельнич) номера газет ни в одной из центральных библиотек обнаружить не удалось.
- ⁴⁶ Рабочий край (Иваново-Вознесенск), 1918, 21, 23—26, 28 июля; Саратовская красная газета, 1918, 23 июля; Известия Вятского губ. исполн. ком. Советов крест., раб. и солд. деп., 1918, 27, 28, 30, 31 июля, 1 авг.; Известия (Кашин, Тверская губ.), 1918, 28, 31 июля, 2, 3, 4, 7, 8 авг.; Известия Шуйского Совета, 1918, 23—27 июля.
- ⁴⁷ Изв. Брянского рай. Совета раб., крест. и красноарм. деп., 1918, 21 июля; Революционный вестник (Тула), 1918, 23 июля; Веневский революционный вестник (Венев, Тульская губ.), 1918, 24 авг.; Крестьянские и рабочие думы. Орган Северо-Двинского исполн. ком. Совета раб., крест. и красноарм. деп. (Великий Устюг), 1918, 9, 11 окт.
- ⁴⁸ Известия (Владимир), 1918, 30 июля; Известия Верейского Совета крест. и раб. деп. (Верея, Московская губ.), 1918, 25 авг.
- ⁴⁹ Ополчение бедноты (Пенза), 1918, 21 сент.; Известия (Пенза), 1918, 23, 25 сент.; К съезду Советов. — Курская беднота. Орган курского губ. исполн. ком., гор. Совета деп., губ. и гор. ком. РКП (б), 1918, 12 окт.
- ⁵⁰ Известия (Орел), 15 сент., 20 сент. — 31 дек.
- ⁵¹ Известия (Козлов, Тамбовская губ.), 1918, 4, 6, 7, 8, 13, 21, 22 авг.
- ⁵² Красная газета (Петроград), 1918, 21—24 авг.
- ⁵³ Известия Новоторжского уезд. Совета раб. и крест. деп. (Торжок, Тверская губ.), 1918, 23 июля; Известия Совета раб., крест., и казачьих деп. Камышинского уезда (Камышин, Саратовская губ.), 1918, 27 сент.; Беднота, 1918, 21 июля; Известия (Пермь), 1918, 30 июля; Известия (Рыбинск, Ярославская губ.), 1918, 25 авг.
- ⁵⁴ Скорее всего, это один и тот же автор, так как статьи объединены одной темой, очень схожи по стилю и близки по срокам публикации (*Нежданов*. Новая декларация прав. — Изв. (Козлов), 1918, 4 авг.; *Огнез Николай*. Фундамент Советской республики: (Очерки Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятой 10 июля 1918 г.). — Известия (Козлов), 1918, 6, 7 авг.; *Он же*. Конструкция Советской власти: (Очерки по теории социалистической Конституции). — Известия (Козлов), 1918, 8, 13, 17, 21, 22 авг.
- ⁵⁵ Изв. (Козлов), 1918, 13 авг.
- ⁵⁶ Беднота, 1918, 21, 23, 24 июля.
- ⁵⁷ Известия (Пермь), 1918, 30 июля, 6 авг.
- ⁵⁸ Известия (Торжок, Тверская губ.), 1918, 23 июля.
- ⁵⁹ Известия (Рыбинск, Ярославская губ.), 1918, 25 авг.
- ⁶⁰ Известия (Камышин, Саратовская губ.), 1918, 27 сент.
- ⁶¹ Известия (Бронницы, Московская губ.), 1918, 10 июля; Советская газета (Кострома), 1918, 11 июля (курсив мой. — *Н. Т.*).
- ⁶² Изв. (Верея, Московская губ.), 1918, 25 авг.
- ⁶³ Ссылки на Конституцию имеются, например, в газетах «Известия Вяземского Совета солд., раб. и крест. деп.» (Вязьма, Смоленская губ.), 1918, 8 авг. и «Вестник Старицкой коммуны» (Старицы, Тверская губ.), 1918, 13 сент.
- ⁶⁴ Несоответствие между количеством губерний и уездов и суммой указанных публикаций объясняется тем, что в некоторых губернских и уездных центрах (в Москве, Орле, Пензе, Рыбинске) публикации осуществлялись в нескольких из указанных форм.

Т а б л и ц а
Публикации текста Конституции РСФСР 1918 г. в прессе *

№ п/п	Место публикации (губернские и уездные центры) **	Газета	Дата публикации	Форма публикации	Примечания
1	Астрахань	Известия. . .		Текст не выявлен	
2	Великий Устюг (Северодвинская губ.)	Крестьянские и рабочие думы	9, 11 октября	Гл. 17	
3	Владимир	Известия. . .	19 июля	Текст не выявлен	
4	Вологда	Известия. . .	19 июля	Проект	
5	Воронеж	Известия. . .	11 августа	Полный текст	Начало публикации. Последующие номера газеты не обнаружены
6	Вятка	Известия. . .	27 июля—1 августа	То же	
7	Котельнич	Известия. . .	1 сентября	» »	Окончание публикации. Предыдущие номера газеты не обнаружены.
8	Иваново-Вознесенск	Рабочий край	24, 23—26, 28 июля	» »	
9	Шуя	Известия. . .	23—27 июля	» »	
10	Казань	Знамя революции	3 октября	Ст. 3, п. 3	Статья «Экономиста»
11	Калуга	Калужская правда	7 июля	Проект	
12	Кострома	Советская газета	23—25 июля	Полный текст	
13	Курск	Курская беднота	12 октября	Ст. 65	Передовая статья
14	Москва	Известия ВЦИК	25, 30 апреля; 1, 15 мая; 19, 22, 25, 27 июня; 3, 4, 5, 10, 11 июля	Проекты	

* Выявление и анализ публикаций проводились в основном по центральному, губернским и уездным газетам «Известия». . . — печатным органам Советов, полные названия которых даны в статье. Из партийных газет представлены: «Беднота» — орган ЦК РКЦ(б) и «Саратовская красная газета», «Красная газета» (Петроград), «Борьба» (Моршанск), «Курская беднота», «Опложение бедноты» (Пенза) — объединенные органы Советов и партийных комитетов.

** Губернские центры даны в алфавитном порядке, а уездные — вслед за соответствующими губернскими.

№ п/п	Место публикации (губернские и уездные центры) **	Газета	Дата публикации	Форма публикации	Примечания
		Известия ВЦИК			
15	Бронницы	Беднота	19 июля	Полный текст	Статьи В. А. Карпинского
16	Верея	Известия. . .	21, 23, 24 июля	Ст. 64, 65	
17	Нижний Новгород	Известия. . .	9, 23 октября	Полный текст	Текст не выявлен
18	Новгород	Известия. . .	13 сентября	Полный текст	
19	Петрозаводск (Олонецкая губ.)	Известия. . .	3 августа	Текст не выявлен	Полный текст
20	Орел	Известия. . .	2 июля	Проекты разделов	
21	Брянск	То же	15 сентября—31 декабря	Статьи раздела II	Гл. 17
22	Пенза	Известия. . .	21 июля	Полный текст	
23	Пермь	Известия. . .	23—25 июля	Полный текст	Статьи В. А. Карпинского
24	Петроград	Ополчение бедноты	21, 23, 25 сентября	Ст. 57, 64, 65	
25	Рязань	Известия. . .	30 июля; 4, 6 августа	Ст. 64, 65	Статьи З. Леонтьева
26	Егорьевск	Северная Коммуна	5 августа	Полный текст	
27	Спаск	Красная газета	21—24, 27, 28 августа	Ст. 4, 10, 30, 50	Полный текст
28	Самара	Известия. . .	26—30 июля	То же	
29	Саратов	Известия. . .	8 августа	» »	Начало публикации. Последующие номера газеты не обнаружены
30	Камышин	Саратовская красная газета	13 августа	Текст не выявлен	
31	Кузнецк	Известия. . .	23 июля	Полный текст	Передовая статья
		Известия. . .	27 сентября	Ст. 3, 10	
		Известия. . .		Текст не выявлен	

Таблица (окончание)

№ п/п	Место публикации (губернские и уездные центры) **	Газета	Дата публикации	Форма публикации	Примечания
32	Симбирск	Известия. . .	21 мая	Проект раздела III	
33	Смоленск	Известия. . .		Текст не выявлен	
34	Вязьма	Известия. . .		То же	
35	Тамбов	Известия. . .		» »	
36	Козлов	Известия. . .	4, 6, 7, 8, 13, 17, 21, 22 августа	Ст. 3, 7, 10, 14, 18, 34, 35, 65, 79	Статья Нежданова и Н. Огнева
37	Моршанск	Борьба	25 августа	Полный текст	Середина публикации (10—13 главы). Предыдущие и последующие номера газеты не обнаружены.
38	Тверь	Известия. . .	23—25 июля	То же	
39	Кашин	Известия. . .	28 июля—8 августа	» »	
40	Старица	Вестник Старицкой коммуны		Текст не выявлен	
41	Торжок	Известия. . .	23 июля	Ст. 64, 65	Передовая статья
42	Тула	То же	30 августа	Ст. 10, 12	Статья З. Л.
43	Венев	Революционный вестник	23 июля	Гл. 17	Отчет о V Всероссийском съезде Советов
44	Ефремов	Веневский революционный вестник	24, 25 августа	То же	
45	Череповец	Известия. . .		Текст не выявлен	
46	Ярославль	Известия. . .		То же	
47	Ростов	Известия. . .		» »	
48	Рыбинск	Известия. . .	17 июля	Проекты разделов	
		То же	25 августа	Ст. 8, 64, 65	Статья В. Эйгеса

В. О. Седельников

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ ИЗДАНИЯ
ЦЕНТРАЛЬНЫХ АРХИВНЫХ ОРГАНОВ РСФСР
1921—1932 гг.**

В советской архивной периодике 20—30-х годов особое место занимают информационные издания — оперативные печатные бюллетени центральных архивных органов РСФСР. Несмотря на то что их материалы используются в качестве источника по истории архивного дела, возможности изучения реализованы далеко не полностью. Мало известна деятельность архивных органов по изданию бюллетеней, слабо освещены история их становления и развития, роль бюллетеней в советском архивном строительстве. В ряде работ лишь констатируется факт выхода бюллетеней в свет и дается очень сжатая обобщенная их характеристика¹. Настоящий обзор посвящен истории подготовки и издания бюллетеней, а также рассмотрению их содержания и некоторых вопросов его изучения.

История бюллетеней нашла отражение как в самих изданиях, так и в документах фонда Главархива СССР (ЦГАОР СССР, ф. 5325), в состав которого вошли материалы центральных архивных органов РСФСР рассматриваемого периода — ГУАД, управления Центрархива, ЦАУ². Ценные источники по начальному периоду истории бюллетеней содержит и фонд ЦГИА СССР (ЦГИА СССР, ф. 6900 — архив архива), включающий в себя документы Петроградского отделения ГУАД. В данном обзоре использовались протоколы заседаний коллегиальных органов, а также документы (протоколы, планы, отчеты, переписка и др.) структурных подразделений, непосредственно занимавшихся редакционно-издательской деятельностью или принимавших в ней участие.

Значение хорошо поставленной информации для плодотворного развития архивного дела, успешного управления советским архивным строительством ясно осознавалось архивистами. Уже в начале 1919 г. в Петроградском отделении ГУАД была предпринята попытка организовать издание ведомственного периодического органа, в котором бы публиковались директивные и информационные материалы. Вопрос этот обсуждался на заседаниях совещания управляющих петроградскими отделениями секций ЕГАФ³ 13 февраля и 13 марта 1919 г.⁴ Проектом издания, разработанным А. А. Сиверсом и Н. П. Черепниным, предусматривался еженедельный выпуск «Справочника Главного управления архивным делом»⁵. В нем должны были помещаться декреты правительства по архивному делу, распоряжения ГУАД и его Петроградского отделения, резолютивные части протоколов совещания управляющих отделениями, повестки заседаний различных комиссий и другие извещения, хроника. Авторы проекта отмечали трудность издания справочника в типографии по финансовым соображениям и по условиям типографской работы того времени, которые не могли гарантировать его строгой периодичности. Наиболее реальным представлялось печатание на ротаторе с применением восковой бумаги, но, по-видимому, объективные причины не позволили реализовать и этот план.

Вопрос об издании периодического органа обсуждался и в центральном аппарате ГУАД. 11 июня 1919 г. на заседании съезда губернских уполномоченных ГУАД старший инспектор А. Ф. Изюмов в ответ на выступление курского архивиста Н. И. Златоверховникова, отметившего важ-

ность информирования о положении дел на местах, сообщил, что в коллегии «высказывалась мысль о необходимости выпускать двухнедельные или ежемесячные бюллетени, но дело тормозится отсутствием бумаги»⁶.

Только через два года появилась реальная возможность приступить к изданию бюллетеня. Редакционно-издательская коллегия при научно-теоретическом отделе ГУАД на заседании 29 июня 1921 г. отметила срочный характер этой работы и поручила ее ученому секретарю отдела Н. Ф. Бельчикову⁷.

5 июля 1921 г. ГУАД обратилась в Госиздат с просьбой о разрешении на издание бюллетеня. Бюллетень предполагалось издавать не только в ведомственных информационных целях, но и «особенно в связи с образованием Комиссии по изучению Октябрьской революции и РКП (Истпарт), основной задачей каковой является научная разработка архивных материалов. . .»⁸. Планировалось выпускать один номер в два месяца объемом 2 печатных листа и тиражом 250 экземпляров⁹.

Учитывая малый тираж, Госиздат предоставил ГУАД право издавать бюллетень собственными силами, и в октябре 1921 г. первый номер его был отпечатан литографским способом в соответствии с намеченным объемом и тиражом¹⁰. В него вошли постановление Президиума ВЦИК «О взаимоотношениях между Главархивом¹¹ и архивными учреждениями автономных республик», циркуляры, распоряжения (в том числе по личному составу), положения, инструкции ГУАД и ряд других материалов. Хронику составили выдержки из протоколов заседаний коллегии ГУАД по вопросам архивной работы. В печати отмечалось, что новое издание «содержит в себе первостепенной важности законодательные данные и интересный информационный материал (распоряжения по архивному делу) . . . интересна, хотя и невелика, хроника»¹².

Бюллетень был распространен следующим образом: 50 экземпляров — Наркомпрос (в том числе Академический центр¹³), 50 — ГУАД и московские отделения секций ЕГАФ, 50 — петроградские учреждения (управление Академического центра, отделение ГУАД и отделения секций ЕГАФ), 100 — губернские учреждения (архивы, истпарты, исполкомы)¹⁴. В будущем предполагалось увеличить тираж до 500 экземпляров, но, очевидно, в связи с «бумажным кризисом» выпуск бюллетеня был прекращен. Материалы подготовленного очередного номера были позднее включены в вып. 2 журнала «Архивное дело» (1925 г.)¹⁵.

Издание бюллетеня, уже как органа Центрархива (а с № 10 за 1929 г. — органа ЦАУ) РСФСР возобновилось в марте 1925 г. накануне I съезда архивных деятелей РСФСР. В отчете о работе Центрархива за 1918—1925 гг. говорилось: «Одним из видов руководства деятельностью архивных органов Центрархива приходится признавать и информацию. Потребность в информации именно в целях получения руководящих указаний становилась особенно настойчивой по мере укрепления связи центра с местами, расширения и оживления деятельности архивных учреждений. Ни переписка с местами, ни циркулярные предложения не давали указаний на опыт тех или иных органов, кроме того, переписка ограничивалась отдельными случаями с отдельными губархами, а циркуляры носили характер общих распоряжений, по без намеков на методы работы — инструкции давали наставления, но также по отдельным вопросам. А весьма много поучительного в работе Центрархива терялось для многих его органов. Поэтому уже к концу 1924 г. было решено приступить к изданию бюллетеня, заключающего в себе сведения о текущей работе местных и центральных органов, о распоряжениях по архивному делу, об оценке работ различных губархов по обследованию их и т. п.»¹⁶

Вопрос об обмене информацией между архивными учреждениями посредством печатного органа обсуждался и на I съезде архивных деятелей РСФСР¹⁷. В резолюции съезда по докладу В. В. Максакова «О деятельности Центрархива РСФСР» было признано необходимым издание бюллетеня¹⁸.

Постановлением коллегии Центрархива от 31 марта 1925 г. информационному подотделу орготдела (ОРГО) управления Центрархива было

поручено выпускать бюллетень с периодичностью не реже двух раз в месяц¹⁹. Подготовленный бюллетень просматривался заведующим ОРГО, одним из членов коллегии Центрархива и печатался на стеклографе²⁰.

Вначале бюллетень не имел четкой структуры, материалы печатались без выделения разделов. Первые 12 номеров в основном посвящены работе съезда архивных деятелей: в них опубликованы списки делегатов, повестки дня, информации о работе съезда и его секций, об экскурсиях и выставках, резолюции съезда. Последующие выпуски стали значительно шире по содержанию. На страницах бюллетеня появились постановления коллегии Центрархива, информации по материалам ее работы (об обследовании архивных учреждений в центре и на местах, деятельности структурных подразделений управления Центрархива, об архивных курсах, реорганизациях в архивной системе, праздновании 100-летия со дня восстания декабристов и др.), положения, инструкции по архивным вопросам, информации по личному составу, различные извещения управления Центрархива и т. п.

Особо следует отметить информации «Газетная хроника по архивному делу», печатавшиеся с № 19 по 23 за 1925 г. Это помесечные списки статей и заметок по архивной тематике из центральных и периферийных газет. Всего учтено 156 статей и заметок (к некоторым даны краткие аннотации) за май—август 1925 г.

Первым, с № 14 за 1925 г., оформился раздел бюллетеня «Разное», просуществовавший по № 7 за 1927 г. В нем печатались списки местных архивных учреждений, приславших и не приславших отчеты о работе, а также являвшихся адресатами для рассылки бюллетеня (с указанием числа экземпляров); перечни циркуляров Центрархива; разъяснения к циркулярам; образцы документов, оформлявших разные виды архивных работ; извещения управления Центрархива (о перемене адресов архивных учреждений и т. п.); информации об изданиях Центрархива (до выделения этих сведений в самостоятельный раздел); обращения редакции бюллетеня к архивным работникам и другие материалы. Представляют интерес помещенные в № 13 за 1926 г. лозунги «К пропаганде архивного дела на местах», характеризующие агитационную деятельность Центрархива.

Начиная с № 24 за 1925 г., в бюллетене выделились два основных раздела: «Официальный отдел» (с № 9—10 за 1926 г. — «Официальная часть») и «Хроника».

В «Официальном отделе» печатались постановления и циркуляры высших партийных и советских органов — ЦК ВКП(б), СНК СССР, СНК РСФСР, Президиума ВЦИК — по архивному делу; циркуляры Центрархива и ЦАУ РСФСР; постановления коллегий Центрархива и ЦАУ РСФСР (в отдельных номерах, начиная с № 9—10 за 1926 г., до оформления раздела «Деятельность коллегии Центрархива»; в номерах за 1932 г.); совместные постановления коллегий ЦАУ СССР и ЦАУ РСФСР (в номерах за 1932 г.); приказы, распоряжения и циркуляры центральных учреждений (ВСНХ СССР, ВСНХ РСФСР, НК РКИ, Политуправления РККА, Наркомата по военным и морским делам, Наркомата юстиции) по вопросам архивной работы; соглашения Центрархива и ЦАУ РСФСР с другими центральными учреждениями о порядке, сроках и способах передачи архивных материалов и по другим вопросам; положения, правила и инструкции, регламентирующие работу архивных учреждений; перечни архивных документов; информации о назначениях должностных лиц в архивных органах (с № 9—10 за 1926 г.); материалы съездов и конференций архивных работников, проводившихся в Москве; извещения, обращения и разъяснения управления Центрархива и ЦАУ РСФСР.

В разделе «Хроника» публиковались постановления коллегий Центрархива и ЦАУ РСФСР в основном об обследованиях и работе подразделений управления Центрархива, центральных архивов и местных архивных учреждений РСФСР; постановления местных советских органов по архивному делу (о реорганизации архивных учреждений, о деятельности экспертных комиссий, о сдаче документов в ЕГАФ, об ответственности за кражу, сбыт и покупку архивных материалов и др.). Печатались сообщения о наз-

начениях должностных лиц в архивных учреждениях (по № 8 за 1926 г.); статистические сведения об использовании документов в читальных залах архивов (№ 19—30 за 1925); информации о реорганизациях в аппарате управления Центрархива, затем ЦАУ РСФСР, об обсуждении вопросов архивной работы в местных советских органах, а также о помещениях, штатах и финансах архивных учреждений, перемещении архивных фондов, находках целых фондов и отдельных документов, участии архивов в различных выставках, об архивных конференциях и совещаниях на местах и др.

В 1926 г. произошло дальнейшее углубление специализации разделов бюллетеня. Разукрупнился раздел «Хроника». С № 18 вся информация о работе коллегии выделилась в самостоятельную рубрику «Деятельность коллегии Центрархива» (затем — «В коллегии Центрархива», «В коллегии ЦАУ РСФСР»). С № 20 раздел «Хроника» стал называться «Архивная жизнь». Несколько изменился состав его материалов. Из раздела исключались сведения о работе коллегии, но он расширился за счет более полного охвата всех сторон деятельности архивных учреждений. Стали публиковаться сообщения о приведении в порядок архивных фондов, состоянии ведомственных архивов, издательской деятельности Центрархива, ЦАУ и местных учреждений, о музеях в архивных учреждениях, архивных курсах и самообразовательных кружках в центре и на местах. Давались сведения об использовании архивных материалов в социалистическом строительстве, о работе в области выявления документов по истории фабрик и заводов и истории гражданской войны, о развитии соцсоревнования и ударничества в архивных учреждениях. Помимо отдельных сообщений, появилась информация сводного характера: в № 14 за 1927 г. опубликована сводка мероприятий местных архивных органов к 10-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

В № 21—22 за 1926 г. появился раздел «Архивное дело в автономных республиках и областях». В нем печатались циркуляры Центрархива республиканским и областным архивным органам, информации об их работе, организации новых архивных учреждений и личном составе руководящих кадров, конференциях, совещаниях и др. После ликвидации этого раздела (с № 8 за 1927 г.) подобные материалы публиковались в «Официальной части» и под рубрикой «Архивная жизнь».

С № 17 за 1925 г. в бюллетене стали печататься информации об изданиях Центрархива. Позднее, с № 9—10 за 1926 г. выделился раздел «Библиография» (затем — «Наши издания», «Издания Центрархива»). Как правило, это перечни вышедших и находящихся в печати изданий, иногда с краткими аннотациями; сведения о журналах включают в себя их оглавления. Подобные сообщения в последний раз были опубликованы в № 1 за 1930 г. под рубрикой «Новые издания ЦАУ».

Начиная с № 13 за 1926 г. оформился раздел «Вопросы и ответы» (позднее — «Почтовый ящик»), существовавший по № 12 за 1929 г. В нем печатались разъяснения в связи с вопросами местных архивных учреждений о составлении отчетности, о применении инструкций и т. п.

Охарактеризованные разделы бюллетеня можно отнести к числу постоянных; они появлялись достаточно регулярно, хотя и не в каждом номере. Были попытки организации новых рубрик, не получившие дальнейшего развития. Так, в разделе «Хроника» вып. 17 за 1926 г. выделен подраздел «На местах», в котором опубликованы информации о сдаче в местные архивы документов за 1917—1921 гг. Деятельности местных учреждений посвящен и раздел «О чем пишут места», появившийся в двух других номерах: письмо архивных работников Можайска в редакцию бюллетеня напечатано в № 19 за 1926 г., г. Семелова Нижегородской губернии — в № 24—25 за 1927 г. Подобные же материалы вошли в раздел «Обмен опытом» трех номеров последних лет (№ 2—3 за 1931 г., № 4 и 7 за 1932 г.). Однократно появились разделы «По отделам управления Центрархива» (№ 19 за 1926 г.) и «В коллегии ЦАУ СССР» (№ 1 за 1930 г.); необходимость в последнем отпала ввиду начала в 1930 г. издания бюллетеня ЦАУ СССР.

Бюллетень опубликовал также четыре некролога, посвященных видным историкам и архивистам: Н. Н. Авдееву (№ 9—10 за 1926 г.), С. П. Троянскому (№ 21—22 за 1926 г.), И. А. Рязановскому (№ 7 за 1927 г.) и М. Н. Покровскому (№ 5—6 за 1932 г.).

Уже начальный период существования бюллетеня подтвердил необходимость и своевременность его издания. В отчете информационного подотдела за январь—май 1925 г. отмечалось, что «благодаря бюллетеню заметно налаживается связь с местами и координируется работа мест и центральных архивных органов»²¹. Бюллетень пользовался спросом в местных архивных учреждениях, откуда поступали многочисленные просьбы о высылке дополнительных экземпляров²². Поэтому тираж только в течение марта—ноября 1925 г. был увеличен с 200 экз. (№ 1) до 500 экземпляров (№ 29). Рассылался бюллетень всем управлениям центрархивов автономных республик, областным и губернским архивным бюро с учетом потребностей и уездных архивов. Тираж издания неуклонно рос и достиг к февралю 1928 г. 2 тыс. экземпляров. Затем в связи с «бумажным кризисом» он был уменьшен, но не опускался ниже 1 тыс.

С № 1 от 1 марта 1927 г. бюллетень стал печататься типографским способом, что значительно улучшило его внешний вид и сделало более экономным в смысле «площади», позволив довести объем текста большинства номеров до 0,5 печатных листа.

Строгая периодичность бюллетеня — 2 раза в месяц — выдерживалась только в начальный период его существования, по январю 1926 г. В дальнейшем нередко стал выпускаться один (одинарный или сдвоенный) номер в месяц. А с 1928 г. были и перерывы в издании — до 3,5 месяцев. Причинами этого являлись не всегда регулярное поступление материала (о чем будет сказано ниже), дефицит бумаги, трудности с печатанием отдельных выпусков в типографии. Тем не менее бюллетень был значительно более оперативен, нежели журнал «Архивное дело», где публиковались аналогичные материалы. Всего за 1925—1932 гг. вышло 129 номеров бюллетеня (в 115 выпусках)²³.

До февраля 1927 г. бюллетень издавал информационный подотдел ОРГО²⁴, перешедший в августе 1926 г. в состав административно-материального отдела управления Центрархива. Постановлением коллегии Центрархива от 8 февраля 1927 г. издание бюллетеня было передано редакционно-издательскому отделу²⁵.

Редакторами бюллетеня в разное время являлись заведующий информационным подотделом, а затем ученый секретарь коллегии Центрархива А. Р. Иодко (март 1925 — февраль 1929 г.), заведующий отделом местных учреждений Д. Г. Истнюк (февраль — октябрь 1929 г.), старший инспектор Н. В. Поплаухин (октябрь 1929 — май 1930 г.), заведующий отделом местных учреждений Ф. Лимапов (июнь 1930 — январь 1932 г.), сотрудник редакционно-издательского отдела В. Елагин (февраль — декабрь 1932 г.)²⁶.

Много внимания редакция бюллетеня уделяла совершенствованию этого ведомственного органа печати. Так, в целях «улучшения содержания и технической постановки издания» была опубликована анкета²⁷ с вопросами о содержании, структуре, внешнем виде, объеме, периодичности бюллетеня. Многие архивные учреждения откликнулись на эту инициативу редакции, и присланные ответы показали их заинтересованность в совершенствовании издания²⁸. В 1926 г. сотрудник информационного подотдела А. Л. Зекцер составил «Тезисы по вопросу об оживлении и улучшении бюллетеня Центрархива РСФСР»²⁹, в которых учитывались высказанные в ответах на анкету пожелания. Многие из них были воплощены в жизнь (организация новых разделов, типографская печать и др.).

Вопросы об издании бюллетеня и путях его улучшения неоднократно обсуждались в центральном аппарате архивного ведомства республики: на заседаниях научно-организационной коллегии 5 июня 1925 г.³⁰, коллегии Центрархива 9 февраля 1926 г.³¹ и 8 февраля 1927 г.³², президиума коллегии Центрархива 10 ноября 1928 г., на производственном совещании

сотрудников центрального аппарата и руководства Центрархива 9 ноября 1928 г.³³

Редакция не раз обращалась к местным архивным учреждениям и отдельным работникам с просьбой присылать материалы³⁴, однако полученные информации с периферии оставалось «узким местом». Недостаток ее вынужденно компенсировался официальными документами (сведениями из отчетов, данными об обследованиях местных учреждений), находящимися в распоряжении управления Центрархива, а позднее ЦАУ. Такое положение объяснялось слабой активностью на местах; некоторые архивисты не совсем четко представляли себе цель и профиль издания, в связи с чем в редакцию поступали просьбы о высылке бюллетеня в качестве руководства по архивному делу, а также статьи для публикации, более подходящие по профилю журналу «Архивное дело». Печатались разъяснения читателям, что бюллетень является «органом внутренней информации аппарата Центрархива»³⁵, что он «согласно стоящим перед ним задачам освещает практическую работу местных архивных органов» и поэтому следует «присылать только конкретный материал»³⁶.

Предметом постоянной заботы редакции и неоднократных обсуждений был и вопрос об увязке отделов официального и хроники в бюллетене с аналогичными разделами журнала «Архивное дело». Тем не менее некоторое дублирование материалов на практике сохранялось.

Значение бюллетеня для изучения истории советского архивного строительства более полно выявляется при ознакомлении с опубликованными в нем обращениями редакции и управления Центрархива к архивным работникам, а также в сравнении материалов бюллетеня с другими периодическими изданиями. Накануне открытия «Официального отдела» редакция известила читателей, что в нем будут печататься «циркуляры и распоряжения Центрархива, подлежащие исполнению. Все, что печатается вне этого отдела, следует рассматривать лишь как информацию»³⁷. Управление Центрархива неоднократно указывало, что директивные материалы доводятся до архивных учреждений только через бюллетень и следует исполнять по ним все распоряжения, не дожидаясь получения отдельных циркуляров³⁸. Это дает основание считать бюллетень источником, наиболее полно отразившим основную организационно-распорядительную документацию архивного ведомства за 1925—1932 гг. Сравнение с журналом «Архивное дело», публиковавшим аналогичные материалы, подтверждает такой вывод. Исключения составляют ведомственные положения, правила, инструкции по различным вопросам. Ограниченный объем бюллетеня не всегда позволял печатать их целиком; иногда они публиковались в «Архивном деле», а в бюллетене помещались небольшие заметки об их утверждении и вводе в действие.

При изучении хроникальных материалов бюллетеня также необходимо иметь в виду их тесную связь с содержащимися в «Архивном деле». Большое число заметок информационного характера были идентичны или совершенно не совпадали по содержанию, но в обоих изданиях имелись и материалы по определенным вопросам, взаимно дополнявшие друг друга. Поэтому целесообразно комплексное изучение журнала и бюллетеня. В отличие от бюллетеня в «Архивном деле» наряду с краткими заметками публиковались и довольно большие обзорные статьи хроникального характера (материалы съездов и конференций, раздел «Из инспекторских отчетов и корреспонденций с мест»). Следует иметь в виду и несинхронность публикации материалов в обоих изданиях, связанную в основном с разной периодичностью: в журнале материалы публиковались значительно позднее, чем в бюллетене.

Необходимо отметить, что при изучении истории архивного строительства в отдельных регионах РСФСР наряду с использованием материалов республиканских изданий (бюллетеня и «Архивного дела») обязательно привлечение бюллетеней и повременных сборников периферийных архивных органов: в этих изданиях многие вопросы местного архивного строительства отражены значительно полнее.

Издание бюллетеня, несмотря на определенные недостатки (не всегда строгая периодичность, слабое поступление материалов с мест и др.), сыграло значительную роль в становлении и развитии архивного дела. Бюллетень был средством руководства архивным строительством, доводя директивную информацию до архивных учреждений РСФСР, направляя и координируя деятельность местных архивных органов. Одновременно он в значительной степени удовлетворял взаимную потребность архивистов разных регионов в обмене информацией об опыте работы, хотя положение архивного дела на местах освещалось в основном по официальным материалам управления Центрархива, затем ЦАУ. Оперативность бюллетеня, даже при известном дублировании части информации журналом «Архивное дело», придает ему особую роль в советском архивном строительстве.

- ¹ *Максаков В. В.* История и организация архивного дела в СССР (1917—1945 гг.). М., 1969, с. 174; *Вяликов В. И.* Архивное строительство в СССР (1917—1945 гг.). М., 1976, с. 24, 96, 136 и др.
- ² В 1918 г. сразу после опубликования декрета СНК «О реорганизации и централизации архивного дела» в Петрограде было создано Главное управление архивным делом (ГУАД), в ноябре того же года переведенное в Москву. В январе 1922 г. в результате реорганизации все архивные учреждения республики в совокупности образовали Центральный архив (Центрархив) РСФСР, для заведывания которым было создано управление Центрархива. С января 1929 г. руководящий архивный орган Российской Федерации стал называться Центральным архивным управлением (ЦАУ) РСФСР (*Максаков В. В.* Указ. соч., с. 54, 133—134, 192).
- ³ Коллегиальный орган, существовавший в Петроградском отделении ГУАД.
- ⁴ ЦГИА СССР, ф. 6900, оп. 3, д. 94, л. 32 об.—33; ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 65, л. 130, 131.
- ⁵ Имелось в виду Петроградское отделение ГУАД.
- ⁶ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 123, л. 9.
- ⁷ Там же, д. 302, л. 3.
- ⁸ ЦГАОР СССР, ф. 5325, д. 305, л. 15.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же, л. 100.
- ¹¹ Официально принятое в то время наряду с ГУАД сокращенное наименование Главного управления архивным делом. Именно оно указано на титульном листе бюллетеня.
- ¹² *Лукьяничков К.* — Воронежский историко-археологический бюллетень. Воронеж, 1921, вып. 2, с. 72. — Рец. на кн.: Бюлл. Главархива, 1921, № 1.
- ¹³ По декрету СНК РСФСР от 11 февраля 1921 г., подписанному В. И. Лениным, в состав Академического центра (или центра «общего теоретического и программного руководства») Наркомпроса входил и ГУАД (Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925): Сб. документов. Л., 1968, с. 38, 39).
- ¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 305, л. 100.
- ¹⁵ Там же, д. 288, л. 27; д. 384, л. 42.
- ¹⁶ Там же, д. 619, л. 32, 33.
- ¹⁷ Протоколы первого съезда архивных

- дейтелей РСФСР 14—19 марта 1925 г. М.; Л., 1926, с. 194, 211.
- ¹⁸ Там же, с. 300.
- ¹⁹ Бюл. Центрархива РСФСР, 1925, № 13, с. 2.
- ²⁰ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 14 доп., л. 75 об.
- ²¹ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 882, л. 16.
- ²² Бюл. Центрархива РСФСР, 1925, № 13, с. 5.
- ²³ Последний выпуск вышел 31 декабря 1932 г. Издание было прекращено вследствие острой нехватки бумаги (ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 2605, л. 21, 22, 64; д. 2872, л. 7, 8).
- ²⁴ С 1 июня 1925 г. по 1 октября 1926 г. бюллетень издавался им совместно с редакционно-издательским комитетом Центрархива.
- ²⁵ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 1447, л. 14 об.
- ²⁶ В бюллетене редактор стал указываться с № 6 от 10 июня 1927 г. Факт работы редактором А. Р. Иодко в предшествующий период установлен по архивным данным (ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 887, л. 15—15 об). В печатных и архивных источниках не удалось найти указаний на персональный состав редакции в разные периоды. Очевидно, в нее, помимо редактора, входили сотрудники структурных подразделений управления Центрархива, затем ЦАУ, готовившие к публикации материалы бюллетеня.
- ²⁷ Бюл. Центрархива РСФСР, 1925, № 24, с. 8.
- ²⁸ Там же, № 29, с. 5, 6.
- ²⁹ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 134, л. 95—95 об.
- ³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 887, л. 15—15 об.
- ³¹ Бюл. Центрархива РСФСР, 1926, № 4/5, с. 28.
- ³² ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 1447, л. 14 об.
- ³³ Там же, д. 1642, л. 6; д. 1643, л. 22.
- ³⁴ Бюл. Центрархива РСФСР, 1925, № 22, с. 1; № 29, с. 1; 1926, № 18, с. 152 (валовая нумерация страниц в течение года); и др.
- ³⁵ Бюл. Центрархива РСФСР, 1926, № 21/22, с. 183.
- ³⁶ Там же, 1927, № 12, с. 8.
- ³⁷ Там же, 1925, № 23, с. 1.
- ³⁸ Там же, № 27, с. 1; 1926, № 3, с. 20; № 18, с. 140.

М. Г. Белогуров, С. И. Кузьмин

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОГРАФИИ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКИЕ АРХИВЫ»

Журнал «Советские архивы» — старейшее в стране периодическое издание историко-архивоведческого профиля, 60-летие которого исполнилось в 1983 г.¹ Он играет важную роль в развитии государственной архивной службы СССР, имеющей большое общественно-политическое, народнохозяйственное, научное и культурное значение².

Журнал «Советские архивы» уделяет большое внимание вопросам совершенствования организации архивного дела в нашей стране, деятельности центральных и местных государственных, партийных и ведомственных архивов, распространению передового опыта архивистов. Особое значение имеет публикация материалов по пропаганде и разъяснению новых положений о Государственном архивном фонде СССР и Главном архивном управлении при Совете Министров СССР. Разнообразные по тематике статьи журнала отражают, по существу, всю историю развития архивного дела и архивоведения, особенно периода развитого социализма, и дают богатый материал для историографии отечественного архивоведения. Наряду с освещением актуальных проблем архивоведения и архивного дела (ведущая тематика в журнале), документоведения, «Советские архивы» публикуют материалы по специальным историческим дисциплинам, прежде всего археографии и источниковедению³.

Стоящие перед журналом задачи определили его структуру и содержание. В настоящее время материалы публикуются по следующим разделам: «Статьи и сообщения», «Публикации документов», «Обзоры архивных документов», «Обмен опытом», «Поиски и находки в архивах», «Архивы за рубежом», «Критика и библиография», «Информация и хроника».

Археографическая проблематика во всей сложности и многоаспектности современного ее развития довольно полно представлена в журнале «Советские архивы».

Укрепление за последние годы научных контактов между центральными государственными архивами и учреждениями АН СССР, нашедшее выражение в подготовке совместных публикаций исторических источников, способствовало повышению уровня археографической работы и более широкому использованию архивных документов. В активизации этой работы первостепенное значение имели постановления ЦК КПСС в области общественных наук, а также решения Бюро Отделения истории АН СССР от 25 декабря 1973 г., Научного совета Главархива СССР от 27 февраля 1974 г. и совместное решение Бюро Отделения истории АН СССР и коллегии Главархива СССР от 27 мая 1975 г. «О перспективах публикации исторических источников государственными архивами СССР и научными учреждениями Отделения истории АН СССР»⁴.

Большой научный интерес в этом отношении представляют статьи руководителей Главархива СССР, в которых раскрываются особенности ведущих тенденций развития государственной архивной службы СССР периода развитого социализма. В частности, отмечалось, что характерной чертой деятельности государственных архивов по всестороннему использованию документов является ее высокий идейный и научный уровень. Успешной реализации планов, повышению эффективности и качества работы способствовало улучшение координации публикационной деятельности, усиление контактов архивных учреждений с партийными и советскими органами, министерствами и ведомствами, научными и куль-

турно-просветительными учреждениями, органами массовой информации⁵.

Необходимо также в числе наиболее важных отметить статьи К. С. Кузнецовой, посвященные актуальным вопросам публикационной работы и связанной с ней научно-информационной деятельности Главархива СССР (1968, № 6; 1977, № 2)⁶. Можно с полным основанием говорить о серьезном вкладе, который внесли архивные учреждения в развитие общественных наук, и прежде всего исторической науки, расширилось использование архивных документов в агитационно-пропагандистской и политико-воспитательной работе среди трудящихся.

Научно-издательская работа архивов, отражающая современное состояние исторической науки, сложна и разнообразна по использованию исследовательских методов смежных научных дисциплин, прежде всего источниковедения и архивоведения. Эти вопросы довольно полно освещены в журнале «Советские архивы».

Об издании документальных сборников Главархивом СССР совместно с научными учреждениями и архивами социалистических стран, межреспубликанских, региональных и межархивных сборников рассказывается в статье К. К. Мироновой и Л. И. Панина (1976, № 3). Рассматривая современное состояние публикационной работы, авторы отмечают улучшение ее организации и планирования, расширение тематики и хронологических рамок, усиление внимания к публикации документов по истории советского общества. Методика издания и археографические особенности общесоюзной серии документов по истории индустриализации раскрываются в статье М. И. Хлусова (1966, № 1), промышленности и рабочего класса — в статье С. С. Хромова (1982, № 4), сборников документов по истории кооперативно-колхозного строительства в СССР — в статье И. М. Волкова (1982, № 3), документальных изданий по истории советской культуры — в статье М. П. Кима и С. А. Федюкина (1982, № 5).

Итоги 60-летнего археографического опыта издания в нашей стране документов местных партийных организаций, отражающих различные аспекты истории рабочего класса в 1918—1920 гг., подведены в статье Т. В. Батаевой (1978, № 5). В ней охарактеризованы основные публикации по теме, рассмотрены в методическом плане вопросы издания массовых документов. Особенности полной публикации архивного фонда Петроградского Военно-революционного комитета, предпринятой ИМЛ при ЦК КПСС, Институтом истории АН СССР и ЦГАОР СССР, показаны в статье Д. А. Чугаева (1967, № 1).

Опыт научно-издательской деятельности архивных учреждений УССР обобщен А. Г. Митюковым (1974, № 3), БССР — Е. Ф. Шороховым (1973, № 5), ЦГАОР СССР — Б. И. Каптеловым (1981, № 1), ЦГАЛИ — Ю. А. Красовским (1971, № 3; 1981, № 1), ЦГАКФД по подготовке сборников кинодокументов — И. М. Фурмановой (1975, № 4). Содержание документальных публикаций, подготовленных центральными государственными архивами СССР во второй половине 60-х годов, раскрывается в статье Г. П. Лебедева (1971, № 6). Источниковедческим вопросам археографического изучения древних русских рукописей, характеристике типов их изданий посвящено исследование Л. Н. Пушкарева (1977, № 2).

Большая группа опубликованных в журнале материалов (в разделах «Статьи и сообщения» и «Обмен опытом») посвящена различным вопросам отбора архивных документов для издания и подготовки самих изданий. Анализ практики ЦГАСА по выявлению документов для сборников по истории гражданской войны и иностранной военной интервенции дается в сообщении Т. Ф. Каряевой (1976, № 3). Отмечаются некоторые недостатки в содержании региональных сборников по этой тематике: схематичность и фрагментарность при отражении событий. В последние годы архив работает над сборниками по истории Советских Вооруженных Сил в 1921—1941 гг.

О формах использования выявленных, но не включенных в сборники архивных документов сообщалось Е. Л. Сонечкиной (1966, № 5), А. А. Хо-

дак (1971, № 4), Н. А. Мальцевой (1972, № 3), Н. С. Вертышевой (1975, № 1), Е. А. Елпатьевской и Л. Я. Сае (1977, № 3), В. В. Колябиным (1977, № 4).

Различные аспекты подготовки сборников представлены в целом ряде статей. Отмечалось, что хорошо продуманный и компактный научно-справочный аппарат способствует лучшему восприятию заключенной в сборнике информации (М. П. Дьячкова — 1982, № 3), (Б. Д. Гальперина — 1968, № 4). Обсуждался опыт подготовки совместной советско-болгарской публикации «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (В. И. Мазаев, В. М. Хевролина — 1976, № 1), серийных документальных изданий (Л. И. Завалищенко — 1977, № 3) и сборников научно-популярного типа (Н. В. Михайлова — 1976, № 3), полиграфического оформления серийных сборников (А. А. Ходак, В. В. Любимова — 1973, № 1), составления библиографии, в частности указателя публикаций документов в журнале «Красный архив» (З. Л. Фрадкина — 1968, № 5).

Отечественная археографическая практика накопила большой опыт публикации исторических источников. Это публикации отдельных важных документов, групп однородных источников, целых их комплексов, сложившихся в результате деятельности учреждения, и, наконец, специально отобранных по намеченной теме документов. Общей характеристике видов публикаций в дореволюционной России, в первые годы Советской власти посвящена статья Д. М. Эпштейн (1970, № 3). Об особенностях публикации документов в периодической печати писал А. К. Храпченков (1968, № 5), в научно-популярных целях — В. Н. Самошенко (1973, № 1), в учебных изданиях, на примере пособий по истории СССР, — О. Ф. Козлов (1974, № 5). Разбиралась методика публикации научно-технических документов в дореволюционной России (Е. И. Лагутина — 1979, № 4). Были сделаны попытки определения эффективности использования документальных изданий (О. Ф. Козлов — 1977, № 5). Применению сокращенной передачи текстов в документальных сборниках посвящены сообщения А. Б. Каплана (1966, № 4), Е. М. Тальман (1969, № 5).

Самостоятельная важная научная тема, постоянно освещаемая на страницах журнала «Советские архивы», — обобщение большого опыта архивистов по розыску и выявлению ленинских документов. В результате кропотливой исследовательской работы в архивах обнаруживаются документы, подписанные В. И. Лениным или с его резолюциями. Журнал информирует читателей о находках документов вождя, об особенностях анализа его почерка.

Анализ новых ленинских документов, включенных в Полное собрание сочинений, с точки зрения их значимости как методологической основы для решения некоторых вопросов подготовки документальных публикаций, в частности научно-популярного и агитационного характера, проведен в статье Л. И. Араповой (1970, № 2); об истории первых публикаций произведений вождя сообщил С. В. Белов (1966, № 2); о подготовке первого издания Собрания сочинений В. И. Ленина — В. А. Фокеев (1973, № 2).

Большая работа проводится ЦПА ИМЛ и Главархивом СССР по выявлению документов В. И. Ленина и материалов о его жизни и деятельности. Значительно активизировалась эта деятельность в последние годы в связи с подготовкой многотомного издания «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника». Совершенствуется методика дальнейшего поиска ленинского документального наследия, который осуществляется сейчас по двум направлениям: целевое выявление относящихся к деятельности Владимира Ильича материалов и предметно-тематическая каталогизация перспективных в этом отношении архивных фондов. Расширяются формы публикации вновь обнаруженных документов. Партийные и государственные архивы и музеи активизируют усилия по собиранию материалов личных архивов, уточняют круг лиц, близких семье Ульяновых.

Об опыте собирания документов В. И. Ленина из личных архивов его современников писала в журнале М. С. Веселина (1971, № 1); о выявлении документов о жизни и деятельности В. И. Ленина и подготовке сбор-

ников «Петроградский Военно-революционный комитет», «Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с местными социал-демократическими организациями в России. 1900—1903 гг.» — Н. Р. Прокопенко (1970, № 2); о поиске ленинских рукописей и особенностях почерка вождя — А. Г. Федоров (1970, № 2), С. Т. Беляков (1973, № 1; 1982, № 2). Интересна в этом отношении статья А. А. Соловьева (1970, № 2). Анализ публикаций воспоминаний А. В. Шотмана о последнем подполье В. И. Ленина проведен Е. А. Луцким (1979, № 3); о неизвестной публикации ленинского Декрета о земле и перспективах дальнейшего поиска таких публикаций в областных и районных архивах сообщила Н. Е. Тужилкина (1979, № 5); о публикации статей В. И. Ленина в рабочей большевистской печати, в частности в листовках конца XIX — начала XX в., — В. Р. Герасимюк (1970, № 2, 6) и З. И. Перегудова (1980, № 5). Публикация «Журнала исходящих документов ЦК РСДРП(б) за 1917 год», сопровождающаяся реконструкцией утраченного текста, осуществлена В. В. Аникеевым (1981, № 5, 6).

Журнал «Советские архивы» регулярно публикует подборки архивных документов, расширяющие источниковую базу советской исторической науки, имеющие политическое и агитационно-пропагандистское значение. Тематика таких публикаций разнообразна: история партии, революционного движения, государства, воплощение в жизнь ленинских идей индустриализации страны, социалистического преобразования сельского хозяйства, создание материальной базы коммунизма, культурная революция, развитие науки и техники, история освободительных войн русского и советского народов.

В последнее время заметен все больший интерес к документальным памятникам отечественной истории, находящимся в зарубежных хранилищах — архивах, библиотеках, музеях, в личных коллекциях. Целеобразность дальнейших поисков в иностранных архивах русских документов и соответственно публикация полных их текстов или описаний не вызывает сомнений. Примечательны в этом отношении публикация неизвестной грамоты (1599 г.) царя Бориса Годунова к императору Рудольфу II (1980, № 5); научные описания находящихся в Парижской Национальной библиотеке актов Кирилло-Белозерского монастыря XVII в., Поместных актов XVII в., документов по истории Камчатки 60-х годов XVIII в., а также русских рукописей Библиотеки герцога Августа в Вольфенбюттеле (ФРГ), осуществленные В. И. Бугановым (1979, № 4; 1981, № 3, 4; 1983, № 1).

Большое научно-информационное значение имеют сообщения Б. И. Каптелова о составе и содержании отечественных документов в зарубежных хранилищах, в частности о документах по истории народов СССР в архивах и библиотеках США (1980, № 4), и поступлениях микрофотокопий документов в ЦГАОР СССР (1982, № 6).

Закрепление в Конституции СССР (1977 г.) долга и обязанности граждан СССР заботиться о сохранности исторических памятников (ст. 68), а также принятие Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», относящего к их числу и документальные памятники, выдвинули перед архивной службой страны новые задачи в плане обеспечения сохранности ГАФ СССР — сокровищницы исторического опыта нашего народа. И в этой связи показательны итоги Всесоюзной конференции по полевой археографии (1976 г.), организованной Археографической комиссией АН СССР, в работе которой активное участие принимали архивисты (1977, № 2), и Всесоюзной научной конференции (1978 г.) «Архивы СССР периода развитого социалистического общества» (1979, № 1). В последнее время наравне с расширением источниковой базы отечественной истории (подготовка сборников документов) все более ощущается необходимость в усилении деятельности по розыску, учету, описанию и изданию памятников письменности. Различные аспекты научных розысканий в этой области отражены в опубликованных в журнале материалах И. В. Курукина (1979, № 2), С. В. Позднякова (1979, № 3),

С. Б. Филимонова (1980, № 5), В. О. Седельникова (1981, № 2), Ю. А. Неволлина (1982, № 1).

Археографическая деятельность, связанная, в частности, с работой архивных учреждений, нашла отражение в статьях об опыте подготовки изданий документов и археографической деятельности крупнейших советских ученых-историков (Н. М. Дружинин — 1966, № 1), (С. О. Шмидт — 1968, № 6).

Разносторонняя практическая деятельность архивных и научно-исторических учреждений в области археографии, отраженная в обобщающей ее опыт обширной по тематике исследовательской литературе, как уже не раз отмечалось, неразрывно связана с выявлением и обоснованием теоретических проблем археографии. В центре внимания ученых и специалистов — выяснение и более четкое обозначение целей и задач археографии, определение места ее в кругу исторических (или даже историко-филологических) научных дисциплин. Активное развитие на основе марксистско-ленинской теории исторического познания археографии как науки постоянно расширяет диапазон научного поиска, стимулирует выявление и анализ ведущих тенденций ее прогресса. И в этой связи обнаруживается устойчивый интерес к решению вопросов, связанных с уточнением понятийного аппарата науки, в плане общего осмысления расширившейся сферы археографической практики теоретической мыслью.

В этом аспекте определенный научный интерес представляет развернувшаяся на страницах журнала «Советские архивы» дискуссия по некоторым важным вопросам теории археографии⁷. Поводом для обсуждения послужили опубликованные в журнале рецензии⁸ на подготовленное в МГИАИ учебное пособие по археографии⁹.

Попытка автора указанного пособия, как это отмечалось участниками дискуссии (М. А. Варшавчик и С. А. Яковлев, Л. Н. Пушкарев), исключить из понятия «археография» археографическую практику (солидарная с ним в этом вопросе М. В. Хевролина выдвинула дополнительное обоснование, противопоставив археографию как научную дисциплину археографии учебной) с научной точки зрения является несостоятельной. Тесная взаимосвязь (скорее взаимозависимость) теории и практики археографии, исходя из современного уровня развития науки, не может вызывать сомнения. Речь должна идти о всестороннем выявлении этой взаимозависимости, о расширении сферы использования приемов и методов смежных исторических дисциплин. И подтверждением этого является постоянно обобщающийся в журнале «Советские архивы» и «Археографическом ежегоднике» опыт поиска новых издания источников, сопровождающегося дальнейшей разработкой методики отбора документов (сокращенная передача текста, особенности подготовки публикаций различных типов и др.).

Материалы дискуссии, кроме своего прямого назначения — выявления и обсуждения назревших теоретических проблем археографии, представляют интерес и в историографическом плане. В современном науковедении материалы дискуссии могут рассматриваться как часть теоретико-познавательной проблематики науки: как выявлялась проблемная ситуация в конкретной дисциплине, чем обосновывалась ее актуальность, насколько надежны выводы в формально-логическом и историко-логическом планах, каковы возможные направления дальнейшей исследовательской работы, — это основные вопросы, определяющие научный уровень дискуссий.

Чем же характерна дискуссия по проблемам археографии, что она могла решить? Основное внимание участников обсуждения было сосредоточено на уточнении понятия археографии как научной дисциплины и определении ее предмета¹⁰. Выявились два понимания определения археографии: археография занимается вопросами публикации исторических источников; археография — это выявление, описание и издание источников. Все авторы согласны с тем, что определение научной дисциплины «археографии» должно включать задачу изучения теории и практики пуб-

фикации документов. По другим вопросам единства нет: следует ли включать в определение археографии задачу изучения своей истории, входит ли в состав археографии как научной дисциплины сама практическая деятельность по публикации источников, можно ли говорить об археографии как об «области научного знания», правильно ли определять археографию как вспомогательную (или специальную) историческую (историко-филологическую) дисциплину?

Это очень важные и давно назревшие вопросы. Однако некоторые решения этих сложных теоретических вопросов предлагались участниками обсуждения, на наш взгляд, в упрощенном варианте научного доказательства. Трудно, например, согласиться с аргументацией мнения о том, что публикация документов, осуществляемая не только в интересах исторической науки, но и в политических, идеологических целях, «выводит» археографию из круга исторических дисциплин и «обнаруживает» ее самостоятельность, в связи с чем и называть ее вспомогательной исторической дисциплиной недостаточно (Е. Ф. Шорохов — 1976, № 4).

Журнал помещает рецензии на наиболее значительные сборники документов, подготовленные архивами: «Внешняя политика России XIX — начала XX века», «Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945», «Советско-монгольские отношения. 1921—1974», «Директивы командования фронтов Красной Армии. 1917—1922», «Протоколы Президиума Госплана за 1921—1922 годы», «Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в.» и др.

Рецензируются книги, учебные пособия и справочники по археографии: *Эпштейн Д. М.* История археографии в дореволюционной России. Период феодализма (Ю. С. Воробьева, В. П. Козлов — 1979, № 2); *То же.* Период капитализма (Ю. С. Воробьева — 1981, № 2); Археографическая деятельность архивных учреждений союзных республик, 1918—1975 гг. (Г. В. Батаева — 1980, № 5); *Ждановская З. В.* Вопросы методики изучения ленинского наследия (С. И. Кузьмин — 1980, № 6); Вопросы археографии в БССР: Материалы научной конференции архивных учреждений республики (1980, № 6); *Филимонов С. Б.* Историко-краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии (С. В. Чирков — 1981, № 4); Проблемы собирания и исследования документального наследия В. И. Ленина (В. Е. Корнеев — 1981, № 6); *Старостин Е. В.* Библиографический указатель печатных трудов П. А. Кропоткина (З. И. Перегудова — 1981, № 4).

Публикуются в журнале и материалы о зарубежном опыте в области археографии и публикационной деятельности архивов. Вопросам научно-издательской деятельности польских государственных архивов в 1964—1969 гг. посвящена статья З. Н. Макаренко (1971, № 2), истории публикации архивных материалов во Франции (середина XIX в.) — Г. И. Корелева (1971, № 2), опыту централизованного издания исторических источников в Болгарии — К. Георгиева (1980, № 4).

Различные аспекты археографической проблематики и в дальнейшем будут постоянно освещаться на страницах журнала «Советские архивы».

¹ Под своим названием журнал «Сов. архивы» выходит с 1966 г. Его предшественниками являются: «Архивное дело», «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, «Вопр. архивоведения». Об этом см.: *Седелников В. О.* Становление архивоведческого издания. — СА, 1983, № 1; *Он же.* Периодические издания центральных архивных органов РСФСР (1918—1929 гг.): История становления и развития. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981; *Шепелева В. И.* Делопроизводственная тематика в журнале «Архивное дело». — СА, 1983, № 1; *Кондратьев В. А.* «Ин-

формационный бюллетень». — «Вопр. архивоведения». — СА, 1983, № 1.

² См. об этом: *Долгих Ф. И.* Работу архивных учреждений страны — на уровень новых задач. — СА, 1980, № 4; *Ваганов Ф. М.* Программа дальнейшего развития архивного дела в СССР. — СА, 1981, № 1; *Долгих Ф. И.* О задачах архивных учреждений в свете решений XXVI съезда КПСС. — СА, 1981, № 3; *Он же.* О ходе выполнения Пятилетнего плана развития архивного дела в СССР в 1981 г. и мерах по обеспечению выполнения плана в 1982 г. — СА, 1982, № 4.

- ³ Подробнее об этом см.: *Кузьмин С. И.* Журнал «Сов. архивы»: Постановка и решение проблем архивоведения, археографии, источниковедения. — В кн.: Материалы Всесоюзной научной конференции «Архивы СССР периода развитого социалистического общества». М., 1979. Ч. 1; Журналу «Сов. архивы» — 60 лет. — СА, 1983, № 1; *Батаева Т. В., Степанский А. Д.* Журналу советских архивистов — 60 лет. — ВИ, 1983, № 2; *Воскресенская Н. О.* Проблемы комплектования государственных архивов и развития источниковой базы исторической науки в журнале «Сов. архивы». — История СССР, 1983, № 3; см. также: 55 лет советскому архивоведческому изданию. — СА, 1979, № 4.
- ⁴ СА, 1975, № 6.
- ⁵ *Долгих Ф. И.* О задачах архивных учреждений в свете решений XXVI съезда КПСС. — СА, 1981, № 3. Далее ссылки на статьи из журнала «Сов. архивы» даются в тексте в скобках — год издания и номер журнала.
- ⁶ См. также: *Кузнецова К. С.* Выявление и публикация государственными архивами документов о жизни и деятельности В. И. Ленина. — АЕ за 1969 год. М., 1971.
- ⁷ *Пушкарев Л. Н.* О предмете, методе и задачах археографии (1976, № 1); *Козлов О. Ф.* К вопросу об определении предмета советской археографии (1976, № 2); *Шорохов Е. Ф.* О некоторых вопросах теории советской археографии (1976, № 4); *Черныш В. А.* О предмете археографии и ее месте в кругу смежных научных дисциплин (1976, № 6); *Хевролина В. М.* К вопросу о термине «археография» (1978, № 2).
- ⁸ *Варшавчик М. А., Яковлев С. А., Мусеев О. В., Черноморский М. Н.* Предмет, метод и задачи археографии: (О новом учебном пособии). — СА, 1975, № 4.
- ⁹ *Селезнев М. С.* Теория и методика советской археографии. М., 1974.
- ¹⁰ См. завершившую дискуссию статью от редакции журнала «Сов. архивы» (1979, № 6).

Б. В. Левшин

АРХИВ АН СССР И РАЗВИТИЕ АРХИВОВ НАУЧНЫХ ЦЕНТРОВ В СОЮЗНЫХ И АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИКАХ

Июньский Пленум ЦК КПСС 1983 г. особо подчеркнул важность идеологической работы партии на современном этапе ¹. В арсенале средств идеологической деятельности видное место занимают архивные документы. Советское государство рассматривает архивные документы как общегосударственное, общенациональное достояние, объединенное в единое целое — Государственный архивный фонд СССР. Государственные архивы являются богатейшими хранителями многогранного исторического опыта советского народа. Документы Архивного фонда АН СССР отражают историю отечественной и мировой науки и культуры, имеют не только общенациональное, но и мировое значение.

Большое значение для дальнейшего совершенствования работы архивов в условиях постоянно развивающегося социалистического общества имеют основополагающие законы, принятые Советским государством: Конституция СССР 1977 г. и Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», который относит к числу памятников и документальные памятники. «В СССР памятники служат целям развития науки, народного образования и культуры, формирования высокого чувства советского патриотизма, идейно-правственного, интернационального и эстетического воспитания трудящихся», — гласит Закон ².

«Положение о Государственном архивном фонде СССР» 1980 г. определило состав фонда, источники его комплектования, организацию хранения и использования. Организация комплектования нашла свое конкретное выражение и закрепление в приложениях к этому Положению, установивших «Сеть центральных государственных архивов СССР» и «Перечень отраслевых государственных фондов, министерств, ведомств и организаций СССР, осуществляющих хранение документов Государственного архивного фонда СССР» ³.

К числу ведомств, имеющих право государственного хранения документов, относится АН СССР и академии наук союзных республик.

Для комплектования Архива АН СССР важное значение имело принципиальное решение вопроса о его правовом положении. В год образования Союза ССР на основании постановления общего Собрания Академии от 2 декабря 1922 г. был создан единый Архив Академии наук. Существовавшие ранее независимо друг от друга Архив Конференции, архив Правления Академии и Архив Отделения русского языка и словесности составили общий архив с единым увеличенным до шести архивных работников штатом и управлением. 17 февраля 1925 г. было вынесено решение о признании Архива Академии наук научным учреждением, который после преобразования Российской Академии наук во Всесоюзную в июле 1925 г. стал именоваться Архивом АН СССР.

Эти важные правительственные решения заложили прочные основы организационной деятельности Архива Академии и имели большое значение не только для развития архивного дела в АН СССР, но и для создания архивов в академиях наук союзных республик, научных центрах и филиалах.

Советская власть всегда проявляла заботу о материальной базе научных учреждений. К 10-летию Великой Октябрьской революции в 1927 г. Академия наук получила целый ряд помещений. В новое здание на Тучко-

вой (ныне адмирала Макарова) набережной переехал Институт новой русской литературы (Пушкинский Дом). Отдельное здание, которое ранее занимал Архив бывшего Горного департамента, получил и Архив АН СССР. Это создало предпосылки для комплектования академического архива и развертывания его научной деятельности.

С созданием благоприятных условий для организации хранения встала задача упорядочить распределение архивных материалов по хранилищам Академии. Еще в 1926 г. Президиум Академии наук принял постановление о хранении рукописей и архивов академиков в Архиве АН СССР. Оно определило профиль Архива, характерной особенностью которого является концентрация не только научной, служебной, официальной документации Академии наук, но и личных фондов членов Академии.

В 1929 г. при Президиуме АН СССР начала работать Комиссия по распределению архивных материалов, в которую наряду с архивистами вошли ученые. По существовавшему до этого положению в Архив АН СССР поступали документы только центральных органов Академии, а все ее научные учреждения, хотя и не имели своих архивов, документацию, откладываясь в процессе их деятельности, оставляли у себя. В АН СССР насчитывалось около 60 таких учреждений, причем некоторые из них имели документы более чем на столетний период. Материалы были не упорядочены и поэтому не доступны для использования. В результате деятельности Комиссии было просмотрено в учреждениях Академии свыше 50 тыс. дел и определено место хранения около 100 архивных фондов. Фонды членов Академии и других видных ученых поступали в Архив АН СССР, фонды писателей — в рукописный отдел Пушкинского Дома, архивные материалы XVI—XVII вв. — в архив Историко-археографического института, а документы, не относящиеся по своему профилю к академическим хранилищам, были переданы в Централархив. В 1931 г. в Архив Академии наук было принято свыше 100 тыс. дел. Если в 1928 г. он имел всего 19 фондов, то в 1930 г. их было уже 50, а в 1931 г. — 154. Проведенная Комиссией работа имела огромное значение. Она фактически определила сеть архивных учреждений АН СССР.

Организационные принципы, на основе которых эта сеть функционировала, были закреплены в двух документах, утвержденных Общим собранием АН СССР в 1930 г.: «Положение об Архиве Академии наук СССР» и «Положение об архивохранилищах Академии наук СССР». В первом из них было записано: «Архив Академии наук СССР является общим архивом АН, куда поступают на хранение архивные материалы, отложившиеся от научной и деловой деятельности АН и ее учреждений, а также архивные фонды членов АН и отдельных ученых, имеющие значение для истории Академии наук и истории науки»⁴. Были определены структура архива и его задачи: учет и концентрация, научно-техническая обработка, использование архивных документов в научных и практических целях, улучшение справочного аппарата, обследование и оказание методической помощи учреждениям Академии. Второе Положение содержало принципиальную установку о том, что «все архивные материалы, хранящиеся в Академии наук СССР, представляют собой единое целое со стороны учета, методов обработки, условий хранения и пользования»⁵. Оно определило сеть отраслевых хранилищ Академии. Архивные материалы, кроме Архива АН СССР, сосредоточивались в хранилищах Археографической комиссии, Пушкинского Дома, Музея книги, документа и письма, Института востоковедения, Отдела рукописной книги ВАН СССР. Остальные научные учреждения Академии наук архивов не имели и должны были по истечении установленных сроков сдавать свои документы на хранение в Архив АН СССР. Созданием этих законодательных положений завершился определенный этап в развитии академической архивной службы.

Новый этап деятельности архивов АН СССР можно датировать с начала 30-х годов. Он определяется осуществлением грандиозной программы экономических, социальных и культурных преобразований, выдвинутых в ленинском плане построения социализма в СССР. Претворение в жизнь

этой программы поставило перед советской наукой новые серьезные задачи, определявшиеся курсом Коммунистической партии на развертывание социалистического строительства.

Устав Академии наук 1930 г. значительно расширил сферу деятельности Академии. Это повлекло дальнейшее развитие самих научных учреждений, углубление научных исследований. С ростом сети этих учреждений увеличивался и объем документальных материалов, что потребовало совершенствования в постановке архивного дела.

Академия наук значительно активизировала свои работы в области комплексного обслуживания отдельных перспективных экономических районов. Это вызвало рост научных центров на местах. До 1932 г. почти все научные учреждения Академии наук, за исключением опытных и региональных станций, были сосредоточены в Москве и Ленинграде. Крайне мало их было в национальных республиках и областях СССР. В 1932 г. организуются Уральский, Дальневосточный и Закавказский филиалы, а также Таджикская и Казахская базы Академии наук. Их появление явилось важным фактором, определившим характерную черту перестройки Академии наук в рассматриваемый период⁶.

Создание новых местных центров было крупным дополнением к уже работавшим с 1919 г. Всеукраинской Академии наук и Академии наук Белорусской ССР с 1929 г.

Рост научных учреждений, естественно, вызвал и появление в них архивов. Увеличение сети архивов в Академии наук связано и с переводом ее в Москву. В 1934 г. научные учреждения АН СССР для большей связи их деятельности с запросами правительственных учреждений и промышленности были переведены в столицу. В Москву перебазировались главным образом учреждения, работавшие в области физико-математических, технических, геолого-географических, химических и отчасти биологических наук. Учреждения, занимавшиеся исследованиями в области общественных наук, музеи, Библиотека и Архив Академии остались в Ленинграде.

В целях учета, собирания, хранения и использования научных и делопроизводственных архивных документов, отложившихся в результате деятельности московских учреждений Академии наук, а также для их обслуживания в Москве было организовано отделение. Первое поступление документов в Московское отделение архива состоялось в 1936 г. Это были фонды Коммунистической академии, учреждения которой вошли в состав Академии наук. Тогда же начали поступать и материалы учреждений АН СССР. В 1936 г. было принято на хранение 26 фондов, а в 1941 г. их было уже 100.

Вместе с центром хранения академической документации — Московским отделением архива — выросли и отраслевые архивы. В Москве в эти годы были созданы крупные архивные хранилища: Рукописный отдел Института мировой литературы им. А. М. Горького, Архив Горького как мемориальное хранилище всего рукописного наследия великого пролетарского писателя, Музей Л. Н. Толстого с его богатейшим собранием и другие, всего насчитывалось 13 отраслевых архивов. В Ленинграде их количество увеличилось до 9. В ноябре 1935 г. Лаборатория научно-прикладной фотографии и кинематографии была утверждена в качестве центрального фотоархива Академии. Продолжался рост учреждений Академии в национальных центрах.

В 1935 г. Президиум Академии наук постановил преобразовать Закавказский филиал в три новых филиала — Азербайджанский, Армянский, Грузинский. В 1939 г. в Ташкенте начал свою работу Узбекский филиал, а в 1940 г. была преобразована в филиал Туркменская база. Это вызвало также увеличение документации как в учреждениях, так и в архивах.

Предвоенные годы в развитии архивного дела в Академии характеризовались также заметным подъемом архивно-теоретической работы, связанной с деятельностью директора Архива АН Г. А. Князева. Она оказала значительное влияние на улучшение постановки архивного дела

в целом. Архивом АН СССР была разработана «Инструкция по ведению систематизации и хранению научной и деловой документации (делопроизводства) в учреждениях Академии наук СССР» (М.; Л., 1938). Для классификации всех возникающих в процессе делопроизводства документов был создан регистратур-план, положивший основу десятичному классификатору научной и научно-организационной документации АН СССР. Для организации правильного отбора документов на постоянное хранение Архив АН СССР разработал «Перечень архивных документов со сроками хранения» (машинопись), который являлся одной из основных методических разработок по отбору документов для деятельности учреждений.

В эти годы начала разворачиваться и научная работа Архива. С 1933 г. стали издаваться его труды. Первым выпуском было описание архивных документальных материалов, хранящихся в Архиве ⁷, которое можно считать первым советским архивным путеводителем. К 1941 г. вышло четыре тома трудов. Кроме того, в эти годы Архивом были изданы крупные публикации, например совместно с Институтом народов Севера была подготовлена к печати рукопись «История Сибири» академика Г. Ф. Миллера ⁸ и др.

В связи с развертыванием научной работы в Архиве был учрежден Ученый Совет во главе с академиком И. Ю. Крачковским, в составе которого работали академики С. И. Вавилов, А. Н. Крылов, С. А. Жебелев, В. В. Струве. Тогда же при Архиве развернулась работа по выявлению и изучению документальных источников по истории Академии наук. Для этого была создана специальная комиссия, возглавлявшаяся большим знатоком истории науки академиком С. И. Вавиловым.

Грозные годы Великой Отечественной войны наложили отпечаток на всю жизнь нашей страны. Перед архивными учреждениями Академии наук встала ответственная и сложная задача не только обеспечить сохранность документальных богатств, охрану ее хранилищ, но и организовать их использование в интересах обороны. Работа в архивах Академии наук, несмотря на трудности военного времени, не прекращалась. Многие архивисты ушли на фронт, оставшиеся самоотверженно трудились, проводили выявление материалов для военных организаций и по темам научных учреждений, осуществлявших свои исследования по заданиям военных учреждений.

Больших усилий от сотрудников академических архивов потребовала эвакуация архивных материалов на восток страны. Прежде всего это коснулось архивов Белорусской и Украинской академий наук. В самом начале войны были вывезены вместе с сокровищами Эрмитажа наиболее ценные фонды Архива АН СССР и ленинградских хранилищ. Остальные материалы были укрыты в подвальных помещениях, и вражеские бомбы и снаряды не смогли причинить им вред ⁹.

Ущерб потерпели лишь некоторые делопроизводственные архивы, когда, например, в здание общественных институтов Академии наук в Москве, на Волхонке, попала большая фугасная бомба во время одного из вражеских налетов в октябре 1941 г. В 1943 г. Президиум АН СССР образовал Музейную и архивную комиссию, которая вместе с Архивом АН СССР осуществляла наблюдение за сохранностью документов Академии. Благодаря этому удалось не только уберечь академические хранилища, но и пополнить их новыми ценными поступлениями. Так, в Архив АН СССР в Ленинграде и в Москве в эти годы поступили фонды академиков С. А. Жебелева, Ф. И. Щербатского, А. А. Ухтомского, Б. М. Ляпунова, И. М. Губкина, М. А. Ильинского, И. А. Каблукова и др.

В период войны рост сети академических архивов не прекращался. Это было обусловлено активным участием АН СССР в развитии производительных сил страны. Вместе с эвакуированными институтами Академии немалую роль в этом играли ее местные научные учреждения, количество которых выросло. Так, в 1943 г. были организованы Киргизский филиал и Дальневосточная база АН СССР, в 1944 г. Западно-сибирский филиал и Кольская база, в 1945 г. Татарский филиал,

Карело-Финская и Дагестанская базы АН СССР. Одновременно шел процесс превращения окрепших филиалов в академии наук союзных республик. Первой еще до войны, в 1941 г., была образована АН Грузинской ССР. В годы войны из филиалов выросли Узбекская, Армянская, Азербайджанская и Казахская академии наук. К концу войны число филиалов почти не изменилось, так как были созданы новые филиалы. В 1945 г. Академия наук располагала 7 филиалами и 4 базами, которые объединяли 110 научных учреждений. В них работали 1700 научных и научно-технических сотрудников.

С ростом местных научных центров увеличивалась сеть архивов АН СССР и академий наук союзных республик. В 1941—1946 гг. были организованы архивы в Грузинской, Армянской, Киргизской, Узбекской, Азербайджанской, Литовской академиях наук; в 50—60-х годах — в Казахской, Молдавской, Туркменской.

Развитие науки в республиках привело в 50-х годах к возникновению в системе учреждений республиканских академий таких крупных хранилищ рукописей, как Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки АН Украинской ССР, Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Грузинской ССР, а также рукописных отделов институтов истории, этнографии, археологии, литературы. К этому же времени относится создание такого крупнейшего учреждения Академии наук, каким является Научный архив СО АН СССР.

Послевоенные годы в развитии архивного дела в АН СССР и академиях наук союзных республик характеризовались не только значительным увеличением сети архивных учреждений, но и дальнейшим углублением содержания и разнообразием форм научного использования архивных документов в интересах развития науки и коммунистического строительства, улучшением режима их хранения. Неизмеримо возрос объем комплектования академической документации. В эти годы архивы Академии приняли в свои хранилища 1730 тыс. дел.

Колоссальный размах научных исследований в стране, рост академических научных учреждений вызвали поток научной информации, которая обусловила огромное разнообразие форм документов. На архивные учреждения легла ответственная задача организовать целенаправленный поток этой документации для хранения, отсеять в процессе текущей работы маловажные документы, осуществлять прием материалов, их обработку, обеспечить необходимым справочным аппаратом. Для этого нужно было провести значительную научно-методическую работу, связанную с разработкой принципиальной организации академических документальных материалов, с определением сроков хранения различных видов документов и их классификацией. Эту работу возглавил Архив АН СССР. Были разработаны новый «Перечень документальных материалов, образующихся в деятельности Академии наук СССР, учреждений и организаций ее системы, с указанием сроков хранения материалов» (Л., 1954), «Классификатор научно-организационной и деловой документации (делопроизводства) учреждений АН СССР» (М., 1955), пособия по обработке делопроизводственной документации, фондов личного происхождения и другие методические разработки, обобщающие практику архивной работы.

В 1963 г. Президиум АН СССР принял решение о преобразовании Московского отделения архива в Архив АН СССР и Архива в Ленинграде — в Ленинградское отделение архива в целях большего удобства управления сетью академических архивов и лучшей связи Архива с руководящими органами Академии.

Как и в первые годы Советской власти, Академия наук придавала большое значение правовым проблемам архивного дела в Академии. Был принят ряд постановлений. В 1963 г. учрежден координирующий методический орган — Совет по организации комплектования и использования архивных материалов АН СССР (СКИАМ). Его создание имело большое значение для координации деятельности архивных учреждений АН СССР и академий наук союзных республик. Совет осуществлял методическое

руководство собиранием, хранением и научной разработкой документальных материалов по истории русской и советской науки, в том числе материалов научных учреждений и рукописного наследия членов Академии наук и других ведущих ученых страны.

Деятельность Совета способствовала улучшению общего состояния архивного дела в республиканских академиях. Неоднократные запросы с их стороны показали необходимость единого руководства постановкой делопроизводства, обеспечения филиалов и академий наук союзных республик методическими пособиями. 13 октября 1965 г. Бюро Совета постановило: «Считать необходимым усилить связи с архивами академий наук союзных республик для установления единых принципов организации текущего делопроизводства, архивной работы и обмена опытом»¹⁰. На заседаниях Бюро Совета неоднократно заслушивались отчеты о работе архивов филиалов и академий союзных республик, давались заключения на положения об архивах, о советах по организации комплектования и использования документов и экспертно-проверочных комиссий (ЭПК) академий наук союзных республик, уточнялись и согласовывались составы советов.

За 1965—1981 гг. было сделано более 50 выездов сотрудников Архива АН СССР совместно с членами Совета в союзные республики, филиалы с целью оказания методической помощи. Положительную роль сыграли предоставление Главархивом СССР академиям наук права самостоятельного утверждения описей на дела, подлежащие государственному хранению, и соответствующая работа Совета и Архива АН СССР.

Таким образом, организация централизованного хранения всей документации академий получила соответствующие юридические основания и методическую помощь, что привело в достаточно короткий срок к созданию архивов во всех республиканских академиях наук и нашло выражение в положениях об архивах. Сейчас происходит расширение сети архивов академий наук союзных республик путем создания научных архивов институтов. Так, в АН Украинской ССР уже треть учреждений имеет архивы, активно ведется работа и в АН Казахской ССР. Развитие и укрепление сети архивов учреждений является залогом целенаправленного и полноценного комплектования центральных архивов академий наук союзных республик. Для развития сети архивов имеются достаточные методические предпосылки: Архив АН СССР разработал целый комплекс пособий по организации архивной службы в АН СССР.

Главные усилия всех архивных учреждений нашей страны в настоящее время концентрируются на комплектовании ГАФ СССР, улучшении его состава, организации работ по сохранности документов. Постоянное пополнение ГАФ СССР документами, отражающими историю советского государства, труд советских людей в период строительства коммунизма, является одной из первоочередных задач.

Поэтому вполне понятно то внимание, которое уделяет Архив АН СССР совершенствованию архивного дела в республиканских академиях. От правильной работы архивов академий наук союзных республик зависит пополнение ГАФ СССР ценнейшей документацией по истории становления и развития науки, культуры, народного хозяйства в национальных республиках.

Эти задачи отражены в уже названных выше «Положении о Государственном архивном фонде СССР» и «Положении о Главном архивном управлении при Совете Министров СССР» 1980 г. Претворение в жизнь указанных положений является важнейшим организационным мероприятием, направленным на повышение общественных функций государственной архивной службы и приведение ее в соответствие с современными требованиями. В положениях подняты на новую качественную ступень основные принципы ленинского Декрета от 1 июня 1918 г.: общенародная собственность на документы архивов и централизация их хранения, взаимоотношения государственных архивов с ведомствами, централизованное заведование документами архивов и рациональная организация

управления. Архивный фонд Академии наук является частью ГАФ СССР и представляет национальное достояние советского народа.

АН СССР постоянно уделяет большое внимание организации архивного дела в своей системе. Об этом свидетельствуют постановления и распоряжения, которые были приняты Президиумом АН СССР во исполнение правительственных постановлений по улучшению и совершенствованию архивной службы в стране. В соответствии с «Положением о Государственном архивном фонде СССР» и «Положением о Государственном архивном управлении при Совете министров СССР» были переработаны «Положение об Архивном фонде Академии наук СССР», «Положение об Архиве Академии наук СССР», уточнена сеть архивов с постоянным составом, разработаны типовые положения об архивах филиала, научного центра и учреждения АН СССР¹¹. Во всех этих документах уделяется большое внимание организации комплектования архивов АН СССР. Комплектование и экспертиза ценности документов определяют состав документов архивов и способствуют созданию источниковой базы советской исторической науки.

В «Положении об Архивном фонде Академии наук СССР» изложены основные принципы построения и организации архивного дела в системе АН СССР. Указан состав документов, предусмотрен порядок его комплектования.

В структуре архивных учреждений АН СССР организованы следующие архивы с постоянным составом документов: Архив АН СССР, который является центральным в системе; Научный архив СО АН СССР и научные архивы его филиалов (Бурятского, Восточно-сибирского, Красноярского, Томского и Якутского); научные архивы Дальневосточного научного центра, Уральского научного центра, Башкирского, Дагестанского, Казанского, Карельского филиалов, Кольского филиала им. С. М. Кирова и Коми филиала.

В свое время Главархив СССР разработал «Примерные списки учреждений, организаций и предприятий, материалы которых подлежат и не подлежат приему в государственные архивы СССР». В соответствии с ними был ограничен круг учреждений, организаций и предприятий, от которых принимаются документы на постоянное хранение. АН СССР также объединяет широкую сеть учреждений, включающую управленческий аппарат, научные учреждения и организации обслуживающего, вспомогательного характера. Поэтому Архивом АН СССР была проведена большая работа по изучению роли и значения каждого учреждения в системе Академии, уточнялись категории документов, образующихся в результате его деятельности, степень их отраженности в вышестоящих учреждениях. Это показало, что в учреждениях Академии за последние годы появилось много новых документов, которые не были отражены в методических разработках: потребовалось переработать перечень документов, составленный в 1954 г. В 1981 г. Архивом АН СССР был разработан новый «Перечень документов со сроками хранения Академии наук СССР, ее учреждений, организаций и предприятий»¹². На основании перечня составлены два списка: Список № 1 учреждений и организаций, документы которых подлежат приему в Архив АН СССР, и Список № 2 учреждений, организаций и предприятий выборочного приема документов. Это дало возможность сузить круг учреждений, документы которых подлежат приему в академические архивы, осуществляющие постоянное хранение документов, и улучшить их качественный состав.

В 1981 г. создана Центральная экспертно-проверочная комиссия АН СССР (ЦЭПК). Основными задачами комиссии являются определение источников комплектования Архивного фонда АН СССР, рассмотрение и принятие решений по научно-методическим и практическим вопросам экспертизы ценности документов и комплектования архивов с постоянным составом документов АН СССР. Кроме того, она осуществляет наблюдение за обеспеченностью экспертной службы АН СССР необходимыми нормативными документами, методическими разработками по экспертизе ценности документов и комплектованию Архивного фонда АН СССР.

Вновь разработанные Архивом АН СССР нормативные документы и методические пособия послужили базой для создания аналогичных документов в архивах академий наук союзных республик. Во многих из них уточнены положения о научных архивах и созданы ЦЭПК, повысилась квалификация работников архивов.

В своем развитии за советские годы архивные учреждения Академии наук достигли значительных успехов. К настоящему времени они представляют собой стройную систему.

Огромной значимости архивные материалы собраны в сети архивов академий наук союзных республик. К этим архивам непосредственно примыкают работающие в их составе 11 крупных рукописных хранилищ — сокровищниц памятников письменности и литературы. Среди них, кроме упомянутых ранее, можно назвать Литературный музей им. Ф. Р. Крейцвальда в Эстонии, Республиканский рукописный фонд АН Азербайджана, Институт востоковедения им. А. Бируни в Таджикистане, Институт востоковедения в Узбекистане и др.

Главнейшей задачей любого архива Советского Союза является организация максимального использования хранимых материалов. Основными формами использования документов являются: предоставление их исследователям в читальных залах, подготовка путеводителей, научных описаний, обзоров фондов, публикаций документального наследия выдающихся ученых, наведение справок научного и биографического характера, организация выставок, микрокопирование.

За годы Советской власти значительно увеличился объем фондов в академических архивах. Достаточно сказать, что если в Архиве АН СССР в 1931 г. было 154 фонда, то в 1982 г. — 2188. Рост разнообразия видов документов определил и разнообразие форм их использования. Широко изучается научное и эпистолярное наследие выдающихся ученых. Документы и рукописи личных архивов и коллекций составляют важную и существенную часть источников, освещающих историю нашего народа и его культуры. Совместно с Главархивом СССР, ГБЛ Архив АН СССР принял участие в подготовке справочника «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР»¹³. В этой работе участвовали и архивы республиканских академий наук.

Архив АН Казахской ССР провел большую работу в поисках документов к выставкам 250-летия АН СССР; к 20-летию освоения целины выявлены документы о вкладе ученых Казахстана в это важное дело. Архив является одним из основных составителей сборника «Фронтовой привет тебе, Казахстан»¹⁴. Изданы труды первого президента АН Казахской ССР, выдающегося ученого-геолога, известного не только в Советском Союзе, но и за его пределами — академика К. И. Сатпаева¹⁵.

Широко используется рукописное наследие, сосредоточенное в Центральном научном архиве АН Украинской ССР. Документы архива легли в основу ряда монографий, серии биографических книг о выдающихся ученых, исторических очерков об академических институтах. Архив АН СССР за последние годы издал научные и эпистолярные наследия выдающихся ученых С. К. Богоявленского, С. Б. Веселовского, В. И. Вернадского, И. И. Мечникова, Е. В. Тарле и др.

Как уже отмечалось, Архив АН СССР постоянно оказывал методическую помощь архивам республиканских академий наук. Одним из существенных видов такой помощи и координации деятельности являются совещания архивистов. Первое совещание состоялось в 1967 г. Целью его было подведение итогов архивного строительства в академической системе за 50 лет и перспективы дальнейшего развития¹⁶. За 15 прошедших лет произошло много изменений. Еще больше выросли связи между Архивом АН СССР и архивами республиканских академий, встал и ряд новых задач в связи с решениями правительственных органов по организации архивной службы в стране. В год 60-летия СССР АН СССР организовал впервые Школу архивистов АН СССР и академий наук союзных республик. В ее работе участвовали 121 человек. Широко были представ-

лены сотрудники архивов научных центров, филиалов АН СССР и всех архивов академий наук союзных республик. Это представительное совещание определило основные задачи деятельности академических архивов. Участники школы ознакомились с состоянием архивного дела в академиях и выделили общие проблемы, от решения которых зависит его дальнейшее успешное развитие.

Программа школы включала доклады обобщающего характера и проблемные — по важнейшим вопросам архивного дела с учетом изменений, которые произошли в организации архивной системы в стране. Работа школы наглядно показала значение коллективных усилий в решении этих вопросов. Материалы школы позволяют говорить о высоком качестве нового уровне разработки ряда теоретических и методических проблем архивного дела в системе академий наук.

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14—15 июня 1983 г. М., 1983.

² Закон Союза Советских Социалистических Республик об охране и использовании памятников истории и культуры. М., 1976, с. 4.

³ Приказ Главархива СССР от 25 апреля 1980 г., № 72. Главархив СССР. М., 1980. Прилож.

⁴ Архив Академии наук СССР: Обзорные архивных материалов. — ТААН. Л., 1933, вып. 1, с. 203.

⁵ Там же, с. 204.

⁶ Кожков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР: Краткий исторический очерк. В 2-х т. М., 1977, т. 2, с. 93—98.

⁷ См. сн. 4 наст. ст.

⁸ Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937, т. 1, 1941, т. 2.

⁹ Левшин Б. В. Деятельность Архива АН СССР в годы Великой Отечественной войны. — АЕ за 1975 год. М., 1976.

¹⁰ ААН, ф. СКИАМ, не обработан. Протокол № 4 от 13 окт. 1965 г.

¹¹ Постановление Президиума Академии наук СССР от 25 июня 1981 г. за № 1027 «Об утверждении нормативных актов о совершенствовании архивного дела в Академии наук СССР». М., 1981.

¹² Распоряжение Президиума Академии наук СССР от 25 февр. 1981 г., № 14111—326 о введении в действие «Перечня документов со сроками хранения Академии наук СССР, ее учреждений, организаций и предприятий. Ч. I. Управленческая документация». М., 1981.

¹³ Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. М., 1962—1963, 1980, Т. 1—3.

¹⁴ Фронтовой привет тебе, Казахстан: Сб. писем. Алма-Ата, 1975.

¹⁵ Сатпаев К. И. Избранные труды. Алма-Ата, 1967—1970. Т. 1—5.

¹⁶ Академические архивы СССР за 50 лет Советской власти: (Труды 1-го совещания архивистов Академии наук СССР и академий наук союзных республик 17—23 мая 1967 г.). М., 1968. Ротапр.

О. Ф. Козлов

ОЧЕРК АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРХИВНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

(из опыта подготовки)

В последние десятилетия повысился интерес к истории, теории и практике публикаций исторических документов. Поэтому уместно подвести некоторые итоги развития советской археографии в союзных республиках и наметить перспективы ее дальнейшего изучения. Один из способов решения данной проблемы — создание обобщающего труда по истории советской археографии. Такой труд покажет достижения в области истории, теории и методики археографии за более чем полувековой период и выявит «белые пятна» в ее изучении. Одной из основных его задач должен стать анализ формирования источниковой основы советской исторической науки, что имеет важное не только научное, культурное, но и политическое значение.

В связи с этим представляется целесообразным остановиться на опыте подготовки обобщающей работы по истории археографической деятельности архивных учреждений союзных республик в 1918—1975 гг., принятой сектором археографии ВНИИДАД в творческом содружестве с архивными учреждениями нашей страны¹.

История археографии в отдельных республиках изучалась и ранее. Назовем лишь обобщающие работы. Так, развитие археографии на Украине рассмотрено С. А. Яковлевым и А. Г. Митюковым². Тематика и состав документальных публикаций, подготовленных архивными учреждениями Грузии, были предметом анализа Ш. К. Чхетия³. К числу обобщающих работ по истории археографии и архивного строительства в национальных регионах принадлежат монографии А. В. Головкина и А. Джамакулова⁴. Статьи, содержащие обзоры документальных изданий, были написаны в Белорусской, Казахской, Армянской, Эстонской ССР⁵. Перечисленные работы дают представление о масштабах и организации публикаторской работы, тематике и составе документальных изданий, о том, какую большую роль играют документальные издания в формировании источниковой базы исторической науки, особенно для изучения истории советского общества.

Однако в них, как правило, уделено мало внимания освещению вопросов теории и методики археографии, связям последней с историографией и источниковедением.

Приведенный перечень работ свидетельствует, что комплексного изучения вопросов истории, теории и методики археографии в союзных республиках до сих пор не проводилось. Вместе с тем анализ литературы и сборников документов показал, что изучение истории археографии в союзных республиках диктуется интересами дальнейшего развития археографической практики, совершенствования организации и методики подготовки документальных изданий, повышения эффективности их использования в идеологических и научных целях. Решение названных задач невозможно без изучения и обобщения накопленного опыта.

Учитывая потребность в такой работе, сектор археографии ВНИИДАД в 1970 г. приступил к созданию обобщающего труда по истории археографической деятельности в союзных республиках.

В процессе его подготовки можно выделить несколько этапов. Первый — организационный, поскольку этот труд намечалось создать кол-

лективными усилиями, при участии архивных учреждений союзных республик. На объединенном заседании сектора археографии ВНИИДАД, кафедры археографии МГИАИ и научно-издательского отдела Главархива СССР были обсуждены задачи и принципы построения работы. После этого запросили мнение архивных учреждений союзных республик, предложив им принять в ней участие. Большинство архивных управлений одобрили саму идею и согласились участвовать в подготовке работы. Кроме того, дали согласие на участие в работе ЦГА РСФСР, Архивные отделы Саратовской и Горьковской областей, Татарской и Башкирской АССР.

Следующий этап подготовки — разработка методической программы исследования и плана-проспекта. Проекты этих документов неоднократно обсуждались на научно-методической секции по проблеме «Археография» Ученого совета ВНИИДАД. Были также получены отзывы от Главархива СССР, Института истории СССР АН СССР, МГИАИ, ЦГАОР СССР, ЦГАЛИ, ЦГА РСФСР и ряда других архивных и научных учреждений. В результате обсуждения организационно-методических документов было принято решение сосредоточить основное внимание на изучении тематики, методики и организации подготовки документальных изданий и ограничиться анализом археографической деятельности только архивных учреждений союзных республик. Было рекомендовано придать всей работе форму очерка, который следует построить в соответствии с основными этапами истории археографии, принятыми в современной научной литературе. После доработки документы были направлены архивным учреждениям-соисполнителям.

Вначале предполагалось, что архивные учреждения союзных республик, руководствуясь полученными документами, напишут обзоры, которые составят основу будущего исторического очерка. На сектор возлагалась организационно-методическая работа, а также рецензирование, редактирование и доработка присылаемых материалов. Однако этот порядок подготовки пришлось изменить, так как не все архивные управления представили соответствующие материалы и не все присланные обзоры содержали всестороннее и глубокое освещение археографической деятельности архивных учреждений.

В 1973—1975 гг. в сектор археографии ВНИИДАД были представлены очерки и обзоры публикационной деятельности архивных учреждений Азербайджанской, Армянской, Белорусской, Казахской, Молдавской, Узбекской и Эстонской ССР. Очерк по истории археографии в Украинской ССР написал профессор Киевского государственного университета С. А. Яковлев. Кроме того, были получены справки о публикационной деятельности в ряде регионов РСФСР, составленные сотрудниками Архивного управления Мособлсполкома, ЦГА РСФСР, архивных отделов Горьковского и Саратовского облисполкомов и Татарской АССР. Наиболее удачными оказались очерки по истории археографии в Белорусской ССР (подготовил Е. Ф. Шорохов) и об археографической деятельности архивных учреждений Казахской ССР (подготовил Н. П. Калита). Содержательный материал А. К. Киршбаум о публикационной работе в Латвийской ССР поступил в сектор только в начале 1976 г., когда был готов первый вариант рукописи очерка об археографической деятельности архивных учреждений союзных республик с 1917 по 1975 г., и поэтому на данном этапе не мог быть использован. Таким образом, сотрудникам сектора археографии ВНИИДАД пришлось не только рецензировать, редактировать и дорабатывать присланные материалы, но и проводить самостоятельные исследования по большинству союзных республик и подготовить весь текст рукописи исторического очерка.

В обсуждении рукописи активное участие приняли сотрудники Главархива СССР, Главархива РСФСР, Археографической комиссии АН СССР, МГИАИ, ВНИИДАД, центральных государственных архивов и других архивных и научных учреждений. В результате обсуждения была изменена структура третьей главы очерка, в которой организация публика-

ционной деятельности, тематика документальных изданий и развитие археографической методики были даны по регионам. Такая структура в известной мере нарушала целостность очерка, поскольку в первых двух главах этот комплекс вопросов рассматривался в целом, как единый процесс, свойственный всем союзным республикам. Участники обсуждения высказали также пожелания, чтобы более выпукло была представлена деятельность Централархива РСФСР, ЦАУ СССР и особенно Главархива СССР по руководству и координации публикационной работы архивных учреждений союзных республик. Кроме того, было рекомендовано подробнее изложить материалы конференций, дискуссий, совещаний и семинаров по публикационной работе.

Такие обсуждения, осуществляемые в процессе подготовки коллективной работы, очень полезны, поскольку дают возможность узнать мнение специалистов по нерешенным и трудным вопросам, избежать ряда ошибок и придать всей работе более стройный и законченный вид. Опыт, приобретенный сектором археографии в процессе работы над очерком, заслуживает внимания и использования в будущем.

Свою работу авторы назвали очерком, первым пробным шагом на пути создания обобщающей монографии по истории, теории и методике советской археографии. Но, учитывая огромные масштабы публикации исторических документов в нашей стране и более чем полувековой охват времени, можно считать, что шаг этот не столь уж мал. Сравнительно небольшой коллектив сотрудников сектора археографии ВНИИДАД и их соавторов из союзных республик провел изучение целого комплекса проблем, имея перед собой примером труд выдающегося советского археографа С. Н. Валка⁶.

Цель исследования состояла в том, чтобы изучить общие закономерности и особенности развития археографии в союзных республиках, а также рассмотреть эволюцию методов издания исторических документов и совершенствование организации публикационной деятельности. Источниковую основу работы составили постановления КПСС и Советского правительства по вопросам архивного дела, документальные издания и рецензии на них, научно-методическая литература, опубликованная за рассматриваемый период, материалы совещаний, семинаров, конференций, планы публикационной работы, отчеты, методические инструкции, обзоры и другие документы, отражающие методику и организацию издания исторических документов в союзных республиках. Как видим, источниковая база состоит из различных видов источников по истории археографии, что дало возможность сделать достаточно обоснованные выводы и наблюдения.

Археографическая деятельность в союзных республиках рассматривается в очерке по основным периодам истории советского общества: строительство социализма, упрочение и полная победа социализма, развитое социалистическое общество и постепенный переход к коммунизму. В соответствии с этой периодизацией анализируется организация публикационной работы, тематика и состав документальных изданий и главные вопросы теории и методики археографии.

В очерке отмечается, что для первого десятилетия истории советской археографии главной задачей архивных учреждений союзных республик была концентрация и обеспечение сохранности документальных материалов, а также организация деятельности архивных органов на основе подписанного В. И. Лениным декрета Совета Народных Комиссаров от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела». Вместе с тем уже на I Всероссийской конференции архивных деятелей, состоявшейся в Москве осенью 1921 г., были поставлены важнейшие вопросы, сформулированы главные задачи и принципы советской археографической деятельности, которые и в настоящее время не потеряли актуальности: плановость, выработка научно обоснованных норм и правил подготовки документов к изданию, широкая кооперация работы архивных и научных учреждений.

Большое значение для активизации издания документов имела победа социализма в нашей стране, преобразование высших органов государственной власти и управления союзно-республиканского значения в соответствии с Конституцией 1936 г., а также последовавшая за этим реорганизация архивных учреждений и ряд мер по совершенствованию архивной системы в послевоенный период, особенно в 1956—1960 гг.

В очерке рассматриваются конкретные меры по улучшению планирования публикаторской работы, осуществленные за последние два десятилетия. Характерной чертой археографической деятельности архивных учреждений союзных республик в 60—70-х годах стало более масштабное планирование издания исторических документов. Расширился и повысился контроль архивных управлений союзных республик за состоянием публикационной работы в республиканских и областных архивах, что способствовало устранению недочетов и более широкому обмену опытом. Планы издания документов стали рассматриваться на научных советах и согласовываться с институтами истории партии, с учреждениями союзно-республиканских академий наук и вузами.

Большое влияние на организацию археографической деятельности в союзных республиках оказало постановление Совета министров СССР от 25 июля 1963 г. «О мерах по улучшению архивного дела в СССР»⁷. В практику издания документов внедряется перспективное планирование, кооперирование, углубляется сотрудничество архивных учреждений.

В очерке анализируется тематика документальных изданий, их состав и содержание. Победа Великой Октябрьской социалистической революции привела к становлению исторической науки, основанной на принципах марксистско-ленинской диалектики и исторического материализма. Коренным образом изменилась тематика исторических исследований и документальных изданий. Главное место в археографической деятельности архивных учреждений союзных республик в 1918—1936 гг. заняли такие темы, как история революции 1905—1907 гг., Великая Октябрьская социалистическая революция, социалистическое и национальное строительство.

Разнообразнее стала тематика документальных изданий в период с середины 30-х до середины 50-х годов. Наблюдается более широкое и глубокое освещение истории классовой борьбы на рубеже XIX и XX вв. Особое внимание в публикационной работе археографов союзных республик уделяется изучению истории создания партии большевиков и ее руководящей роли в подготовке и осуществлении Великой Октябрьской социалистической революции. В этот период был внесен большой вклад в создание источниковой базы для разработки таких актуальных тем, как история революции 1905—1907 гг., Великий Октябрь, гражданская война и борьба с иностранной военной интервенцией. Видное место в документальных изданиях заняла тема Великой Отечественной войны, стала разрабатываться тема истории Ленинского комсомола.

В последующий период, конец 50-х—середины 70-х годов, тематика документальных изданий существенно обогатилась ленинской темой. Архивными учреждениями союзных республик было подготовлено большое количество документальных сборников к 100-летию юбилею В. И. Ленина. Видными вехами в развитии тематики документальных публикаций были крупные юбилейные даты в истории нашей страны: 50-летие образования СССР и 30-летие победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. В этот период были завершены в основном документальные серии «История индустриализации в СССР» и «История коллективизации сельского хозяйства в СССР».

Третьей проблемой, которая рассматривается в очерке, является история теории и методики издания исторических документов. Крупным достижением советской археографии в союзных республиках было возникновение в 20-х—начале 30-х годов научно-критического метода публикации исторических источников. В это же время были созданы предпосылки для выработки единых правил издания документов. Следует отметить, что все нормативные и методические разработки этого периода создавались

на основе принципов марксистско-ленинской методологии, что определило дальнейшее развитие советской археографии.

Развитие теории и методики археографии в союзных республиках в 1937—1958 гг. и в период развитого социалистического общества имеет ряд характерных особенностей. Большое значение стало придаваться источниковедческому изучению документов, критическому анализу достоверности содержания документальных источников, включаемых в состав изданий. Значительно расширился круг выявленных документов. С 50-х годов стали повсеместно проводиться такие принципы археографии, как выявление источников не в одном, а в ряде архивов, где отложились документы по теме издания, а также в библиотеках и музеях; всестороннее освещение темы публикации путем привлечения документов различных видов. Утвердилась практика печатания текста документов с подлинников. Возросло число тематических изданий, были выработаны приемы передачи текстов протоколов и отчетной документации, совершенствовалась и унифицировалась методика археографического оформления документов. Научно-справочный аппарат документальных изданий с 50-х годов становится более полным и совершенным. Большую роль в обобщении археографической практики и в дальнейшем совершенствовании методики публикации исторических источников в союзных республиках сыграли «Правила издания документов» 1945 и 1955 гг.

Развитие археографической деятельности, направленной на удовлетворение потребности социалистического общества в ретроспективной информации, привело к появлению трех типов документальных изданий: научного, научно-популярного и учебного. Большое влияние на их определение оказали дискуссии о типах, видах и формах публикаций, о методике передачи текста документов, проходившие в 50-х—начале 60-х годов в Главархиве СССР, Институте истории АН СССР, МГИАИ и на страницах журнала «Исторический архив». Деление документальных изданий на три типа было закреплено в «Правилах издания исторических документов в СССР» (М., 1969). «Правила» сыграли очень важную роль как в нормативном обобщении и закреплении практики прогрессивных методов издания документов, так и в их дальнейшем развитии. Комплексное освещение темы издания путем отбора различных видов документов из тенденций стало общим правилом археографической деятельности архивных учреждений союзных республик.

Общим выводом, вытекающим из исторического очерка, может послужить заключение, что советская археография за данный период времени прошла большой путь становления и развития, главной чертой которого было постоянное совершенствование организации и методики издания исторических документов. Археографическая деятельность союзных республик в 1918—1975 гг. может быть оценена не только с точки зрения формирования источниковой базы советской исторической науки, но и как составная часть культурного и национального строительства в СССР.

Исторический очерк, посвященный археографической деятельности архивных учреждений союзных республик, был одобрительно встречен научной общественностью. Так, рецензент Т. В. Батаева, положительно оценивая данный труд, отмечала, что его появление «свидетельствует о большой научно-практической полезности подобных исследований, недостаток в которых ощущается в последние годы. Эта работа — первый шаг в восполнении „белых пятен“ истории советской археографии. Важно продолжить изучение затронутых проблем, углубив и расширив фронт исследования»⁸. С этим суждением можно согласиться, так как остался целый ряд еще не изученных проблем. Например, подготовка кадров археографов, публикационная работа Централхива и центральных государственных архивов, научных учреждений системы ИМЛ при ЦК КПСС, АН СССР и т. д. Вполне справедливо мнение рецензента о том, что ощущается недостаток в обобщающих трудах по истории археографии. Потребность в «академической» истории советской археографии отметил

на Всесоюзной научной конференции в ИМЛ в мае 1978 г. и председатель Археографической комиссии АН СССР С. О. Шмидт⁹.

Под влиянием и в процессе развернутой ВНИИДАД работы по созданию исторического очерка активизировалось написание статей и монографий по этой же проблеме в союзных республиках. Среди них выгодно выделяется историографическая статья Е. Ф. Шорохова. В ней характеризуются источники по истории археографии в Белоруссии. Литературу по этой проблеме автор делит на четыре группы: «работы историографического характера; по истории и организации архивного дела; по истории публикации документов, теории и методике археографии; рецензии на археографические издания и на работы по истории публикации документов, теории и методике археографии»¹⁰.

В первой группе — общих трудах по истории исторической науки в БССР, по мнению автора, публикация документов рассматривается с точки зрения формирования источниковой базы исторических исследований и значения сборников документов для развития исторической науки в БССР. «Археографическая деятельность в республике, — отмечает Шорохов, — не получила в них достаточного освещения»¹¹. Во второй группе — работах по истории и организации архивного дела — содержатся отдельные факты и положения по интересующей проблеме. В третьей группе литературы самым крупным и ценным трудом в области археографии Белоруссии автор считает монографию Н. Н. Улащика¹². Большой материал содержат специальные статьи по истории публикации документов (см. сноску 5). Особое значение придает он обзорам документальных публикаций в Белоруссии, а также обзорам, составленным Главархивом СССР и написанным советскими историками. Главное достоинство обзоров состоит в том, что в них документальные издания рассмотрены с точки зрения методики и организации подготовки сборников документов.

К четвертой группе литературы по истории археографии Шорохов относит рецензии на документальные сборники. Они позволяют выяснить, насколько изданные сборники удовлетворяют интересы развития исторической науки и какова их политическая оценка.

Среди источников для изучения истории археографии он прежде всего выделяет законодательные акты по архивному делу, затем решения и материалы конференций и совещаний, доклады, статьи, выступления руководителей и ответственных работников архивных и научных учреждений, занимающихся археографической деятельностью. Эта группа источников важна для понимания того, как решались задачи, поставленные партией перед архивными и научными учреждениями в области издания документов.

Наконец, в качестве основных источников по истории археографии в работе названы сборники документов и воспоминаний — опубликованные и неопубликованные, а также подборки документов в периодической печати и в приложениях к монографиям. Попытка классифицировать белорусские документальные издания по типам, видам и формам в зависимости от целевого назначения, методов подготовки, данная впервые в статье З. Ю. Копыского (см. сн. 5), содержится также в упомянутой статье Шорохова «Археографические издания по истории Белоруссии». В ней дана периодизация археографической деятельности в республике и охарактеризован каждый ее этап. Статьи Е. Ф. Шорохова интересны и как работы по истории археографии в Белоруссии, из которых видны направления исследования белорусской археографии, достигнутые результаты, и как работы по источниковедению истории археографии. Попытка выделить группы источников и дать их оценку заслуживает внимания не только для написания истории археографии отдельного региона, но и для создания истории археографии в СССР.

Почти одновременно с выходом в свет исторического очерка была опубликована работа Н. П. Калиты¹³. Она представляет собой очерк развития археографии в Казахстане с 20-х годов до настоящего времени. Изложение материала дано по трем периодам: 1920—первая половина 30-х годов,

середина 30-х—50-е годы и с конца 50-х до конца 70-х годов. Основное внимание уделено рассмотрению тематики документальных изданий, прослежена ее эволюция по хронологическим периодам. Тематика документальных изданий, вышедших в Казахстане с 1920 г. по 1977 г., представлена в работе Калиты полнее, чем в историческом очерке, подготовленном сектором археографии ВНИИДАД в соавторстве с архивистами из союзных республик.

Издан специальный обзор по истории археографии в Средней Азии¹⁴. В нем анализируются вопросы собирания, описания и публикации документов за дореволюционный период, начиная с XII в., когда в Бухаре, Самарканде и Хорезме распространялись отдельные документы и целые рукописные сборники как в практических целях (в качестве образцов канцелярского делопроизводства), так и с намерением сохранить их для будущих поколений. В заключение очень кратко рассмотрена советская археография Средней Азии. В приложении дана библиография публикации документов на местных языках в 1917—1974 гг.

Развитие археографии в Чувашской АССР с 20-х годов и до наших дней стало предметом изучения в работе В. А. Нестерова¹⁵. В ней освещены вопросы организации, методики подготовки документальных изданий, их состав, научно-справочный аппарат. Наряду с положительными сторонами отмечены и некоторые недостатки в отборе документов и их археографическом оформлении. Кроме сборников документов, рассмотрены публикации документов в журналах и газетах, что дает сравнительно полное представление об археографической деятельности в Чувашии. Однако вопросы развития теории и методики археографии, как и в работе Калиты, не получили достаточной разработки.

В том же сборнике опубликованы ценные статьи Л. В. Гороховой и Н. М. Силаевой «Публикаторская деятельность Центрального госархива Татарской АССР (1945—1970 гг.)», Н. С. Вертышевой «Из истории публикации исторических источников Краснодарского края в послевоенный период», А. К. Киршбаум, И. Р. Шнейдере «Методика подготовки документальных изданий, выпущенных архивными учреждениями Латвийской ССР». Последняя статья представлена авторами как часть общей работы «Из истории развития археографии в деятельности архивных учреждений Латвийской ССР. 1940—1975 гг.».

В итоге можно сделать вывод о том, что в настоящее время имеется ряд работ по истории археографии в отдельных национальных республиках и обобщающий очерк об археографической деятельности архивных учреждений союзных республик за более чем полувековой период. К числу работ, прокладывающих путь к созданию фундаментальной истории археографии в СССР, безусловно следует отнести монографию С. Н. Валка¹⁶, в которой рассмотрена организация археографической работы, вопросы археографической практики в СССР, а также дан обзор документальных изданий за 30 лет. Созданы также учебные пособия, подготовленные кафедрой археографии МГИАИ¹⁷. Кроме того, вышли статьи, где очерчен предварительный круг вопросов возможного исследования¹⁸. К этому нужно добавить, что накоплен некоторый опыт организации создания коллективного труда. Следовательно, можно полагать, что уже имеются достаточные предпосылки для того, чтобы перейти от очерка к написанию фундаментального труда по истории советской археографии.

¹ Археографическая деятельность архивных учреждений союзных республик (1918—1975 гг.)/Авт. колл.: А. Н. Алексеев, И. А. Алимов, О. А. Афиани, А. Д. Вартамян, З. К. Водошьянова, Ю. С. Воробьева, В. И. Звевич, Н. П. Калита, О. Ф. Козлов, В. Р. Кошлов (рук. авт. колл.), А. Л. Панина, А. И. Пийрсалу, И. Т. Терехина,

Е. Ф. Шорохов, С. А. Яковлев. — ТВНИИДАД. М., 1979, т. 10.

² Яковлев С. А. Українська радянська археографія: Навч. посібник для студентів історич. фак. ун-тів/Голов. ред. В. И. Стрельский. Київ, 1965; Мітюков О. Г. Радянське архівне будівництво на Україні, 1917—1973. Київ, 1975.

- ³ *Чзетия Ш. К.* Советская археография за 40 лет: (Документальные публикации архивных органов Грузии). — Тр. Тбилис. гос. пед. ин-та им. А. С. Пушкина, 1957, т. 12, с. 625—639.
- ⁴ *Головкин А. В.* Развитие археографии (публикационной работы) в Туркменистане (1917—1976 гг.). Ашхабад, 1977; *Джаманкулов А.* Краткий очерк архивного строительства в Киргизии (1926—1976 гг.). Фрунзе, 1977.
- ⁵ *Аржаева Л. В.* Публикация исторических источников в БССР. — В кн.: Вопросы архивоведения и источниковедения в БССР: (Материалы науч. конф. архивистов и историков, посвящ. 50-летию архивного строительства в СССР). Минск, 1971, с. 293—305; *Копынский З. Ю.* Сборники документов по истории Белоруссии, изданные в БССР (1921—1976). — АЕ за 1974 год. М., 1975, с. 13—23; *Шорахай Я. Ф.* При вытоках беларускай савецкай археаграфіі. — Помнікі гісторыі і культуры Беларусі, 1975, № 2, с. 59—60; *Он же.* Археаграфічныя выданні па історыі Беларусі. — В кн.: Из истории книги в Белоруссии. Минск, 1976, с. 16—25; *Калита Н. П.* Научно-публикаторская деятельность государственных архивов Казахской ССР. — ВА, 1959, № 1 (11), с. 62—70; *Александян А. В.* Основные направления публикаторской деятельности архивных учреждений Армении. — Вест. архивов Армении, 1973, № 3 (37); *Траат А. М.* Обзор советских публикаций документальных материалов ЦГИА СССР. — В кн.: Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970; *Пийрсалу А. И.* О публикации исторических источников и составлении справочников в архивных учреждениях Эстонской ССР. — В кн.: Тезисы докладов и сообщений участников научной конференции архивистов прибалтийских республик, посвященной 60-летию советских архивов. Рига, 1978; и др.
- ⁶ *Валк С. Н.* Советская археография. М.; Л., 1948.
- ⁷ Собрание постановлений Правительства СССР. М., 1963, № 15, ст. 159.
- ⁸ *Батаева Т. В.* — СА, 1980, № 5, с. 68.
- ⁹ *Шмидт С. О.* Советская археография и ее современные задачи. — В кн.: Материалы Всесоюзной научной конференции «Архивы СССР периода развития социалистического общества». М., 1979, ч. 1, с. 90—95.
- ¹⁰ *Шорохов Е. Ф.* Археографическая деятельность научных учреждений Белорусской ССР: (К историографии вопроса). — В кн.: Вопросы археографии в БССР: (Материалы науч. конф. архивных учреждений республики). Минск, 1980, с. 64.
- ¹¹ Там же, с. 68.
- ¹² *Улащик Н. Н.* Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973.
- ¹³ *Калита Н. П.* Из истории развития советской археографии, создания документальной источниковой базы в Казахстане. — Вопросы истории Компартии Казахстана. Алма-Ата, 1979, вып. 14, с. 187—204.
- ¹⁴ *Чехович О. Д.* Обзор археографии Средней Азии. — В кн.: Средневековый восток: История, культура, источниковедение. М., 1980, с. 267—280.
- ¹⁵ *Нестеров В. А.* Публикация документов в Чувашской АССР. — В кн.: Актуальные вопросы истории, теории и методики публикации документов: Межвуз. сб. науч. ст. М., 1981, с. 160—169.
- ¹⁶ *Валк С. Н.* Указ. соч.
- ¹⁷ История советской археографии: Учеб. пособие. М., 1966—1967. Вып. 1—6; *Селезнев М. С.* Теория и методика советской археографии: Учеб. пособие. М., 1974.
- ¹⁸ *Шмидт С. О.* Указ. соч.; и др.

Г. И. Сургай, Д. В. Табачник

**КАФЕДРА АРХИВОВЕДЕНИЯ
И СПЕЦИАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН
КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Постановление СНК УССР от 31 августа 1944 г. «О мерах по созданию документальной базы по истории Украины и истории Отечественной войны и по упорядочению архивного хозяйства УССР»¹ предусматривало создание специальной кафедры архивоведения на историческом факультете КГУ им. Т. Г. Шевченко, а также ежегодный выпуск историков-архивистов в количестве 15—20 человек и организацию при ЦГИА УССР аспирантуры по архивоведению под руководством кафедры. Позднее эта аспирантура перешла в ведение исторического факультета Киевского университета.

С 1944 г. кафедра является единственной в системе высшего образования УССР, готовящей кадры широкого профиля: ее выпускникам присваивается двойная квалификация — преподавателя истории и обществоведения и историка-архивиста. В 1944—1982 гг. выпущено более 550 специалистов, которые работают в системе Главархива УССР, в АН УССР, в Министерстве культуры Украины, в вузах республики, в Украинском обществе охраны памятников истории и культуры, в общеобразовательных школах. В первые годы существования кафедры на ней работали доктор исторических наук А. А. Введенский, кандидаты исторических наук А. В. Бондаревский, А. И. Гринберг, В. И. Стрельский, Ф. П. Шевченко, С. А. Яковлев.

Организатором и основателем кафедры, ее первым заведующим в 1944—1945 гг. был доцент Ф. П. Шевченко, ныне член-корреспондент АН УССР, известный ученый в области славяноведения, источниковедения и исторической географии.

Становление кафедры как научного и профессорско-преподавательского коллектива со своими традициями, ее успехи в педагогической и исследовательской работе во многом связаны с деятельностью крупного советского ученого-источниковеда и архивиста, доктора исторических наук, профессора В. И. Стрельского (1910—1983), возглавлявшего кафедру с 1945 по 1982 г. Под его руководством и при непосредственном участии были разработаны все нормативные и специальные курсы, определена научная проблематика исследований. С сентября 1982 г. кафедру возглавил выпускник МГИАИ доктор исторических наук, профессор В. А. Замлинский — видный специалист в области источниковедения и историографии истории КПСС, известный в республике ученый.

Начиная с 1947 г. преподаватели кафедры читают лекции и проводят научные семинары по архивоведению и источниковедению истории СССР, а в последние годы ведут курс «Основы научно-исследовательской работы студентов» для студентов всего исторического факультета. Студенты кафедры, помимо общих курсов, слушают лекции по теории и практике архивного дела, археологии, истории архивного дела в СССР, истории государственных учреждений СССР и УССР, делопроизводству, палеографии, хронологии, метрологии, геральдике, нумизматике, сфрагистике, генеалогии, бонистике.

Кафедра уделяет и всегда уделяла большое внимание организации самостоятельной работы студентов при подготовке курсовых и дипломных работ; некоторые из них позднее были опубликованы в виде статей и научных сообщений, легли в основу кандидатских диссертаций. Тема-

тика курсовых и дипломных работ предусматривает анализ документальных материалов по истории трех русских революций, по истории социалистического строительства в СССР, по истории Великой Отечественной войны. Ряд дипломных работ посвящен проблемам исторической науки и источниковедения, теории и практике архивного дела. Темы других тесно связаны с изучением опыта работы архивных учреждений, с разработкой проблем науки управления, основных положений Единой государственной системы делопроизводства советских учреждений, организаций и предприятий. Готовя работы по данной тематике, студенты изучили номенклатуру дел ряда государственных учреждений и высказали ценные предложения по их усовершенствованию для более эффективного применения перечней при экспертизе ценности документальных материалов.

Несколько дипломных работ было посвящено изучению революционной деятельности на Украине соратников В. И. Ленина: Г. М. Кржижановского, Н. Э. Баумана, Ф. А. Сергеева (Артема), Г. И. Петровского, А. Г. Шлихтера и др.² Некоторые работы способствовали выявлению ранее неизвестных фактов о деятельности семьи Ульяновых в Киеве. Выявлялись в архивах материалы по истории киевской политической царской тюрьмы «Косой капонир».

Значительную работу проделали студенты по составлению обширной именной картотеки партизан и подпольщиков Великой Отечественной войны по фондам, сосредоточенным в партийном архиве Института истории партии при ЦК Компартии Украины.

Несколько дипломных работ посвящено изучению гербов на зданиях Киева, а также установлению лиц на многих произведениях живописи, числившихся ранее как «портреты неизвестных». Эти исследования завершились учетом всех зданий Киева, имеющих гербовые изображения, что представило значительный интерес для Главного архитектурно-планировочного управления Киевского горисполкома, а также научной паспортизации ряда экспонатов картинных галерей города.

Дипломные работы студентов А. А. Сопочко «Вахтенные журналы кораблей экспедиции В. Беринга»³ и Г. П. Мигрина «Военная печать как источник для изучения партийно-политической работы в действующей армии в период Великой Отечественной войны» со временем вылились в серьезные исследования и легли в основу кандидатских диссертаций.

Много стараний было приложено для подготовки учебников, учебных и методических пособий по дисциплинам читаемых курсов⁴. Общий объем учебников и учебных пособий, написанных членами кафедры, ныне составляет около 170 печатных листов, из них более 120 написано В. И. Стрельским.

Научное лицо кафедры, ее авторитет среди научной общественности определяли фундаментальные монографические исследования и проблемные статьи, среди них наиболее значительными являются работы, опубликованные В. И. Стрельским и В. А. Замлинским.

Перу В. И. Стрельского принадлежит более 300 научных работ по различным вопросам истории СССР и КПСС, теории источниковедения и методологии науки. Интересны работы В. И. Стрельского, посвященные хронологии, геральдике, генеалогии, истории украинского народа в Отечественной войне 1812 г., истории освободительных движений народов Севера, деятельности Н. Э. Баумана на Украине, истории Сибири в годы Великой Отечественной войны, истории Киевского университета, развитию знаний.

Известен своими трудами в области истории КПСС, историографии и источниковедения истории КПСС и Великой Отечественной войны В. А. Замлинский⁵. Им создан ряд фундаментальных монографий и десятки статей, посвященных вопросам истории Украины, партизанскому движению в годы Великой Отечественной войны, подготовлено немало документальных публикаций, ряд сборников документов. Он известен также как автор научно-популярных и историко-художественных произведений, очерков.

Работы С. А. Яковлева посвящены изучению революционной деятельности соратников В. И. Ленина, археографическим исследованиям на Украине, проблемам делопроизводства и документооборота. Он принял участие как соавтор в подготовке и издании Очерков по истории советской археографии, осуществленном ВНИИДАД в 1979 г. С. А. Яковлев является автором более 100 научных работ. В. И. Стрельский, В. А. Замлинский, С. А. Яковлев и А. В. Долинский принимали активное участие в создании «Украинской Советской Энциклопедии», «Радянської енциклопедії історії України» (в четырех томах), «Українського енциклопедичного словника».

Научная работа кафедры направлена в основном на разработку проблем теории и методики источниковедения и специальных исторических дисциплин. Особое внимание при этом обращается на изучение ленинского теоретического наследия, реализацию ленинских указаний о принципах партийности и классового анализа явлений общественной жизни, зафиксированных в источниках. В 1970 г. кафедра выпустила в свет специальный сборник статей преподавателей, аспирантов и выпускников кафедры «О ленинской методологии в работе над историческими источниками» (10 печ. л., ротاپринт. Киев).

Через аспирантуру кафедры с 1945 г. подготовлены около 40 кандидатов исторических наук, которые работают в настоящее время в вузах и научных институтах УССР и РСФСР, а пятеро из них — доценты А. В. Долинский, Н. И. Миронец, Л. П. Снитко, Н. И. Федорина и кандидат исторических наук А. М. Иваненко трудятся в КГУ.

Заметное место в деятельности кафедры отведено научному студенческому кружку, который существует при кафедре начиная с 1945 г. В первые годы им руководил В. И. Стрельский, а затем на протяжении многих лет С. А. Яковлев. Ряд студентов, принимавших активное участие в работе (А. Я. Бойко, А. М. Крылов, В. В. Румянцева, В. С. Шандра и др.), получили на конкурсах научных студенческих работ Почетные дипломы и грамоты Министерства высшего и среднего специального образования УССР и Центрального Комитета ЛКСМ Украины. Кружок был награжден грамотой Киевского горкома ЛКСМУ за разработку тем по истории комсомола, по истории партийного и комсомольского подполья в годы Великой Отечественной войны. Многие бывшие кружковцы стали впоследствии дипломированными учеными, среди них: доктор исторических наук Л. Е. Беренштейн, кандидаты исторических наук А. Я. Бойко, В. Н. Волковинский, А. В. Долинский, Н. И. Жук, А. М. Иваненко, В. П. Калита, Н. Г. Коваленко, В. С. Левин, Е. Ф. Сидоренко, Н. И. Федорина и др.

Кафедра постоянно связана с Главархивом УССР, центральными и областными государственными архивами. Студенты обычно проходят практику в Центральных государственных архивах УССР, в Киевских областном и городском государственных архивах, в архивах Москвы, Ленинграда и Харькова. Кроме того, студенты, специализирующиеся на кафедре, проходят педагогическую практику в средних школах. Перед студентами-архивистами систематически выступают руководящие работники архивных органов Украины с сообщениями о постановке архивного дела в СССР, в социалистических и капиталистических странах, о задачах архивных органов УССР.

Члены кафедры принимают непосредственное участие в научной, экспертной и методической работе архивных органов, а также в подготовке, обсуждении и издании документальных сборников, справочников, путеводителей по архивам, дают свои заключения по проектам перечней документальных материалов со сроками их хранения, правил и инструкций.

Кафедра немало сделала в области содружества с промышленными предприятиями Украины. При непосредственном участии В. И. Стрельского и С. А. Яковлева были созданы и опубликованы сборники документов: «Черноморский судостроительный» (Л., 1973), «История ордена Ленина завода „Ленинская кузница“» (Киев, 1967). Проведено выявление документальных материалов по истории завода имени Артема в Киеве.

Важным звеном в осуществлении связи кафедры с производством является выполнение постановления Совета Министров УССР от 27 сентября 1963 г. «О мерах по улучшению архивного дела в Республике»⁶, которое возложило на кафедру организацию и систематическое проведение курсов повышения квалификации работников делопроизводства министерств и ведомств. За истекшее после этого постановления время проведено 58 потоков курсов, на которых повышали свою квалификацию более 3 тыс. работников делопроизводственного аппарата. Лекции на курсах читают и сотрудники кафедры, и ответственные работники системы Главархива УССР.

Члены кафедры проводили и проводят большую общественно-политическую работу, участвуют в работе Ученых советов Институты истории АН УССР и истории партии при ЦК КПУ, Главархива УССР, исторического факультета КГУ, Президиумов Украинского общества охраны памятников истории и культуры и Республиканского общества «Знание», редколлежий журналов «Архивы Украины», «Памятники Украины», «Вестник Киевского университета».

Кафедра участвовала в ряде мероприятий по международным связям. В. И. Стрельский в составе лекторской группы Всесоюзного общества «Знание» выступал с курсом лекций по генеалогии и геральдике в университете Сорбонна в Париже и Государственном университете им. Климента Охридского в Софии.

В настоящее время кафедра под руководством В. А. Замлинского уделяет особое внимание подготовке кадров для партийных архивов, изучению путей внедрения новых технических средств, вычислительной техники в работу государственных архивов (спецкурс ассистента кафедры Р. Н. Петренко) и, используя современную базу технических средств ЦГА КФФД УССР, знакомит студентов с использованием новой техники в архивах (спецкурс директора ЦГА КФФД УССР Е. Н. Базановой). Начата работа по подготовке коллективной монографии «Документы коммунистического созидания. Формирование в Украинской ССР источниковой базы по изучению проблем развитого социализма».

¹ Хронологічне зібрання Законів, Указів Президії Верховної Ради, Постанов і розпоряджень Уряду Української РСР. Київ, 1963. Т. 2. 1942—1951 рр., с. 43, 44.

² Тезисы работы студентки А. Я. Бойко о революционной деятельности А. Г. Шлихтера, построенной на значительном числе впервые изученных архивных источников, были опубликованы по решению Ученого совета факультета: Бойко О. Я. Революційна діяльність О. Г. Шліхтера (1887—1917). — Вісн. Київського Ун., Київ, 1974, № 16.

³ Сопочко А. А. К вопросу о публикации вхатенных журналов: (По материалам изданий XIX в.). — АЕ за 1977 год. М., 1978.

⁴ Стрельский В. И. Джерелознавство історії СРСР: Період імперіалізму. Київ, 1958. 34 печ. л.; *Он же*. Основные принципы научной критики источников по истории СССР. Киев, 1961. 10 печ. л.; *Он же*. Методика подготовки курсовых и дипломных работ по общественным наукам. Киев, 1961. 3 печ. л.; Источниковедение истории СССР. Конец XIX в. — 1917 г. М., 1962. 40 печ. л.; *Он же*. Теория и методика источниковедения истории СССР. 1-е изд. Киев, 1968. 16 печ. л.; 2-е изд.

Киев, 1976. 8 печ. л.; *Он же*. Методика подготовки студентами дипломных и курсовых работ. Киев, 1965. 3 печ. л.; *Он же*. Основы научно-исследовательской работы студентов. Киев, 1981. 8 печ. л.; Введенский А. А. Лекции по документальному источниковедению (дипломатика). Киев, 1962. 14 печ. л.; Яковлев С. А. Українська радянська археографія. Київ, 1965. 13 печ. л.; Введенский А. А., Стрельский В. И., Дядиченко В. А. Допоміжні історичні дисципліни. Київ, 1963. 14 печ. л.; Долинский А. В. Первые советские публикации дипломатических документов (1917—1922 гг.): Учеб. пособие. Киев, 1975. 3 печ. л.

⁵ Замлинский В. А. Караюча земля: (Про народну боротьбу з гітлерівцями на Волині). Львів, 1965; *Он же*. Волинський полк іде в революцію. Львів, 1972; *Он же*. З вірою в перемогу, Київ, 1976; *Он же*. По велению интернационального долга. Киев, 1980; Замлинский В. А., Немятый В. Н., Григорович Д. Ф. Коммунистическая партия Украины в годы Великой Отечественной войны. Киев., 1980; и др.

⁶ Збірник Постанов і розпоряджень Уряду Української Радянської Соціалістичної Республіки, 1963. Київ, № 11, Стаття 117.

Н. И. Решетников

Н. А. ЧЕРНИЦЫН — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТОТЕМСКОГО КРАЯ

В Тотемском районном краеведческом музее Вологодской области хранятся материалы его первого директора Николая Александровича Черницына (1888—1973). Он основал музей в 1920 г. и был его бессменным руководителем в течение 30 лет. После выхода на пенсию он продолжал заниматься научными исследованиями и оказывать помощь музею в культурно-просветительной работе. Сегодня музей один из лучших районных краеведческих музеев страны, имеющий интереснейшие коллекции памятников природы, быта, культуры (более 40 тыс. ед. хр.). Документы и материалы достоверно отражают местную историю¹. Особый интерес представляет собой фонд письменных источников². Музей обладает уникальными документами по истории России средних веков и новейшего времени: столбцы, акты землепользования, карты генерального межевания, личные фонды и т. д. В состав фонда письменных источников входят и документы по истории советского общества (свыше 10 тыс. ед. хр.³). В формировании этого собрания непосредственное участие принимал Н. А. Черницын. Документальные памятники, сформированные тематически, имеют краткие топографические аннотации. Особый раздел фонда имеет научный архив, имеющий полную опись⁴. В него постепенно откладывался деловой архив музея, материалы личных фондов и научных исследований Н. А. Черницына.

До революции Н. А. Черницын работал учителем в школах Тотемского уезда, занимаясь уже тогда вопросами краеведения. Не случайно, когда в 1915 г. было создано Тотемское отделение Вологодского общества изучения северного края (ВОИСК), Н. А. Черницын избирается его действительным членом. В 1916 г. он был призван в действующую армию. Тотемское отделение ВОИСК вляло жалкое существование, так и не выполнив задачу создания музея⁵ (к 1917 г. было собрано 33 экспоната).

После революции за организацию музея взялся Н. А. Черницын. Он добился выделения помещения, трех штатных единиц, некоторых денежных средств и 10 пуд. соли для приобретения экспонатов. Деятельность музея началась с выявления, учета и охраны памятников искусства, старины и природы. Была намечена программа научно-исследовательских работ для планомерного и систематического изучения края. Уже на первом году существования музеем была организована историко-этнографическая экспедиция, в результате которой было привезено 15 подвод экспонатов. 7 ноября 1920 г., в 3-ю годовщину Великого Октября, музей был открыт официально. В 1923 г. в 12 залах нового каменного здания разместилось 3 500 экспонатов, и музей стал «реальным фактором на фронте культуры и просвещения»⁶.

Н. А. Черницын в своей деятельности опирался на поддержку общественности. К 20-м годам относится активное сотрудничество с музеем М. Б. Едемского, Е. И. Праведникова, Н. В. Ильинского, Н. Л. Тюкавина, Ф. Е. Малевинского и др. С их помощью изучалась геология и археология, выявлялись исторические и литературные источники по истории Тотемского края. Часть из них была обработана в виде статей, докладов и публикаций в печати⁷. Собрана обширная коллекция фольклора: песни, частушки, сказки, поговорки, предания, легенды⁸. Научно-краеведческая библиотека вместе с книжным фондом XVIII—XIX вв. и местными, порой уникальными краеведческими изданиями имела в своем составе 30 тыс.

томов. В 30-е годы музей получил известность по всей стране. Об этом свидетельствуют публикации в журналах «Советский музей»⁹ и «Советское краеведение»¹⁰, а также записи посетителей из различных районов нашей страны в книге отзывов музея.

Примечательной особенностью Н. А. Черницына было его стремление выйти за рамки музейной деятельности. Выполняя задачу глубокого исследования местного края, он создает в районе сеть из 60 краеведческих кружков и 70 корреспондентов. С помощью краеведческого актива, который охватывал более 1200 человек, им было подготовлено множество выступлений в районной газете и по местному радиовещанию. За организацию научно-исследовательской работы в 1936 г. Н. А. Черницыну была объявлена благодарность Музейного отдела Наркомпроса РСФСР¹¹, в 1938 г. он был премирован фотоаппаратом¹². В 1945 г. опыт работы Тотемского музея был рассмотрен на курсах директоров областных музеев в Москве, а в 1946 г. Н. А. Черницын был занесен в Книгу почета НКП РСФСР.

Творческое наследие Н. А. Черницына неразрывно связано с практикой социалистического строительства, с задачами социального переустройства общества. Изучая новые явления в жизни края, он комплектовал источниковую базу, что, в свою очередь, расширяло возможности научного исследования, вело к созданию прикладных работ, отвечающих потребностям времени. Так, в 20-е годы он формирует документы Тотемского уездного исполнительного комитета и личные фонды участников революции и гражданской войны¹³. Ныне они включают около 100 персоналий¹⁴, в том числе видных государственных деятелей¹⁵. Значительный интерес представляют его очерки о профсоюзах. Написанные в период их создания и первых лет существования, они отражают отношение очевидца к новым явлениям общественной жизни, например «История профсоюзов в городе Тотьме после Февральской революции 1917 года», «История Тотемского союза рабочих деревообделочников», а также очерки по истории профсоюзов медиков, работников просвещения и др.¹⁶. В начальный период колхозного строительства Н. А. Черницын проводил исследования: «Влияние революции на быт Тотемской деревни», «Об использовании крахмального дикорастущего местного сырья пищевой промышленности колхозами», «Красильные растения» и др.¹⁷. А когда началась Великая Отечественная война, он фиксировал события в работах: «Трудящиеся Тотемского района — фронту», «Наши земляки — бойцы и командиры в боях за социалистическую Родину» и др.¹⁸; составил список погибших тотмичей (включает 187 человек с указанием их анкетных данных, мест захоронения, адреса семей и др.). Тогда же начали формироваться и личные фонды участников войны (ныне они составляют более 300 персоналий), причем многие из них сразу формировались по сельсоветам. В самой музейной деятельности Н. А. Черницын постоянно искал новые формы работы. Так, наряду с выставками, лекциями и беседами музей выпустил за годы войны 77 уличных плакатов и 75 агитокон.

Задачам современности Н. А. Черницын посвящал и свою издательскую деятельность. Тотемский музей выпустил 6 брошюр¹⁹ и 7 выпусков «Докладов научного общества»²⁰.

В литературе имя Н. А. Черницына известно по научным трудам, изданным Тотемским музеем, статьям в научных журналах и изданиях Наркомпроса²¹. В Тотьме были опубликованы его труды: «Богатство нашего края» (1921), «Путеводитель по Тотемскому музею им. А. В. Луначарского» (1924), «Черняковская стоянка поздней поры неолита» (1928) и др. Основная часть его работ (свыше 200 названий) хранится в фонде письменных источников. Среди них работы по археологии: «Из доисторического прошлого Кокшеньги» (1926), «Усть-Царевская стоянка» (1928), «О находке керамики в древних отложениях реки Сухонь» (1939), «Финские могильники на территории Вологодской области» (1956) и др.²²

Более 50 краеведческих работ характеризуют его как историка, этнографа, географа, биолога. Его интересуют события глубокой древности и современности («О прошлом Тотемского района», «Тотемский знак на

отдельном валуне», «Предания о кладах», «Из далекого исчезнувшего прошлого», «Выборы в Тотемское земство и его характеристика», «Леденгский солеваренный завод», «Исторический очерк возникновения курортов Леденгска и Тотьмы») ²³.

Многие работы Н. А. Черницына связаны с изучением деятельности выдающихся земляков (революционера И. В. Бабушкина, путешественника И. А. Кускова, художника Ф. М. Вахрушева и др.) ²⁴.

В составе личного фонда Н. А. Черницына более 20 работ научно-методического характера по организации краеведческой работы («Родинovedческий метод и роль учителя в собиpании историко-бытового материала», «Краеведение и школа», «Роль краеведов в деле охраны памятников материальной культуры доисторического прошлого Севера», «Народное искусство и краеведение», «Об организации краеведческой работы в районе» и др.) ²⁵. Им написаны программы проведения исследовательских работ, инструкции по учету полезных ископаемых и т. д. ²⁶ Личный фонд Н. А. Черницына содержит также работы по проблемам музееведения, тематико-экспозиционные планы и множество черновых материалов ²⁷, знакомство с которыми позволяет проникнуть в его творческую лабораторию, почувствовать характер исследователя.

Представление о профессиональных интересах Н. А. Черницына, его кругозоре и творческих замыслах дополняет и эпистолярное наследие. Его письма и записки содержат ответы местным краеведам, сообщавшим о состоянии памятников; советы по сбору, учету и изучению источников, по организации краеведческих секций. В годы Великой Отечественной войны он вел переписку с бойцами и командирами, собирая через них сведения о земляках, осуществляя тем самым целенаправленную фиксацию событий на фронте и в тылу. Посылая письма на фронт, он запрашивал сведения о тотьмичах, их героических подвигах и фронтовых буднях; сообщал о трудовых подвигах в помощь фронту; делился воспоминаниями с родственниками и знакомыми, служившими в армии. В фонде письменных источников хранятся также письма от ветеранов войны, краеведов и учреждений. Особую группу документов составляют письма с фронта. В адрес музея было получено 70 писем от 57 адресатов ²⁸. Кроме того, письма с фронта находятся в составе личных фондов участников Великой Отечественной войны и в составе документов, сформированных по сельсоветам ²⁹. Интерес представляют также письма с фронта в стихах ³⁰, с которыми перекликаются фольклорные записи на военную тематику, собранные тогда же в Тотемском крае ³¹.

Фронтовые письма для Н. А. Черницына стали материалом для написания статей, докладов и выступлений в печати. Нашли свое отражение они и в экспозиции музея. В комплексе документов личного и официального происхождения наряду с воспоминаниями и рассказами очевидцев, наградными документами, материалами фронтовой периодической печати и фотографиями письма с фронта являются ценнейшим источником изучения истории Великой Отечественной войны. Следует заметить, что в музее имеются также рукописные копии 48 солдатских писем с фронтов первой мировой войны, изучение которых представляется весьма интересным ³².

Многое из задуманного не успел завершить Н. А. Черницын. Достойным его продолжателем в музейной и научно-исследовательской работе стал Василий Елизарович Величути^н ³³, творческое наследие которого еще требует изучения. Кроме научно-исследовательской и музейной работы, Н. А. Черницын активно занимался общественной деятельностью, о чем свидетельствуют, например, его мандаты и удостоверения уездных съездов Советов, почетные грамоты районных и областных организаций, адреса партийных и советских органов и т. д.

Наследие Н. А. Черницына широко используется для написания краеведческих очерков, статей, докладов, методических разработок, текстов лекций, бесед, экскурсий, тематико-экспозиционных планов, сценариев массовых мероприятий и т. д. ³⁴, что составляет своеобразный фонд научных

сотрудников Тотемского музея — Е. П. Соломенко, Н. Л. Рычкова, Е. В. Кузьмина, А. И. Глушицкой, Т. П. Земляковой, Н. А. Цикиной и др.³⁵

Н. А. Черницын глубоко и разносторонне занимался исследованием родного края. Его работы значительно расширили представление об облике Севера России, как древнего, так и современного. Проявляя бережное отношение к источникам, он стремился к полной их фиксации и самому широкому применению в исследованиях. Его творческое наследие, безусловно, представляет собой научный интерес и заслуживает специального изучения и, возможно, частичной публикации.

- 1 О Тотеме и ее достопримечательностях см.: БСЭ, 1977, т. 26, с. 125.
- 2 Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Вологда, 1982. Ч. 1. Рукописные книги; см. также статьи Б. Н. Морозова и Н. И. Решетникова в кн.: Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. М., 1982. Ч. 1. Памятники нового и новейшего времени; А. А. Амосова и В. В. Морозова в кн.: Там же. Ч. 2. Памятники старинной письменности.
- 3 Автором составлен обзор документальных памятников музея по советскому периоду.
- 4 См.: Фонд письменных источников Тотемского краеведческого музея, научный архив (далее: ФПИ, н. а.), № 1 200.
- 5 В 1920 г. Тотемское отделение ВОЙСК было закрыто.
- 6 Черницын Н. А. Тотемский районный краеведческий музей. Тотма, 1945, с. 6.
- 7 Доклады научного общества при Тотемском краеведческом музее им. А. В. Луначарского. Тотма, 1924—1928. Вып. 1—7.
- 8 ФПИ, н. а., № 4—39, 64—67, 122—124, 489—492, 497 и др.
- 9 Сов. музей, 1931, № 1, с. 118; 1936, № 2, с. 84; 1937, № 4, с. 25—26; и др.
- 10 Сов. краеведение, 1932, № 7, с. 36; № 8/9, с. 1—3; 1935, № 3/4, с. 77; № 5, с. 38; № 7, с. 61; № 8, с. 77; № 12, с. 78.
- 11 Сов. музей, 1936, № 1, с. 125; № 3, с. 98.
- 12 Сов. музей, 1938, № 9, с. 47.
- 13 ФПИ, н. а., № 1315.
- 14 Там же, папки № 2—9, 13—22, 46, 49, 58, 109, 136—141, 608, 680 и др.
- 15 Например, среди подлинных документов А. В. Луначарского — его письма и записки из тюрем, официальные документы жандармского управления, письма в музей, воспоминания соратников и т. д.
- 16 ФПИ, н. а., № 201, 204—209, 434 и др.
- 17 Там же, № 63, 194, 231, 261—264, 269, 457, 461—462 и др.
- 18 Там же, № 467, 501, 525—527, 540, 543, 547, 586 и др.
- 19 В их числе: Ильинский Н. В. Родинаведение, его история и значение (1921); План работ краеведческих кружков (1946); и др.
- 20 Среди них работы Д. А. Осипова «Крестьянская изба на севере России» (1924), И. М. Богданова «Железнодорожная линия Тотма — Буй и ее промышленно-экономическое значение» (1926), М. Ф. Рожина «Гидрологические наблюдения на реке Сухоне» (1927) и др.
- 21 Лукин Н. Тотемский музей и его люди. — Сов. музей, 1937, № 4; см. также: Сов. краеведение, 1930, № 6.
- 22 ФПИ, н. а., № 37, 45—47, 99—102, 156—158, 177, 994—1049. Продолжателем археологических исследований Н. А. Черницына стал безвременно погибший Н. В. Гуслистов.
- 23 ФПИ, н. а., № 59, 197, 467, 502—504, 507, 773 и др.
- 24 Там же, № 163; см. также папки № 201—202, 204—209, 434 и др.
- 25 Там же, н. а., № 34, 101, 103, 234, 235, 265, 512—516, 570 и др.
- 26 Там же, № 35, 70, 233, 270, 345—346, 438—460, 597—600 и др.
- 27 Там же, № 106, 254, 271—272, 286—293, 517, 525—537, 543, 586 и др.
- 28 Там же, документы Великой Отечественной войны.
- 29 Там же, папки с названиями сельсоветов.
- 30 Там же, н. а., № 497.
- 31 Там же, н. а., № 489, 492.
- 32 Там же, н. а., № 73.
- 33 Там же, н. а., № 479, 523, 529—530, 538, 541, 564—569, 571, 611—612, 618, 622, 629, 632—647, 662, 665, 667, 673, 681—684, 703—706, 709—710, 716, 720—721, 738, 744, 749, 824—825, 838, 851.
- 34 Там же, н. а., № 230, 236, 240—244, 435—447, 572—577, 580, 586—597, 619—621, 756, 781, 790, 797, 809, 812, 1059, 1064, 1079—1082, 1086, 1230, 1235—1239, 1246, 1263—1264, 1273 и др.
- 35 Там же, н. а., № 823, 826, 880—883, 886—887, 906—907, 928—934, 954, 978—989, 1149—1156, 1164—1165, 1243—1244, 1261, 1274—1287, 1319—1338, 1350—1361, 1371—1372 и др.

Ю. Д. Рыков

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И. М. КУДРЯВЦЕВА

Получившая широкое признание археографическая деятельность Ильи Михайловича Кудрявцева (1907—1982)¹ самым тесным образом связана с его работой в ОР ГБЛ, где он трудился 25 лет (1946—1971) и с которым сохранял деловые контакты до конца жизни.

Главной целью этой многолетней деятельности археографа было служение науке, введение в научный оборот информации о как можно более широком пласте рукописных источников. Археографическую работу в отделе И. М. Кудрявцев рассматривал как важное и необходимое условие для развития всей науки в целом, как основу для разнообразных исследований отечественных и зарубежных ученых. Он горячо любил рукописные книги, глубоко проникал в их «жизнь», каким-то удивительным внутренним чутьем мог безошибочно, по одному только почерку, датировать рукопись в пределах полустолетия. Рукописные книги были для И. М. Кудрявцева не только фактом культурной жизни народа, но и живым материалом эпохи. Памятники письменности каждодневно обогащали широчайшую профессиональную эрудицию И. М. Кудрявцева в области кодикологии.

Главным направлением археографической деятельности И. М. Кудрявцева было описание собраний рукописных книг. Он видел в этом основной метод раскрытия перед исследователями состава и содержания рукописных богатств отдела. Им описана не одна тысяча рукописных книг из разных собраний ГБЛ.

Другой крупнейшей заслугой И. М. Кудрявцева как археографа была подготовленная им инструкция по обработке рукописных собраний. Важным принципом, введенным И. М. Кудрявцевым в методику обработки рукописей, было признание необходимости полного постатейного раскрытия содержания рукописей и вместе с тем дифференцированного подхода к описанию статей в сборниках. Методическое пособие И. М. Кудрявцева стало образцовым для советских археографов. Д. С. Лихачев в 1962 г. писал о нем: «Наиболее обстоятельные сведения о том, как должны составляться научные описания рукописей, см. в «Сборнике инструкций Отдела рукописей» Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина»².

И. М. Кудрявцеву удалось создать в ОР ГБЛ специализированную группу по описанию рукописных книг, бессменным руководителем которой он был до 1971 г., когда ухудшение зрения вынудило его оставить работу. Эта группа, по замыслу ее создателя, включила в свой состав специалистов разного профиля: историков, литературоведов, лингвиста и искусствоведа. Археографическое «разделение труда» между сотрудниками группы позволило поднять уровень надежности научных описаний рукописных книг.

Замечательным образцом такой продуктивной коллективной археографической работы явилось вышедшее в 1961 г. под научным руководством И. М. Кудрявцева и при его личном участии описание свыше 450 рукописей из первых 3 тыс. номеров самого крупного и чрезвычайно ценного в научном отношении Музейного собрания. Рецензенты единодушно отмечали высокую степень археографической культуры и авторитетность данного описания.

Почти одновременно с этой работой И. М. Кудрявцев подготовил обстоятельное описание нотных рукописей из собраний В. Ф. Одоевского и Д. В. Разумовского, которое (вместе с вступительными статьями М. В. Бражникова и Б. Б. Грановского и составленной А. В. Аскарянц

опись ю архива Д. В. Разумовского) было опубликовано под редакцией И. М. Кудрявцева отдельной книгой и явилось крупным событием в отечественном музыковедении. Под научной редакцией И. М. Кудрявцева еще ранее, в 1959 г., вышло в свет и добротное описание собрания И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича, составленное сотрудником группы Я. Н. Щаповым. Оба эти описания встретили положительные отклики ученых.

Являясь в 1950—1973 г. членом редколлегии «Записок отдела рукописей» ГБЛ — одного из старейших археографических изданий в нашей стране, И. М. Кудрявцев сделал немало для его совершенствования. В течение долгих лет И. М. Кудрявцев был основным составителем раздела «Новых поступлений» в «Записках», дающего исследователям оперативную информацию о поступлениях рукописных материалов.

И. М. Кудрявцев всемерно заботился о сохранении рукописной книги. Он знал, что на местах не все благополучно в этом отношении, не всегда налажен должный учет рукописей, отсутствует необходимая информация о них исследователей. В этой связи И. М. Кудрявцев выступил инициатором проведения сотрудниками ОР ГБЛ специальных археографических поездок в местные музеи и библиотеки и экспедиций. Поездки позволили ввести в научный оборот много новых рукописей и улучшить условия их хранения в местных учреждениях. Ряд ценных материалов и даже значительных собраний из этих учреждений был передан на хранение в ГБЛ. Экспедиции отдела подтвердили необходимость активной археографической деятельности для спасения рукописей от гибели и существенно обогатили фонды ГБЛ ценными памятниками отечественной письменности и культуры XV—XX вв.

И. М. Кудрявцев известен также как высококвалифицированный публикатор уникальных исторических источников, выявленных им в процессе описания собраний рукописных книг.

В 1954 г. в научной печати СССР и Франции почти одновременно появились первые археографические сведения о двух списках самой ранней пьесы русского придворного театра «Артаксерксова действия», текст которой до последнего времени считался утраченным. Один из списков был найден в Лионской городской библиотеке и тогда же опубликован французскими учеными А. Мазоном и Ф. Кокроном. Другой список происходил из собрания Вологодской областной библиотеки, поступившего в ОР ГБЛ в результате упоминавшихся выше поездок сотрудников в местные хранилища рукописей. В 1957 г. ИРЛИ и ГБЛ был издан подготовленный И. М. Кудрявцевым текст вологодского списка «Артаксерксова действия» с восполнением его утрат по опубликованному лионскому списку.

Издание И. М. Кудрявцева отличалось высоким уровнем научной текстологической подготовки, глубоким литературоведческим анализом, всесторонним археографическим исследованием вологодской (и лионской) рукописи и обстоятельным научно-справочным аппаратом к тексту пьесы. В результате скрупулезного сравнительного анализа текстов обоих списков пьесы публикатор установил, что они независимо друг от друга восходят к общему протографу, но вологодский список лучше лионского отражает текст этого протографа. Методика доказательств предпочтительности вологодского списка отличается высокой степенью убедительности и является хорошим образцом глубокого проникновения исследователя в историю текста памятника. Для И. М. Кудрявцева характерно бережное отношение к тексту пьесы, который воспроизводится им с максимальной точностью, хотя и по упрощенной орфографии. Ошибочные места публикуемого списка исправлены и оговорены в подстрочных примечаниях, которые, как удачно выразился А. С. Демин, в публикациях И. М. Кудрявцева «выглядят своего рода путеводителем по списку произведения»³. В ходе тщательного научно-исследовательского описания вологодской рукописи И. М. Кудрявцев установил принадлежность ее работе писцов Посольского приказа, которые изготовили рукопись по распоряжению дьяка А. С. Матвеева для царя Алексея Михайловича или его семьи, скорее всего, осенью 1674 г.

Исследование пьесы И. М. Кудрявцев блестяще продолжил изучением «книгоиздательской» деятельности Посольского приказа в XVII в., написав исключительно ценную работу об этом своеобразном скриптории.

Той же источниковедческой глубиной проникновения в судьбу издаваемого памятника отличается и публикация И. М. Кудрявцевым выявленного им в процессе описания собрания Е. В. Барсова неизвестного послания протопопа Аввакума. Вместе с его выписями, черновыми набросками и заметками оно находится в составе рукописного сборника XVII в. с подписями-автографами пустозерских узников.

Своими знаниями и археографическими находками И. М. Кудрявцев щедро делился с другими исследователями.

Подлинной заботой о всемерном и скорейшем раскрытии содержания рукописных собраний ГБЛ для исследователей была проникнута новаторская идея И. М. Кудрявцева о создании многотомного каталога-справочника «Рукописные собрания ГБЛ». К этой мысли И. М. Кудрявцева привело убеждение в том, что исчерпывающая информация о всей совокупности рукописных книг является главной задачей советской археографии. Решить эту задачу в ближайшее время в масштабе очень больших собраний отдела в виде подробных научных описаний нельзя. Исходя из этого, И. М. Кудрявцев четко определил новые пути, формы и методы дальнейшего раскрытия рукописных фондов и заложил основы создания принципиально нового типа справочно-археографического издания.

В отличие от традиционных справочников (путеводителей и обзоров), где перечисляются лишь отдельные наиболее выдающиеся рукописи, задуманное И. М. Кудрявцевым издание должно полно отразить состав рукописных собраний через систему указателей, в которых в алфавитном ряду будут отражены названия всех рукописей в собраниях, а также названия славяно-русских статей, входящих в сборники, имена авторов, писцов, владельцев, вкладчиков, продавцов и покупателей рукописей. В указателях должны быть собраны сведения о языке рукописей, об их художественных украшениях. Одной из составных частей издания должны явиться исторические справки о собраниях рукописей. И. М. Кудрявцев не только выдвинул идею такого справочника, но и разработал в 1963 г. первоначальный проспект издания, а также написал позднее при участии других сотрудников группы первую редакцию обзоров собраний рукописных книг ГБЛ.

Вклад И. М. Кудрявцева в методику и практику раскрытия содержания рукописных богатств перед учеными и в развитие новых направлений отечественной археографии очень значителен.

¹ Характеристику научных трудов И. М. Кудрявцева см.: *Демин А. С.* Своеобразие источниковеда: (Размышления литературоведа над работами И. М. Кудрявцева). — ЗОР ГБЛ, 1977, вып. 38, с. 5—12. Здесь же в качестве приложения (с. 12—14) опубликован список работ ученого.

² *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. М.; Л., 1962, с. 112.

³ *Демин А. С.* Своеобразие источниковеда, с. 6.

А. И. Рогов

**АКАДЕМИК Б. А. РЫБАКОВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ИСТОЧНИКОВ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ**

(К 75-летию со дня рождения)

Борис Александрович Рыбаков относится к числу тех историков, диапазон интересов которых охватывает все области исторической науки. Его труды — образец широких, увлекательных и вместе с тем углубленных комплексных исследований¹. Всемирно известный археолог академик Рыбаков внес большой вклад в развитие отечественной истории периода феодализма. Без его работ не могут обойтись этнографы, фольклористы, историки искусства. Все эти области науки Б. А. Рыбаков рассматривает, при учете их специфических особенностей, как средство воссоздания единой исторической картины. Мастерство, с которым это делает исследователь, может быть подлинной школой для ученых. Это мастерство замечательно тем, что широкая картина исторических построений сочетается у автора с требовательным источниковедческим подходом к поставленной задаче исследования. В этом смысле почти каждый труд Б. А. Рыбакова является источниковедческим, независимо от того, какие источники преобладают в нем — вещественные, письменные или устные.

Что касается первых из названных видов источников, то по поводу них сам Б. А. Рыбаков писал: «Особенностью советской археологии является неразрывная связь со всем комплексом источников по русской истории»². Вещественные источники важны не только для бесписьменного периода истории. Они составляют существенную, а подчас и основную базу и для исследователя периода после появления письменности. Это будет понятно, если учесть скудость, разрозненность и фрагментарность памятников письменности раннефеодального периода.

В связи с этим представляется особенно важным для науки созданный по инициативе и издаваемый под руководством Б. А. Рыбакова «Свод

**Борис Александрович
РЫБАКОВ**

археологических источников». Когда более 20 лет тому назад было задумано это монументальное издание, оно открыло широкие горизонты развития исторической науки во многих его аспектах. Могли даже возникнуть опасения, хватит ли для этого сил, будут ли возможности реализации грандиозного плана. Теперь, когда издан не один десяток выпусков этой замечательной серии, мы поражаемся подвижнической деятельности ее создателей и настойчивой, последовательной и неуклонной руководящей роли в ее осуществлении Б. А. Рыбакова.

Ему самому принадлежит авторство одного из самых содержательных томов свода «Русские датированные надписи XI—XIV веков» (М., 1964). Этот труд оценивается как одно из самых высоких достижений отечественной эпиграфики. Б. А. Рыбаков всегда уделял ей особое внимание в своем научном творчестве. В эпиграфической записи чуткое восприятие ученого улавливает «живой голос древнерусского горожанина — гончара, ювелира, воина, князя, церковного певчего, паломника, девушки пряхи, епископа, княжеского казначея или ловчего»³.

Помимо общего свода эпиграфических материалов, Б. А. Рыбаков уделяет внимание и монографической разработке отдельных памятников эпиграфики. Блестящим примером такого исследования может служить его статья «Смоленская надпись XIII в. о „врагах игуменах“». В статье новооткрытая надпись рассматривается в связи с «Житием Авраамия Смоленского» и делается интереснейший вывод о характере одного из заметных общественных движений в Древней Руси, которое до сих пор оставалось в значительной степени загадочным⁴.

С точки зрения источниковедческой методики исследователя столь же показательной является статья Б. А. Рыбакова «Запись о смерти Ярослава Мудрого»⁵. Историкам хорошо известно, как много разноречий вызывал вопрос о дате его смерти. До сих пор, несмотря на многочисленные изыскания в области древнерусской хронологии, этот вопрос, связанный со многими немаловажными сторонами внутренней и даже внешней жизни Руси, можно считать в полной мере выясненным. Таким образом, правильно интерпретированная эпиграфическая запись оказалась решающим фактором в истолковании одного из самых запутанных вопросов летописеведения.

Летописи как важнейший исторический источник всегда и неизменно находятся в центре внимания Б. А. Рыбакова. Им посвящены три монографии ученого: «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи» (М., 1963), «„Слово о полку Игореве“ и его современники» (М., 1971), «Русские летописи и автор „Слова о полку Игореве“» (М., 1972). Целый ряд отдельных вопросов, разработанных в этих книгах более детально, освещен в статьях, предшествовавших монографиям⁶. Эти работы объединяет одна концепция, один метод исследования и блестящий стиль изложения. Б. А. Рыбаков летописи рассматривает как продукт определенной исторической эпохи, определенных классовых интересов, как выражение интересов определенных групп феодалов, будь то окружение великого князя или одного из удельных князей или боярская верхушка. Исследователем при этом великолепно сочетается анализ летописи с точки зрения ее содержания, ее тенденциозной направленности с учетом особенностей стиля и языка изложения, присущего как определенной среде, так и индивидуально каждому лицу. Такой метод источниковедческого изучения летописей позволяет убедительно вычленять из сводов их составные части, бывшие когда-то самостоятельными сочинениями. В результате ученый выдвигает интереснейшие и плодотворные для изучения русских летописей гипотезы, такие, как о существовании летописи новгородского посадника Остромира, летописания Изяслава Мстиславича, летописи боярина Петра Бориславича, владимирского летописания XII в.

Б. А. Рыбаков никогда не изменяет классовому подходу при анализе летописи, впрочем, как и любого другого источника. Так, само возникновение легенды о призвании варягов он связывает с обстановкой, сложившейся в Киеве после восстания 1113 г., когда в целях укрепления княжес-

кой власти летописец старался показать ее добровольное избрание, а следовательно, полную законность. Другой пример — анализ «Моления Даниила Заточника», где личность автора, принадлежность его к определенной среде и его биография устанавливаются путем изучения его социальных симпатий и антипатий. Исследователь видит в древнерусских авторах живых людей с неповторимыми чертами их индивидуальности, их личными склонностями и взглядами.

Если судить даже по заглавиям трех перечисленных монографий, Б. А. Рыбаков рассматривает русские летописи в теснейшей связи с другими памятниками древнерусской письменности, в первую очередь с таким ее шедевром, как «Слово о полку Игореве», но также и в неразрывной связи с русским эпосом и фольклором. Устное народное творчество, народные традиции, «глубина памяти» — это едва ли не самый трудоемкий с точки зрения его изучения исторический источник. Древнейшее ядро, основа его почти всегда скрыта в нем последующими временными «наростами», более поздним его истолкованием, а следовательно, и почти неизбежной модификацией самого текста. Все эти трудности могут, однако, быть преодолимы исследователем, и лучшее тому свидетельство большой труд Б. А. Рыбакова «Язычество древних славян» (М., 1981). Здесь, как и во всех других своих трудах, ученый строго придерживается комплексного метода исследования, привлекая решительно все остальные виды источников по этому вопросу. Значительной опорой для автора является широко используемый им сравнительно-исторический метод исследования. Благодаря изучению язычества у всех славян в их совокупности, благодаря привлечению материалов по истории язычества у других, неславянских народов Б. А. Рыбакову удалось значительно продвинуть вперед одну из самых сложных проблем славистики, и русской истории в частности.

Б. А. Рыбакову свойствен большой интерес к народной крестьянской культуре. Крестьянские традиции, язык русского крестьянства, памятники крестьянского искусства и, конечно, устное народное творчество — все эти явления крестьянского искусства, дожившие почти до нашего времени, Б. А. Рыбаков оценивает как важные исторические источники и призывает к пристальному их изучению. Основные его задачи четко и вдохновляюще для последующих исследователей сформулированы ученым в статье «Задачи изучения культуры русского крестьянства XIX в.»⁷

Нельзя не отметить и новаторский подход Б. А. Рыбакова к такому малоразработанному виду источника, как памятники картографии. Им посвящена специальная книга «Русские карты Московии XV—начала XVI в.» (М., 1974). Автором предложен интереснейший и, несомненно, плодотворный для будущих исследователей опыт реконструкции древнерусских карт XV—начала XVI в. по картам России, имевших распространение в Западной Европе в XVI—начале XVIII в., но выполненных, как убедительно показывает Б. А. Рыбаков, на основе карт, отражавших русскую действительность более раннего времени.

Названная работа Б. А. Рыбакова увенчивает его давний интерес к картографии. Начиная с 1937 г. им было составлено около 50 исторических карт, в свою очередь являющихся плодом больших исторических, источниковедческих и археологических разысканий.

Большой интерес представляет написанная Б. А. Рыбаковым глава «Географические знания» в «Очерках русской культуры XVI в.» (М., 1977, ч. 2). В ней не только обобщены имевшиеся до сих пор изыскания и публикации по этому вопросу, но и привлечен новый материал, сделаны важные, совершенно новые наблюдения и выводы об уровне развития географических знаний на Руси, причем не только XVI в., но и предшествующего и частично последующего времени. Эти знания теперь представляются гораздо более обширными и совершенными. О них свидетельствуют «хождения», документальные материалы (писцовые книги, чертежи порубежных земель, свидетельства иностранцев и т. д.) и широко привлекаемые исследователем картографические материалы, самым пристальным образом им изученные.

Мы далеко не исчерпали всех заслуг и достижений Б. А. Рыбакова в области изучения и публикации источников, но даже и из этого неполного обзора можно заключить, сколь велик вклад выдающегося советского ученого в развитие одной из важнейших областей исторической науки — источниковедения. Приветствуя Б. А. Рыбакова в связи со славным юбилеем, можно только пожелать ему дальнейших больших научных успехов. Его неутомимая научная и научно-организационная деятельность, его энтузиазм ученого-патриота вызывают глубокую признательность и уважение.

¹ Библиографию трудов Б. А. Рыбакова см.: Борис Александрович Рыбаков: (Материалы к библиографии ученых СССР. Сер. История). 2-е изд., доп. М., 1968. Вып. 12.

² Рыбаков Б. А. Место славяно-русской археологии в советской исторической науке. — Сов. археология, 1957, № 4, с. 60.

³ Рыбаков Б. А. Русская эпитафия X—XIV вв.: (Состояние, возможности, задачи). — В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963, с. 35, 36.

⁴ Рыбаков Б. А. Смоленская надпись XIII в. о «врагах игуменах»: (К истории стригольнического движения). — Сов. археология, 1964, № 2, с. 179—187.

⁵ Рыбаков Б. А. Запись о смерти Ярослава Мудрого: (Из древних граффити Софийского собора в Киеве). — Сов. археология, 1959, № 4, с. 245—249.

⁶ Рыбаков Б. А. Начало Русского государства: (Представления летописцев о Руси VI—IX вв.). — Вестн. Моск.

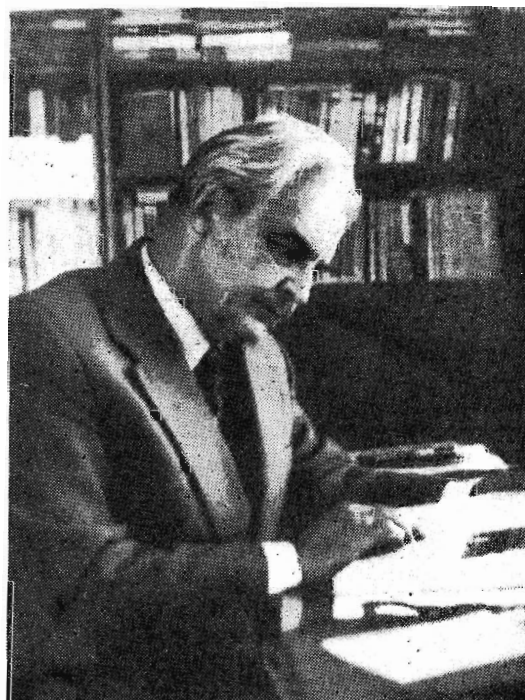
ун-та, 1955, № 4/5, с. 57—77; *Он же*. Остромирова летопись. — ВИ, 1956, № 10, с. 46—59; *Он же*. Боярин — летописец XII в. — История СССР, 1959, № 5, с. 56—79; *Он же*. Киевская летописная повесть о походе Игоря в 1185 г. — ТОДРЛ. Л., 1969, т. 24, с. 58—63; *Он же*. Нестор о славянских обычаях: Древние славяне и их соседи. — МИА. М., 1970, № 176, с. 40—44; *Он же*. Даниил заточник и владимирское летописание конца XII в. — АЕ за 1970 год. М., 1971, с. 43—89; *Он же*. В. Н. Татищев и летописи XII в.: (Об использовании источников в «Истории Российской» XVIII в.). — История СССР, 1971, № 1, с. 91—109; *Он же*. Борьба за суздальское наследство в 1174—1176 гг. по миниатюрам Радзивилловской летописи. — В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 89—101.

⁷ Из истории экономической и общественной жизни России: Сб. ст. М., 1976, с. 23—26.

А. А. Курносов

**АКАДЕМИК А. М. САМСОНОВ — АРХЕОГРАФ
И ИСТОЧНИКОВЕД ИСТОРИИ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**
(К 75-летию со дня рождения)

Еще до Великой Отечественной войны Александр Михайлович Самсонов определил свою профессию и опубликовал первые работы. Они посвящены в основном истории феодального периода¹. Не изменил он своему призванию историка и в военное время. Обстоятельства фронтовой жизни мало благоприятствовали научной работе агитатора полка 3-го гвардейского механизированного корпуса — парторга танкового батальона лейтенанта Самсонова. Однако подспудное или целенаправленное накопление сведений о событиях всемирно-исторического значения, непосредственным участником которых он стал, их осмысление с позиций историка-профессионала органично включались в жизнь политработника на войне. Увиденное, пережитое, понятое в те годы придало неординарность творчеству А. М. Самсонова-историка.

**Александр Михайлович
САМСОНОВ**

Однажды зимой 1944/45 гг., когда 3-й механизированный корпус вел бои против курляндской группировки фашистов, А. М. Самсонов был вызван с передовой к командиру корпуса генералу В. Т. Обухову. «Состоявшийся в блиндаже разговор закончился так: „Войне скоро конец! — сказал

генерал. — Надо написать историю нашего гвардейского соединения. Все, что необходимо для этого, будет предоставлено»². С этого момента (как утверждает А. М. Самсонов), а быть может, гораздо раньше начался сбор и оформление исторического материала, который лег в основу первого труда ученого о Великой Отечественной войне.

«В условиях фронта, вместо архива или библиотечного зала, работа проходила то в очередной землянке, то в обитом фанерой политотдельском „виллисе“, кочующем по зимним лесным дорогам. Исследовательский процесс временами обрывался, но все его трудности щедро окупались ценностью накапливаемых данных. Отбор и изучение фактов. . . проводились по свежим следам событий. Неограниченные возможности имелись в контактах с непосредственными участниками изучаемых боев, сраже-

ний и битв, а также в ознакомлении с оперативными и партийно-политическими документами корпуса, его бригад, частей и подразделений. . . . Возникающие трудности преодолевались путем комплексного использования всех источников, прежде всего документов и воспоминаний непосредственных участников событий, взаимно дополняющих и контролирующих друг друга. Вместе с тем сочетание этих источников сообщало изучаемым фактам живое звучание и научную объективность». Вскоре написанная им по поручению командования история 3-го гвардейского механизированного корпуса «получила вполне удовлетворительный анализ» в военном секторе Комиссии по истории Великой Отечественной войны. И. И. Минц рекомендовал развернуть «историю» в кандидатскую диссертацию³. Вероятно, это одна из закономерностей развития исторической науки: профессионально-историческое осмысление явления начинается с осознания его исторического значения как бы «изнутри» непосредственными участниками и современниками.

Основательная научная подготовка и активное участие в войне во многом определили дальнейшую судьбу А. М. Самсонова, особенности его творческой и научно-организаторской деятельности. Его работа в качестве главного редактора и директора издательства «Наука», одного из руководителей серии «Литературные памятники», главного редактора такого авторитетного издания, как «Исторические записки», многих других научных предприятий отмечена особым вниманием к первоисточникам. Разнообразны формы и способы введения их в научный оборот, применяемые А. М. Самсоновым. Прежде всего это выявление, собирание и публикация документов. Существенную роль в источниковой базе трудов А. М. Самсонова играют источники, им самим «вызванные»: письма-воспоминания, записи бесед с активными участниками и свидетелями событий. Мобилизация их памяти и личного опыта — одна из важных особенностей его деятельности как профессионального историка, организатора науки и ветерана войны, знающего цену личным свидетельствам.

Монографии, обобщающие труды и статьи А. М. Самсонова, посвященные решающим событиям Великой Отечественной и второй мировой войны в целом, таким, как Московская, Сталинградская битвы и другие сражения⁴, основаны на системе источников, позволяющей их взаимную проверку, взаимно дополняющих друг друга. При этом А. М. Самсонов исходит из принципа относительной ценности и достоверности всех видов и разновидностей источников. «Истина всегда конкретна. Достоинства и недостатки есть в каждом виде источников. Для их выявления нужен тщательный и всесторонний анализ, сопоставление, критическая проверка. Такой подход требуется как при изучении документов, так и мемуаров. Надо, конечно, учитывать специфику источников, но едва ли следует противопоставлять их. . .»⁵.

Доказательность его трудов обеспечивается включением документов или их фрагментов в текст исследований, столкновением противоречивых свидетельств, обильными комментариями, публикацией источников в многочисленных приложениях и, конечно, тонким источниковедческим исследованием каждого, особенно вызвавшего сомнения сообщения. Исследователь таким образом непосредственно вовлекает читателя в процесс своего поиска. В многогранной научно-организационной, редакторской, публикаторской, исследовательской работе А. М. Самсонова привлекает особое внимание серия академических изданий «Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах». Серия была задумана А. М. Самсоновым, который и стал председателем ее редколлегии. Она увидела свет в 1964—1975 гг. и состояла примерно из 90 книг (включая повторные издания)⁶. Ее высоко оценили в научной печати⁷.

Вышедшие в серии книги адресованы прежде всего специалистам, исследующим историю этого драматического периода всемирной истории. Но, разумеется, они интересны и более широкой читательской аудитории. Серия характерна своим жанровым разнообразием. В ней монографические исследования; уникальное сочетание монографии и документальной публи-

кации (*Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973); издания документов; мемуары видных советских военачальников; сборники воспоминаний и сборники, объединившие исследовательские статьи и воспоминания полководцев; «историко-мемуарные очерки», представляющие синтез коллективной памяти и опыта видных участников событий и профессионализма ученых-историков.

Серии в целом присуще многоплановое освещение хода событий — с точки зрения и высших штабов и командующих разными родами войск, руководящих работников тыловых служб, командиров оперативных объединений и тактических соединений, наконец, руководителей советских учреждений прифронтовой зоны. Естественно, внимание редколлегии серии привлекали прежде всего решающие события Великой Отечественной войны: сражения под Москвой, Сталинградом, Ленинградом, Курском, за освобождение Белоруссии, штурм Берлина.

Опубликованные в серии «Вторая мировая война. . .» мемуары отличаются общие принципы подготовки: документированность, тщательная проверка фактических данных, относительно однородный авторский состав, максимально «обогатенная» информация о событиях военных лет. Вместе с тем масштабы участия мемуаристов в войне и соответственно масштабы восприятия и воспроизведения прошлого в источниках позволили многим из них не только создать фактически точное описание хода событий, но и предложить суждения высокого уровня обобщенности, касающиеся и острых подчас проблем исторической науки, и профессионально-военных вопросов. Многие из этих суждений, опирающихся на осмысление личного и коллективного опыта, сохраняют актуальность и по сей день.

Тенденция многих мемуарных произведений к концептуальности делает их и источниковедческим, и историографическим фактом. Большая доля успеха, заслуженного серией, принадлежит ее инициатору и руководителю А. М. Самсонову, который соединил свойства ученого-историка, автора множества получивших признание трудов; археографа, собравшего, записавшего и издавшего большое число ценных свидетельств активных участников событий, публикатора важных документов военного времени; ученого-историковеда, скрупулезно работающего над исторической информацией.

Здесь далеко не полно охарактеризован вклад А. М. Самсонова в изучение истории военных лет, в пополнение источниковой базы исследований этого периода.

Хочется пожелать Александру Михайловичу на многие годы сохранить творческую энергию, заинтересованность в кардинальных проблемах Большой Науки, новых и новых успехов. И еще одно: написать книгу, в которой нашел бы отражение большой жизненный и научный опыт ученого и гражданина.

¹ Александр Михайлович Самсонов: Библиография/Сост. Епифанова А. И., Шутько Л. В. М., 1970.

² Самсонов А. М. От Волги до Балтики: Очерк истории 3-го гвардейского механизированного корпуса, 1942—1945 гг. 2-е изд. М., 1973, с. 8.

³ Там же, с. 9. Первый вариант этой книги был опубликован под названием «Боевой путь 3-го гвардейского механизированного корпуса: Материалы к истории». М., 1948. Первое издание книги — «От Волги до Балтики». М., 1963; НА ИИ, ф. 14, д. 25, л. 127; см. также л. 108. История 3-го гвардейского механизированного корпуса. — Там же, ф. 2, р. 1, оп. 76, д. 2. См. также: *Архангелогородская Н. С., Курносов А. А.* О создании Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР и ее архива: (К 40-летию со дня образования). — АЕ за 1981 год. М., 1982, с. 224.

⁴ Самсонов А. М. Поражение вермахта под Москвой. М., 1981; *Он же.* Сталинградская битва. 3-е изд. М., 1982; *Он же.* Крах фашистской агрессии, 1939—1945: Ист. очерк. М., 1980; и др.

⁵ Самсонов А. М. Вклад историков АН СССР в историографию Великой Отечественной войны. — В кн.: История и историки: Историографический ежегодник, 1979. М., 1982, с. 24.

⁶ Каталог книг издательства «Наука», 1963—1967. М., 1971; То же, 1968—1972. М., 1979; То же, 1973—1977. М., 1980; Самсонов А. М. История Великой Отечественной войны в исследованиях, воспоминаниях и документах: (О книгах военно-исторической серии издательства «Наука»). — ВАН, 1968, № 2, с. 17—22.

⁷ *Прозектор Д. М.* Серия «Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах». — ВАН, 1976, № 11, с. 112—118.

К 90-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА М. Н. ТИХОМИРОВА

Тихомировские чтения 1983 года

А. М. Самсонов

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые коллеги, товарищи!

Заседание Археографической комиссии Академии наук СССР сегодня посвящается замечательному деятелю советской науки, выдающемуся историку, патриоту социалистической державы — академику Михаилу Николаевичу Тихомирову. В этом зале находятся — наряду с Археографической комиссией — представители коллективов Института истории СССР, Института славяноведения и балканистики, исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Мы собрались на ставшие уже традиционными «Тихомировские чтения», на этот раз в канун 90-летия со дня рождения Михаила Николаевича (он родился 1 июня 1893 г., умер 2 сентября 1965 г.). Его творческая деятельность оставила заметный, я бы сказал, «тихомировский» след в отечественной науке, в духовной жизни страны, обогатив их в существенно важном — в познании истории народов СССР на протяжении ряда столетий.

Как писал сам Михаил Николаевич, дорога в историческую науку не была для него легкой. А проходя по ней, овладевая профессией под руководством таких выдающихся историков, как Р. Ю. Виппер, М. М. Богословский, С. В. Бахрушин и других известных ученых, Михаил Николаевич уже тогда, как и в последующие годы и десятилетия, проявлял особую склонность к изучению источников, документов, видя в этом основу познания явлений прошлого. Завершив высшее образование, Михаил Николаевич посвятил исторической науке все свои помыслы и стремления, десятилетия напряженного целенаправленного труда, самобытный талант исследователя, огромные накопленные знания, высокую одаренность организатора науки.

Принадлежа к старшему поколению советских историков, получавших университетские знания еще в дореволюционной России, Михаил Николаевич, как и большинство его соратников по науке, пришел к марксизму, преодолев концепции буржуазной историографии. Свои исследования он вел с позиций марксистско-ленинской методологии. В 1934 г. началась его работа в МГУ, с первого года основания там исторического факультета.

«Вместе со мной, — вспоминал впоследствии Михаил Николаевич, — старейшими преподавателями истории СССР на историческом факультете были академик А. М. Панкратова, академик Н. М. Дружинин, член-корреспондент АН СССР М. В. Нечкина и др. Коллектив историков, работавших тогда на историческом факультете по феодальному периоду, включал и таких, позже умерших, крупных ученых, как С. В. Бахрушин, К. В. Базилевич, В. Е. Сыроечковский»¹.

Своими знаниями Михаил Николаевич щедро делился с молодежью, многочисленными учениками: студентами, аспирантами. Это имело и обратную связь: «Некоторые из моих научных работ, — писал Михаил Николаевич, — первоначально возникли в виде курсов лекций и только позже оформлялись в монографии»².

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
ТИХОМИРОВ

На обороте фотографии рукой М. Н. Тихомирова написано: «Дорогому моему сердцу Дмитровскому музею, где я начал свою работу в 1917 году и собирал для него коллекции, в память юных годов. М. Тихомиров. 3 марта 1958 г. Снят в 1953 году.»

Акад. М. Н. Тихомиров в своем хранилище рукописных и старопечатных книг, подаренных им при жизни Сибирскому отделению АН СССР. Фото 1962 г.

(Архив АН СССР, ф. 697, оп. 2, д. 158, л. 2)

В Академию наук СССР Михаил Николаевич Тихомиров пришел в 1935 г. Работая в Институте истории и Институте славяноведения, он с большой отдачей вел научные исследования. Специалист широкого профиля, Михаил Николаевич изучал отечественную историю, историю славянских народов и Византии с X по XIX в. Его интересовали проблемы социально-экономического и политического развития России периода феодализма, история народных масс, классовая борьба в Древней Руси, история древнерусских городов, история культуры, место России во всемирном историческом процессе.

В годы Великой Отечественной войны вместе с другими крупными учеными, сотрудниками Института истории (Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, Е. В. Тарле), Михаил Николаевич участвовал в написании «Истории русского военного искусства» и «Истории русского военно-морского флота». После войны издаются его широко известные работы: «Древнерусские города» (М., 1946), «Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в.» (М., 1947), «Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.» (М., 1955), «Россия в XVI столетии» (М., 1962) и др.

Михаил Николаевич был крупнейшим авторитетом в области исторической географии, палеографии, археографии, источниковедения и историографии. Неутомимый исследователь, он являлся первооткрывателем и публикатором многих письменных источников. Неоценимы его заслуги в собирании и охране старинных рукописных и старопечатных книг, описании и издании памятников отечественной истории.

По инициативе Михаила Николаевича возобновилось издание Полного собрания русских летописей. Весом был его вклад в подготовку академического издания «Истории Российской» В. Н. Татищева, сочинений В. О. Ключевского в восьми томах и избранных произведений М. Н. Покровского в четырех книгах. Он был главным редактором первого тома «Очерков истории исторической науки в СССР», руководителем издания многих памятников по истории культуры славянских народов и народов Центральной Европы. Вместе с академиками В. П. Волгиным, Д. С. Лихачевым, Н. И. Конрадом и другими известными учеными Михаил Николаевич деятельно участвовал в руководстве серии «Литературные памятники».

Михаил Николаевич был крупным организатором науки. В 1948 г. он создает музей в г. Дмитрове, был основателем кафедры источниковедения в МГУ. В 1953—1956 гг. он был академиком-секретарем Отделения исторических наук АН СССР. И что следует, конечно, отметить особо, Михаил Николаевич Тихомиров являлся организатором и первым председателем Археографической комиссии Отделения исторических наук АН СССР, которая и ныне следует традициям тихомировского периода ее деятельности.

Михаил Николаевич достойно представлял советскую историческую науку на международных форумах. Он являлся членом Польской академии наук, членом Американской ассоциации историков.

Научные и общественные заслуги Михаила Николаевича получили признание в избрании его в 1946 г. членом-корреспондентом, а в 1953 г. — действительным членом АН СССР. Советская Родина наградила Михаила Николаевича орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Заключая вступительное слово к нашим «Тихомировским чтениям», хочу отметить и некоторые специфические черты облика Михаила Николаевича как ученого и человека. Простой и доступный в общении, всегда готовый оказать поддержку, поделиться знаниями, опытом, он был, вместе с тем, бескомпромиссен и даже резок там, где требовалась принципиальность, где надо было отстаивать интересы науки, выступить против формализма в творческих делах, против любой неправды. Посвятив свою жизнь исторической науке, преданно ей служил, любил ее, рыцарски отстаивал ее прогресс. В этом Михаил Николаевич видел свой долг ученого, патри-

ота. Таким он остался и в нашей памяти, памяти тех, кто непосредственно общался с ним, участвовал вместе с ним в подчас нелегком, но неизменно поступательном движении советской исторической науки.

Таким помню Михаила Николаевича и я, а мне довелось в течение многих лет работать с ним в Институте истории, участвовать в издании его книг, вместе с ним готовить «Литературные памятники».

О Михаиле Николаевиче имеются публикации в «Археографическом ежегоднике», других изданиях, включая только что вышедший номер журнала «Новый мир» (1983, № 5). Думаю, что назрела необходимость в создании книги о жизни и творчестве Михаила Николаевича Тихомирова. Важно, чтобы она была издана в ближайшее время и адресовалась не только историкам, но и к широким кругам читателей. Возможно, что будущий автор этой очень нужной книги находится сегодня среди тех, кто пришел почтить память Михаила Николаевича в канун его 90-летия.

¹ Тихомиров М. Н. Дорога в историческую науку. — В кн.: Новое о прошлом

нашей страны: Памяти акад. М. Н. Тихомирова. М., 1967, с. 7.

² Там же, с. 8.

ИЗУЧЕНИЕ И ИЗДАНИЕ НАСЛЕДИЯ
М. Н. ТИХОМИРОВА¹

Труды М. Н. Тихомирова вызывали много прижизненных откликов в нашей стране и за рубежом. Большинство их учтено в книге о М. Н. Тихомирове в серии «Материалы к биобиблиографии ученых СССР» (1963 г.). В 1963 г. вышло четыре сборника статей, посвященных 70-летию ученого и включавших статьи о его жизни и творчестве, а также статьи и в других изданиях. Зачинателями изучения научной биографии ученого были С. Н. Валк и В. И. Шунков. В 1965—1966 гг. опубликовано много некрологов и подписанных авторами статей памяти ученого. В январе 1966 г. состоялось совместное заседание Отделения истории и Археографической комиссии с докладами и выступлениями о М. Н. Тихомирове. Материалы, опубликованные к 70-летию М. Н. Тихомирова и в связи с его кончиной, стали основой первичных историографических представлений о творческой биографии ученого и его месте в истории развития нашей науки и культуры.

Уже в 1966—1967 гг. началось печатание некоторых неопубликованных трудов ученого, а также перепечатка ставших библиографической редкостью его статей (в книге «Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова. Учителю — ученики». М., 1967 и в других изданиях). После поступления личного фонда ученого в Архив АН СССР И. П. Староверова провела работу по научному описанию этих материалов и выявлению материалов, связанных с деятельностью ученого в других фондах ААН и его Ленинградского отделения. В 1974 г. вышла книга «Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР». В приложении к ней напечатаны некоторые не публиковавшиеся ранее работы ученого.

Для подготовки к печати трудов М. Н. Тихомирова была организована редколлегия, которую первоначально возглавлял В. И. Шунков, а затем С. О. Шмидт. Решено было прежде всего подготовить к печати неопубликованные труды ученого, отзывы о научных сочинениях и сравнительно небольшие работы, разбросанные во многих, зачастую малотиражных изданиях, ранние книги его, а из больших монографий — «Псковское восстание 1650 г.» и «Крестыанские и городские восстания на Руси в XI—XIII вв.». Книги, составленные по тематическому принципу, с самостоятельными названиями готовили к печати Археографическая комиссия и Архив АН СССР.

В 1968—1979 гг. издательством «Наука» были изданы шесть книг М. Н. Тихомирова: «Русская культура X—XVIII веков», «Классовая борьба в России XVII в.», «Исторические связи России со славянскими странами и Византией», «Российское государство XV—XVII веков», «Древняя Русь», «Русское летописание». В предисловиях к книгам охарактеризовано научное значение издаваемых трудов, место их в творческой биографии ученого. Небольшие работы Тихомирова публиковались и в других изданиях.

С выпуском этих книг, особенно при изучении их вместе с не вошедшими в тома ранее изданными известными книгами М. Н. Тихомирова, стало еще очевиднее, как велик его вклад в развитие науки и преподавание истории. Поражает широта творческих интересов ученого, исследовавшего важнейшие проблемы социально-экономической, политической и культурной истории. Убеждаемся, как много сделал М. Н. Тихомиров

в области специальных дисциплин — источниковедения, археографии, палеографии, исторической географии, историографии.

Издание научного описания рукописного наследия Тихомирова и выпуск его трудов стимулировали рост интереса к изучению его жизни и творчества. И работой этой занялись не только те, кто соприкасался с ним лично, но и историки более молодых поколений. Продолжались изыскания в архивах, принесшие ценные сведения, особенно о деятельности Тихомирова в довоенные годы (в Дмитрове, в Самаре, в обществе «Старая Москва», в МГИАИ). На этой основе написаны статьи и обзоры архивных документов, сделаны научные доклады. Специально жизни и творчеству М. Н. Тихомирова были посвящены Тихомировские чтения 1968, 1973, частично 1969 и 1980 гг. (в Новосибирске), заседание Археографической комиссии в сентябре 1975 г.

Изучались различные стороны научного творчества, педагогической и научно-организационной деятельности М. Н. Тихомирова. Много статей помещено в томах «Археографического ежегодника», а также в журналах «История СССР», «Советское славяноведение», «Советские архивы», в «Вестнике МГУ», «Новом мире», в ТОДРЛ, в книге «Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии» (1981 г.) и других изданиях. И. Е. Тамм в связи с подготовкой нового издания библиографии М. Н. Тихомирова, запланированного к публикации СО АН СССР, выявила работы об ученом, напечатанные после 1962 г.² Список очень значителен — более 100 названий.

Опубликованы статьи, воспоминания, архивные обзоры о Тихомирове как историке русского феодального города, в частности Великого Новгорода, об исследовании им народного быта, вопросов военной истории, истории Поволжья и Средней Азии, о работах в области славяноведения и византиноведения, о его лекционном курсе «Приказное делопроизводство».

Охарактеризованы труды М. Н. Тихомирова по источниковедению, текстологии, палеографии (специально об изучении летописей, «Закона судного людям»), истории книгопечатания, древнерусского искусства, по исторической географии, библиографии. Много писали (опираясь преимущественно на архивные материалы) о вкладе М. Н. Тихомирова в развитие археографии — о его деятельности в области собирания, описания, публикации памятников письменности (особенно летописей), о его роли в организации и определении направлений работы Археографической комиссии (и прежде всего в создании «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР»), в становлении полевой археографии. Именно его инициативе обязаны «археографическим открытием Сибири», а его бесценный дар «Тихомировского собрания» рукописей, старопечатных книг и памятников искусства Сибирскому отделению АН СССР предопределил возможности осуществления многообразной работы по этой проблематике к востоку от Урала.

Охарактеризована (в значительной степени по архивной документации, а также по личным воспоминаниям) и преподавательская деятельность М. Н. Тихомирова (в МГУ, МГИАИ), его работа в учреждениях АН СССР, в ГИМ. С расширением источниковой базы появилась возможность осветить взаимоотношения М. Н. Тихомирова с коллегами (В. П. Адриановой-Перетц, С. В. Бахрушиным, Б. Д. Грековым, В. И. Пичетой, Л. С. Хачикяном) и учениками.

Авторами работ и воспоминаний о М. Н. Тихомирове являются более 60 ученых. В их числе академики Е. М. Жуков, М. А. Коростовцев, А. П. Окладников, Б. А. Рыбаков, А. М. Самсонов, члены-корреспонденты АН СССР В. П. Адрианова-Перетц, А. П. Деревянко, И. Д. Ковальченко, Ю. А. Поляков, А. А. Сидоров, З. В. Удальцова, В. И. Шунков, В. Л. Янин.

Тематика работ о М. Н. Тихомирове не кажется исчерпанной. Остаются еще не разработанными темы «М. Н. Тихомиров — исследователь „Русской Правды“», «М. Н. Тихомиров — историк Москвы», «М. Н. Тихомиров

о России времени Ивана Грозного», «М. Н. Тихомиров — историограф», «М. Н. Тихомиров и научные журналы», «Методика составления М. Н. Тихомировым учебных пособий», «М. Н. Тихомиров и историко-географическое краеведение», «М. Н. Тихомиров и дело охраны и пропаганды памятников истории и культуры» и другие темы, интересные в плане изучения и творчества М. Н. Тихомирова, и истории развития исторической мысли, распространения исторических знаний в нашей стране.

При простоте стиля написанных им трудов и публичных выступлений, скромности внешнего облика фигура Тихомирова предстает ныне все более величественной вершиной нашей исторической науки. Его имя и деятельность — это уже история. Уменьшается число тех, кто лично был знаком с ним и тем более был одарен его вниманием и расположением. В истории науки остается прежде всего ученый, с именем которого связаны высокие достижения ее в середине нашего столетия. М. Н. Тихомиров — слава отечественной культуры.

Некоторые научные труды давно уже принято называть классическими. Оценивая высшие достижения художественной литературы и искусства нашей эпохи, мы говорим: «Советская классика». Не допустимо ли употреблять то же определение и применительно к наиболее выдающимся произведениям наших крупнейших историков? В этом случае среди классиков советской исторической науки видное место займет и М. Н. Тихомиров.

Понимание тихомировских традиций уже определилось. Сфера воздействия их значительна. Это обнаруживается и в области исследовательской работы — в выборе направлений, определении тематики, в стиле научных изысканий и написания ученых трудов, и в области подготовки научных кадров, и в плане участия ученых в деле выявления, изучения и охраны памятников истории и культуры, в общественной жизни. Для М. Н. Тихомирова наука была неотделима от его жизни. Служение Родине и служение науке были для него не долгом, а естественным состоянием, внутренней потребностью. Наследуя тихомировские традиции, нельзя останавливаться на том, что он сделал, а надо продолжать его дела, ибо только тот является учителем, кто воспитал учеников — не подражателей, а последователей. Память о большом ученом, это не только память о том, что он сделал, но и продолжение того, чему он отдал свою жизнь.

¹ Часть докладов напечатана в виде статей: *Шмидт С. О.* О наследии академика М. Н. Тихомирова. — ВИ, 1983, № 12; *Буганов В. И., Глушакова Ю. П.* Михаил Николаевич Тихомиров в Институте истории АН СССР. — ИЗ. М., 1984, т. 112; *Ковальченко И. Д., Муравьев А. В.* М. Н. Тихомиров и Московский

университет. — История СССР, 1984, № 2; *Чистякова Е. В.* Памятники письменности Армении в научном творчестве М. Н. Тихомирова. — СА, 1983, № 6. В настоящем издании публикуются резюме этих докладов.

² См. наст. изд.

В. И. Буганов, Ю. П. Глушак

М. Н. ТИХОМИРОВ И ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН СССР

30 лет длилась многогранная деятельность Михаила Николаевича Тихомирова в Институте истории АН СССР. В стенах Института он проявил себя как крупнейший ученый, сыгравший выдающуюся роль в развитии советской исторической науки.

Михаил Николаевич начал работу в Академии наук СССР с весны 1935 г.¹ Здесь в 1939 г. он блестяще защитил докторскую диссертацию «Исследование о „Русской Правде“. Происхождение текстов».

Трудно даже кратко перечислить многообразие исследовательской, публикаторской, научно-организационной и педагогической работы академика Тихомирова в Институте истории. Одним из главных направлений его исследований была история народных масс, их борьба против угнетателей². Большое место в творческой деятельности Михаила Николаевича занимало изучение древнерусского города³. В Институте истории он был одним из инициаторов и авторов большого коллективного исследования «История Москвы» (в 6-ти томах), редактором и автором статьи сборника «Новгород. К 1100-летию города» (М., 1964). Истинный патриот своего Отечества, Тихомиров разрабатывает проблему борьбы Руси против чужеземных захватчиков⁴.

Большое значение для развития нашей науки имели многотомные коллективные труды, у истоков которых наряду с другими ведущими учеными стоял М. Н. Тихомиров, — это «Всемирная история»⁵, «История СССР с древнейших времен до наших дней»⁶, «Очерки истории исторической науки в СССР»⁷. По этим изданиям Михаил Николаевич проделал не только научную, но и большую организационную работу. Тематика других исследований академика Тихомирова: история русской культуры, истоки дружбы народов СССР, история Византии, связи России с Византией, история славянского мира. С 1959 г. он был ответственным редактором «Византийского временника»⁸.

Велик вклад М. Н. Тихомирова в источниковедение отечественной истории. Им написаны большие исследования, выявлены новые неизвестные памятники, осуществлена публикация ценнейших источников. Эти исследования смыкались с работами по другим специальным историческим дисциплинам: археографии, палеографии, исторической географии. Совершенно исключительное значение имела работа Михаила Николаевича по изучению и публикации русских летописей. В 1949 г. им был опубликован т. 25 Полного собрания русских летописей, положивший начало возобновлению этой серии, прерванной в 1920-е годы. По инициативе академика Тихомирова и под его руководством в 1959 г. в Институте истории была создана Группа по изданию ПСРЛ, он был ответственным редактором пяти изданных ею томов, а также автором ряда работ и статей по летописанию. Под грифом Института истории увидела свет такая важная работа М. Н. Тихомирова, как «Краткие сведения о летописных памятниках в рукописных собраниях Москвы» (М., 1962), где приведено описание многочисленных рукописей из Московских архивохранилищ, которое сопровождается источниковедческим исследованием памятников.

В Институте истории, как и в МГУ и Институте славяноведения, академик Тихомиров вел большую работу по подготовке молодых кадров, создал большую школу советских ученых.

Всегда и везде он оставался истинным патриотом своей Родины, требовал от историков честного и принципиального служения науке, сам был образцом такого служения.

¹ В трудовой книжке М. Н. Тихомирова отмечено, что он был зачислен на работу в Историко-археографический институт АН СССР 1 апреля 1935 г. — ААН, ф. 693, оп. 2, д. 7, л. 12. (При создании Института истории АН СССР в 1936 г. Историко-археографический институт вошел в его состав). С 1953 г. Тихомиров перестает формально быть сотрудником Института истории, перейдя в Институт славяноведения, но практически большая работа академика в Институте истории продолжалась до конца его жизни.

² *Тихомиров М. Н.* Псковское восстание 1650 года. М.; Л., 1935; *Он же.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955; и др.

³ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1946; 2-е изд. М., 1956.

⁴ В 1939 г. для сборника по истории войн, который создавался в Институте истории при участии Б. Д. Грекова, В. И. Пичеты, Тихомиров пишет два раздела;

в годы Великой Отечественной войны он принимает участие в сборнике «Великие русские полководцы» (М., 1943), выпускает работу «Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV вв.» (М., 1941; То же, 1942); и др.

⁵ М. Н. Тихомиров входил в Главную редакцию «Всемирной истории», написал седьмую главу для пятого тома.

⁶ М. Н. Тихомиров был членом Главного редакционного Совета двух серий, членом редакционной комиссии первой серии, ответственным редактором второго тома, автором отдельных глав и разделов.

⁷ М. Н. Тихомиров возглавлял комиссию по созданию «Очерков истории исторической науки в СССР», редактировал первый том, был членом редколлегии второго тома.

⁸ Под редакцией М. Н. Тихомирова вышли тома 18—26 «Византийского временника».

И. Д. Ковальченко, А. В. Муравьев

М. Н. ТИХОМИРОВ И МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

М. Н. Тихомиров пришел на исторический факультет Московского университета при его восстановлении в 1934 г. как уже сложившийся ученый, имевший опыт преподавания в средней и высшей школе. Несомненно, что вторая половина 30-х годов была важным рубежом в научной и преподавательской деятельности М. Н. Тихомирова. В 1934 г. он стал доцентом исторического факультета, на следующий год был утверждён в ученой степени кандидата исторических наук, в 1940 г. стал профессором. Именно с середины 30-х годов деятельность М. Н. Тихомирова как ученого и педагога стала многогранно проявляться в Академии наук СССР (научным сотрудником Института истории он состоял с 1935 г.) и Московском университете.

Широкий диапазон научных интересов М. Н. Тихомирова, острый интерес к наиболее сложным проблемам истории, блестящее знание источников, умение провести исчерпывающий анализ фактов привели к созданию М. Н. Тихомировым многих весьма важных трудов, возникновение которых было тесно связано с работой в Московском университете, со студенческими и аспирантскими семинарами, спецкурсами.

Из широкого круга вопросов, возникающих при изучении деятельности М. Н. Тихомирова в Московском университете, можно выделить три аспекта: создание тихомировской школы исторического исследования, организация М. Н. Тихомировым первой в стране специальной кафедры источниковедения истории СССР, участие М. Н. Тихомирова в организации археографической работы.

Характерной особенностью тихомировской школы было то, что она формировалась на протяжении долгой творческой жизни М. Н. Тихомирова. В нее шли участники семинаров и слушатели его спецкурсов, к нему приходили писать дипломные работы и кандидатские и докторские диссертации, под его непосредственным влиянием возникали темы многочисленных исследований. Для всех своих учеников Михаил Николаевич был заботливым и требовательным учителем, внимательным и строгим другом и отзывчивым старшим товарищем. Он помогал делать первые шаги в науке и преподавании, следил за тем, чтобы ученики не останавливались на достигнутом, не задерживались слишком долго на одной проблеме, чтобы они в утверждениях исходили из комплекса всех фактов, не спешили со скороспелыми выводами. Он умел видеть склонности и возможности каждого ученика и, не навязывая своего мнения и своих выводов, подсказывал темы статей и книг, поправлял, помогал, советовал, ободрял при неудачах и не давал зазнаваться при успехах.

Важным вкладом в развитие советской исторической науки и в преподавание явилось создание М. Н. Тихомировым на историческом факультете Московского университета первой в стране кафедры источниковедения истории СССР. Понадобилось 20 лет упорного труда, усилий М. Н. Тихомирова, прежде чем появилась эта кафедра. Ей предшествовали разработка и чтение курсов источниковедения, историографии, специальных исторических дисциплин в целом ряде вузов страны, но прежде всего в Московском университете, где усилиями ученых — товарищей, друзей М. Н. Тихомирова были заложены основы для создания кафедры источниковедения. Кафедра была создана в 1953 г., и до 1962 г. ею заведовал М. Н. Тихомиров. Уже в первые годы своей деятельности кафедра стала

своеобразным организующим центром развития источниковедения и специальных исторических дисциплин в вузах страны.

Проблемы изучения источников, расширения источниковой базы исторических исследований всегда волновали М. Н. Тихомирова. Этим объясняется его неустанное обращение как к розыскам материалов в уже сложившихся архивохранилищах, описанию их коллекций, так и к сбору источников. Собрание уникальных письменных памятников, созданное самим М. Н. Тихомировым и находящееся ныне в Новосибирске, давно по достоинству оценено историками. М. Н. Тихомиров много сил и энергии отдал организации розыскания письменных памятников, считая это делом государственной важности. Вопросу организации археографических экспедиций М. Н. Тихомиров придавал большое значение и не раз выступал по этому поводу на историческом факультете. В одном из таких выступлений на заседании кафедры истории СССР в декабре 1951 г. он рассказывал о поездке вместе с аспирантами в северные области России: «В Архангельском архиве имеются весьма ценные материалы. . . Эти ценнейшие материалы могли бы быть основой для создания кандидатских диссертаций». Им отмечено также «ценнейшее собрание древнерусских книг» в Каргополе. Важно отметить, что М. Н. Тихомиров не только призывал к розыскам, но и сам в них активно участвовал, привлекая к этому делу студентов университета.

Тихомировские традиции развиваются в Московском университете в подготовке кадров и организации археографических экспедиций.

Память М. Н. Тихомирова увековечена в названии лекционной аудитории исторического факультета, где установлена мемориальная доска с барельефом ученого.

А. П. Дервянко, Н. Н. Покровский

М. Н. ТИХОМИРОВ И СИБИРСКАЯ АРХЕОГРАФИЯ

Сибирь прочно вошла в круг интересов Михаила Николаевича Тихомирова в последние 10—15 лет его жизни. Наряду с Поморьем она интересовала его в первую очередь как край, где феодальные отношения не породили крепостного права, где народная культура не была искажена крепостничеством и лучше ощущался традиционный дух вольнолюбия. Тихомирова привлекал феномен быстрой и успешной крестьянской колонизации огромных просторов востока страны¹.

Интерес этот повысился после поездки на Дальний Восток в 1956 г. Свою научную библиотеку Михаил Николаевич завещает Дальневосточному университету.

М. Н. Тихомиров участвовал в обсуждении в Президиуме АН СССР вопроса о создании нового научного центра в Новосибирске. В это время у него рождается мысль об археографическом обследовании Сибири, о развертывании в Новосибирске археографических работ. В конце 50-х годов в Сибирь по инициативе М. Н. Тихомирова были отправлены археографические группы под руководством А. И. Рогова и В. Б. Павлова-Сильванского. Проведенная ими полевая работа показала, что древние книги в Сибири есть, но что условия работы здесь весьма специфичны. Требовались многолетние стационарные обследования одних и тех же регионов, что невозможно было наладить без организации сибирского центра полевой археографии. Но ни ставить эти задачи, ни готовить соответствующие кадры для систематического археографического обследования огромных территорий было нельзя в отрыве от изучения общерусской культурной традиции, без подлинных памятников древнерусской письменности. Этот замкнутый круг был разорван широкой постановкой вопроса о создании Сибирского археографического центра и щедрым даром академика М. Н. Тихомирова, передавшего в 1965 г. Сибирскому отделению Академии наук знаменитую коллекцию древнерусских рукописей, старопечатных книг, документов и других раритетов.

При энергичном содействии академика А. П. Окладникова планы развития археографической работы в Новосибирске были приняты руководителями Сибирского отделения Академии наук, в частности академиками М. А. Лаврентьевым и А. Л. Яншиным, которые ознакомились с Тихомировским собранием еще в Москве, на квартире М. Н. Тихомирова. В письме М. А. Лаврентьева М. Н. Тихомирову в связи с передачей в Новосибирск Тихомировского собрания первый председатель Сибирского отделения АН СССР подчеркивал, что «стоящие у истоков национальной культуры русского народа памятники не останутся здесь лежать мертвым капиталом».

За несколько недель до своей кончины М. Н. Тихомиров уточнял в беседах с учениками направления деятельности будущего археографического центра в Сибири, обращая особое внимание на то, что она не должна ограничиваться только выявлением памятников древней письменности. Он подчеркивал важность задачи издания источников сибирской истории, литературы. В частности, речь шла о трудоемком деле издания полного корпуса сибирских летописей. М. Н. Тихомиров говорил также о важности создания научных описаний сибирских книжных коллекций.

Осуществляя план развития археографических исследований в Сибири, новосибирские ученые постоянно ощущали действенную поддержку старых археографических центров, в первую очередь — Пушкинского Дома и

Археографической комиссии. Эта помощь, в частности, сделала возможной реализацию широких экспедиционных и издательских планов, названную академиком Д. С. Лихачевым «археографическим открытием Сибири». За 18 лет экспедиционной работы были проделаны десятки сложных маршрутов по огромным территориям от Урала до Дальнего Востока, от Заполярья до Средней Азии. Фонды хранилищ Новосибирска пополнились более чем 1700 памятниками древнерусской письменности и печати. В нескольких местах удалось наблюдать и зафиксировать последние остатки древнерусской традиции переписывания книг. Была установлена значительная популярность в Сибири многих произведений древнерусской литературы, сборников постоянного состава, старопечатных книг XVI—первой половины XVII в., включая издания Ивана Федорова. Найлены сибирские списки произведений митрополита Иллариона, Климента Смятича, Кирилла Туровского, Кирилла Белозерского, Иосифа Волоцкого, Максима Грека, Пахомия Сербя, Ивана Пересветова, Ионы Думина. В Сибири обнаружены также списки XV—XVI в. паремийных чтений о Борисе и Глебе, Сказания о Мамаевом побоище, Повести о царице Динаре, Степенной книги. Важным итогом сибирских археографических экспедиций стало выявление местных крестьянских сочинений XVIII—XIX вв. Археографические экспедиции дали нам имена целого ряда неизвестных ранее крестьянских писателей, таких, как Мирон Иванович Галанин, холоп Максим, Гаврила Украинцев.

Новосибирские археографы ведут монографическое исследование ряда проблем истории общерусского культурно-исторического процесса, а также памятников сибирской литературы. Идет работа и в других направлениях, рекомендованных когда-то Михаилом Николаевичем, — по публикации сибирских летописей, по созданию научных описаний сибирских коллекций древних книг, археографических справочников. Некоторые итоги исследований сибирских археографов были подведены в 1980 г. на Тихомировских чтениях, проходивших в Новосибирске, в помещениях, где были экспонированы книги Тихомировского собрания и новые находки, где висел портрет Михаила Николаевича, так знакомый посетителям его последней квартиры на Котельнической набережной.

¹ Шмидт С. О. Издание и изучение наследия М. Н. Тихомирова. Тихомировские традиции. — В кн.: Сибирское собра-

ние М. Н. Тихомирова и проблемы археологии. Новосибирск, 1981, с. 11, 12.

А. И. Рогов

М. Н. ТИХОМИРОВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В научном творчестве М. Н. Тихомирова среди его многочисленных направлений выделяются две неизменно присущие ему темы, к которым он проявлял постоянный интерес: история культуры и история славянских народов, прежде всего в плане их исторических взаимосвязей с Россией¹. Отсюда, естественно, выростала и другая тема — история культурных связей России со славянскими народами и шире — история культуры славянских народов. Глубочайшее знание источников по этой теме базировалось прежде всего на богатейших рукописных фондах наших отечественных хранилищ. Невозможно представить себе, например, историю культуры, в особенности средневековой Сербии и Болгарии, без обращения к этим драгоценным материалам. Такое их средоточие в наших собраниях объясняется постоянным интересом в России к культуре родственных славянских народов как в эпоху средневековья, так и позднее, в XIX в., замечательным развитием русской славистики. В самих южнославянских странах в эпоху османского ига, фанариотского гнета памятники славянской культуры постоянно и безжалостно уничтожались. Наконец, сами сербы и болгары, в том числе деятели культуры этих народов, находили свою вторую родину в России, принося вместе с собой произведения письменности и живописи.

М. Н. Тихомиров никогда не оставлял работы в рукописных хранилищах. Он не только великолепно знал их материалы, но сделал многое по их изданию и описанию. Напомним о таких его работах, как «Закон Судный людям краткой редакции» (М., 1961) и «Закон Судный людям пространной и сводной редакций» (М., 1960), выполненных совместно с Л. В. Миловым; «Именник болгарских князей» (ВДИ, 1946, № 3). М. Н. Тихомировым были напечатаны записи на рукописях Чудова монастыря², им также подготовлена публикация южнославянских записей на рукописях Хлудовского и Уваровского собраний ГИМ, изданная посмертно³. Записи эти — исключительно важный источник, по сути дела не обращавший на себя внимания славистов. К этой же группе описаний-публикаций примыкает и изданное посмертно «Описание первопечатных славянских кирилловских изданий»⁴.

Подлинным увенчанием этого направления в деятельности М. Н. Тихомирова можно назвать задуманный им «Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР», работа над которым успешно осуществляется в настоящее время Археографической комиссией АН СССР. Издание этого свода объединяет труды многих специалистов в области славяно-русской письменности, а также архивистов и библиотечных работников не только центра, но и самых отдаленных уголков нашей страны. В ходе этой работы уже сделано весьма немало новых открытий, обогативших мировую славистику.

В изучении истории русско-южнославянских культурных связей М. Н. Тихомирову принадлежит честь первого обобщения их в науке. Имеется в виду его работа «Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в.»⁵. Это обобщение не было простой сводкой достижений предшественников ученого, среди которых, кстати, были и учителя М. Н. Тихомирова (А. И. Соболевский, М. Н. Сперанский, В. Н. Перетц). Труд М. Н. Тихомирова отличается подлинно творческим подходом. Им выдвинуты принципиально важные

для решения этой проблемы положения, сделаны заключения, ставшие прочным достоянием славистики. К их числу относятся исследованные М. Н. Тихомировым пути и центры межславянского культурного взаимодействия; рассмотрение культурного общения в контексте политических и экономических отношений; выдвижение и убедительная аргументация тезиса о взаимности культурных связей России и южных славян, исключаящая широко бытовавшее представление и даже теорию односторонних влияний и зависимостей; раскрытие широкой многосторонности этих связей. Касаясь последнего из перечисленных достижений исследователя, следует особенно отметить, что буквально ни одна из областей культуры не ушла из его поля зрения. Памятники письменности, археологии, сфрагистики, живописи, архитектуры — все это привлечено М. Н. Тихомировым с использованием всего доступного и известного в то время документального материала. Эти документы дают подлинную историческую основу труду ученого.

Особое внимание М. Н. Тихомиров уделил связям восточных и южных славян в области книгопечатания — вопросу, до него не изученному⁶. Большой интерес в этом отношении представляют соображения ученого о близости типа и украшений заставок самых первых так называемых безвыходных дофедоровских московских изданий середины 50-х годов XVI в. к сербским печатным книгам Божидара Вуковича 30-х годов того же века. Вместе с тем, исходя из позиций взаимообщения славянских культур, М. Н. Тихомиров приводит множество интереснейших данных о широком распространении московских, как и украинских, печатных книг в Сербии и Болгарии.

И еще одна поистине исходная проблема межславянских культурных связей была в центре внимания М. Н. Тихомирова — происхождение славянской письменности, т. е. кирилло-мефодиевская проблема. По этому вопросу М. Н. Тихомиров не написал специальной книги, но в значительном числе своих работ он не просто затрагивал, но глубоко проникал в эту едва ли не самую основную область славистики⁷. И здесь снова проявлялась в творчестве ученого неотделимость специалиста по отечественной истории от классического и вместе с тем вполне современного слависта. Показательной в этом отношении является полемика М. Н. Тихомирова с теми учеными, которые считали важнейший источник по истории создания славянской письменности — Житие Мефодия памятником мало достоверным, относя его к XV в. Между тем, как справедливо указал М. Н. Тихомиров, в ГИМ хранится Успенский сборник XII в., содержащий этот замечательный памятник.

М. Н. Тихомиров не только великолепно знал памятники письменности, но и был признанным исследователем эпиграфического материала. Достаточно напомнить в связи с этим, что именно ему совместно с Д. А. Авдусиным принадлежит публикация и первое исследование гнездовской надписи — древнейшей из русских надписей, дошедших до нас⁸.

Изучая происхождение и начальный этап развития славянской письменности, М. Н. Тихомиров был великолепно вооружен знанием всех зарубежных открытий, живо откликался на них. Так было с новооткрытыми надписями X в. в Плиске и Преславе или знаменитой надписью 943 г. в Добрудже.

М. Н. Тихомиров подчеркивал, что не только изобретение славянского алфавита было исключительным по своему значению для культурного развития славян, — кирилловская письменность способствовала взаимодействию славян и в последующие века. Велика ее роль и в том, что она оказала «великую помощь славянским народам в их борьбе за национальную независимость»⁹.

Прошло уже более полутора десятилетия со дня смерти ученого. За это время открыто немало новых, доселе неизвестных памятников славянской культуры, вышло в свет немало трудов по ее истории, как в нашей стране, так и за рубежом. Однако до сих пор труды М. Н. Тихомирова в этой области, как, впрочем, и во многих других областях исторической науки,

не теряют своего значения. Мимо них нельзя пройти слависту-медиевисту. Они во многом могут служить образцом славистических изысканий. Есть еще одна особая черта трудов М. Н. Тихомирова, о которых здесь идет речь. Они согреты любовью к братским славянским народам, исторические судьбы которых были близки сердцу ученого, всегда рассматривавшего их в тесной связи с судьбами родной страны.

-
- ¹ Подробнее об этом см.: *Рогов А. И.* Труды М. Н. Тихомирова по славяноведению. — Сов. славяноведение, 1969, № 2, с. 79—83.
- ² *Тихомиров М. Н.* Записи XIV—XVII веков на рукописях Чудова монастыря. — АЕ за 1958 год. М., 1960, с. 11—36.
- ³ *Тихомиров М. Н.* Южнославянские и молдаво-валахские записи на рукописях ГИМ. — В кн.: *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с. 285—335.
- ⁴ Там же, с. 336—353.
- ⁵ Впервые напечатана в «Славянском сборнике» (М., 1947, с. 125—201). Перепечатано в кн.: *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России. . . , с. 94—166.
- ⁶ Исключением является соображение В. Е. Румянцева, изложенное им в предисловии к «Сборнику памятников, относящихся до книгопечатания в России» (М., 1872, вып. 1, с. 14, 15).
- ⁷ Специально этому вопросу посвящены статьи: «Начало славянской письменности в свете новейших открытий» (1959), «Историческое значение кирилловского алфавита» (1957) и устный доклад «Начало славянской письменности и Древняя Русь» (1963). Все они напечатаны в кн.: *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России. . . , с. 167—195.
- ⁸ *Авдусин Д. А., Тихомиров М. Н.* Древнейшая русская надпись. — ВАН, 1950, № 4, с. 71—79.
- ⁹ *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России. . . , с. 182.

В. А. Александров

НАРОДНЫЙ БЫТ В ИССЛЕДОВАНИЯХ М. Н. ТИХОМИРОВА

История русской культуры была одним из важнейших направлений в научном творчестве М. Н. Тихомирова. Известно, какое огромное внимание он уделял древнерусской письменности и литературе, ее памятникам и целым собраниям, истории книгопечатания, научной мысли, архитектуре, шедеврам культуры и ее создателям. Это направление при всей своей необъятности никогда не было самоцелью в исследовании ученого. Оно было целенаправленно связано с изучением истории народа, который породил эту культуру и которая отражала его жизнь. Справедливо писал В. И. Шунков о том, что в разработке истории русской культуры М. Н. Тихомиров шел двумя путями. «С одной стороны, он создает ряд очерков, в которых раскрывает общий высокий уровень древнерусской культуры. . . С другой стороны, он рисует среднего человека той эпохи, его уровень, его интересы»¹. Стремление увидеть человека в его повседневной жизни, в его радостях и горестях, размышлениях — созерцательных, тревожных, бытовых, тем самым проникнуть в дух эпохи, уловить причины, сущность и особенности исторических явлений и событий было характерным свойством научного мышления М. Н. Тихомирова. «Под понятием „культура“, как известно, — писал он, — понимаются самые разнообразные явления в жизни людей, главным образом понятия, связанные с их общественной жизнью. Принято различать две основные стороны человеческой культуры: материальную и духовную»². Следуя этому общему определению, М. Н. Тихомиров считал своим долгом всесторонне освещать жизнь городского и сельского населения, как в материальном, так и в духовном ее воплощении.³ При этом он особенно подчеркивал необходимость обращать внимание на «различного рода происшествия», своеобразная летопись которых составляет неотъемлемую часть истории и «порой вводит нас в условия городского быта, знакомит с мировоззрением средневековых горожан даже больше, чем длинные рассуждения летописей о крупных событиях политического характера»⁴.

Убеждение в огромной значимости бытописания для истории народа проявилось уже на заре творческой деятельности М. Н. Тихомирова. В ноябре 1917 г., начиная свою творческую работу с организации музея родного края в г. Дмитрове, в составленной «Программе собирания музея» М. Н. Тихомиров отмечал необходимость в первую очередь собирать предметы старины, народной жизни и местного производства⁵. Спустя 40 лет, организуя работу Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР, М. Н. Тихомиров считал обязательным учет этнографических материалов при проведении экспедиционных исследований⁶.

М. Н. Тихомиров, обладая колоссальным опытом источниковедческого анализа, стремился для исследования народного быта привлекать самые разнообразные источники, особенно выделяя для этой цели источники, вышедшие из среды широких масс населения, т. е. имевшие собственно народный по своему происхождению характер. Так, он отмечал значимость археологических «мелочей» для понимания уровня как производственной культуры, так и грамотности в среде населения русских городов XI—XIII вв. Рассматривая уровень городской письменности в Древней Руси и ссылаясь на надписи на бытовых предметах (деревянных сапожных колодках, костяных стрелах, берестяном поплавке, деревянной чашке и т. п., выявленных при новгородских раскопках), он писал в 1953 г.: «Как видим,

существование ряда ремесленных специальностей требовало знания грамоты, а в некоторых случаях даже определенного образования»⁷.

Во втором издании своей знаменитой книги «Древнерусские города» (1956) М. Н. Тихомиров существенно расширил наблюдение о бытовой потребности в письменности в широких кругах городского населения. В этой же связи он обратил внимание на распространенность «настенной литературы» — надписей-граффити на стенах соборов и церквей: отрывков молитв и молитвенных обращений, имен, отдельных целых фраз, сделанных обуреваемыми повседневными заботами грамотными горожанами⁸. Тогда же для раскрытия бытовых сюжетов М. Н. Тихомиров указывал на значимость такого своеобразного источника, каким были «доски» (заемные документы); находки берестяных грамот тем более позволили ему расширить круг источников, повествующих о бытовой жизни древнерусского населения в ее материальном и духовном аспекте.

Крупнейший знаток древнерусской литературы, М. Н. Тихомиров постоянно привлекал ее данные для анализа сложнейших социально-экономических и политических явлений и одновременно умел мастерски акцентировать внимание на том, как в разных произведениях отражались бытовые черты жизни различных классов⁹. При этом вычленение сугубо бытовых картинок сочеталось с ярким социальным анализом произведений церковного происхождения (Сборник поучений XII в., «Повесть о колокоцкой иконе Божьей матери») ¹⁰. Острый глаз исследователя также не мог не остановиться на различных надписях бытового характера, сделанных книжными переписчиками ¹¹.

Характеризуя тонкость источниковедческого проникновения М. Н. Тихомирова, нельзя пройти мимо его наблюдения, касающегося различных прозвищ приходских церквей («против кружала», «под сосенками»), раскрывавших порой бытовую колорит городской жизни.

Описание отдельных черт народного быта у М. Н. Тихомирова наиболее часто было связано с топографическим анализом древних городов. Без всякого преувеличения можно сказать, что успех исследований М. Н. Тихомирова, посвященных древнерусским городам, в огромной степени определялся его умением зримо воплощения их многообразной жизни. М. Н. Тихомиров посетил десятки русских городов, чтобы получить общее представление о их расположении и планировке. Личное восприятие играло огромную роль при восстановлении им топографического облика древнерусских городов. М. Н. Тихомиров стремился не только восстановить внешний вид городов с их укреплениями — валами, стенами, воротами, планировку их отдельных частей и расположение слобод, кварталов, улиц, дворов, торговых площадей и церквей, но на основе всех топографических деталей конкретно определить, где происходили те или иные наиболее знаменательные для того или иного города события, и возможно точнее ухватить особенности его социально-экономической и политической истории, социального и этнического состава населения с повседневными явлениями жизни и чертами быта.

Именно при таком подходе достигалась всесторонняя характеристика внешнего облика древнерусских городов и внутренней жизни различных прослоек горожан. Особенно подробно М. Н. Тихомиров исследовал города, в которых он сам долгое время жил. Складывается впечатление, что М. Н. Тихомиров, оказавшись он в далеких веках в Дмитрове, Самаре или родной ему Москве, без каких-либо затруднений разобрался бы не только в хитросплетениях средневековых улиц, переулков и тупиков, то представлявших собой сплошной лабиринт, то разбросанных по обширной территории, но и в социальной принадлежности владельцев отдельных дворов, и в типологии жилых построек, от полуземлянок до жилищ развитого типа. Так, он счел уместным привести археологические материалы, свидетельствовавшие о бытовании у московских ремесленников в XIV—XV вв. домов-пятистенков, у углецких ремесленников в XVI в. — трехкамерного жилища, состоявшего из избы с чуланом и горницы с сениями, или

маленьких «дворцев» у малоимущих жителей монастырских слободок в Соли Галицкой¹².

Историческая география была одной из излюбленных тем в исследованиях М. Н. Тихомирова. Свои многолетние занятия по этой тематике он обобщил в фундаментальном труде «Россия в XVI столетии» (1962), где отразил особенности социально-экономического, хозяйственного и внутриполитического положения отдельных больших областей государства и их городов. Блестяще доказав, что древнерусские города в своем социально-экономическом развитии вовсе не отставали от своих западных и восточных собратьев, будучи центрами ремесла и торговли своей земледельческой округи, М. Н. Тихомиров не менее убедительно показал своеобразие состава их населения и его хозяйственных занятий.

Обращаясь к истории любого города, М. Н. Тихомиров прежде всего стремился показать сложность состава трудового населения и расселения его отдельных категорий, создавая отчетливое впечатление о конкретных занятиях жителей посадов, городских и подгородных слобод и слободок, а отсюда и о специфике их быта. Наряду с собственно ремесленными посадскими кварталами М. Н. Тихомиров описывал расположение слобод ямщиков, рыболовов, сокольников, церковнослужителей, скоморохов, крестьян-ремесленников в подгородных поселениях, не входивших в состав посада, принадлежавших церковным и светским феодалам или дворцу, живших своей внутренней жизнью и вместе с тем в той или иной степени участвовавших в повседневной жизни города. В составе городского населения М. Н. Тихомиров не обошел вниманием, в частности, даже такую немногочисленную категорию жителей, как площадные подьячие.

Структуру городского населения и расселения его отдельных категорий М. Н. Тихомиров проследил во многих городах России XVI в., но особенно подробно он проанализировал топографию г. Дмитрова вплоть до середины XIX в., рассмотрев расположение слобод, направление улиц, происходившие изменения как в планировке, так и в социальном и профессиональном составе населения. При таком скрупулезном подходе к населению города, его занятиям и повинностям каждая сохранившаяся в источниках и умело обыгранная М. Н. Тихомировым «мелочь» имела свое звучание. Чего только стоит описание драк в конце XVI в. между посадскими целовальниками, собиравшими на городском торгу г. Суздаля пошлины с продававшихся товаров, и жителями монастырской слободки, обосбоженными царскими властями от уплаты таможенных сборов¹³.

Следует признать важнейшим вывод М. Н. Тихомирова о полуаграрном характере даже крупных русских городов. Эта специфика их хозяйственного быта была выявлена им именно в результате внимания к топографическим особенностям городских территорий. «В пределах города простирались большие и маленькие сады и огороды. Особенно распространены были плодовые сады, иногда имевшие промысловое значение. Везде были разбросаны огороды; существовала особая специальность «огородников». . . Кое-где в городе простирались хлебные нивы и «нивки», целые полосы «пашни оржаные», не говоря уже о пожнях, сенокосных участках иногда значительного размера», — описывал М. Н. Тихомиров Новгород XVI в.¹⁴ То же самое писал он и о Пскове XVII в. — строения стояли разбросанно и «в городе было много пустующей земли, огородов, выгонов и даже «ржаные нивы»»¹⁵. Таким образом, по наблюдениям исследователя, земледельческий труд сохранял немалое значение в городах даже с высокоразвитым и специализированным ремеслом, концентрировавшимся в отдельных кварталах. В других городах земледельческий труд даже превалировал: по словам М. Н. Тихомирова, в Дмитрове в XVII в. «для большинства дмитровцев огород являлся необходимым подспорьем, а для некоторых из них единственным средством пропитания». Вплоть до первой половины XIX в. главным занятием жителей там было огородничество¹⁶, которое превратилось в промысловое предпринимательство.

В повседневном быту городов промысловая деятельность жителей отражалась на местном торгу, где существовали не только ремесленно

специализированные ряды, но и множество торговых точек, где реализовывались продукты земледелия. М. Н. Тихомиров, характеризуя разнообразие товаров на городских торгах, постоянно интересовался, как в том или ином городе удовлетворялись бытовые потребности жителей и каков был уровень цен на продукты питания. Так, он считал необходимым отметить, что в начале XVII в. в торговых рядах Москвы продавались даже медные чернильницы, железные песочницы для посыпания песком бумаги после письма и рубахи, шитые мастерицами на дому. В Серпухове в середине XVI в. им выделено изготовление предметов домашнего обихода; в Туле — преобладание на торгу лавок, торговавших съестными припасами, в Пскове — продажа тех же припасов не только на торгу, но и по всему городу и т. д.¹⁷

Немалое значение при характеристике городского быта М. Н. Тихомиров придавал этническому составу населения. Особенно подробно он исследовал появление в Москве в XIV—XV вв. итальянской и греческой колоний, поселений сербов, болгар и армян, а в XVI в. — и других восточных народов¹⁸.

При исследовании состава населения городов немалое место М. Н. Тихомиров отводил различным объединениям горожан, в которых отражались и социально-экономические, и политические, и бытовые черты городской жизни. В частности, особое внимание, помимо «сотен» и «улиц», им отводилось роли патрональных церквей как центров объединения отдельных групп населения, а также церковным объединениям («соборам»).

Внимание к расположению отдельных построек в городах и их названиям приводило сплошь и рядом М. Н. Тихомирова к весьма существенным наблюдениям социально-политического характера. Так, анализируя по летописным данным местоположение церкви св. Илии в Киеве X в. и приходя к выводу о ее территориальной близости к дворцу и домам дружинников, он заключал о терпимости княжеской власти к христианству еще до его превращения в господствующее вероучение¹⁹.

Так же интересен его анализ сказания о «мощах» князя Всеволода, в котором исследователь нашел свидетельство об участии смердов в новгородском восстании 1136 г. В сказании указывалось, что при перенесении «мощей» князя в Псков (1192 г.) «рака святого не хотяще во врата внити». Ворота назывались Смердими, и на этом основании М. Н. Тихомиров делал вывод о ненависти Всеволода к смердам и о их участии в восстании²⁰. Принимая во внимание, что название городских ворот могло определяться социальным составом близ живущего населения, нетрудно также заключить о территориальной связи городских и сельских жителей Пскова XII в.

М. Н. Тихомиров стремился не упустить возможности и бытовых зарисовок из жизни древнерусских городов, будь то проводы московской рати на Куликово поле или искоренение в Москве на основании царского указа 1679 г. ношения в дворянской и приказной среде охабней и однорядок, свидетельствовавшего об усилившемся процессе социальной дифференциации в одежде²¹.

Проблематика, связанная с историей крестьянства, меньше привлекала творческую мысль М. Н. Тихомирова, но, не раз обращаясь к ней, он не упускал возможности привлекать данные о народном быте для характеристики его социальной и хозяйственной жизни. В частности, он улавливал связь крестьянского протеста против растущей феодальной эксплуатации в XI—XII вв. с сохранявшимся после принятия христианства влиянием волхвов²². М. Н. Тихомиров считал необходимым подчеркнуть «относительное разнообразие продуктов сельского хозяйства, известных русским людям этого периода, причем знакомых им с давнего времени, сделавшихся даже предметом почитания, суеверий и обрядов»²³. Заслуживает также особого внимания мысль М. Н. Тихомирова о стойкости сохранения языческих обрядов в народном быту в XIII в. после ордынских погромов, когда произошло общее понижение культурного уровня на Руси, а церковная и гражданская судебная практика была поколеблена²⁴.

Не менее метки наблюдения М. Н. Тихомирова о том, как феодальная эксплуатация вторгалась не только в производственную, но и бытовую жизнь трудового населения. Так, он отмечал, что введение во второй половине XI в. «права мертвой руки» на имущество смердов, ограничивавшего семейно-наследственные имущественные права крестьян, было ярким показателем их приниженного положения уже в то время²⁵. Точно так же он отмечал среди всевозможных феодальных пошлин, существовавших в XVI в., различные свадебные платежи, шедшие в пользу феодалов («выводная куница», «убрус») ²⁶.

На страницах произведений М. Н. Тихомирова можно найти немало данных, относящихся к истории крестьянской одежды, например о широком распространении в XV в. верхней одежды из овечьих шкур, зипунов из сермяги, кафтанов из крапешины, опашней, рубах, «нижних» портов, о мужских, женских и детских сапогах, о бытовании в XVI в. в Рославльском уезде понев, обычно относившихся к южнорусскому женскому комплексу²⁷. Наконец, не прошло мимо внимания М. Н. Тихомирова изменение в крестьянской мужской одежде в середине XIX в. в Дмитровском крае, которое произошло под влиянием городских мод²⁸.

С общественным, общинным бытом сельского населения безусловно следует связывать и наблюдения М. Н. Тихомирова о влиятельном положении в XVI в. крестьянских старост и значении крестьянского самоуправления в Новгородской, Вятской и Пермской землях²⁹.

Прошло 25—30 лет с тех пор, как М. Н. Тихомиров завершал свои последние труды. За это время советская историческая и историко-этнографическая наука обогатилась фундаментальными коллективными работами и отдельными монографиями, посвященными народному быту (многотомное издание по истории русской культуры XIII—XVII вв., выходящее в свет с 1969 г., появившийся в 1981 г. труд «Этнография русского крестьянства Сибири XVII — середине XIX в.» и др.). Тем не менее подход М. Н. Тихомирова к явлениям народного быта при их органической взаимосвязи с социально-экономической, политической, хозяйственной и культурной жизнью народа сохраняет непреходящее значение.

¹ Шунков В. И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974, с. 300.

² Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968, с. 226.

³ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 261, 262; *Он же*. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957, с. 3.

⁴ Тихомиров М. Н. Средневековая Москва, с. 272.

⁵ Павлов-Сильванский В. Б. М. Н. Тихомиров — организатор археографических экспедиций. — АЕ за 1970 год. М., 1971, с. 246.

⁶ Там же, с. 260.

⁷ Тихомиров М. Н. Русская культура, с. 27—28.

⁸ Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 262—264.

⁹ Например, см. гл. V «Отражение классово-борьбы в русской литературе XI—XIII вв.» в работе М. Н. Тихомирова «Крестьянские и городские восстания на Руси, XI—XIII вв.» — В кн.: Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1965, с. 81—86.

¹⁰ Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 259; Тихомиров М. Н. Русская культура, с. 239.

¹¹ Тихомиров М. Н. Русская культура, с. 237.

¹² Тихомиров М. Н. Средневековая Москва, с. 61; *Он же*. Россия в XVI столетии. М., 1962, с. 216, 224.

¹³ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии, с. 176, 177.

¹⁴ Там же, с. 301, 302.

¹⁵ Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969, с. 35.

¹⁶ Тихомиров М. Н. Российское государство, с. 209, 263, 276.

¹⁷ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии, с. 92, 142, 342, 386.

¹⁸ Тихомиров М. Н. Средневековая Москва. Гл. 8; *Он же*. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с. 18, 19, 32, 44.

¹⁹ Тихомиров М. Н. Древняя Русь, с. 265, 266.

²⁰ Там же, с. 177.

²¹ Тихомиров М. Н. Средневековая Москва, с. 280, 281; *Он же*. Русское летописание. М., 1979, с. 254, 259.

²² Тихомиров М. Н. Древняя Русь, с. 120—131.

²³ Тихомиров М. Н. Древняя Русь, с. 47.

²⁴ Тихомиров М. Н. Русская культура, с. 175, 176.

²⁵ Тихомиров М. Н. Древняя Русь, с. 56, 57, 115.

²⁶ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии, с. 185.

²⁷ Тихомиров М. Н. Там же, с. 204—206, 356.

²⁸ Тихомиров М. Н. Российское государство, с. 212.

²⁹ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии, с. 290, 291, 450, 457.

Е. В. Чистякова

М. Н. ТИХОМИРОВ И АРМЕНИЯ

(по материалам переписки с Л. С. Хачикяном)

Академик М. Н. Тихомиров внес большой вклад в изучение письменных памятников не только русских, но и других народов СССР. Он посетил почти все национальные республики, работал в архивах и библиотеках, выступал с докладами, организовывал научные сессии, рецензировал монографии, консультировал соискателей ученых степеней, руководил работой республиканских академических институтов по вопросам источниковедения, историографии, археографии и т. д. В своей исследовательской деятельности М. Н. Тихомиров уделял внимание многосторонним связям русского народа с другими народами и процессу их вхождения в состав России. Его деятельность способствовала развитию исторической науки в республиках, подготовке национальных кадров.

Особое место в этом занимала Армения, в которой Михаил Николаевич неоднократно бывал, работал в величайшем хранилище армянских рукописей Матенадаране и состоял в постоянной переписке с директором архива Леоном Степановичем Хачикяном (1918—1982), академиком АН Армянской ССР. До сих пор эпистолярные материалы все еще недостаточно привлекаются в качестве историографических источников. А между тем именно они дают возможность судить о ходе разработки определенных проблем, об организации науки как в центре, так и на местах, о научных контактах и дружеских связях ученых.

В архиве АН СССР сохранилось 27 листов писем Л. С. Хачикяна к М. Н. Тихомирову (ф. 693, оп. 4, ед. хр. 645). Семь писем от М. Н. Тихомирова отложилось в семейном архиве Л. С. Хачикяна в Ереване¹. Значение их неравнозначно: здесь были и длинные письма в 1—4 листа, и записки, посланные во время заседания, и поздравительные открытки. Тем не менее они являются историографическим фактом и с этой точки зрения представляют значительный интерес.

В центре внимания обоих историков было издание источников по истории Армении, необходимых не только для изучения ее истории, но и для истории России, других народов и стран. В одном из писем (В. К. Восканяну от 5 марта 1954 г.) Михаил Николаевич писал: «Вообще наука может ждать много нового именно от армянских источников. Редкий народ имел такие обширные международные связи, как армяне».

Исходя из этого, он привлек Л. С. Хачикяна к публикации документов в Хрестоматии по истории СССР (М., 1960). Он радовался, что «армянские источники будут представлены в Хрестоматии довольно солидно» (письмо М. Н. Тихомирова Л. С. Хачикяну от 15—30 апреля 1958 г.). Михаил Николаевич направил в адрес Ученого совета Ереванского государственного университета отзыв на двухтомный труд Л. С. Хачикяна «Памятники армянской письменности» с его комментариями и большой вступительной статьей (письмо М. Н. Тихомирова Л. С. Хачикяну от 4 июня 1959 г.).

В письмах Михаил Николаевич делился с Леоном Степановичем планами об издании Сводного каталога славянских и греческих рукописей, сообщал о своей международной деятельности (поездках в Грецию, Швецию, выступлениях на встречах с английскими историками, учеными других стран).

В свою очередь Л. С. Хачикян знакомил М. Н. Тихомирова с делами и планами Матенадарана: о составлении «Генерального каталога армянских рукописей», подготовке к печати персидских указов и «Памятных

записок армянских рукописей», о выходе в свет номеров «Вестника Матенадарана», информировал его о переезде в «новое роскошное здание, где имеются все необходимые условия для ведения научной работы», и о последовавшем преобразовании архива в научно-исследовательский Институт древних рукописей. Конечно, писал Левон Степанович, «объем археографических работ . . . значительно увеличится и ценные армянские источники будут опубликованы в академических изданиях на армянском и русском языках»². Левон Степанович сообщал Михаилу Николаевичу о заседаниях, проходивших в Ереване, на одном из которых «был прочитан ряд интересных докладов по истории древних армянских поселений на Украине»³. Деловой диалог состоялся между учеными в связи с датировкой основания украинского города-музея Каменца-Подольского и т. д.

В переписке освещались не только деловые вопросы, но нашли отражение и теплые дружеские связи между учеными. Особым теплом веет от письма Михаила Николаевича, отправленного в Ереван 21 июня 1963 г. в ответ на поздравление с 70-летием: «Сердечно благодарю Вас и коллектив Матенадарана за поздравление и добрые пожелания, которые мне особенно дороги как пожелания дружеского коллектива, занимающегося хранением и собиранием рукописей».

Переписка двух ученых имеет непреходящее историографическое значение.

¹ За любезное предоставление в распоряжение автора писем М. Н. Тихомирова Л. С. Хачикяну и других материалов приношу глубокую благодарность Шуханик Леоновне Хачикян.

² ААН, ф. 693, оп. 4, д. 645, л. 1—3 об., 8.

³ Там же, л. 12.

М. Н. ТИХОМИРОВ — ДРУГ ВИЗАНТИНИСТОВ

Византинисты многим обязаны М. Н. Тихомирову. Четыре человека стояли у колыбели советского византиноведения, помогли возродить его. Это были акад. Б. Д. Греков, акад. Е. А. Косминский, акад. В. И. Пичета, акад. М. Н. Тихомиров. Каждый из них внес свою лепту в сложное дело «восстановления», как тогда говорил Михаил Николаевич, «развалившейся храмины» русского византиноведения.

Май 1944 г. Военная весна, и наши ученые уже думали о возрождении византиноведения. В Президиуме Академии наук под руководством акад. В. П. Волгина была проведена первая сессия, посвященная истории Византии. На сессии выступили: Е. А. Косминский («Византия и Запад»), Н. В. Пигулевская («Византия и Восток»), В. И. Пичета («Византия и славяне») и М. Н. Тихомиров («Византия и Русь»). Он имел в виду не Киевскую Русь, а Московскую Русь. Причем этот доклад, [потом опубликованный, был долгое время почти единственной работой, освещающей экономические, политические, культурные связи Византии с Московской Русью.

В дальнейшем Михаил Николаевич приложил огромнейшие усилия к восстановлению журнала «Византийский временник». В те годы это было очень трудно. С присущей ему настойчивостью он вместе с Е. А. Косминским «пробивал» через все инстанции воссоздание новой, советской серии «Византийского временника», который сейчас широко признан и в нашей стране, и во всем византиноведческом «мире». Михаил Николаевич очень любил историю Византии. Конечно, основным аспектом его изучения были связи Древней Руси с Византией.

Будучи уже академиком-секретарем Отделения истории АН СССР, Михаил Николаевич помог создать в Институте истории Академии наук СССР сектор византиноведения, который существует и поныне. После смерти Е. А. Косминского Михаил Николаевич несколько лет был главным редактором «Византийского временника» — редактором требовательным, внимательным и объективным. Он сердился, если ему не присылали статью, даже маленькую, желая сберечь его время. Михаил Николаевич очень любил греческую палеографию. Будучи крупнейшим специалистом по славянской палеографии, он понимал значение изучения греческой палеографии.

В 1956 г. родилась Археографическая комиссия. Тихомиров собрал тогда небольшой круг лиц и сказал: «Давайте возродим Археографическую комиссию». А. Д. Люблинской он поручил возрождать западноевропейскую палеографию, мне, Е. Э. Гранстрем и З. Г. Самодуровой — заняться греческой палеографией, изучением, описанием греческих рукописей. В дальнейшем всегда, во всех начинаниях Михаил Николаевич был другом, учителем и помощником византинистов.

Михаил Николаевич был не только страстным любителем источников, рукописей, но не менее страстным любителем произведений искусства, архитектурных памятников. Куда бы он ни приезжал, каждую свободную минуту рвался посмотреть памятники, особенно древнерусские города. Вот один эпизод. Сразу же после войны была научная сессия во Львове, там выступал М. Н. Тихомиров. После сессии Михаил Николаевич решительно заявил присутствующему там высокому начальству, что хочет осмотреть памятник подо Львовом в Галиче. Это вызвало замешательство, все стали его отговаривать, потом все-таки сказали: «Михаил Николаевич, ведь там бендеровцы. Могут напасть в любую минуту. Это опасно!». Предупреждение

его не остановило, и ему пришлось дать машину. Вечером участники конференции, жившие в гостинице, увидели такую сцену: подъезжает к гостинице виллис, в нем сидит Михаил Николаевич, рядом с ним офицер, вооруженный до зубов, а сзади грузовик с автоматчиками. Выходит оттуда хотя и усталый, но веселый Михаил Николаевич и говорит: «Ну что, сказал я: „Посмотрю Галич“. И посмотрел!».

Тихомиров очень хотел посмотреть памятники Византии и Греции. В 1961 г. античники и византилисты организовали туристическую зарубежную поездку на теплоходе «Феликс Дзержинский» в Грецию через Варну—Констанцу—Константинополь—Пирей. А потом путешествие по всей Греции. С каким трепетом, с каким необычайным пиететом Михаил Николаевич смотрел св. Софию, был потрясен ею. В Греции Михаил Николаевич обнаружил великолепнейшее знание памятников.

Сохранились фотографии, где Михаил Николаевич сфотографирован среди ученых у Парфенона. Тогда нереставрированный Парфенон был прекрасным, белым. Сидя на ступенях Парфенона, Михаил Николаевич с особой грустью и теплотой сказал тогда: «Уходят столетия, но Парфенон все-таки стоит».

Мистра — центр Эпирского деспотата и последний приют собственно византийской культуры. Это руины огромного города, хорошо сохранившиеся, огромный дворец морейских деспотов, несколько монастырей. Город Мистра на высокой горе, а внизу у ее подножия течет река Эврот. После осмотра нашими туристами монастырей с прекрасной живописью XIV в., которые произвели на Михаила Николаевича огромнейшее впечатление, группа решила идти на самый верх горы, возвышавшейся над дворцом эпирских деспотов. Михаила Николаевича побоялись, конечно, пустить, а он все время порывался идти. После уговоров он остался. Наши ученые пошли наверх, а оставшиеся с Михаилом Николаевичем расположились на ступенях величественного дворца. Надо сказать, я не жалею, что мне пришлось остаться. Какие прекрасные полтора часа мы провели с Михаилом Николаевичем в душевной беседе! Эти часы сохранились у меня в памяти на всю жизнь — такова была сила обаяния этого выдающегося ученого и замечательного человека.

К. Н. Гарновский

ТРИ ВСТРЕЧИ. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О М. Н. ТИХОМИРОВЕ

Я не являюсь непосредственным учеником Михаила Николаевича и специально не занимался проблемами российского феодализма, поэтому буду говорить о Михаиле Николаевиче как о личности, как об определенном типе ученого.

Я коснусь всего лишь трех эпизодов. Они произошли на протяжении примерно 10 лет. Первый относится к тому времени, когда на историческом факультете МГУ шла работа над историей Московского университета. М. Н. Тихомиров был редактором первого тома этого издания, его заместителем — М. Т. Белявский. Тогда Белявский, казалось, излучал энергию, все знал, во все вникал и тут же принимал решения. Поэтому я полагал, что Михаил Николаевич «украшает» издание, что он нужен скорее для представительства.

Мне, аспиранту исторического факультета, поручено было написать раздел по истории Московского университета в годы первой мировой войны. Именно тогда учился в университете Михаил Николаевич. Однажды в актовом зале исторического факультета (на ул. Герцена, д. 5) он подошел ко мне, спросил, как идут дела и не может ли он чем-нибудь быть полезным, я подумал, что моей работой Михаил Николаевич интересуется не как руководитель, а прежде всего как непосредственный свидетель и участник событий того времени. У меня была с собою тетрадь с выписками из архивных дел Московской судебной палаты. В ее фондах я обнаружил следственные материалы и протоколы судебного разбирательства по делу студенческой большевистской группы во главе с А. И. Криницким и весьма гордился своей находкой. Эту тетрадь я и показал Михаилу Николаевичу. Он ее внимательно просмотрел и затем, присевши на краешек стола, начал меня расспрашивать с живейшим интересом. Он сразу сказал, что в университете он занимался наукой и к подпольным кружкам никакого отношения не имел. И тут же поинтересовался, был ли я в архиве Московского университета. Я ответил, что был и выписал личные дела студентов-большевиков. К моему удивлению академик Тихомиров тут же предложил сходить в архив (он располагался тогда в подвале, во дворе университета, позади университетской библиотеки). Михаил Николаевич пролистал дела, долго всматривался в фотографии студентов и сказал, что некоторых из них он знал, но никогда не думал, что они были большевиками-подпольщиками.

Архивные материалы содержали сведения о студентах-большевиках по состоянию на 1915 г. Как сложилась их жизнь? Чтобы выяснить это, Михаил Николаевич предложил мне взять письма от него и от декана истфака (тогда им был А. В. Арциховский) и съездить на родину студентов. И после каждой поездки (а их было три) он вызывал меня и расспрашивал о результатах. В итоге я начал к нему относиться не просто как к главному редактору и академику, а как к исследователю. Я понял, что этот интерес, который он проявлял к моему поиску, является выражением его общего интереса к истории как науке и уважением к труду исследователя.

Готовилась многотомная «История СССР». Михаил Николаевич был главным редактором второго тома, я был парторгом сектора по написанию многотомной «Истории СССР». С рукописью тома Михаил Николаевич ознакомился, и у него на квартире должен был состояться разговор по содержанию тома. Приехали Н. И. Павленко, бригадир тома и я. Михаил

Николаевич принял нас в так называемой «съезжей избе», крайней комнате со столом, покрытым клеенкой, с огромным стеллажом с книгами и тахтой, на которой спали, случалось, его гости. Рукопись второго тома лежала на столе. Тихомиров подробно, главу за главой разбирал то, что там написано, и неодобрительно высказался по поводу разделов о культуре. Ему сказали, что времени на их переработку практически нет. Последовал ответ, что это можно сделать сегодня же. По окончании обсуждения Михаил Николаевич оставил у себя бригадира тома. Уходя мы слышали, как Михаил Николаевич начал неспешно диктовать фразу за фразой. В тот вечер работа была закончена. Через несколько дней том пошел в набор. В том эпизоде меня поразило умение Михаила Николаевича немедленно мобилизовать свои обширные знания.

Последний эпизод грустный. В 1964 г. вышла в свет моя книжка по историографии российского империализма. Я бежал из издательства домой с авторскими экземплярами в приподнятом настроении и около дома встретил сидящего на лавочке Тихомирова. Он поинтересовался, чем я обрадован. Вместо ответа я подарил ему книжку, которую он попросил подписать. А вечером позвонила одна из его учениц и сообщила, что Михаил Николаевич просит прийти к нему. Когда я пришел, Михаил Николаевич лежал беспомощный, на грани полного истощения. «В чем только душа держится», — поразился я. На следующий вечер Михаил Николаевич позвонил сам. Поблагодарил за книгу и попросил зайти. Я пришел немедленно. Теперь я не видел слабого, истощенного человека. Тихомиров глядел на меня карими острыми заинтересованными глазами и говорил о прочитанной книге, подаренной мною два дня назад. Он сам уже не читал, ему читали вслух. И тогда я понял, что для Михаила Николаевича не существует строгого разграничения исторических знаний, что круг его интересов огромен, что он использует любую возможность, чтобы узнать больше. Это была последняя встреча с Михаилом Николаевичем. С течением времени трагическая сторона этого эпизода отступала назад, на первый план выступило главное — неумная жажда знаний, огромный интерес к делу, которому он всю жизнь служил.

Е. М. Жуков

**ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА СОВМЕСТНОМ ЗАСЕДАНИИ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ АН СССР,
И АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ, ПОСВЯЩЕННОМ
ПАМЯТИ АКАДЕМИКА М. Н. ТИХОМИРОВА,
25 ЯНВАРЯ 1966 г.**

Десять лет назад по инициативе Михаила Николаевича Тихомирова была образована Археографическая комиссия при Отделении исторических наук. Это учреждение под руководством Михаила Николаевича превратилось в подлинный археографический центр по изучению богатейших рукописных богатств нашей страны.

М. Н. Тихомиров всю свою жизнь был одержим благородной страстью — разысканием и исследованием древних актов, поисками ценнейших источников по истории и истории культуры нашей родины.

Археографическая комиссия, скромное по объему и по размерам, но тем не менее важное учреждение в системе нашего Отделения, — это любимое детище М. Н. Тихомирова. Вот почему Отделение истории сегодня с полным основанием собралось с Археографической комиссией для участия в совместном заседании, посвященном памяти Михаила Николаевича.

М. Н. Тихомиров был крупным историком, оставившим громадный след в нашей отечественной историографии. Его вклад в советскую историческую науку, по-моему, еще не оценен по-настоящему. Его считают выдающимся источниковедом в области отечественной истории, знатком так называемых вспомогательных исторических дисциплин, но такая оценка недостаточна. Дело специалистов по русской истории — дать обстоятельный ответ на вопрос, каков был подлинный вклад М. Н. Тихомирова в советскую историческую науку. Я хотел бы поделиться впечатлениями, возникшими в результате длительных, многократных бесед с М. Н. Тихомировым и при чтении его работ.

М. Н. Тихомиров был убежденный и страстный патриот России, и эта его черта проходит красной нитью через все его произведения. Ему было чуждо любованье стариной ради старины. Михаил Николаевич любил простой русский народ, его трудолюбие, самоотверженность, его высокие моральные качества, дававшие ему силу вести неустанную, почти никогда не прекращающуюся борьбу против разного рода местных угнетателей и против внешних врагов, покушавшихся на отчизну.

Не случайно в своих трудах Михаил Николаевич так часто обращался к таким историческим сюжетам, в которых оживали картины классовой борьбы и раскрывался вольнолюбивый дух наших далеких предков, с оружием в руках восстававших против феодалов, богатых купцов и других захребетников. В этом была сила Михаила Николаевича как историка.

Михаил Николаевич гордился своим народом, его богатой культурой, его славной историей, и именно потому не раз из его уст вырывались гневные слова по адресу «Иванов, не помнящих родства», готовых умалить исторический путь своего народа, а то и вовсе замолчать или извратить его в угоду дурной моде.

Михаил Николаевич как исследователь проявлял исключительный интерес к истории русских городов. Было немало попыток трактовать историю Руси как историю крестьянства. Спору нет, основу народа составляло крестьянство. По этой причине многие наши недруги из среды буржуазных ученых относятся к нашей истории как к истории инертной

крестьянской массы, которая не случайно-де подвергалась «облагораживающему», организующему воздействию Запада, разного рода пришлых «культуртрегеров».

В этой трактовке коренилась порочная «теория» исконной отсталости России, обусловленной, в частности, и отсутствием предприимчивого городского населения. Михаил Николаевич своими исследованиями нанес сильнейший удар по этой ложной теории. Он показал древний русский город во всем своем своеобразии, противоречивости и красоте; показал его организующую и цивилизующую роль в процессе становления русского государства; показал древних русских горожан не только как создателей больших культурных ценностей, но и как активнейший политический фактор в русской жизни.

В исследовании элементов цехового строя в древнерусском городе, в большом внимании к истории классовой борьбы в городах — значительная заслуга Михаила Николаевича Тихомирова.

Как Москва явилась собирателем земли русской (кстати, один из любимейших исследовательских сюжетов Тихомирова), так русский город, горожане, городская культура в широком смысле слова явилась основным ведущим, прогрессивным началом во всей истории нашей Родины. Да и не только в нашей истории, а и в истории вообще. Сейчас часто эту элементарную истину приходится, как это ни странно, вновь доказывать.

Михаил Николаевич Тихомиров был крупнейший русский ученый, и лучшей памятью ему является дальнейшая творческая разработка тех актуальных проблем отечественной истории, которые входили в круг его ценных исследований.

А. А. Сидоров

М. Н. ТИХОМИРОВ И ИСТОРИЯ РУССКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ ¹

М. Н. Тихомиров — крупнейший русский ученый, который создал особую ветвь вспомогательной исторической науки — историю книгопечатания.

Не всякому крупному историку суждено быть автором или творцом импульса для создания специальной вспомогательной дисциплины. М. Н. Тихомирову это было суждено.

В 41-м выпуске Ученых записок Московского университета в 1940 г. была помещена большая статья М. Н. Тихомирова, посвященная возникновению или, как он писал, началу московского книгопечатания ². Она останется в нашей историографии как одна из самых плодотворных работ, толкнувших русскую историческую мысль на новый для нее путь.

Б. А. Рыбаков говорил, что М. Н. Тихомиров был большим специалистом по ранним временам нашей отечественной истории ³.

М. Н. Тихомиров был историком страстным, острым, всегда откликающимся на все живое, прекрасным популяризатором. Нельзя забыть статей М. Н. Тихомирова в «Неделе», приложении к газете «Известия». В журнальной среде ждали каждую его статью. Сам М. Н. Тихомиров с улыбкой говорил, что его задача — сочетать научно-исторические знания с увлекательностью детективного романа, что ему и удавалось делать.

Его страсть превращалась в пристрастность. В этом человеке горел настоящий огонь познания правды. В этом отношении он был примером того, каким должен быть русский ученый.

В его статье был дан пучок исключительно важных импульсов (импульс — это толчок к работе). Он как бы говорил, вот та мысль, которую нужно еще доказать и разработать, вот это надо провести на новом материале, тут следует проделать дополнительное исследование, а вот на это нужна специальная, большая, длительная, многолетняя работа. Эти советы были дороги всем нам, особенно молодой смене, которую Михаил Николаевич любил требовательно и нежно.

Тихомиров в течение многих лет был работником Исторического музея. Он любил и уважал музейный труд, с товарищеской, полной уважения любовью вспоминал Михаил Николаевич сотрудниц по отделу рукописей и редких книг.

В первой статье М. Н. Тихомирова им дан импульс, который, может быть, не замечен был читателями-неспециалистами, но от которого пошло целое разветвление наших поисков.

М. Н. Тихомиров собрал великолепную библиотеку старопечатной русской книги ⁴. В Москве она не имела себе равных. В частности, в ней были все основные издания Ивана Федорова. Изучая древнерусскую печатную книгу, обращая внимание на убранство старопечатной русской книги, в частности на знаменитые заставки, гравированные Иваном Федоровым и его «клеветрами», которые украшают его «Апостол» 1564 г. и благодаря которым «Апостол» является шедевром нашей культуры, М. Н. Тихомиров указывает, где надо искать источники искусства старой русской печатной орнаментики.

Справедливо Михаил Николаевич бросает упрек нашим историкам искусства, почему они не обратили внимания на Голландию, с которой Русь в XVI в. поддерживала оживленные связи. Там могли бы быть некото-

рые черты, объясняющие замечательное своеобразие старопечатной русской орнаментики. Ее искали в Германии, в Италии, а на Голландию до М. Н. Тихомирова никто не обратил внимания. Это один из упомянутых импульсов.

Недавно в одном из сборников «Книга» помещена работа недавно умершего проф. Н. П. Киселева⁵. Киселев выявил источники старопечатной русской орнаментики. Они оказались найденными в гравюрах Израеля ван Мекена. Этот мастер работал в конце XV в. в гравюре по меди в г. Махольме, в 10 км от голландской границы. Он принадлежал к голландской, нидерландской, а не к немецкой школе.

Надо сказать, что исследования Н. И. Киселева блестяще доказали бегло брошенную в 1940 г. М. Н. Тихомировым мысль, что история книги есть вспомогательная наука для истории культуры, для истории вообще.

В сборник «У истоков русского книгопечатания» М. Н. Тихомиров вложил много труда, написал очень хорошую вступительную статью. Эта статья принадлежит к числу наиболее блестящих работ Михаила Николаевича.

Я хотел бы обратить внимание на другое, менее заметное место. В труде Тихомирова 1962 г. «Россия в XVI в.» говорится о русском книгопечатании в эпоху Ивана Грозного.

Как известно, после отъезда наших двух первопечатников — Ивана Федорова и Петра Мстиславца на Литву в Москве оставались кадры работников книгопечатного процесса. Через несколько лет в Александровской слободе, в городе Александрове, издается Псалтирь, маленькая книга с замечательным титульным, или лицевым, листком, с гравюрой, изображающей легендарного автора Псалтири. Указано, что Псалтирь напечатали двое: Тарасиев и Невежа Тимофеев. Имя Тарасиев не очень известно, несмотря на то что оно здесь поставлено на первое место, но Невежа Тимофеев — имя, ставшее впоследствии в Москве широко известным. М. Н. Тихомиров указывает, что Невежа Тимофеев является родоначальником целой династии дальнейших книгопечатников и мастеров книги, деятельность которых захватывает конец XVI и начало XVII в.

Работники Ленинской библиотеки это место восприняли как ошибку Михаила Николаевича. Они считали, что Тихомирову надо было отождествить Невежу Тимофеева и того Андроника Тимофеевича Невежу, который был по документам известным книгопечатником московским, начиная от 1589 г., т. е. через 11 лет после выхода Александровской Псалтири.

М. Н. Тихомиров высказывает мысль, что этих двух Невеж надо рассматривать, может быть, как отца и сына, но, во всяком случае, это две разные фигуры: Невежа Тимофеев — первый, а Андроник Невежа — второй, может быть сын первого.

Как искусствовед, как исследователь гравюры, как внимательный зритель, я должен прийти к выводу, что и здесь, в своем беглом заключении М. Н. Тихомиров, по всей вероятности, прав.

Разница изображений, гравюр, в изданиях двух Невеж принципиальна. Второй раз указание, брошенное Михаилом Николаевичем мельком, сделалось импульсом для нашей последующей исследовательской работы. И снова история книги как вспомогательная наука подтверждает и помогает общекультурным и общеисторическим указаниям М. Н. Тихомирова.

В начале 1964 г. отмечалось 400-летие русского книгопечатания. М. Н. Тихомиров выступил тогда с докладом на заседании Отделения истории АН СССР. Основные положения своего доклада Михаил Николаевич развил в статье, помещенной в № 5 журнала «Вопросы истории»⁶. М. Н. Тихомиров высказал очень интересную мысль, которая опять-таки шла вразрез с целым рядом принятых воззрений.

Мысль, которую высказал М. Н. Тихомиров, заключалась в том, что древнерусская культура, в частности русская книгопечатная культура, в большей мере обязана своему ближайшему соседу, родственному славянскому народу — Польше. На связь старорусского книгопечатания с Польшей указывали разные источники. Но только М. Н. Тихомиров категори-

чески указал: вот где нужно еще поискать, вот где нужно еще найти, вот где нужно еще проверить; довольно искать связи русской книгопечатной художественной культуры с Германией, Италией и даже Голландией. Поразительно, что именно в конце того же 1964 г. украинист — ученый проф. Г. И. Коляда дает неоспоримые доказательства связи старорусской книгопечатной культуры с Польшей⁷.

Во втором из так называемых «Часовников» Ивана Федорова, напечатанном в 1565 г., после «Апостола», помещены заставки, которые оказались точным повторением, копиями польских заставок из меди в Библии Шарфенбергера, выпущенной всего за три-четыре года до начала книгопечатания в Москве.

И снова мысль М. Н. Тихомирова получает со стороны историков книги и историков искусства точное подтверждение. Таких примеров можно привести больше.

М. Н. Тихомиров своей живой, творческой мыслью историка культуры для нас оказался учителем и, если хотите, толкачом в самом хорошем смысле слова. Когда он говорил: «Ищите здесь», — мы знали, что здесь можно было кое-что найти. Когда М. Н. Тихомиров говорил: «Может быть, не так, как раньше, а, может быть, по-другому устанавливались наши культурные связи прошлого», — то мы каждый раз воспринимали его слова с огромным, серьезным вниманием. У М. Н. Тихомирова есть много того, что мы еще не учли до сих пор.

В начале 60-х годов М. Н. Тихомиров выступил как оппонент на защите докторской диссертации В. С. Кеменова, посвященной исторической живописи В. И. Сурикова. В своем отзыве он дал блестящий анализ картин Сурикова — «Боярыни Морозовой», «Утра стрелецкой казни»⁸. Я никогда не слышал более блестящего анализа той исторической картины, которую сумел запечатлеть великий русский художник.

¹ Резюме доклада на совместном заседании Отделения истории АН СССР и Археографической комиссии, посвященном памяти М. Н. Тихомирова, 25 янв. 1966 г.

² Тихомиров М. Н. Начало московского книгопечатания. — Учен. зап. МГУ. Сер. История, 1940, вып. 41, т. 1, с. 81—95; см. также: Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968, с. 397—410.

³ Рыбаков Б. А. Михаил Николаевич Тихомиров. — АЕ за 1965 год. М., 1966, с. 3—6.

⁴ Коллекция старопечатных книг М. Н. Тихомирова вместе с его собранием рукописей была передана им в Новосибирск.

⁵ Киселев Н. П. Происхождение Москов-

ского старопечатного орнамента. — Книга: Исследования и материалы. М., 1965, сб. 11, с. 167—198.

⁶ Тихомиров М. Н. Начало русского книгопечатания. — ВИ, 1964, № 5, с. 28—34; см. также: Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII веков, с. 321—334.

⁷ Сидоров А. А., Коляда Г. И. О научных итогах 400-летнего юбилея русского книгопечатания. — Книга: Исследования и материалы. М., 1966, сб. 12, с. 122—135.

⁸ Основная часть отзыва М. Н. Тихомирова опубликована в кн.: Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII веков, с. 412—413.

М. И. Автокротова, С. В. Чирков

ДОКУМЕНТЫ ЦГАДА О НАЧАЛЕ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. Н. ТИХОМИРОВА

Первой опубликованной работой будущего академика М. Н. Тихомирова стала монография «Псковский мятеж XVII века» (М., 1919), написанная в качестве дипломного сочинения студента Московского университета. Выбор темы этого сочинения был определен несколькими причинами. По мнению В. И. Шункова, отчасти на выборе темы сказалось влияние назревавшей в стране в годы империалистической войны революционной ситуации. «Несмотря на репрессии и исключение из университета нескольких тысяч студентов, в среде молодежи зарождался интерес к развивавшейся революции, революционным и народным движениям прошлого. И не случайно первое исследование Михаила Николаевича. . . посвящено народному движению в Пскове в XVII столетии»¹. Г. А. Новицкий ставил данную работу Тихомирова в связь с тем, что «студентом он особенно интересовался вопросами истории Великого Новгорода и Пскова, серьезно изучал древнерусские источники»².

М. Н. Тихомиров вспоминал о своих университетских годах: «Особенно большое влияние оказал на меня С. В. Бахрушин, тогда еще молодой доцент. Я работал в его семинаре и написал под его руководством дипломное сочинение о псковском восстании 1650 г., впоследствии напечатанное в виде монографии»³. Влияние С. В. Бахрушина можно считать решающим в формировании и конкретной постановке темы первого исследования М. Н. Тихомирова. Действительно, как выяснил А. А. Зимин, именно Бахрушин выступил с новой концепцией социального смысла событий 1648—1650 гг. в русских городах, показав «выступление народных масс в первую очередь как восстание городских тягловых людей». Под влиянием такой постановки вопроса появилось и исследование Тихомирова о псковском восстании⁴. Показательна и перекличка названий: работа Бахрушина называлась «Московский мятеж 1648 года»⁵. Бахрушин, которого Тихомиров считал «определяющим своим учителем»⁶, содействовал выпуску в свет его дипломного сочинения: сам Тихомиров уехал из Москвы, и книга вышла в свет без его участия.

В ЦГАДА, в фонде канцелярии Московского главного архива Министерства иностранных дел сохранилось несколько документов, относящихся к первым самостоятельным шагам исследовательской работы М. Н. Тихомирова.

Дело «О занятиях М. Н. Тихомирова»⁷ включает всего четыре документа. В датированном 29 апреля 1916 г. прошении на имя директора МГАМИД «студент императорского Московского университета филологического факультета» Тихомиров заявлял о своем намерении заниматься «по архиву и его библиотеке документами и печатными книгами, имеющими отношение к. . . исследованию о псковском мятеже 1650—51 года, с правом делать из них выписки и снимать копии», причем обязывался «1 экземпляр своего труда, по напечатании, доставить для библиотеки архива» (л. 1).

В собственноручной рекомендации приват-доцент Московского университета Сергей Бахрушин писал: «Имею честь покорнейше просить допустить к занятиям. . . слушателя моего семинария. . . Мих. Ник. Тихомирова» (л. 2).

Два «листа для записи требований занимающегося в читальных» зафиксировали архивные материалы, над которыми Тихомиров работал

в 1916 и 1917 гг. (л. 3, 4). Состав этих материалов — столбцов из коллекции «Приказные дела старых лет» Посольского приказа — достаточно подробно отражен в примечаниях к книге Тихомирова⁸. Представляют интерес пометки о датах выдачи дел исследователю и возврата их в хранилище, по которым можно выяснить продолжительность работы над тем или иным столбцом.

Тихомиров приступил к работе в архиве 29 апреля 1916 г., заказав столбцы сыского и судного дела «о бывшем бунте во Пскове» (№ 24, 98, 116) и занимался до июня. После летнего перерыва он занимался с 18 октября до начала декабря, рассмотрев еще четыре столбца (№ 63, 64, 71, 85), по его отзыву в примечаниях к книге наиболее важных для уяснения темы. В 1917 г. Тихомиров возобновил работу в архиве 21 августа, регулярно занимался до середины сентября. Если в предыдущем году он целенаправленно изучал уже известные по литературе («История» С. М. Соловьева, книга К. И. Якубова «Россия и Швеция в первой половине XVII в.» и др.) источники, то осенью 1917 г. ведет более широкий поиск в материалах фонда, рассматривая столбцы, по описям относящиеся к Пскову, и немедленно возвращая многие материалы. Из изученных в этом году семи новых столбцов Тихомиров упоминает в примечаниях только три (№ 36, 86, 111). При сличении текста книги с листами требований можно заметить, что Тихомиров не только отметил в заключительном примечании все использованные столбцы, но и сохранил тот порядок, в котором изучал их в архиве. В результате примечания к книге, хотя и незавершенные⁹, выполняют основную свою функцию: дают возможность проверить фактический материал исследования по источникам.

Можно также считать, что архивные документы по теме были изучены Тихомировым со значительной полнотой: впоследствии, при подготовке публикации документов о псковском восстании, историк пополнил их первоначально выявленный состав лишь несколькими бумагами Приказного стола Разряда¹⁰.

Как показывают приведенные материалы ЦГАДА, М. Н. Тихомиров начал работать в архиве в качестве исследователя еще в дореволюционные годы. Тема первого исследования — борьба народных масс против угнетателей — стала затем одной из ведущих тем творчества ученого. В непосредственной работе с архивными документами формировалось его мастерство историка.

¹ Михаил Николаевич Тихомиров: (Материалы к библиографии ученых СССР. Сер. истории). М., 1963, с. 7.

² Новицкий Г. А. Жизненный и творческий путь академика Михаила Николаевича Тихомирова: (К 70-летию со дня рождения). — Вестн. МГУ. Сер. 4, История, 1963, № 3, с. 4.

³ Тихомиров М. Н. Дорога в историческую науку. — В кн.: Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967, с. 7.

⁴ Зимин А. А. Творческий путь Сергея Владимировича Бахрушина. — Научные доклады высшей школы. Ист. науки, 1961, № 2, с. 118.

⁵ Бахрушин С. В. Московский мятеж 1648 года: Сб. ст. в честь М. К. Любавского. Пг., 1917, с. 709—774.

⁶ Шмидт С. О. Памяти учителя: (Материалы к научной биографии М. Н. Тихомирова). — АЕ за 1965 год. М., 1966, с. 24; *Он же*. С. В. Бахрушин и М. Н. Тихомиров: (По архивным материалам). — В кн.: Проблемы социально-экономической истории феодальной России: (К 100-летию со дня рождения С. В. Бахрушина). М., 1984.

⁷ ЦГАДА, ф. 180, оп. 7, д. 6213.

⁸ Тихомиров М. Н. Псковский мятеж XVII в. М., 1919, с. 63, 64; *Он же*. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969, с. 396.

⁹ Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в., с. 433.

¹⁰ Там же, с. 234, 433.

С. В. Чирков

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ М. Н. ТИХОМИРОВА

(по материалам Архива Академии наук СССР)

Личный фонд академика Михаила Николаевича Тихомирова в ААН (ф. 693) и материалы ученого в других фондах этого архива тщательно обработаны И. П. Старовой, а составленное ею научное описание этих материалов опубликовано¹. Тем самым создана основа для дальнейшего научного использования этих материалов и введения их в научный оборот, какое и началось уже вскоре после смерти М. Н. Тихомирова².

Многие материалы были использованы в изданных Археографической комиссией совместно с академическими институтами сборниках трудов ученого, а также в работах о нем, принадлежавших В. А. Александрову, М. Т. Белявскому, В. И. Буганову, Ю. П. Глушаковой, И. Д. Ковальченко, А. В. Муравьеву, В. Б. Павлову-Сильванскому, И. П. Старовой, И. Е. Тамм, Е. В. Чистяковой, С. О. Шмидту³. Однако некоторая часть указанных материалов до сих пор не привлекла внимания изучавших научное наследие М. Н. Тихомирова, несмотря на то что они, как представляется, имеют определенный интерес для понимания его научной и общественной деятельности, характеристики развития его взглядов на те или иные научные проблемы, изучения его взаимоотношений с крупными учеными — его современниками. Задачей предлагаемого обзора и является обратить внимание на некоторые малоизвестные документы рукописного наследия М. Н. Тихомирова. Документы эти относятся практически ко всем рубрикам, выделенным И. П. Старовой среди бумаг ученого: научные труды и материалы педагогической деятельности, отзывы и документы научно-организационной работы, переписка. Обзор их построен в систематической последовательности, в основном совпадающей с описанием И. П. Старовой; ссылки на документы даются по номерам указанного описания, в тексте.

Неопубликованными остаются единичные работы М. Н. Тихомирова по исторической тематике. Одна из них примыкает по теме к известной статье «Начало христианства на Руси» (1959)⁴ и перекликается с нею в ряде идейных положений. Это доклад на советско-английском коллоквиуме 4 сентября 1960 г. «Распространение христианства на Руси в XI—XII вв.» Сохранились его тезисы от 13 июня и текст доклада, датированный 13 августа (№ 23).

В отличие от опубликованной статьи, Тихомиров детально рассмотрел в докладе социальные и культурные последствия принятия христианства. По его мнению, структура возникшей на Руси христианской церкви «была явно связана с первоначальной шаткостью церковных порядков, возможностью рецидива язычества или, по крайней мере, сильного сопротивления язычников» (№ 23, л. 6). В отличие от византийской церковной структуры, где во главе епархий стояли епископы под общей властью патриарха или зависевшего от него митрополита, первоначальная русская церковь возглавлялась, видимо, клиром Десятинной церкви. Подробно рассмотрел Тихомиров эволюцию церковной десятины. Реформа Владимира, передавшего ее сбор своим ставленникам в обход епископов, была обусловлена разрывом князя с константинопольской патриархией, происшедшим около 996 г. Передачу десятинных сборов в ведение епископов и новое установление митрополии при Ярославе Мудром следует считать «победой новой церковной политики» (л. 10), совершившейся к 1037 г.

(время освящения святой Софии). Начиная с эпохи Ярослава, «развитие феодальных отношений постепенно перемещает центр тяжести церковных доходов с десятины на доходы от недвижимых имуществ. . . Церковь начинает обладать различного рода категориями зависимых людей» (л. 11). Так как она «становится в один ряд с другими феодалами», но не отягощает уже княжеских смердов и боярских людей десятиной, то создание крупного церковного землевладения «могло только способствовать дальнейшему распространению и утверждению христианства среди славянских племен, создавая независимое положение крупных монастырей». Поэтому на Руси не создано «самостоятельных епископских земель, подобных Кельнскому или Трирскому архиепископствам» (л. 12).

Признавая, что христианство «чрезвычайно расширило культурные возможности Киевской Руси, связав Русь с византийской образованностью и ее эллинистической основой» (л. 14), Тихомиров подчеркивал, что христианская образованность оказалась уделом узкого круга людей высших классов. И хотя победа христианства была неминуема, так как Русь уже в конце X в. «была как бы островом, лежавшим между обширными пространствами христианского Запада и мусульманского Востока», все же его догмы и философские церковные учения «почти не затронули основных масс населения, которые долгое время продолжают жить в условиях двоеверия» (л. 15).

В заключение доклада Тихомиров призывал историков вплотную заняться изучением распространения христианства на Руси и борьбы его с язычеством, не отдавая этой проблемы на откуп филологической науке, которая зачастую не может вскрыть все сложные аспекты проблемы. «Тогда многие вопросы социальной и культурной жизни на Руси получили бы правдивое и точное освещение» (л. 16). Представляется, что немаловажным шагом на пути такого изучения стала бы публикация полного текста доклада Тихомирова.

Написанная во время Великой Отечественной войны статья «Россия в системе государств до конца XVII в.» сохранилась фрагментарно: отсутствует ее начало (20 с.), содержавшее анализ международного положения Киевской Руси. Связано это, вероятно, с тем, что начало статьи вошло в работу «Киевская Русь», впервые опубликованную на украинском языке⁶.

Сохранившаяся часть статьи открывается картиной состояния русских земель после ордынских погромов середины XIII в., когда «казалось, значение России как независимой страны было окончательно подорвано, и она сошла с политической сцены». Однако «даже в эти тяжелейшие моменты в жизни русского народа сказалась его необычайная живучесть и героизм» (№ 31, л. 1). Положение России коренным образом отличалось от положения других стран, покоренных монголо-татарами, так как она управлялась своими князьями. Причины этого — в географическом положении Северо-Восточной Руси, в героическом сопротивлении ее населения нашествию. Одна из причин — «международное положение России, которое вынуждало татарских ханов особенно осторожно вести свою политику по отношению к русским землям» (л. 1 об.). «Ведь татары в такой же мере были заинтересованы в удержании под своей властью русских земель, в какой западноевропейские политики стремились привлечь их на свою сторону» (л. 2 об.). В этой обстановке Александр Невский избрал мудрый путь защиты интересов своей страны. Прекрасно сознавая невозможность скорого свержения чужеземного ига, он не разрывал переговоров с Римом, что давало ему возможность добиваться у ханов льгот для русского народа. Эти переговоры «были весьма показательным явлением, обнаружив, что борьба Западной Европы с татарским владычеством на Востоке невозможна без участия России, которая сделалась для Западной Европы заслоном от разрушительных кочевых орд» (л. 2 об.—3).

Рассматривая постепенное объединение северо-восточных русских земель вокруг Москвы в связи с ростом политического значения России, Тихомиров останавливался на усилении позиций России на Востоке, происходившем параллельно с распадом Золотой Орды. Далее прослежены

связи России XIV—XV вв. с Византийской империей и южнославянскими государствами. Высокое представление народов этих стран о России углублялось по мере усиления турецкого гнета над ними. «Когда же турки взяли в 1453 г. Константинополь, стало складываться представление, что «русый род» (народ), который по старому пророчеству в будущем должен освободить побежденный город, — это русский народ» (л. 4 об.). Рассмотрел Тихомиров и постепенное завоевание Россией позиций на Западе. О пристальном внимании к ней свидетельствовала новая попытка провести унию православной церкви с католической на Флорентийском соборе 1449 г.

Создание мощного Московского государства, самой крупной державы в Восточной Европе, «было новым фактором громадной международной значимости, сразу же осознанным сильнейшими государствами того времени, которые имели интересы на востоке Европы» (л. 5). Тихомиров излагал развитие отношений России с Турцией, Крымом, Персией. «Реальные интересы России заставляли ее с особой осторожностью относиться к своим восточным соседям, в особенности к Турции, вассалом которой было Крымское ханство. . . Основная линия русской политики в XVI в. заключалась в стремлении поддержать мир и дружеские отношения с Турцией, что находило соответствующий прием у турецких султанов» (л. 5 об.—6).

Осознание значения России как могущественной державы, способной противодействовать завоевательным планам турок, проявилось в попытках западноевропейских политиков «использовать русский народ для войны с турками под лозунгом борьбы с торжествующим исламом» (л. 8 об.—9). В Риме вступили с правительством Ивана III в переговоры о противотурецкой коалиции. Переговоры эти не оказали никакого влияния на русско-турецкие отношения, но «обнаружили перед всей Европой громадное международное значение России, союза с которой искали в противовес могущественнейшему государству XVI в., Турции» (л. 9 об.).

Говоря о значении Ливонской войны, Тихомиров подчеркивал, что нельзя оценивать ее только в свете понесенного в ней поражения: «Ливонская война была в первую очередь проявлением мощи России, подготовленной более ранним периодом. Попытка России пробиться к берегам Балтийского моря была предприятием грандиозного масштаба, вызвавшим противодействие сильных государств не только Западной Европы, но и Турции» (л. 10). К тому же столкновение за Ливонию с польско-литовскими магнатами быстро превратилось в войну за освобождение украинских и белорусских земель, подвластных Литовскому великому княжеству. «Боязнь усиления России объясняется и та ожесточенная агитация, которая велась в Германии против России и самого Ивана IV» (л. 11 об.).

Изложение внешнеполитической истории XVII в. Тихомиров начал с характеристики «великих потрясений», «которые обнаружили, что даже внутренние события в Московском государстве небезразличны для Европы». Поход Лжедмитрия I на Москву «был организован как предприятие международного характера», а согласие его на войну с Турцией «лучше всего характеризует его как польского ставленника, так как подобная война нарушала традиционную политику дружбы России и Турции в угоду чужим интересам» (л. 12).

В первой половине XVII в. Россия окончательно утвердилась на Северном Кавказе, и «только обостренное внутреннее состояние Московского государства заставило правительство Михаила Федоровича отказаться от попытки утвердиться на берегах Азовского моря» (л. 13). Расширение в первой половине века русских владений до берегов Тихого океана привело к тому, что «в завоеванных пространствах на востоке Россия получила громадный и прочный тыл, сделавший ее неуязвимой на западе» (л. 14).

Подробно характеризуя «центральный момент» в истории России XVII в. — войну с Речью Посполитой за освобождение Украины и Белоруссии, Тихомиров обратил внимание на дипломатию Богдана Хмельницкого, пытавшегося найти равновесие между интересами трех соперни-

чавших за подчинение украинской территории держав, и заметил, что на фоне его переговоров «особенно ярко выступает привязанность украинцев к России, в конечном итоге решившая все дело на известной Переяславской раде 1654 г.» (л. 15). В последовавшую войну «были втянуты все западные соседи России, начиная со Швеции и кончая Турцией». Война, принесшая на первых порах большие успехи русскому оружию, «резко изменила международное положение на востоке Европы» (л. 15 об.). Усиление России вызвало опасения Австрии и Германии, повело к войне со Швецией, которая, впрочем, была неизбежна, так как Россия не могла примириться с потерей берегов Финского залива. «Россия, Австрия, Швеция, Дания, Голландия, Бранденбург, Бавария заинтересованы в том или ином разрешении вопроса о независимости Речи Посполитой и владении берегами Балтийского моря» (л. 17).

В заключение Тихомиров рассмотрел новые течения в русской внешней политике XVII в. Традиционные дружеские отношения с Турцией переходят во враждебные столкновения в результате борьбы за Украину и усиления русского освоения южных окраин Московского государства. На сей раз московское правительство ищет союзников против турок. «Неудачные походы в Крым, проведенные под начальством В. В. Голицына, не мешают видеть в созданной противотурецкой коалиции явление крупного международного порядка», эти походы «открывали новый период в отношениях России и Турции» (л. 17 об.). Другая линия внешней политики намечена переговорами о союзе России, Дании, Австрии и Бранденбурга против Швеции. Тихомиров заключал, что «основные линии русской политики XVIII в. наметились уже раньше, к концу XVII ст., когда международное положение России укрепилось и на востоке, и на западе. Россия вступила в строй европейских государств не ценой разорения народного хозяйства при Петре I, как писал в свое время П. Н. Миллюков, и даже не в конце царствования Петра I, а значительно раньше, уже в XVII в., подготовив блестящие успехи петровской политики и утверждение России на международной арене в XVIII в.» (л. 17 об.—18).

В разработке многих тем, которых коснулся в данной статье М. Н. Тихомиров, советская историография ушла далеко вперед еще при его жизни; не случайно полный текст работы остался неопубликованным. «Нетипичная» для ранних произведений Тихомирова тема статьи в дальнейшем получила развитие в целом комплексе его работ по истории славянства и Византии, международных связей средневековой России.

Неправленная стенограмма популярной лекции «Новгород», прочитанной 15 апреля 1939 г. (№ 136), имеет существенные пропуски в тексте (особенно питат из источников) и ряд неясных мест. Тихомиров охарактеризовал географическое положение Новгорода, описал расширение границ Новгородской земли и вошедшие в нее области, экономику этой земли с ее существенной особенностью — зависимостью от привозного хлеба, обусловившей и многие политические черты. Немалое внимание уделил он обзору отношений Новгорода с князьями, утверждая, что без помощи суздальских, а позднее — московских князей «ни Новгород, ни Псков своими силами не в состоянии были отбиться от соединенных сил немцев и шведов». Поэтому мнение о Новгороде «как об особом совершенно организованном Северо-Восточной Руси XIII—XV вв.» (л. 25) не находит поддержки и в политических данных. Тихомировым охарактеризована эволюция княжеской власти в Новгороде XI—XV вв., а также роль в управлении веча, посадников и тысяцких, «совета господ», архиепископа, кончанского самоуправления.

Великий Новгород, как известно, интересовал Тихомирова с самых первых шагов его ученых занятий. Представляет поэтому интерес тот очерк его истории, какой сложился в зрелые годы деятельности ученого.

Материалы по историографии, источниковедению и специальным историческим дисциплинам, оставшиеся неопубликованными, сохранились в составе бумаг М. Н. Тихомирова в ААН в значительно большем количестве по сравнению с произведениями чисто исторической тематики.

Прежде всего привлекают внимание разнообразные документы, запечатлевшие развитие историографических воззрений Тихомирова. Особенно большое место историографическая тема заняла в его творчестве с конца 40-х годов, когда Тихомиров стал председателем комиссии по истории исторической науки в СССР. Под его руководством был разработан проспект «Истории исторической науки в СССР» (первоначально предполагалось, что история исторической науки составит два тома в общей 22-томной истории науки в нашей стране). Возможно, в связи с работой над проспектом стоит незавершенная статья «Русская историография с древнейших времен до середины XVIII в.» (№ 102). Сохранились стенограммы выступлений Тихомирова в связи с подготовкой «Очерков истории исторической науки». Наиболее обстоятельное из них — доклад на Ученом совете Института истории 30 мая 1951 г. (№ 938, ф. 1577, оп. 2, д. 268), в котором ученый раскрыл те принципы, какими руководствовались авторы проспекта «Очерков».

На первое место среди этих принципов Тихомиров поставил освещение исторической науки народов СССР. «... Мы исходили прежде всего из мысли о том, что история исторической науки в СССР — это не столько история исторической науки русской. . . Если бы мы приступили к созданию только русской историографии, нам пришлось бы совершенно не освещать чрезвычайно интересный и плодотворный период историографии стран Закавказья и Средней Азии. . .» (л. 5). Второй важнейший вопрос — «чтобы в истории нашей исторической науки была показана оригинальность нашей исторической науки, ее независимость от зарубежной науки». Полемизируя со взглядами в литературе, представлявшей всех историков XVIII в. «чуть ли не подражателями исторической науки на Западе», Тихомиров считал, что обращение к изучению исторических знаний народов Закавказья и Средней Азии, к русским летописям, и прежде всего «Повести временных лет» («Известно, что этот историографический труд не имеет себе равных. . . по точности использования источников. . .»), нацито разбивает подобные концепции. «Очень любопытно отметить, что взгляды Ломоносова и его предшественника Татищева явились результатом развития самостоятельных исторических знаний и во многих случаях предвзяли то, что было сделано затем на Западе» (л. 6). И в более позднее время русская историческая наука «была равноправной участницей в мировом развитии историографии, в ряде случаев игравшей ведущую роль уже в домарксистский период ее истории». Тихомиров называл в качестве примеров русских востоковедов, историков Западной Европы, подобных И. В. Луцицкому, М. М. Ковалевскому, которые «внесли чрезвычайно много нового и по существу в западноевропейскую литературу» (л. 7).

Следующий вопрос — необходимость теснейшим образом связать историографию с историей нашей страны, «показать зависимость каждого из периодов историографии от конкретной обстановки соответствующей эпохи».

Особенно выделил Тихомиров новый для того времени и дискуссионный вопрос о роли течений общественной мысли в развитии исторической науки. «Мы стараемся показать передовую роль прогрессивных течений исторической мысли в развитии нашей исторической науки, показать значение исторических идей русских революционных демократов как вершины всей домарксовской историографии» (л. 8).

Еще одна проблема, упомянутая Тихомировым в докладе, — неправильность ограничения историографического исследования «только указаниями на отдельные большие. . . вехи в историческом знании». «Дело в том, что развитие исторической науки было широким громадным движением. . .» Тихомиров раскрыл программу изучения этого широкого движения: «Нам хотелось показать развитие историографии как научную дисциплину, показать расширение проблематики, развитие исследовательской работы, накопление конкретных исторических знаний, — одним словом, то, что создавало фундамент для будущих работ, это то, что обычно

Вобыкновенных курсах историографии почти что пропускается совершенно» (л. 9).

Затронут был ученым и вопрос о критическом освоении наследия буржуазной науки. «Если мы откажемся от него, — говорил Тихомиров, — тогда получится, что истории у нас не будет, потому что самые интересные высказывания основаны на буржуазных исторических трудах, и этими высказываниями являются «Хронологические выписки» Маркса. Они основаны на трудах буржуазных, но своими мыслями он дает им новое направление» (л. 39—40) ⁶.

Выступая на обсуждении главы «Очерков» о кризисе буржуазной исторической науки, написанной Л. В. Черепниним, 2 марта 1953 г., Тихомиров говорил о необходимости «уточнить время начала кризиса», больше выделить переход буржуазной историографии к «воинствующей» идеалистической методологии после 1905 г., приводя в этой связи такие факты, с какими он сам столкнулся в свои студенческие годы: «Взять хотя бы преподавание философии и истории в вузах. Преподавание это ведется (после 1905 г.) определенным реакционным путем. Всему юношеству, учащемуся на историко-филологических факультетах, вменяется в обязанность прочитывать и Хвостова, и другие подобные произведения, а в Московском университете дают маленькую книжонку Ланглюа и Сеньбоса, упорно поднося ее каждому учащемуся» (№ 308, л. 122—123). Подобные аспекты развития историографии Тихомиров считал необходимым включить в главу «Очерков».

Интересно относящееся к маю 1954 г. высказывание Тихомирова, из которого мы узнаем, что он разумел под понятием «школа» в применении к исторической науке. «Очень важный вопрос, — говорил он на заседании бюро Отделения исторических наук, — это вопрос о школах. Я представляю себе так, что это те самые группы, которые объединяются для разработки определенной проблемы, которые имеют определенные методы разработки источников» (№ 820, л. 222).

Стенографические записи сохранили немало высказываний М. Н. Тихомирова по проблемам отечественной историографии. Они демонстрируют ту идейную основу и методологию, руководствуясь которой Тихомиров в ряду других выдающихся советских ученых вступил на путь развернутого изучения истории исторической науки в СССР.

Немаловажные явления историографии — рецензии М. Н. Тихомирова. Не случайно часть их была опубликована уже после его смерти. Тихомиров написал огромное количество отзывов на работы многих авторов, в том числе и своих учеников. Надо надеяться, что тема «М. Н. Тихомиров — рецензент» привлечет еще исследователей. Неопубликованные отзывы, сохранившиеся в архиве, нередко содержат ценные суждения по общим вопросам истории, по различным проблемам развития исторической науки.

Так, проблемы роли культуры и науки в истории поставлены Тихомировым в замечаниях на проспект шеститомного издания «История научного и культурного развития человечества», готовившегося ЮНЕСКО (№ 327). Тихомиров писал: «Основным недостатком громадного большинства трудов по истории культуры является недостаточный показ развития культуры как широкого потока, а не только верхушечного явления. . . Такие явления, как распространение письменности в широких массах населения, создание школ, работа университетов и т. д., нашли в проспектах очень слабое отражение. Между тем эти явления одни из лучших показателей развития культуры и науки. . . В шеститомнике не нашли настоящего отражения крупнейшие перевороты в области науки и техники. Так, о введении книгопечатания, создавшего подлинные условия для развития науки, говорится где-то в тексте проспекта. В этом отношении вспоминается высказывание русского историка XVIII в. В. Н. Татищева, который рассматривал введение книгопечатания как один из величайших фактов всемирной истории» (л. 305—306). Принципиально восставал Тихомиров против отрыва истории науки и культуры

от истории создавших их народов: «Развитие культуры и науки, как известно, не было легким процессом на пути человеческого прогресса. Читая же проспект, невольно задумываешься над тем, с каким трудом и жертвами для человечества развивался этот процесс. Приятно любоваться пирамидами и сфинксами, но следовало бы дать и характеристику того варварского использования человеческого труда, которое происходило в это время. Ведь истоки культуры и цивилизации человечества возникли на кровавом фундаменте рабского труда. Между тем вопросы истории культуры громадного большинства человечества оставлены как-то в стороне» (л. 306).

Отдельно затронул Тихомиров проблему истории византийской культуры, близко лежавшую к его исследовательским интересам в это время (1956 г.): «Разнообразие византийской культуры объясняется ее переплетением с другими, а не тем, что Византия была наследницей Восточно-Римской империи. В Византии рядом с греческой культурой существовали культуры других народов. Византия сохранила миру античных произведения культуры и науки, сочинения Василия Великого и другое, были основаны также на старой традиции и использовании античных авторских приемов» (л. 307).

В связи с проблематикой истории византийской культуры был поднят Тихомировым вопрос о культурных влияниях вообще в той части отзыва о книге М. В. Щепкиной «Исследование Псалтыри Томича», где разбиралась статья И. С. Дуйчева (март 1960 г.). Выражая сомнения в том, что «болгарские рукописи XIV в. представляют собой как бы повторение греческих», Тихомиров писал: «Вопрос о так называемых „влияниях“, на мой взгляд, не укладывается в замечание о ведущей роли того или иного города, в данном случае Константинополя. Правильнее было бы говорить не о влиянии, а о культурной среде, которая охватывала ряд стран, не лишая эти страны их самостоятельного культурного значения. Можно было заимствовать и великолепно знать греческие образцы, но не быть Андреем Рублевым. Готические постройки строились во многих странах Западной Европы, но какая необходимость отыскивать прототип для Кельнского собора или, наоборот, Кельнский собор делать прототипом» (№ 350, л. 3).

Документы показывают, что Тихомиров не был склонен признавать за какой-либо исторической концепцией значение «истины в последней инстанции», наоборот, настаивал на новом пересмотре таких теорий, которые казались прочно вошедшими в науку. Так, при обсуждении третьего тома «Всемирной истории» в декабре 1955 г. Тихомиров говорил: «До настоящего времени концепция возникновения феодализма в Киевской Руси или древнерусского государства, принятая концепция, изложена была в учебнике под редакцией покойного Б. Д. Грекова, а также в „Очерках“, причем настоящего широкого обсуждения этой концепции. . . проведено не было. Эта концепция до некоторой степени заняла свое место, не подвергнувшись достаточному обсуждению. . . Мое личное мнение такое, что в целом против этой концепции я не стал бы возражать. Мы с Б. Д. Грековым сходились в понимании того, как создавался феодализм и возникло древнерусское государство. Но что мне бросилось в глаза и что потребует широкого обсуждения — это то, что в первоначальном тексте эта концепция, как и в работах, которые были сделаны нашими учеными (в том числе и мною), остается, как мне кажется, недоказанной» (№ 326, л. 2—3).

Крупнейшие источниковедческие труды М. Н. Тихомирова, обобщение им материала источников по истории СССР периода феодализма в сочетании с историографическими интересами привели ученого к изучению историографии источниковедения. Известны глубокие историографические очерки в курсе источниковедения, замечательные главы «Очерков истории исторической науки в СССР», принадлежащие перу Тихомирова. В архиве хранится отдельная работа данной тематики: две редакции очерка «Русские исторические источники и их изучение» (№ 92, 93). Можно полагать,

что первоначальная редакция очерка готовилась для сборника «Двадцать пять лет исторической науки в СССР» (М.; Л., 1942). Часть материала очерка была использована в 1944 г. для доклада «Труды и открытия русских историков в области источниковедения»⁷, а около 1950 г. появилась новая его редакция, очевидно, в связи с работой над «Историей исторической науки в СССР».

Изменения, внесенные во вторую редакцию, имели целью учесть новейшие открытия советских ученых в области истории отечественной письменности и культуры. Так, если в первой редакции первым русским письменным документом назван договор князя Олега с византийскими императорами Львом и Александром, то во второй редакции сделана вставка на полях: «Письменные источники по русской истории восходят уже к началу X в. Первым памятником русской письменности, дошедшим до нас в подлинном виде, является небольшая надпись на глиняном горшке, вырытом в Гнездове под Смоленском. Надпись эта сделана кирилловской азбукой и обозначает горчицу или какую-либо другую пряность — „гороухца“. Характер буквенных начертаний на Гнездовском горшке и вырытые вместе с ним предметы датируют надпись началом X в. К этому же времени относится и первый русский письменный документ, сохранившийся в копии» — договор Олега с греками (№ 93, л. 1). Здесь же Тихомиров заменил фразу о знакомстве русского народа со славянской азбукой, составленной славянскими первоучителями Кириллом и Мефодием, уже вскоре после ее появления в Великой Моравской державе, словами: «Русский народ познакомился со славянской азбукой уже в IX в., одновременно с ее распространением в Болгарии и в Моравской державе».

В первой главе очерка Тихомиров рассматривал развитие русской письменности после крещения русского народа, признавая «главным поставщиком письменных памятников, уже переведенных на славянский язык», Болгарию. Он останавливался на расцвете письменности, происшедшем «с поразительной быстротой», — на сочинениях митрополита Иллариона, памятниках просветительной деятельности Киево-Печерского монастыря. В первой редакции отмечена дороговизна пергамена, мешавшая широкому распространению письменности, но на поле сделана помета: «береста» (№ 92, л. 3).

Переходя во второй главе к рассмотрению древнейшего летописания, Тихомиров сильно изменил первоначальный текст, последовательно удалив из него все упоминания Нестора как автора «Повести временных лет». Изменена и точка зрения на летописи. Если в первой редакции обобщенно излагалась, согласно схеме Шахматова, история летописания от первых записей конца X в. к летописанию Киево-Печерского монастыря, «монахи которого вели записи о событиях своего времени», и к «Повести временных лет», то после редактирования на первом плане — характеристика только дошедших летописей как источников, а о древнейших сводах дано общее понятие. Претерпело изменение и представление о тех общественных кругах, которые связаны с летописанием, была углублена социальная его характеристика: «Составление летописных сводов производилось обычно при епископских кафедрах, в больших монастырях или при княжеских дворах, т. е. в феодальных кругах. Поэтому русские летописи XI—XIII вв. отражают идеологию господствующего феодального класса. Только в отдельных случаях, главным образом в новгородских и псковских летописях, найдем отдельные записи, которые обнаруживают симпатии летописца к „меньшим людям“, т. е. широким городским кругам ремесленников и торговцев, в противовес „большим людям“ — боярам и купцам» (№ 93, л. 5). Рассматривая нелетописную литературу Древней Руси, Тихомиров уделил много внимания светским памятникам, в частности поучению Владимира Мономаха и «Слову» и «Молению» Даниила Заточника.

В третьей главе очерка Тихомиров поменял местами материал, поставив в начало характеристику Русской Правды, а затем актов XII—XIII вв. Оговарив, что русская история до нашествия монголов сравнительно

бедно представлена актовым материалом, Тихомиров дополнил вторую редакцию указанием, что «целый ряд грамот дошел до нас в копиях, внесенных в разные сборники документов» (л. 8). Остался без изменений очерк истории летописания в период феодальной раздробленности и централизации. Первый общерусский свод связан автором с деятельностью митрополита Фотия и отнесен примерно к 1423 г. (л. 12). После истории позднего летописания дана краткая характеристика хронографов и степенных книг, памятников «политической» литературы Московского государства XV—XVII вв.

Рассмотрение источников XVIII в. открывается мемуарной литературой — дневниками и записками современников Петра I. История мемуарного жанра прослежена до XX в., причем отмечено, что «во второй половине XIX в. появляются первые купеческие мемуары, в конце этого столетия и в XX в. дневники и записки составляются в рабочей и крестьянской среде» (л. 20). Суммарная характеристика актового и юридического материала XIII—XVI вв. не содержит, однако, упоминаний о новгородских берестяных грамотах. В очерке далее рассмотрены акты приказного делопроизводства и частного происхождения XVI—XVII вв., материалы высших и центральных правительственных учреждений Российской империи, статистические и картографические источники XVIII—XX вв. Привлекает внимание краткий обзор архивных материалов XIX—XX вв. (л. 28—30). Тихомиров, как известно, не считал себя специалистом по данному периоду истории России, но та лапидарная характеристика, которая вошла в очерк, показывает, что осведомленность его об архивных собраниях, возникших в данное время, была весьма широкой.

Рассмотрев «богатства, которыми располагает русская историческая наука» (л. 31), Тихомиров переходил в четвертой главе очерка к истории собирания, издания и изучения исторических источников в России. По его мнению, «собираение исторических источников и их изучение началось в России тотчас же после принятия христианства». Так как «Повесть временных лет» написана на основе разнообразных источников, естественно возникает представление о «существовании в Киеве значительных книжных богатств, которыми могли пользоваться Нестор и его предшественники» (л. 32). Летописи выступают и как исторические источники, и как исторические сочинения. При рассмотрении их в качестве памятников историографии на первый план выдвигается то, как «писатели Киевской Руси делали отбор среди своих источников и порой критически относились к их показаниям». «Летописцы не просто шивали различные известия, но переделывали их по-своему. . . Нередко рукой летописца владело стремление осветить исторический процесс под определенным углом зрения. . . Обработку исторических известий находим в большинстве летописных текстов, особенно в громадных общерусских сводах XV—XVI вв., редакторы которых согласовывали и сопоставляли противоречивые известия, обрабатывая их в определенном духе» (л. 32—33). Рассматривая совершенствование приемов исторического повествования на протяжении XVI—XVII вв., Тихомиров показывал, как «авторы подтверждают свои взгляды на историческое прошлое ссылками на определенные источники. . . не только русские, но и чужеземные» (л. 34).

Однако «подлинно научное изучение и издание источников началось в России с начала XVIII в.» Кратко обрисовав попытки собирания рукописей при Петре I, Тихомиров остановился на разносторонней деятельности в области источниковедения В. Н. Татищева. Его основная заслуга в том, что «впервые были приведены в некоторую систему многочисленные и разнообразные русские источники и сделаны образцы их описания, а также даны наметки для их палеографического и дипломатического изучения» (л. 37). Любопытно формулировал Тихомиров значение основной части «Истории Российской», представлявшей «свод известий после 860 года, расположенный по годам по принципу русских летописей. Подобный способ исторического рассказа вызвал множество нападок на автора, но он был неизбежным следствием того, что Татищев проклады-

вал совершенно новые пути в науке, имея перед собой громадное количество источников, которые никем не были проверены и даже приведены в систему» (л. 36).

В дальнейшем данная формулировка была значительно дополнена и развита в «Очерках истории исторической науки в СССР». Отличалась от позднейшей и характеристика в очерке деятельности Г. Ф. Миллера, выделявшегося «как счастливое исключение» среди приезжих немецких академиков. Им был «отчасти разрешен» вопрос об археографической экспедиции (л. 39). Миллер «с воодушевлением занимался собиранием исторических материалов, обратив особое внимание на древние акты» (л. 37).

Уместно отметить, что Тихомиров был решительным противником националистических взглядов на историю науки. В отзывах о работах М. Т. Белявского в 1958 и 1952 гг. он писал о «немецком засилье» в науке XVIII в.: «... Ведь дело-то было не в немцах, а в реакционной части немецкой профессуры. Наш Теплов немногим лучше Шумахера» (№ 298). Нельзя противопоставлять «немецких ученых русским. Конечно, среди этих немцев были люди, ушедшие очень недалеко от бессмертного Вральмана, но следует указать, что речь идет не о немцах, а о плохих ученых. Поповский лучше Дилтея не тем, что он русский, а тем, что он следовал Ломоносову» (№ 304, л. 3).

В деле издания древних памятников с применением «критических приемов передачи документов, принятых в западноевропейских государствах», Тихомиров подчеркивал заслуги «ревностных издателей источников» Н. И. Новикова и М. М. Щербатова (№ 93, л. 37). В очерке рассмотрена деятельность Румянцевского кружка, Археографической экспедиции, Археографической комиссии, М. М. Сперанского по изданию «Полного собрания законов» (отмечено, что оно «может быть названо хорошо устроенным архивом, такое грандиозное количество материалов оно в себе заключает» — л. 41), издательская работа ученых исторических обществ XIX в.

Открытие и опубликование до того неизвестных источников «поставило на очередь вопрос о разработке вспомогательных научных дисциплин, в первую очередь палеографии и дипломатики» (л. 42). Тихомиров выделял в этой области «меткие замечания» Н. М. Карамзина в примечаниях к «Истории Государства Российского», описание фондов МГАМИД под руководством Н. Н. Бантыша-Каменского, «подлинно научные описания рукописей» Румянцевского музея А. Х. Востоковым и Синодальной библиотеки А. В. Горским и К. И. Невоструевым. «Первые, пока еще робкие шаги в области русской дипломатики» Тихомиров связывал с изданием атласа филиграней К. Я. Тромонина, а развитие палеографии — с пособием И. И. Срезневского, «открывавшим пути для новых исследований в этой области» (л. 44).

Говоря о сильном расширении круга источников, попавших в поле научных исследований во второй половине XIX в., Тихомиров остановился на изучении хронографов А. Н. Поповым, житий святых — В. О. Ключевским, повестей о Смутном времени — С. Ф. Платоновым. Особое внимание он уделил «классическому труду» о Русской Правде Н. В. Калачова, изданию им писцовых книг XVII в. Здесь же Тихомиров подчеркнул значение описания Новгородских писцовых книг К. А. Неволлиным (л. 45—46). Кратко охарактеризована в очерке издательская работа Русского географического и Русского исторического обществ, МОИДР, Киевской и Виленской археографических комиссий, исторических журналов. Более подробно рассказано о составе «Русской исторической библиотеки», упоминаются издания И. Е. Забелина по истории Москвы, отмечен выпуск «такого важного источника, как „Великие Четьи-Минеи“ митрополита Макария» (л. 48).

После перечня издательских работ Тихомиров сосредоточился на вопросах развития источниковедения. Именно «непрестанное опубликование исторических документов разнообразного характера позволило

историкам вплотную подойти к вопросам критики исторических источников. Это прежде всего отразилось в области приемов опубликования исторических документов». На примере издания летописей Тихомиров показал развитие приемов публикации и подчеркнул выявленную им закономерность: «Практика издания древних документов показала, что даже самые лучшие знатоки документов не могут быть гарантированы от ошибок, если они исходят не из текста памятника, а из своих субъективных представлений о первоначальном его характере» (л. 49).

Подробно остановился Тихомиров на изучении летописей А. А. Шахматовым, труды которого произвели «целый переворот в области изучения и издания летописных памятников». «Встав во главе издания летописных памятников, подготавливаемых к печати Археологической комиссией, А. А. Шахматов поставил дело на невиданную высоту, обратив внимание на опубликование новых и неизвестных в науке летописных сводов. Резко улучшились приемы издания летописей, основанные на предварительных исследованиях Шахматова и его сотрудников» (л. 49—50). В области издания и изучения древнерусских актов Тихомиров выделил заслуги Н. П. Лихачева, который «впервые поставил вопрос о подлинности некоторых русских актов, вызывавших сомнение в их достоверности как по форме, так и по содержанию. . . подверг резкой и основательной критике некоторые издания актов, дававшие явно подложные или интерполированные документы» (л. 50—51). Отмечены также труды Лихачева по филиграноведению и сфрагистике. Как положительный факт рассматривал Тихомиров воспроизведение большого количества памятников литографским и фототипическим способами, отмечая деятельность ОЛДП. Им также выделены вводящие в научное обращение многочисленные новые материалы описания документов, подготовленные в МАМЮ.

Пятую, последнюю главку очерка занимает краткое (9 машинописных страниц) описание развития источниковедения и археографии в СССР. В начале главки Тихомиров писал об огромном значении для этих научных областей Великой Октябрьской революции, которая «открыла двери всех рукописных собраний и архивов для работы ученых», что позволило «пустить в научный оборот новые и до того времени неизвестные материалы» (л. 52). Отмечал он и расширение круга научных интересов и проблематики исследований, для нужд которых понадобилось изучение и издание новых видов источников.

При обзоре новых изданий Тихомиров выделил в первую очередь темы, которые «считались запретными» при царизме: историю восстаний против самодержавия, общественного, в частности рабочего, движения (материалы о движении декабристов, о деятельности революционных демократов, записки рабочих-революционеров). Отметил Тихомиров издания по истории народов СССР, по истории революции 1905—1907 гг., Великой Октябрьской революции и гражданской войны. Перечислены публикации документов международной политики России (отмечено, что «единственная из официальных публикаций европейских правительств, содержащая систематический подбор документов по дипломатической истории новейшего времени. . . начата была под редакцией М. Н. Покровского» — л. 54).

Особенно подробно остановился Тихомиров на близких ему по научным интересам изданиям материалов по истории средневековой России. И в этой области «новизна документов и способов их издания бросается в глаза». Здесь отмечены работы А. И. Яковлева, напечатавшего «спасенный им от гибели ценнейший архив боярина Б. И. Морозова», а также документы о холопстве в Московском государстве, подготовка С. Б. Веселовским к печати крупного собрания монастырских земельных актов, публикация по истории крепостной мануфактуры. Подробно освещена работа по изданию Русской Правды в АН СССР (л. 56—58).

Связываемое Тихомировым с появлением публикаций новых источников и новых изданий наиболее замечательных памятников оживление интереса к изучению этих источников выразилось, по его мнению, в «осо-

бенностях публикации исторических документов, отличающихся особой тщательностью и вниманием к особенностям публикуемых памятников», и наряду с этим — во внимании к вспомогательным историческим дисциплинам. «Большим шагом вперед по сравнению с более ранними книгами на ту же тему» явились два учебника по палеографии. Учебник В. Н. Щепкина представляет собой «не только пособие для студентов, но, в сущности, является популярно написанным исследованием, дающим великолепное руководство для изучения и чтения памятников». Книга Е. Ф. Карского носит менее исследовательский характер, но может служить «ценным компендиумом сведений по славяно-русской палеографии» (л. 58—59). Значительный прогресс в изучении русской дипломатики Тихомиров связывал с работой А. С. Лаппо-Данилевского, «которому принадлежит честь подготовки некоторых современных исследователей в области дипломатики» (л. 59). Отмечены и исследование летописных сводов М. Д. Приселковым как продолжение и развитие трудов А. А. Шахматова. С удовлетворением писал Тихомиров о том, что «источниковедение и вспомогательные научные дисциплины заняли гораздо большее место, чем ранее, и в программах высших учебных заведений», назвав и первый учебник по источниковедению — свой и С. А. Никитина «Курс источниковедения истории СССР» (л. 60).

Заклучил очерк Тихомиров оговоркой, что изложенное в нем далеко не исчерпывает действительных достижений исторической науки в СССР, так как «многие крупные работы находятся еще в процессе осуществления, другие имеют характер предварительных изысканий», и общим выводом: «То, что сделано русской исторической наукой в области издания и изучения документов, поражает громадностью и размахом работ на поле исторических изысканий. Русская историческая наука в своих исследованиях опирается на прочный базис громадного количества изданных документов» (л. 59—60).

Рассмотренный очерк русских письменных источников и их изучения показывает момент эволюции воззрений Тихомирова на историю отечественного источниковедения и археологии, впоследствии проявившихся с большей полнотой в «Очерках истории исторической науки в СССР». Здесь отразилось развитие у ученого представлений о взаимосвязи издания исторических источников с развитием источниковедения, о значении издания и изучения источников для научной теории. Явственно пронизывает очерк мысль о неразрывности процесса накопления исторического материала, о необходимости усвоить лучшие достижения науки прошлого в области археологии и источниковедения.

Близок по проблематике к рассмотренному очерку доклад Тихомирова на заседании Ученого совета Института истории и археологии АН Узбекской ССР 18 ноября 1955 г. (№ 112), хотя упор здесь сделан на задачи разработки историографии, источниковедения и специальных исторических дисциплин.

В начале доклада Тихомиров остановился на значении указанных дисциплин в работе историка. Всякое исследование зависит от наличия исторических источников. «Нет источников, следовательно, историк находится в условиях человека, который должен строить различного рода гипотезы, предположения, другой же ученый может оспаривать выводы и говорить, что могло быть и совершенно по-иному». Без материала источников «можно построить только воздушные замки». Сама постановка научных проблем зависит от материальной основы в виде источников: ведь, «не осветив вопроса о том, что представляют собой источники, какие источники собраны по той или иной исторической проблеме, мы лишаем себя возможности и говорить о ней в полной мере». Нетрудно заметить, что вопрос источникового обеспечения исследования приобретает здесь историографический аспект. Не случайно поэтому Тихомиров здесь же определил значение историографии, которая, «в сущности, подводит каждого из нас к вопросу о том, что же новое должны мы сами внести

в разработку проблемы. Историография до некоторой степени определяет наши возможности в разработке той или иной проблемы» (л. 3—4).

Обращаясь к характеристике современного состояния источниковедения, Тихомиров построил эту характеристику в историографическом аспекте, приведя «целый ряд фактов, которые показывают, как введение новых источников в науку сразу же меняет всю картину и заставляет совершенно заново разрабатывать те или иные вопросы». Поэтому задачу развития источниковедения следует считать «не только узкой, случайной задачей, задачей для отдельных историков, — это задача актуальнейшая, требующая всемерного изучения» (л. 5—7). Говоря о составных частях этой задачи, Тихомиров, по существу, дал современную формулировку задач археографии: «Важнейшей задачей исторической науки является публикация источников, открытие их и описание» (л. 8).

В области публикаторской работы Тихомиров считал необходимым «обратить внимание на источники нового порядка, на которые в свое время историки дореволюционной России обращали мало внимания. Таковы источники о развитии производительных сил и производственных отношений, по революционному движению и различного рода восстаниям, по истории мероприятий Советской власти, по истории партии». Вместе с тем он отмечал «некоторый затор с изданием важных публикаций по истории феодализма», в частности русских летописей (л. 9).

Подробно рассмотрел Тихомиров проблемы методики издания исторических памятников. Предварительным этапом для этого он назвал описание рукописей. Без него «невозможна и публикация». Приветствуя большую работу по описанию восточных рукописей, проводившуюся в Академии наук Узбекистана под руководством А. А. Семенова, Тихомиров назвал эту работу «в высокой степени полезным», «благородным делом», имея в виду «все трудности, которые стоят перед людьми, описывающими рукописи» (л. 10). Поднял он вопрос о языке публикаций, указав на опыт армянских ученых, издавших знаменитый судебник Мхитара Гхоша и историю Фавстоса Бузанда в переводе на русский язык. Ценность таких изданий в том, что «они сразу входят в мировую науку, делаются достоянием не только небольшого круга людей, но и широких читательских кругов» (л. 11).

Переходя к чрезвычайно важному вопросу о правилах издания, Тихомиров резко раскритиковал «течение», представлявшее «попытку вульгаризировать идеи публикации путем стрижки под одну гребенку всякого материала». Сторонники его считали, что «можно создать общее руководство и общий метод, по которому издавать все рукописи, начиная, допустим, от Русской Правды и кончая документами Советской власти. . . Такое направление, конечно, не может выдержать критики, потому что таких общих правил. . . быть не может по самой структуре материалов, которые надо описывать и издавать» (л. 12—13). Разработка правил издания тем не менее представлялась Тихомирову важной очередной задачей. «И мне кажется, — сказал он, — что нужно подумать совместно с московскими и ленинградскими товарищами о правилах издания текстов, переводов и комментариев, применяясь соответствующим образом к материалу» (л. 13—14).

Очень существенным вопросом, связанным с изданием рукописей, Тихомиров считал унификацию ономастики текстов. «Если вы возьмете любую нашу книгу по Востоку, то вы увидите там следующие имена: Мухамед, Махмуд, Магомет, Ахмед, Ахмат и т. д. Никакой унификации нет. Хорошо, если ученый разбирается и если напишут: Мухамед II „Завоеватель“. Если же нет пояснений, кто такой Султан Махмуд или Магомет, то порой нельзя установить, о ком идет речь» (л. 14).

Большое значение Тихомиров придавал применению фотографии и фототипии для издания уникальных рукописей, что одновременно повышает их сохранность (л. 14).

В непосредственной связи с источниковедением поставил Тихомиров вопрос о развитии вспомогательных исторических дисциплин. Говоря

о палеографии восточных рукописей, он отметил, что приблизительные датировки рукописей в «Обзоре», подготовленном Институтом востоковедения АН Узбекской ССР, показывают недостаточную ее разработку и призвал издать лекции по палеографии А. А. Семенова. Тихомиров привлек также внимание к еще одной «забытой» дисциплине — исторической географии. «Если бы мы попытались составить историческую карту Узбекистана, то встретили бы немалые трудности. Между тем без этого, мне кажется, вся история Узбекистана. . . будет представлена неполно» (л. 18).

Обращаясь к проблемам историографии, Тихомиров констатировал определенное движение в этой области науки с начала 1950-х годов, в том числе и в союзных республиках. «И это историографическое движение принадлежит к числу, я бы сказал, движений очень отрадных для развития нашей науки». Тихомиров отмечал заслугу С. И. Вавилова, «инициативе которого мы обязаны тем, что историографией стали заниматься и в центре, и на местах» (л. 20).

В заключение доклада Тихомиров отметил значение рассмотренной им темы в плане преемственности научных поколений: «Если вы разовьете вкус у молодежи к архивам и публикации источников, то это скажется позже. Если сейчас молодые ученые по молодости не будут заниматься такими темами, то все равно к ним они вернуться и будут работать позже. Нельзя держаться только на стариках, должны быть люди, которые будут учиться, как и я учился у крупнейших специалистов» (л. 22).

Материалы фонда по источниковедению истории СССР, оставшиеся неопубликованными, немногочисленны. Привлекает внимание рукопись статьи для энциклопедии «Письменные источники по истории СССР (с древнейшего времени до XIX в.)», относящаяся к началу 1950-х годов (№ 101). Она интересна тем, что отразила промежуточный этап в разработке Тихомировым курса источниковедения между первым и вторым изданиями учебника «Источниковедение истории СССР». В статье ученым включены в число основных источников указанного периода, помимо актов и литературных, также и эпиграфические памятники (надписи). Наряду с наиболее ранними ассирийскими, халдскими, персидскими и античными надписями — источниками по истории Причерноморья, Закавказья и Средней Азии, упомянуты «надписи на монетах, черепках и пр.», открытые советскими археологами вместе с документами на согдийском языке в районе Самарканда (л. 3), а также новгородские грамоты на бересте, которые признаны единственно сохранившимся примером частной переписки на Руси XIV—XV вв.

Источники по истории народов Прибалтики Тихомиров рассмотрел уже в первом издании учебника по источниковедению. Однако на изучении русских источников по истории этих народов он специально сосредоточил внимание позже, в докладе на объединенной научной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики, состоявшейся в мае 1955 г. в Риге. Сохранился отрывок тезисов этого доклада и черновой набросок его текста, не имеющий окончания (№ 109, 110). В докладе, называвшемся «Русские источники по истории Прибалтики в IX—XIII вв.», Тихомиров говорил о недостаточной изученности этих источников, среди которых он выделил летописи, сказания и некоторые акты. Уже «Повесть временных лет» содержит в перечислении народов, живущих в «Афетовой части», т. е. в Европе, список народов Прибалтики, «причисляя их к одному „Афетову“ поколению вместе с русскими». Краткие известия «Повести» дают «интереснейшие сведения о Прибалтике того периода, когда письменные свидетельства о ней почти отсутствуют» (№ 110, л. 2). Житие Александра Невского говорит о наступлении немецких рыцарей на прибалтийские земли, житие Довмонта описывает походы новгородцев на эстов.

Особенно богато сведениями о городах и местностях Прибалтики новгородское летописание, сохранившее эти сведения уже с начала XI в. Тихомиров отмечал, что известия Новгородской I летописи «позволяют осветить такое время, какое не затронуто в известной хронике Генриха

Латыша», и приводил ряд этих известий: о существе вании городов у эстов в XI в., о принадлежности им Юрьева (Тарту) уже в 1133 г., о каком-то политическом объединении эстонских племен в 70-х годах XII в. и т. д. «Характерно, что во всех новгородских известиях о чуди, эстах говорится как об особой земле («пожыгли землю их»), а не просто как об отдельных племенах» (л. 4).

Известия Новгородской I летописи за XIII в. «отличаются большой точностью и могут послужить к более точной датировке событий», позволяя проверить хронологию Генриха Латвийского. Особенно ценны сведения о времени после окончания изложения этой хроники (1227 г.). Рассказы летописей (новгородских и псковских) о Раковорской битве 1268 г. и осаде Пскова немцами в 1269 г. — «являются едва ли не единственным свидетельством современников». Тихомиров признавал крайне тенденциозными попытки некоторых западных ученых объяснить отличия хронологии новгородских летописей от хроники Генриха Латвийского большим совершенством хронологии последней. По его заключению, «проверка хронологии Генриха Латыша по Новгородской летописи и более глубокое изучение ее свидетельств, несомненно, является одной из ближайших задач для исследователей древней истории Прибалтики» (л. 5).

Результаты изучения русских источников по истории Прибалтики отразились во втором издании учебника по источниковедению, где Тихомиров подчеркнул, что русские сведения «корректируют хронологию Хроники Ливонии и ее тенденциозный рассказ»⁸.

Характерно, что М. Н. Тихомировым еще в 1966 г. было употреблено понятие «культура источниковедения»: именно на «вопросы культуры источниковедения» предлагал он обратить внимание на Всесоюзном совещании историков, проект организации которого тогда обсуждался Отделением исторических наук АН СССР (№ 860, л. 68). В тесной связи с культурой источниковедения рассматривал он проблемы развития специальных исторических дисциплин. Уже в 1934 г., начиная преподавание их в Московском университете, Тихомиров видел комплексный характер этих дисциплин. Сохранился датированный автограф программы курса и практических занятий по палеографии и дипломатике. Программа была размыта и, видимо, обсуждалась на кафедре истории СССР МГУ⁹. Наряду с определением исторического источника, понятием о критике источников¹⁰ и сведениями по палеографии и дипломатике в нее вошли разделы: «Воспроизведение актов в печати», «Важнейшие собрания рукописных исторических материалов», «Важнейшие издания актов и их характеристика». В связи с датировкой актов изложена «Система летоисчисления в древней Руси». В раздел «Определение места происхождения актов» включены «краткие сведения по исторической географии XV—XVII веков» (№ 1009, л. 3—4).

Отметим, что приблизительно такой же состав специальных исторических дисциплин рекомендовал Тихомиров тремя годами позднее для преподавания в МГИАИ¹¹. С годами и изменением исследовательских задач на первый план в представлении ученого выходили другие дисциплины. В тезисах упоминавшегося доклада «Основные задачи в области историографии и источниковедения» (1955 г.) Тихомиров, уделив большое место археографии, далее перечислил специальные дисциплины в такой последовательности: палеография, дипломатика, эпиграфика, нумизматика, геральдика, завершив этот список позднее зачеркнутым замечанием: «Азы истории» (№ 111, л. 1). В архиве сохранились некоторые неопубликованные материалы, касающиеся разработки Тихомировым проблем большинства этих специальных дисциплин.

В проблематику археографии, как уже говорилось, Тихомиров включал вопросы открытия и даже хранения рукописей. Одно из условий правильной организации их хранения — доступность для исследователей, для издателей. В письме в ОР ГБЛ от 22 июня 1959 г. Тихомиров убеждал «принять меры к тому, чтобы рукопись „Мерила Праведного“ была на-

конец издания». Фототипографское воспроизведение этой рукописи, в котором «заинтересованы историки, лингвисты и юристы, причем не только нашей страны, но и стран народной демократии, в первую очередь славянских стран», должно было явиться лучшей охраной рукописи, делая ее «достоинством всего мира, а не единиц, которые допущены к рассмотрению рукописей» (№ 995, л. 3—5). Другой аспект этого вопроса поднял Тихомиров при обсуждении отчета Археографической комиссии в январе 1962 г. Необходимость скорейшего издания древних рукописей обусловлена быстрым угасанием текста некоторых из них в условиях современного города: «То, что читалось при Румянцеве из вещей XIV—XV вв., теперь уже не читается, а пройдет еще несколько лет, и, в силу московского воздуха, там ничего не разберешь» (№ 914, л. 19).

Хорошо известны те многочисленные издания русских средневековых источников, которые осуществил М. Н. Тихомиров. Менее известно, каких трудов эти издания ему стоили. В апреле 1950 г. он шутил в письме к А. П. Пронштейну: «Летопись, учебники и пр. — это богоугодный труд, даваемый не очень предусмотрительным авторам» (№ 1226). А Л. Г. Бескровному в январе 1965 г. писал: «Вы знаете, хотя и не полностью, с каким трудом я добился издания 25 тома Полного собрания русских летописей, а вслед за ним подготовил 26 том летописей. Не буду говорить о затратах труда и о больших моих денежных затратах по изданию этих томов. Когда-то я сказал покойному Б. Д. Грекову, что на этих томах следовало бы поставить слова в духе 18 века: „Издано иждивением и неуспынными трудами Михайлы Тихомирова“» (№ 1088, л. 1). Продолжение издания летописей было предметом особой заботы Тихомирова, он писал: «Пока я жив, я не дам погибнуть летописному делу» (Там же, л. 3 об.).

Сохранился ценный документ, дополняющий наши представления о том, как понимал Тихомиров принципы археографического описания рукописей и какое внимание уделял последовательному воплощению этих принципов в практику описательной работы. Это замечания на образцы описания рукописей Кириллова-Белозерского монастыря, составившегося Н. Н. Розовым в ОР ГПБ. В шести пунктах этих замечаний, написанных после 14 октября 1962 г., Тихомиров коснулся различных аспектов методики археографического описания. Он советовал «составить схему описания и не разрывать без необходимости с традиционными приемами описаний».

Традициям описания рукописей, сформировавшимся в науке, Тихомиров придавал большое значение. Корни этих традиций он усматривал в глубокоом прошлом нашей письменности. В описаниях XV—XVI вв. можно найти некоторые «способы описания, которые сразу определяют рукописи для читателя. . . Традиции XV—XVI в. повторены были и позднейшими исследователями — Востоковым, Горским, Ундольским, Сперанским». Поэтому Тихомиров призывал учитывать традиции описания, сложившиеся в библиотеке Кириллова-Белозерского монастыря. Так, термин «сборник смешанного содержания» он считал неприемлемым и подчеркивал необходимость сохранить традиционное наименование: рукопись содержит библейские книги и Александрию — «так ее и обозначили в монастыре, поставив надпись: Бытия». Общепринятое название почерка «беглый устав» лучше, чем «полуустав, приближающийся к скорописи», как он назван в Описании. Объем рукописи Тихомиров полагал желательным указывать в начале описания: «ведь количество листов в первую очередь определяет значение сборника». Тихомиров указывал, что «нельзя избегать общепринятых для русских рукописей обозначений формата: в лист, в четвертку», так как «они определяют рукопись в зависимости от того количества листов, из которого состоит тетрадь, что указывает и на расположение водяных знаков. Кроме того, для определения по старым каталогам невозможно обойтись без таких обозначений. Несогласие Тихомирова вызвало определение в Описании орнамента: «„плетенка“ для XIV в. как-то не очень ясна. Следовало бы в этих случаях пояснить». Неясно и определение «переплет XIX века». «Какой он:

доски в коже? Картонный? Или картон в коже? Ведь и в XIX в. переплетали по-разному» (№ 366, л. 1—2).

Общеизвестен выдающийся вклад М. Н. Тихомирова в изучение славяно-русской палеографии. В последние годы жизни ученый не раз выступал и писал о задачах и перспективах этой отрасли науки. К сожалению, не сохранился в архиве текст его доклада в Археографической комиссии 19 октября 1959 г. «Задачи изучения палеографии»¹². Имеются лишь краткие тезисы, содержание которых, как можно проследить в других случаях, не во всем совпадало с произнесенным докладом. Далеко не всегда можно расшифровать нередко сокращенные обозначения и записи в тезисах. Тем не менее стоит привести их изложение.

Относя в начале доклада к числу «так называемых вспомогательных исторических дисциплин» палеографию, хронологию, метрологию, нумизматику, геральдику, историческую географию, Тихомиров отверг «обычное понимание значения этих дисциплин и их вспомогательную роль». Развивая на примере нумизматики представление о самостоятельном их значении, он предлагал наименование «специальные или особые исторические дисциплины». Разделявшееся им когда-то определение задач палеографии (датировка памятников и установление их подлинности¹³). Тихомиров отверг за его «узкий характер». Приводя (в своей редакции) определение Е. Ф. Карского: «Она занимается исследованием происхождения, видоизменения и распространения письмен и всего, относящегося к последним: материала, на котором писали, способа письма, писцов и т. д.», — Тихомиров задался вопросом, «почему палеография должна заниматься лишь письменностью». В состав ее объекта должна входить и печать, с XIX в. — и машинопись. Палеография должна изучать «развитие письменности и печати» — обширную область человеческой культуры (№ 116, л. 1).

Говоря о современном развитии изучения палеографии, Тихомиров выделял в качестве достижений учебник Л. В. Черепнина, работы Е. Э. Гранстрем и М. В. Щепкиной, жаловался на отсутствие в вузах палеографических альбомов. Последнее обстоятельство он связывал с тем, что книготорговля, ведающая определением тиража изданий, нередко просто не знает, что такое палеография. Эту мысль он высказывал неоднократно. Так, при обсуждении итогов работы Отделения исторических наук в феврале 1960 г. Тихомиров говорил: «В. . . Соцэкгизе сидит или лежит альбом снимков для высшей школы по русской палеографии. Вы посмотрите, на чем занимаются палеографией наши студенты. Это обрывки истрепанных альбомов 50-летней давности. . . Я сам, не желая за это ничего получить, истратил — не буду говорить сколько, но весьма значительную сумму для того, чтобы снять эти фотографии и продвинуть их. А что сделал Соцэкгиз? Палец о палец не ударил. А когда они послали заявку в книготорг, то каковы могли быть запросы на палеографию, когда, вероятно, работники Книготорга и не знают, что такое палеография» (№ 900, д. 301, л. 82).

В целом Тихомиров считал, что состояние отечественной палеографии значительно уступает разработке этой дисциплины в таких странах, как Болгария и Югославия. Столь же малоудовлетворительным считал Тихомиров положение с изучением филигранных. Издания Лихачева и Каманина, не говоря уже об альбоме Тромонина, устарели, а новых работ в этой области не наблюдается, несмотря на то что Россия — «родина изучения водяных знаков». Отсутствуют специальные альбомы филигранных на бумаге грамот, источников, как правило датированных и позволяющих провести точное приурочение хронологии водяных знаков (№ 116, л. 1—2).

Подробно остановился Тихомиров на состоянии изучения графики письма. Если устав XIII—XIV вв. подвергался изучению, хотя и с определенными пробелами, то в отношении почерков XVI—XVII вв. происходило «постепенное опустошение палеографии», а палеографические признаки письма XVII—XVIII вв. вообще зачастую «определяются

на глазок». В качестве важнейшей задачи выдвигал Тихомиров изучение отдельных «школ писцов», а также истории переплетов. В области изучения печатных изданий им отмечены работы А. С. Зерновой. Намечая перспективы развертывания работы по палеографии XIX в. и советского периода, говоря о «решении Археографической комиссии заняться советской палеографией», Тихомиров выделил такой круг специфических проблем: «Бумага и ее особенности, штемцеля и гербы, почтовые марки. Название учреждений. Почерк и машинопись. . . Орфография и ее реформы». Тезисы заключаются пожеланием о создании «палеографического объединения при Археографической комиссии», установлении им связей со специалистами зарубежных стран (л. 2).

Помимо изданий пособий для студентов по палеографии, Тихомиров считал необходимым организовать их ознакомление с подлинными рукописями. Он писал В. Ф. Груздеву 29 мая 1956 г.: «Сейчас я задумал сделать небольшие выставки по палеографии в Университете и Историко-архивном институте из второстепенных образцов письменности, „да ведают потомки православных земли своей минувшую судьбу“. Ведь наша молодежь работает по печатным образцам, не знает, а потому и не любит древность» (№ 1104).

Сохранился любопытный текст выступления Тихомирова, показывающий, как непосредственно после крупнейшего открытия в области истории русской культуры — находки новгородских берестяных грамот — он интерпретировал значение этого открытия для развития палеографии. В докладе «О прочтении новгородских грамот» на заседании Отделения истории и философии АН СССР 8 января 1952 г. Тихомиров предостерегал, что «сравнение берестяных грамот с начертками наших рукописей, соответствующими по времени, не всегда принесет должный результат в силу особенностей письма на бересте. . . Оказывается, что сравнивать берестяные грамоты надо в основном не с рукописными книгами, в которых сложился определенный письменный пошиб, а с так называемыми деловыми грамотами, в частности с грамотами XIV и XV вв. Открытие А. В. Арциховского ставит поэтому новую проблему перед палеографией. Оно объясняет, в частности, существование так называемого русского полуустава, который до настоящего времени плохо изучен, потому что историки и лингвисты до сих пор обращают все-таки очень мало внимания на наши грамоты. . . Палеография берестяных грамот требует особого изучения. Это особый вид палеографии, довольно отличный от палеографии пергаменных и бумажных рукописей. Палеографией пергаменных и бумажных рукописей можно пользоваться, но она не всегда полностью разъяснит берестяную грамоту. Придется пользоваться еще надписями граффити и на различных деревянных и металлических предметах» (№ 104, л. 8—9).

Пристальный интерес М. Н. Тихомирова к исторической географии и многочисленные его работы в данной области достаточно известны. В архиве сохранилась неоконченная рукопись статьи «Русские географические познания о восточных странах в XIII—XV веках» (№ 38), относящаяся к 1948 г., в которой, как и в ряде опубликованных работ о восприятии средневековой России иностранцами, ученый, по существу, положил начало тому научному направлению, какое ныне выделяют в особую дисциплину — «имагологию». Статья начинается указанием, что знаменитое «Хождение за три моря» Афанасия Никитина нередко рассматривается в науке «в отрыве от той культурной среды, которая породила „Хождение“, и той политической и культурной обстановки, в которой проходило путешествие замечательного русского человека XV в.» Поэтому Тихомиров считал своей задачей изучение «тех географических познаний и устремлений, которые сложились в русских торговых и политических кругах XIII—XV вв.» (л. 1). Важный источник для такого изучения представляют сочинения западноевропейских авторов XIII—XVI вв., так как их сведения о татарах, народах Поволжья и Сибири основаны именно на русских географических познаниях о восточных странах.

Тихомиров останавливался на характеристике знаний русских о среднем и нижнем Поволжье, северо-западных берегах Каспийского моря и намеревался далее рассмотреть связи русских с народами Закавказья. Статья осталась неоконченной, но многие ее положения получили развитие в книге «Средневековая Россия на международных путях».

Являясь крупнейшим специалистом по истории древнерусских городов, Тихомиров никогда не отказывал в помощи местным краеведам, а иногда и ученым-исследователям, нередко обращавшимся к нему с просьбами уточнить дату основания того или иного города. Особенно возросло число таких обращений после выхода второго издания книги «Древнерусские города».

В январе 1956 г. в письме в редакцию Большой советской энциклопедии Тихомиров отвечал на вопрос о дате основания города Кирова. Вопрос этот представлялся ему достаточно сложным. «Нельзя настаивать на точности и достоверности даты построения Хлынова в 1181 г., хотя эта дата и не может считаться невероятной. Но, с другой стороны, нельзя и утверждать, что Хлынов, или Вятка, впервые был назван в источниках только в 1457 г.» Основание для этого — упоминание Вятки в «Списке городов дальних и ближних», который Тихомиров датировал концом XIV в. и рукопись которого относится ко времени не позднее середины XV в. «Если же праздновать первое упоминание о городе, то таковым является как мы видели, совершенно достоверное упоминание о Вятке в „Списке русских городов“, так как в остальных случаях непонятно, о чем идет речь — о городе, земле „Вятке“ или о реке Вятке и прилегающей к ней местности». Тихомиров заключал: «Во всяком случае, я стоял бы за большую старину Вятки, чем 1457 год. Почему отвергать дату 1181 г. как дату условную, мне непонятно. Ведь и дата основания Рима является легендарной. Не появился же Хлынов в 1457 г. из-под земли» (№ 14).

В ноябре того же года Тихомиров отвечал читателю газеты «Правда» Н. Г. Климову, который в своем письме в редакцию, «написанном в очень вызывающем тоне», поставил вопрос о древности г. Перемышля, будто бы существовавшего уже в VII в. В качестве доказательств Климов приводил рассказы своего отца. «Для каждого из нас, — замечал Тихомиров, — имя отца является дорогим, но рассказы наших отцов не могут служить доказательством древности городов. Ведь отец Н. Г. Климова, конечно, не мог знать о том, что происходило за 1000 лет до него, он рассказывал на основании книжек, а такие книжки во множестве издавались в разных городах и везде воспевали древность своих городов. В них и найдем такие „открытия“ мирового порядка, как рассказ о книгопечатании в Перемышле задолго до Гутенберга» (№ 15).

Отвечая в июне 1957 г. на запрос Торжковского городского комитета КПСС о времени основания города Торжка, Тихомиров также сосредоточился на выяснении достоверности источников, говоривших о крайней древности города. Тихомиров показал, что домыслы о возникновении Торжка в X в. основаны на житии Ефрема Новоторжского, возникшем, как выяснено В. О. Ключевским, в XVII в. и весьма недостоверном. «В XVII ст. никакой памяти о X или XI веке без письменного источника сохраниться не могло. И основываться на житии Ефрема нельзя, если подходить к определению вопроса о дате основания города серьезно». Тихомиров напомнил, что «Москва праздновала свое основание по первому упоминанию о ней, а поселения на ее территории существовали задолго до 1147 г.» Поэтому он не видел оснований «искать другой даты и для Торжка, современника основания Москвы». В заключение ученый выражал надежду, что «наконец будет налажено изучение истории Торжка, «истории замечательной и содержательной»» (№ 17).

На вопрос общественных организаций г. Орла о точной дате основания города Тихомиров отвечал в мае 1964 г., что о построении «города на поле на реке Орле» сообщается в Александро-Невской летописи под 1566 г. «Перед этим известием сообщаются и другие сведения, помеченные 28 октября, но эти известия не имеют прямого отношения к построению

Орла. Поэтому дата 28 октября не может считаться точной для указания времени построения Орла. Условно же можно считать датой основания города Орла октябрь 1566 г., когда и вашему хорошему городу надо праздновать юбилей» (№ 70).

Один из «юбилейных» запросов вырос для Тихомирова в целую исследовательскую тему. В апреле 1960 г. к нему обратился директор Каменец-Подольского исторического музея-заповедника Г. Н. Хотюн с просьбой уточнить дату основания г. Каменца-Подольского. Хотюн сообщил сведения из справки Института истории АН Армении (составленной В. К. Восканяном) о переселении армян на Русь в XI в., в частности в Каменец, и о возможности датировать первое упоминание об этом городе 1062 г. (№ 848, л. 15—18). В ответ Тихомиров писал: «Я получил Ваше письмо и очень рад, что Вы ко мне обратились. Тов. Восканян, написавший справку, мой ученик и человек очень серьезный. Думаю, что его сведения правильны, Каменец может теперь считать своим первым годом 1062 г. . . В силу ряда причин армяне с давнего времени жили на Украине». Тихомиров обещал подробнее выяснить дело во время научной сессии в Ереване летом 1960 г. и затем приехать в Каменец (№ 21). Действительно, в Ереване Тихомиров изучил документальное подтверждение начальной даты Каменца — грамоту князя Федора Дмитриевича. В 1962 г. он подверг критике построения Я. Р. Дашкевича, заподозрившего подлинность этой грамоты (№ 24, л. 1—5).

В октябре 1962 г. Тихомиров выступил с докладом «О начале города Каменца-Подольского» на юбилейной сессии, посвященной 900-летию города. Сокращенный текст доклада был опубликован в местной газете. В архиве хранится неоконченная рукопись этого доклада. В ней Тихомиров дал обзор трех различных точек зрения на время первого упоминания Каменца — 1062 г., 1196 г. и вторая половина XIV в. Он проанализировал летописные известия (Ипатьевская летопись упоминает Каменец в 1196 г.) и привел «неопровержимое решительное указание на то, что в летописи речь идет именно о Каменце-Подольском», найденное им у Татищева, использовавшего «какую-то южнорусскую летопись более раннего происхождения, чем Ипатьевская». Затем находим в тексте начало историко-географического обзора, как выглядело в XII в. «Понизье», страна, изобиловавшая «различного рода местечками и городками, где сидели крупные бояре, которые вели борьбу с Даниилом Романовичем Галицким» (№ 24, л. 7—8). Как результат работы по изучению времени возникновения Каменца можно рассматривать поправку, внесенную Тихомировым в экземпляр второго издания книги «Древнерусские города», где в главе «Появление новых городов в XI—XIII вв.» Каменец (с датой 1196 г. и ссылкой на Ипатьевскую летопись) перенесен в более раннюю группу городов, перед Каневом (№ 16, с. 37, 41).

Сочетание глубоких познаний в исторической географии, топонимике с детальным исследованием источников обеспечивало решение Тихомировым чисто «краеведческих» вопросов на высоком научном уровне. Само краеведение становилось особой научной дисциплиной.

При характеристике вклада М. Н. Тихомирова в историческую библиографию не должен быть обойден вниманием его отзыв о рукописи библиографического указателя советской литературы по истории СССР, написанный в декабре 1952 г. (№ 306), где ученый сформулировал свое понимание некоторых принципов и методов исторической библиографии. Отмечая чрезвычайную пользу подобного указателя для советской исторической науки, «в особенности для высшей школы и тех читательских кругов, которые занимаются своим самообразованием», Тихомиров замечал, что оценивает эту работу особенно высоко, «как человек, в свое время непосредственно работавший по библиотечному делу и знающий, сколько труда вкладывается в составление указателей и каталогов» (л. 10). Вместе с тем Тихомиров сделал замечания; часть из них — общего характера.

Как крупный недостаток он оценил «смещение в общую кучу больших и малых работ, обширных и специальных монографий с газетными стать-

ями, явление довольно частое в библиографии». В общем отделе указателя вследствие этого оказались перечисленными случайные работы, нередко «популярные», в худшем значении этого слова, вроде книжки «От ямщика до самолета». В результате «ни один историк в своей работе не сумеет воспользоваться большинством указаний общего отдела» (л. 11). Следовало включить в него «крупные монографии общего типа не в хронологическом порядке, но в пределах выпуска 1-го», такие книги, как «Киевская Русь» Б. Д. Грекова, «Образование Великорусского государства» А. Е. Преснякова. «Количество таких книг совсем не так велико, а значение их гораздо больше, чем мелких статей с общим названием и содержанием» (л. 11—12).

Восставал Тихомиров против произвольной систематизации работ историков в библиографическом указателе, в результате которой, например, «почему-то главное внимание обращается на мелкие заметки по истории Москвы и других городов, а большие работы объявляются специальными» (л. 12). Он считал необходимым ввести в библиографическую работу «принцип установления общих статей и монографий», отвечающий реальному историографическому значению этих работ (л. 13).

Завершая рассмотрение материалов по специальным историческим дисциплинам в рукописном наследии М. Н. Тихомирова, стоит привести высказывание его о перспективах такой формы организации науки, как исторические общества. В письме к П. М. Горшкову 15 сентября 1956 г. ученый писал: «Чуть было не забыл ответить Вам по вопросу об Историческом обществе. Это дело тонкое. Раньше существовали общества по отдельным историческим вопросам: военно-историческое, нумизматов, любителей древней письменности и т. д. Думаю, что и сейчас речь должна идти о таких „отраслевых“ обществах, иначе дело может обернуться претензиями, а не делом» (№ 1101).

Сохранилось значительное количество разнообразных материалов, характеризующих отношение М. Н. Тихомирова к вопросам охраны памятников истории и культуры. Рассмотрим только некоторые из них.

В дополнение к известным фактам выступлений Тихомирова за организацию государственной охраны рукописных памятников следует привести его высказывания об охране рукописных фондов. На заседании бюро Отделения исторических наук АН СССР 8 февраля 1954 г. он поднял «вопрос об охране рукописных фондов. Охраняются архитектурные памятники и пр., а рукописные фонды никак не охраняют». Речь шла о тех рукописях, которые поступают в архивы, и о тех, которые «остаются на местах» (№ 810, л. 11). В начале лета того же года Тихомиров писал в Президиум АН СССР о «значительном неблагополучии с хранением древних русских, западноевропейских и восточных рукописных материалов в институтах Академии. Важнейшим недостатком в постановке хранения древних рукописей является отсутствие *постоянных*, специально приспособленных и надлежащим образом оборудованных для хранения архивных материалов помещений, которые должны быть представлены для этой цели по крайней мере не на один десяток лет». Связанные с этим положением переезды из помещения в помещение не только «недопустимы. . . с точки зрения строжайших требований сохранности архивных материалов», но иногда ведут к утере ценнейших рукописей. Тихомиров требовал также ввести в штаты институтов реставраторов, переплетчиков, фотографов, расширить производственные возможности ЛКРД (№ 829, д. 376, л. 55—56).

Предметом особой заботы Тихомирова было состояние Архива АН СССР, сохранение документальных памятников отечественной науки и использование их в интересах дальнейшего научного прогресса. В феврале 1954 г. в докладной записке в Президиум АН СССР Тихомиров обосновал значение ААН как научно-исследовательского учреждения и юридические основания его самостоятельного положения в составе Государственного архивного фонда: «В отличие от обычных архивов ведомственного типа Архив Академии наук СССР представляет собой не только хранилище

ценнейших документов по истории русской науки и техники, входящих в золотой фонд первоисточников нашей страны, но и научно-исследовательское учреждение, разрабатывающее хранимые им научные ценности и делающее их достоянием масс исследователей разных областей знания.

При подписании В. И. Лениным 1 июня 1918 г. Декрета о реорганизации и централизации архивного дела в нашей стране, в силу которого все старые, полностью сохраненные архивы образовали единый Государственный архивный фонд, Академии наук. . . было разрешено оставить у себя на хранение все имеющиеся у нее документальные ценности. Накопленные АН СССР архивные материалы составляют часть Государственного архивного фонда и взяты на учет ЦАУ МВД СССР. Ввиду того что ЦАУ МВД СССР в настоящее время разрабатывает Положение о Государственном архивном фонде, необходимо в этом Положении вновь отметить преимущественное право хранения и использования Академией наук своих материалов» (№ 829, д. 329, л. 41).

Описав в декабре того же года в письме президенту АН СССР А. Н. Несмеянову бедственное положение Московского отделения ААН, Тихомиров настаивал на предоставлении ему нового помещения (№ 829, д. 376, л. 69—70).

В документы, регламентирующие хранение документов в Академии наук, Тихомиров вносил поправки, смысл которых был в том, чтобы сохранить как можно больше исторических источников. Так, рассмотрев «Перечень документальных материалов АН СССР, учреждений и организаций ее системы с указанием сроков хранения» (1953—1954 гг.), Тихомиров писал: «Перечень составлен очень тщательно, но должен быть пересмотрен в сторону увеличения материалов, подлежащих постоянному хранению. Эти материалы, возможно, не имеют большого значения для текущей работы, но они будут крайне интересны для будущих историков Академии наук СССР. К их числу относятся второстепенные документы (доклады и записи с мест и пр.). . . Как раз такие документы имеют особый интерес для историков» (№ 897, л. 4). В резолюции на копии письма директора ААН Г. А. Князева к его заместителю Ф. Д. Герману от 5 марта 1954 г. Тихомиров указал, что ААН должен хранить не 10, а 25 или больше типографских экземпляров планов и отчетов АН СССР, так как «подобные документы необходимы для будущей работы, и они со временем приобретут большую ценность как источник» (ААН, ф. 457, оп. 1—54, д. 376, л. 1).

Не меньшую заботу проявлял Тихомиров о сохранении памятников архитектуры, искусства, культуры народа. В апреле 1955 г. вместе с другими членами Отделения истории Тихомиров направил письмо в Президиум АН СССР о необходимости срочно организовать спасение памятников русской народной архитектуры. В нем говорилось: «Значительная часть наиболее ярких и самобытных памятников русской культуры Поволжья. . . оказывается в зоне затопления Чебоксарской ГЭС. В северных областях (Вологодской и Архангельской), а также в Карело-Финской АССР, наиболее богатых этнографическим и искусствоведческим материалом, по разработанному проекту энергетического использования водных ресурсов рек Онеги и Водлы в зону затопления попадает более 400 древнейших селений. На территории этих селений расположены десятки выдающихся памятников деревянной архитектуры XVII—XVIII вв., состоящих на государственном учете и охране. . .

Необходимо принять срочные меры для сохранения всех этих памятников деревянного зодчества, быта и искусства, ибо они могут быть навсегда утеряны для истории культуры нашего народа». Ученые предложили «организовать специальный музей-этнопарк в Москве, на территории которого можно было бы сосредоточить под открытым небом перевезенные сюда из зон затопления наиболее выдающиеся образцы русского народного зодчества, быта, прикладного искусства, наиболее крупные археологические находки». Они указывали, что «подобные музеи народной культуры и быта существуют почти во всех европейских странах. . .

и служат стационарами научно-исследовательских учреждений. Создание такого музея на территории нашей Родины является долгом и честью советских ученых» (№ 840).

Много сделал М. Н. Тихомиров для признания памятниками истории и охраны таких объектов, которые раньше не входили в эту категорию. Он выступил с инициативой охраны полей наиболее выдающихся сражений, где проявился героизм русского народа: Ледового побоища, Куликовской и Бородинской битв. Выступая на торжественном заседании в ознаменование 145-летия Бородинского сражения 6 сентября 1957 г., Тихомиров говорил: «Наша родная Коммунистическая партия и родное Советское правительство всемерно заботятся о Бородинском поле и о сохранении его замечательных памятников. Построены новые дороги, связывающие памятные места Бородинского поля, реставрируются памятники. . . Неиссякаема любовь советского народа к Бородинскому полю, этому великому национальному памятнику» (№ 75, л. 2).

Патриотизм в понимании Тихомирова неотделим от любви к родному прошлому, от естественного для человека почитания предков, приобретающего в контексте культуры форму сбережения памятников в тесном смысле — мест захоронения выдающихся людей Отчизны. В августе 1956 г. Тихомиров отвечал начальнику управления культуры Тульского Совета М. Лобанову «относительно источников, указывающих места захоронения русских воинов, которые принимали участие в Куликовской битве»: «В летописях я не встречал таких указаний. Однако древние предания, на которые Вы ссылаетесь, вполне вероятны. Надо очень внимательно отнестись к тому району, о котором идет речь в источниках, и, может быть, даже произвести разведывательные работы. Просьба сообщить в Отделение исторических наук АН СССР, приняты ли меры по охране возможного места захоронения русских воинов» (№ 835, ф. 457, оп. 1—56, д. 486, л. 113).

В марте того же года Тихомиров составил докладную записку о «Московском некрополе», в которой говорилось: «Москва является местом захоронения многих замечательных государственных, научных и общественных деятелей, писателей, художников, военных и т. д. Сохранение оставшихся могил видных деятелей нашей Родины, похороненных на территории Москвы, дело совершенно необходимое.

Для этой цели необходимо прежде всего взять на учет все существующие могилы видных деятелей нашей Родины, похороненных в пределах Москвы, сохранить памятники, поставленные на их могилах, и дать их описание. Последней задаче и должно отвечать издание «Московского некрополя», что будет лучшим методом охраны могильных памятников». Тихомиров наметил конкретный план осуществления такого издания (№ 858).

Существенным дополнением к материалам собственно научного и научно-публицистического наследия академика М. Н. Тихомирова служат сохранившиеся в архивном фонде неопубликованные отзывы о нем ученых — его современников, друзей, учеников. Это и обращенные к Тихомирову письма, и отзывы об отдельных работах и научной деятельности в целом, и воспоминания. Приведем несколько выдержек из этих материалов.

В отзыве о научных работах М. Н. Тихомирова в связи с выдвижением его кандидатуры в члены-корреспонденты АН СССР (1946 г.) С. Д. Сказкин писал, что Тихомиров, один из выдающихся специалистов по отечественной истории, должен быть признан «лучшим источниковедом из всех советских историков». Он «сделал для Русской Правды то же, что для летописей в свое время А. А. Шахматов» (№ 719).

В отзыве о научной деятельности М. Н. Тихомирова от 7 октября 1953 г. И. Э. Грабарь писал: «М. Н. Тихомиров является после смерти академика Б. Д. Грекова вне всякого сомнения крупнейшим историком феодального периода Руси. . . В его многочисленных трудах. . . счастливо сочетается точность и безупречность объективного исследования, осно-

ванного на долголетних летописных и архивных разысканиях, с исключительным искусством их толкования и обыгрывания, что приводит к чрезвычайной убедительности и доказательности выдвигаемых положений. . . Он знает всю подноготную Руси, но не как сторонний зритель и исследователь, а как кровный сын своей Родины, беззаветно ее любящий» (№ 725).

А. В. Арциховский писал М. Н. Тихомирову после избрания его академиком 23 октября 1953 г.: «Ваше избрание — это чистое вознаграждение ученых заслуг. Вспоминаю теперь Ваши книги о Русской Правде, о городах, о Москве и др., вспоминаю Ваши статьи и Ваши публикации. Я всегда думал, что хотя бы потомки оценят значение Ваших трудов. Оказывается, оценили и современники. Вы в Академии наук теперь единственный историк древней Руси, Вы заняли место, которое занимали Соловьев и его преемники, а перед Вами занимал Греков. Вы достойным образом продолжили блестящую цепь» (№ 1309, л. 11).

А. М. Панкратова говорила на общем собрании Отделения исторических наук АН СССР 24 октября 1953 г. в связи с выдвижением кандидатуры М. Н. Тихомирова на должность академика-секретаря Отделения: «Михаила Николаевича я знаю много лет. . . работала с ним на разных должностях, в разное время. Знаю его лично как человека, знаю его как ученого и думаю, что Михаил Николаевич, человек скрупулезно честный, с высоким чувством ответственности за порученное ему дело, будет нести очень трудные и ответственные обязанности академика-секретаря самым наилучшим образом» (№ 726).

На том же собрании В. П. Волгин сказал: «М. Н. Тихомиров, по-моему, имеет одно совершенно необходимое достоинство, без которого нельзя себе представить хорошего руководителя Отделения исторических наук и которое ему присуще в высокой степени: он страстно любит свою науку и он готов (мне кажется, я совершенно правильно понимаю Михаила Николаевича) отдать все свои силы на ту работу, при помощи которой он будет содействовать правильному развитию и процветанию этой любимой им науки» (№ 727).

Н. М. Дружинин добавил: «Именно Михаил Николаевич с разносторонностью его интересов, с целым рядом научных трудов, охватывающих разные периоды нашей истории и разнообразные вопросы, может выполнять эти функции. Его бескорыстие, его благородное самоотверженное служение науке. . . являются порукой тому, что М. Н. Тихомиров действительно является наилучшим кандидатом для занятия этой должности» (№ 728).

В отзыве о рукописи книги «Крестьянские и городские восстания на Руси в XI—XIII вв.» в мае 1954 г. Б. А. Рыбаков писал: «Труд М. Н. Тихомирова написан увлекательно и общедоступно; это пример в высшей степени удачного сочетания глубокой научности с простотой и ясностью изложения, делающими это исследование доступным широким массам советской интеллигенции. . . Во всей книге сказывается колоссальная эрудиция автора, приводящего множество новых и по-новому осмысленных фактов, привлеченных из самых разнородных источников. . . Методологические установки автора основаны на глубоком знании марксистско-ленинской теории. Автор не отрывает классовую борьбу от исторического процесса в целом и тщательно анализирует производительные силы древней Руси и положение крестьянства» (№ 695).

Один из участников университетского семинара М. Н. Тихомирова, О. В. Кудрявцев, писал ему 25 апреля 1950 г. о своих впечатлениях от занятий ученого: «Мне всегда очень отрадно вспоминать занятия, которые Вы с нами проводили на 1 курсе и которые помогли мне найти правильное отношение к источнику. . . Я всегда испытывал к Вам глубокую благодарность за Ваше руководство моим первым докладом по истории» (№ 1528).

В слове памяти М. Н. Тихомирова в 1965 г. Н. Н. Воронин говорил: «Этот, кажется, физически непрочный и болезненный человек обладал поистине кремневым характером и умел побеждать. Побеждать не чинами и званиями, а непреклонной волей ученого, верой в свою правоту, высо-

жим сознанием того, что Русь стала не вчера, что наше сегодня стоит на фундаменте веков, что изучение многовекового прошлого русского народа не прихоть книжного червя, а патриотический долг русского учено-гражданина. Изучение истории древней Руси и ее культуры — вовсе не „уход в прошлое“, а воскрешение этого прошлого, его возврат сегодняшнему дню и коммунистическому завтра. Народ без прошлого — не народ, страна без прошлого — не родина» (№ 734, л. 3).

Выступая с воспоминаниями о М. Н. Тихомирове на открытии выставки его памяти в ААН 1 июня 1966 г., М. Т. Белявский рассказывал, что познакомился с ним еще до войны и знал его как коллегу по преподаванию географии. После войны, демобилизовавшись из армии, Белявский увидел Тихомирова уже в кабинете декана исторического факультета МГУ. «Михаил Николаевич долго разговаривал со мной, не подавая вида, что мы знакомы, расспрашивал о планах, интересах. А когда я выходил от него, Михаил Николаевич сказал: „Хорошо, если историк знает географию, но это в том случае, если он любит историю, а если он не любит истории, то тогда безразлично, знает ли он географию или еще что-либо“» (№ 742).

Безраздельная, самоотверженная любовь к истории родной страны, к работе историка — основная и определяющая черта сложного характера Михаила Николаевича Тихомирова. Перед 70-летием, подводя в известной мере итоги своего жизненного дела, он писал В. И. Малышеву: «Да, вероятно, я написал, после покойного Б. Д. Грекова больше любого гуманитарного академика. Но велика ли заслуга у птицы, если она поет. А для меня лучшие часы мои жизни, когда я работаю. И это мне дано». И в другом письме: «Хочется думать, что ты сделал не мало, а истина остается тут же: сделал много по сравнению с другими, сделал мало по сравнению с тем, что мог бы сделать. . .» (№ 1178, 1189).

Настоящий обзор далеко не исчерпывает богатого содержания рукописного наследия академика М. Н. Тихомирова. Надо надеяться, что продолжится введение в обиход науки этого ценнейшего наследия, что рукописные материалы будут сопоставлены с печатными работами историка. Дальнейшее изучение всей совокупности трудов М. Н. Тихомирова должно составить историковую основу его научной биографии.

¹ Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР: Научное описание / Сост. И. П. Староврова. М., 1974.

² Шмидт С. О. Памяти учителя: (Материалы к научной биографии М. Н. Тихомирова). — АЕ за 1965 год. М., 1966.

³ Шмидт С. О. О наследии академика М. Н. Тихомирова. — ВИ, 1983, № 12, с. 115—123; см. также библиографию работ о М. Н. Тихомирове в наст. изд.

⁴ Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975, с. 261—273.

⁵ Статья опубликована в 1950 г., переиздана в кн.: Тихомиров М. Н. Древняя Русь, с. 22—41, 411.

⁶ В 1956 г. в статье «О молодых ученых и исследовательской работе» Тихомиров писал о недопустимости нигилистического отношения к крупнейшим русским революционным историкам (см.: Новое о прошлом нашей страны: Памяти акад. М. Н. Тихомирова. М., 1967, с. 10). Несколькими годами позднее, в июне 1963 г., Б. Б. Кафенгауз писал М. Н. Тихомирову: «Давно следовало бы общими силами отказать от отрицания больших научных заслуг» Н. П. Павлова-Сильванского. «Помните ли Вы, как Б. Д. Греков в Свердловске на заседании кафедры в университете осенью 1942 г. называл

себя и свое поколение русских историков „детьми Шахматова и Павлова-Сильванского?“» (№ 1486, л. 29).

⁷ Опубликованы только тезисы в кн.: Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры: Науч. конф. МГУ. М., 1944, с. 68—69.

⁸ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР: С древнейшего времени до конца XVIII в. М., 1962, вып. 1, с. 150.

⁹ Экземпляр ее находится в фонде Н. Л. Рубинштейна (ОР ГБЛ, ф. 521, карт. 30, д. 4).

¹⁰ Эти части программы рассмотрены Е. В. Чистяковой в статье «Письменный источник в трудах академика М. Н. Тихомирова» (История СССР, 1983, № 5, с. 122—130).

¹¹ Чирков С. В. Записка М. Н. Тихомирова 1937 г. о задачах историко-архивного образования. — АЕ за 1982 год. М., 1983.

¹² Хроникальная заметка о докладе опубликована: АЕ за 1959 год. М., 1960, с. 353.

¹³ В конспект по палеографии 1934 г. (№ 143, 144) вошло подобное определение, почерпнутое Тихомировым, как видно из его помет, в учебнике А. И. Соболевского «Славяно-русская палеография» (СПб., 1901).

И. Е. Тамм

**ЛИТЕРАТУРА 1963—1983 гг. О ЖИЗНИ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. Н. ТИХОМИРОВА**

Число работ о жизненном и творческом пути, о научном наследии в целом и отдельных трудах основателя Археографической комиссии академика Михаила Николаевича Тихомирова (1893—1965) значительно пополнилось в последние два десятилетия. Предлагаемый вниманию читателей список этих работ свидетельствует о продолжающемся настойчивом и плодотворном изучении различных сторон творческой биографии М. Н. Тихомирова.

Раскрыть широту его научных интересов помогает и ряд сборников статей, посвященных памяти ученого (в список включены из их состава лишь материалы непосредственно о М. Н. Тихомирове). Это следующие книги: «Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография» (отв. ред. В. Д. Королюк. М., 1966), подготовленная Институтом славяноведения АН СССР, где ученый трудился в последние годы своей жизни; «Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова» (ред. колл.: В. А. Александров, М. Т. Белявский, Ю. О. Бем, А. В. Муравьев, С. О. Шмидт. М., 1967), включающая перепечатку нескольких статей М. Н. Тихомирова, посвященных воспитанию кадров историков, и статьи его учеников по темам, разрабатывавшимся ими под его научным руководством; «Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока» (под ред. А. П. Окладникова и Ф. А. Лукинского. Новосибирск, 1968, вып. 1) — с именем М. Н. Тихомирова связано создание и развитие здесь крупных научных центров; «Летописи и хроники. 1976 г. М. Н. Тихомиров и летописание» (отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1976), посвященная изучению летописных памятников — одной из главнейших тем в творчестве М. Н. Тихомирова.

Настоящий список не ставит перед собой историографических задач; выявление посвященных М. Н. Тихомирову разделов в работах различной проблематики представило бы несомненную и особую ценность¹.

Список² включает литературу, дополняющую известные библиографические материалы, опубликованные в кн.: «Михаил Николаевич Тихомиров» (Вступ. ст. В. И. Шункова. Библиогр. сост. Р. И. Горячевой. Материалы к библиографии ученых СССР. Сер. ист. М., 1963, вып. 6). При подготовке его в основу были положены материалы картотек справочно-библиографического отдела Института истории СССР АН СССР и отдела библиографии ученых СССР ИНИОН АН СССР, любезно предоставленные для ознакомления, за что составитель настоящего списка приносит большую благодарность. Названия работ расположены в следующем порядке: энциклопедические, словарные и справочные статьи; юбилейные материалы; некрологи, другие мемориальные материалы; статьи об ученом и его творческом наследии; рецензии на его труды. Внутри этих групп названия приводятся в хронологически-алфавитной последовательности.

¹ О таких работах нами приводятся выборочные данные с указанием в скобках страниц, посвященных М. Н. Тихомирову.

² В него не вошли материалы, публикуемые в наст. изд.

Тихомиров Михайло Миколайович. — Укр. рад. енциклопедія. Київ, 1963, т. 14, с. 414.

Tikhomirov Mikhail Nikolaevich. — The international who's who, 1961—1962. London, 1963, p. 964.

Тихомиров Михаил Николаевич. — Энцикл. словарь: В 2-х т. М., 1964, [т.] 2, с. 505.

Тихомиров Михайло Миколайович. — Укр. рад. енцикл. словник. Київ, 1968, т. 3, с. 484.

Tichomirov Michail N. — Wielka encyklopedia powszechna. PWN. Warszawa, 1968, t. 11, s. 524.

Тихомиров Михайло Миколайович. — В кн.: Гуржий І. О., Петренко В. С. Видатні рад. історики. Київ, 1969, с. 214—216.

Tichomirov Michail Nikolaevič. — Das Große Duden—Lexikon in acht Bänden. 2 Aufl. Mannheim, 1969, Bd. 8, S. 133.

Тихомиров Михаил Николаевич (фонд 693). — В кн.: Архив Академии наук СССР; Обзорение архивных материалов. Л., 1971, т. 6, с. 163—168 (ТААН; Вып. 24).

Тихомиров Михайло Миколайович. — Рад. енциклопедія Історії України. Київ, 1972, т. 4, с. 274—275.

Tichomirov Michail N. — Leksykon PWN. Warszawa, 1972, s. 1189.

Тихомиров Михаил Николаевич (1893—1965) — В кн.: Корнеев С. Г. Советские ученые — почетные члены иностранных научных учреждений. М., 1973, с. 103.

Шmidt С. О. Тихомиров Михаил Николаевич. — СИЭ. М., 1973, т. 14, стб. 246—247.

Тихомиров Михаил Николаевич. — В кн.: Религия и церковь в истории России: (Советские истории о православной церкви в России). М., 1975, с. 253.

Тихомиров Михаил Николаевич. — БСЭ. 3-е изд. 1976, т. 25, с. 595.

Тихомиров Михаил Николаевич. — В кн.: Москва: Энциклопедия. М., 1980, с. 603.

Тихомиров Михаил Николаевич. — Сов. энцикл. словарь. М., 1980, с. 1344.

Тихомиров Михаил Николаевич (1893—1965) — В кн.: Корнеев С. Г. Советские ученые — почетные члены научных организаций зарубежных стран. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981, с. 132.

Тихомиров Михаил Николаевич (1893—1965). — В кн.: Историки-слависты СССР. М., 1981, с. 158.

Тихомиров Михаил Николаевич — Книговедение: Энцикл. словарь. М., 1982, с. 533.

* * *

Вогдан Д. П. Труды академика М. Н. Тихомирова в Румынской Народной Республике. — ВИ, 1963, № 6, с. 204—206.

К 70-летию академика М. Н. Тихомирова. — ВА, 1963, № 2, с. 133.

К 70-летию почетного члена Общества академика М. Н. Тихомирова: [Поздравление Совета Об-ва истории, археологии и этнографии при Казан. гос. ун-те]. — Труды Об-ва истории, археол. и этногр.

при Казан. гос. ун-те, 1963, № 1 (36), с. 138.

Семидесятилетие академика М. Н. Тихомирова. — История СССР, 1963, № 5, с. 230.

Шунков В. И. К семидесятилетию академика М. Н. Тихомирова. — ВИ, 1963, № 6, с. 99—106.

Neubauer H. Michael Nikolaevič Tichomirov. Zum 70. Geburtstag. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1963, Hf. 4, S. 637—638.

Лимонов Ю. А. Сборники статей в честь 70-летия академика М. Н. Тихомирова: [Историогр. обзор]. — История СССР, 1964, № 2, с. 176—180.

Буганов, В. И. Михаил Николаевич Тихомиров. — ИЗ. М., 1965, т. 76, с. 292—307.

Шунков В. И. Академик М. Н. Тихомиров: (К 70-летию со дня рождения). — В кн.: Шунков В. И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974, с. 295—309³.

* * *

Академик Михаил Николаевич Тихомиров (1893—1965) — ВА, 1965, № 4, с. 116—117.

Академик Михаил Тихомиров (1893—1965). — Исторически преглед. София, 1965, год XXI, кн. 6, с. 137—138.

Александров В. А. Памяти академика М. Н. Тихомирова — СЭ, 1965, № 6, с. 138—141.

Дмитриев Л. А. М. Н. Тихомиров: (Некролог). — ТОДРЛ. М.; Л., 1965, т. 21, с. 397.

Зевакин М. И. М. Н. Тихомиров: [Некролог]. — В кн.: Вопросы истории Чувашии. Чебоксары, 1965, с. 277, 278 (Учен. зап. Науч.-исслед. ин-та при СМ ЧувАССР; Вып. 29).

Зимин А. Памяти Михаила Николаевича Тихомирова. — ИЗ. М., 1965, т. 78, с. 272—276.

Королюк В. Д., Рогов А. И. Михаил Николаевич Тихомиров: [Некролог]. — Сов. славяноведение, 1965, № 6, с. 105—106.

Памяти М. Н. Тихомирова. — История СССР, 1965, № 5, с. 217—222.

Труды академика М. Н. Тихомирова. — Там же, с. 222—232.

Памяти М. Н. Тихомирова. — Лит. газ. 1965, 7 сент. (Подпись: группа товарищей).

М. Н. Тихомиров: [Некролог]. — ВАН, 1965, № 10, с. 135.

Михаил Николаевич Тихомиров: [Некролог]. — ВИ, 1965, № 11, с. 216—217.

М. Н. Тихомиров: [Некролог]. — Изв. 1965, 4 сент.

М. Н. Тихомиров: [Некролог]. — Правда, 1965, 5 сент.

Хачикян Л. С., Восканян В. К. М. Н. Тихомиров: [Некролог]. — Ист.-филол. журн. АН АрмССР. Ереван, 1965, № 4 (31), с. 290—292. На арм. яз.

³ Перепечатка из кн.: Проблемы общественно-политической истории России в славянских странах: Сб. ст. к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963, с. 5—16.

Археографический ежегодник за 1965 год: Посвящается памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1966. 384 с.

Из содерж.: Рыбаков Б. А. Михаил Николаевич Тихомиров, с. 3—6; Шмидт С. О. Памяти учителя: (Материалы к научной биографии М. Н. Тихомирова), с. 7—30; Рогов А. И., Покровский Н. Н. Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР (г. Новосибирск), с. 162—172; Долобанова Н. А., Шеламанова Н. Б. К биографии академика М. Н. Тихомирова: [Об автографах и дарственных надписях на книгах его библиотеки], с. 173—175; Левшин Б. В. Выставка документальных материалов, посвященных академику М. Н. Тихомирову, с. 176; Павлов-Сильванский В. Б. Деятельность Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР за 1965 г.: [О кончине, похоронах председателя Археографической комиссии академика М. Н. Тихомирова и совместном заседании Отделения истории АН СССР и Археографической комиссии, посвященном его памяти], с. 377—380.

Асатурова М. И. Памяти академика М. Н. Тихомирова: [О совместном заседании Отделения истории АН СССР и Археографической комиссии 25 января 1966 г.]. — ВИ, 1966, № 5, с. 149—150.

Беляевский М. Т. Памяти большого ученого — Вестн. МГУ. Сер. 9, История, 1966, № 1, с. 3—16.

Левшин Б. В. Постоянная выставка в Архиве АН СССР, посвященная академику М. Н. Тихомирову. — Сов. славяноведение, 1966, № 5, с. 117—118.

Покровский Н. Н. Памяти Михаила Николаевича Тихомирова. — Изв. СО АН СССР, 1966, т. 1, Сер. обществ. наук, вып. 1, с. 143—144.

Рогов А. И. Памяти академика М. Н. Тихомирова — Сов. археология, 1966, № 2, с. 3—9.

Щепкина М. В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893—1965). — Slavia. Praha, 1966, гоc. XXXV, seš. 2, s. 339—342.

Гусатинский М. Истфак, Тихомировская: [О переименовании Большой исторической аудитории в Тихомировскую]. — Моск. ун-т, 1967, 26 мая.

Новое о прошлом нашей страны: Памяти акад. М. Н. Тихомирова. Учителю — ученики. М., 1967. 392 с.

Из содерж.: [Посвящение], с. 5—6; Жизнь и деятельность М. Н. Тихомирова: Библиография / Сост. Б. Н. Флоря, с. 19—20; Бем Ю. О. Внешние признаки печатных изданий первых лет Советской власти: (Постановка вопроса), (с. 364—365); Костина Р. В. К вопросу об исследовании машинописных текстов первых лет Советской власти (с. 380).

Памяти Михаила Николаевича Тихомирова: [Некролог]. — Византийский вестник. М., 1967, т. 27, с. 360—362.

Покровский Н. Н. Михаил Николаевич Тихомиров. [Посвящение]. — В кн.: Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1968, вып. 1, с. 3—4.

Памяти Михаила Николаевича Тихомирова. — Ежегодник ГИМ, 1965—1966. М., 1970, с. 236—237.

В Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. [Открытие мемориальной доски М. Н. Тихомирову 24 мая 1974 г.]. — АЕ за 1974 год. М., 1975, с. 378.

[О мемориальной доске на доме, где жил М. Н. Тихомиров с 1954 по 1965 г. — Котельничская наб., д. 1/15]. — В кн.: Песков О., Низковская Н., Ададурова Л. Память, высеченная в камне: Мемориальные доски Москвы. М., 1978, с. 140.

[Об улице Тихомирова, названной в 1967 г., — в северной части Москвы, в Медведково]. — В кн.: Имена московских улиц. Изд. перераб. и доп. / Под общ. ред. А. М. Пегова. М., 1979, с. 441.

[Об увековечении памяти М. Н. Тихомирова: наименовании улицы в Москве, называющей аудитории на ист. фак. в МГУ; установлении мемориальных досок на доме, где он жил, и в аудитории МГУ]. — В кн.: Беляевский М. Т. Их имена увековечены в Москве: Ученые и питомцы Моск. ун. М., 1980, с. 51—52.

* * *

Королюк В. Д., Рогов А. И. Михаил Николаевич Тихомиров — историк славянских народов и славяно-германских отношений. — В кн.: Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М., 1966, с. 3—9.

[Беляевский М. Т., Шмидт С. О.] От редакции — В кн.: Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968, с. 5—9.

[Александров В. А.] От редакции. — В кн.: Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969, с. 5—10.

Беляевский М. Т. [Вступит. ст. к публ.]: Тихомиров М. Н. О значении исторической науки. — Вестн. МГУ. Сер. 9, История, 1969, № 1, с. 92.

[Бромлей Ю. В., Рогов А. И.]. — Предисловие. — В кн.: Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с. 5—14.

Покровский Н. Из дали веков: [О рукописях, подаренных М. Н. Тихомировым, и археографических экспедициях в Сибири]. — Правда, 1969, 8 июля.

Рогов А. И. Труды М. Н. Тихомирова по славяноведению: (К 75-летию со дня рождения). — Сов. славяноведение, 1969, № 2, с. 79—83.

Хохлов Р. Основатель музея. — Путь Ильича, Дмитров, 1969, 15 июля.

Чистякова Е. В. М. Н. Тихомиров как палеограф: [Тезисы докл.]. — В кн.: Научн. конференция «Состояние и задачи изучения вспомогательных исторических дисциплин». Л., 1969, с. 15—16. Археогр. комис. при ОИ АН СССР, ЛОИИ.

Шаскольский И. П. Историческая география в трудах М. Н. Тихомирова: [Тез. докл.]. — Там же, с. 17—18.

Адрианова-Перетц В. П. [Вступит. ст. к публ. И. П. Старовойтовой плана монографии М. Н. Тихомирова о посадской

литературе XVII в.]. — ТОДРЛ. Л., 1970, т. 25, с. 319—320.

Александров В. А. Принципы научно-педагогической деятельности М. Н. Тихомирова. — АЕ за 1968 год. М., 1970, с. 325—336.

Муравьев А. В. Спецкурс М. Н. Тихомирова «Приказное делопроизводство в XVII в.». — Там же, с. 318—324.

Рогов А. И. Труды М. Н. Тихомирова по славяноведению. — Там же, с. 324—325.

Староверова И. П. Фонд М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР. — Там же, с. 304—314.

Хохлов Р. Ф. М. Н. Тихомиров и Дмитровский музей. — Там же, с. 315—318.

Шмидт С. О. Вступительное слово: [Тихомировские чтения 1968 г.]. — Там же, с. 300—304.

Альтман В. В. Тихомировские чтения. — ВАН, 1970, № 9, с. 140—142.

Тихомировские чтения 1970 г.: Материалы науч. конф., посвященной опыту организации археограф. экспедиций в РСФСР. М., 1970. 198 с.

Из содерж.: Павлов-Сильванский В. Б. М. Н. Тихомиров — организатор археографических экспедиций, с. 28—34; Бем Ю. О. [Выступление в прениях об археографических поисках под руководством М. Н. Тихомирова], с. 153—155; Рогов А. И. [Выступление в прениях об организации и методике археографического поиска под руководством М. Н. Тихомирова], с. 155—157.

Чистякова Е. В. М. Н. Тихомиров как палеограф-педагог. — АЕ за 1969 год. М., 1971, с. 212—217.

Шаскольский И. П. Историческая география в трудах М. Н. Тихомирова. — Там же, с. 218—225.

Павлов-Сильванский В. Б. М. Н. Тихомиров — организатор археографических экспедиций. — АЕ за 1970 год. М., 1971, с. 244—263.

Буганов В. И. Об издании русских летописей. — АЕ за 1971 год. М., 1972, (с. 17, 19—21, 24, 26, 27).

Староверова И. П. [Вступит. ст. к публ.]: Доклад М. Н. Тихомирова 1960 г. о составлении Сводного каталога древних рукописей. — Там же, с. 368—372.

Курнов А. А. Тихомировские чтения, [посвященные 80-летию со дня рождения М. Н. Тихомирова]. — ВАН, 1973, № 9, с. 121—122.

Шмидт С. О. От редакции. — В кн.: Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII вв. М., 1973, с. 5—10.

Беляевский М. Т. Выступление М. Н. Тихомирова на совещании о работе музеев Московского Кремля 20 января 1955 г. [Вступит. ст. к публ.]. — АЕ за 1972 год. М., 1974, с. 350—351.

Буганов В. И. М. Н. Тихомиров как исследователь русского летописания. — АЕ за 1973 год. М., 1974, с. 173—177.

Копальченко И. Д. М. Н. Тихомиров — основатель и руководитель кафедры источниковедения Московского университета. — Там же, с. 181—182.

Тихомировские чтения 1973 г. Хроника заседания. [Шмидт С. О. О многогранности научного творчества, организатор-

ском и популяризаторском мастерстве М. Н. Тихомирова]: Выступление. — Там же, с. 163.

Тихомировские чтения 1973 г. Хроника заседания. [Коростовцев М. А. О книге М. Н. Тихомирова «Присоединение Мерва к России», подготовке издания «Славяне и Восток»]: Выступление. — Там же, с. 164—165.

Тихомировские чтения 1973 г. Хроника заседания. [Удальцова З. В. О деятельности М. Н. Тихомирова в области византиноведения, публикации средневековых памятников]: Выступление. — Там же, с. 165—166.

Тихомировские чтения 1973 г. Хроника заседания. [Подобедова О. И. О вкладе М. Н. Тихомирова в изучение древнерусского искусства]: Выступление. — Там же, с. 166.

Филимонов С. Б. Материалы о деятельности М. Н. Тихомирова в Обществе изучения Московской губернии. [Вступит. ст. к публ.]: Там же, с. 298—299.

Шмидт С. О. Работа М. Н. Тихомирова в 1920-е годы по изучению истории Московского края: (Новые материалы). — Там же, с. 167—172.

Янин В. Л. К проблеме новгородских сотен: [Об идеях и наблюдениях М. Н. Тихомирова]. — Там же, с. 178—180.

Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: Научное описание / Сост. И. П. Староверова. Под ред. Б. В. Левшина, С. О. Шмидта. М., 1974. 184 с. (ТААН; Вып. 25).

Издание Научного описания рукописного наследия академика М. Н. Тихомирова: [Хроника]. — АЕ за 1974 год. М., 1975, с. 365.

Костина Р. В. Об изучении бумаг советских документов 1917—1920 гг. — Там же, (с. 62, 64).

Беляевский М. Т. Предисловие. — В кн.: Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975, с. 1—11.

Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания: Обзор советской литературы. М., 1975, (с. 338. Указ. имен).

Тамм И. Е. Становление советского государственного делопроизводства, 1917—1923 гг.: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 1975, (с. 10).

Буганов В. И. М. Н. Тихомиров и отечественное летописеведение. — В кн.: Летописи и хроники, 1976 г. М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976, с. 5—11.

Шмидт С. Исследователь истории России: [О томе трудов М. Н. Тихомирова «Древняя Русь». М., 1975]. — Книжное обозрение, 1976, 18 июня, с. 3.

Беляевский М. Т., Сукаев А. Г. Новые материалы о М. Н. Тихомирове в Государственном архиве Куйбышевской области. — АЕ за 1976 год. М., 1977, с. 129—134.

Мухамедьяров Ш. Ф. Вопросы истории народов Поволжья в трудах М. Н. Тихомирова. — Там же, с. 140—145.

Ростунов И. И. Вопросы военной истории России в научном творчестве акаде-

мика М. Н. Тихомирова. — Там же, с. 137—139.

Чистякова Е. В. М. Н. Тихомиров как историк русского феодального города. — Там же, с. 135—136.

Бородин Л. И., Милов Л. В. О некоторых аспектах автоматизации текстологического исследования: (Закон Судный людем). — В кн.: Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977 (с. 262—270).

Мальшев В. И. Об одном важном источнике Тихомировского собрания: (Страничка воспоминаний). — ТОДРЛ. Л., 1977, т. 32, с. 395—401.

Чистякова Е. В. Проблемы древнерусского города в трудах академика М. Н. Тихомирова. — В кн.: Историография и источниковедение: Сб. науч. трудов / Под ред. В. Ф. Антонова. М., 1977, с. 3—12. (ТУДН; Т. 85, вып. 7).

Курнов А. А., Черных В. А., Шмидт С. О. О состоянии и задачах советской полевой археографии: (К итогам Первой Всесоюзной конференции по полевой археографии). — АЕ за 1977 год. М., 1978, (с. 6—7).

Чистякова Е. В. Русская рукописная книга в творчестве академика М. Н. Тихомирова. — АЕ за 1978 год. М., 1979, с. 107—112.

Буганов В. И. От редакции. — В кн.: Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979, с. 3—6.

Черных В. А. О состоянии и задачах советской полевой археографии. — В кн.: Проблемы полевой археографии. М., 1979, (с. 17, 21—25).

В. Ч. Тихомировские чтения, 1980 г. — СА, 1980, № 6, с. 82—83.

Кощев В. Б. Архив Серебренниковых в собрании М. Н. Тихомирова. — В кн.: Книга в Сибири XVII—начала XX в. Новосибирск, 1980, вып. 47, с. 172—185.

М. Н. Тихомиров о русском летописании: [Справка о трудах по летописанию X—XVII вв. и его изучению в отеч. науке]. — В кн.: Наука сегодня: Ежегодный справочник лектора. М., 1980, вып. 8, с. 115—120.

[*Яворский Г. И.*] М. Н. Тихомиров — исследователь истории древнерусского города и классовой борьбы в Древней Руси. — В кн.: Методические указания к изучению трудов академиков Б. Д. Грекова и М. Н. Тихомирова в курсе истории СССР: Для студентов 1-го курса ист.-пед. фак. / Подг. Г. И. Яворский. Ворошиловград, 1980, ч. 2, с. 40—68.

Гурьянова Н. С., Титова Л. В. Тихомировские чтения 1980 г.: Хроника конференции «Деятельность М. Н. Тихомирова и актуальные проблемы археографии». — АЕ за 1980 год. М., 1981, с. 159—162.

Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии: Сб. науч. трудов. [Материалы Тихомировских чтений 1980 г.]. Новосибирск, 1981. 172 с.

Из содерж.: *Елепов Б. С.* От редакции: [О сибирском наследии М. Н. Тихомирова], с. 3—4; *Шмидт С. О.* Издание и изучение наследия М. Н. Тихомирова: Тихомировские традиции, с. 5—21;

Шеламанова Н. Б. Деятельность М. Н. Тихомирова и «Сводный каталог рукописей, хранящихся в СССР», с. 22—28; *Левочкин И. В.* Ранние работы М. Н. Тихомирова по описанию рукописных сборников, с. 29—36; *Дергачева-Ско Е. И.* Некоторые вопросы локализации рукописей: Коллекция В. Ф. Груздева собрания М. Н. Тихомирова, (с. 37—46); *Апанович Е. М.* Летопись Грабянки и ее список в Тихомировском собрании ГПНТБ СО АН СССР, (с. 85—87, 93—94); *Титова Л. В.* Сибирские списки «Беседы отца с сыном о женской злобе», (с. 97, 99—101); *Апсит Т. Н.* «Повесть о Францеле Венециане» в собрании М. Н. Тихомирова, (с. 102, 104—107); *Кощев В. Б.* Обзор документов XVI—XIX вв. из собрания М. Н. Тихомирова, (с. 109—119); *Алексеев В. Н.* Троицкий книгописец Герман Тулупов, (с. 120—121, 133); *Бахтина О. Н.* Новгородская Забелинская редакция Повести о Меркурии Смоленском, (с. 138—139).

Шмидт С., Черных В. Археографическая комиссия Академии наук СССР. — Обществ. науки, 1981, № 3, (с. 146—147).

Афиани В. Ю. Хроника заседания: [Тихомировские чтения 1981 г.] — АЕ за 1981 год. М., 1982, (с. 261).

Князевская О. А., Черных В. А. Вопросы описания документальных памятников в трудах Археографической комиссии. — Там же, (с. 247—252).

Тамм И. Е. К изучению делопроизводственных документов первых лет Советской власти: (О классификации и археографическом заголовке). — Там же, (с. 189).

Шмидт С. О. 25 лет Археографической комиссии Академии наук СССР. — Там же, (с. 230—239, 241).

Историография истории СССР: Эпоха социализма. [Учебник для вузов] / Под ред. И. И. Минца. М., 1982, (с. 335—Указ. имен).

Чистякова Е. В. Материалы Б. Д. Грекова в рукописном наследии М. Н. Тихомирова. — В кн.: Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения акад. Б. Д. Грекова. М., 1982, с. 53—66.

Крылов В. В. Отчет М. Н. Тихомирова о сохранении архива и семейных реликвий Аксаковых. — АЕ за 1982 год. М., 1983, с. 215—218.

Руколь В. М. Переписка М. Н. Тихомирова с В. И. Пичетой, 1941—1943 гг. — Там же, с. 224—232.

Чирков С. В. Записка М. Н. Тихомирова 1937 г. о задачах историко-архивного образования. — Там же, с. 219—223.

Жуковская Л. П., Шеламанова Н. Б., Шмидт С. О. О составлении «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР». — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Междунар. съезд славистов, Киев, сентябрь, 1983; Докл. сов. делегации. М., 1983, с. 271—272.

Поляков Ю. Вечера у академика Тихомирова: [Воспоминания]. — Новый мир, 1983, № 5, с. 208—217.

Тамм И. Е. М. Н. Тихомиров и библиография. — Сов. библиогр., 1983, № 4, с. 64.

Чистякова Е. В. Памятники письменности Армении в научном творчестве акад. М. Н. Тихомирова. — СА, 1983, № 6, с. 25—27.

Чистякова Е. В. Письменный источник в трудах академика М. Н. Тихомирова: (К 90-летию со дня рождения). — История СССР, 1983, № 5, с. 122—130.

Чистякова Е. В. Академик М. Н. Тихомиров и Армения. — ВАН АрмССР. Обществ. науки, 1983, № 10, с. 68—74. На арм. яз.

Шмидт С. [О М. Н. Тихомирове]. — В кн.: Памятные книжные даты. 1983. М., 1983, с. 68—69.

Шмидт С. О. О наследии академика М. Н. Тихомирова. — ВИ, 1983, № 12, с. 115—123.

* * *

Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних. — ИЗ, 1952, т. 40, с. 213—259.

Рец.: Hofman J. — Teki hist. Londin, 1962—1963, t. 12, s. 298—304.

Хрестоматия по истории СССР: С древнейших времен до конца XV в. / Сост. Л. В. Милов, А. И. Рогов, М. Н. Тихомиров; Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. М., 1960. 735 с.

Рец.: Пронштейн А. П., Тверская Д. И., Полякова И. М. Три тома хрестоматии по истории СССР. — История СССР, 1964, № 5, с. 178—183.

Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 г.: Учебн. пособие для высшей школы. М., 1961. 444 с.

Рец.: С. Gh. — Studii. Rev. de istorie. București, 1964, N 2, p. 418—420.

Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. Вып. 1. С древнейшего времени до конца XVIII в.: Учебн. пособие. М., 1962. 496 с.

Рец.: Введенский А. О. Стрельский В. И., Мельник Л. Г. — УИЖ, 1963, № 3, с. 142—144;

Зимин А. А. — ВИ, 1963, № 4, с. 113—116.

Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. 184 с.

Рец.: Studia źródłoznawcze. Warszawa; Poznań, 1964, t. 9, s. 210.

Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. 583 с.

Рец.: Мишко Д. И. — УИЖ, 1964, № 3, с. 140, 141.

Angerman N. — Hansische Geschichtsblätter. Köln; Graz, 1964, Jg. 82, S. 189—190.

Lazea E. — Studii. Rev. de istorie. București, 1964, N 2, p. 394—399.

Stökl G. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1965, Bd. 13, Hf. 2, S. 265—267.

Taranovski Th. — Kritika. Cambridge, 1966, vol. 2, N 3, p. 7—18.

Тихомиров М. Н. Средневековая Россия на международных путях, XIV—XV вв. М., 1966. 175 с.

Рец.: Шмидт С. О. — В мире книг, 1966, № 9, с. 13.

Берегов Н. — Новгородская правда, 1967, 5 апр.

Орловский И. — Новый мир, 1967, № 3, с. 282.

Keenan E. L. — Kritika. Cambridge, 1967, col. 3, N 3, p. 1—11.

Nitsche P. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1968, Bd. 16, Hf. 1, S. 127, 128.

Дмитриев Б. Д., Кузнецов И. Д., Любимов В. Н., Нестеров В. А., Николаев А. П., Николаев П. Н., Паньков И. П., Романов Н. Р., Сироткин М. Я., Тихомиров М. Н. История Чувашской АССР. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Чебоксары, 1966. 260 с.

Рец.: Айплатов Г. Н., Сануков К. Н. — ВИ, 1968, № 10, (с. 164).

Тихомиров М. Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968. 194 с.

Рец.: Бегунов Ю. К. Тихомировское собрание рукописей. — СА, 1969, № 6, с. 122—124.

Picchio R. — Ricerche slavistiche. Roma, 1968—1969, vol. 16, p. 312—313.

Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968. 448 с.

Рец.: Сергеев В. История, загадки и разгадки. — Учительская газ. 1968, 17 сент.

Șerban C. — Studii. Rev. de istorie. București, 1968, t. 21, N 6, p. 1261—1262.

Адрианова-Перетц В. П. — ВИ, 1969, № 4, с. 172—175.

То же. На англ. яз. — Social sciences, 1970, № 2, с. 160—162.

То же. На фр., нем. и др. яз.

Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, 374 с.

Рец.: Majeska G. P. — Slavic review. Seattle, 1971, vol. 30, N 2, p. 382—383.

Widera B. — Zeitschrift für Slawistik. Berlin, 1971, Bd. 16, Hf. 5, S. 786—788.

Demény L. — Studii și materiale de istorie medie. București, 1973, vol. 6, p. 438—444.

Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. 448 с.

Рец.: Vávra J. — Slovan. přehled. Praha, 1970, N 4, s. 292—294.

H. Nb. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1972, Bd. 20, Hf. 3, S. 470.

Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII вв. М., 1973. 423 с.

Рец.: Alef G. — American hist. review. Washington, 1976, vol. 81, N 1, p. 118—119.

Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975. 430 с.

Рец.: Наука сегодня: Ежегодный справочник лектора. М., 1976, вып. 4, с. 139—140.

Попов В. — Новгородская правда, 1976, 22 июля.

В БИБЛИОТЕКАХ СТРАНЫ

М. Н. Тихомиров в течение многих лет был читателем *Государственной публичной исторической библиотеки РСФСР*, богатейшие фонды которой широко использовал в своей работе. Труды М. Н. Тихомирова постоянно пользуются большим спросом читателей библиотеки и научное наследие ученого оказало и оказывает огромное влияние на развитие исторической науки.

В июне 1983 г. в связи с 90-летием со дня рождения М. Н. Тихомирова в научном читальном зале ГИИБ была организована выставка его трудов и литературы о нем. На ней экспонировались первая печатная работа М. Н. Тихомирова «Псковский мятеж XVII в.» (М., 1919) и первое учебное пособие по источниковедению истории СССР до XIX в. (М., 1940). Труды разных лет: «Феодальный порядок на Руси» (М., 1930), «Исследование о Русской Правде» (М.; Л., 1941), два издания монографии «Древнерусские города» (М., 1946, 1956), «Древняя Москва» (М., 1947), «Средневековая Москва в XIV—XV вв.» (М., 1957). На выставке были представлены также сборники избранных работ М. Н. Тихомирова, переизданные посмертно: «Классовая борьба в России XVII в.» (М., 1969), «Российское государство XV—XVII вв.» (М., 1973), «Древняя Русь» (М., 1975), «Русское летописание» (М., 1979).

Особый раздел составила литература, посвященная жизни и деятельности М. Н. Тихомирова. Здесь были представлены статьи советских историков В. И. Буганова, С. Н. Валка, А. А. Зимина, И. Д. Ковальченко, А. И. Рогова, Б. А. Рыбакова, Е. В. Чистяковой, И. П. Шаскольского, С. О. Шмидта, В. И. Шункова и др.

Н. А. Хрустова

В фондах зональной научной библиотеки *Дальневосточного государственного университета* хранится личная библиотека академика М. Н. Тихомирова. Эта библиотека — 982 книги — поступила в университет в 1965 г. по завещанию ученого. В ее составе редкие издания по истории средневековой Руси, по истории русской культуры и искусства. Книги с дарственными надписями известных советских ученых — С. Н. Валка, Б. Д. Грекова, Н. К. Гудзия, Н. М. Дружинина, Е. А. Косминского, Д. С. Лихачева, И. М. Майского, М. В. Нечкиной, А. П. Окладникова, Б. А. Рыбакова, Э. В. Удальцовой и др. Ныне библиотека М. Н. Тихомирова выделена в отдельный фонд и широко используется в интересах развития гуманитарных исследований на Дальнем Востоке, а также в учебном процессе.

С. С. Гарбер

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

И. В. Левочкин

ПИСЦОВЫЕ И ПЕРЕПИСНЫЕ КНИГИ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Среди различных по содержанию и назначению русских рукописных книг значительное место занимают писцовые и переписные книги. Достаточно сказать, что они имеются во многих архивах, библиотеках и музеях нашей страны. В последнее время этой категории рукописей уделяется всевозрастающее внимание, что вполне объяснимо. В книгах подобного типа содержится обширная информация по целому ряду вопросов истории России периода феодализма. Но без источниковедческого и кодикологического анализа эту информацию использовать невозможно. Следовательно, определение и характеристика каждой писцовой или переписной книги является весьма актуальной задачей.

В богатейших собраниях ОР ГИМ писцовые и переписные книги занимают скромное место¹, однако они несомненно заслуживают внимания специалистов. В основном это списки и выписи, но как исторический источник и собственно рукописные книги они все же представляются интересными. Большинство интересующих нас книг входит в собрание рукописей А. С. Уварова. Это собрание, как известно, имеет четырехтомное описание, выполненное в конце XIX в. архим. Леонидом. В XV отделе этого труда, среди «Материалов для истории церковной и гражданской», имеются указания на писцовые и переписные книги².

При составлении своего описания архим. Леонид не ставил перед собой задачи дать подробные сведения о рукописях собрания Уварова. Информация, которую приводит автор о той или иной рукописи, нередко крайне лаконична. По отношению к писцовым и переписным книгам Леонид особенно краток: он ограничивается названием книг и их номеров, территории, к которой они относятся, отмечает их подлинность, даты, вид письма, размер и количество листов. Затем приводит начало текста (не всегда) и делает несколько беглых замечаний, относящихся к данным рукописям. За пределами внимания автора остаются филигранные пометы и записи (в отдельных случаях записи приводятся), переплет и, самое важное, содержание книг. Без всякого изменения включено в труд Леонида описание трех рукописей, ранее принадлежавших И. Н. Царскому, которое было выполнено еще в 1848 г. П. М. Строевым (это описание лаконично и потому не раскрывает содержания книг)³.

Разумеется, даже те скудные сведения о писцовых и переписных книгах, которые приводит Леонид, имеют важное значение для исследователей, но эти сведения явно недостаточны, а в ряде случаев — ошибочны. Кроме того, одна интересная книга из собрания Уварова в описании не вошла вообще⁴. Что касается писцовых и переписных книг ОР ГИМ, хранящихся в других собраниях, то информации о них в опубликованных работах пока еще не было.

Цель настоящего обзора заключается в том, чтобы охарактеризовать содержание этих книг и, кроме того, обратить внимание специалистов на писцовые и переписные книги как на объект кодикологических исследо-

ваний. В обзоре рассматриваются все имеющиеся в ОР ГИМ писцовые и переписные книги ⁵, однако сведения о выписях из подобных книг приводятся лишь суммарно. Рассмотрим каждую писцовую и переписную книгу в отдельности (в порядке их инвентарных номеров).

Увар. 76. Писцовая и межевая книга Чернского уезда 1630—1631 гг. письма и межеванья Е. Хитрово и П. Богданова. Список третьей четверти XVII в. Рукопись содержит 528 листов размером 4°. Текст написан скорописью нескольких переписчиков. Водяные знаки бумаги — «голова шута» двух типов (Гераклит., № 1206 и Лауц., № 2573) ⁶. Более точная датировка устанавливается на основании скрепы С. Венедиктова (по листам рукописи), который в 1664—1672 гг. был дьяком Поместного приказа ⁷. Переплет поздний, «уваровский». На корешке номер книги (76), печатный заголовок: «Писцовая книга Чернского уезда» и монограмма — «АУ» (Алексей Уваров) под графской короной. Сохранность рукописи удовлетворительная. Многие листы (нижние правые углы) подклеены. Начало первого листа утрачено и текст начинается с полуфразы: «. . в слово. Главы писцовых книг Чернского уезду, сколько в Чернском уезде помещиков, столников и дворян, и детей боярских, и вдов, и недонослей». На л. 1—7 помещен список землевладельцев Чернского уезда. Затем, перед текстом описания, помещено полное название рукописи с указанием писцов и даты составления подлинной книги. На л. 527 пометы: «Степан Венедиктов», «Справил Авдейко Федоров». На л. 528 записи: «В сей книге. ФѠ. [509] листов. Щел Петр Щетинин и з главами». Далее помещен текст о данном списке (приведен в описании Леонида, с. 168). На обороте этого листа еще одна запись: «Сии книги чол Алексей Казаринов з Захаром Плуталовым. С подлинными сходны. И руку приложил. Захар Плуталов руку приложил». Подлинная писцовая и межевая книга Чернского уезда 1630—1631 гг. хранится в ЦГАДА ⁸.

В книге содержится описание двух станов Чернского уезда — Городского (л. 8—204 об.) и Пятницкого (л. 205—409). Кроме того, в ней имеются записи по межеванию (л. 409 об.—527). По своему формуляру книга Е. Хитрово и П. Богданова имеет некоторые отличия от писцовых книг центральных уездов России 20—30-х годов XVII в. Если в писцовых книгах Центральной России описание владения начинается с имени владельца ⁹, то в данной писцовой и межевой — с поселения. Это объясняется тем, что в центральных уездах один помещик или вотчинник владел несколькими поселениями, в то время как в Чернском — в одном поселении были земли нескольких помещиков. Здесь отчетливо проявляется специфика южного уезда с его относительно крупными поселениями и долевым землевладением.

Соответственно и итоги описания подводятся не по владениям, а по поселениям. Для наглядности приведем пример записи итога описания одного из поселений. «И всего в деревне Строжевской помещиков девять человек, а за ними в поместьях восемь жеребьев живущих, да жеребей деревни пуст, да в дву пустошах девять жеребьев, а в них восемь дворов помещиковых, да три двory крестьянских, да четыре двory бобыльских. Людей в них пятнадцать человек, да четыре двора пустых, да место дворовое; пашни паханные помещиковы тритцать пять чети, да крестьянские и бобыльские пашни дватцать три чети, да наезжие пашни пять чети, да перелогом и дикова поля двесте дватцать девять чети с осминою. И всего пашни и перелогу и дикова поля добрые земли девяносто две чети с осминою в поле, а в дву потому ж. Сена триста шездесят семь копен. А сошного письма четь и полчети сохи. И не дошло в сошное письмо семь чети с осминою» (л. 116 об.).

О долеом землевладении и особенностях землепользования в Чернском уезде первой половины XVII в. имеется специальная работа, в которой использованы и некоторые данные интересующей нас книги ¹⁰. Кроме данных о землевладении, в книге Е. Хитрово и П. Богданова содержатся сведения о различных категориях земельных угодий, и в частности о перелогe и пашне наездом, что имеет важное значение для истории культуры

земледелия в этом крае. Особенно интересны данные о так называемых «прокопных землях» («что прокопано вновь»). Очевидно, что вместе с забрасыванием старых пашен под перелог в уезде шел процесс освоения новых земель. Книга содержит интересные сведения о различных категориях населения. Особое значение имеют данные о побегах крестьян, которые отмечаются повсеместно (л. 19, 19 об., 22, 26 и мн. др.).

В ОР ГИМ хранится семь выписей из разных писцовых книг на различные вотчины и поместья. Четыре из них имеют краткое описание Леонида¹¹, три остальных¹² — учтены лишь в инвентарных книгах и в карточном каталоге отдела, где о них приводятся некоторые конкретные сведения. В выписях указываются владельцы и приводится перечень их владений. Выписи являлись юридическим обоснованием права владения землями и крестьянами. Обычно выписи «заверены» скрепами дьяков или подьячих. Инициатива оформления этих документов, несомненно, принадлежала владельцам земель и крестьян, указанных в выписях. По составу это сравнительно небольшие рукописи, которые вполне могли существовать (и существовали) в виде столбцов, но оформленные как отдельные тетради или книги, они являются разновидностью рукописных книг со всеми присущими им свойствами.

Переписных книг в ОР ГИМ четыре, причем две из них подлинные, а две являются списками. В отличие от писцовых переписные книги основное внимание уделяют не землям, а населению. Однако как разновидность рукописных книг они, по существу, не имеют принципиальных отличий от книг писцовых.

Увар. 489. Переписная книга г. Чердыни и погостов «Перми Великой» переписи Ф. Бельского и В. Меншикова 1678 г. (по описанию Леонида — писцовая). Рукопись является черновым подлинником. В книге 747 листов размером 4°. Текст написан скорописью нескольких почерков. Водяной знак бумаги — «Герб Амстердама», типа Клеп., № 981 (1672 г.)¹³. Переплет поздний, темной лакированной кожи. На корешке переплета тиснение: «489. Писцовая книга Перми». Сохранность рукописи хорошая. На переплетном листе запись: «№ 306 нов[ого] кат[ало]га. Писцовая книга Чердыни и всех погостов Перми великой 1678 года. Черновой подлинник, листов 747» (почерк XIX в.).

Начало текста с л. 1 — «Лета 3РѢС [1678 г.] марта (последнее слово зачеркнуто и переправлено на «апреля») в день по государеву цареву и великого князя Федора Алексеевича. . .» (поверх строки — «и по наказу из Новгородского приказу за приписью дьяка Якова Кирилова»). Подлинная (чистовая) переписная книга Чердыни и погостов Перми Великой — в ЦГАДА¹⁴. О том, что данная рукопись представляет собой черновой подлинник переписной книги Чердыни и Перми Великой 1678 г., свидетельствуют некоторые данные самого кодекса. Прежде всего это правки текста другим почерком и другими чернилами. В ряде случаев в книгу вклеены куски столбцов с черновыми записями (л. 175, 315а, 468). На некоторых листах пометы: «с росписью справлены». О том, что это не писцовая, а переписная книга, свидетельствует ее формуляр и содержание, свойственные именно переписным книгам.

В книге содержится перепись дворов, изб и «избенок» г. Чердыни и погостов Перми. На полях книги указано количество населения во дворах. При этом перепись дворов осуществляется по их категориям — «дворы поповские», «дворы посацких тяглых пашенных людей первой статьи», «вдовьи дворы», «нищих людей дворы». На погостах (в поселениях, входивших в состав погостов) отмечены дворы крестьян и бобылей. Книга отмечает миграцию населения. При указании владельцев «дворовых мест» есть пометы типа «сшел в Сибирь», «сшел на Обь», «сшел в Чердынский уезд». Книга содержит ссылки на предшествующую перепись Чердыни (1646—1647 гг.) П. Елизарова.

Обращает на себя внимание весьма большая численность дворов в деревнях (до 15—20) по сравнению с численностью дворов в земледельче-

ских поселениях центральных уездов России (3—5). Однако деревни, как и в Центральной России, развивались из починок, что отмечается в книге: «деревня, что был починок». В отличие от переписей Центральной России, где деревни и другие поселения группировались вокруг сел, пермская переписная книга показывает группировку поселений по погостам: «И всего к Перми Великой к Чердыни Окологородный стан, двадцать пять погостов, а к погостам сто девяносто деревень, да все семьдесят семь починок» (л. 743).

В пермской переписной книге содержатся важные сведения о численности и составе населения края. В итоге переписи записано: «А в погостах поповских и церковных и дьячковых и пономарских и трапезничьих и просвириничьих семьдесят восемь дворов да десять избенок. Людей в них сто пятьдесят шесть человек. У них недорослей сто двадцать пять человек да подворников двенадцать человек, у них недорослей четыре человека // (л. 743). Да крестьянских две тысячи тридцать восемь дворов, да тридцать семь изб и избенок. Людей в них крестьян четыре тысячи триста двадцать два человека. У них недорослей две тысячи восемьсот восемьдесят человек. Да половничьих сорок дворов. Людей в них девяносто два человека. У них недорослей сорок пять человек. Бобыльских и вдовьих и нищих семьсот дворов да сорок изб и избенок // (л. 743 об.). Людей в них тысяча сто шестнадцать человек. У них недорослей семьсот пятьдесят четыре человека. В крестьянских же и в бобыльских и во вдовьих дворах подворников и захребетников и работных людей триста двадцать два человека, да пришлых сто сорок девять человек. У них недорослей шестьдесят человек» // (л. 744).

Итоги книги сопоставлены с результатами переписи края 1646—1647 гг. По сравнению с численностью населения 40-х годов перепись 1678 г. показывает значительное увеличение как поселений, так и дворов с живущим в них населением. Данная книга интересна не только своими показателями. Являясь черновым описанием, она, как и некоторые другие, может служить важным источником по истории писцового делопроизводства и кодикологии.

Увар. 490. Переписная книга г. Ярославля переписи Т. Козловского и А. Холмова 1678 г. (по описанию Леонида — писцовая). Список конца 80-х годов XVII в. В рукописи 318 листов размером 4°. Книга написана скорописью нескольких переписчиков. Водяной знак бумаги — «голова шута» типа Лауд., № 2584 (1686 г.). На листе 1 (не нумерованном) имеются пометы и запись: «По нов[ому] кат[алогу] № 307. 186 году»; «Книга переписная столника князя Тимофея Афонасьевича Холмова РПС году». Перецлет — доски, обтянутые темно-коричневой кожей. На верхней крышке переплета острым предметом обозначена рамка, в центре которой имеется металлический стержень от несохранившегося средника. Сохранность книги хорошая. Начало текста с л. 1 (нумерованного): «Список. Лета #РПС декабря в день по указу великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича. . . и по наказу ис Помесново приказу за приписью дьяка Семена Струкова. . .»

Книга представляет собой список с первой части переписи Ярославского уезда 1678 г. — перепись населения г. Ярославля. В Описании документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции отмечено наличие подлинной книги Т. Козловского и А. Холмова, содержащей лишь перепись поместно — вотчинных земель уезда¹⁵, следовательно, список первой части этой переписи приобретает самостоятельное значение и большую ценность.

В книге содержатся данные переписи дворов и «дворовых мест» г. Ярославля с указанием социального положения или рода занятий их владельцев (подьячий, кузнец, точильщик, нищий и т. п.). При этом у дворовладельцев переписываются и дети (мужского пола) с указанием их имен и возраста. В общем счете дворов имеются «избы». Книга содержит перепись населения и не имеющего собственного жилья: «. . . посацкие люди

и вдовы живут на посаде, на церковных землях и в-ызбах и в кельях без дворов» (л. 21). Перепись дворов, дворовых мест и изб осуществляется по сотням и по улицам: «Городовая сотня», «сотня Никольская», «улица Петровская, что наперед сего бывала Ловецкая» и т. п. Отмечая владельцев «дворовых пустых мест», писцы констатировали: «збежал», «сбрел к Москве», «обничал», «шпел из Ярославля безвестно» и т. д.

Любопытен итог переписи населения города: «И всего в Ярославле в городе и в слободах ярославцов посацких людей 2080 дворов, 192 избы, да 9 келий, да изба пуста, да на церковных и на помещиковых и на гостинных землях живут посацкие люди 24 избы, да 61 келья, да 2 места пустых. И обоего посацких людей 286 изб и келий» (л. 302—304 об. В тексте рукописи все приведенные числа записаны буквами). Кроме того, в итоге переписи отмечено значительное количество пустых дворов и дворовых мест. Отдельно переписано население ярославского Спасского монастыря. Книга является ценным источником по истории среднерусского города второй половины XVII в. и требует специального изучения.

Увар. 901. Переписная книга г. Сольвычегодска 1678 г. переписи Г. Овцына и В. Крюкова (по описанию Леонида — писцовая). В книге 406 листов размером 4°. Написана скорописью нескольких почерков. Водяные знаки бумаги — «голова шута» типа Гераклит., № 1386 (1689 г.) и «герб Амстердама» типа Клеп., № 1255 (1689 г.). Переплет — доски, обтянутые темной кожей. Сохранность удовлетворительная, книга реставрирована. Записи: л. 1 (переплетный): «№ 901. Писцовыя книги Сольвычегодска. Ркпсь XVII в. на 406 листах» (почерк XIX в.); л. 1: «Список с выписи писцовых книг писцов столника Григорья Овцына да подьячего Василья Крюкова. . . людем. . .» Подлинная переписная книга Г. Овцына и В. Крюкова в ЦГАДА¹⁶.

Текст переписи предваряет мотивировка составления выписи из переписной книги г. Сольвычегодска: «Лета 3РЧВ [1684 г.] мая в КИ день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича [и] Петра Алексеевича. . . боярин князь Василей Васильевич Голицын с товарищи приказал Соли Вычегодской посадцкому земскому старосте Сенке Ошмарину с товарищи и всем посадцким людем на дворы их и на всякие угодыя дать // (л. 2) им с усольских писцовых книг выпись, потому в нынешнем во РЧВ году били челом великим государем царем. . . Соли Вычегодской посадцкой земской староста Сенка Ошмарин с товарищи и все посадцкие люди: усольские де писцы, столник Григорей Овцын да подьячей Василей Крюков писма своего и меры писцовые книги в приказе Устюжские четверти подали, а им посад // (л. 2 об.) цким и всяких чинов людем на дворы их и на всякие угодыя, которые у Соливычегодской на посаде с тех писцовых книг выписи не дано». «И великие государи пожаловали их велели им с тех писцовых книг дать выпись. И в приказе Устюжские четверти в Усольских писцовых книгах писма и меры писцов столника Григорья Овцына да подьячего Василья // (л. 3) Крюкова. . . написано». Далее идет перепись посада г. Сольвычегодска, всех его строений и населения. По существу, эта книга является списком с переписных книг г. Сольвычегодска, хотя и названа «выписью».

В книге содержится описание церквей, амбаров, съезжей и таможенной изб, кружечного двора, лавок, кузниц и дворов жителей. При этом описание весьма обстоятельное. В церквах, например, переписаны все иконы и их украшения, утварь, колокола, а также книги, с указанием их названий и с пометой — рукописная или печатная. В амбарах переписано оружие, вплоть до того, что указывается надпись на пушке. Например, «пушка медная, змей, длина два аршина с полчетвериком. Весу девять пуд с четвертью. Подпись на ней — лета 3РКВ [1614] генваря в К день повелением государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии тое пушку лил мастер Мокий Гребешков» (л. 139). Описание дворов осуществляется по улицам. Указываются владельцы дворов и их дети (мужского пола), а также другие жильцы, если они есть.

Например: «двор бобыль самой скудной Сенка Иванов сын Жданов, у него сын Якушко трех годов. У него ж живет нищей Емелка Петров сын Слотин, дровосек. В длину двора и огорода шесть сажень, поперег в переднем конце четыре сажени, а в заднем конце тож. Владеет по купчей» (л. 187). В ряде случаев отмечаются прежние владельцы дворов, иногда с пометой об их дальнейшей судьбе («збрел в сибирские города», например). В книге содержатся данные и о землях, которыми владели посадские люди. Среди категорий земель отмечены «скотинный выгон», «пожни», «пахотная земля», «с причистьми, что они (посадские люди. — *И. Л.*) причистили».

Увар. 974а. Переписная книга г. Ростова XVII в. В описание Леонида не вошла. В рукописи 219 листов размером 4°. Текст написан скорописью несколькими почерками. Водяные знаки бумаги — «агнец» типа Мошин, № 329 (1648 г.)¹⁷, «голова шута», типа Лауц. № 2582 (1664 г.) и «герб Амстердама» типа Клеп., № 979 (1670 г.). Переплет — темная кожа. Пометы на корешке переплета: «Опись городу Ростову» (почерк XIX в.). На л. 1 запись: «Рукопись гр. Уварова, № 974а». Начало текста: «В книгах подлинно. В Ростове, где был острог и на посаде, двory въезжие, монастырские и боярские, и детей боярских и всяких чинов людей и места дворовые» (л. 1). Сохранность рукописи удовлетворительная.

Описание города осуществляется по сотням: «в Степановой сотне», «в Введенской сотне» и т. п. При переписи указываются двory, дворовые места и избы с их размерами и размерами огородов, которые при них имелись. Кроме того, указываются прежние и «нынешние» владельцы дворов и их занятия. Например, «дворишко Карпушки Богданова сына Читасова, в длину 8 с[ажень], поперег 7 с[ажень]. Позади дворишка — огородишко его в длину 32 с[ажени], поперег 20 с[ажень]. Пашет лук и чеснок. Торгует сапоженками ветчаными. В тягле з денги. Прожитком худ. А ныне (далее другим почерком) в том дворе живет подьячий Любим Никифоров да Конан Фомин» (л. 25—25 об.). «Дворишко бобыля Гришки Ерофеева. В длину и с огородом 28 с[ажень], поперег 8 с[ажень]. Скорнячит. А ныне (далее другим почерком) скопан в ров» (л. 31).

В книге, как это видно из приведенных примеров, имеются сведения двух временных срезов. При этом первая часть каждой статьи переписи несет более раннюю информацию о дворовладельцах. Отсюда следует, что в рукописи имеются данные двух переписей г. Ростова. Попытаемся определить, каких именно.

Рукопись имеет указания на некоторые даты. Например, «место дворовое, бывало Реута Фролова. . . и про Реута сказали, что его не стало, место пусто. И во 132 году (1624 г. — *И. Л.*) то место дано ис того же тягла Ивашку Тиханову под огород. А ныне. . .» (л. 75 об.). Это значит, что сведения первой части статей переписи относятся ко времени не ранее 1624 г. Но первая перепись после 1624 г. города Ростова была в 1646 г., а последняя (XVII в.) — в 1678 г. О переписях г. Ростова в период с 1646 по 1678 г. (32 года) сведений в источниках и в литературе нам не встречалось. Таким образом, данная рукопись, по всей вероятности, представляет собой приправочную книгу для переписи г. Ростова 1678 г. и одновременно черновик этой переписи. Как приправочная, книга была списана с переписных книг 1646 г. Датировать рукопись можно по приписке «а ныне», т. е. 1678 г., хотя, как приправочная, она могла быть написана и несколько раньше. Книга представляет интерес, главным образом как источник по истории переписей населения русского города XVII в.

В ОР ГИМ хранится одна рукопись, представляющая собой сборник выписей из различных переписных книг¹⁸. В ней собраны выписи на вотчины Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря в разных уездах. Книги такого типа ничем, кроме содержания, не отличаются от выписей из книг писцовых. Они так же имели справочный характер и создавались по инициативе землевладельцев.

Писцовые и переписные книги вместе с межевыми, отказными и т. п. составляют особый вид русских рукописных книг. В отличие от большинства рукописей литературного, исторического или же культового содер-

жания они не имеют многочисленных списков. В лучшем случае один-два. Имеются и другие особенности (почти полное отсутствие украшений, например). Но в целом этот вид книг может и должен изучаться как неотъемлемая часть всего книжно-рукописного наследия. Исследование этих книг может иметь большое значение не только для источниковедения отечественной истории, но и для кодикологии.

- ¹ Писцовые и переписные книги хранятся в двух отделах ГИМ: в ОПИ и ОР. Книги, хранящиеся в ОПИ, требуют специального рассмотрения.
- ² Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания А. С. Уварова: В 4-х ч. / Сост. архим. Леонид. М., 1894, ч. 3, с. 123—169.
- ³ Рукописи словенские и российские, принадлежащие... Ивану Никитичу Царскому / Разобраны и описаны Павлом Строевым. М., 1848, с. 313—315.
- ⁴ ОР ГИМ, собр. Уварова (далее — Увар.), № 974а, 4^о. В ОР ГИМ хранится неопубликованное описание рукописей Уварова, не вошедших в описание Леонида (автор описания М. Н. Сперанский). На л. 19 этого описания содержится очень краткая характеристика данной переписной книги.
- ⁵ За исключением выписей из подобных книг в виде столбцов и содержащихся в некоторых сборниках хозяйственных документов.
- ⁶ *Герасимов А. А.* Филигранные XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963; *Lauševičius E.* Popierius Lietuvje XV—XVIII a. Vilnius, 1967.
- ⁷ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 89, 90.
- ⁸ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. СПб., 1869, кн. 1, с. 286, 287.
- ⁹ *Гомье Ю. В.* Замосковский край в XVII в.: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. 2-е просм. изд. М., 1937, с. 35.
- ¹⁰ *Самгина Е. И.* Служилое землевладение и землепользование в Черномском уезде в первой половине XVII в. — В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 264—276.
- ¹¹ ОР ГИМ, Увар. 286, 4^о; Увар. 469, 1^о (в описании Леонида обозначена как писцовая); Увар. 491, 4^о; Увар. 919, 4^о.
- ¹² ОР ГИМ, собрание Бахрушина, 11. Выпись из писцовых и межевых книг г. Гороховца письма и межевань З. Васильева и П. Колобова 1628 г. на поместье Ф. Н. Новосильцева. 8 л. XVIII в.; собрание Донского монастыря, 21. Выпись из мещовских писцовых книг письма и меры Т. Звенигородского и Д. Огаркова 1626—1628 гг. на поместье Е. К. Розинковой, 28 л., 1686 г.; Музейское собрание, 1425б. Выпись из каргопольских писцовых книг письма и меры С. Языкова и С. Осокина первой половины XVII в. на вотчину Кирилло-Белозерского монастыря в Турчасовском стане. 6 л., XVII в. (По листам скрепа чернеца Еустафея и казначея Мартьяна).
- ¹³ *Клепиков С. А.* Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XIX вв., М., 1959.
- ¹⁴ Описание документов и бумаг... с. 286.
- ¹⁵ Описание документов и бумаг... с. 302.
- ¹⁶ Описание документов и бумаг... с. 257.
- ¹⁷ *Mosin A.* Anchor watermarks. — In: *Monumenta chartae papiraceae historiarum.* Amsterdam, 1973. Vol. 13.
- ¹⁸ Увар. 175, 1^о. Отмеченные в описании Леонида книги № 186 и 107 как переписные в действительности являются отписными и в данной статье не рассматриваются, хотя по своей форме они имеют много общего с переписными книгами.

В. Г. Ткаченко

АРХИВНОЕ НАСЛЕДИЕ С. В. ЕШЕВСКОГО

Имя Степана Васильевича Ешевского (1829—1865) прочно вошло в историю русской исторической науки. Он прожил короткую жизнь, но то, что он успел сделать, позволяет нам поставить его в один ряд с выдающимися учеными своего времени.

Сын кологривского помещика Костромской губернии, С. В. Ешевский закончил нижегородскую гимназию и поступил сначала в Казанский, а затем в Московский университет. По окончании учения он преподавал в Ришельевском лицее в Одессе, Александровском сиротском корпусе

в Москве, являлся профессором русской истории Казанского университета и профессором всеобщей истории Московского университета. Ученик П. Н. Кудрявцева, испытавший сильное влияние Т. Н. Грановского, он известен более всего своими работами по истории Западной Европы. Ешевский был не менее глубоким исследователем русской истории.

Разнообразие его статей и сохранившихся записок по различным историческим вопросам свидетельствует о разносторонних увлечениях и эрудиции их автора. Из того небольшого наследия, которое оставил нам Ешевский, одно из ведущих мест занимают вопросы этнографии как России, так и зарубежных стран. Он изучал богатый этнографический материал, почерпнутый как из летописных исторических источников, так и из новейших исследований того времени.

Опубликованные труды ученого по русской истории связаны в основном с его лекционными курсами в Казанском университете. Они посвящены главным образом истории России XVIII в.

Фонды историка Ешевского, хранящиеся в ОПИ ГИМ и ГАГО, образовались примерно в одно и то же время. В ГИМ документы фонда поступили в дар от дочери историка А. С. Ешевской в 1914 г. В ОПИ ГИМ фонд был передан в 1927 г.¹ Фонд, хранящийся в ГАГО², образовался в результате собирательской деятельности Нижегородской ученой архивной комиссии в 1916 г.

Материалы Ешевского дошли до нас, вероятно, не полностью. Среди документов его фондов отсутствуют рукописи научных работ, за исключением «Заметок о провансальской поэзии» (из фонда в ГАГО) и рецензии «Замечания на отдел статьи Восп[итанника] Петровского о состоянии русского общества до Иоанна IV с 19 по 32 лист (о начале и распространении христианства в России и о русском духовенстве)» (из ОПИ ГИМ).

Состав обоих фондов неодинаков. Если в фонде, хранящемся в ГИМ, преобладает переписка историка и его жены, то в фонде, хранящемся в ГАГО, большинство составляют документы преподавательской и общественной деятельности ученого. К тому же в Горьковском архиве материалы Ешевского в подавляющем большинстве представлены копиями. Они частично дублируют материалы из ОПИ ГИМ, точнее, практически всю переписку Ешевских. Однако многие из скопированных материалов не дошли до нас и, по-видимому, навсегда утрачены. В связи с этим их копии, хранящиеся в ГАГО, приобретают значение первоисточников при условии их всестороннего источниковедческого анализа. В фонде имеется также ряд подлинных документов Ешевского.

Кроме того, фонд историка в ОПИ ГИМ неоднороден по своему составу. Фактически он состоит из трех частей. Это материалы семей Ешевских, Вагнеров и Кондыревых, которые были связаны родственными узами. Практически 7 дел из 17 относятся непосредственно к жизни и деятельности ученого³, не считая дел, в которых содержатся копии писем Ешевских⁴.

Таким образом, дошедшее до нас архивное наследие историка из обоих фондов невелико (практически 29 дел за 1834—1868 гг.).

Задача данного обзора состоит в том, чтобы обратить внимание исследователей на материалы, относящиеся к деятельности Ешевского в области русской истории, как наименее изученной стороны его научного наследия. В связи с тем что разграничение хранения архивных материалов Ешевского носит случайный характер, их обзор будет сделан не по хранилищам, а по группам: 1) биографические материалы, 2) документы преподавательской деятельности, 3) научные заметки, 4) переписка.

Биографические материалы Ешевского представлены широко. Хронологические рамки этих документов охватывают период с 1834 по 1868 г. Основную массу биографических документов занимают копии материалов из архива Московского университета (1847—1864), подробно освещающие последний период жизни ученого⁵. Сохранились также копия родословной Ешевских⁶, памятные листы (матрикулы) студента Ешевского⁷, копия формулярного списка о прохождении службы⁸, копия дневника

поездки историка за границу в 1859 г.⁹ Несколько документов отражают участие Ешевского в разработке проектов по народному образованию¹⁰.

Особый интерес представляют воспоминания А. С. Трачевского и И. Х. Штутгарта о Ешевском¹¹. Воспоминания Штутгарта имеют дату 25 декабря 1868 г. По-видимому, воспоминания Трачевского относятся также ко второй половине 1860-х годов. На это указывает его письмо К. Н. Бестужеву-Рюмину от 10 апреля 1866 г.¹², в котором автор сообщает, что высылает «все существенное о Степане Васильевиче». Видимо, указанные воспоминания были написаны по просьбе Бестужева-Рюмина, так как данные воспоминаний широко используются им в биографическом очерке о Ешевском¹³. Можно предположить, что Бестужев-Рюмин обращался за подобной помощью не только к Трачевскому и Штутгарту. Воспоминания значительно дополняют ранее опубликованные, тем более что сам Трачевский указывает, что не все из того, что было им написано об ученом, публиковалось. Они являются ценным источником для изучения творчества Ешевского, раскрывающим широту взглядов историка, его большой интерес к проблемам современности.

Материалы, характеризующие Ешевского как преподавателя, педагога, занимают небольшое, но чрезвычайно важное место в архивном наследии историка. Это объясняется прежде всего тем, что научные изыскания ученого и его преподавательская деятельность были связаны самым тесным образом. Опубликованные труды Ешевского по истории России XVIII в. являются частью лекционного курса, прочитанного историком в Казанском университете. Материалы отражают также степень проникновения результатов новых исследований в преподавание истории, что придает им особое значение.

Интересный документ педагогической деятельности Ешевского — его рецензия «Замечания на отдел статьи Восп[итаника] Петровского о состоянии русского общества до Иоанна IV с 19 по 32 лист (о начале и распространении христианства в России и о русском духовенстве)»¹⁴. Данная работа несколько расширяет и наши представления о взглядах историка на вопросы зарождения христианства и распространения его в России. Рукопись не датирована, поэтому условно пока ее можно заключить в хронологические рамки между 1853 и 1864 гг.

В рецензии затрагивается ряд проблем, связанных с появлением христианства, его введением и распространением на Руси. В центре внимания историка также отношение русского народа и светской власти к духовенству, земельная собственность монастырей, распространение просвещения в России в связи с принятием христианства.

Однако рецензия требует к себе особого подхода, так как была написана на сочинение воспитанника, ученика, на что указывает заключительная часть рецензии. Критикуя взгляды Петровского, Ешевский выступал больше в качестве педагога-воспитателя, чем ученого. Это является важным фактом и должно учитываться при оценке рецензий. Выводы, сделанные в рецензии, — это мысли широко эрудированного и знающего человека, но заблуждающегося в отдельных вопросах в силу многих социальных аспектов того времени.

Ценным источником, отражающим как преподавательскую, так и научную деятельность историка, являются копии «Программы русских древностей для преподавания студентам IV курса историко-филологического факультета в течение 1856—1857 академического года», «Программы русской истории для преподавания студентам II и III курсов историко-филологического факультета в течение 1856—1857 академического года» и «Программы русской истории для студентов II и III курсов историко-филологического факультета на 1857—1858 академический год»¹⁵. Кроме того, имеется также копия «Программы годичных испытаний по всеобщей истории студентам историко-филологического факультета I, II и III курсов за 1856—1857 академический год»¹⁶.

Курс русских древностей Ешевский собирался посвятить в большей части исторической этнографии, считая, «что только после тщательного

рассмотрения различных народностей и после сличения форм быта, верований и т. п. у племен, обитавших в пределах России, можно приступить к внутренней истории самого русского народа»¹⁷. Ешевский отмечает неразработанность этой проблемы. Он считает, что «этнография древних племен требует проверки и дополнения современным бытом тех из них, которые еще сохранились до нашего времени»¹⁸. Все это должно было предшествовать изложению русских древностей. Далее историк предполагал остановиться на рассмотрении «умственной, нравственной, юридической и политической сторон народной жизни»¹⁹. Крайним пределом должна была стать эпоха петровских преобразований.

Курс русской истории ученый думал начать с обозрения источников по русской истории, языку, народным преданиям и народной поэзии. Особое место он предполагал уделить летописям конца XVII в. Перед изложением русской истории Ешевский собирался сделать географическое обозрение с выявлением значения влияния природных условий на ход исторического развития. Далее историк хотел остановиться на происхождении русского государства, связях его с Византией, распространении христианства на Руси и роли духовенства в образовании русских земель. Ешевский предполагал закончить курс началом XVII в., уделив особое место созданию централизованной государственной власти.

Продолжением этой программы явилась программа курса на 1857—1858 гг. лекций по истории России XVI и XVII вв. — «истории переходной эпохи, отделяющей древнюю Русь от Петровской России»²⁰. Ешевский хотел заняться «исследованием многообразных сторон внутренней жизни русского народа, останавливаясь на изменениях в юридических понятиях и учреждениях, в нравах и понятиях общества. Умственное движение, сближение с Западом, учреждение школ, исправление церковных и богослужебных книг и следствие исправления — раскол — займет одно из главнейших мест в изложении»²¹. Особое место предполагалось уделить петровским преобразованиям.

Для подготовки курсов историк использовал издания древних актов Археографической комиссии, дворцовые разряды, памятники дипломатических сношений, Полное собрание законов Российской империи, летописные свидетельства, записки иностранцев, литературные памятники, современные этнографические исследования. Из научных трудов были использованы работы И. Ф. Т. Эверса, К. А. Неволлина, С. М. Соловьева, М. П. Погодина, О. М. Бодянского, Б. Н. Чичерина, И. Д. Беляева, В. И. Срезневского, В. Н. Григоровича, Ф. И. Буслаева, Н. В. Калачева, К. Д. Кавелина, А. С. Афанасьева, И. Е. Забелина, историков русской церкви Макария и Филарета, а также труды иностранных и особенно славянских исследователей.

Объем документальных материалов научного характера невелик — всего три дела объемом в 206 листов. Это различные заметки Ешевского, дошедшие до нас в виде тетрадей, записной книжки и отдельных листов бумаги. Все они не датированы.

Интерес представляет записная книжка ученого, которую он вел во время своей заграничной поездки²². Судя по датам выхода книг, выписанных Ешевским, из которых самые поздние относятся к 1861 г., можно предположить, что записи велись во время его первой или второй поездки, т. е. в конце 1861 и 1862 г. Записи представляют списки книг Ренана, Жиро, Пише и других по истории готы и искусству с цитатами из них на французском, немецком и русском языках.

Записная книжка Ешевского интересна тем, что показывает круг чтения и интересов историка. Она свидетельствует о том, что ее владелец не замыкался в тесных рамках своих университетских курсов: его привлекали и живо интересовали разнообразные вопросы социальной и культурной жизни.

Отдельное дело составляют научные заметки ученого. Из этой разнородной массы материала можно выделить группу заметок статистико-этнографического характера: «Статистические замечания» и «Этногра-

фические заметки», «Указания на нравы XVI—XVIII столетия»²³. Условно их можно заключить в хронологические рамки между 1853 и 1859 гг., когда Ешевский непосредственно занимался вопросами статистики и этнографии России.

В «Статистических замечаниях» имеются выписки и ссылки на статьи И. Линка, А. Рославского, К. Веселовского, Н. Данилевского, К. И. Арсеньева, С. Н. Корсакова, М. А. Урсулова из «Журнала Министерства внутренних дел» за 1836, 1844, 1846, 1847, 1851 гг. и «Вестника Географического общества» за 1852, 1853 гг. по статистике. Интересны также две заметки, одна из которых озаглавлена автором «Замечательнейшие противоречия в показаниях»²⁴. В ней Ешевский указывает на противоречия в данных о количестве населения в России, опубликованных в «Материалах для статистики», основанных на донесениях епархиальных начальников, и сведениях, изданных Министерством финансов. Та же разница в данных о количестве населения в европейской России отмечается Ешевским в исследованиях П. Кеппена и данных статистического отделения при Министерстве внутренних дел за 1846 г. Во второй заметке историк рассматривает повышение смертности в различных губерниях России за 1831, 1833, 1835, 1840—1843, 1848 гг. в связи с неурожаями²⁵.

В «Этнографических заметках» сделаны выписки и ссылки на статьи П. Кеппена, Н. Берга, В. Штерна, С. Е. Мельникова, П. С. Савельева, В. И. Лебедева, В. Н. Латкина из ЖМВД за 1843, 1848, 1852 гг. и ВГО за 1852, 1853 гг. о тунгусах, ненцах, якутах, бурятах, народах тюркского происхождения, литовцах, латышах, евреях, населении киргизских степей и Бессарабии²⁶.

В конце заметок на основании этнографической карты П. Кеппена Ешевским вычислено количество нерусского населения в России — 8 493 782 человека²⁷. Данные этой карты о количестве «инородцев» в Московской, Владимирской, Ярославской, Костромской губерниях приводятся Ешевским в работах «Русская колонизация северо-восточного края» и «Миссионерство в России»²⁸.

Центральное место в выписках о нравах в XVI—XVIII вв. занимает четырехтомный труд А. С. Терещенко «Быт русского народа»²⁹, откуда цитируются обрядовые песни и другие сведения³⁰. Кроме того, Ешевский подробно останавливается на обычае кражи невест, существовавшем в древности и сохранившемся в некоторых губерниях России, в Болгарии и Сербии³¹.

Особый интерес представляет заметка о духовенстве³². Это перечень документов, опубликованных в Актах Археографической экспедиции³³. Кроме того, Ешевский приводит еще два документа, взятые из Актов исторических³⁴. Подбор Ешевским источников о духовенстве, вероятно, не случаен. Все они свидетельствуют о нарушениях монахами монастырских уставов, о их развратной жизни, безграмотности. Заметка о духовенстве приобретает особое значение в связи со взглядами историка на роль русской православной церкви и религию в истории России, высказанными, в частности, в рецензии на работу воспитанника Петровского.

Следует отметить еще несколько заметок, хранящихся в фонде. Из них особый интерес представляют заметки «Народное образование, школы и училища в царствование Елисаветы»³⁵.

Это список правительственных узаконений по образованию, опубликованных в ПСЗ³⁶. Выписки тесно связаны с лекционным курсом Ешевского о царствовании Елизаветы Петровны, прочитанном в Казанском университете в 1855—1856 гг. Думается, что эти годы можно считать датой написания заметок. По-видимому, к этому же времени относится и заметка «Обзор политической истории хазар»³⁷, в которой сделаны выписки из статьи В. В. Григорьева, опубликованной в ЖМНП, и других источников.

Интересны также заметки ученого к неуставленному сочинению по русской истории³⁸. Они разделены на части, содержащие примечания к главам V—VIII. В заметках сделаны выписки о «Вире и продаже по Рус-

ской Правде», о религиозном значении князя, о новгородских пятинах и погостах.

Кроме того, среди материалов имеется заметка, озаглавленная «Иван Иванович Неплюев»³⁹. Это сокращенное начало «Очерка царствования Елизаветы Петровны»⁴⁰. Заметка не закончена: имя И. И. Неплюева в ее тексте не встречается. Вероятно, это только начало предполагаемой статьи о нем. По времени заметку можно отнести в годы преподавания Ешевским курса русской истории в Казанском университете. Это, по сути, краткий очерк состояния России после смерти Петра I до воцарения Елизаветы.

Несмотря на небольшой объем и отрывочность, заметки Ешевского представляют немаловажный интерес, так как позволяют заглянуть в творческую лабораторию автора. Делая выписки, Ешевский тем самым определял свое отношение к историческим событиям, отмечая самое главное, что соответствовало ходу его мысли или же, напротив, вызывало в нем возражения. Подобные выписки часто становились отправными точками для исторических концепций их автора. Они позволяют судить о складывании научных взглядов в процессе работы ученого над определенной темой.

Переписка Ешевского сохранилась, по-видимому, не полностью и носит в основном личный характер. Интерес представляют 19 писем Ешевского К. Н. Бестужеву-Рюмину, близкому другу ученого (1847—1863)⁴¹. Некоторые из них не датированы. Часть писем была использована Бестужевым-Рюминым в биографическом очерке о Ешевском⁴². В письмах содержатся сведения об учении Ешевского в Казанском и Московском университетах, о жизни этих университетов. Интересны упоминания о научных занятиях будущего историка в студенческие годы. В одном из писем он сообщает Бестужеву-Рюмину: «Я сделался защитником славянского происхождения варяго-русов»⁴³. В следующем письме он пишет: «Мне хочется собрать известия восточных, византийских и западных писателей о варягах, а потом представить все мнения о них, расположив эти мнения по главнейшим темам»⁴⁴. Его интересует также положение низшего класса в северной и южной Галлии⁴⁵.

Несколько писем относится ко времени преподавательской и научной деятельности историка в Казанском университете. В них Ешевский рассказывает о работе над подготовкой курса русской истории, который он собирался прочесть, об использованных им источниках: «Для XVIII столетия, благодаря Буличу, Сахарову, городской библиотеке и книжной лавке Мясникова, у меня материалов достаточно. Я разумею старые журналы, в которых, особенно в «Отечественных записках» и «Русском вестнике», пропасть разбросанных материалов. Недостает некоторых заметок и иностранных источников, так что кроме Шлоссера «История XVIII столетия» у меня нет ничего под рукою, но русские источники я надеюсь иметь под руками. . . Удалось просмотреть два хронографа, из которых один доходит до Михаила Федоровича, и думаю сделать выписки»⁴⁶. Ешевский просит прислать ему книги Данилова, Грибовского, Нащокина, Порошина, Миниха, которые ему необходимы для чтения лекций по XVIII в. Его интересует также «История раскола» Макария⁴⁷.

Значительно дополняют сведения об одесском и казанском периодах деятельности историка письма Ешевского Н. С. Перфильевой (1850—1857 гг.). В них сообщается о лекциях по статистике и русской истории, которые он читал в Ришельевском лицее в Одессе и в Казанском университете⁴⁸, об археологических изысканиях Ешевского в районе р. Камы и Седьмизерной пустыни, недалеко от Казани⁴⁹, о работе над статьей «О чувашах по поводу книги Сбоева», для которой он собрал обширный материал⁵⁰.

Основную часть переписки составляют заграничные письма историка жене, сформированные в одно дело объемом в 160 листов (1859—1864)⁵¹, содержащие сведения о работе ученого за границей и позволяющие проследить маршрут поездки Ешевского по Европе.

Среди архивных материалов историка хранятся адресованные ему письма А. А. Альфонского, Е. Баумгартена, А. Бушера, К. Герца, С. Горина, А. Грачевского, Л. и С. Евреиновых, А. Оболенской, А. Орлова, Перфильевых⁵², Г. Иванова, Н. П. Вагнера, Е. Киттара, М. Вецлар, А. Головина, А. М. Бутлерова, немецкого профессора Ауэрбаха, А. В. и В. В. Ешевских, Мурзакевича и др.⁵³

В ОПИ ГИМ хранятся также письма, адресованные Ю. П. Ешевской, жене историка. Это письма Е. Антроповой, К. Н. Бестужева-Рюмина, А. В. и Н. Булич, Н. Бутлеровой, Г. Карпова⁵⁴, М. Маркович, А. С. и В. Перфильевых, А. Трачевского, Т. Пустякович⁵⁵. Копии этих писем хранятся в составе фонда Нижегородской губернской ученой архивной комиссии⁵⁶.

Архивное наследие Ешевского заслуживает самого внимательного изучения. Оно содержит ценную информацию для историков, источниковедов, историографов, этнографов. Между тем материалы из архивов ученого используются и вводятся в научный оборот пока еще недостаточно. Детальное изучение документальных материалов Ешевского совместно с опубликованными работами представляется важным и необходимым делом.

¹ ОПИ ГИМ, ф. 312, оп. 312, д. 1—17.

² ГАГО, ф. 1827, оп. 824, д. 1—23.

³ ОПИ ГИМ, ф. 312, д. 1—5, 7, 10.

⁴ Там же, д. 6, 11.

⁵ ГАГО, ф. 1827, д. 3.

⁶ Там же, д. 1.

⁷ Там же, д. 3.

⁸ Там же, д. 4.

⁹ Там же, ф. 1827, д. 6.

¹⁰ ОПИ ГИМ, ф. 312, д. 1, л. 5—7, 10, 11.

¹¹ Там же, л. 31—44.

¹² Там же, д. 12, л. 4, 5.

¹³ *Бестужев-Рюмин К. Н.* Биографии и характеристики. СПб., 1882, с. 273—350.

¹⁴ ОПИ ГИМ, ф. 312, д. 2, л. 90—94.

¹⁵ ГАГО, ф. 1827, д. 7, л. 9—14, 21—23.

¹⁶ Там же, л. 14—21.

¹⁷ Там же, л. 12.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ГАГО, ф. 1827, д. 7, л. 13.

²⁰ Там же, л. 21.

²¹ Там же.

²² ОПИ ГИМ, ф. 312, д. 2.

²³ Там же, л. 6—46.

²⁴ Там же, л. 18.

²⁵ Там же, л. 30.

²⁶ Там же, л. 33—39, 45, 46.

²⁷ Там же, л. 44.

²⁸ *Ешевский С. В.* Сочинения по русской истории. СПб., 1900, с. 288, 336.

²⁹ *Тереженко А. С.* Быт русского народа: В 4-х т. СПб., 1848.

³⁰ ОПИ ГИМ, ф. 312, д. 2, л. 7, 9, 11.

³¹ Там же, л. 10.

³² Там же, л. 12.

³³ ААЭ. СПб., 1836. Т. 1—4.

³⁴ АИ. СПб., 1841. Т. 1.

³⁵ ОПИ ГИМ, ф. 312, д. 2, л. 87, 88.

³⁶ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 11—15.

³⁷ ОПИ ГИМ, ф. 312, д. 2, л. 95, 96.

³⁸ Там же, л. 1—5.

³⁹ Там же, л. 97.

⁴⁰ *Ешевский С. В.* Указ. соч., с. 3—8.

⁴¹ ОПИ ГИМ, ф. 312, д. 5, л. 1—25; ГАГО, ф. 1827, д. 8.

⁴² ОПИ ГИМ, ф. 312, д. 5, л. 3.

⁴³ Там же, л. 3.

⁴⁴ Там же, л. 6.

⁴⁵ ГАГО, ф. 1827, д. 8, л. 4 об.

⁴⁶ ОПИ ГИМ, ф. 312, д. 5, л. 20—30.

⁴⁷ ГАГО, ф. 1827, д. 8, л. 7.

⁴⁸ ОПИ ГИМ, ф. 312, д. 5, л. 37, 40, 43—45.

⁴⁹ Там же, л. 43.

⁵⁰ Там же, л. 43 об.

⁵¹ Там же, д. 4.

⁵² Там же.

⁵³ ГАГО, ф. 1827, д. 9—22.

⁵⁴ Среди фотографических материалов, собранных Г. Ф. Карповым, были обнаружены две фотографии Ешевского. Одна из них воспроизведена на титульном листе книги «Сочинения по русской истории» (М., 1865). На второй фотографии имеется дарственная надпись, сделанная за две недели до смерти историка: «Геннадию Федоровичу Карпову. 12 мая 1865 г. С. Ешевский».

⁵⁵ ОПИ ГИМ, ф. 312, д. 10.

⁵⁶ ГАГО, ф. 2013, оп. 602а, д. 116.

О ПОДГОТОВКЕ А. Л. БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРДОМ
К ПЕЧАТИ ПЕРЕВОДА
СОЧИНЕНИЯ П. С. ПАЛЛАСА О КРЫМЕ

В Крымском краеведческом музее (ККМ) в фонде видного русского археолога и нумизмата Александра Львовича Бертье-Делагарда¹ (1842—1920) хранится обширная рукопись «П. С. Паллас. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793 и 1794 гг. Второй том. Перевод с немецкого»². Известно, что еще в прошлом веке этот том записок Палласа, касающийся путешествия знаменитого естествоиспытателя и географа по Тавриде, был издан в переводе на русский язык³. Но из опубликованного письма Бертье-Делагарда к председателю Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) А. И. Маркевичу от 27 февраля 1918 г.⁴ известна также и его оценка указанной публикации: ученый находил перевод «истинно ужасным... где едва ли найдется верно переданная фраза». Вместе с тем Бертье-Делагард придавал исключительное значение сочинению Палласа как историческому источнику⁵. Вот основные причины, побудившие уже тяжелобольного Бертье-Делагарда откликнуться на просьбу ТУАК⁶ и в марте—июне 1918 г. подготовиться к печати новый перевод труда Палласа, который так и не увидел света.

Предисловие к публикации (оно названо «От переводчиков»)⁷, подписанное двумя авторами — Бертье-Делагардом и его сестрой С. Л. Белявской, написано рукой последней, вероятно под его диктовку⁸. Предисловие представляет несомненный интерес для истории источниковедения, археографии, отечественной исторической науки в целом. Его авторы, отмечая всевозрастающий во второй половине XVIII в. интерес к исследованию Крыма («ставшему возможным» лишь после его присоединения к России в 1783 г.), указывают, что к этому делу привлекались «наиболее крупные ученые, но только самая малая их часть излагала свои труды на русском языке, а почти все изданное на языках иностранных осталось непереуведенным и «неведомым для русских». По мнению авторов, ответы на вопросы, чем была Таврида до перехода к России, чем стала после этого, «ближе всего найдутся в старых первоначальных исследованиях, тем более значащих, что они делались иностранцами, с особою раздражительностью и даже злобною ненавистью смотревших на успехи России на берегах Черного моря. Их правдивость требует внимательного критического изучения, но их всего менее можно заподозрить в пристрастии и особой благосклонности к нашему отечеству. Вот поводы, побудившие Таврическую ученую архивную комиссию ближе познакомиться Россию с трудами исследователей Тавриды. На первом месте меж ними стоит, без сомнения, первоклассный европейский ученый, русский академик Петр Симон Паллас. Его работы по естествознанию и в особенности его ученые путешествия по северу и востоку России дали ему ту славу, которая заставила всю ученую Европу с особым вниманием ждать появления трудов по его второму путешествию, в котором он объездил и подробно исследовал Тавриду». Авторы предисловия обстоятельно характеризуют западноевропейские и русские издания XVIII—XIX вв. записок Палласа и приходят к выводу, что «это замечательное сочинение... осталось малоизвестным в России».

Значительное место в предисловии занимает обоснование принципов, положенных в основу перевода труда Палласа, представляющего собой «не простое описание, а истинно ученое сочинение своего времени». Эта часть предисловия, раскрывающая взгляды видного исследователя на задачи и методы подготовки к печати такого рода работ, заслуживает подробного с ней ознакомления. Авторы пишут: «Небольших знаний достаточно, чтобы видеть, до какой степени в научном смысле устарело сочи-

нение Палласа; даже его прямые указания историко-археолого-географического свойства переполнены ошибками. Все это в первую голову поставило вопрос о сопровождении перевода комментариями, объяснениями, согласованиями. Если понимать перевод в таком смысле, то, конечно, была бы необходима для его совершення целая комиссия ученых, и ее замечания, вероятно, заняли бы более места, чем самый труд Палласа. Быть может, так исполненная работа была бы желательна и полезна, но это был бы не перевод, а сборник ученых работ на задания Палласа, во всех отношениях непосильный переводчикам, которые в основу своей работы положили лишь безусловно точный перевод и ничего более; ни исправлять, ни улучшать Палласа они не могли и помыслить, тем более подделывать его труд под современное понимание научных истин; в переводе не указывали и не давали исправлений даже совершенно несомненных и явных ошибок. Всякие объяснения и исправления могут стать предметом последующих работ, а теперь переводчики полагали дать только и в полной точности то самое, что мог бы узнать и почерпнуть немец в свое время из подлинного труда ученого автора. Даже и в таком виде перевод все же нередко представлял неисходные трудности, особенно в его ученых частях, так как приходилось всю эту сторону труда Палласа представить не в современном знании, а в том его понимании, каким оно признавалось самим автором. . . Такая постановка дела облегчалась существованием русского перевода времен Палласа (1795 г. — С. Ф.), указывавшим именно его понимание и даже выражения; кроме того, имеются переводы французские и английские, сделанные в те же первоначальные времена известными тогдашними учеными. Все это было привлечено к делу, и настоящий перевод, тщательно просмотренный, раза по два, с немецким текстом, затем он сравнивался слово за слово с первым переводом, сделанным на французский язык под просмотром самого Палласа (1801 г. — С. Ф.); при каком-либо сомнении мысль автора проверялась по всем бывшим переводам и изданиям, находившимся в распоряжении переводчиков. Изрядное знакомство переводчиков с подлинными местами Тавриды давало надлежащее понимание там, где дело шло о познании чисто местных условий.

Все это представляет смысл перевода по его внутреннему существу. Внешнюю же его сторону можно определить кратко и просто: это безусловно и строго точное повторение во всем, от буквы до буквы, второго тома первого немецкого издания (1801 г. — С. Ф.); его заглавие, посвящение, расположение по главам и параграфам сохранены; даже страницы подлинного немецкого текста обозначены сбоку на полях, чтобы легче находить и сравнивать с подлинником всякое желаемое место. Очень небольшие дополнения, сделанные самим Палласом в последующих изданиях, прибавлены в надлежащих местах с соответственным указанием их места нахождения. . . Разумеется, к переводу необходимо приложить указатели: географический, личный, предметный. . . Собственные имена даны с точностью, буква в букву, по Палласу, прибавляя в скобках их подлинное написание латинским шрифтом. Так же поступлено и при переводах всех сомнительных названий, особенно данных с народного немецкого языка; в таких случаях давались подлинные названия и соответствующие систематические латинские; это замечание в особенности относится к указаниям автора по флоре и фауне. К цитатам Палласа из древних авторов, данных по-латыни, прибавлены их точные переводы. . .»

Записки Палласа, с особой тщательностью переведенные на русский язык столь авторитетным знатоком истории Крыма, как Бертье-Делагард, безусловно, послужат дальнейшему изучению прошлого региона.

¹ См. о нем: БСЭ. 3-е изд., 1970, т. 3; СИЭ. М., 1962, т. 2.

² РКМ, КП—22971, л. 1—175 об. Основ-

ной текст машинописный, предисловие рукописное.

³ Путешествие по Крыму академика Пал-

ласа в 1793 и 1794 годах / Пер. с нем. М. Славич; Примеч. К. Караулова. — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1881, т. 12, с. 62—208; 1883, т. 13, с. 35—107.

- ⁴ Известия Таврической ученой архивной комиссии (далее — Приложение. . .). Симферополь, 1920, № 57. Прилож., с. 9—11. В письме содержится развернутая программа издания задуманной ТУАК, но не осуществленной серии записок иностранцев о Крыме, начиная

с писателей древности и кончая первой половиной XIX в.

- ⁵ В вышеназванном письме Бертье-Делагард рекомендовал «начать с труднейшего, но и наибольшего по научному значению путешествия Палласа». — Приложение. . ., с. 11.
⁶ Приложение. . ., с. 12.
⁷ РКМ, КП-22971, л. 1—7 об.
⁸ Такой метод работы был характерен для последних лет жизни ученого.

Е. В. Васневская

ВОСПОМИНАНИЯ-ИНТЕРВЬЮ О БИТВЕ ПОД МОСКВОЙ

В Научном архиве Института истории АН СССР хранятся стенограммы воспоминаний участников войны, записанные сотрудниками Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР в 1942—1947 гг. (ф. 2, р. 1). Значительная их часть посвящена битве под Москвой. Это объясняется не только огромным значением битвы, но и тем, что перед Комиссией при ее создании ставилась одна задача — сбор материалов по истории обороны Москвы, и лишь позже тематика работ была расширена¹.

Стенограммы бесед с участниками битвы под Москвой записывались в течение шести лет. Начало этой работе положил заместитель председателя комиссии член-корреспондент АН СССР (ныне — академик) И. И. Минц, который в феврале 1942 г. провел беседы с командно-политическим составом 5-й армии (ф. 2, р. 1, оп. 21, д. 1—3). Из трех сделанных им записей наибольший интерес представляют воспоминания генерал-лейтенанта Л. А. Говорова (ф. 2, р. 1, оп. 21, д. 1). Эта стенограмма — одна из немногих записей бесед с командующими армиями, принимавшими участие в битве под Москвой. После окончания войны Л. А. Говоров не написал мемуаров, таким образом, эта стенограмма уникальна.

В ходе записи И. И. Минцу удалось найти форму составления стенограмм, принятую затем комиссией. В них обязательно указывались фамилия научного сотрудника, проводившего беседу, а также дата и место записи. Ранние стенограммы имеют особенности: в них наряду с воспоминаниями рассказчиков передаются вопросы и реплики научного сотрудника, которые позднее из текста стали исключаться, и стенограммы приобрели вид свободных воспоминаний.

Основные принципы составления стенограмм были сформулированы в «Инструкции воинским частям о составлении истории», выработанной в середине 1942 г. (ф. 14 «К», р. 1, д. 7, л. 20—23). Один из ее разделов содержал указания по записи рассказов участников боев. Как показывает анализ стенограмм, сотрудники Комиссии придерживались именно этих указаний.

Точное определение круга вопросов, важных для дальнейшей работы комиссии, не всегда было возможно. Сотрудники, выезжавшие на фронт для записи бесед с воинами тех или иных соединений, должны были в основном ориентироваться на месте, так как в ходе работы они узнавали боевой путь данного соединения, знакомились с его героями. Видимо, поэтому составление стенограмм в определенной части старались поручать одному и тому же сотруднику. Несмотря на то что стенограммы оформлялись в виде воспоминаний рассказчиков, тексты позволяют в некоторых случаях довольно точно определить роль научных сотрудников в записи бесед: как правило, именно они давали основное направление воспоминаниям.

Сбором материалов по истории Московской битвы занимались многие научные сотрудники: Г. Н. Анпилов, А. А. Белкин, Е. М. Грицевская, Р. И. Кроль, А. Л. Сидоров (заведующий отделом истории воинских частей). Большая работа была проделана Р. И. Голубевой. Она составляла целые комплексы стенограмм в 8-й гвардейской стрелковой дивизии им. генерал-майора И. В. Панфилова, 43-й гвардейской Латышской стрелковой дивизии (ф. 2, р. 1, оп. 28, 16). Кроме этого, она собирала материалы об участии в битве под Москвой 4-го кавалерийского корпуса им. Л. М. Доватора, курсантов училища им. Верховного Совета РСФСР, Подольского пехотного училища и т. д. (ф. 2, р. 1, оп. 29, 50, 202). Обширные комплексы были созданы П. М. Федосовым и Я. Л. Лившицем. П. М. Федосов в течение 1942 г. собрал содержательные воспоминания о боях 1-й Московской гвардейской мотострелковой дивизии у стен столицы, а Я. Л. Лившиц — о 1-й гвардейской танковой бригаде (ф. 2, р. 1, оп. 12, 36).

В битве под Москвой главный удар приняли на себя войска Западного фронта, они отражали прямой натиск на столицу группы армий «Центр», поэтому при сборе материалов по истории разгрома немцев под Москвой сотрудники комиссии сконцентрировали свое внимание на соединениях именно этого фронта. Действия же Калининского и Юго-Западного фронтов практически не отражены в стенограммах. Запись бесед с участниками сражения велась в основном по воинским соединениям. Принципы отбора последних были различны. В первую очередь комиссию интересовали особо отличившиеся соединения. К таким относятся 8-я гвардейская стрелковая дивизия им. И. В. Панфилова, 1-я гвардейская танковая бригада генерал-майора М. Е. Каткуова, 1-й гвардейский конный корпус генерал-майора П. А. Белова.

Шесть стенограмм бесед с командно-политическим составом 1-го гвардейского конного корпуса генерал-майора П. А. Белова (в момент записи воспоминаний командно-политического состава 61-й армии) объединены в одно дело (ф. 2, р. 1, оп. 49, д. 1). Наибольший интерес в нем представляет стенограмма беседы с П. А. Беловым (ф. 2, р. 1, оп. 49, д. 1, л. 1—58).

В период битвы под Москвой П. А. Белов командовал конно-механизированной группой, ядро которой составлял его конный корпус. В стенограмме нашли отражение все основные боевые действия, в которых принимал участие корпус и приданные ему стрелковые, танковые и артиллерийские соединения: совместный контрудар корпуса и 49-й армии по противнику в районе Серпухова, оборона группой П. А. Белова Каширы и наступление левого фланга Западного фронта в декабре 1941 г. Несмотря на лаконичность изложения, автор проследил весь боевой путь группы в битве под Москвой. Сравнение изложения одних и тех же фактов и событий в стенограмме и мемуарах П. А. Белова «За нами Москва» показывает разную степень полноты описания². Это объясняется не только формой записи (стенографируемая беседа требует лаконичности), но и целями, которые преследовались в одном и другом случае. Стенограмма 1943 г. сопровождается письмом П. А. Белова к И. И. Минцу. Оно написано после просмотра автором готовой записи беседы, в которой он обнаружил «ненужные детали» и разговор, «не относящийся к делу» (ф. 2, р. 1, оп. 49, д. 1, л. 1—2). А среди зачеркнутого текста стенограммы есть немало эпизодов, вошедших позднее в мемуары³. Следовательно, П. А. Белов сознательно ограничивал свои воспоминания в 1943 г. описанием хода боевых действий.

Для обоих источников характерен одинаковый план повествования. Вместе с тем между их текстами имеются незначительные расхождения в описании отдельных деталей событий. Взаимосвязи стенограммы и мемуаров неясны. Возможно, их сходство объясняется использованием дневника, который вел в военные годы П. А. Белов (о нем упоминает в предисловии к книге журналист В. Успенский, помогавший П. А. Бе-

лову в работе над ней⁴. На дневник ссылается и сам П. А. Белов в письме к И. И. Минцу в 1943 г.).

Самым крупным собранием по истории Московской битвы является комплекс стенограмм, составленных Я. Л. Лившицем в 1-й гвардейской танковой бригаде. Работа проводилась в мае 1942 г. в г. Ливны, где 1-й танковый корпус, в состав которого в то время входила бригада, находился в резерве Брянского фронта⁵. В течение двух недель было проведено 60 бесед (ф. 2, р. 1, оп. 36, д. 51—114). Первоначально были составлены стенограммы бывшего командно-политического состава бригады работников штаба и политотдела, а также командиров 1-го и 2-го танковых батальонов бригады. Затем были опрошены танкисты: командиры танков, механики-водители, наводчики, стрелки. Довольно точное следование иерархической лестнице позволило собрать рассказы о всех боевых действиях 1-й гвардейской танковой бригады в битве под Москвой.

Хронологические рамки воспоминаний различны. Одни начинаются с первых дней Великой Отечественной войны, другие — с момента вступления бригады в Московское сражение. Но все рассказы завершаются периодом разгрома немцев под Москвой. Таким образом, стенограммы этого комплекса посвящены действиям 1-й гвардейской танковой бригады в октябре 1941—январе 1942 г. под Москвой. Конечно же, воспоминания, запечатленные в этих документах, неравноценны по своему содержанию. Стенограммы бесед с командованием бригады шире по объему освещенных в них событий, чем стенограммы средних и младших командиров, поскольку в них изложены боевые действия бригады на всех этапах битвы. Но в то же время командиры танковых батальонов и рот, казалось бы менее осведомленные в оперативном отношении, дают детальное описание отдельных боев и операций, в которых участвовало их подразделение. Значительное место в комплексе 1-й гвардейской танковой бригады занимают стенограммы сержантского и старшинского составов. Эти рассказы в основном отображают действия отдельных танковых экипажей. Причем зачастую описания боев даются без указания даты и места события, что затрудняет их использование. Иногда по отдельным деталям операции, с привлечением других рассказов, удается определить время и место боя. Но в некоторых стенограммах содержится только последовательное перечисление боев, в которых участвовал тот или иной рассказчик.

События, описываемые в стенограммах, завершились незадолго до того момента, когда Я. Л. Лившиц приступил к записи воспоминаний танкистов бригады, и, следовательно, не могли основательно забыться. Но при этом нельзя не учитывать тот факт, что бригада участвовала в напряженнейших боях. Командование рассматривало ее как мощный бронированный кулак и направляло на самые сложные участки фронта. Некоторые бои продолжались по несколько дней. Люди выматывались, и естественно, что многие события, пережитые на пределе сил, не откладывались достаточно четко в памяти. Поэтому в рассказах танкистов встречаются неточности. Но самые яркие, самые ответственные моменты передаются, как правило, с максимальной достоверностью.

Одной из первых Я. Л. Лившицем была сделана запись беседы с командиром 1-го танкового корпуса генерал-майором М. Е. Катукowym, в период битвы под Москвой командовавшим 4-й танковой бригадой, за бои под Орлом и Мценском получившей звание гвардейской и именованной с тех пор 1-й гвардейской танковой бригадой (ф. 2, р. 1, оп. 36, д. 71). Эта стенограмма довольно большая — 10 л. Запись имеет собственноручную правку М. Е. Катукова (лексического характера). Следовательно, при записи ничего не искажено и рассказ воспроизведен абсолютно точно. Как и все остальные стенограммы комплекса, воспоминания М. Е. Катукова начинаются данными автобиографического характера (ф. 2, р. 1, оп. 36, д. 71, л. 1—2). После короткого рассказа о формировании бригады в Сталинграде следует описание боев под Москвой (ф. 2,

р. 1, оп. 36, д. 71, л. 3—10). Главная особенность этой стенограммы в том, что автор концентрирует основное внимание на анализе тактики, применявшейся его танкистами в боях у стен столицы, пытается обобщить боевой опыт соединения.

Материалы по истории 8-й гвардейской стрелковой дивизии им. И. В. Панфилова насчитывают 34 ед. хр. (ф. 2, р. 1, оп. 28). Работа по составлению этого комплекса была начата в октябре 1942 г. и продолжалась несколько лет. В стенограммах не указано место проведения записи, но довольно большой объем (например, воспоминания политрука 2-го батальона 1073-го стрелкового полка батальонного комиссара А. В. Логвиненко занимают 40 с.) позволяет предположить, что если беседы и проводились в Действующей армии, то в период длительного затишья (ф. 2, р. 1, оп. 28, л. 9). Записи 1944 г. были сделаны в Москве, где находились на учебе в военных академиях некоторые панфиловцы (ф. 2, р. 1, оп. 28, д. 8, 17, 18). Работу по созданию комплекса стенограмм 8-й гвардейской стрелковой дивизии проводили несколько научных сотрудников комиссии: Е. М. Грицевская, Р. И. Кроль и др. Но все же большая часть работы была выполнена Р. И. Голубевой, которая закончила составление стенограмм после войны: в конце декабря 1946—начале января 1947 г. она провела в Алма-Ате беседы с 17 бывшими панфиловцами (ф. 2, р. 1, оп. 28, д. 19—36). Среди стенограмм комплекса значительное место занимают записи бесед с командирами и политработниками дивизии. Это комиссары 1073-го и 1077-го стрелковых полков подполковники П. В. Логвиненко и А. Л. Мухамедьяров, заместитель начальника штаба 1-го батальона 1073-го полка капитан А. А. Суханов и многие другие (ф. 2, р. 1, оп. 28, д. 3, 9, 18). Особый интерес представляют стенограммы бесед с Героями Советского Союза И. Р. Васильевым и Г. М. Шемякиным, оставшимися в живых участниками боя у Дубосеково (ф. 2, р. 1, оп. 28, д. 14, 28).

Хронологически стенограммы охватывают только Московскую битву. Все рассказы начинаются с прибытия дивизии в октябре 1941 г. под Волоколамск, а завершаются началом контрнаступления в первых числах декабря. Лишь немногие рассказы доведены до января 1942 г.

Большое внимание комиссия уделила истории народного ополчения Москвы. Сбор материалов по этой теме был начат еще в 1942 г. и продолжался до конца Великой Отечественной войны. Прodeлав основную часть работы в первые два года, сотрудники комиссии вновь и вновь возвращались к ней. Это связано с тем, что не все ополченцы остались в армии, многие после завершения боев под Москвой были отозваны с фронта. Часть ополченцев, выбывшая временно из строя, была направлена после выздоровления на фронт в состав других частей. Таким образом, разыскать тех, кто в составе добровольцев Москвы защищал родной город, было совсем непросто, но, несмотря на все эти трудности, в фонде комиссии отложился довольно обширный материал по истории Московского ополчения.

Объем комплексов, оразивших историю ополченческих дивизий, не одинаков. Во многом он зависел от того, как сложилась их судьба в этом сражении. Так, например, 6-я и 8-я дивизии, не успев получить должной подготовки, были брошены на фронт и в первых же боях в октябре 1941 г. почти полностью погибли (ф. 2, р. 1, оп. 41, 45). Естественно, связанные с ними группы документов невелики. Что же касается других дивизий, то их материалы более обширны. Только в 60-й стрелковой дивизии (бывшей 1-й дивизии народного ополчения Ленинского района) было составлено 30 стенограмм, а в 11-й гвардейской стрелковой дивизии (бывшей 18-й дивизии Ленинградского района) — 18 (ф. 2, р. 1, оп. 69, 30). В целом комплекс документов, собранных в этих соединениях, насчитывает 174 ед. хр., в том числе — 167 стенограмм.

Как видно из плана работы военного отдела комиссии на первый квартал 1944 г., каждый район, сформировавший ополчение, был закреплен за определенным сотрудником (ф. 14 «К», р. 1, д. 37, л. 38). Так, Фрунзенским районом занимался П. М. Федосов, Ленинградским — Г. Н. Ан-

пилогов, Москворецким — Р. И. Голубева и т. д. Задачей этих сотрудников было не только составление стенограмм, но и написание очерков по истории дивизий, что должно было стать итогом всей проделанной работы. Эта конечная цель Комиссии во многом совпадала с интересами самих воинских соединений, которые стремились запечатлеть свою историю. Иногда они начинали работу по написанию исторических очерков самостоятельно. Многие из этих рукописей затем были переданы комиссии, которая часто брала эту работу под свой контроль. Так, еще в марте 1942 г. в ответ на сообщение из 1-й ударной армии о работе по созданию ее истории И. И. Минц выслал инструкцию по составлению хроник, присовокупив к ней ряд своих личных советов и порекомендовав, в частности, обратить особое внимание на источниковую базу (ф. 14 «К», р. 1, д. 24, л. 5). Он предложил начать широкий сбор материалов: многотиражек, «боевых листовок» и т. д. Само собой разумеется, И. И. Минц считал необходимым и проведение стенографирования рассказов. Все материалы он предлагал присылать в комиссию. Таким образом, использовалась инициатива самих воинских соединений. Это укрепляло контакты комиссии с частями, заинтересовывало последние в ее работе.

В соединениях охотно помогали сотрудникам комиссии в составлении стенограмм, видя в перспективе возможность написания их истории. Работа велась следующим образом: первоначально намечался круг лиц, с которыми следовало провести беседы. Для общего ознакомления с действиями частей сначала записывались рассказы командира, начальника штаба, а потом уже особо отличившихся бойцов, командиров и политработников. Пример тому — работа Я. Л. Лившица в 1-й гвардейской танковой бригаде.

При всем своем стремлении к плановости сотрудники комиссии не могли избежать в работе и элемента случайности. Они пользовались любой возможностью для составления стенограмм в тылу: записывались беседы с бойцами и командирами, находившимися на излечении в госпиталях, с вызванными с фронта для награждения, учебы, по служебным делам, с демобилизованными из армии по состоянию здоровья. Результаты такой внеплановой записи были различны. В 1944 г. Р. И. Голубевой было сделано четыре записи бесед, три из которых были составлены в октябре в Перхушково. Стенограмма беседы с комиссаром 1077-го стрелкового полка 8-й гвардейской стрелковой дивизии им. генерал-майора И. В. Панфилова подполковником А. Л. Мухамедьяровым стала интересным дополнением к материалам по истории участия панфиловцев в битве под Москвой (ф. 2, р. 1, оп. 28, д. 18).

Две другие стенограммы представляют в фонде материалы 43-й армии. Это записи бесед с инструкторами полиотдела армии по работе среди партизанских отрядов и войск Советской Армии, действующих в тылу противника, майором И. И. Троценко и по работе среди войск противника подполковником И. И. Власовым (ф. 2, р. 1, оп. 174, д. 1, 2). Эти стенограммы содержат сведения об оборонительных боях под Малоярославцем (в рассказе И. И. Троценко) и на р. Наре (в рассказе И. И. Власова). А запись беседы с командиром роты отдельного мотострелкового батальона 43-й армии майором Е. М. Блудилиным занимает всего 1,5 с. (ф. 2, р. 1, оп. 174, д. 3). Фрагментарность, полное отсутствие датировки и указания места событий требуют предварительной сложной расшифровки текста.

В результате таких внеплановых записей бесед создавались группы материалов, объединенных по принадлежности к одной армии. Как правило, такие воспоминания ничем между собой не связаны. Но подобного рода материалы очень малочисленны. Например, по 43-й армии есть всего три стенограммы. Наряду с целыми комплексами стенограмм бесед, записанных в 1-й гвардейской танковой бригаде, 43-й гвардейской Латышской стрелковой дивизии, 1-й Московской гвардейской мотострелковой дивизии, бывшей 1-й дивизии народного ополчения Ленинградского района, есть группы стенограмм, насчитывающие всего несколько единиц хранения, — записи по истории 1-го гвардейского конного корпуса генерал-

майора П. А. Белова, 5-й армии, бывшей 9-й дивизии народного ополчения Кировского района (ф. 2, р. 1, оп. 36, 16, 12). Среди них наряду с малоинтересными воспоминаниями, например в материалах 43-й армии, есть и более содержательные. Так, три стенограммы, сделанные И. И. Минцем в 5-й армии, представляют собой воспоминания ее командно-политического состава, освещающие весь оборонительный период под Можайском (ф. 2, р. 1, оп. 12).

В воспоминаниях участников битвы под Москвой нашли отражение действия различных родов войск: пехотных, танковых, конных и т. д. Так, в фонде комиссии по истории Великой Отечественной войны представлены: Западный фронт — 6 армий (1-я ударная, 5, 20, 33, 43-я и 49-я), 2 корпуса (1-й гвардейский конный корпус, 4-й конный корпус им. Л. М. Доватора), три дивизии (1-я Московская гвардейская мотострелковая дивизия, 8-я гвардейская стрелковая дивизия им. генерал-майора И. В. Панфилова, 43-я гвардейская Латышская стрелковая дивизия), 11 дивизий народного ополчения, 2 бригады (1-я гвардейская танковая бригада и 31-я танковая бригада), училище им. Верховного Совета РСФСР, Подольское пехотное училище (ф. 2, р. 1, оп. 189, 199, 21, 198, 81, 174, 248, 49, 29, 12, 28, 16, 69, 184, 43, 41, 49, 45, 70, 30, 67, 68, 14, 36, 144, 50, 202). Но дальнейшее изучение фонда позволит выявить новые комплексы источников личного происхождения по истории Московского сражения.

¹ Курносоев А. А. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР. — АЕ за 1973 год. М., 1974, с. 118—132.

² Белов П. А. За нами Москва. М., 1963.

³ Ср.: НА ИИ СССР АН СССР, ф. 2,

р. 1, оп. 49, д. 1, л. 4, 18, 20—21; Белов П. А. За нами Москва, с. 30—31, 132—133, 148—149.

⁴ Белов П. А. Указ. соч., с. 5.

⁵ Катухов М. Е. На острие главного удара. М., 1974, с. 149.

Б. Н. Казанцев

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ЧИСЛЕННОСТИ РАБОЧИХ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ СССР В ЧЕТВЕРТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

Основные задачи по ускоренному восстановлению сильно пострадавших в период войны и немецко-фашистской оккупации южного и центрального металлургических районов Европейской части нашей страны и увеличению мощностей черной металлургии восточных районов, а также обеспечению предприятий отрасли кадрами рабочих и специалистов были определены государственным народнохозяйственным планом на 1946—1950 гг.¹

В годы четвертой пятилетки и позднее в состав этой отрасли тяжелой индустрии входили металлургическая (производство черных металлов и электроферросплавов), коксохимическая и огнеупорная подотрасли, рудная и нерудная промышленность и отчасти металлическое производство (получение некоторых метизов промышленного назначения)². Предприятия этих подотраслей включаются в понятие «черная металлургия» и промышленной статистикой³.

Следовательно, все рабочие названных производств должны относиться к кадрам черной металлургии. Кроме того, в послевоенные годы значительное количество рабочих было занято в металлургических цехах (в основном мартеновских и прокатных) машиностроительных и судостроительных предприятий, обычно именуемых «малой металлургией», а также работало на восстанавливающихся Мариупольском (с 1948 г. Ждановском) заводе им. Ильича, находившемся в ведении Министерства

транспортного машиностроения, и Лиепайском заводе «Сарканайс металургс» (Латвийская ССР)⁴. С учетом всех этих заводов численность рабочих всей отрасли (к ней, по мнению автора, правильнее было бы относить предприятия «большой» и «малой металлургии») будет значительно больше, чем на предприятиях черной металлургии, подведомственных в изучаемый период Министерству черной металлургии СССР.

Происходивший после войны процесс восполнения и последующего роста численности производственных рабочих отрасли, обусловленный интенсивным возрождением южного (основного в довоенные годы) и центрального металлургических районов страны, планомерным вводом новых, расширением и коренной реконструкцией ряда старых предприятий черной металлургии на Востоке РСФСР и в других республиках⁵, не получил еще обстоятельного освещения ни в документальных публикациях, ни в исторической литературе. В статистических ежегодниках и сборниках имеются лишь данные о среднегодовой численности рабочих черной металлургии СССР за 1940 и 1950 гг.⁶ Однако методика подсчета не указана. Поэтому остается неясным, включались ли в эти сведения только рабочие предприятий Минчермета СССР или также рабочие «малой металлургии».

В источниковедческой литературе тоже нет работ, специально посвященных рассмотрению архивных материалов с информацией о количественных и качественных сдвигах в составе рабочих промышленности черных металлов за рассматриваемый период.

В настоящей статье анализируются архивные документы, содержащие наиболее полные сведения об изменениях в общей численности рабочих промышленно-производственного персонала черной металлургии за 1946—1950 гг. Опыт анализа такого рода комплекса документов представляется интересным не только в плане источниковедческой методики, но и позволяет поделиться архивоведческо-археографическими наблюдениями. Это тем более важно, что обычно статистическая документация рассматривается исследователями в ее конечном, сводном виде, так как в этой системе документирования наиболее последовательно действует «принцип поглощенности».

Основная документация по изучаемому вопросу отложилась в фондах министерств черной и металлургической промышленности СССР⁷, а также Главного управления металлургической промышленности Юга и Центра (ГУМП Юга и Центра), Главного управления качественной стали (Главспецсталь), Главного управления трубопрокатной и труболитейной промышленности (Главтрубосталь) и других главков этих министерств, хранящихся в ЦГАНХ СССР.

Большинство сведений о численности, составе рабочих и других категорий промышленно-производственного и непромышленного персонала Минчермета СССР за первые послевоенные годы отложилось в материалах Главного управления рабочих кадров, труда и заработной платы.

Отдел рабочих кадров и заработной платы, а также отдел технического нормирования и заработной платы этого главка участвовали в подготовке соответствующих рабочих (справочных) материалов и проектов постановлений к заседаниям Коллегии Минчермета. В этих документах встречаются сведения и о методике подсчета данных. Так, судя по примечанию к рукописи таблицы № 3⁸, использованной в докладе на заседании Коллегии 3 января 1947 г., подсчет групп производственных рабочих и ИТР за довоенный 1940 г., за 10 месяцев 1945 г. и планового их количества на 1950 г. был сделан по заводам, непосредственно подчиненным тогда Наркомчермету⁹ и по кругу предприятий, подведомственных 12 главным производственным управлениям, Главному транспортному управлению (Главтрансупр) и одному тресту (Главэнерго).

Все источники, содержащие информацию о количественном и качественном составе работников отрасли, условно можно разделить на несколько групп.

Рассмотрим сначала группу документов, заключающих в себе сводные сведения о рабочих Наркомчермета за 1945 г. и Минчермета за 1946 г. Без таких данных невозможно выявить динамику количества рабочих за годы четвертой пятилетки.

Значительная часть этих материалов сосредоточена в делах отдела рабочих кадров и заработной платы вышеуказанного главка и представляет собой оперативную (ежемесячную) отчетность по труду, которая включает и итоги выполнения плана по численности всего персонала промышленных предприятий Наркомчермета и Минчермета СССР. Такая текущая информация регулярно собиралась работниками отдела для исчисления валовой продукции предприятий и среднемесячной выработки (производительности труда на одного рабочего в денежном (ценностном) выражении). В этой отчетности сохранилась сводка со сведениями о персонале действующих (главным образом уральских и сибирских) промышленных предприятий Наркомчермета за все месяцы 1945 г. По ней общая численность рабочих промышленно-производственного персонала определяется в 282808 человек¹⁰. Эта цифра почти совпадает с аналогичными данными, приведенными в черновике отчета по труду (282,7 тыс.) и в таблицах производительности труда на предприятиях Наркомчермета за 1945 г. (281,3 тыс.)¹¹.

В этих же черновых материалах указаны цифры среднесписочной численности рабочих и других групп эксплуатационников на восстанавливаемых предприятиях наркомата в 1945 г. (116,2 тыс.). В таблицах приведены также данные о количестве рабочих, занятых отдельно на действующих и восстанавливаемых предприятиях в довоенном 1940 г. (соответственно 192,2 и 255,6 тыс.)¹². Такое подразделение в источнике на «действующие» и «восстанавливаемые» предприятия применительно к 1940 г. условно, так как до войны все они были постоянно функционирующими¹³.

Среднемесячные данные о числе производственных рабочих по главкам, по девяти перечисленным ниже (см. 9) металлургическим заводам непосредственного подчинения министерству и некоторым другим организациям использовались также для составления итоговой сводки о выполнении плана по численности рабочих предприятий Минчермета за 1946 г.¹⁴ и последующие годы пятилетки. В такие сводные таблицы о численности рабочих основного производства не включались рабочие системы Главного управления вторичной переработки черных металлов (рабочие восьми заводов и всех контор), заводского транспорта и капитального ремонта, которые относились к разряду работников непромышленной группы, т. е. не основного производства¹⁵.

Степень достоверности суммарных сведений о рабочих действующих (289 220 человек) и восстанавливаемых (164 399 человек) предприятий Минчермета за 1946 г., приведенных в названном Приложении № 4, может быть выяснена путем выборочной проверки отдельных слагаемых этого цифрового материала (см. табл. 1).

Из табл. 1 видно, что указанная в приложении № 4 численность рабочих на действующих предприятиях пяти из восьми перечисленных главков почти полностью совпадает с данными о них отчетов по труду этих подразделений министерства. В основном достоверны сведения приложения № 4 и о количестве рабочих восстанавливаемых предприятий. В пользу этого говорит почти полное совпадение цифрового материала из разных источников по предприятиям шести из восьми названных в таблице главков. Исключение составляют лишь данные по восстанавливаемым предприятиям Главспецстали и Главферросплава. В первом случае серьезное расхождение, видимо, объясняется неполнотой сведений, представленных отдельными заводами¹⁶.

Приведенные в табл. 1 сведения из приложения № 4 о количестве рабочих на восстанавливаемых заводах Главферросплава (448 человек) неполны, так как учтены лишь производственные рабочие Запорожского ферросплавного завода. В приложении не отражены данные и о промыш-

Т а б л и ц а I

Среднесписочная численность производственных рабочих на заводах, непосредственно подчиняющихся Минчермету СССР, и на предприятиях девяти главков в 1946 г.*

Наименование	Численность рабочих на действующих предприятиях		Численность рабочих на восстанавливаемых предприятиях	
	по приложению № 4	по отчетам по труду	по приложению № 4	по отчетам и материалам по труду
Металлургические заводы, непосредственно подчиненные Минчермету	66 230	64 128	—	—
Главспецсталь	50 675	50 648	13 359	6 284
Главферросплав	7 318	6 952	448	814
Главтрубосталь	25 819	25 799	15 832	15 809
Главуралмет	56 167	54 120	—	—
ГУМП Юга и Центра	—	—	58 003	58 011
Главметиз	16 969	16 996	3 315	3 308
Главруда	20 961	Нет свед.	18 770	18 747
Главкокс	6 219	6 219	18 436	18 512
Главогнеупор	19 520	19 526	19 046	19 004

* Источники: ЦГАНХ СССР, ф. 8875, оп. 42, л. 770, л. 20, 71; л. 775, л. 18; д. 788, л. 18; л. 790, л. 25; д. 804, л. 34; д. 912, л. 20, 35; оп. 42а, л. 163, л. 16; оп. 46, д. 155, л. 8 об.; л. 157, л. 5; д. 158, л. 20; ф. 1362, оп. 318, л. 752, л. 11.

ленной группе рабочих частично пущенного тогда Липецкого ферросплавного завода¹⁷.

Таким образом, анализ цифрового материала приложения № 4 показывает, что этот черновик сводки Минчермета о выполнении плана по численности рабочих за 1946 г. с известной долей корректировки может быть использован в качестве основного источника для подсчета общей численности среднесписочного состава производственных рабочих Минчермета за первый год четвертой пятилетки. По изученным источникам их можно насчитать более 422 тыс. (без 27,9 тыс. рабочих Главмашчермета, Главлесчермета, Лесчермета и Юглесчермета, Энергочермета, Донбассводтреста, Главгеологии и Главтрансупра, которые фигурируют в приложении № 4).

В материалах к заседаниям коллегии Минчермета имеются также обобщенные данные о численности рабочих, ИТР и служащих на действующих и восстанавливаемых предприятиях за 1946—1947 гг.¹⁸ и суммарные сведения о количестве рабочих на предприятиях черной металлургии за 1947—1948 гг., приведенные в справке ММП за 1948 г.¹⁹ Указанное в первой справке (за 1946—1947 гг.) число рабочих промышленно-производственного персонала за 1946 г. почти совпадает с аналогичной цифрой — 453 619 проанализированного выше приложения. В свою очередь, сопоставление цифр самих справок между собой (графы «Рабочие промышленно-производственного персонала восстанавливаемых и действующих предприятий в 1947 г.» с соответствующей строкой их общей численности в том же году) показало, что итоговые цифры в них также близки друг другу (соответственно 467 081 и 466 811 рабочих). Результаты сравнения говорят о возможности использования этих справочных материалов для составления сводной таблицы о динамике численности рабочих промышленно-производственного персонала Минчермета за 1946—1948 гг.

Для изучения динамики среднесписочной численности рабочих министерства и его основных структурных подразделений важнейшее значение имеет ежегодная отчетность главков. Эта группа документов представлена сводными годовыми отчетами главков: а) по основной их деятельности, б) по восстанавливаемым предприятиям и в) по действующим предприя-

тиям. Раздельные отчеты по действующим и восстанавливаемым предприятиям главков составлялись на протяжении 1945—1948 гг. Они готовились на основе годовых отчетов всех подведомственных главам заводов и других организаций, имевших в своих штатах производственных рабочих.

Ежегодные отчеты промышленных предприятий и главков состояли из бухгалтерской отчетности и объяснительных записок²⁰. Большинство таких отчетов сохранилось в делах центральной (главной) бухгалтерии Министерства и в делах главков.

Составной частью годовых отчетов являлась отчетность о выполнении плана по труду каждым предприятием по специальной форме (статформе № 9), утвержденной Министерством финансов СССР и ЦСУ Госплана СССР²¹. В первые послевоенные годы эта форма включала разделы о плановой и фактической среднесписочной численности всех групп промышленно-производственного персонала (раздел «А») и групп непромышленного характера (раздел «Б»)²², а также графы о среднегодовой выработке одного рабочего, среднегодовой денежной заработной плате отдельных категорий персонала и др.

В изученных делах имеются как заполненные типографские экземпляры статформ № 9, так и рукописные копии отчетов о выполнении плана по труду, подписанные начальниками и главными бухгалтерами главков.

Проверенные сведения этой статотчетности включались затем в таблицы о численности рабочих и других категорий промышленного и непромышленного персонала объяснительных записок главков по их основной деятельности.

К каждому сводному отчету главка прилагалось сопроводительное письмо с наименованием всех предприятий и организаций, включенных в этот документ. Однако в ряде изученных дел таких писем нет. Поэтому в подобных случаях основными способами проверки полноты и достоверности информации о численности отдельных категорий промышленно-производственного персонала может быть сопоставление сведений статотчетов главка за данный и предшествующий годы, а также сличение таблиц численности групп персонала по разделам «Труд и кадры» или «Труд и заработная плата» объяснительных записок главков с соответствующей бухгалтерской отчетностью этих же учреждений. Однако в просмотренных делах таких объяснительных записок встречается сравнительно немного.

О численности рабочих металлургической подотрасли по действующим предприятиям главков довольно полная статотчетность имеется по староруральским заводам системы Главуралмета. В сохранившихся экземплярах формы № 9 приведены данные о рабочих главка за 1946—1950 гг., в том числе сведения о количестве рабочих металлургической подотрасли за 1947—1950 гг. (последняя объединяла работников всех металлургических заводов главка, т. е. без рабочих, занятых на лесных, торфяных и других предприятиях)²³.

Суммарные сведения о численности рабочих промышленно-производственного персонала за 1946—1948 гг. имеются и по действующим заводам Главспецстали, Главферросплава, Главтрубостали и Главметиза. Выборочное сопоставление цифрового материала отчетности отдельных главков показало, что в статформе № 9 Главспецстали и в текстовом пояснении к бухгалтерскому отчету главка за 1946 г. зафиксирована одна и та же цифра рабочих — 50 648 человек²⁴, а по документации действующих предприятий Главметиза за 1946 и 1947 гг. (соответственно) — 16 996 и 18 215 рабочих²⁵. По действующим предприятиям Главтрубостали такое сравнение статотчетности удалось сделать только за 1945 и 1946 гг., так как в экземпляре бухгалтерского отчета главка за 1947 г.²⁶ отсутствует документ о выполнении плана по труду за этот год.

Отчетность главков дает возможность представить также динамику восстановления численности рабочих и технических специалистов на полностью или частично разрушенных за годы вражеской оккупации заводах ГУМПа Юга и Центра, других главков, сопоставить их с соответствующими сведениями довоенного 1940 г.²⁷ Приводимая в ней информа-

ция о рабочих, как правило, отличается полнотой и достоверностью. Об этом свидетельствует, в частности, сводный отчет ГУМПа Юга и Центра по труду за 1945 г., в который вошли сведения по всем 19 металлургическим заводам главка. В статформе № 9 и в текстовой части отчета указана одна и та же численность рабочих промышленно-производственного персонала — 41 988 человек²⁸. В отчетах главка, хранящихся в различных фондах, имеются расхождения в численности рабочих за 1946 г. (в одном документе указано 58 011, в другом — 57 995, а в третьем — 65 083 человек)²⁹. Последняя цифра приведена из отчета ГУМПа Юга и Центра за 1947 г., в котором имеется графа «Численность рабочих за предыдущий год». Такое расхождение в цифровом материале однотипного по своему происхождению источника, видимо, объясняется тем обстоятельством, что в этот отчет были включены сведения по Сталинскому (ныне Донецкому) металлургическому заводу и заводу «Днепроспецсталь», которые до этого входили в состав Главспецстали. Сведения же о количестве рабочих ГУМПа Юга и Центра за 1947 г. почти совпадают (71 653 — по статформе № 9, в которой суммированы данные о рабочих 21 металлургического завода, подчинявшихся тогда главку, и 71 415 рабочих — в текстовом пояснении к отчету).

Достоверная информация о количестве рабочих возрождавшихся заводов имеется и в отчетах других главков. Неполные данные в них встречаются редко (например, в статотчете по труду о восстанавливаемых заводах Главспецстали за 1946 г.³⁰).

В бухгалтерской документации главков иногда отсутствуют статданные и о численности рабочих за последние годы пятилетки. Эти пробелы частично можно восполнить по объяснительным запискам. Так по Главспецстали недостающие сведения о численности рабочих за 1949 и 1950 гг. можно найти в записке главка за 1950 г.; по Главметизу соответствующие сведения о рабочих за 1948 и 1949 гг. отражены в пояснительной части отчета за 1949 г.³¹

В отчетности по труду содержится информация и о среднесписочном количестве рабочих сырьевой базы черной металлургии, т. е. о количественных изменениях в составе рабочих рудной и нерудной подотраслей, огнеупорной и коксохимической промышленности. В ней имеются также данные о рабочих, занятых на предприятиях по вторичной переработке черных металлов. Однако не вся отчетность главков по этой группе производств сохранилась. Наиболее полные сведения встречаются о рабочих промышленно-производственного персонала Главогнеупора. Имеющийся в объяснительных записках главка за 1946 г., 1947, 1949—1951 гг. цифровой материал дает возможность проследить количественные сдвиги в рабочих кадрах огнеупорщиков практически за все годы пятилетки³².

О рабочих промышленно-производственного персонала Главкокса в статотчетности содержатся данные за 1945, 1946, 1948—1950 гг., а о рабочих Главного управления промышленности нерудных ископаемых — в текстовых частях отчетов за 1945, 1948, 1949 гг.³³ По всем главкам сырьевых подотраслей черной металлургии имеются также данные о численности рабочих изучаемого персонала в довоенном 1940 г.³⁴

Формуляр статотчета по труду содержит и другую ценную информацию о промышленном и непромышленном персонале каждого структурного подразделения и каждой производственной единицы министерства (главка, треста, завода, рудника). В конце его, в разделе «Справки», приводились не только общие сведения о численности всех работников, но и данные о количестве рабочих промышленно-производственного персонала, в том числе отдельно о женщинах, на 1 января каждого отчетного года³⁵. Такие цифровые сведения о составе рабочих по полу в других документах не встречаются.

Следующая группа — материалы показателей по труду действующих предприятий Востока и Центра и восстанавливаемых предприятий Юга Минчермета. Это довольно объемистые различных форматов рукописные (рабочие) тетради отдела рабочих кадров, труда и заработной платы.

В них наряду с другими записями ежемесячно делались записи плановой и фактической численности рабочих и иных работников промышленно-производственного персонала всех подведомственных непосредственно министерству или главкам предприятий.

В фондах министерств удалось разыскать такие «тетради» за 1945, 1946, 1949 и 1950 гг.³⁶

Исходной информацией для заполнения этого источника служили ежемесячные сведения по труду, поступавшие в Главное управление рабочих кадров, труда и заработной платы от каждого главка или от предприятий. В большинстве граф «тетрадей» за 1945 и 1946 гг. имеются данные о количестве рабочих за каждый месяц, а за 1949 и 1950 гг., помимо ежемесячных, представлены также итоговые суммы среднегодовой численности рабочих абсолютного большинства заводов отрасли. Как правило, такие цифры пригодны для исчисления количества рабочих персонала основной деятельности каждого из заводов, названных в этих материалах. Степень достоверности этих цифр можно проверить по годовой отчетности ряда металлургических заводов. В частности, сопоставление данных о численности рабочих, содержащихся в отчетах о производственной деятельности Енакиевского металлургического (за 1949 и 1950 гг.³⁷), Нижнеднепровского им. К. Либкнехта, Косогорского им. Ф. Дзержинского, Кузнецкого комбината, Новосибирского металлургического им. Кузьмина и Дальневосточного завода «Амурсталь» (все за 1949 г.), с соответствующими графами «тетрадей» по труду за 1949 и 1950 гг.³⁸ показало полную идентичность сведений о рабочих промышленно-производственного персонала этих заводов. Почти полностью совпадают сведения о численности рабочих, указанные в объяснительной записке Петровск-Забайкальского металлургического завода за 1949 г. (2177 человек) и «тетради» за 1949 г. (2152 рабочих) на этом заводе³⁹.

Наличие достоверной информации о количестве рабочих по каждому заводу и руднику повышает ценность «тетрадей» как исторического источника. Их можно использовать, например, для определения численности рабочих промышленно-производственного персонала всех девяти металлургических заводов непосредственного подчинения министерству и количества рабочих отдельных главков (например, Главтрубостали за 1949 и 1950 гг. и восстанавливавшихся предприятий Главруды за 1945, 1949 и 1950 гг.), о которых отсутствуют сведения в других источниках.

Изученные материалы были использованы для составления сводной таблицы численности рабочих промышленно-производственного персонала основных главков и девяти заводов, подчинявшихся министерству (см. табл. 2).

Из данных табл. 2 видно, что среднесписочная численность рабочих увеличилась за четвертую пятилетку не более чем на 138 тыс. человек (с 364 257 в 1945 г. до 502 687 рабочих в 1950 г.). Общий прирост числа рабочих за эти годы по сравнению с 1940 г. несколько меньше. Особенно заметно выросло в сравнении с довоенным периодом количество рабочих на заводах, непосредственно подчинявшихся министерству⁴⁰, а также на предприятиях Главуралмета, Главспецстали, Главтрубостали, Главкокса и Главметиза.

В целом проанализированные группы архивных источников позволяют приблизительно определить численность рабочих основного производства Минчермета СССР за 1946—1948 гг. и установить общее количество рабочих на действующих и восстанавливаемых предприятиях за 1945—1947 гг. и довоенный 1940 г.

Наиболее полную информацию о промышленно-производственных рабочих содержат, как правило, годовые отчеты главков. К сожалению, эта отчетность (особенно текстовая ее часть в виде объяснительных записок) в доступных исследователю фондах сохранилась за 1946—1950 гг. далеко не полностью. Из других документов значительную ценность представляют «Показатели по труду» на действующих и восстанавливаемых предприятиях Востока, Центра и Юга Минчермета («тетради» отдела рабо-

Т а б л и ц а 2

Среднесписочная численность рабочих промышленно-производственного персонала основных подразделений Минчермета СССР (бывш. Наркомчермета) за 1940, 1945—1950 гг.

Наименование	1940 г.	1945 г.	1946 г.
Металлургические заводы, непосредственно подчиненные Минчермету (Наркомчермету)	32 084	67 336	66 230
ГУМП Юга и Центра	94 285	41 988	58 011
Главспецсталь	61 319	58 233	64 004
Главферросплав *	—	7 367	8 132
Главуралмет	30 207	54 073	54 120
Главтрубосталь	42 552	34 609	41 608
Главметиз	19 526	16 371	20 304
Главруда	35 321	33 000	39 731
в том числе: восстанавливаемые предприятия	—	13 000	18 747
Главкокс	26 547	18 670	24 731
Главогнеупор	32 471	32 710	38 530
Итого:	374 312	364 257	434 148

Т а б л и ц а 2 (окончание)

Наименование	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
Металлургические заводы, непосредственно подчиненные Минчермету (Наркомчермету)	Нет св.	Нет св.	64 154	65 797
ГУМП Юга и Центра	71 653	79 638	89 025	97 064
Главспецсталь	63 647	66 891	69 638	72 639
Главферросплав *	—	—	—	—
Главуралмет	53 237 **	52 899 **	55 800 **	56 453
Главтрубосталь	45 609	51 160	54 805	58 888
Главметиз	23 242	25 508	28 378	30 079
Главруда	Нет св.	Нет св.	45 003	50 474
в том числе: восстанавливаемые предприятия	То же	То же	22 441	26 952
Главкокс	» »	27 921	29 495	31 008
Главогнеупор	39 269	40 772	42 588	40 285
Итого:	—	—	478 886	502 687

* Заводы Главферросплава в 1940 г., 1947—1950 гг. входили в состав Главспецстали.

** Рабочие металлургического производства Главуралмета.

чих кадров, труда и заработной платы) за 1945, 1946, 1949 и 1950 гг., содержащие ежемесячные данные о численности рабочих, ИТР и других категорий персонала почти по всем заводам и рудникам. В своей основе эти «тетради» содержат достоверную информацию о количественных сдвигах отдельных категорий промышленно-производственного персонала.

Таким образом, иерархия статистических документов, теоретически и логически абсолютно безупречная в смысле поглощения на каждой данной стадии фиксации сведений «нижней инстанции», в самом делопроизводственном процессе, а затем в архивном хранении подвергается большим изменениям (потери документов, разъединение отдельных частей статистической отчетности, переход статистических единиц из одной совокупности в другую — перераспределение предприятий по главкам, и др.). Методы текстуального сопоставления, свойственные анализу нарративных источников, должны применяться и при их изучении. Эти наблюдения имеют прямое отношение к фондированию и описанию статистической документации.

В совокупности рассмотренные документы, несмотря на отмеченные выше дефекты, отражают динамику численности рабочих на восстанавливаемых предприятиях и общий рост числа рабочих Минчермета в послевоенный период развития народного хозяйства СССР.

- ¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. 1941—1952 гг., с. 254—255, 284, 290—292, 294, 300—301, 304, 306, 310.
- ² БСЭ. 3-е изд., 1978, т. 29, с. 82; Экономическая энциклопедия: Промышленность и строительство. М., 1965, т. 3, с. 790; Денисенко И. М. Межотраслевые связи и структура черной металлургии: Экономические проблемы. М., 1969, с. 134, 146, 153, 155, 161, 164, 171.
- ³ Народное хозяйство СССР в 1963 г.: Стат. ежегодник. М., 1965, с. 689, 690; Промышленность СССР: Стат. сб. М., 1964, с. 467.
- ⁴ Грушевский Д. Имени Ильича: Из истории ордена Ленина Ждановского завода им. Ильича. Донецк, 1966, с. 3, 125; Сталь и люди: К 80-летию завода «Сарканайс металлургс». Лиеная, 1962, с. 218.
- ⁵ См., например: Лившиц Р. С. Размещение черной металлургии СССР. М., 1958, с. 196—203.
- ⁶ Промышленность СССР, 1964, с. 84 и др.
- ⁷ В 1946 г. на базе Наркомата черной металлургии СССР было образовано Министерство черной металлургии СССР. В 1948—1950 гг. существовало объединенное Министерство металлургической промышленности СССР (далее: ММП), которому были переданы все предприятия и организации упраздненных министерств черной и цветной металлургии.
- ⁸ ЦГАНХ СССР, ф. 8875, оп. 38, д. 894, л. 28. Табл. № 3. Динамика количества рабочих и ИТР по промышленно-производственной группе. Датирована 31 окт. 1945 г.
- ⁹ Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, Ново-Тагильский, Орско-Халиловский, Гурьевский, Петровск-Забайкальский, Дальневосточный («Амурсталь»), Казахский и Узбекский металлургические заводы.
- ¹⁰ ЦГАНХ СССР, ф. 8875, оп. 46, д. 134, л. 39 об.
- ¹¹ Там же, д. 136, л. 4, 64, 66. Сохранившаяся часть отчета «Выполнение плана по численности персонала» написана на обороте машинописного черновика отчета главка за 1944 г. за подписью начальника главка. Машинописные копии таблиц завизированы 22 марта 1946 г.
- ¹² Там же, л. 64, 66.
- ¹³ Согласно данным годового отчета Наркомчермета за 1940 г., рабочих среднесписочного состава промышленно-производственного персонала насчитывалось 424 798 (ЦГАНХ СССР, ф. 8875, оп. 42, д. 41, л. 11). Эта цифра несколько больше числа рабочих черной металлургии за 1940 г. (405 тыс.), указанного в статистических изданиях 1960-х годов (Промышленность СССР, 1964, с. 84; Труд в СССР: Стат. сб. М., 1968, с. 84). Расхождение в подсчетах связано с изменениями в классификации отраслей промышленности, осуществленными ЦСУ СССР. Органы ЦСУ произвели пересчет числа промышленных рабочих ряда отраслей, в том числе и черной металлургии. Поэтому если в изданиях до начала 60-х годов общее количество рабочих промышленно-производственного персонала изучаемой отрасли (включая рабочих, занятых на добыче руд) 332 тыс. (Народное хозяйство СССР в 1958 г.: Стат. ежегодник. М., 1959, с. 132), то в последующих — 405 тыс. (Народное хозяйство СССР в 1960 г.: Стат. ежегодник. М., 1961, с. 217). Последняя цифра более близка к данным архивного источника. Можно думать, что в подсчетах статистических органов фигурировали лишь рабочие промышленно-производственного персонала Минчермета (бывш. Наркомчермета) СССР. В последующих публикациях указано, что в 1940 г. в черной металлургии насчитывалось 526 тыс. рабочих (Народное хозяйство СССР в 1972 г.: Стат. ежегодник. М., 1973, с. 181).
- ¹⁴ ЦГАНХ СССР, ф. 8875, оп. 46, д. 157, л. 5. Рукопись черновика приложения № 4 о выполнении плана по численности рабочих Минчермета за 1946 г. Суммарная цифра численности рабочих — 453 619 человек, совпадающая с указанной в приложении № 4, приведена и в черновике записки Министерства «Вопросы труда», в графе «Промышленные рабочие» (Там же, д. 161, л. 84).
- ¹⁵ Там же, ф. 8934, оп. 1, д. 147, л. 79.
- ¹⁶ Очевидно, в статотчете по восстанавливаемым предприятиям Главспецстали указано лишь число рабочих Сталинградского (ныне Волгоградского) металлургического завода «Красный Октябрь», на котором в октябре 1946 г. было 6224 рабочих промышленно-производственного персонала (ЦГАНХ СССР, ф. 8875, оп. 46, д. 158, л. 10).
- ¹⁷ См. служебную записку от 5 марта 1947 г. о производительности труда по заводам Главферросплава за 1946 г. (Там же, д. 158, л. 20).
- ¹⁸ ЦГАНХ СССР, ф. 8875, оп. 38, д. 942, л. 9, 10. Переписка Минчермета по производственным планам. Отчеты МЧМ СССР в ЦСУ СССР. Машинописная копия.
- ¹⁹ Там же, ф. 8934, оп. 1, д. 147, л. 221. Справка о выполнении плана за 1948 г. по валовой продукции, численности рабочих и производительности труда по Министерству металлургической промышленности. Машинописная копия.

- ²⁰ Подробнее о них см.: *Лисовина А. П.* О значении и особенностях критического анализа годовых отчетов промышленных предприятий как исторического источника. — АЕ за 1970 год. М., 1971, с. 185—194.
- ²¹ См., например, экземпляры формы № 9 к отчету по труду за 1946 и 1947 гг., утвержденные 30 июля 1946 г. и 26 июля 1947 г. (ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 318, д. 752, л. 11; ф. 8876, оп. 2, д. 591, л. 18), действовавшие в течение пятилетки.
- ²² Отметим, что в соответствии с требованиями инструкции о порядке заполнения промышленными предприятиями форм годового отчета показатели состава промышленно-производственного персонала и его отдельных категорий на протяжении 1945—1950 гг. претерпели некоторые изменения (*Лисовина А. П.* Указ. соч., с. 191). Однако этот вопрос требует дополнительного изучения.
- ²³ ЦГАНХ СССР, ф. 8875, оп. 42, д. 772, л. 12; оп. 46, д. 158, л. 23; оп. 42а, д. 163, л. 17; д. 204, л. 10; д. 233, л. 12; ф. 8934, оп. 3, д. 58, л. 34.
- ²⁴ ЦГАНХ СССР, ф. 8875, оп. 42, д. 912, л. 2.
- ²⁵ Там же, д. 790, л. 25; ф. 8934, оп. 3, д. 32, л. 19.
- ²⁶ Там же, ф. 8875, оп. 42, д. 770, л. 20, 71; ф. 8878, оп. 2, д. 690, л. 6.
- ²⁷ Среднесписочное число рабочих промышленно-производственного персонала ГУМПа Юга и Центра за 1940 г. определено в объяснительной записке главка в 94 285 человек (ЦГАНХ СССР, ф. 8876, оп. 2, д. 122, л. 16). В состав главка входило тогда 19 заводов, в том числе Одесский сталепрокатный завод, который после войны был переподчинен Главметизу. Харцызский трубный завод, подчинявшийся в послевоенные годы ГУМПу Юга и Центра, в 1940 г. находился в ведении другого главка. Сводные сведения о численности рабочих за 1940 г. сохранились и по предприятиям Главспецстали (ф. 8875, оп. 42, д. 68, л. 4), Главуралмета (оп. 52а, д. 77, л. 33, 35), Главтрубостали (оп. 42, д. 72, л. 42) и некоторым другим подразделениям Наркомчермета.
- ²⁸ Там же, ф. 8875, оп. 42, д. 674, л. 19; ф. 8876, оп. 2, д. 431, л. 48.
- ²⁹ Там же, оп. 46, д. 158, л. 18; ф. 1562, оп. 318, д. 752, л. 11; ф. 8876, оп. 2, д. 591, л. 18.
- ³⁰ В нем нет данных о численности рабочих на Сталинском (Донецком) заводе (5391 человек), на Запорожском заводе «Запорожсталь» (1681 рабочий) и на заводе «Днепроспецсталь» (221 рабочий) (Там же, ф. 8875, оп. 46, д. 158, л. 10, 18).
- ³¹ Там же, ф. 8894, оп. 2, д. 1319, л. 33; ф. 8934, оп. 3, д. 156, л. 29.
- ³² ЦГАНХ СССР, ф. 8875, оп. 42, д. 802, л. 71; д. 910, л. 35; ф. 8934, оп. 3, д. 164, л. 89; д. 289, л. 100.
- ³³ Там же, ф. 8875, оп. 42, д. 775, л. 18; д. 643, л. 75 об.; д. 777, л. 19; оп. 42а, д. 592, л. 15; ф. 8934, оп. 3, д. 140, л. 38—39; д. 264, л. 48.
- ³⁴ Там же, ф. 8875, оп. 42, д. 76, л. 55; д. 95, л. 8; д. 109, л. 16; д. 118, л. 9.
- ³⁵ См., например, годовые отчеты Главуралмета и Главспецстали за 1947 г. (Там же, оп. 42а, д. 163, л. 17 об.; оп. 42, д. 912, л. 20 об.).
- ³⁶ ЦГАНХ СССР, ф. 8875, оп. 46, д. 134, 135, 154, 155; ф. 8934; оп. 5, д. 30, 31, 87, 88.
- ³⁷ Донецкий облгосархив, ф. Р-3446, оп. 1, д. 160, л. 44 об.; д. 240, л. 50 об.
- ³⁸ ЦГАНХ СССР, ф. 8878, оп. 2, д. 896, л. 55 об.; ф. 8876, оп. 2, д. 1234; ф. 8934, оп. 3, д. 198, л. 56; д. 335, л. 9; оп. 5, д. 30; ф. 8894, оп. 2, д. 1155, л. 70.
- ³⁹ Там же, ф. 8934, оп. 3, д. 234, л. 10; оп. 5, д. 30, л. 3 об.
- ⁴⁰ В 1940 г. на пяти действовавших тогда предприятиях этой группы (Магнитогорском и Кузнецком металлургических комбинатах, Ново-Тагильском, Гурьевском и Петровско-Забайкальском металлургическом заводах) насчитывалось 32 084 рабочих (ЦГАНХ СССР, ф. 8875, оп. 46, д. 136, л. 66; д. 228, л. 3, 16 об., 22).

И. В. Поздеева

КОЛЛЕКЦИЯ КИРИЛЛИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА ВАТИКАНА В РИМЕ

Коллекция кириллических изданий первого периода славянского книгопечатания, собранная в библиотеке Восточного института Ватикана в Риме, — одна из лучших, если не лучшая в Италии. Ее состав стал известен благодаря прекрасной работе проф. Я. Крайцара¹, в которой точно определены издания всех имеющихся в собрании книг и приведены минимальные сведения об особенностях экземпляров. Необходимость более тщательного знакомства с этими особенностями объясняется двумя причинами. Во-первых, активной работой книговедов социалистических стран над подготовкой «Сводного каталога глаголических и кирилличе-

ских изданий XV—XVII вв.», в рамках которого на уровне описания экземпляра должны быть учтены все известные нам старопечатные книги². Во-вторых, интересующее нас собрание составлено библиотекой Восточного института совсем недавно, фактически только в XX в., — таким образом, и записи, и иные особенности экземпляров книг, хранящихся в Риме, отражают историю их бытования в славянских землях, где они функционировали несколько столетий как часть славяно-русской культуры. Задача предлагаемого сообщения — познакомить читателя с наиболее интересными книгами собрания, страницы которых сохранили любопытные факты и свидетельства, собрать которые в общую копилку исторической информации — одна из актуальных задач источниковедов и книговедов.

В собрании Восточного института 113 кириллических книг XV—XVIII вв., среди которых, как правило, нет дублетов — библиотека имеет по одному экземпляру каждого издания. О ценности этого небольшого собрания говорит наличие в нем трех славянских инкунабул — краковских изданий Швайпольта Фиоля — Часослова, Триодей постной и цветной (№ 1—3)³; изданий венецианских (Служебника 1554, № 4; Псалтыри 1569, № 6); дофедоровского московского Евангелия (около 1560 г., № 5); двух книг Ивана Федорова (Львовского Апостола 1574 г., № 7 и Острожской библии 1581, № 9); первенца виленского печати Петра Мстиславца — Евангелия 1575 г., изданного соратником русского первопечатника в типографии Луки и Кузьмы Мамоничей (№ 8); московских изданий преемников Ивана Федорова — Андроника Тимофеева Невежи, его сына Ивана Невежина и др. Среди редчайших книг собрания можно назвать Октоих 1604 г., напечатанный в Дермани (№ 14), и Служебник того же года, изданный в Стрятине (№ 15). Половина имеющихся книг (58) — московские издания. На втором месте — издания Украины, ранние типографии Львова и Киева представлены в библиотеке Восточного института одинаково — каждый город по 19 изданий. Виленских изданий XVI—XVII вв. в собрании три; венецианских, острожских, виленского братства в Евье — по два; печатная продукция типографий в Дермани, Стрятине, Кутеине и Супрасле представлена одним изданием (№ 14, 15, 74, 109). Интересен и подбор текстов собрания: из 49 названий — 17 (в 79 экземплярах) литургические книги; 30 (в 33 экземплярах) — учительные, учебные, книги по церковному праву и т. п.; 2 — смешанного типа (включают и службу и житие святого).

Таким образом, собрание книг кириллической печати Восточного института достаточно представительно как с точки зрения состава, так и времени и места издания собранных книг. Давая ниже, как правило в хронологическом порядке, обзор некоторых книг собрания (хронология обзора нарушается, когда книги группируются по месту издания), мы ни в какой мере не ставим своей задачей их полное поэкземплярное описание, которое, очевидно, войдет в упомянутый выше «Сводный каталог». Записи на книгах в зависимости от их значения могут быть нами упомянуты, изложены, приведены с сокращениями или целиком. При этом сохраняются только те особенности орфографии древних писцов, которые можно передать русской азбукой.

Все три экземпляра краковских изданий, имеющихся в Восточном институте, несут на себе следы их бытования на Руси еще в XIX в. Экземпляр Часослова (1491 г., № 1) несколько раз реставрировался. При реставрации XVIII в. полууставом дописаны утраченные части текста (иногда значительные). Для реставрации книги использовались фрагменты русских документов XVII в., картон в бумаге с кожаными уголками и корешком — XIX в. Любопытно, что снизу картон крышек переплета оклеен рекламкой «Отечественных записок». Судя по характеру реставрации и карандашным пометкам на полях, экземпляр краковской Триоди постной (около 1493 г., № 2) также еще в конце XIX в. находился в руках русских старообрядцев. На экземпляре Триоди цветной (Краков, около 1493 г., № 3) сохранился конец, очевидно, московской записи

плохой скорописью XVIII в., в которой упоминаются имена всех четырех московских чудотворцев и добавлено: «К сей росписке вместо старосты Алексея Иевлева по его велению Трофим Гаврилов». В XIX в. книга тщательно изучалась. От этого времени на листе с номером 70 (135) осталось две записи кириллицей, сначала: «Двух листов нет», затем первая запись зачеркнута и написано: «Все листы есть, заметка излишняя»; возможно, тогда же на переплетном листе книги сделана ссылка на библиографический труд В. М. Ундольского⁴.

Аналогичному изучению подвергся в конце XIX в. и экземпляр венецианского Служебника (печатан иеромонахом Пахоимом в 1554 г.), на втором переплетном листе которого приведены сведения об издании (в более кратком виде они повторены и на корешке) и номер по каталогу Ундольского. Переплет книги — русский: доски в коже с золотым тиснением второй половины XVIII в. (судя по характеру тиснения и бумаге переплетных листов). Изящный суперэклибрис — ветвь с листьями и цветами, поднимающаяся из небольшой вазы и полностью заполняющая прямоугольную рамку.

Общеизвестно, какой интерес и значение имеет для истории русского книгопечатания каждый новый экземпляр анонимных изданий, поэтому остановимся на его характеристике несколько подробнее. Речь идет о московском Евангелии, так называемом «узкошрифтном»⁵, напечатанном около 1560 г. Интересно, что описываемый экземпляр этого анонимного издания не совпадает ни с одним из трех вариантов, выявленных А. С. Зерновой⁶, но точно повторяет особенности четвертого варианта, отмеченные в экземпляре библиотеки Московского университета⁷.

На л. 9—14 Евангелия две записи, сделанные одна под другой. Первая запись крупным полууставом, более ранняя (возможно, XVI в.): «Сию книгу гл<агол>емое ванг<ел>ие напрестольное на дано бысть в собор святого славнаго пр<о>рока и Предтечи кр<е>ст<ите>ля г<оспод>ня Иоанна рабом б<о>жи<и>м Миною Супроновичом Агришком (?) Васильевичом бояры. . . (1 слово неясно)». Нижняя запись сделана скорописью XVII в. и как бы продолжает первую: «и то евангелие напрестольное в той же храме святом оправили ново аксамитом и серебром за приводом и стараньем чесного господина отца Григория Михайловича в року 1637 многогрешный раб божий Олексий (нрзб.) мещанин *островский* (здесь и далее курсив мой. — И. П.) и многогрешная раба божия Мелания Лукьяновна. . . (нрзб.) Чиркина вдова». Таким образом, мы узнаем еще одно место и храм, где в XVI—XVII вв. имелось московское дофедоровское издание, которое, судя по количеству на листах книги воска, достаточно часто использовалось для чтения. В XIX в. и этот экземпляр находился в руках человека, интересующегося историей книгопечатания. Он написал на первом переплетном листе: «Евангелие без выхода, напечатанное в XVI столетии, в одной из южных типографий, может быть в Угровлахи. Унд[ольский]. Оп[ись] библи[отеки] А. Н. Кастерина, № 40». Ниже более поздняя поправка: «Евангелие напечатано в Москве Ив. Федоровым прежде Апостола 1564 г.» Таким образом, на экземпляре зафиксированы разные гипотезы о происхождении этой книги, причем надо помнить, что проблема эта и сегодня решается только на уровне гипотез.

Венецианская псалтырь (№ 6), напечатанная Иеронимом Загуровичем и Яковом Крайковым в 1569 г., особенно интересна своим переплетом, вернее, суперэклибрисом на верхней крышке. Переплет (доски в коже с тиснением) поздний и сборный; суперэклибрис Московского печатного двора — единокоронный и лев борются под короной в круге, над которым и под которым изображено по паре птиц — все это заключено в прямоугольную рамку⁸. Но в круге на этом суперэклибрисе вместо орнаментального заполнения — текст из псалтыри (гл. 21, § 22), передающий понимание смысла изображения: «Смирение мое, избави мя от уст львовых и от ног единорожь». Суперэклибрис Московского печатного двора с данным текстом встречается редко и только на поздних переплетах. Скорее всего, это старообрядческое использование знака (хотя в данном слу-

чае никаких иных признаков использования экземпляра в старообрядческих кругах не обнаружено), что и объясняет столь широкое распространение суперэклибриса Печатного двора в XVIII и XIX вв. Однако этот же переплет заставляет нас обратить внимание на суперэклибрис не только как на свидетельство об определенной принадлежности, но и на смысл знака, который должен быть настолько общеизвестен и актуален, чтобы быть понятным любому человеку, взявшему в руки книгу. К сожалению, мы фактически только начинаем изучать историю переплетного дела как части книжной и духовной культуры.

Возвращаясь к экземпляру венецианской псалтыри, необходимо отметить также, что среди рисунков пером (лицо, кресты, монограммы и т. п.) и записей типа «пробы пера» полууставом XVI—XVII вв. можно прочитать: «Сию книгу г[лагол]ыми (!) псалтирь донесе Иосиф Раковичанин и даде еа Василию», а также плохо читаемую и незаконченную запись другого почерка, очевидно, XVI в.: «. . . мое пишет в село Порьхово попу». На экземпляре первой украинской печатной книги — Львовском Апостоле Ивана Федорова 1574 г. — ранних записей нет. Однако можно утверждать, что в XVII—XVIII вв. книга находилась в России, так как для ее переплета использована ярославская бумага последней трети XVIII в., а нижняя крышка подклеена фрагментами текстов несколько более раннего времени, в том числе обрывком, очевидно, личного письма: «Вы есте мя гневаетеся и звобити[ся], называете мя яко сутник. . . во истину напрасно суть». Экземпляр виленского Евангелия 1575 г., находящийся в библиотеке Восточного института, прекрасной сохранности — в нем даже имеется часть (5 из 12) чистых листов. И хотя записей на книге также нет, установить, что в первой трети XIX в. книга была в России, позволяет характер переплета и использованная в качестве обклейки крышек бумага фабрики Пчелиных 1815—1827 гг.⁹

О второй книге, вышедшей со станка русского первопечатника, знаменитой острожской Библии, экземпляр которой имеется в библиотеке Восточного института, мы можем сказать гораздо больше. На книге две записи. Первая, написанная очень плохим почерком и пером относится к концу XVI—началу XVII в. В ней говорится: «Сию книгу библею продал Евсеевец Остафьев сын Коробов Васил[и]ю Гарасимову с[ы]ну Жирову»; вторая запись, сделанная красивым полууставом XVII в., тщательно вытерта, однако сохранившаяся часть говорит о многом и по аналогии с уже известными записями¹⁰ легко восстанавливается: «Сия кн[и]га Переславля Р[язанского] д[ома] пресв[я]тые Б[огоро]д[ичи]цы. . . [казенная подписал по указу] преосвященного Павла. . . [митрополита рязанского и муромского казенного] приказу подъячей Григорей Морозов лета 7191 го ноября в 1 де[нь] (1 ноября 1682 г.)».

В конце XIX в., судя по записи 1876 г., книга принадлежала купцу Ивану Васильевичу (?). Тогда же, возможно, был на нее поставлен и новый, типичный роскошный переплет — доски в коже с обильным золотым тиснением; на тисненном корешке, золотом по красному полю «Библия» и ниже по оливковому — «Острозская». К переплетному листу в начале книги подклеен листок со сведениями об издании, в котором также сообщается, что в библиотеку института подарил ее «administrateur apostolique de Moscou» Иван Михайлович Фадеев в 1927 г. (см. также в описании Крайцара, № 9).

Обе следующие книги — образцы послефедоровской московской печати XVI в.: Триодъ постная (20 декабря 1589 г., № 11), первое издание Андроника Тимофеева Невежи и его же Минея общая (20 июня 1600 г., № 12). Оба экземпляра сохранили если не первоначальный, то, несомненно, тот вид, который они имели в XVII в. Переплет Триоди — доски в коже с тиснением и бумага обклейки крышек — XVII в. Суперэклибрис на верхней крышке нам хорошо известен — это изображение пеликана, разорвавшего себе грудь, кормящего птенцов. Он также определенное время являлся суперэклибрисом книг, переплетенных на Московском печатном дворе. Особый интерес эта книга представляет в связи со зна-

чительной правкой печатного текста, сделанной киноварью в XVII в. Особенно на л. 4а, 4б, 42, 49—58, 70—83, 90, 113, 122, 133—134 и др.

На экземпляре Минеи сохранилась запись 1647 г., выполненная отличным профессиональным полууставом: «Лета 7155 году м^ес^яца априля в 2 д^ень сию книгу гл^агол^емую минею общую отказал в дом Р^ож^еств^е пр^еч^истои Б^огородицы и великому с^вяти^телю Николе чудотворцу на Бережную Дуброву Тихон Савинов с Лузова по своих родителей и по себе, да он же отказал праздницы одиннадцать икон. А на книги подписал тое ж в^ол^ости ц^ерковной диячок Иософко Григор^ьев по повелению племянника его Ефима Лаврентьева». Последний факт удостоверен записью самого Ефима: «Ефимка Лаврентьев велел на книги подписат^ь и руку приложил». Как и ряд других экземпляров, книга при реставрации была подклеена фрагментами русских документов XVII в.

Последняя книга XVI в.¹¹, хранящаяся в библиотеке института, — Евангелие, напечатанное 17 июля 1600 г. в виленской типографии Мамоничей. Этот экземпляр интересен замечательным переплетом западно-русской работы: вся поверхность верхней крышки кожаного переплета покрыта изящным тисненым растительным орнаментом; углы заняты изображениями евангелистов, изобилующими деталями, в том числе архитектурными; в середине крупное распятие с предстоящими, окруженное овальными медальонами с повторением распятия и профилем святого (Христа?). На книге владельческая запись Воздвиженской Бувкевской (?) церкви, а также записи XVI—XVII вв. молитвенного характера, сделанные прекрасными западнорусскими почерками.

Говоря о книгах собрания, напечатанных в XVII в., мы сможем остановиться только на особенно интересных экземплярах. Таковым, несомненно, является Служебник 1604 г., изданный Ф. Ю. Балабаном в Стрятине. На нем сохранились две ¹² большие записи, точно и непосредственно демонстрирующие нам решение частой и типичной проблемы того времени, особенности исторической психологии людей. Речь идет о передаче в иную церковь или монастырь книг, ранее уже вложенных на «вечные времена» и «охраняемых» развернутыми формулами «проклятий» с призыванием в качестве судьи возможного нарушителя приказа вкладчика самого Христа. Мы чрезвычайно часто сталкиваемся с этими фактами, причем новые вкладчики и владельцы могли и не обратить внимания на первую запись, но чаще уничтожали ее целиком или частично — в тех местах, где речь шла об именах людей, сделавших более раннюю запись, и о местах вклада. Поэтому нижние поля листов, на которых по большей части и были записи, чуть ли не каждой третьей из сохранившихся старопечатных книг срезаны, протерты до дыр, заклеены, протравлены кислотой, немилосердно зачеркнуты чернилами или замазаны краской.

Иное, несомненно, «правильное» с точки зрения своего времени решение этой проблемы и находим мы в записях на Служебнике. Они сделаны мелким изящным полууставом по нижнему полю л. 1—17, при этом вторая запись — под более ранней. Первая запись — автограф вкладчика: «В лето от сотворения света 7130 а от по плоти р^ожд^ества г^оспод^а б^ог^а и сп^аса нашего И^су^са Х^рист^а 1622 (написано: 1X22) м^ес^яца мая 20 дня за д^ержавы княжати случкаго Криштофа Радвила и благоч^естиваго ктитора с^вя^тыа сея его м^ил^ости п^ана Грагориа Володковичя надана быст^ь сия с^вя^тая книга г^лаго^лемаа Служебник в храм . . . (стерто) монастыря Грозовского при иждивением всех православных хр^истиан ради м^ил^остыни, тцанием иеромонаха Исакия строителя с^вя^тыа обители сея. М^олю же всех г^лущих сию с^вя^тую книгу, да не д^ерзнет никто ея оудалити от т^я с^вя^тыа обители, аще ли же кто д^ерзнет сие сотворити, да будет на нем клятва б^ож^иа и с^вя^то^го архериа чудотворца Николы; и будет таковый со мною суд имети на оном грозном и страшном судищи х^ристо^ве; вышеименованный, рука власная».

Вторая запись сделана на 20 лет позже: «Сия же книга како и коим дер[з]нутием взята там таго монастыря Грозовскаго, от иерарха христова Николы, не вемы; zde ж ко нашей с<вя>той обители привез и надал ко пределу Благо>в<е>щения пр<е>с<вя>той Б<о>горо>д<и>ци в монастыри нашем Межибозком его милость (?) пан Самоел Заборовский з Слудского повету, и даде ея в вечные времена. От сея ж с<вя>тыя обители оти нюд никто да не дерзнет вторицею похищати, аще бы кто дерзнул, под тое ж проклятие с<вя>тых от<е>ц подлежит. И молю, ч<е>стные перомонахове, чтуще сию с<вя>тую книгу во м<о>литвах с<вя>тых оных и нас не презирайте да не воменит ему г<о>сподь б<о>г во грех сотворившему сия. И мы же вземше з рук от вышреченного п<а>на Самоеля Заборовского во своем монастыри, о том дерзнутом орудиа не имама никоего ж; о[n] испытан пред справедливым судиею будет. Подписал же сия многогрешный иеромонах Паисий Феодорович игумен на тот час монастыря Межиборского, рок 1642 июль 21й.» Таким образом, межиборский игумен старательно подчеркивает не только свою неповинность в перемене места хранения книги, но и полное свое незнание, каким образом это произошло. Он называет имя дарителя и заявляет, что именно тот, из рук кого книга получена, будет отвечать на божьем суде. Мало того, он призывает всех молиться не только за нового, но и за прежних дарителей и владельцев и надеется, что все эти меры обеспечат сохранность дара и книга «отнюдь» «вторицею» не будет похищена!

В том же году, что и описанный выше Служебник, в Москве вышла первая книга, изданная Иваном Андрониковым Невежиным — это Триодь цветная, датированная 30 августа 1604 (№ 16). Ее экземпляр, ныне хранящийся в Риме, судя по записи, в 1801 г. принадлежал Никольской церкви «села Вяземского горотка», а подписал книгу крепостной человек попа Алексея. Вторая книга того же Ивана Невежина «Апостол» вышла в Москве при Лжедмитрии 18 марта 1606 г. (№ 17). Доски переплета этой книги оклеены изнутри документами о продаже вина, в том числе целовальником Яковом Ларионовым в ноябре 1725 г. «в кружки и в чарки».

6 ноября 1609 г. вышла в Москве Минея общая печатника Никиты Фофанова. Экземпляр этого издания, как говорится в записи дьячка Василия Кирилова, в 1715 г. принадлежал Рождественской церкви села Рождественского. Позднее крышки переплета этой книги были подклеены азбучными прописями XVIII в.

Образец издания Евъе (Диоптра, 1612, № 20), который имеется в собрании, любопытен не часто встречающейся акварельной (зеленой, желтой и красной) раскраской орнамента.

Как уже говорилось выше, в Восточном институте хорошо представлены украинские издания — в своей работе Я. Крайцар описал книги, напечатанные в 1619—1630 гг. в Киеве и Львове под № 22—29. На основании изучения экземпляров можно установить судьбы пяти из них. Четыре книги — Триодь постная (Киев, 1627 г., № 24), Номоканон (Киев, 1629 г., № 26); Апостол (Киев, 1630 г., № 28), Октоих (Львов, 1630 г., № 29) — бытовали в XVII—XIX вв. на Украине. Например, на экземпляре Триоди три украинские записи: в XVII в., судя по их содержанию, поп Матфей и «подружие его Мария», а также «другий человек. . . Михаил и подружие его Анна с родителями и чадами» вложили книгу в церковь и перечислили имена многочисленных родичей, за которых необходимо было «молить бога». Вторая запись 1771 г. «рабы божией Гафии(?)» о покупке и о вкладе книги в Успенскую церковь в Дотогиде (?), которая подтверждается записью того же года попа Ференца, бывшего там «за пареха». Экземпляр Номоканона имеет переплет XVIII в. с типичным украинским тиснением (изображение архангела) и польскую запись Иоанна Пеняцкого; на киевском Апостоле 1630 г. запись XVII в. о принадлежности книги «церкви Молоденецкой. . . великой Параскеви. . .» и помета 1874 г. церковного певчего Матфея Мелиновского (?). На львовском Октоихе 1630 г. несколько украинских записей XVII—XVIII вв.

Наибольший интерес представляет вкладная 6 марта 1631 г., в кото-

рой говорится: «... изволением всего послуства и всей громады Лувчин[с]кой купили сею книгу охктоих за золотих 210 (!?) до села Ловчин ко . . . храму. . . пр<о>рока Илии. . .». Это пример часто встречающихся записей о коллективных покупках и вкладах книг жителями села, конца, здесь — «всей громады».

Пятая книга — Лимонарь (Киев, 1628 г. № 25) в XVIII в. находилась в Муромском уезде, о чем и сделал две записи дьячок Троицкой церкви Федор Яковлев Пономарев.

Почти все издания 30—40-х годов XVII в., имеющиеся в собрании Восточного института, — московского происхождения, и почти все, без исключения, книги имеют интересные записи, содержащие значительную информацию. Экземпляр Минеи общей (20 января 1632 г., № 32) в 1676 г. ее владелец Исакий Максимович Грибоедов намеревался вложить в церковь, о чем и сделал своеручную запись его сын Алексей, однако намерение это исполнено не было, судя по второй записи на том же экземпляре: «187-го апреля в 4 де[нь] (4 апреля 1679 г.) продал сию книгу мнею общую (вставлено поверх строки другим почерком) Николы Чюдотворца, что на Покровке в Блинниках поп Исакий Максимов, а продал Ивану Викулову с<ы>ну, а подписал вместо отца своего по повелению попа Исакия с<ы>н иво Алешка Исаков, а по прозвищу Апарин своею рукою; а продана зачисто никому не продана (зачеркнуто); хто в сию книгу иступитца, и нам очищать». Еще более точный московский адрес указан на Апостоле (5 мая 1633 г., № 35): «Кн<и>га климентовского попа Константина Иосифова, что на Москве в Китае у Варварских ворот, а подписал своею рукою лета 7157 сентября 29 (29 сентября 1648 г.)». В 1653—1654 гг. появилась в книге владельческая запись «колуского посацкого человека»; к XVII в. относится и запись попа Афонасия Васильева, давшего «сию книгу» церкви «Рождества Христова, что на посаде на Глинном городище».

Записи на Требнике (М., 29 августа 1636 г., № 36) не только дают возможность выяснить историю бытования книги, но и прекрасный пример развитой «формулы проклятия» потенциального вора, о которой шла речь выше. Приведем эту интересную, с ярко выраженными диалектизмами запись полностью: «Лел[та] 7145 году марта в 25 ден<ь> (25 марта 1637 г.) дал вкладу сию книгу глаголемый потребник Иван Афанас<ь>ев с<ы>н Давыдов [в] чесную в преивеликую абитель Успенья пречистыя Богородицы в Зосимав монастырь инока Ондreja в Клинско[м] уезде, а даю я сию книгу вклад по радителех своих при игумене Мисаиле. Буди сия книга во веки маностырская. А игумену и келарю и никакому причету церковному и братьи старцом и роду моему и племяни и мне, Ивану, и никакому мирскому человеку сие книги из монастыря не имать и своею никому не называть, и будет хто возмет из монастыря от церькве божи, и взем продаст или заложит или кому отдаст, или хто сию книгу своею назовет, и тово разорителя церьковнова судит б<о>г своим праведным судом на втором пришествии своем. . . а преже (?) сиво я, Иван, дал вкладу в той же монастырь псалтырь следованьем да мнею оп<ш>ую, а потписал сию книгу глаголемый потребник я, Иван, своею рукою». В 1817 г. книгу купил священник старообрядческого Рогожского кладбища Тимофей, а в 1841 г. она принадлежала московскому мещанину Федору Васильевичу Жигареву.

Экземпляр московского Евангелия (3 февраля 1637 г., № 37) записей не имеет, но интересен, так как, очевидно, сохранил свой первоначальный вид — размеры полей этого экземпляра следующие: верхнее 65, правое — 80 и ниже — 95 мм¹³. Экземпляр части Трефологнона март—май (21 мая 1638 г., № 38), имеющийся в библиотеке Восточного института, — хороший образец старообрядческой реставрации книги. Утраченные листы восстановлены литургическим полууставом на бумаге фабрики Гончаровых последней трети XVIII в.; заставки на л. 1, 34, 101 рисованы пером, многие листы книги монтированы или подклеены той же бумагой, а утраченный текст дописан.

Служебные минеи представлены в собрании кругом московских изда-

ний 40-х годов XVII в. Пять экземпляров из них имеют несомненный интерес. Если Миней на сентябрь (6 декабря 1644 г., № 51) в XIX в. принадлежала коломенским купцам А. В. Бабаеву, а с 1866 г. — его сыну А. А. Бабаеву, то о Минее на март (29 июня 1645 г., № 52) мы узнаем, что она была «хоромной» книгой «всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца» Иоанна Алексеевича, а в январе 1699 г. «ис хором все 12» книг переданы, очевидно, по приказу «благоверние государыни царскицы и великие князгкини Парасковьи Федоровны в Можайскую вотчину боярина князя Бориса Ивановича Прозоровского в село Поречье в церковь Иоанна Предтечи».

На октябрьской Минее (25 июля 1645 г., № 54) вкладная XVII в. Богдана Герасимовича Приклонского «3 детми, с Михаилом да Ываном», и штамп конца XIX — начала XX в. старообрядческого священника Г. С. Юдина. Майскую Миней (20 июня 1646 г., № 61) боярин князь стольник, строитель железных заводов Михаил Яковлевич Черкасский в 1695 г. дал «в село Никольское на Клязьму в церковь Николая чудотворца». Наконец, экземпляр служебной Миней на июль (1 июня 1646 г.), который находится в собрании и имеет ранний переплет с суперэкслибрисом Московского печатного двора, 11 июля 1663 г. «продал. . . москвитин стретенской сотни Ерофей Павлов торговой человек кузьмыдем'янцем — попу Сидору Максиму зачисто, а потписал сам Ерофей своею рукою». В 1761 г. книга была куплена кем-то «на ярманке».

Интересна судьба экземпляра Толкового Евангелия Феофилакта болгарского, изданного в Москве 1 апреля 1649 г. (№ 72). Размашистым писарским полууставом 20 января 1658 г. написано на его листах, что «положил сию книгу евангелие своего строения в новыи Иерусалым в монуастырь Живоначального Воскресения» «великий государь свейтеиший Никон архиепископ царствующаго великаго града Москвы и всеа Великия и Малыя и Белоя Росии патриарх». В этой записи Никон титулован именно великим государем, что потом неоднократно инкриминировалось ему как прямое посягательство на честь, равную царской. Начало следующей записи — вкладной XVII в. не сохранилось. Известно только имя «. . . [З]ахар сын Хармеев» и замечательная совершенно иная, чем цитированная выше, «формула проклятия», в которой говорится, что если кто книгу. . . «утаит яко же Азания и Сапфира, да отымет от него господь бог святую мислость, и затворит двери святых щедрот своих, и да преидет на него неблагословения. . . и казнь боужия душевная и телесная в нынешнем веце и в будущем вечная мука; а кто сие писание каким злым измышлением отымет от книги сия, да испишет его имя господа от книги животная». Как мы видели уже на многих примерах, эта часть записи была несомненно актуальна, но также несомненно и малодейственна!

Славяно-русское книгопечатание второй половины XVII в. представлено в коллекции значительно хуже. Меньше среди этих книг и интересных экземпляров; и тем не менее они имеются, например конволют из двух московских изданий: Псалтыри 11 февраля 1653 г. (№ 82) и изданной около 1646 г. книги «Служба и житие Саввы Сторожевского» (№ 58). Судя по записям на этих книгах — конволют мог быть составлен еще в XVIII в. (хотя сохранившийся переплет книги XIX в.), так как оба издания в это время, очевидно, принадлежали одной церкви. На «Службе» владельческая запись Рождественской церкви Черноголовской волости, сделанная пономарем Алексеем Никифоровым. Если выше мы говорили о вкладыях бояр, князей, патриарха, то запись на Псалтыри 1653 г. — типичный пример крестьянской записи: «Лета 7162 (1653—1654) положил сию книгу псалтырь у Рождества Христова в Ямкине Черноголовские волости крестьянин Трофим Никитин сын по своим родителям и по своей душе, и которой свещельник (!) у Рождества Христова станет служить, и ему за меня бога молити и родители мои поминати. А хитрости над сею книгою никто не учинит и от Рождества Христова никому не отнести. А учинит над сею книгою которой свещеник или каков чей»

л<о>в<е>ж и нам будет с ним суд на фтором [пришес]твии пред Х<ри>сто>м».

Триодь цветная, Пентикостарион (№ 99), напечатанный Московским печатным двором в январе 1680 г., в XIX в. принадлежала Тверскому кафедральному собору. На этом экземпляре собрания сохранилась ценная для нас помета, очевидно работника Печатного двора, сделанная, как это было принято, на обороте последнего листа: «Илья Иванов». Из записей на книге мы узнаем и место бытования в конце XVII в. Московского Евангелия издания 1685 г. (8 мая, № 104), и его цену: «Сие светое евангелие на престольное Воронежского уезду Короченского стану села Манина Рождественского попа Василия, куплена на ево денги, дано три рубли». Несколько позже другим, не очень грамотным человеком эта запись как бы продолжена: «. . . а отдано сие евангелие по обещанию в дом Преображению гасподне пустыни Даншена городища для поминования родите<л>и своих, а буде кто бы мел удалити от того светого места каким случаем, да буди проклят и анафеми предаст'ся».

В данном сообщении невозможно изложить весь материал, полученный нами при изучении собрания, однако и приведенного достаточно, чтобы оценить его значение как с точки зрения типической, так и оригинальной историко-культурной информации. Это еще одно подтверждение необходимости, важности и актуальности изучения славяно-русских источников, находящихся за рубежами нашей страны.

¹ *Krajcar J.* Early-printed Slavonic Books in the Library of the Pontifical Oriental Institute. — In: *Orientalia christiana periodica*. Roma, 1968, vol. 34, p. 105—128.

Автор выражает свою искреннюю благодарность проф. Я. Крайцару и сотрудникам библиотеки Восточного института за помощь в работе по описанию кириллицы весной 1982 г.

² Первый выпуск этой грандиозной работы см.: Описание старопечатных изданий кирилловского прифта. М., 1979. Вып. 1. *Немировский Е. Л.* Описание изданий типографии Швайпольта Фиоля.

³ Для каждой упомянутой книги указывается номер, под которым она описана в вышеупомянутой работе Я. Крайцара.

⁴ *Ундольский В. М.* Каталог славяно-русских книг церковной печати библиотеки А. Н. Кастерина. М., 1848; *Он же.* Очерк славяно-русской библиографии. М., 1871.

⁵ *Тихомиров М. Н.* Начало книгопечатания в России. — В кн.: *Тихомиров М. Н.* Русская культура X—XVIII вв. М., 1868, с. 292—320.

⁶ *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв.: Сводный каталог. М., 1958, № 4.

⁷ *Поздеева И. В., Кашкарова И. Д., Леренман М. М.* Каталог книг кириллической печати XV—XVII вв. научной библиотеки Московского университета. М., 1980, № 11, примеч. 7.

⁸ Ближе всего к суперэкслибрису, приведенному в кн.: *Поздеева И. В.* Коллекция старопечатных книг XVI—XVII вв. из собрания М. И. Чуванова: Каталог. М., 1981, рис. 20. Тип. II,

однако в данном случае нижнюю пару птиц разделяет не цветок, а горка с круглыми лещадками и растительностью.

⁹ *Клепиков С. А.* Филигранные на бумаге русского производства XVIII—начала XX в. М., 1978, № 472—479.

¹⁰ Запись, сделанная в тот же день и при аналогичных обстоятельствах, известна из ноябрьской миней (М., 5 сент. 1645 г.) коллекции Чуванова, только в ней речь идет о принадлежности книги другой церкви Переславля и подписывает ее Григорий Стефанов. См.: *Поздеева И. В., Кашкарова И. Д., Леренман М. М.* Каталог книг кириллической печати XV—XVII вв. научной библиотеки Московского университета. М., 1980, № 259; *Поздеева И. В.* Коллекция старопечатных книг XVI—XVII вв. из собрания М. И. Чуванова: Каталог, № 124.

¹¹ Нам не удалось увидеть имеющийся в собрании острожский сборник 1588 г., который обычно называется «О единой истинной православной вере» (Крайцар, № 10).

¹² Одна из них почти целиком приведена в описании Крайцара, но, поскольку без первой вторая запись теряет свое значение, мы приводим обе записи.

¹³ О важности и необходимости фиксации редко сохраняющегося первоначального вида старопечатных книг писал А. А. Сидоров (Художественно-технические особенности славянского первопечатания. — В кн.: *У истоков русского книгопечатания*. М., 1959, с. 53, 76, 79); *Поздеева И. В.* Коллекция старопечатных книг XVI—XVII вв. из собрания М. И. Чуванова, с. 15.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ В. Т. ПАШУТО*

1939

Александр Невский. — Учен. зап. ЛГУ, № 36. Сер. ист. наук, вып. 3, с. 62—84.

1940

Невская битва. — На страже родины. Л., 14 июня.

1941

Галицко-Волынское княжество времен Даниила Романовича. — Учен. зап. ЛГУ, № 67. Сер. ист. наук, вып. 7, с. 25—82.

1943

Даниил Галицкий. — ИЖ, № 3/4, с. 37—44.

1947

Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. — ИЗ, т. 24, с. 111—159.
Хозяйство и техника средневековой Литвы. — ВИ, № 8, с. 74—81.
Юрий Долгорукий — основатель Москвы. — Моск. большевик, 26 авг.

1948

Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829). — ДС. М., т. 1, стб. 517, 518.
Киевская летопись 1238 г. — ИЗ, т. 26, с. 273—305.

Рец. на кн.: Еремин И. П. Повесть временных лет: Проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1946 (на обл. 1947). 92 с. — ВИ, № 6, с. 105—106.

1949

О политике папской курии на Руси (XIII в.). — ВИ, № 5, с. 52—76.

Очерки по истории Галицко-Волынской Руси и Литвы (XIII в.): Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 14 с.

Очерки по истории Галицко-Волынской Руси и Литвы (XIII в.). — ИАН. Сер. истории и философии, т. 6, № 4, с. 360—362.

Рец. на кн.: Записки НИИ при СМ Мордовской АССР. История и археология. Саранск. Т. 6. 1946. 160 с.; Т. 9. 1947. 229 с. — ВИ, № 8, с. 138—140.

Рец. на кн.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. 470 с. — ВИ, № 9, с. 119—122. Совм. с А. А. Зиминным.

1950

Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М. 328 с.

Рец.: За марксистско-ленинскую историю литературы. — ТОДРЛ. М.; Л. Т. 5. 1947. 308 с.; Т. 6. 1948. 413 с.; Т. 7. 1949. 496 с. — ВИ, № 3, с. 114—120.

Рец.: Новый труд о Золотой Орде. (Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. 479 с.). Новый мир, № 9, с. 268—270.

Рец. на кн.: Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. 512 с. — ВИ, № 11, с. 145—148.

1951

Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII в. М. 132 с.**

То же. На венг. яз. — Будапешт, 1952. 139 с.; На чеш. яз. — Прага, 1952. 152 с.; На рум. яз. — Бухарест, 1953. 165 с.; На укр. яз. — Киев, 1953. 152 с.; На нем. яз. — Берлин, 1954. 140 с.

О периодизации истории России эпохи феодализма. — ВИ, № 2, с. 52—80. Совм. с Л. В. Черепниным.

То же. На польск. яз. — In: Nowe drogi. Zeszyty hist. Warszawa, 1951, N 3, s. 198 i nast; На чеш. яз. — In: Sovětska věda. Historia. Praha, 1951, č. 7, s. 27—60; In: Dějiny SSSR/Red. B. D. Grekov i dr. Praha, 1953, t. 1, s. 377—414; На нем. яз. — In: Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge. Berlin, 1952, Bd. 20, S. 425—464.

Рец. на кн.: Повесть временных лет/ Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 1. 404 с.; Ч. 2. 554 с. — ВИ, № 7, с. 117—121.

1952

Несколько наблюдений над «Прусской Правдой». — В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. ст. М., с. 112—116.

О возникновении Литовского государства. — ИАН. Сер. ист. и философии. М., т. 9, № 1, с. 29—49.

А. А. Шахматов — буржуазный источниковед. — ВИ, № 2, с. 47—73.

Рец.: Ценный труд о Золотой Орде. — (Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. 479 с.) — Славяне, № 6, с. 54—56.

1953

Очерки истории СССР: Период феодализма, IX—XV вв.: В 2-х ч. М., ч. 1. IX—XIII вв. Введение, с. 7—24. Совм.

* Составители М. Н. Перегуд и П. В. Пролина. В списке не указана работа В. Т. Пашуто в качестве члена редколлегий сборников: Проблемы возникновения феодализма у народов СССР (1969), Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма (1970), Летописи и хроники (1974, 1976, 1980), Проблемы социально-экономической истории СССР (вып. 1, 2, 1977), Иаучение отечественной истории в СССР между XXIV—XXV съездами КПСС (вып. 1, 2, 1978), Источниковедение отечественной истории (1980), а также изданий: История Литовской ССР (с древнейших времен до наших дней) (1978), Словарь русского языка (XII—XVII вв.), т. 5 (1978), т. 6 (1979), т. 7, 8 (1981), серия «Памятники исторической мысли» (1977, 1978, 1979, 1980).

** Здесь и далее под годом первой публикации на русском языке указаны и позднейшие переводы на другие языки.

с Б. Д. Грековым и Л. В. Черепниним; Гл. 3, § 2. Социально-экономические отношения и политический строй феодальных княжеств XII—XIII вв., с. 275—310; § 3. Образование феодальных княжеств и республик и судьба Киевской земли, с. 310—320. Совм. с Л. В. Черепниним; § 4 в) Галицко-Волынское княжество, с. 357—380; Гл. 4, § 6. Народы Прибалтики в IX—первой четверти XIII в., с. 670—677, 686—695; Гл. 5, § 1. Историко-география, с. 760—768. Совм. с Л. В. Черепниним; § 2. Внутривосточное положение Руси в начале XIII в., с. 768—776; § 3. Вторжение иноземных феодалов в Восточную Прибалтику, с. 777—791; § 5. Завоевание монгольским государством Средней Азии и вторжение татаро-монгольских захватчиков в Закавказье и Восточную Европу, с. 802—813. Совм. с А. Ю. Якубовским и И. П. Петрушевским; § 6. Падение Тарту (Юрьева) и борьба с немецкими захватчиками в Восточной Прибалтике, с. 813—828; § 8. Борьба русского народа с татаро-монгольским нашествием, с. 830—838; § 9. Решающие победы русского народа над шведскими и немецкими захватчиками (1240 и 1242), с. 838—853; § 10. Разгром венгерско-польских захватчиков в юго-западной Руси (1245), с. 853—858; § 11. Установление татаро-монгольского ига на Руси и борьба русского народа за независимость в XIII в., с. 858—907; Ч. 2. XIV—XV вв., гл. 5, § 1а) Образование Литовского государства, с. 475—494.

То же. На нем. яз. — Берлин. Т. 1. 1957; Т. 2. 1958.

То же. На кит. яз., гл. 5. Борьба русского народа за независимость в XIII в. и ее всемирно-историческое значение. Пекин, 1958. 115 с.

Рец. на кн.: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М., 1951. 259 с. — ВИ, № 8, с. 165—169.

Ред.: ИА. М. Вып. 8. 332 с.; Вып. 9. 327 с.

[*Ред.:*] Кончаловская Н. Наша древняя столица: Картины из прошлого Москвы. М. Кн. 3. 120 с.

Ред.: Очерки истории СССР: Период феодализма, IX—XV вв.: В 2-х ч. М. Ч. 1. 984 с.; Ч. 2. 812 с. Совм. с Б. Д. Грековым (отв. ред.) и Л. В. Черепниним.

1954

Товарное производство на Руси (до XVII в.). — ВИ, № 1, с. 117—136. Совм. с Л. В. Даниловой.

Рец. на кн.: ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. 434 с.; Т. 9. 1953. 480 с. — ИАН. ОЛЯ. М., т. 13, вып. 2, с. 187—194.

1955

Помезания. «Помезанская Правда» как исторический источник изучения общественного и политического строя Помезании XIII—XIV вв. М. 184 с. Прилож.: *публ.* «Помезанская Правда» / Пер. А. В. Дес-

ницкой, с. 109—178; *сост.:* Предметно-терминолог. указ., с. 179—182.

Рец. на кн.: Vernadsky G. The Mongols and Russia. New Haven, 1953. 462 p. — ВИ, № 8, с. 180—186. Совм. с Н. Я. Мерпертом.

1956

Героическая борьба русского народа за независимость, XIII век. М. 279 с.

История СССР: Учебник для ист. фак. гос. ун-тов и пед. ин-тов / Отв. ред. Л. В. Черепнин. М. Т. 1. С древнейших времен до 1861 г. Первобытнообщинный и рабовладельческий строй. Период феодализма, разд. 2, гл. 4, § 3. Принятие христианства. Государство на Руси первой половины XI в., с. 80—82; § 4. Восстания смердов и горожан в 60—70-х годах XI в., с. 82—84; § 5. Переход к феодальной раздробленности. Восстание в Киеве в 1113 г. Княжение Владимира Мономаха, с. 84—86; § 7. Культура Древней Руси, с. 88—91; § 8. Значение Древней Руси в истории народов нашей Родины, с. 91—92; § 9. Международное значение Древней Руси, с. 92—93; § 10. Народы Закавказья и Средней Азии в VIII—XI вв., с. 94—100 (§ 3—5, 7—10 совм. с Л. В. Черепниним); разд. 3, гл. 5, § 1. Социально-экономическое и политическое развитие Руси, с. 101—109; § 2. История отдельных русских земель, с. 109—114; § 3. Международное положение Руси, с. 114—116; § 4. Культура, с. 116—118; § 5. Народы нашей страны, с. 119—125; гл. 6, § 1. Борьба Руси и народов Прибалтики против немецких, шведских и датских феодалов, с. 125—128; § 2. Героическая борьба народов нашей страны с татаро-монгольским нашествием, с. 128—135; § 3. Решающие победы русских воинов под предводительством Александра Невского над шведскими и немецкими захватчиками, с. 135—140; § 4. Установление татаро-монгольского ига над народами нашей страны и его последствия, с. 140—145; § 5. Освободительная борьба русского народа против монгольского ига, с. 145—147; *То же.* На нем. яз. — Берлин, 1960. Т. 1, ч. 1.

1957

Всемирная история: В 10-ти т. М., т. 3, ч. 2, гл. 15, разд. 2. Древняя Русь конца IX—начала XII в., с. 250—266. Подразд. Культура Древней Руси. Совм. с Н. Н. Ворониным; ч. 3, гл. 32. Русь в период феодальной раздробленности, XII—начало XIII в., с. 452—472; ч. 4, гл. 38. Борьба русского народа и других народов Восточной Европы с татаро-монгольским нашествием. Наступление на Русь шведских, немецких, датских, венгерских и польских феодалов в XIII в., с. 591—602.

То же. На греч. яз. — Афины, 1958; На рум. яз. — Бухарест, 1960; На чеш. яз. — Прага, 1960; Прага, 1962; На яп. яз. — Токио, 1962—1963; На венг. яз. — Будапешт, 1963; На нем. яз. — Берлин, 1963.

1958

Борьба русского народа за независимость (до конца XIII в.). — История СССР, № 6, с. 54—81.

Против некоторых буржуазных концепций образования Литовского государства: [По поводу статьи западногерм. историка: Hellmann M. Zu den Anfängen des litauischen Reiches. — In: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1956, Bd. 4, Hf. 2, S. 159—165]. — ВИ, № 8, с. 40—62.

1959

Образование Литовского государства. М. 531 с.

То же. На лит. яз. — Вильнюс, 1971. 424 с.

Так называемое «изучение Востока» — идеология западногерманского реваншизма. — ВИ, № 3, с. 60—76.

То же. На нем. яз. — In: Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge. Berlin, N 6, S. 599—616.

Труды польского академика Г. Ловмянского по истории Литвы, Руси и славянства. — ВИ, № 10, с. 107—120.

Христибургский (Кишпоркский) договор 1249 г. как исторический источник. — III, [вып. I 7, с. 357—390.

Коммент.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 15-ти кн. М., кн. 1, т. 1, 2. с. 745—764.

Ред.: Греков Б. Д. Избранные труды. М. Т. 2. 624 с. Совм. с Л. В. Черепниним; От редакции. Там же, с. 3—10.

1960

Очерки истории СССР, XII—XIII вв.: Пособие для учителей. М. 220 с.

Научная сессия в Варшаве, посвященная тысячелетию Польского государства [21—23 июня 1960 г.]. — ВИ, № 10, с. 210—241.

То же. — ВАН, № 10, с. 85, 86. 550-летие Грюнвальдской битвы. — ВИЖ, № 7, с. 78—88. Совм. с М. Ючасом.

Меч Грюнвальдский: К 550-летию со дня разгрома Тевтонского ордена. — Комс. правда, 15 июля.

Коммент.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 15-ти кн. М., кн. 2, т. 3, 4, с. 701—708.

1961

Борьба русского народа против иноземных рыцарей. — ДЭ. М., т. 7, с. 240—243.

Некоторые данные об источниках по истории монгольской политики папства. Прилож.: *публ.* «Послание хана Абаки папе Клименту IV» / Пер. И. В. Шталь. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. ст. к 70-летию А. А. Новосельского. М., с. 209—213.

Против фальсификации истории нашей Родины немецкими реваншистами. М. 32 с. Совм. с В. И. Саловым, А. Л. Хорошкевич.

Рец.: Новый труд о выдающемся русском дипломате. (Шостакович С. В. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. М., 1960. 294 с.). — История СССР, № 4, с. 184—186.

Рец.: Создать полноценный учебник по истории Литвы. (Юргинис Ю. История Литовской ССР: Учебн. для средних школ. 3-е изд. Каунас, 1960. 188 с.). — Коммунист, № 18, с. 109—112. Совм. с Р. Шармайтисом.

То же. На рус. яз. — Коммунист. Вильнюс, 1962, № 1, с. 72—76.

То же. На лит. яз. — Tiesa. Vilnius, 1962, sansio 10; Tarybinis mokytojas. Vilnius, 1962, sansio 14.

Рец. на кн.: Winter E. Russland und das Papsttum. Berlin, 1960, Bd. 1. 375 S. — История СССР, № 1, с. 216—221.

Ред.: Международные связи России до XVII в.: Сб. ст. М. 580 с. Совм. с А. А. Зиминим; От редакции, с. 3—6.

1962

Истоки немецкой неофашистской концепции истории России. — ВИ, № 10, с. 61—79.

О мнимой соборности Древней Руси. — В кн.: Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма: Сб. ст. М., с. 162—214.

Чингисхан и его наследие. — История СССР, № 5, с. 92—119. Совм. с Н. Я. Мерпертом, Л. В. Черепниним.

То же. На рум. яз. — In: Probleme de istorie. București, 1963, N 3, p. 155—206.

Russland und Europa. — In: Auf den Spuren der «Ostforschung». Eine Sammlung von Beiträgen. Leipzig, S. 1—39. Совм. с В. И. Саловым.

Wladimir Nikolajew Piercew, 1877—1960: [Некролог]. — Rocznik Bialostocki. Bialystok, t. 3, s. 560—561.

Рец. Ценный труд по истории Эстонии. (История Эстонской ССР: В 3-х т. Таллин, 1961. Т. 1. С древнейших времен до середины XIX в. 955 с.). — Сов. Эстония, 17 мая. Совм. с Н. И. Павленко, В. К. Яцунским.

Ред.: Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма: Сб. ст. М. 429 с. Совм. с Л. В. Черепниним, М. М. Штранге; Предисл. — Там же, с. 3—6.

Ред.-консультант: Кончаловская Н. Наша древняя столица: Картины из прошлого Москвы. М. 320 с.

1963

Аграрный вопрос в современных буржуазных концепциях истории России периода феодализма. — В кн.: Тезисы докладов и сообщений VI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в г. Вильнюсе (сентябрь 1963 г.). Вильнюс, с. 25—26.

Рифмованная хроника как источник по русской истории. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., с. 102—108.

Средневековая Русь в советской художественной литературе. — История СССР, № 1, с. 83—118.

Russland und Europa. — In: Auf den Spuren der «Ostforschung». Eine Sammlung von Beiträgen. 2 verb. Ausg. Leipzig, S. 1—39. Совм. с В. И. Саловым.

Рец. на кн.: История Эстонской ССР: В 3-х т. Таллин, 1961. Т. 1. С древнейших времен до середины XIX в. 955 с. — ВИ, № 3, с. 132—138. Совм. с Н. И. Павленко, В. К. Яцунским.

1964

Аграрный вопрос в России в освещении современной буржуазной историографии. — ВИ, № 7, с. 88—105.

Голодные годы в Древней Руси. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. Минск, с. 61—94.

То же. На фран. яз. — In: Annales: Economies Sociétés Civilisations. Paris, 1970, N 1, p. 185—199.

«Дранг нах Остен». — СИЭ. М., т. 5, стлб. 322—325.

История СССР: Учебн. для ист. фак. гос. ун-тов и пед. ин-тов / Отв. ред. Л. В. Черепнин. 2-е изд. перераб. и доп. М. Т. 1. С древнейших времен до 1861 г. Первобытно-общинный и рабовладельческий строй. Период феодализма, гл. 4, § 3—5, с. 115—121; § 7—10, с. 123—134. Совм. с Л. В. Черепниным; гл. 5, 6, с. 135—180*.

О достоверности художественной историографии: [В связи с откликом А. К. Югова на статью автора «Средневековая Русь в советской художественной литературе» (История СССР, 1963, № 1)]. — История СССР, № 4, с. 231—235.

Послания Гедимины как исторический источник. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сб. ст., посвященный 75-летию С. Н. Валка. М.: Л., с. 463—473. (ТЛОИИ; Вып. 7).

Признаки феодализма и признаки прошлого: [К критике взглядов буржуазных историков на формы существования феодализма на Руси]. — История СССР, № 2, с. 188—204.

Baltijas jautājums (līdz XVI gs.) J. Zuša darbos. — In: Akademiķis Jānis Zutis. Rīga, lpp. 151—156.

Die Ostforschung wird reorganisiert. — In: Informationen über die imperialistische Ostforschung. Berlin, Jg. 4, N 4, S. 1—13.

Возрожденный Рублев: [Послесловие к сценарию А. Кончаловского, А. Тарковского «Андрей Рублев»]. — Искусство кино, № 5, с. 159—160.

Ред.: Винтер Э. Папство и царизм. М. 533 с. Совм. М. М. Шейнманом; Предисл. — Там же, с. 5—16. Совм. с М. М. Шейнманом.

Отв. ред.: Шушарин В. П. Современная буржуазная историография Древней Руси. М. 304 с.

1965

В национальном комитете историков Советского Союза. — ВИ, № 3, с. 165—166. Совм. с М. П. Кимом.

Черты политического строя Древней Руси: Особенности структуры Древнерусского государства. — В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., с. 11—127; Предисл. с. 3—8.

Эволюция исторической мысли в сере-

дине XX в.: Докл., прочитанный на XII Междунар. конгрессе ист. наук в Вене (сентябрь 1965 г.). — ВИ, № 12, с. 3—10. Совм. с М. В. Нечкиной, Е. Б. Черняком.

То же. На англ. яз. — In: XIIe Congrès international des sciences historiques. Rapports. Wien. 1965, t. IV, p. 57—67; На нем. яз. — In: Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge. Berlin, 1966, N 5, S. 517—526.

Tanulmányozzátok a történelmet és az életet... V. T. Pasuto professzor nyilatkozata Magyarországról, a tudományos életéről, üzenete a magyar egyetemistáknak. [Изучайте историю и жизнь по первоисточникам: Интервью проф. В. Т. Пашуто газ. Будапештского ун-та]. — Egyetemi Lapok. Budapest, 4 dec.

Верность исторической правде. — Изв. 2 марта. Совм. с Е. Стасовой, А. Карповой и др.

Рец. на кн.: Jurginis J. Baudžiaivos įsigalėjimas Lietuvoje. Vilnius, 1962. 344 p. — Acta Baltico-Slavica. Białystok, t. 2, s. 450—454. Совм. с М. Ючасом.

Ред.: Древнерусское государство и его международное значение. М. 476 с. Совм. с Л. В. Черепниным.

Отв. ред.: Улащик Н. Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии. М. 479 с.

: 966

Гродно в хронике Петра Дюсбурга. — В кн.: Культура Древней Руси: Посвящается 40-летию научной деятельности Н. Н. Вороница: Сб. ст. М., с. 191—192.

О некоторых путях изучения древнерусского города. — В кн.: Города феодальной России: Сб. ст. памяти Н. В. Устюгова. М., с. 93—98.

«Остфоршунг» перестраивается. — В кн.: Критика западногерманского «Остфоршунга». М., с. 141—150.

Половецкое епископство. — In: Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Festschrift für E. Winter zum 70. Geburtstag. Berlin, S. 33—40.

Принцип партийности в историческом исследовании и его современные критики. — Коммунист, № 4, с. 72—79. Совм. с В. Саловым, Л. Черепниным.

Подгот. к печати, пер. со старонем. и латин. на литов. и рус. яз. Совм. с И. В. Шталь: Gedimino laikai. Vilnius. 199 p. Статья: Gedimino laikai kaip istorijos šaltinis, p. 7—18.

Консультант: Кончаловская Н. П. Наша древняя столица: Картины из прошлого Москвы. М. 320 с.

1967

Борьба русского народа против иноземных рыцарей. — ДЭ, 2-е изд. М., т. 8, с. 232—235.

Внешняя торговля Древней Руси, до середины XIII в. — История СССР, № 3, с. 81—108. Совм. с А. П. Новосельцевым.

1968

Борьба народов нашей страны за независимость в XIII—XV вв. — В кн.: Страницы боевого прошлого.: Очерки

* Подробное описание см. 1956 г.

военной истории России. М., с. 8—36.

Внешняя политика Древней Руси. М. 472 с.

Древняя Русь и Венгрия. — В кн.: Славяне и Русь: К 60-летию акад. Бориса Александровича Рыбакова. М., с. 345—351.

Профессор Г. Штёкль размышляет об уроках истории: [Анализ работ западногерм. историка]. — ВИ, № 8, с. 30—48.

Русско-польские взаимоотношения (с середины XI в. до монгольского нашествия) в связи с политикой Германской империи. — В кн.: Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения. М., с. 15—27.

Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы. — В кн.: Всесоюзная конференция по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии, 4-я. Петрозаводск, 1968 г.: Тез. докл., Ч. 1. Петрозаводск, с. 176—177. Ротапр.

Эволюция политического строя Руси, X—XIII вв. — In: L'Europe aux IXe—Xe siècles. Varsovie, p. 241—247.

Det gamle «Rus» og skandinaverne. — Fakta om Sovjetunionen. København, N 22, s. 13—14, 25.

Vikingarnas roll i Ryssland? — Nyheter från Sovjet Unionen. Stockholm, N 23, 25—IX, s. 13—14.

Рец.: В ущерб истине: (По поводу книги о русском вече). [Zernack K. Die burgstädtischen Versammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung der Veße. Wiesbaden, 1967. 318 S.]. — История СССР, № 5, с. 235—237.

Рец.: Новый славяно-балтийский ежегодник. (Acta Baltico-Slavica. Białystok, 1964. Т. 1. 277 s.; 1965, Т. 2. 534 s.; 1966. Т. 3. 196 s.; 1966, Т. 4. 259 s.). — Сов. славяноведение, № 1, с. 100—103. Совм. с М. А. Ючасом.

1969

Борьба народов Руси и Восточной Прибалтики с агрессией немецких, шведских и датских феодалов в XIII—XV вв. — ВИ, № 6, с. 112—129; № 7, с. 109—128.

[Вступления в прениях]. — В кн.: Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., с. 96—98, 306.

[О плане научн.-исслед. работы Сектора истории древнейших государств на территории СССР в связи с основными направлениями научн.-исслед. работы Ин-та истории СССР на 1971—1975 гг.]. — История СССР, № 6, с. 19—21.

Особенности этнической структуры Древнерусского государства. — Acta Baltico-Slavica. Białystok, t. 6, s. 159—174.

Brief von V. T. Pašuto an H. Ludat. (Zum Problem der altrussischen Veße). — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, Bd. 17, Hf. 1, S. 77—81.

Рец.: Труд польского историка о первом столетии русской церкви. (Porpe A. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968, 252 s.). — Сов. славяноведение, № 6, с. 78—80.

1970

Марксистско-ленинский принцип партийности в историческом исследовании и его современные критики. — В кн.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма: Сб. ст. М., с. 39—63. Совм. с В. И. Саловым, Л. В. Черепниным.

Монгольский поход в глубь Европы. — В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., с. 204—221.

Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы. — В кн.: Скандинавский сборник. Таллин, [т.] 15, с. 51—62.

[Сообщение В. Т. Пашуто и Е. П. Подъяпольской о материалах привезенного ими в Москву архива чешского слависта А. В. Флоровского]. — ВИ, № 3, с. 160, 161.

Was wird im Westen gelehrt? Die Darstellung der Geschichte Russlands und der Sowjetunion in westdeutschen Lehrbüchern. — Jahrbücher für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Berlin, Bd. 14/2, S. 79—106.

1971

Вопросы истории СССР на XIII Международном конгрессе историков [Москва, август 1970 г.]. — История СССР, № 1, с. 3—22. Совм. с Ю. А. Поляковым.

Забуте повідомлення про рабство у червонарусів (XI—XII ст.). — УІЖ, № 3, с. 86—89. Совм. с И. В. Шталь.

Норманский вопрос в свете летописной традиции о племенах и княжениях. — В кн.: Всесоюзная конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии, 5-я. Москва, 1971: Тез. докл. М., Ин-т всеобщей истории, с. 45—47. Ротапр.

Памяти Ежи Антоневиича. — Сов. славяноведение, № 3, с. 126.

План-проспект Корпуса древнейших источников по истории народов СССР: (Материалы для обсуждения). 21 с. Ротапр.

Послание папы Иннокентия IV князю Александру Невскому. — В кн.: Studia historica in honorem Hans Kruus. Tallin, с. 133—140. Совм. с В. И. Матузовой.

Проблемы истории Древней Руси: [В связи с итогами XIII Междунар. конгресса ист. наук в Москве]. — В кн.: Средние века. М., вып. 34, с. 72—76.

Реваншисты — псевдоисторики России. М. 160 с.

Советский археограф С. А. Аннинский. — АЕ за 1969 год. М., с. 179—183.

Чему их учат: (История России в учебниках ФРГ). — ВИ, № 4, с. 68—85.

Рец.: К выходу в свет сборников «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы». Вып. 1, 2. М., 1964—1969. — История СССР, № 4, с. 202, 203. Совм. с А. П. Новосельцевым.

1972

Место Древней Руси в истории Европы. — В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. ст., посвященный Л. В. Черепнину. М., с. 188—200; Предисл.: Ученый-патриот, с. 5—6.

Страны Прибалтийского региона. — В кн.: Пути развития феодализма: (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., с. 252—301; Предисл. — Там же, с. 3—8.

Отв. ред.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. ст., посвященный Л. В. Черепнину. М. 439 с.

Отв. ред.: Jučas M. Baudziavos irimas Lietuvoje. Vilnius, 319 p.

1973

За творческое содружество историков и писателей. — ВИ, № 4, с. 191—195.

Некоторые общие вопросы летописного источниковедения. — В кн.: Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. М., вып. 1, с. 64—77.

Новое в изучении Древней Руси. — ПИШ, № 5, с. 15—21.

Памятники прошлого в мире настоящего. — В кн.: Методические рекомендации по подготовке Свода памятников истории и культуры СССР. М., вып. 5, с. 57—62. Ротапр.

Цели и задачи издания Корпуса древнейших источников по истории народов СССР. — В кн.: Корпус древнейших источников по истории народов СССР: Материалы совещания археографов-медиевистов РСФСР 11—12 апреля 1972 г. М., с. 8—16. (Ин-т истории СССР АН СССР). [Реплика по ходу прений], с. 42. Ротапр.; Там же. Заключительное слово, с. 111—115.

Писатель и историк: Содружество необходимо. — Лит. Россия, 3 авг., с. 15.

Рец.: К выходу в свет «История Беларуси СССР». (Минск, 1972. Т. 1, 632 с.) — История СССР, № 2, с. 159—165. Совм. с В. Д. Королюком, М. А. Ючасом.

Ред.: Корпус древнейших источников по истории народов СССР: Материалы совещания археографов-медиевистов РСФСР 11—12 апреля 1972 г. М., Ин-т истории СССР АН СССР. 129 с. Ротапр. Совм. с Я. Н. Шаповым.

1974

Александр Невский. М. 160 с.

Иллюстрированная история СССР: Первые страницы истории, М. с. 9, 10; Феодализм, с. 13—137.

Историческое значение периода феодальной раздробленности на Русь. — В кн.: Польша и Русь: Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв. М., с. 9—17.

Итоги и задачи изучения истории древнейших государств нашей страны. — История СССР, № 2, с. 71—93. Совм. с А. П. Новосельцевым, И. С. Чичуровым, Я. Н. Шаповым.

Корпус древнейших источников по истории народов СССР. — ВИ, № 7, с. 49—54. Совм. с Б. А. Рыбаковым.

Летописная традиция о «племенных князьях» и варяжский вопрос. — В кн.: Летописи и хроники. 1973 г.: Посвящен памяти Арсения Николаевича Насонова: Сб. ст., М., с. 103—110.

О Корпусе древнейших источников по истории народов СССР: (Материалы для обсуждения). М. 12 с. (Ин-т истории

СССР АН СССР. Ротапр. Совм. с Б. А. Рыбаковым.

Algirdas. — Encyclopaedia Britannica, 15th ed. Chicago, vol. 1, col. 572—573.

Сохранить для науки, для истории. — Голос Родины, № 7 (1787), янв., с. 4—5.

Рец.: К спорам о достоверности жития.

[Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973; Лурье Я. С. О некоторых принципах критики источников. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1973, вып. 1, с. 78—100; Он же. Михаил Дмитриевич Приселков — источниковед. — ТОДРЛ. М.; Л., 1962, т. 18, с. 464—475; Он же. Критика источника и вероятность известия. — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 121—126; Он же. К изучению летописного жанра. — ТОДРЛ. Л., 1972, т. 27, с. 72—93]. — История СССР, № 6, с. 208—209.

Отв. ред.: Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском: Историко-текстологическое исследование. М. 291 с.

1975

Александр Невский. 2-е изд., испр. М. 160 с.

То же. На молд. яз. — Кишинэу, 1982. 192 с.

Борьба русского народа против немецких рыцарей. — ДЭ, 3-е изд. М., т. 8, с. 214—216.

К семидесятилетию академика Л. В. Черепнина. — История СССР, № 2, с. 224—228. Совм. с Н. М. Дружининым.

К семидесятилетию Л. В. Черепнина. — В кн.: Общество и государство феодальной России: Сб. ст., посвященный 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М., с. 3—8. Совм. с Н. М. Дружининым; Предисл. — Там же, с. 1, 2.

Назревшие проблемы типологии древнейших государств нашей страны. — В кн.: Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологические исследования. М., с. 90—106. Совм. с А. П. Новосельцевым, Я. Н. Шаповым.

The formation of the Russian centralised state viewed from a comparative-historical aspect (XVI—XVII cent.). San Francisco. 32 p. (XIV Intern. congress of hist. sciences). Совм. с Л. В. Черепниным. То же на нем. яз.: Die Herausbildung des zentralisierten russischen Staates in historisch-vergleichender Sicht (16.—17. Jh.). — In: Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Berlin, 1977, Bd. 21/2, S. 131—144; На англ. яз. — In: The comparative historical method in Soviet mediaeval studies. M., 1979, p. 96—112 (Social sciences today); На фр. яз. — In: Méthode historique comparative dans les études médiévales en URSS. M., 1980, p. 139—163 (Sciences sociales aujourd'hui); На нем. яз. — In: Die historisch-vergleichende Methode in der Sowjetischen Mediävistik. M., 1980, s. 134—156 (Gesellschaftswissenschaften und Gegenwart).

Рец. на кн.: Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974. 638 с. — ВИ, № 5, 161—165.

То же. На фр. яз. — Sciences sociales.

М., 1976, N 2, p. 292—296, На англ., нем., исп. яз.

Рец. на кн.: Tumins V. A. Tsar Ivan IV' reply to Y. Rokytka. The Hague; Paris; Monton, 1971. — Russia mediaevalis. München, t. 2, S. 202, 203. Совм. с Б. Н. Флорей.

Ред.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М. 302 с. Совм. с Л. Г. Бескровным, В. А. Кучкиным.

Отв. ред.: Общество и государство феодальной России: Сб. ст., посвященный 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М. 351 с.

Отв. ред.: Batūra R. Lietuva tautų, kovoje prieš Aukso Ordą. Vilnius. 383 p.

1976

Древняя Русь и Австрия. — In: Ost-West-Begegnung in Österreich. Festschrift für Eduard Winter zum 80. Geburtstag. Wien; Köln-Graz, S. 235—239.

Закономерности и особенности развития феодализма в России (до XIII в.): [Краткое излож. докл. на 5-м симпозиуме финских и сов. историков]. Тампере, 1—3 дек. 1975 г. — ВИ, № 4, с. 188—189.

То же. — История СССР, № 4, с. 234.

Корчула: Корчульский статут как исторический источник изучения общественного и политического строя острова Корчула XIII в. М. 207 с. Совм. с И. В. Шталь. Раздел: Общественный и политический строй Корчулы (XIII в.). с. 7—114; Предисл., с. 3—6.

Подготовка к изданию Корпуса древнейших источников по истории народов СССР: [Ответы на вопросы редакции о работе сектора]. — История СССР, № 1, с. 223—226.

[Пражский архив П. А. Остроухова: Краткое излож. докл. на совместном заседании сектора и Археографической комиссии]. — АЕ за 1975 год. М., с. 358.

Проблемы общественно-политической истории феодальной России в новейшей историографии. — ВИ, № 4, с. 25—48. Совм. с Н. Д. Назаровым, Л. В. Черепниным.

Die Korčulaer Inselgemeinde. — In: Congrès international consacré à l'histoire comparative des Communautés rurales. Varsovie. 25—30 mai 1976. Varsovie, Résumé N 123.

Die politischen Wechselbeziehungen zwischen der Rus', Litauen und Deutschland im 13. Jh. — In: Russisch-deutsche Beziehungen von der Kiever Rus' bis zur Oktoberrevolution. Berlin, S. 69—105.

Рец. на кн.: Гісторыя Беларускай ССР. Мінск. Т. 1—5, 1972—1975. — История СССР, № 6, с. 180—183. Совм. с А. В. Никоновым.

Рец.: «Се бо суть реки, напающе вселеную. . .» (Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975, 344 с.) — Новый мир, № 8, с. 272—274.

Ред.: Древнейшие источники по истории народов СССР: Тематика и состав выпусков по Европейскому региону. (Материалы для обсуждения). М. Вып. 1. 55 с. Ин-т истории СССР АН СССР. Ротагр. Совм. с Я. Н. Шаповым.

Отв. ред.: Даркевич В. П. Аргонавты средневековья. М. 200 с. От редактора, с. 3—4.

Отв. ред.: Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исслед. 1975 г. М. 212 с.

Иллюстрированная история СССР. 2-е изд. М. Первые страницы истории. с. 7—9; Феодализм, с. 13—139.

То же. В сокр. варианте. На нем., англ., фр. яз.

Корчула и Сааремаа: Опыт сравнения статутов. — В кн.: Международные отношения и внешняя политика СССР: История и современность. М., с. 230—239.

Культура Великого княжества Литовского. — ВИ, № 4, с. 94—117. Совм. с Р. К. Батурой.

Монгольский поход в глубь Европы. — В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. 2-е изд., перераб. и доп. М., с. 210—227.

Научный журнал и творческий поиск ученых: [Журнал «История СССР» 1957—1976 г.]. — Коммунист, № 7, с. 121—124. Совм. с А. Самсоновым, В. Селунской.

Предисловие. — В кн.: Проблемы социально-экономической истории СССР: Сб. ст. М., вып. 1, с. 5—7. Совм. с Ю. А. Поляковым. Ин-т истории СССР АН СССР. Ротагр.

Ethnische Vielfalt und Klassenkampf in der Alten Rus'. — In: Klassenkampf und revolutionäre Bewegung in der Geschichte Russlands von den Anfängen bis zur Oktoberrevolution. Berlin, S. 17—30.

Feodalismän kehityksen lainmukaisuudet ja erityispiirteet Venäjällä (ennen 1600-lukua). — In: Historiallinen Arkisto (Julkaissut Suomen Historiallinen Seura, 72). Forssa/Helsinki, s. 22—39.

Ред.: Великий Октябрь и всемирно-исторический прогресс: Московская конференция молодых ученых, посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, 25—27 окт. 1977 г. Тез. докл. М. 249 с. Ротагр.

Ред.: Klassenkampf und revolutionäre Bewegung in der Geschichte Russlands von den Anfängen bis zur Oktoberrevolution. Berlin. 335 S. (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas. Bd. 23).

Отв. ред.: Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи: Тексты, пер., коммент. Сер. Древнейшие источники по истории народов СССР. М. 276 с. От редактора, с. 5—6.

1978

Новое в исследовании истории нашей Родины. М. 64 с. Совм. с В. Д. Назаровым, Л. В. Черепниным.

О Своде древнейших источников по истории народов Прибалтики. — Материалы межреспубл. науч. конференции по источниковедению и историографии народов Прибалтийских республик Союза ССР: Источниковедение. Вильнюс, с. 3—15. Совм. с С. Х. Вахтре, Т. Я. Зейдсом, М. Ю. Ючасом.

Образование Русского централизованного государства в сравнительно-историческом аспекте, XVI—XVII вв. — ВИ, № 2, с. 41—53. Совм. с Л. В. Черепниным.

Основные проблемы изучения истории СССР периода феодализма. — В кн.: Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Дооктябрьский период. М., вып. 2, с. 5—

40. Совм. с В. Д. Назаровым, Л. В. Черепниним. Международные отношения России, X—XX вв. — Там же, с. 93—123. Совм. с Л. Г. Бескровным, В. А. Емецем, А. Л. Никифоровым, А. В. Станиславской, А. Л. Хорошкевич.

Памяти старшего друга: О Льве Владимировиче Черепнине. — История СССР, № 1, с. 144—156. Совм. с В. Д. Назаровым.

Пути изучения истории Древней Руси. — В кн.: Будущее науки: Перспективы. Гипотезы. Нерешенные проблемы. М., вып. 11, с. 276—285.

О временах добылиных: [Интервью Ю. Андреотти]. — Правда, 26 апр.

Gesetzmässigkeiten und Besonderheiten der Entwicklung des Feudalismus in Russland bis zum 17 Jh. — Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus. Berlin, Bd. 1, S. 121—134.

Рец.: Убеждения и предубеждения. (Nolte H.—H. «Drang nach Osten». Sowjetische Geschichtsschreibung der deutschen Ostexpansion. Frankfurt a/M., 1976. 270 S.) — История СССР, № 3, с. 200—202.

Ред.: Место и роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества: Тез. докл. и сообщ. XVII сессия симпоз. по изучению проблем аграрной истории. Ростов н/Д., 21—25 сент. 1978 г. М. 211 с. Ротапр.

Ред.: Теория и практика источниковедения и археологии отечественной истории: Сб. ст. М. 146 с. Ин-т истории СССР АН СССР. Ротапр. Предисл. — Там же, с. 3—5.

Отв. ред.: Дудзинская Е. А. Международные научные связи советских историков. М. 290 с. От редактора, с. 3.

Отв. ред.: Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР: Сб. ст. М. 206 с. От редактора, с. 3—7.

Отв. ред.: Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М. 240 с. Сер. Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исслед.

1979

Антикоммунизм в школьных учебниках ФРГ. — ВИ, № 12, с. 52—65. Совм. с В. И. Саловым.

[Выступление на заседании «круглого стола» в редакции по теме: «Предмет и метод истории культуры», январь 1979 г.]. — История СССР, № 6, с. 129—130.

О Своде древнейших источников по истории народов Прибалтики. — ВИ, № 8, с. 151—155. Совм. с С. Х. Вахтре, Т. Я. Зейдсом, М. А. Ючасом.

The Place of Ancient Rus in the history of Europe. — In: The comparative historical method in Soviet mediaeval studies. M., p. 40—66 (Social science today).

То же. На нем. яз. — In: Die historisch-vergleichende Methode in der sowjetischen Mediävistik. M., 1980, S. 56—92 (Gesellschaftswissenschaften und Gegenwart); На фр. яз. — In: Méthode historique comparative dans les études médiévales en URSS. M., 1980, p. 60—97 (Sciences sociales aujourd'hui).

«Профессия фоторежиссер»: [Участие

в дискуссии]. — Сов. фото, № 2, с. 26.

[Интервью газете по поводу 400-летия Вильюсского гос. ун-та]. — Tiesa, 25 сент.

Рец.: У истоков древнерусского права. (Щапов Я. Н. Византийское и южнславянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978. 291 с.) — Новый мир, № 8, с. 280—282.

Ред.: Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода: Сб. ст. М., 198 с. (Ин-т истории СССР АН СССР. Ротапр. Совм. с С. О. Шмидтом. Предисл. — Там же, с. 3—5.

Отв. ред.: Матузова В. И. Английские средневековые источники IX—XIII вв. М. 268 с. (Сер. Древнейшие источники по истории народов СССР).

Отв. ред.: The comparative historical method in Soviet mediaeval studies. M., Social sciences today. 152 p. (Problems of the contemporary world).

То же. На нем. яз. — М., 1980. 205 S.; На фр. яз. М., 1980. 210 p.

1980

Значение истории преимущественно в школьном преподавании для формирования человека XX в. М. 64 с. (XV Междунар. конгресс ист. наук. Материалы). Текст паралл. на рус. и англ. яз.: [ч. 1], с. 1—31; [ч. 2], с. 32—64. На англ. яз. Ротапр.

То же [Ч. 1 — полностью; [Ч. 2] — сокращ. — ВИ, № 6, с. 62—77; На англ. яз. — In: Social sciences, vol. 11, N 3, p. 67—81; Rapports de IVe Congrès international des sciences historiques. Bucaresti, v. 1, p. 437—456; На нем. яз. [ч. 2], с сокр. — Общественные науки и современность, № 3, с. 79—97; На фр. яз. — Sciences sociales, № 3, p. 74—91.

«И вскипе земля Руская...»: К 600-летию Куликовской битвы. — История СССР, № 4, с. 66—91.

Иллюстрированная история СССР. 3-е изд. М., Первые страницы истории, с. 7—9; Феодализм, с. 12—139. То же. На словац. яз. — In: Ilustrované dejiny ZSSR. Bratislava, s. 7—10, 13—139.

[Интервью о совместном советско-польском издании Лигтовской Метрики]. — Życie Warszawy, 27—28 grudzień.

Исследования по истории СССР периода феодализма. — В кн.: Советская историческая наука в 1975—1979 гг. М., с. 9—22. Ротапр.

То же. На чеш. яз. — In: Československý časopis historický, roč. 28, z. 4, s. 594—602.

Кино и отечественная история. — Искусство кино, № 2, с. 30—37.

Пособник научного историзма: [О Л. В. Черепнине]. — В кн.: Русское централизованное государство: Образование и эволюция, XV—XVIII вв. Чтения, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. и сообщ. Москва, 26—28 нояб. 1980 г. М., с. 5—6. Ин-т истории СССР АН СССР. Ротапр.

Симпозиум по истории Древней Руси. [Об интернац. симпозиуме в Галле]. — ВИ, № 11, с. 153—155.

Во славу Отчизны: [К выдвижению гр. Л. В. Черепнина на соискание Госу-

дарственной премии СССР]. — Правда, 3 окт. Совм. с Б. Б. Пиотровским.

Ред.: Древнейшие источники по истории народов СССР. Тематика и состав выпусков: (Материалы для обсуждения). М. вып. 2. 40 с. Ин-т истории СССР АН СССР. Ротапр. Совм. с Я. Н. Щаповым.

Ред.: Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. 1979. М. 277 с. Предисл., с. 3—4.

Отв. ред.: Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исслед. 1979 г. М. 269 с. От редактора, с. 3—4.

Отв. ред.: Ленинский кооперативный план и современная деревня. Материалы XVII сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Ростов н/Д. 1978 г. Ростов н/Д. 223 с.

Отв. ред.: Русское централизованное государство: Образование и эволюция, XV—XVIII вв. Чтения, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. и сообщ. Москва, 26—28 нояб. 1980 г. М. 125 с. Ин-т истории СССР. Ротапр.

Отв. ред.: Советов П. В. Развитие феодализма и крестьяне Молдавии: Очерки истории ренты в XVI—начале XVIII в. Кишинев. 288 с. От редактора, с. 3—4.

Отв. ред.: Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи: Материалы XVII сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Ростов н/Д. 1978 г. Ростов н/Д. 295 с. Предисл. с. 3—4.

Отв. ред.: Социально-политический и культурный облик деревни в его историческом развитии: XVIII сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тез. докл. и сообщ. Воронеж, 25—29 сент. 1980 г. Воронеж. Вып. 1. 135 с.; Вып. 2. 137 с.

Отв. ред.: Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М. 215 с. Сер. Древнейшие источники по истории народов СССР.

1981

Интервью об итогах XV МКИИ. — Magazin istoric. București, № 2, р. 18. Итоги и проблемы изучения внешней политики Русского государства с древнейших времен до начала XVII в. — В кн.: Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., с. 8—85.

Москва: Иллюстрированная история. (Подарочное издание). В 2-х т. С древнейших времен до 1917 г. М.

Некоторые проблемы отечественной истории и преподавания истории в школе на XV Международном конгрессе исторических наук. — История СССР, № 5, с. 115—130. Совм. с Ю. А. Поляковым, С. С. Хромовым.

Образование Русского централизованного государства в сравнительно историческом аспекте, XVI—XVII вв. — В кн.: Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования: Теоретические проблемы истории феодализма: Сб. ст. М., с. 149—161. Совм. с Л. В. Черепниным. От редакции, с. 3—4.

Поборник научного историзма: [О Л. В. Черепнине]. Там же, с. 5—11.

Совместная публикация советских и польских историков: [По поводу издания Литовской Метрики]. — ВИ, № 2, с. 158—160. Совм. с А. Л. Хорошкевич.

Moskau als das dritte Rom (Bibliographie und Historiographie der Frage). — In: Da Roma alla terza Roma. Relazioni e comunicazioni, 1. Roma, p. 123—153.

То же. На итал. яз. — In: Da Roma alla terza Roma. Documenti e studi. Roma, p. 459—473.

Stand, Perspektiven und Wege der Erforschung der Geschichte der Kiever Rus. — In: Gesellschaft und Kultur Russlands im frühen Mittelalter. Halle (Saale), S. 42—57.

Рец.: Новый труд историков ГДР. (Straube F., Zeil W. Geschichte Russlands. 1789—1861. Berlin, 1978, 243 S.). — История СССР, № 1, с. 205—206.

Отв. ред.: Вопросы источниковедения и историографии СССР: Дюктябрьский период. Сб. ст. М. 203 с. Ин-т истории СССР АН СССР. Ротапр. Предисл. — Там же, с. 3—5.

Отв. ред.: Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исслед. 1980 г. М., 238 с. От редактора, с. 3—4.

Отв. ред.: Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования: Теоретические проблемы истории феодализма: Сб. ст. М. 280 с.

1982

Возрождение Великороссии и судьбы восточных славян. — В кн.: Пашуто В. Т., Хорошкевич А. Л., Флора Б. Н. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., с. 7—68. От авторов, с. 5—6; Заключение. — Там же, с. 239—240. Совм. с А. Л. Хорошкевич, Б. Н. Флорей.

[Выступление на XV МКИИ]. — In: CISH, Actes, vol. IV (1). Bucarest, p. 111—114.

Б. Д. Греков как ученый и общественно-политический деятель: (К 100-летию со дня рождения). — История СССР, № 1, с. 81—86.

Б. Д. Греков как ученый и общественно-политический деятель. — В кн.: Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения акад. Б. Д. Грекова. М., с. 4—11. От редактора, с. 3.

Давньоруська спадщина и історична доля східного слов'янства. — УІЖ, № 4, с. 77—87.

Исследования по социально-экономической и внутривосточной истории СССР периода феодализма. — В кн.: Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., с. 356—380. Совм. с А. А. Преображенским.

Исследования по истории внешней политики России, X—начало XX в. — Там же, с. 422—472. Совм. с А. Л. Хорошкевич, Г. А. Саниным, Л. А. Никифоровым, О. В. Орлик, В. М. Хевролиной, А. В. Игнатьевым.

Историческое значение Куликовской

битвы. — В кн.: Сказание и повести о Куликовской битве. Л., с. 262—290.

Литература и история: Пути творческого содружества. — Лит. обозрение, № 7, с. 12—17.

По поводу книги И. Я. Фроянова «Киевская Русь: Очерки социально-политической истории». — ВИ, № 9, с. 174—178.

Средневековая Русь в журнале «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». — ВИ, № 4, с. 152—158.

Труд о великом наследии: [На соискание Государственной премии СССР. «Очерки русской культуры XIII—XVII вв.» М. Т. 1—6. 1970—1979]. — Сов. культура, 13 июля.

Ziel und Aufgaben des «Corpus der ältesten Quellen zur Geschichte der Völker der UdSSR». — Klio. Leipzig, Bd. 64, N 2, S. 533—542.

Ред.: Молдавия в эпоху феодализма. Кишинев. 479 с.

Отв. ред. Бибииков М. В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа. XII—XIII вв. М. 238 с. Сер. Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследование, 1980 г. От редактора, с. 3—4.

Отв. ред.: XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР: Социально-политическое развитие деревни: XIX сессия Всесоюз. симпоз. по изучению проблем аграрной истории. Тез. докл. и сообщ. Уфа, 30 сент.—3 окт. 1982 г. [Вып. 1/2]. М. 253 с. Ин-т истории СССР АН СССР. Ротапр.

Отв. ред.: Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения акад. Б. Д. Грекова. М. 264 с.

Отв. ред.: Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в истории Геродота. М. 455 с. Сер. Древнейшие источники по истории народов СССР.

Отв. ред.: Проблемы изучения нарративных источников по истории русского

средневековья: Сб. ст. М. 100 с. Ин-т истории СССР АН СССР. Ротапр.

Отв. ред.: Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М. 184 с. От редактора, с. 3—5.

Отв. ред.: Россия на путях централизации: Сб. ст. М. 296 с. Предисл., с. 3—5.

1983

Важный вклад в изучение истории советской культуры (исследования академика М. П. Кима). — В кн.: Сов. культура: История и современность. М., с. 5—22. Совм. с А. М. Самсоновым, В. Д. Есаковым, А. П. Ненаарковым.

История России эпохи феодализма в учебнике Швеции. — ПИИ, № 5, с. 72—76. Совм. с Т. Н. Джаксон.

Международное значение Древней Руси. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов: (IX Междунар. съезд славистов. Киев, сент. 1983 г. Докл. сов. делегации). М., с. 47—62.

Наследие Древней Руси. — Наука в СССР, № 2, с. 22—29, 34—35.

Опыт периодизации истории русской дипломатии (ранний и развитый феодализм). — Общество, государство, право России и других стран Европы. Норма и действительность. Ранний и развитый феодализм: Чтения, посвящ. памяти академиков С. Д. Сказкина и Л. В. Черепнина: Тез. докл. и сообщ. Москва, 25—27 окт. 1983 г. с. 5—8.

Фильм о русском богатире [о фильме «Василий Буслаев»]. — Правда, 6 июня.

Отв. ред.: Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исслед. 1981 г. М. 232 с.

Отв. ред.: Соломонович Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического: Тексты, пер., коммент. М. 94 с. Сер. Древнейшие источники по истории народов СССР. От редактора, с. 5—7.

Отв. ред.: Социально-политическое и правовое положение крестьянства в до-революционной России. Воронеж. 270 с. Предисл., с. 3—5.

Р. Ш. Ганелин, М. П. Ирошников

НОВОЕ СПРАВОЧНОЕ ИЗДАНИЕ ПО ФОНДАМ ГПБ¹

Вышли в свет два выпуска «Аннотированного указателя рукописных фондов Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», посвященные личным фондам русских деятелей XVIII—XX вв. Вместе с коллекциями, составленными частными лицами, а также собраниями, организованными в самом хранилище, эти материалы образуют важнейшую часть рукописного фонда ГПБ. Как отмечено в кратком, но весьма содержательном предисловии, Указатель предполагается издать в шести выпусках, три из которых (как и два уже выпущенных) будут содержать описания личных архивных фондов, а в одном будут помещены описания тех коллекций и собраний ОР ГПБ, в которых преобладают документальные материалы по истории русской науки и культуры XVIII—XX вв. Всего в Указатель будут включены сведения примерно

об 1 тыс. фондов. Он является первым полным сводом описаний фондов личного происхождения, поступивших в ГПБ до 1975 г.

ОР ГПБ, проводя большую работу по научному описанию своих фондов, традиционно стремился осведомлять научную общественность об их наличии и составе. Отчеты о новых поступлениях, выходявшие в разные годы, печатные каталоги и обзоры фондов, справочные и методические пособия Отдела стали заслуженно известными. Их число так значительно, что понадобились специальные библиографические работы со сведениями о них ².

Однако современные задачи работы Отдела требовали не только полного свода описаний фондов личного происхождения, но и единообразия описаний. «Сделанные по единой схеме и достаточно подробные», эти описания, как надеются составители, «дадут исследователю возможность быстро ориентироваться в этих материалах».

Вышедшие два выпуска эту надежду оправдывают. Расположение фондов по алфавиту фамилий фондообразователей в изданиях такого рода, с нашей точки зрения, обсуждению не подлежит. Обратимся поэтому к составу и содержанию описаний. Каждое из них состоит из заголовка, справочных данных и аннотации. Справочные данные, включающие в себя номер фонда, количество единиц хранения и хронологические рамки фонда, вряд ли могли быть даны в иной форме. Стоит обратить внимание на то, как составлены заголовки и аннотации. В каждый заголовок входит краткая справка о фондообразователе с указанием его профессии, основных вех служебной деятельности, степеней, званий, чинов и т. п.

Составители проделали большую, исключительную по трудоемкости работу. Далеко не все фондообразователи относятся к лицам, оставившим столь значительный след, что разыскание сведений о них не представляет труда. Известно, что ценность состава фонда далеко не во всех случаях зависит от значительности лица, его образовавшего. Не всегда в составе фонда содержатся также материалы со сведениями о фондообразователе. Поэтому велика заслуга составителей, сумевших при крайней недостаточности биографической литературы создать — в целом безошибочно — такое количество биографических справок о самых различных лицах. Нереально требовать, чтобы заголовок имел характер творческой характеристики фондообразователя или его деятельности. Следует к тому же отметить, что аннотации составлены таким образом, что, как правило, дают полное и отчетливое представление не только о материалах фонда, но и о деятельности фондообразователя.

В некоторых случаях составители ограничились данными, извлеченными исключительно или преимущественно из материалов фонда. Между тем состав фонда (или коллекции) бывает далеко не соответствующим характеру деятельности фондообразователя или коллекционера. Так, И. В. Егоров определен в Указателе как историк, деятель в области просвещения. Между тем он был старым революционером-большевиком, автором мемуаров, посмертно изданных ³. Рукопись их, как и материалы, связанные с его революционной деятельностью, в фонде, судя по аннотации, отсутствуют. Обращение к генеральному каталогу ГПБ дало бы возможность точнее составить заголовок. Это относится и к И. Я. Депману, жизни и деятельности которого посвящена специальная брошюра. Он определен в заголовке как этнограф, коллекционер, а он был также профессором математики, историком Эстонии и революционного движения в ней. Кстати, при более точном определении данного фондообразователя и аннотация была бы полнее, в нее непременно вошли бы содержащиеся в фонде многочисленные материалы по истории Эстляндской губернии.

Наконец, сложный вопрос об определении опубликованности содержащихся в личных фондах сочинений и трудов в различных областях науки и культуры. Ясно, что трудно в большинстве случаев установить, было ли то или иное сочинение опубликовано, если опубликовано, то

полностью или частично, учесть варианты и т. д. Поэтому мы предполагаем, что обращение к одному только генеральному каталогу в некоторых случаях помогло бы делу и в этом отношении. Разумеется, нельзя придавать указанию на опубликованность характер обязательного правила, но в несомненных случаях такое указание было бы весьма полезно.

Следует отметить, что аннотации составлены с большой полнотой, выразительно и точно характеризуют описываемые материалы. Составители, проявив высокий профессионализм, сумели сделать значительный шаг вперед по сравнению с предшествовавшими изданиями подобного типа. Разнохарактерность материалов не помешала единообразию описаний, потребовав от составителей глубокой осведомленности в различных отраслях науки и культуры. Материал хорошо сведен воедино и отредактирован. Необходимо обеспечить регулярность изданияготавливаемых выпусков Указателя с тем, чтобы ценнейшее справочное пособие своевременно и полностью увидело свет.

¹ Аннотированный указатель рукописных фондов ГПБ. Фонды русских деятелей XVIII—XX вв. / Редкол.: Р. Б. Заборова, И. Н. Курбатова, А. С. Мыльников, М. Я. Стецкевич; Сост.: Н. В. Асеева, Л. И. Бучина, А. Н. Галичанина и др. Л., 1981. Вып. 1. База—Вяземский. 258 с. Ротапр.; Редкол.: В. И. Афанасьев, Г. П. Енин, Р. Б. Заборова, А. С. Мыльников, М. Я. Стецкевич; Сост.: Н. В. Асеева, Л. И. Бу-

чина, С. О. Вялова и др. Л., 1982. Вып. 2. Габаев—Кюн. 390 с. Ротапр.

² Рукописные фонды Публичной библиотеки: Печ. кат. и обзоры (Гос. публ. б-ка) / Сост. Н. А. Зубкова. Л., 1974; *Стецкевич М. Я.* Справочники и методические пособия Отдела рукописей и редких книг ГПБ: (Аннот. список).— АЕ за 1974 год. М., 1975, с. 324—335.

³ *Егоров И. В.* От монархии к Октябрю. Л., 1980.

III. ПУБЛИКАЦИИ

ОПИСЬ ДОКУМЕНТОВ МОСКОВСКОГО АРХИВА КОЛЛЕГИИ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ 1732 г.

В переписке Коллегии иностранных дел с ее Московской конторой С. Л. Турилова обратила внимание на донесение, отправленное из конторы в коллегию 7 октября 1732 г. К нему приложена опись некоторых документов МАКИД — крупнейшего архивохранилища России того времени. Простого прочтения достаточно, чтобы убедиться в незаурядности этого источника — сам перечень документов в описи 1732 г. дает основание предположить, что перед нами какая-то важная часть архива. Уже одно это обстоятельство может быть поводом для пристального внимания к описи.

Судя по донесению, опись 1732 г. составили в связи с указом от 17 июля 1732 г. о приведении в порядок старых государственных «крепостей и трактатов» МАКИД. Эту работу сделал ассессор С. Иванов. Затем 7 октября 1732 г. документы вместе с описью он передал в МАКИД «во охранение» секретарю С. Смирнову, а копию описи прислал в Петербург, в Коллегию иностранных дел. Это беловая рукопись, написанная двумя каллиграфическими почерками на бумаге размером 325×200. Донесение, к которому приложена опись, написано третьим, менее аккуратным, но тоже четким скорописным почерком.

Известно, что основу МАКИД, образованного в 1724 г., составили документы архива Посольского приказа, т. е. «старинные государственные крепости и трактаты», отмеченные описи 1732 г., хранились ранее в этом архиве. Известно также, что Посольский архив в течение XVII в. неоднократно переписывали: в 1614, 1626, 1632, 1673 гг.¹

Сравнение описи МАКИД 1732 г. с описью Посольского архива 1673 г. показывает, что публикуемый источник является описью тех наиболее ценных документов Посольского архива, которые начиная с 24 августа 1635 г. находились в особом хранилище — в большой палате Казенного двора, т. е. в Государственной Казне². В описи 1673 г. скопирована роспись этих документов³, текст ее дословно и почти полностью повторяется в описи МАКИД 1732 г. на л. 325—339, но при этом очередность описания ящиков в 1732 г. иная. Оригинал описи особого хранилища, видимо, не сохранился, но известно из публикуемого источника, что опись эта была в виде книги, «оболоченной зеленым паргамином». В XVII в. имелись «3 росписи, 2 черные, да белая, делам, которые в прошлом во 143-м году на Казенном дворе поставлены»⁴.

В состав описи МАКИД 1732 г. на л. 344 об. — 349 об. вошла также копия описи документов, возвращенных из казны в Посольский архив 16 февраля 1708 г.⁵ К этому времени документы Казны хранились в двух сундуках. В описи 1708 г., хотя она и составлялась в связи с передачей всех дел из Казны в Посольский архив, зафиксированы были лишь документы второго сундука со ссылкой на то, что в первом сундуке находится «особая переписка» (вероятно, это была уже упоминавшаяся книга в зеленом переплете).

Оригинальным в описи МАКИД 1732 г. является текст, начиная с последнего абзаца л. 339 и до описания второго сундука на л. 345. В этой части описи отмечены в основном документы XVIII в. Структура описа-

тельных статей и их стиль здесь явно отличаются от остального текста описи.

Таким образом, научное значение публикуемого источника можно определить прежде всего при сравнении его с описями 1673 и 1708 гг. Что дает такое сравнение? Выясняется, что комплекс документов, хранившийся ранее в Казне, серьезной перестройке в МАКИД не подвергался и продолжал пополняться новыми документами. Иными словами, изменилось лишь место хранения наиболее ценных государственных дел⁶. Так постепенно складывалась будущая Трактатная палата МГАМИД, в которой в XIX—начале XX в. хранились подлинные международные договоры⁷.

Система распределения документов в первом сундуке по ящикам, да и сами ящики сохранились и в 1732 г. Любопытно, что два первых бархатных ящика и их содержимое известны еще по описям Посольского архива 1614 и 1626 гг., причем в 1614 г. во втором ящике лежали только две грамоты 1613 г. об избрании царя Михаила Романова⁸.

Вместе с тем в 1732 г. уже не было на местах известных по прежним описям некоторых документов, главным образом по истории русско-шведских и русско-польских отношений в XVII в. Вполне возможно, что в то время они все еще находились в архиве Кабинета Петра I — ведь известно, что в 1715 г. Петр распорядился собрать сведения по истории отношений между Россией и Швецией, при этом особенно он интересовался периодом польско-шведской интервенции начала XVII в. и причинами русско-шведской войны 1656—1658 гг.⁹ Среди прочих не было отмечено в описи 1732 г. и грамоты императора Максимилиана I великому князю Василию III от 4 августа 1514 г. с царским именованием последнего. Ее отсутствие можно объяснить другой инициативой Петра I — публикацией этого документа в 1718 г., первой в России публикацией исторического источника¹⁰.

Определенный интерес имеет описание в 1732 г. крестоцеловальных и поручных записей московских бояр XVI в., хранившихся в ящике № 5 («липовой долгой»). В описи Посольского архива 1673 г. говорится лишь о том, что в ящике имеется «роспись» документов¹¹. Правда, в более ранней описи 1626 г. боярские записи зафиксированы подробно, но текст описательных статей там иной, чем в описи 1732 г.¹² Следовательно, сравнение этих двух описей в данном плане может оказаться небесполезным при изучении уникальных источников XVI в.

Думается, что опись документов МАКИД 1732 г., подготовленная к публикации С. Л. Туриловой в соответствии с правилами издания исторических документов, привлечет внимание не только специалистов в области архивного дела и истории внешней политики, но и источниковедов самых разных направлений.

В. И. Гальцов

Публикуемая опись занимает л. 324—349 об. в деле переписки Коллегии иностранных дел с ее Московской конторой (АВПР, ф. 15, 1732 г., д. 32). Это беловая копия, написанная двумя каллиграфическими скорописными почерками XVIII в. на бумаге с филигранью «Герб Амстердама», с контрмаркой IAS (соответствия в справочных изданиях не имеет). Доношение, к которому приложена копия описи, написано третьим, менее аккуратным, но тоже четким скорописным почерком XVIII в. на бумаге с филигранью «Герб Амстердама», с контрмаркой AI (*Клепиков С. А.* Бумага с филигранью «Герб города Амстердама». — Записки ОР ГВЛ. М., 1958, вып. 20, № 892—1720, 1721 гг.). Размер рукописи 325×200 мм.

Рукопись публикуется в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1969). Текст передается в современной транскрипции, выносные буквы и слоги внесены в строку, мягкий знак прибавляется к выносным в соответствии с современными правилами. Пунктуация дается по правилам современного правописания.

С. Л. Турилова

- ¹ Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960; Опись архива Посольского приказа 1626 г. / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1977; Описи 1632 и 1673 гг. не опубликованы (ЦГАДА, ф. 138, оп. 3, д. 3, 4). В настоящее время В. И. Гальцов готовит к печати опись 1673 г.
- ² Об особом хранилище Посольского архива см.: *Гальцов В. И.* Опись посольских дел, переданных в 1708 г. из Казенного приказа в Посольский. — АЕ за 1974 год. М., 1975, с. 349, 350.
- ³ ЦГАДА, ф. 138, оп. 3, д. 4, л. 1117—1147.
- ⁴ Там же, л. 1069.
- ⁵ АЕ за 1974 год, с. 351—356.
- ⁶ Возвращение их в 1708 г. в обветшавшее приказное здание, где по-прежнему находился архив бывшего Посольского приказа, плохо сказалось на сохранности документов. Многие из них испортились от сырости и плесени, поэтому не случайно в 1732 г. понадобилась реставрация дел. Но в еще худшем положении оказались дела архива в 1762—1770 гг., когда они вместе с конторой находились в доме Ростовского подворья, регулярно затопляемого Москвой-рекой (*Аммон И. Ф.* Московский главный архив Министерства иностранных дел в 1862 г. — В кн.: Сборник МГАМИД. М., 1881, вып. 2, с. 134, 135).
- ⁷ Московский Главный архив Министерства иностранных дел: (Виды архива и снимки хранящихся в нем документов, рукописей и печатей). М., 1898, табл. XI.
- ⁸ Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г., с. 94—96.
- ⁹ *Маяковский И. Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960, с. 151, 152.
- ¹⁰ Там же, с. 151, 152.
- ¹¹ ЦГАДА, ф. 138, оп. 3, д. 4, л. 1125 об.
- ¹² Опись архива Посольского приказа 1626 г., с. 59—68.

В государственную Коллегию иностранных дел оной Коллегии ис конторы 4.324

Доношение.

По присланному ея императорского величества из Государственной Коллегии иностранных дел от 17-го июля сего года указу старинные государственные крепости и трактаты, которые были под ведением и за печатью assessора Михаила Ларионова по прежней описи, какова у него имелась, по просушке и по поправлению или по уклеении оных отдал я во охранение оных в архив, секретарю Семену Смирнову по описи [с которой при сем прилагаю копию] ¹ с роспискою, и по силе оного ее императорского величества указу приказал я ему Смирнову оные, как и прочие дела хранить во всяком опасном бережении.

Ассессор Семен Иванов ².

Копия

Описание старинным государственным крепостям и трактатам, которые были в архиве под ведением и за печатью assessора Михаила Ларионова по прежней описи, какова у него имелась в книге оболоченной зеленым паргамином, и по просушке и по поправлению или по уклеении ветхих, по присланному ея императорского величества из Государственной Коллегии иностранных дел июля от 17-го сего года указу, отданы во охранение в архив секретарю Семену Смирнову сего октября 7-го дня нынешнего 1732-го году с роспискою, а имянно: 4.325

В первом большом сундуке:

1. Ящик бархатной с петлею серебряною целою, а в нем:

Грамота перемирная Лва Сапеги с товарищи, при царе Борисе; у ней три печати были в ковчехах деревянных, // все распались, писана от Рожества Христова 1601-го году. 4.325 об.

Грамота и перевод турецкого Мааметь салтана, прислана с Соловым Протасовым во 123-м году ⁴.

Грамота шерстная и с нее перевод, крымского Джанъбек-Гирея царя, прислана с князем Григорьем Волконским.

Договорное письмо литовских послов Александра Гасевского с товарищи, 1619-го году.

Грамота писана на харатье; дана была на пример послом князю Федору Борятинскому с товарищи, 7125-го году.

2. Ящик бархатной, петля серебряная испорчена, а в нем:

4.326 Грамота утвержденная, как // били челом и обрали на Московское государство государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Руси; за руками митрополитов и архиепископов и всяких чинов людей. У ней печати все ростопились и конец поплел; 7121-го году.

Грамота шертная крымского Магметь-Гирея царя, 132-го году, съ Яковом⁵ Дашковым да з дьяком с Васильем Волковым, за золотою печатью.

Грамота крымского Джанбек-Гирея царя 142-го году, с Тимофеем Алсимовым; да в ней роспись посылке, за царевою золотою печатью; и той росписи не явилось.

Грамота шертная крымского Джаньбек-Гирея царя 136-го году, прислана с посланником с Лаврентьем Кологривовым да с подьячим с Александром Дуровым за золотою печатью.

4.326 об.

3. Ящик кожаной, басмен золотом, а в нем:

Грамота к государю от аглинского короля о рыцаре Свифте.

Грамота к государю от аглинского короля о Джане Скрупе.

4. В оклеенном красною кожею ящике государственных дел:

Верующая грамота свейского Карл Густава короля на послов ево на Густава Белку с товарищи, на перемирной Валиэсарской договор, какову они дали на съезде великим и полномочным послом боярину князю Ивану Семеновичу Прозоровскому с товарищи, во 167-м году.

4.327

Договорная запись тех же свейских // послов на тот же перемирной Валиэсарской договор, какову они дали на съезде ж тем же великим послом боярину князю Ивану Семеновичу Прозоровскому с товарищи во 167-м году; написана в тетрати.

Верующая грамота свейского Карлуса короля на послов ево Бенкт Горна с товарищи, на Кардийской вековечной миръной договор, как они дали на съезде тем же великого государя великим послом во 169-м году.

Договорная запись на тот же вековечной Кардийской мирной договор, какову они дали на съездах за своими руками и печатями тем же великого государя великим послом во 169-м году июня в 21 день; писана на паргамине в тетрате.

Да свидетелствованное письмо переводчиков, за руками, на спорные статьи.

4.327 об.

Грамота подтвержденна на тот же Кардийской договор, какову поднесли // великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу будучи на посолстве на приезде свейские послы, Бенкт Горн же с товарищи во 170-м году февраля в 24-й день; писана на паргамине. И у той грамоты печать свейского государства на красном воску, привешена на шурку золотном с серебром, в ковчеге серебряном золоченом.

Грамота верующая на тех же послов за печатью свейского государства; писана на александриской⁶ бумаге.

Три грамоты на тот же Кардийской договор, каковы привезли к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу из Сvei послы околничей князь Иван Петрович Борятинской с товарищи во 170-м году, июня в 27-й день; и в том числе:

4.328

Грамота докончальная, на которой вместо короля королева и королевства // свейского правители и владетели в кирхе клятву учинили.

Грамота, какова дана по Стеколскому договору, о марше⁷ и о адмирале при докончанье вечного мира при них великих послех.

Грамота, какова дана по Стеколскому договору о полоняничной 20-й статье, при докончанье ж вечного мира.

Писаны все грамоты на паргамине за печатями свейского государства на красном воску, на шурках золотных в серебряных ковчехах золоченых, и за королевинуою рукою и правителей свейских за руками, а со тех со всех грамот и з записей переводы в Посолском приказе в столпех.

4.328 об.

Да в том же ящике статьи договорные, что взяли на раде в Переяславле бояре и воеводы князь Алексей Никитич Трубецкой с товарищи, о гетманском обирании Юрья Хмельницкого; // за их руками, 167-го году.

Да в том же сундуке запись татарским писмом, какова взята на армян на Степана Ромодамского да на Григорья Лусикова с товарищи о привозе шолку-сырцу; за их руками и за печатями, 175-го году.

Перемирная запись за руками и печатями полских послов князя Михаила Черторьского воеводы Волынского с товарищи, что учинили они перемирие на Москве меж великого государя его царского величества и Яна Третияго короля полского на тринадцать лет, будучи в ответах з ближними бояры и думными людьми, з ближним боярином и наместником Новгородским с князем Никитою Ивановичем Одоевским с товарищи во 186-м году ⁸.

5. Ящик липовой долгой, а в нем старые духовные и целовальные записи московских бояр, а имянно: л. 329

Запись подтвержденная поручная по князе Иване Дмитриевиче Бельском, какову он дал царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руссии бояром князю Петру Ивановичю Микулинскому, да князю ⁹ Юрию Ивановичю Кашину, да князю Михаилу Петровичю Решнину, да Володимеру Васильевичю Морозову, да князю Ивану Михайловичю Троеурокову ¹⁰, да князю Ивану Петровичю Звенигородскому, о верной своей службе, писана лета 7070-го году, марта в 20 день; за подписью дьяка Ивана Тимофеева сына Коблукова, у той же записи две печати на черном воску.

Грамота поручная Ивана Петровича Яковля, какову он дал государю царю и великому князю Ивану Васильевичю // всеа России о верной своей службе; писана лета 7073-го марта в 28 день. У подлинной руки приложены Афанасья митрополита всеа России и иных властей, печать на красном воску, помята. л. 329 об.

Грамота князя Василья Васильевича Шуйского, что он дал государю и великому князю Василью Ивановичю всеа России о верной своей службе; писана лета 7030-го году. Подлинная за рукою Данила митрополита всеа Руссии; печати нет, и где была печать в том месте бумага згнила.

Поручная запись князя Александра Ивановича Воротынского, что поручились царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа России бояром князю Ивану Дмитриевичю Белскому и иным в верной службе; писана та поручная лета 7071 ¹¹-го апреля в 20 день. У подлинной поручниковы руки приложены.//

Отписка к царю государю и великому князю Иоанну Васильевичю всеа России самодержцу Пимина архиепископа Новгородского и Псковского, что он государь изволил боярину своему Ивану Петровичю Яковлеву вины ево отдать и запись подкрепленную по нем взять и ту запись изволил прислать к нему архиепископу, чтоб к той записи ему руку приложить. И он архиепископ руку приложил и послал тое запись к нему государю за своею печатью с Семеном Федоровичем Ногаво; подана та отписка лета 7603 ¹²-го году июня в 2 день. л. 330

Крестоприводная запись князя Ивана Ивановича Пронского, что он крест целовал перед государем своим царем и великим князем Иоанном Васильевичем всеа России у гроба чудотворца Петра о верной // своей службе; писана лета 7056-го. У той записи рука приложена Макария митрополита; печать была на красном воску и вся помята. л. 330 об.

Лист бояр и окольных и всех думных людей Федора Мстиславского с товарищи к Жигименту королю Полскому, и к сыну его Владиславу, чтоб они для своей чести Московское государство от свейских людей оборонили и прислали в Московское государство большое войско, а послов к нему королю и х королевичю на сейм они бояре отправят вскоре. Писан июня в 24 день, а году не написано.

Запись меновная, как царь и великий князь Иоанн Васильевич променил боярину князю Володимеру Андреевичю Звенигород, а у него взял Верею, писана лета ¹³ // 7074-го, марта в 11 день. У той записи печать на красном воску привешена на шелковом шнуру. л. 331

Список з грамоты, какову дал великому государю царю и великому князю Иоанну Васильевичю новокрешеной казанской царевичь Петр

Ибраимов сын царев, что ему служить верно. Писано в лета 7014-го декабря 28-го дня.

Грамота, какову дал великому государю Иоанну Васильевичю боярин Михайло Иванович Воротынской, что ему служить государю верно и никуды в иное государство не отъехать; за рукою и печатью Афанасия митрополита всеа России, да у той же грамоты семь митрополых рук. Писана 7074-го году в апреле.//

л.331 об. Запись, какову дал великому государю Иоанну Васильевичю князь Володимер Андреевич и крест целовал, что ему служить верно. Писана 7062-го. У той записи руки и печати ничьей нет.

Грамота поручная по князе Иване Ивановиче Пронском, 7056-го году, что поручились по нем князь Федор Иванович Шуйской с товарищи, что ему быть у царя и великого князя Ивана Васильевича в верной службе и никуды не отъехать; за руками порутчиковыми и за приписью дьяка Бокаката Митро//фанова сына Караулова, печать на черном воску, попорчена.

л.332 Запись какову дал на себя Михайло Андреев сын Плещеев великому князю Василию Иоанновичю в том, что ему за отданные ево вины, его великого князя и его княгини и детей к лиходеям не приставать и зла никакова не чинить и никуды не отъехать; та запись за рукою ево Михайловою. Писана 7041-го году декабря 1-го дня.//

л.332 об. Меновная князя Володимера Андреевича бояр з бояры ж царя и великого князя Иоанна Васильевича, что выменили князю Володимеру Андреевичю царя и великого князя Иоанна Васильевича земли, город Дмитриев и посады и уезд, а променили против того царю и великому князю ево князя Володимера Андреевича земли, город Старицу и посады и уезд; та запись за руками Богдана Заболоцкого, да князь Володимера Андреевича, да дьяка Ивана Гаврилова, у ней же печать на красном воску и на шнуру. //

л.333 Грамота поручная 7035 году по князе Михаиле Львовиче Глинском, что быть ему в верной службе у великого государя князя Ивана Васильевича ¹⁴ всеа Росии в трех местех. Посредине выдрано, печать испорчена; та грамота за подписанием дьяка Меньшова Путятина.

Грамота поручная 7015 году по князе Костянтине Ивановиче Острожском, что быть ему в верной службе у великого князя Василья Ивановича; та грамота за подписанием московского митрополита Симеона, печать испорчена.

Грамота поручная 7070-го по князе Иване Дмитриевиче Белском, что быть ему в службе верной у царя и великого князя Ивана Васильевича; за подписанием Макария митрополита, вся ветха и печать отпала.

л.333 об. Запись поручная 7073 году по Иване Петрове Яковле бояр, что ¹⁵ князя Ивана Дмитриевича Белского с товарищи, что они ево Ивана выручили у сына боярского у Петра//Андреева сына Акинфиева, что ему Ивану за их порукою быть в службе верной у великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Росии и его детей; и та подлинная запись за их порутчиковыми руками. Печати не было, припись дьяка Ивана Дубенского.

Запись поручная 7074 по князе Михаиле Ивановиче Воротынском бояр Ивана Петровича Федорова с товарищи, что они выручили у сына боярского у Дмитрея Иванова сына Мячкова, что ему князю Михаилу быть в верной службе у великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича и его детей и никуды за их порукою не отъехать; и та запись за их порутчиковыми руками, приписи и печати нет.

Запись поручная по боярине князе Василье Семеновиче Серебряном да по сыне ево князь ¹⁶ Борисе бояр и иных чинов людей, что они выручили у Бориса Ивановича Сукина, что ему боярину князю Василье Семеновичю и сыну ево быть в верной службе великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Росии и его детей и никуды не отъехать; у той записи начала и конца и печати нет.//

л.334 Грамота верующая по князе Василье Михайловиче Глинском 7069 году,

что ему быть в службе у великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича и у детей, за подписанием Макария митрополита; печать на черном воску от жару истаела.

Грамота верующая по князе Федоре Михайловиче Мстиславском 7039, что ему быть в службе верной у великого князя Василья всеа России; за подписанием Данила митрополита всеа России, печать на воску попортилась.

Грамота поручная по князе Иване и князе Андрее княж Михайловых детех Шуйских 7036 году, что выручили князь Петр да князь Андрей Петровичи Ростовские у пристава у Якова Красноушитога с товарищи, что им быть в верной службе великого государя князя Василья Ивановича всеа России и никуды не отъехать; за приписью дьяка Меншого Пугятина, печать на черном воску, и та запись за порутчиковыми руками.

Запись поручная по князе Иване Дмитриевиче Белском 7070, что выручили князь Петр//Ивановичь Микулинской у сына боярского у Михаила Федорова сына Савина, что быть ему князю Ивану Дмитриевичю в верной службе великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа России и его детей и никуды не отъехать; и та запись за руками порутчиковыми. л. 334 об.

Грамота верующая по князе Дмитрие Федоровиче Белском 7033 году, что быть ему в верной службе у великого князя Василья Ивановича всеа России; за подписанием Данила митрополита всеа России; ветха и печать попортилась.

Поручная запись по боярине Лве Андреевиче Салтыкове з детми ево, 7073, что по нем поручилися князя Никита князь Андреев сын Трубецкой с товарищи и выручили у сына боярского, у Федора Павлова сына Ярычева, что быть им у великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа России в верной службе и никуды не отъехать; за порутчиковыми руками.

Грамота поручная по князе Михаиле//Ивановиче Воротынском, 7074, л. 335 в том, что по нем поручилися Федор Иванов сын Бутурлин с товарищи, дабы ему быть в верной службе царя и великого князя Ивана ¹⁷ Васильевича всеа России и никуды не отъехать; за приписью дьяка Андрея Щелкалова, порутчиковы у той записи руки приложены.

¹⁸В том же сундуке положены дела, которые привезли ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа России из Литвы его государевы великие послы боярин и наместник Суздальской князь Алексей Михайлович Лвов—Ярославской с товарищи во 143 году.

А те вышеозначенные привезенные из Литвы во 143 году дела в ящике липовом нумера 6 во особой свяске и описаны порознь ниже сего.

6. В липовом ящике:

Грамота докончалная Владислава короля полского, на которой он Владислав король с великим государем царем и великим//князем Михаилом Феодоровичем всеа Русии вечное докончание закрепил своею королевскою душею, црест ¹⁹ целовал. А у той королевской грамоты две печати: одна Каруны Польские а другая Великого княжества Литовского на красном воску в ковчехах серебряных, 143 году. л. 335 об.

А другая грамота Владислава ж короля о гетманском договоре, на которой грамоте Владислав король в другой ряд крест целовал при государевых великих послех при боярине при князе Алексее Михайловиче Ллове с товарищи; за двумя ж печатми, Коруны Польские и Великого княжества Литовского, а те печати на красном воску под кустодиями и за королевскою рукою 7143.

Грамота Владислава короля полского к великому государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичю всеа России за хлухою ²⁰ печатью, об отпуске государевых послов, писана з братством, без ота ²¹, 1635 году.

Запись за руками и за печатми панов рад ²²// и поветных послов с гетманском договоре, 7154 году. л. 336

В том же ящике запись договорная подлинная литовских послов Якуба Жадика с товарищи, за их руками и за печатми, какову дали они го-

сударевым послом, боярину Федору Ивановичю Шеретеву²³ с товарищи во 142 году июня в 4-й день о вечном докончании.

Грамота Ивана Салтыкова да Петра Третьякова, писана ко Владиславу королю, как ему Ивану велено быть в Нове городе, и как новгородцов ко кресту приводил и иные города приводил же под королевичеву руку.

Грамота архиепискупа смоленского Сергия да Михаила Шеина, писана из Смоленска к паном раде к Станиславу Желковскому с товарищи, чтоб они били челом Жигимонту королю, чтоб людей от Смоленска отвел и повелил²⁴ бы им Московского государства с послы из Москвы ссылатца.//

л. 336 об.

На столпцах:

Три грамоты бояр князь Федора Ивановича Мстиславского с товарищи, за руками, как писали в Ярославль, на Кострому, в Переславль Залеской к воеводам и ко всяким людем, чтоб королевичю добили челом.

Речь, что говорили на посольстве Жигимонту королю послы боярин князь Василей Васильевич Голицын с товарищи, и выписка из статейного списка, что прислан статейной список к послом.

Грамота к Жигимонту королю и к сыну его Владиславу бояр и окольничих и думных людей князь Федора Ивановича Мстиславского с товарищи, что Прокофей Ляпунов от Владислава королевича отложился и в города которые королевичю послушны воевод и голов с ратными людми от себя посылает и города и места заседают, а брат ево Захарей поехал с Москвы под Смоленск с послы, з боярином со князь Васильем Васильевичем Голицыным с товарищи и изпод Смоленска з братом своим ссылается.//

л. 337

Книги ржевичь и зупчан да Бежецкие пятинны всяких чинов людей, которые крест целовали королевичю Владиславу, 118 году.

Отписка Ивана Салтыкова к Жигимонту королю и к сыну ево Владиславу. Четырнадцать тетрадей посольства Афонася Власьева.

Запись утвержденная, какову взяли государевы великие послы боярин князь Алексей Михайлович Лвов с товарищи на панов рад, за их руками и печатми, о Путивских и о Луцких землях и о межевых делех во 157 году.²⁵

Запись утвержденная на пано²⁶ же рад, за их руками и за печатми, какову взяли они ж государевы великие послы, боярин князь Алексей Михайлович Лвов с товарищи о Лубе, что прислать ево к Москве с послом их з Гаврилом Стемпковским каштеляном Бреславским, 153 году.//

л. 337 об.

И грамота королевская о землях и о Лубе за печатью Великого княжества Литовского, 154 году.

Грамота королевская за отворчетою коронною печатью о Лубе ж с утверженьем.

Запись панов рад, которые были в ответе з государевыми великими послы з боярином со князем Алексеем Михайловичем Лвовым с товарищи, с утверженьем; прислано к бояром и к думным людем о Лубе, за руками и за печатми.

Свидетельство шляхты корунные, Любиных²⁷ сродичей, о Лубе ж; за руками ж и за печатми.

Да в прошлом же во 154 году государевы царевы и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии великие послы боярин и наместник Вологодкой Василей Иванович Штрешнев с товарищи привезли с собою ис Полши и из Литвы дел: //

л. 338

Грамота подтвержденная на прежнее вечное докончание Владислава короля Полского и великого князя Литовского; а у нее две печати, коронная да Великого княжества Литовского, в ковчехах серебряных, 7154 году.²⁸

Запись панов рад с утверженьем о Лубе ж; за руками и за печатми.

А положил те крепости в Казенной полате боярин князь Алексей Никитич Трубецкой да дьяк Алмаз Иванов в прошлом во 154 году августа в 5 день и запечатал государевым перстнем.

Розмежеванные записи путивльских, трубчевских, брянских, торопческих, лутцких, вяземских межевых судей.²⁹

Польского Яна—Казимира короля подтвержденная грамота, какову привезли с собою из Литвы государевы великие послы боярин и оружей-

ничей Григорей Гавриловичъ Пушкин с товарищи во 158 году; у ней две печати в серебряных ковчегах ³⁰ //.

Крымские две шертные грамоты на Кюрамышин договор, каковы привез Тимофей Караулов, а положил те крепости боярин Илья Данилович Милославской да думной дьяк Михайло Волошанинов и запечатал государевым перстом. л. 338 об.

7. Ящик оболочен кожею, а в нем:

Грамота перемирная Жигимонта короля польского на договор послов Станислава Радомирского с товарищи 1591 году; печать на красном воску.

Запись межеванная свейских межевых послов с Семеном Жерепцовым с товарищи, у ней три печати в серебряных ковчегах.

Запись межеванная свейских дворян Анц Мука с товарищи, с Микитою Вышеславцовым, да з дьяком с Шестаком Копниным, поплела, а в котором месте поплела и тут ³¹ слов не знать; у ней три печати в серебряных ковчегах, роспалися. //

Грамота опасная на послов за печатью послов же Станислава Витепского с товарищи 1650 году, у ней четыре печати в гнездах деревянных. л. 339

Запись короткая о недоговорных статьях свейских послов Якова Пунгусова с товарищи з государевыми послы с окодничим со князем Данилом Ивановичем Мезецким с товарищи 7125 году; у ней пять печатей на красном воску.

Семь списков образцовых свейских грамот, как постановляли на вечное докончанье.

Два договора подлинные немецкие, за подписанием собственные руки короля польского Августа, каковы учинены с ним у царского величества в 1709-м году в октябре месяце в Торуне; один оборонительной и наступательной и при нем два особливые пункта секретные, ис которых один подлинной за рукою короля Августа, другой черной, писанной рукою Литовою; второй договор четвертной оборонительной с ним, королем, також з дацким и пруским сочиненной. При тех же договорах и двух пунктах русские такие черные, каковы даны ему королю с стороны царского величества за подписанием его величества руки. //

Договор подлинной оборонительной и наступательной и при том особливая секретная статья писанные по-французски за рукою короля дацкого, каковы учинены между царским величеством и им королем во 1709 году и присла их ис Копенгагена к Москве посол князь Василей Лукин ³² сын ³³ Долгорукой; при том же и перевод с того договора русской. л. 339 об.

Договор подлинной латинской учиненной у царского величества с князем Рагоцием, каков дали съ его Рагоциевой стороны присланные от него послы полномочные генерал Беречиний с товарищи, в 1707 году в Варшаве. Тут же таков договор русской черной, каков дан тем послом с стороны царского величества.

Подлинное подтверждение того договора за рукою князя Рагоция, которое подал в Витепску посланник ево Александр Недецкой в 1708 году в апреле месяце.

Две полномочные грамоты князя Рагоция за его рукою и печатью данные вышепомянутому послом ево генералу Беречинию с товарищи к заключению помянутого учиненного с ним договора.

Два перевода русские з договоров оборонительных; один короля польского з дацким, другой меж королями польским, дацким и пруским учиненные в 1709 году. //

Список з грамоты свейского короля писанной к Томасу Книперу о афронте учиненном царскому величеству в Риге от тамошнего губернатора, какову подал он Книпер, за своею рукою; при том же с него и перевод русской. л. 340

Ассекурация Речи Посполитой Польской подлинная 1707 году данная от оной царскому величеству, о содержании союзу, за руками князя-примаса и сенаторей полских.

Присяга гетманов коронных Синявского и Ревуйского за их руками о содержании союзу и верности к царскому величеству 1707 году.

Ассекурация о Вишневецком бывшем гетмане литовском, учиненная о нем верности царскому величеству от брата ево воеводы Краковского Януша, да подскарбея литовского Потея и маршалка литовского ж Воловича во Львове 1707 году.

Ассекурация в верности царскому величеству двух полковников польских Гаубица и Поленца, да региментаря Рыбинского за их руками 1707 году.

Росписка гетманов коронных Синявского и Ревуйского за их руками в данных им по союзу на войско коронное денгах в Бресте от господина Украинцова в 1707 году дватцати тысяч рублей. Росписка их же// гетманов в данных на войско ж коронное в 1708-м году пятьдесят тысяч рублей, которые отдал присланному от них комисару Сумирскому в Белой Церкви стольник Федор Протасьев. И при том в тех же деньгах другая росписка помянутого комисара Сумирского с товарищи.

Росписка присланного от гетмана литовского Огинского комисара Струтинского с товарищи в данных ему в Копоши в 1708 году на войско литовское денгах десяти тысяч рублей ³⁴.

Присяга тайного советника барона Урбиха, как он принят в службу государеву 1707 году.

Присяга тайного советника Левенвальда ³⁵, 1709 году.

Присяга чрезвычайного посланника Лита.

Присяга умершего надворного советника Давыда Корбе.

Присяга коменданта над волоскими хорунгвями Апостола Кегича.

Присяга гетмана Ивана Ильича Скоропадского за его рукою, какова у него взята в верности, по избрании в гетманы.

Присяга архиереев Киевского, Черниговского и Переяславского и иных малороссийских духовных особ, також полковников и всей старшины малороссийской взятая ж о верности за их руками по обрании помянутого гетмана.

Присяга особливая Нова городка Северского жителей //.

Присяга зята гетманского Семена Лизогуба.

л.341 Ассекурация или поручное письмо полковника миргородского Данила Апостола с товарищи по судье полковом прилучком Трофиме Васильеве о верности ево.

Печать мазешинская медная.

Договор подлинной короля польского Августа учиненной с царским величеством 1703-го году в Варшаве ³⁶.

Договор подлинной же, Речи Посполитой Полской, учиненной с царским величеством чрез посла оной воеводу Хелминского Дзялынского, за ево рукою в Нарве, 1704 году.

При том же и особливой пункт ево посла о вхождении войск царского величества в Польшу и пленипотенция данная ему послу от республики Полской о заключении помянутого договору.

Свяска да ставик деревянной с некоторыми вещми за печатми.//

Ратификация курфирста ГанOVERского [за его рукою] ³⁷ договору учиненного с царским величеством в 1710-м году.

Договор подлинной немецкой, и при том артикул особливой, каков учинил посланник Лит имянем царского величества с королем Августом в 1709 году; и после уничтожен и отобран назад.

Ратификация королевского величества дацкого, за его собственную рукою, учиненного союзу с его царским величеством, при том же и особливого артикула, 1710 году, Присланы от князя Василья Лукина сына ³⁸ Долгорукого.

Грамоты салтана турецкого и везирьская ради подтверждения постановленного мирного договору присланные с капитаном Квашниным— Самариным в 1710-м году ³⁹.

л.342 [Потом генваря в 12-й день положено к тем же делам] ⁴⁰//

л.341 об. Наказ тайной ближному столнику Андрею Измайлову данной в Киеве 27 дня июня 1709 за подписанием царского величества, о бытности его при

гетмане Скоропадком; которой у него паки взят на Москве в 1712 году генваря в 9 день.

Записки старинного русского писма, каковы учинены у царского величества с короною Шведкою о помочи их царскому величеству против поляков. 1609, в Выборке и в иных местах.

Списки с наказу да з дву решительных статей данных Андрею Измайлову во отправлении дел у гетмана господина Скоропадского.

Да сверх описи явилось приему господина assessора Михаила Ларионова по записке в зеленой книге, а имянно:

В том же первом большом сундуке:

К вышписанным же крепостям государственным // положен трактат *л. 342 об.* учиненной на Москве ноября 16 дня 1703 году на российском языке за приписанием собственныя царского величества руки, постановленной с королевским величеством полским. Притом же сообщен и на немецком языке, на котором подписано сице: «Сей написан был, но отставлен; положен декабря в 9 день 1720 году, а сыскан в походных делах.

1728-го мая в 18 день положено к государственным крепостям в большой первой сундук доношение тайного советника Федора Наумова о обращении в гетманы Миргородского полку полковника Данила Апостола; и в верности кь его императорскому величеству присяга ево гетманская, за ево гетманскою и киевского архиепископа Варлаама и епископа черниговского и архимандрита Киево-Печерского и других монастырей архимандритом руками 1729 году.

23 крепости приняты в Коллегию иностранных дел бывшего Александра Меншикова у янпольского управителя // Ивана Чернова, на город *л. 343* Яньполь и на прикушныя к тому городу села и деревни с принадлежностями и на великороссийских людей, которые куплены на янпольские доходы и живут в том городе и в других селех и деревнях.

Списки с писем государева и графа Гавриила Ивановича Головкина х ^{40а} князь Матвею Гагарину о бережении господина посланника аглинского и графское письмо к секретарю Петру Курбатову о том же. Да список з государева к царевичю о посланниках 1708 году, за печатью assessора Михаила Ларионова. Подписано: «держать секретно».

Ящик долгонкой и узенькой, покрашен краскою алою, а в нем грамоты постановленные на паргамине, одна на первое патриаршество Иова митрополита всеа Росии, 7097; другая на патриаршество же великого государя, царя Михаила Феодоровича всеа Росии отца Филарета Никитича всеа Росии, 7130. Обе руским писмом.

В тот же ящик положены сысканные // в старинных писмах две гра- *л. 343 об.* моты греческим писмом:

1-я грамота греческая всесвятейшего константинопольского патриарха господина Иосафа и протчих архиереев за собственными их руками на венчание во цари царя Ивана Васильевича, со свидетельством данного венца и протчих надлежащих утварей от царя цареградского Константина Манамаха великому князю Владимиру Мономаху; лета 7069 месяца декемврия.

2-я грамота греческая подтвердительная константинопольского патриарха Иеремии и протчих патриархов и архиереев и причета церковнаго на постановление в патриархи Иова архиепископа московского и протчих по нем ставитися на патриаршество в Москву. Закреплена их руками свойственными лета 7093 году.

Да 1731-го году марта в 15 день положена в архив грамота блаженныя и вечнодостойныя памяти его императорского величества ПЕТРА ПЕРВОГО ⁴¹, // за подписанием его величества собственной руки данная *л. 344* в 1708 города Почена сотнику атаману и войту и всему посполству об отставке с казаков и с посполитых людей поборов. И доношение генерала-маеора господина князя Шаховского, при котором та грамота прислана.

Письмо руское Китайского государства, которое 203-го году апреля в 4 день подал в Посолской приказ Елизарей Избрант, а дано ему то письмо от думного боярина богдыханова высочества, ответная на предложенные ему от Елизарья дела.

Присяга на калмыцком языке нового калмыцкого хана Черендундука. И с нее перевод на российском языке, и описание, с кем и когда прислана. Принята 1731-го году июня 28-го дня.

Жалованная грамота пожалованная на Хатунскую волость с селы и з деревнями князю Григорью Федоровичю Долгорукову в 1715-м марта 23 дня; за подписанием собственные руки блаженный и вечnodостойной // *л. 344 об.* памяти его императорского величества ПЕТРА ПЕРВОГО ⁴² [которая прислана в Коллегию иностранных дел ис комиссии описи именей князей Долгоруких] ⁴³.

Три грамоты, писанные в 1701-году на александриских ⁴⁴ листах. Первая к Августу королю полскому с послом князем Григорьем Федоровичем Долгоруковым верующая; две проезжие о свободном ево проезде, одна через цесарские и протчие королевства, княжества и земли, города, морем, другая полскими городами. Две за болшими государственными печатми, третья за среднею печатью. Присланы в Коллегию иностранных дел ис комиссии описи именей князей Долгоруких. И при тех грамотах копии на латинском диалекте.

Во втором среднем сундуке:

Договорная подлинная крепость латинским писмом, за руками и за печатми цесарских министров, да посланника дьяка Козмы Нефимонова, *л. 345* да венецкского посла // о постановлении союза в Вене в 205-м году против турок и татар на три года. И на тот вышписанной трехълетней союзной договор цесарская потверженная грамота латинским писмом на поргаминовых ⁴⁵ листах полудестевых в переплете в бархатной оболочке красной. Печать цесарская болшая на красном воску, в чашке воцаной же белова воску; а ковчег деревянной точеной с кровлею деревянною ж и привешена на золотном среднем снуру без кистей и без варворок. Да венецкского князя на тот же договор потдтверженной лист на целом паргаминовом листу латинским же писмом за отворчетою печатью вислою, привешена на снуру, шолк красной з золотом; а печать золотая на смоле против того ж, каковы печати и снуры и у протчих венецкских же листов всегда присылаются. А положен в мешке красном отласном.

Подлинное договорное писмо турских послов на александийском глаженем листу тонком, каково они за руками ⁴⁶ // и за печатми своими будучи на съезде в Сирмии, дали великому и полномочному после думному советнику и наместнику Болховскому Прокофью Богдановичю Возницыну в 207 году о двулетнем с ними примирении.

Грамота докончалная свейского Каролуса короля прислана с великими и полномочными послы с околничим с Ываном Афанасьевичем Прончищевым с товарищи во 192-м году. Печать в ковчеге серебряном золоченом на снуру з гербами.

Потдтверженная грамота того же свейского короля, какова прислана с послы с Кондратьем Гиндерстермом с товарищи в том же 192 году; печать в ковчеге серебряном золоченом на снуру с гербами.

Договорное писмо, каково учинено на Москве в пополнение к прежнему Кардийскому // договору и Плюскому соглашению с теми свейскими послы во 192 году, за руками посолскими и за печатми. *л. 346*

Потдтверженная грамота свейского Каролуса короля, какова прислана с послы ево съ Яганом Бертензьгельмом с товарищи в 208-году; печать в ковчеге серебряном на снуру без гербов.

Да старых свейских дел, что взяты были для примеру ис Казенного приказы в прошлом во 1699-м году октября в 28 день:

Договорная свейская запись о перебещиках, какову привезли из Свей государевы великие послы околничей Борис Ивановичь Пушкин с товарищи во 158 году, за четырьми сенаторскими печатми на снурах золотных в костяных ковчехах.

Грамота свейская верующая, Христины королевы на послов ее, на Филипа Шайдинга 143-го году.//

л. 346 об. Да в том же сундуке:

Перемирная договорная полская запись, какову подали послы околничей Афанасей Лаврентьевич Ордин-Нащокин с товарищи во 175-м году.

Возъезжее письмо, каково было дано польским послом князь Михаилу Черторыжскому во 186-м году о заходящих трудностях, русское и полское ⁴⁷.

Подтверженная грамота полского Яна Казимера короля на Андрусовской договор за два печати, за корунною и литовскою, в серебряных ковчегах; прислана во 176-м году ⁴⁸.

Другая подтверженная грамота полского Михаила короля на тот же Андрусовской договор прислана с послы с Яном Гниньским во 180-м году; за такими же двумя печатми с серебряными ковчегами ⁴⁹.

Запись подлинная, за руками и печатми полских послов Хриштофа Гримувольского // с товарищи, вечного миру с полским королем 194-го году, на полском языке, переплетена в отлас золотной на александрийской бумаге в десть. л. 347

Ящик малой, а в нем две отписи великих и полномочных послов за их руками. Одна во сто тысячах, 194 году, а другая в достальных сороке ⁵⁰ шести тысячах рублех. Тут же отпись канцлерства в зачетных денгах в дысече ⁵¹ двухстах в пятнадцати рублех.

194-го. Письмо полских послов за руками и печатми, каково у них взято о посажских селех, что убытков царского величества с стороны не спрашивать.

Договорные статьи з дацким королем о посолских чинах и о кормех московского постановления с чрезвычайным посланником с Яганом фон Горном 192-го году.

Статьи ж, каковы дали под Нерчинским на съезде царского величества великим // и полномочным послом околничему Федору Алексеевичу Головину с товарищи китайского хана послы; на латинском языке, во 197-м году. л. 347 об.

Новые союзные статьи с полским Августом королем 1699 году, да з дацким Христианусом 1699, да с новым Фридерикусом, короли, 1699 и 1700 годов две; итого пять крепостей.

Да в прошлом 1702-м году генваря в 16 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца были ⁵² переставлены на Казонной ⁵³ двор ⁵²:

Подлинная договорная запись, что привес ис Царя града чрезвычайной посланник думной дьяк Емельян Игнатьевич Украинцов в прошлом в 1700-м году ноября в 15 день. Да подлинная подтверженная Мустафы салтана Турского на те перемирные договоры грамота, какову привез из Царя града великой посол ближней человек и наместник // Смоленской князь Дмитрий Михайлович Голицын в том же 1702-м году генваря в 8 день. л. 348

Запись, какову прислал к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Росии меретинской Александр царь [в которой написано, что ему царю с сыном ево царевичем Баграмом и з братом ево царевичем Мамуком и со всеми ево служители и з духовными особы быть у великого государя у его царского величества под его великого государя высокодержавною рукою вечно в подданстве] ⁵⁴ с посланники с Никифором Толочановым да з дьяком Алексеем Иевлевым во 161-м году сентября в 20 день. У той записи печать чернилы, и с печати перевод на словенском языке.

Грамота полского короля прислана з гонцом з Гаврилом Сколком в 153-м году.

Записи межевых судей, в том числе две путивльские, адна трущевская, 153-го, 154, 155 годов ⁵⁵. //

Писма посолства государевых великих послов околничего Василья Семеновича Волынського с товарищи Плюского съезду 174-го и 175 годов. л. 348 об.

Договорная запись государевых послов.

Королевская верующая грамота и договорная запись свейских послов и о нее два переводы.

Полская договорная запись на полском языке великого государя царя Михаила Феодоровича всеа Руси с Владиславом королем польским во обновление покою и брацкой дружбы и любви, какова постановлена чрез послы боярина и наместника Псковского Федора Ивановича Шереметева и Якуба Жадика бискупа Хелминского канцлера корунного, лета от рождества Христова 1644-го. У ней 8 печатей в деревянных ковчехах.

Договорное письмо Гаврила Стемковского коштеляна Бреславского, что *л. 349* поляком в Московское государство в города с вином // и табаком не везжать.

Договорная запись 1677⁵⁶ году полских послов Адама Киселя, каково постановлено с московскими послы з боярином князем Алексеем Никитичем Трубецким.

Договорное письмо полское полских полномочных послов Казимера Паца с товарищи, каково постановлено з бояры с князем Алексеем Никитичем Трубецким, з Григорием Гавриловичем Пупкиным с товарищи о способах в соединении войны крымцов в 7156-м году за их руками.

Письмо королевского величества полского великого посла Адама Иверста, каково он дал за своею рукою и печатью царского величества бояром и думным людям о обидных делах, которые учинены людям царского величества со стороны королевской, чтоб ему о том донести королю, дабы *л. 349 об.* учинена была в тех обидах скорейшая справедливость, и взятое // и грабежное отдано было без мотчания, а которого году и где то письмо писано того в подлинном письме не написано.

Грамота полских и литовских сенаторей Андрея Шондорского бискупа Познаского⁵⁷ с товарищи, 1644, какову они дали боярину и наместнику⁵⁸ Суздальскому князю Алексею Михайловичу Лвову с товарищи, что им говорено о Иване Дмитриеве сыне, которой назывался Димитрием царевичем российским Московского государства и жил в Бресте литовском, чтоб ево никогда в полском государстве не держать и прислать с своими послы к великому государю.

¹ Квадратные скобки в рукописи.

² На нижнем поле пометы разными почерками: «Из Москвы октября 19-го дня 1732 году»; «По записке № 512»; «Получено с почты октября 25 1732 году».

³ Л. 324 об. — чистый. На верхнем поле л. 325 помета: «Прислано сие из архива Московского и получено в Санкт-Петербурге с почты октября 25-го дня 1732 году».

⁴ На поле карандашная помета XVIII в.: «NB».

⁵ На поле помета почерком писца: «Так в книге написано».

⁶ Так в рукописи.

⁷ Так в рукописи.

⁸ На поле карандашная помета XVIII в.: «NB».

⁹ Слова «да князю» в рукописи написаны дважды, первоеписание заключено в квадратные скобки.

¹⁰ Так в рукописи.

¹¹ В рукописи вторая цифра 7 исправлена из 1.

¹² Так в рукописи.

¹³ На поле карандашная помета XVIII в.: «NB».

¹⁴ Так в рукописи.

¹⁵ Так в рукописи.

¹⁶ «Князю» в рукописи написано над строкой.

¹⁷ «Ивана» в рукописи написано над строкой.

¹⁸ На поле карандашная помета XVIII в.: «NB».

¹⁹ Так в рукописи.

²⁰ Так в рукописи.

²¹ Так в рукописи.

²² На поле карандашная помета XVIII в.: «NB Эри».

²³ Так в рукописи.

²⁴ Так в рукописи.

²⁵ На поле карандашная помета XVIII в.: «NB».

²⁶ Так в рукописи.

²⁷ Так в рукописи.

²⁸ На поле карандашная помета XVIII в.: «NB».

²⁹ На поле карандашная помета XVIII в.: «NB».

³⁰ На поле карандашная помета XVIII в.: «NB».

³¹ Исправлено из «идут».

³² Исправлено из «Лукичь».

³³ «Сын» написано над строкой рукою писца.

³⁴ Исправлено из «рублев».

³⁵ Так в рукописи.

³⁶ Фраза вписана почерком писца между строк.

³⁷ Квадратные скобки в рукописи.

³⁸ «Сына» написано над строкой.

³⁹ На поле карандашная помета XVIII в.: «NB».

⁴⁰ Квадратные скобки в рукописи.

^{40a} Так в рукописи.

⁴¹ Так в рукописи.

⁴² Так в рукописи.

⁴³ Квадратные скобки в рукописи.

⁴⁴ Так в рукописи.

⁴⁵ Так в рукописи.

⁴⁶ На поле карандашная помета XVIII в.: «NB».

⁴⁷ Так в рукописи.

⁴⁸ Так в рукописи.

⁴⁹ Так в рукописи.

⁵⁰ Исправлено из «сорока».

⁵¹ Так в рукописи.

⁵²⁻⁵² Написано рукой писца между строк.

⁵³ Так в рукописи.

⁵⁴ Квадратные скобки в рукописи.

⁵⁵ На поле карандашная помета XVIII в.: «NB».

⁵⁶ На поле помета рукой писца: «А в подлинной 1647».

⁵⁷ Так в рукописи.

⁵⁸ Исправлено из «наместному».

К БИОГРАФИИ Д. В. СТАСОВА

(Воспоминания К. К. Арсеньева)

Дмитрий Васильевич Стасов (1828—1918) — яркий представитель замечательной семьи Стасовых. Сын земледельца В. П. Стасова, брат выдающегося деятеля русской культуры В. В. Стасова, отец революционерки-большевицки Е. Д. Стасовой, он и сам заявил о себе в разных областях русской жизни — прежде всего как юрист, патриарх и совесть отечественной адвокатуры, первый председатель первого в России Петербургского совета присяжных поверенных, и музыкальный деятель, один из учредителей и автор устава первой в стране Петербургской консерватории. В числе его друзей были корифеи национальной и мировой культуры — М. И. Глинка и М. П. Мусоргский, И. Е. Репин и В. В. Верещагин, Г. Берлиоз и Р. Шуман.

На разных этапах русского освободительного движения Д. В. Стасов был близок к нему и оказывал его вождям различные услуги. Достаточно сказать, что в 1859 г. он устраивал в Лондоне историческую встречу А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского¹, а более полвека спустя, летом 1917 г., укрывал в своей петроградской квартире от ищек Временного правительства В. И. Ленина². Е. Д. Стасова вспоминала о нем: «Он имел на меня огромное влияние, и ему я обязана очень и очень многим»³.

Специальных исследований о жизни и деятельности Д. В. Стасова обобщающего характера до сих пор нет. Между тем в последнее время растет интерес к нему, о чем свидетельствуют работы Л. П. Богословской, З. П. Базилевой⁴, А. К. Лебедева и А. В. Солодовникова⁵. Думается, что в ряду источников для его биографии, которая пока остается делом будущего, важное место займут и публикуемые здесь «Воспоминания о Д. В. Стасове».

Автор воспоминаний — друг и соратник Д. В. Стасова Константин Константинович Арсеньев (1837—1919), один из первых и самых авторитетных в России адвокатов, публицист (ведущий сотрудник, а в 1908—1916 гг. редактор журнала «Вестник Европы»), литературовед, общественный деятель (в 1906—1907 гг. один из руководителей либерально-буржуазной «Партии демократических реформ») с высокой нравственной репутацией, «безупречный и чистый, как кристалл», по выражению А. Ф. Кони⁶. Сын академика К. И. Арсеньева (известного географа, историка и статистика), К. К. Арсеньев с 1900 г. был почетным членом Петербургской Академии наук. Кстати, именно он 1 декабря 1901 г. первым выдвинул в почетные академики Максима Горького⁷.

Текст воспоминаний К. К. Арсеньева, перепечатанный на машинке, сохранился в архиве семьи Стасовых. Он не датирован, но, судя по содержанию, написан в том одиннадцатимесячном промежутке, который отделяет смерть Д. В. Стасова (28 апреля 1918 г.) от смерти К. К. Арсеньева (22 марта 1919 г.) По-видимому, К. К. Арсеньев передал текст семье Стасовых для предварительного ознакомления и публикации или просто на память. Как бы то ни было, опубликовать его в трудное время гражданской войны не удалось, а потом он затерялся в громадном (4200 единиц хранения) архиве Стасовых.

Ценные главным образом для биографии Д. В. Стасова, вновь найденные воспоминания К. К. Арсеньева хорошо иллюстрируют жизнь, деятель-

ность и взгляды самого мемуариста (типичного либерала, неумеренно восхвалявшего реформы 60-х годов) как существенное дополнение к другим, уже известным в литературе его воспоминаниям⁸.

Н. А. Троицкий

¹ Подробно об этом см.: *Богословская Л. П. Д. В. Стасов и его роль в организации встречи Чернышевского с Герценом.* — В кн.: Чернышевский и его эпоха. М., 1979.

² В Ленинграде на доме № 20 по улице Петра Лаврова теперь установлена мемориальная доска с надписью: «Здесь, в квартире Д. В. Стасова, в 1917 г. неоднократно бывал Владимир Ильич Ленин».

³ *Стасова Е. Д.* Автобиография. — Энцикл. словарь Гранат, т. 41, ч. 3, прилож. 3, стб. 113.

⁴ *Базилева З. П.* Архив семьи Стасовых как источник для изучения революционной ситуации. — В кн.: Револю-

ционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1965.

⁵ *Лебедев А. К., Солодовников А. В.* Владимир Васильевич Стасов: Жизнь и творчество. М., 1976, с. 71—80.

⁶ *Кони А. Ф.* Собр. соч.: В 8-ми т. М., 1967, т. 4, с. 171.

⁷ *Летопись жизни и творчества А. М. Горького. (1868—1907).* М., 1958, вып. 1, с. 354.

⁸ *Арсеньев К. К.* Воспоминания об Училище правоведения. — РС, 1886, № 4; *Он же.* Из далеких воспоминаний. — Голос минувшего, 1913; № 1; *Он же.* Из воспоминаний. — Голос минувшего, 1915, № 2; *Шлемин П. И.* Дневник К. К. Арсеньева. — АЕ за 1977 г. М., 1978.

Воспоминания о Д. В. Стасове

Вторая половина пятидесятых годов была для России, по выражению поэта (А. М. Жемчужникова), эпохой «мира на земле и меж людей благоволения», эпохой «преображения всей жизни»¹. Пробудившись от сна, навеянного мрачной и злобной реакцией, русское общество отдалось во власть светлых ожиданий, заслонявших собою старые распри и вновь намечавшиеся разногласия. Затихла вражда между славянофильством и западничеством, еще не вступали в открытый бой умеренные и крайние течения. Сочувственный прием встречали и «Современник», и «Русский вестник»². Готовилась величайшая из всех реформ; за нею виднелся ряд других, для которых она должна была служить предпосылкой и основой.

Немного осталось теперь свидетелей этой незабываемой, единственной в своем роде минуты. Для меня, и конечно, не для меня одного, живым воплощением ее служил тогда Дмитрий Васильевич Стасов, весь проникнутый ее бодрим духом, исполненный ее надежд. Окончив курс в 1847 г.³, он испытал всю тяжесть наступившего вслед за тем безвременья и всю радость возвращения к жизни. Все новые требования нашли в нем отклик; с движением, совершившимся вокруг него, он был соединен множеством нитей. Дом Стасовых был одним из умственных центров Петербурга. Брат Д. В., Владимир Васильевич, пользовался уже тогда авторитетом в мире писателей и художников. Его сестра, Надежда Васильевна, готовилась к той работе, которая создала ей громкое имя в истории русского просвещения⁴.

Всем Стасовым были близки, наряду с общественными вопросами, вопросы искусства. В русской музыке ставились в то время на очередь широкие задачи; углублялось понимание Глинки, совершался поворот в творчестве Даргомыжского; созревали таланты, образовавшие несколько позже так называемую «могучую кучку». Д. В., знакомый с новыми тенденциями и сам хороший пианист, стал одним из директоров Русского музыкального общества, основанного в 1859 г. С большой любовью и знанием дела он следил за новыми направлениями в области живописи и скульптуры⁵. Это не мешало ему увлекаться литературой, достигшей в конце пятидесятых годов такого пышного расцвета. Я помню, какие горячие дебаты происходили в его кружке по поводу «Обломова», «Грозы», «Накануне». Знакомство с лучшими представителями профессуры — Кавелиным⁶, Спасовичем⁷, Борисом Утиным⁸ — вводило его в сферу научных исканий.

При всей многогранности натуры Дмитрия Васильевича средоточием его интересов оставался, однако, юридический мир, с которым он был связан школой и службой. Училище правоведения, в котором учился Д. В., еще не закончило к концу 50-х годов той исторической роли, которую до известной степени оправдывалось его существование. Оно внесло и продолжало вносить в судебное ведомство свежую струю, подготавливающую и облегчавшую коренное преобразование русского суда. Особенно сильно оно успело обновить состав сенатских канцелярий, исполнявших на самом деле ту ответственную работу, которая номинально лежала на сенаторах.

Молодые секретари и обер-секретари, а затем и молодые обер-прокуроры, между которыми с каждым годом увеличивалось число бывших правоведов, не только положили конец господству «благодарностей» и взяток. Они изменили отношение к делу, выдвинули на первый план истинные задачи правосудия, разбудили в самих себе и в других сознание долга перед тяжущимися и подсудимыми, перед всей страной. Не могли не раскрыться при этом глубокие недостатки действующего материального права, пробелы и изъяны процесса, гражданского и уголовного; не могла не быть понята необходимость реформы — не той частичной и робкой реформы, которая несколько раз предпринималась в течение последних десятилетий и ни разу не доводилась до конца⁹, а реформы всесторонней и радикальной. Навстречу указаниям практики начинали идти теоретические доводы, почерпнутые из науки права и из опыта западноевропейских государств. Быстро росла уверенность, что освобождение крестьян повлечет фундаментальную перестройку обветшавшего судебного здания. Отсюда был только один шаг до решимости заранее готовиться к участию в предстоящем великом деле.

И вот именно такую подготовку поставил себе целью юридический кружок, образовавшийся в Петербурге осенью 1859 г., за три года донародования основных положений судебной реформы. Инициативу устройства этого кружка — если не первого по времени, то во всяком случае одного из первых между собраниями, из которых впоследствии выработались юридические общества, — взял на себя Д. В., состоявший тогда обер-секретарем второго (гражданского) департамента Сената. Он соединял в себе все условия для правильной постановки и успешного ведения нового дела. Старейший из всех основателей и первых участников кружка, он сумел сплотить их в одно целое, всем внушая одинаковое расположение и доверие, каждому оказывая дружеское внимание, то откровенно критикуя, то поддерживая и одобряя¹⁰.

Каждое собрание начиналось разбором действующих законов или стоящих на очереди законопроектов. Затем рассматривалось какое-нибудь уголовное или гражданское дело; произносились как бы от имени сторон заранее обдуманые речи; председательствующий ставил вопросы, все участвовали в их обсуждении. Во всех этих занятиях Д. В. играл самую деятельную роль. Он обладал всеми качествами выдающегося дебатера — быстротою соображения, находчивостью, умением отличать существенное от несущественного, раскрывать противоречия, переходить от обороны к наступлению, твердо и всесторонне обосновать окончательный вывод. Помогая другим, он вырабатывал в себе те свойства, которые выдвинули его в первые ряды адвокатуры.

От приговорительной работы перейти к адвокатской деятельности Дмитрию Васильевичу суждено было гораздо раньше, чем многим другим членам юридического кружка. Когда миновала короткая политическая весна и вслед за освобождением крестьян совершился крутой поворот назад, ближайшим его результатом были первые серьезные студенческие волнения. В сентябре 1861 г. беспорядки в Петербургском университете повлекли за собою массовые аресты студентов. Среди сенатской молодежи возникла мысль о коллективном ходатайстве за арестованных. Одним из инициаторов ее явился Д. В., перенесший агитацию из Сената в департамент Министерства юстиции. Доверие к нему было так велико,

что многие письменно выразили согласие на подачу монарху прошения, текст которого еще не был установлен ¹¹.

О собирании подписей узнало Третье отделение и поспешило дать ему превратное толкование, утверждая, что предполагалось просить не об освобождении студентов, а о даровании конституции. В ночь с 1 на 2 октября Д. В. был арестован. Ему грозила одно время административная высылка, но благодаря отсутствию министра юстиции (гр. Панина) ¹² и благодушию управлявшего министерством (Д. Н. Замятина) ¹³ дело окончилось сравнительно благополучно. Выпущенный через неделю на свободу, Д. В. был уволен от службы по третьему пункту, но мог остаться в Петербурге.

Невозможность продолжать службу вынудила его заняться так называемым хождением по делам. В эту профессию, до тех пор стоявшую невысоко в общественном мнении, он внес несвойственные ей приемы и доказал на деле высокую ценность честной и правильной, хотя и стесненной законом юридической помощи. Его пример нашел подражателей, и как ни плохо была поставлена школа для новых учеников, вступивших в нее с новыми задачами, она оказалась небесполезной. Из нее, кроме Д. В., вышло еще несколько выдающихся присяжных поверенных — достаточно назвать В. П. Гаевского ¹⁴ и П. А. Потехина ¹⁵. Полгода спустя после отставки Д. В. выступил одним из защитников тверских мировых посредников, преданных суду Сената за противодействие правительственной власти ¹⁶. Единственной возможной формой защиты было тогда так называемое рукоприкладство ¹⁷; к ней и прибегли Д. В. и его товарищи по защите, к числу которых принадлежал В. Д. Спасович.

17 апреля 1866 г. состоялось в Петербурге открытие новых судебных установлений. 2 мая произведены были первые выборы в Петербургский совет присяжных поверенных. Поставленный общим доверием во главе Совета Д. В. с увлечением и страстью работал над организацией сословия, почти всецело предоставленной усмотрению самой присяжной адвокатуры. От более или менее успешного разрешения этой задачи зависела в значительной степени судьба судебной реформы. Трудями первого Совета, всегда находившего поддержку в общих собраниях ¹⁸, было положено основание тем «суровым нравам», о которых несколько лет спустя говорил в одной из своих застольных речей Спасович ¹⁹.

Популярности Д. В. не искал — она сама собою досталась ему позднее, но уважение он приобрел сразу даже среди тех, кому не нравилась его непреклонная твердость. По преимуществу цивилист, Д. В. никогда не отказывался от уголовных защит, выпадавших на его долю по назначению суда или по просьбе обвиняемых в политических преступлениях. В Верховном уголовном суде 1866 г. он защищал одного из главных подсудимых — Ишутина и способствовал смягчению его участи. Много труда он понес и по нечаевскому делу ²⁰, и по делу «Ста девяноста трех» ²¹, и по позднейшим политическим процессам ²², принимая на себя защиту не только в Петербурге, но иногда и в провинции ²³. Неудивительно, что он долго возбуждал подозрения в высших сферах. В 1879 г. он был арестован на несколько недель без предъявления ему определенного обвинения. В 1880 г., при Лорис-Меликове, он опять был заключен под стражу и затем выслан на несколько месяцев в Тульскую губернию ²⁴.

Более полувека Д. В. неизменно стоял на своем адвокатском посту. В преклонном возрасте, давно дававшем ему право на отдых, он продолжал трудиться в Совете, председательство в котором последний раз сложил с себя лишь за два года до кончины. Много лет сряду он был одним из самых деятельных гласных новгородского земства, как уездного (Боровичского), так и губернского. Губернское земское собрание часто возлагало на него председательство в частных совещаниях, игравших иногда не меньшую роль, чем публичные заседания. Целую четверть века, после смерти Виктора Антоновича Арцимовича ²⁵, он был председателем Общества для пособия учащимся — медичкам и педагогичкам. До конца жизни он сохранил горячий интерес к миру искусства и к политической жизни.

Чем был Д. В. для своих ближайших друзей в молодости, тем он оставался до конца. В его сочувствии они находили точку опоры: рядом с ним им легче жилось в критические, тяжелые минуты. Светлым остается в их памяти его дорогой образ.

К. Арсеньев

РО ИРЛИ, ф. 294 (архив Стасовых), оп., 4, д. 419, с. 1—12, Машинописный текст

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Цитируется стихотворение А. М. Жемчужникова (одного из создателей Козьмы Пруткина) «Они, как звезды в мутной мгле» (*Жемчужников А. М.* Стихотворения. СПб., 1898, т. 1, с. 184).
- ² Журнал М. Н. Каткова «Русский вестник» в первые годы издания (1856—1861) занимал умеренно либеральные позиции, фрондировал против крепостников, причем сам Катков сотрудничал в «Колоколе» Герцена.
- ³ Д. В. Стасов окончил привилегированное (сословно-дворянское) Училище правоведения в Петербурге, воспитанниками которого были, кроме ряда известных юристов (К. К. Арсеньева, В. Н. Герарда, В. И. Танеева), П. И. Чайковский, А. Н. Серов, В. О. Ковалевский, В. В. Стасов и др.
- ⁴ Надежда Васильевна Стасова (1822—1895) с начала 60-х до середины 90-х годов возглавляла вместе с М. В. Трубиной и А. П. Философовой женское движение в России. Была первой распорядительницей Бестужевских высших женских курсов. См. о них: С.-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878—1918. М., 1973.
- ⁵ По свидетельству И. Я. Гинцбурга, Д. В. Стасов имел «небольшую, но очень яркую и характерную коллекцию картин и скульптур», в которой особенно ценны картину В. Е. Маковского «Осужденный» — на революционную тему (Скульптор Илья Гинцбург: Воспоминания. Статьи. Письма. Л., 1964, с. 138).
- ⁶ Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885) — историк, правовед, социолог, публицист буржуазно-либерального направления, в 1857—1861 гг. профессор Петербургского университета. Один из основателей (наряду с Б. Н. Чичериным) государственной школы в русской историографии.
- ⁷ Спасович Владимир Данилович (1829—1906) — юрист и литературовед, в 1857—1861 гг. профессор Петербургского университета. С 1866 г. — присяжный поверенный, слышавший «королем адвокатуры».
- ⁸ Утин Борис Исаакович (1832—1872) — юрист, в 1859—1861 гг. профессор Петербургского университета. Родной брат основателя Русской секции I Интернационала Н. И. Утина.
- ⁹ Мемуарист имеет в виду проекты преобразования судной части, которые разрабатывались в царствование Николая I и остались неосуществленными: «Рассуждение об учреждении губерний» М. А. Балугьянского (1827), межведомственный «Проект о следствии» (1837), проект нового порядка предварительного расследования Д. Н. Блудова (1844). Подробно о них см.: *Виленский Б. В.* Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969. Гл. 2.
- ¹⁰ Об этом кружке см.: *Арсеньев К. К.* Из воспоминаний. — Право, 1902, № 3, стб. 115—123. В кружок входили: сам Арсеньев, В. Д. Спасович, Б. И. Утин, А. А. Половцов (впоследствии государственный секретарь), А. А. Сабуров (позднее министр просвещения) и др.
- ¹¹ По воспоминаниям жены Д. В. Стасова Поликсены Степановны адрес царю с просьбой о помиловании студентов был составлен 29 сентября коллективно, в кружке Д. В., а 30-го обсуждался у К. Д. Кавелина с участием Н. Г. Чернышевского. См.: *Богословская Л. П.* Д. В. Стасов и его роль в организации встречи Чернышевского с Герценом. — В кн.: Чернышевский и его эпоха. М., 1979, с. 198.
- ¹² Панин Виктор Никитич (1801—1874) — граф, внук душепителя крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева, министр юстиции 1841—1862 гг. Крайний реакционер, крепостник, торгизивший реформу 1861 г.
- ¹³ Замятин Дмитрий Николаевич (1805—1881) — сенатор, в 1858—1862 гг. — товарищ министра, а в 1862—1867 — министр юстиции. Либеральный бюрократ, один из главных деятелей судебной реформы 1864 г.
- ¹⁴ Гаевский Виктор Павлович (1826—1888) — адвокат и общественный деятель, друг И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, сотрудник «Полярной звезды» и «Колокола» Герцена.
- ¹⁵ Потехин Павел Антипович (1839—1916) — выдающийся адвокат и судебный оратор. Блестяще защищал Е. О. Заславского на процессе «Южнороссийского союза рабочих».
- ¹⁶ Тринадцать мировых посредников Тверской губернии паризм судил в июле 1862 г. за отказ проводить в жизнь грабительское «Положение 19 февраля 1861 г.», В. И. Ленин называл «коллективные отказы дворян — мировых посредников применять такое „Положение“» в ряду компонентов первой революционной ситуации в России (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 29).
- ¹⁷ Рукоприкладством в дореформенном суде называли своеобразную подпись

- под судебной резолюцией с письменным выражением удовлетворения или недовольства ею.
- ¹⁸ Петербургский совет присяжных поверенных был не только административным, но и политическим штабом столичной и всей русской адвокатуры. Подробно о нем см.: *Макалинский П. В. С.-Петербургская присяжная адвокатура: Деятельность С.-Петербургского совета и общих собраний присяжных поверенных за 22 года (1866—1888)*. СПб., 1889.
- ¹⁹ «Самые строгие требования по части морали» В. Д. Спасович ставил в заслугу Петербургскому совету присяжных поверенных на юбилейном обеде адвокатов 27 апреля 1886 г. (Застольные речи В. Д. Спасовича. 1873—1901. Лейпциг, 1903, с. 43).
- ²⁰ Первый в России крупный гласный политический процесс по делу об участниках революционной организации С. Г. Нечаева «Народная расправа» слушался в Петербурге 1 июля — 11 сентября 1871 г. (сам Нечаев судился отдельно, в Москве, 8 января 1873 г.).
- ²¹ Самый крупный в истории царской России политический процесс по делу о «хождении в народ» (больше 4 тыс. арестованных). Рассматривался в Петербурге с 18 октября 1877 г. по 23 января 1878 г.
- ²² Д. В. Стасов выступал защитником также на процессах В. И. Телье (1876 г.), И. М. Ковальского (1878), «17-ти народовольцев» (1883).
- ²³ Дело И. М. Ковальского слушалось в Одессе.
- ²⁴ 26 февраля 1880 г. начальник Верховной распорядительной комиссии, фактический диктатор России М. Т. Лорис-Меликов уведомил министра внутренних дел Л. С. Макова, что пребывание Д. В. Стасова в столице «признано вредным», и предложил назначить «одну из менее отдаленных губерний Европейской России» для его ссылки. Маков действительно назвал «один из уездных городов Тульской губернии», но 7 марта Лорис-Меликов известил Макова, что Стасов ссылается в Калужскую губернию (ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 640, л. 10—10 об., 13, 33).
- ²⁵ Арцимович Виктор Антонович (1820—1893) — сенатор, редкий в царствование Александра III тип либерально-просвещенного администратора.

IV. ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1983 Г.

10 марта было заслушано сообщение *О. А. Князевской* (Археографическая комиссия) о ее работе в Швеции в феврале 1983 г. по изучению славянских рукописей.

По приглашению Стокгольмского и Упсальского университетов она продолжила работу по идентификации древних славянских рукописей в Отделе рукописей Королевской библиотеки, в Государственном архиве Швеции, в Военном архиве, а также в библиотеке Упсальского университета. За время, прошедшее с первой поездки *О. А. Князевской* в 1979 г., шведские слависты выявили новые, неизвестные ранее пергаменные фрагменты. Профессор *А. Шёберг* опубликовал предварительный список всех известных славянских рукописей Швеции, включающий около 160 фрагментов из 41 рукописной книги¹. *О. А. Князевская* провела палеографическое и графико-орфографическое исследование отрывков недавно обнаруженных рукописей для обоснования их датировки и локализации кодексов, в состав которых они входили. Много времени заняло уточнение содержания самих отрывков. При изучении этих пергаменных фрагментов было установлено, что все они входили ранее в состав восточнославянских рукописных кодексов. Многие из них представляют собой отрывки тех же кодексов, которые обнаружены в 1979 г. Несомненно также связь их с коллекцией «Финляндских отрывков» в БАН. Почти все листы пергамента (и их фрагменты) с древним славянским письмом являются (или являлись до недавнего времени) переплетными листами памятников, написанных на шведском языке, в том числе обложками архивных дел, где часто сохраняются шведские надписи, сделанные по смытому или соскобленному славянскому тексту.

Для славистов Стокгольмского и Упсальского университетов были прочитаны обзорные лекции о славянских пергаменных рукописях в Швеции, вызвавшие большой интерес слушателей, задававших много вопросов о судьбе славянских кодексов в других странах. Проводились консультации по палеографии и истории

славянских языков. *О. А. Князевская* приняла участие в работе симпозиума, посвященного 100-летию изучения славистики в Упсале. Вопросам культурно-исторических контактов русских и шведов в XIII—XVII вв. было посвящено сообщение *О. А. Князевской* сотрудникам Советского посольства в Швеции.

В обсуждении сообщения приняли участие сотрудники комиссии *В. Ю. Афиани*, *В. А. Черныш*, *Н. Б. Шелажанова*. Были заданы вопросы об истории шведской коллекции славянских рукописей, времени и обстоятельствах появления рукописей на территории Швеции, характере связей пергаменных фрагментов с «Финляндскими отрывками». Говорилось о необходимости продолжить описание славянских рукописей в Швеции, приступить к созданию каталога рукописных источников славянского происхождения, хранящихся в Швеции, совместно шведским и советским специалистам.

15 марта на совместном заседании Археографической комиссии и сектора истории русской культуры Института истории СССР АН СССР обсуждался доклад *М. Д. Филина* (ЦГАЛИ) «О дневниках русских историков второй половины XIX—начала XX в. как памятниках культуры». *М. Д. Филин* констатировал тот факт, что дневники русских историков до сих пор не привлекали к себе пристального внимания исследователей и отдельные работы, посвященные частным вопросам, являются лишь приступом к изучению данной темы. Комплексный подход к проблеме требует решения ряда сложных вопросов эвристического, текстологического и другого характера. Дневники историков, в отличие от родственных им источников, прежде всего мемуаров, долго не становились достоянием гласности. Но, существуя в контексте художественной культуры эпохи, они развивались по общим законам жанра, ориентируясь на литературные образцы своего времени. В то же время, принадлежа людям определенного круга и рода занятий, они имели свои специфические черты, позволяющие выделить их из общей совокупности аналогичных источников (обилие исторической информации, профессионально-бережное отношение к историческому факту и др.).

Русская культура второй половины XIX в. отмечена печатью повышенного

¹ Старобългаристика, 1981, № 4, с. 86—94.

историзма. Это в еще большей степени относится к дневникам историков, где равным образом актуализируются встречи с прошлым и непосредственный контакт с незавершенным настоящим, границы между которыми постоянно стираются. Страницы дневника, будучи местом своего рода «умственной тренировки», служили и для выработки стиля, раскрепощения от академических схем научного изложения. Характерной чертой дневников историков является их слабая насыщенность сведениями о самом процессе творчества, чем они отличаются от подневных заметок ученых других специальностей. Основу записей составляют сведения о современных событиях: отмене крепостного права и идейной борьбе вокруг нее, славянофильстве и западничестве, жизни университетов и др. Вся Россия представлена здесь в лицах, но преобладают историки. Особое место в их ряду занимает Ключевский. Записи о нем имеют неожиданный и даже взаимоисключающий характер. Каждый искал в нем что-то свое и, находя обратное, отмечал это в дневнике. Авторы дневников, каждый по своему, фиксировал те противоречивые черты, которыми богат был Ключевский и его эпоха.

М. Д. Филин сделал вывод о том, что дневник историка занял определенное место в системе художественной культуры России, достигнув в рассматриваемый период своего расцвета. Пока еще нельзя дать модели дневника историка, так как прежде всего отсутствуют даже приблизительные данные о количестве сохранившихся источников, не говоря уже об их составе и содержании. Давно назрела необходимость публикации наиболее выдающихся из этих источников в качестве первого шага на пути их комплексного изучения. Планомерная и целеустремленная работа археографов, источниковедов, психологов, историков культуры и других позволит приблизиться к пониманию дневников историков и как памятников культуры своего времени.

В процессе исследования было изучено более 60 дневников историков в широком понимании. Если учесть, что одним лицом на протяжении его жизни нередко создавалось несколько различных дневников и дневниковых записей, то в общей сложности было исследовано около 300 названий. Главным в подходе в докладе было рассмотрение дневников как явления культуры, в их связях с историко-культурным фоном, с акцентом на самоописательную сторону. Естественно, что отношение к факту в дневниках осуществлялось с точки зрения историка, наиболее чутко относящегося к историческим фактам.

Дневники на протяжении XIX в. претерпели существенную эволюцию. Писание дневников в начале XIX в. предстает как таинство, с элементами театрализации: эффектный переплет, четкая запись и т. п. Об этом писал Ю. М. Лотман. Во второй половине XIX в. происходит демократизация дневников по характеру записей и по внешней форме.

Записи приобретают более реалистичский, а не романтический характер. Здесь проступает эволюция дневниковых записей в контексте развития художественной литературы. Значение дневников историков усиливается еще и тем, что их авторы были довольно влиятельной группой в общественной жизни России. Некоторые из них были воспитателями царских детей, определяли лицо или были руководителями политических партий. Значительно было их воздействие на общественность (на публичные лекции собиралась обширная аудитория). Но в то же время историки не занимали столь заметного места в духовной жизни России, как например, писатели, не были знакомы столь широко кругу людей, как деятели литературы. Что же касается традиционной типологии дневников, то их деление на основании общественно-политических взглядов авторов не отражает многих характерных черт памятников. При таком подходе смазываются жанровые особенности памятников.

Истоки эволюции дневников лежат в значительной мере в общем контексте духовной культуры. Исходя из этого, выделяются такие разновидности, как дневник-исповедь, дневник-хроника, дневник-размышление. Первый из них относится к концу XVIII—началу XIX в. Истоки его — в традиции церковной исповеди, которая теряет свое значение в новое время и как бы замещается дневником, в котором человек анализирует свои поступки. Дневник хроникального типа, где человек осознает себя как историка и свое место в истории, фиксирует сведения об архивных находках и т. п., связан и с археографическим «взрывом», начавшимся с конца XVIII в. Наиболее известный пример дневника-размышления — дневник А. И. Герцена. Позже встречаются и другие, подчас очень необычные дневники.

Дневники второй половины XIX — начала XX в. изучены и описаны значительно хуже, чем предшествующих периодов. Наиболее капитальная из такого рода публикаций — издание выдержек из дневников М. П. Погодина Н. П. Барсуковым. Можно назвать также публикацию М. Г. Вандаликовской дневника М. К. Лемке и др. Особую проблему составляет взаимодействие дневника со смежными источниками — письмами, воспоминаниями. Изучение этого взаимодействия может прояснить много моментов.

В прениях по докладу А. Е. Иванова (Ин-т истории СССР) отметил, что ценность его прежде всего в том, что в нем историк, ученый-гуманитарий, предстает как человек. Об ученых существуют нередко однозначные представления. Человеческие качества, которые оказывают влияние на все стороны деятельности субъекта, остаются для нас чаще всего закрытыми. Работа М. Д. Филина дает сумму фактов в этой области, мельчайшие подробности о том, как формировался тип поведения людей, принадлежавших к одному слою, одному «цеху». Не нужно акцентировать внимание исключительно на реакцию историка в отношении обще-

ственно-политических событий. Необходимо вычленил полнокровное, социальное лицо историка. Историки, профессура играли в жизни России большую роль, чем мы это иногда представляем. Многие министры и другие высшие чиновники, особенно Министерства народного просвещения, были профессорами, имели значительное влияние в этих областях. Из профессуры вышли многие политические деятели дореволюционной России. Этот сюжет необходимо развить, подчеркнуть, учитывая, конечно, и специфику дневника как фиксатора событий.

А. Т. Агеева (Ин-т истории СССР) посоветовала при переработке доклада в статью очертить круг источников уже в самом начале работы, попытаться обстоятельнее выяснить, на какие художественные направления ориентировались авторы дневников, отражались ли новейшие искания в литературе конца XIX — начала XX в., например декадентство, на стиле дневников.

А. Н. Копылов (Ин-т истории СССР) подчеркнул, что доклад произвел заметное впечатление. Это интересная тема, заслуживающая всяческого внимания. Автор выявил большой круг источников. Удалось показать специфику дневников, их отличие от других источников. Но возник и ряд вопросов. По-видимому, преимущественное внимание следовало бы обратить на дневники историков-профессионалов. В историографической части нужно было специально отметить, какие уже предпринимались шаги в изучении дневников, тогда яснее выделится бы новизна и ценность работы. В области систематизации дневников, по мнению *А. Н. Копылова*, нужно было подойти источниковедчески: сгруппировать и рассмотреть дневники по признаку их источниковедческого значения. Об этом можно было сказать в первой части выступления, а во второй — дать характеристику наиболее ярких дневников, отметить их специфику. Если говорить о типологии дневников, то предпочтительнее все-таки группировка их по признаку общественно-политических взглядов авторов. Выявление специфики дневников историков, конечно, трудная, но благодарная задача; в этом плане важнейшую роль приобретает тщательное исследование состава источников.

24 марта на совместном заседании Археографической комиссии и сектора источниковедения истории СССР доктёрского периода Института истории СССР АН СССР состоялось выступление академика *Б. А. Рыбакова* с докладом «Миниатюры Радзивилловской летописи».

Открывая заседание, *С. О. Шмидт* отметил плодотворность давней практики работы разных структурных подразделений АН — обсуждения докладов на совместных заседаниях.

Б. А. Рыбаков в начале выступления напомнил об историографической традиции изучения Радзивилловской летописи (далее: РЛ) ответственными филологами, археологами, искусствоведами — *А. А. Шахматовым*, *А. В. Арциховским*,

О. И. Подобедовой и другими — и уточнил тему своего доклада, назвав его «Миниатюры Радзивилловской летописи и проблемы лицевого летописания». По своему составу РЛ близка Лаврентьевской летописи и Владимирскому своду. Еще *Д. В. Айналов* и *А. В. Арциховский* высказывали предположение о том, что во Владимирском своде были какие-то лицевые материалы. Искусствоведы, начиная с *М. И. Артамонова*, изучая миниатюры РЛ, считали, что в XV в. миниатюры копировали и создавали не менее двух мастеров и, кроме того, был еще редактор, поправивший ряд миниатюр. Таким образом, был определен состав летописи в целом и наличие нескольких мастеров по миниатюрам. Но ощущалась потребность в сопоставлении миниатюр с текстом, в выяснении их соотношения. Этого до сих пор не было сделано, хотя мысль об этом высказывалась еще в рецензиях на работу *А. В. Арциховского* *Н. Н. Ворониным* и докладчиком. Проводилось сопоставление миниатюр с западноевропейскими хрониками, начатое работами *В. И. Сизова*. Были выделены готические черты архитектуры в некоторых миниатюрах РЛ.

Другой реалией, интересовавшей исследователей, было изображение пушек. Архитектурные элементы и изображения пушек являются как бы компасом в изучении миниатюр. К этому следует добавить изображение вооружения XV в. (двуручные мечи, щиты особой формы), определяемое совершенно точно. Особое значение в изучении миниатюр имеет и композиция, на которую искусствоведы не обращали внимания. Выделяются миниатюры с динамичной и статичной композицией. Такой подход позволяет понять, какие части летописного текста были иллюстрированы без архаических черт, когда миниатюры не были стеснены манерой предшественников, а какие копировались по старым образцам. Динамичные, полные бурного, подчеркнутого движения, насыщенные реалиями XV в. композиции, несомненно, относятся к этому времени.

О месте создания летописи в литературе имеются разноречивые, часто противоположные, точки зрения. *А. А. Шахматов* первоначально называл Смоленск, затем Северо-Суздальскую Русь. *А. В. Арциховский* относил создание летописи к Новгороду. *В. М. Ганцов* по лингвистическим данным подтвердил первоначальное определение *Шахматова*. *О. И. Подобедова* считает, что летопись создана московскими еретиками в конце XV в. Миниатюры дают ответ и на вопрос о месте создания РЛ. Владимирско-Суздальскому происхождению летописи противоречит целый ряд миниатюр. Если в основе РЛ свод Всеволода, то непонятно появление, например, миниатюр, где в сцене пленения Всеволода Большое Гнездо Давыдом Смоленским слуга заносит над головой Всеволода дубину.

Важным признаком для понимания миниатюр является соотношение текста и миниатюр, выяснение того, что иллюстрировалось, а что пропускалось. Так,

в описании движения Юрия Долгорукого в Киев, имеющегося и в миниатюре, на ней показана его остановка в Смоленске. На этом рисунке изображена и ротонда. Ротонды по раскопкам известны только в Киеве и Смоленске. Они появились не ранее XIII в., и художники могли их видеть. Изображение незначительных эпизодов, их отбор особенно наглядно показывают смоленские симпатии РЛ. К ним относится изображение под 1186 г. — приношение полочанами даров Давыду Всеволодовичу, с изображением двух городов, но с одной надписью, отмечающей только Смоленск. Эти факты показывают, что Шахматову не нужно было отказываться от своего первоначального определения. Оно было проверено лингвистически, а теперь и на материале миниатюр.

Еще один аспект в изучении миниатюр — выявление изображений, дополняющих текст летописи. На миниатюре, показывающей Переяславль-Русский и Игоря Ольговича в нем, отчетливо видны ворота города и надвратная церковь над ними. Реальность изображения подтверждается раскопками. На других миниатюрах изображается совещание Изяслава Мстиславича с венгерским королем, посылка боярина в княжеского съезда к Владимиру Галицкому, заключение мира с Ярославом Владимировичем. Этих событий в РЛ нет, но о них сообщается в Ипатьевской летописи. Кроме заимствований из других летописей, обнаруживаются и «сверхтекстовые» данные. На миниатюре об убийстве Андрея Боголюбского появляется женщина, княгиня, которая держит руку своего мужа. В тексте же самой летописи нет упоминания о княгине и держит она не правую руку, как о том сообщает летопись, а левую. То, что у Андрея Боголюбского была отсечена левая рука, подтверждается раскопками его захоронения.

Имеются миниатюры, связанные со «Словом о полку Игореве». Одна из них отличается динамичной, свободной композицией и изображением двуручного меча, что позволяет отнести миниатюру к позднему времени, к XV в. Привлекает одна необычная деталь. Изображен князь, стреляющий из лука, чего в действительности не могло быть, так как вооружение князя — меч и копьё, а из лука стреляли «молодые» стрельцы. Это поэтический образ, восходящий к описанию Всеволода, который «прыщет» стрелами. В тексте «Слова» к смоленским князьям обращена фраза «вступите господине во злато стремя», и миниатюра подчеркнута показывает это стремя и стремляного. Миниатюра о бегстве Игоря открывает и другие подробности. Только Татищев сообщает о том, что князь бежал «сам-пят». И на миниатюре изображено пять человек. Это говорит о том, что Татищев мог видеть рукописи, восходящие к РЛ или близкие к ней.

Еще один аспект в изучении миниатюр — выяснение того, что копировалось художниками по древним образцам. Здесь имеются дополнения к наблюдениям А. В. Архивского. В иллюстра-

ции легенды о белгородском киселе изображена корчага X в. Этот тип совершенно исчезает после монголо-татарского нашествия. Изображение меча Святослава совпадает по типу с мечами, найденными в Днепровских порогах, которые, по-видимому, принадлежали дружине Святослава. Под 996 г. представлена Десятинная церковь как одноглавая, с законами, а под 1015 г. она изображена с двумя башнями и аркадой. По современным данным, обстройка церкви была по времени, материалу и раствору близка к первоначальной постройке. Следовательно, можно констатировать, что Десятинная церковь обстраивалась ко времени, близкому 1015 г. Это показывает, что свод 997 г. очень достоверен и, очевидно, был и лицевым. Он был сложным по составу, кроме копий византийских миниатюр, в нем имелись и миниатюры местного происхождения. Полностью подтверждается мысль Шахматова о наличии свода Никона Тмутараканского. Подбор миниатюр для этой части РЛ вызывает это более выпукло и наглядно. Выделяются две линии — Ярослава Мудрого и Мстислава Тмутараканского, причем в отношении к Мстиславу заметен восхваляющий подход, а к Ярославу скорее отрицательный.

Чрезвычайно интересно столкновение разных по тенденциям рукописей, которые, очевидно, были у смоленских мастеров. Так, миниатюра, изображающая скрипторий Ярослава Мудрого, была заклеена другой, с изображением сына его Владимира в походе на Византию. Но этот поход был неудачным. Выбор эпизода для иллюстрации становится понятным, если учесть, что Владимир был отцом Мстислава. Миниатюры отражают и коллизии в отношениях между Никоном и Изяславом. В некоторых из них виден протооригинал, враждебный Изяславу. А иллюстрации о Печерском монастыре диссоциируют с основным текстом. Миниатюра о видении монаха в церкви — памфлет против Никона. По изображению церкви монастыря можно датировать время создания повести о Печерском монастыре. На первой миниатюре почти нет барабана, на второй — изображен уже купол. Известно, что церковь закончили, но не «свершили» в 1073 г., освящена она была только в 1089 г. Это позволяет датировать памфлет против Никона.

Свод игумена Ивана, выделенный Шахматовым, по-видимому, не был иллюстрирован, так как в этой части миниатюр нет. На материале миниатюр подтверждается и другой вывод Шахматова о том, что Повесть временных лет переделывалась Мстиславом Владимировичем. В нее ретроспективно введена миниатюра с рассказом об обыденном, мелком событии его молодости — сборе даней, поездке на княжение в Новгород, чему посвящена только одна строка в летописи. Других подобного типа миниатюр нет. Влияние Мстислава чувствуется и в изображении Любечского съезда, где изображен князь Святополк, которому напекает дьявол. Влияние Мстислава сказалось и

в начале летописи, где на рисунках предстает главным образом не Киев, а Новгород. В Новгороде работал особый скрипторий Мономахичей. При Мстиславе в миниатюрах появляются и новые архитектурные формы — кивории, маргинальные рисунки, дополняющие миниатюры и изображающие зверей, герольдов и др. В изображениях зверей открывается геральдическая символика. Изображения герольдов, которые трубят при победах над Ольговичами, относятся ко времени Ярополка.

В текст РЛ вошла фрагментарно и княжеская летопись Андрея Боголюбского. Четкие границы ее определяются двумя миниатюрами с изображением Владимирской иконы в качестве заставки и концовки. Сюжеты миниатюр местные, часто семейные. Летопись Всеволода Большое гнездо, т. е. Суздальский свод, по-видимому, не был иллюстрирован, за исключением нескольких миниатюр. Подводя итоги изучения, Б. А. Рыбаков подчеркнул, что исследование миниатюр РЛ в сопоставлении с текстом ее позволяет определить место ее создания, показать, что в руках смоленских художников было несколько десятков миниатюр, в рукописях, восходящих к X—XI вв. Конец рукописи оборван и принадлежал, вероятно, к отдельной лицевой рукописи. Здесь внимание летописца редко переходит к югу. Миниатюры в этой части были расположены в два столбца.

Выступление *Т. В. Николаевой* (ИА) было посвящено определению миниатюры с изображением Владимирской богородицы. Оно выполнено в киевской традиции, а не Андрея Рублева и, таким образом, восходит к оригиналу.

В. А. Кучкин (Ин-т истории СССР) отметил, что работа Б. А. Рыбакова над этой темой носит длительный характер и это дало убедительные результаты. Теперь можно с уверенностью говорить о том, что Татищев знал РЛ и при освещении вопросов истории Северо-Западной Руси следовал этой летописи. РЛ по структуре очень древняя, чему приводил примеры еще Шахматов. В ее основу положен старший и лучший список, чем в Лаврентьевской летописи. Примеры А. А. Шахматова и А. Н. Насонова согласуются с данными Б. А. Рыбакова о сохранении традиции летописания в Смоленске. Очень интересные выводы доклада, особенно для историка, его методика в плане комплексного изучения летописного текста, миниатюр и памятников материальной культуры.

Л. Л. Муравьева (Ин-т истории СССР) сказала, что ей самой посчастливилось ознакомиться с РЛ, исключительным памятником, лежащим у истоков национального летописания. Эту летопись изучают уже 250 лет. Труд Б. А. Рыбакова представляет новый этап в изучении летописи. Уже отмечалась его методика, сила богатого опыта, полученного при исследовании летописных текстов, с приемами из археологии, археографии, искусствоведения. Выводы доклада о смоленском происхождении РЛ представляются убедительными. Смоленск в XV в. —

крупнейший центр летописания. Это подтверждает и тот факт, что бумага летописи польского происхождения.

Б. М. Клоос (Ин-т истории СССР) сообщил, что он также обращался к изучению РЛ. Целью его было уточнение датировки летописи. Выяснилось, что ее можно датировать с 1485 до 1488 г. по филиграммам. Теперь уже можно будет провести сопоставление выводов Б. А. Рыбакова с палеографическими и другими данными. Но сейчас уже можно сказать, что не со всем сказанным в докладе можно полностью согласиться. Спорным является вывод о существовании лицевых рукописей уже в X в. По найденному Б. М. Клоосом списку РЛ, текст которого доходит до 1205 г., было проведено сопоставительное изучение, после которого можно говорить более точно о суздальском летописании. В начале XIII в. был создан Владимирский свод и, может быть, лицевые рукописи для сыновей Всеволода Большое гнездо. Во Владимире был использован свод Киевской летописи, доведенный до середины XII в., как и в миниатюрах.

Выступление *Л. П. Жуковской* (ИРЯ) было посвящено лингвистическим аспектам изучения РЛ. Она отметила, что в этой части великолепное исследование В. М. Ганцова остается практически единственной работой. Л. П. Жуковская обратила внимание присутствующих на то, что историки в своих исследованиях ставят знаки препинания не там, где нужно, текст летописи можно членил и по-другому.

Ю. П. Глашкова (Ин-т истории СССР) высказала мнение, что в батальных сценах миниатюр РЛ чувствуется художник, стоявший на уровне современных западноевропейских мастеров. Можно, по-видимому, говорить о их воздействии в середине XV в. на миниатюры летописи, что также говорит скорее в пользу смоленского происхождения РЛ.

Г. К. Вагнер (ИА) затронул проблему изучения Десятинной церкви, отметив, что вопрос ее строительства крайне запутан и многое не удастся проверить. То, что было сказано в докладе Б. А. Рыбакова, подтверждает точку зрения на более позднее построение церкви. Этот вывод имеет важное историческое значение. Сейчас подвергается сомнению представление о 25 куполах церкви, и в докладе представлены важные данные, свидетельствующие об отсутствии такого числа глав у Десятинной церкви.

С. О. Шмидт выделил источниковедческую линию доклада. В течение десятилетий Б. А. Рыбаков возвращался к этой теме, обогащенный своим личным опытом и наблюдениями других исследователей. Современный сивтетический подход в источниковедении особенно удачно представлен в лице докладчика-археолога, летописевода, искусствоведа и лингвиста. Сейчас познаны значение конкретных «мелочей». Противоречие или согласование этих «мелочей» становится чрезвычайно важным для датировки и локализации памятников. Можно с уверенностью говорить о наличии несколь-

ких лицевых летописей и редактировании их. «Понимание летописное» отразилось и в тексте, и в миниатюрах. Летописец был читателем и знал больше, чем это иной раз запечатлевалось в основном тексте, но это находило отражение в миниатюрах. Представлены свидетельства и об ассоциативности образа мышления мастеров далекого прошлого. Процесс образования Российского централизованного государства шел в напряженной борьбе не только политических сил, но и культурных влияний. Можно предположить, что Смоленск выступал в качестве одного из хранителей русской культуры, считая себя наследником киевской традиции, православия. Этим может быть объяснен факт появления в Смоленске летописей, для того времени очень дорогостоящего дела. Доклад вызвал интерес всех присутствующих и единодушные пожелания опубликовать книгу, посвященную этой тематике.

В заключительном слове *Б. А. Рыбаков* сообщил, что в предстоящем издании РЛ целый том будет посвящен ее текстологическому, палеографическому и т. п. изучению, поэтому его задачей было проанализировать миниатюры летописи в связи с ее текстом. В обсуждении был высказан ряд вопросов, выходящих за рамки доклада, и ряд ценных соображений о развитии Владимирского летописания, изучении филиграней, о заключительной части летописи.

5 мая на заседании Археографической комиссии обсуждался доклад *В. П. Козлова* (Ин-т истории СССР) «Н. М. Карамзин — археограф. (К изучению творческой лаборатории историка)».

Докладчик поделился наблюдениями, возникшими в процессе работы по выявлению всех использованных Н. М. Карамзиным исторических источников и установлению их современного местонахождения. Издание источников в труде Карамзина, крупнейшего представителя дворянской историографии, почти не привлекало внимания исследователей. В то же время эти публикации стали важной страницей в истории отечественной археографии первой четверти XIX в. Охарактеризовав основные группы источников «Истории государства Российского», критерии их отбора для помещения в «Примечаниях», способы передачи их содержания, элементы археографического и полиграфического оформления и другие особенности, докладчик на конкретных примерах показал тесную связь публикаций источников с основным текстом, с историко-политической концепцией Карамзина. Передачу текстов источников полностью, в пересказе, в виде «сводов» по определенным вопросам, с пропусками и т. п. Карамзин подчинил своим представлениям о событиях отечественной истории. Пропуски в тексте нередко связаны со стремлением историографа скрыть факты, противоречившие его концепции. При анализе принципов публикации им источников, обращает на себя внимание отражение в них литературной позиции историка, его взглядов на прошлое и современное состояние русского языка,

на его будущее развитие. Установленные особенности публикаций источников в «Примечаниях» к работе Карамзина могут стать основой для выявления корпуса источников, использованных в труде его и для реконструкции не дошедших до нас памятников. Публикации источников в составе «Истории государства Российского» обогатили источниковую базу исторической науки и одновременно отразили основные тенденции развития отечественной археографии.

В. П. Козлов пояснил смысл использованного им образным определением «текстологические лукавства» для характеристики методов Карамзина. Понимая необходимость строго научных методов публикации источников, историк в своей работе исходил из прагматических соображений, подчиняя и «Примечания» общим задачам своего труда. Историограф публиковал источники как по оригиналам, так и по копиям, снятым другими лицами, что сказалось и на передаче текста. В сочинении Карамзина трудно выделить четкую иерархию форм публикации источников. Изучение приемов работы Карамзина может пригодиться и при научном переиздании «Истории государства Российского».

В выступлении *И. В. Левочкина* (ГИМ) отмечалась интересная постановка вопроса в докладе, само появление которого, несомненно, связано и с возросшим вниманием к личности и трудам Карамзина. При доработке ряда положений доклада нужно более детально их аргументировать. Оценка подхода Карамзина к источникам, отбору их для использования имеет объективную сложность, обусловленную классовыми позициями официального историографа. Но одновременно «История государства Российского» была смелым произведением. Поэтому в оценке тенденциозности подхода Карамзина к источникам следует проявлять осторожность, иначе можно прийти к отказу от признания научного значения его труда.

Э. И. Ханпира (ВНИИДАД) остановился на оценке отношения Карамзина к фактам, которые иногда им жертвовались в угоду концепции, и отметил, что докладчик имел право использовать образные выражения, характеризующие подобное отношение, так как они не претендуют на статус термина. Он критически отнесся к той части доклада, в которой говорилось о роли Карамзина в реформе русского языка.

О. А. Князевская (Археографическая комиссия) в споре с предшествующим выступавшим подчеркнула, что нельзя недооценивать вклад Карамзина в развитие русского литературного языка, так же как и других крупнейших писателей и поэтов его времени.

В. А. Черныш (Археографическая комиссия) положительно отнесся к замыслу докладчика установить комплекс использованных Карамзиным источников. Это имеет научное и практическое значение в плане историографии и архивоведения, для установления того, что

знал, как понимал и где находил источники Карамзин.

С. О. Шмидт отметил важность темы доклада, находящейся на стыке археографии и источниковедения, новаторский подход при определении вклада Карамзина в развитие археографии. Изучение круга использованных источников, научного их понимания, интерпретации и передачи содержания памятников, реконструкция содержания погибших источников лежат в русле традиций исследований, заложенных С. Н. Валком. В докладе анализируется подход Карамзина к источникам. Несомненно значение проделанной работы в плане возможной подготовки академического издания «Истории» Карамзина. Трудность изучения «Примечаний» в том, что они не являются публикацией в строгом смысле по современным представлениям, а приложением к труду Карамзина, его частью. В характеристике подхода к источнику историографа следует учитывать, что требования «текстологической чистоты» появились значительно позднее. Но, оценивая методы Карамзина, следует подумать и о соответствующих терминах. Нужно поддержать попытку докладчика найти отражение взглядов Карамзина и в «Примечаниях». Карамзин, как известно, сыграл огромную роль в развитии лексики русского языка и языка как инструмента мышления. Это, конечно, сказалось и на его труде. При переработке доклада в статью желательно сохранить его постановочный характер и учесть поднимавшиеся на обсуждении вопросы.

В заключительном слове *В. П. Розлов* остановился на проблеме субъективного и объективного в «Истории государства Российского» и в «Примечаниях» к ней. Обсуждение этого вопроса возникло сразу же после издания труда Карамзина в работах Арцыбашева, Лелевеля, Вяземского и др. Субъективность его, связанная с концепционной, которой все подчинялось, ставилась Карамзину в заслугу Вяземским.

Подводя итоги заседания, *С. О. Шмидт* обратил внимание на то, что спор о месте источника в исследовании, методах его использования проходит через всю историческую науку XIX в. Он имеет значение и сейчас, так как историческая база исследований всегда фрагментарна и нередко историкам приходится домысливать недостающие звенья, строить гипотезы.

31 мая состоялись традиционные Тихомировские чтения, посвященные 90-летию со дня рождения академика Михаила Николаевича Тихомирова².

7 декабря состоялось научное заседание «Предварительные наблюдения над памятниками письменности, хранящимися в Пантелеймонове монастыре на Афоне».

Открывая заседание, *С. О. Шмидт* сказал, что интерес к памятникам прошлого в нашей стране, к их охране и науч-

ному использованию, составляющий характерную черту нашего времени, распространяется и на памятники, находящиеся за рубежом. Известна, например, в этой области большая деятельность Главархива СССР, благодаря которой многие памятники и целые фонды в подлинниках и копиях были привезены в СССР. В настоящее время в глазах специалистов все большее научное значение приобретают памятники традиционной письменности, в том числе и церковного происхождения. Свидетельство тому — работа многих ученых над «Сводным каталогом славяно-русских рукописей», первый выпуск которого, включающий рукописи XI—XIII вв., сейчас выходит в свет и уже получил положительные оценки научной общественности. В этой связи понятен интерес и к собраниям Афона. Вопрос о восстановлении отечественной традиции изучения памятников афонских монастырей поставили грузинские ученые. В начале 1982 г. «Литературная газета» провела беседу «за круглым столом», на которой обсуждался и вопрос о памятниках собрания русского Пантелеймонова монастыря. АН СССР, ее Отделение истории, Национальный комитет историков СССР, Министерство культуры СССР, Совет по делам религий при Совете министров СССР при участии издательского отдела Московской патриархии разработали программу работы и план подготовки альбома о Пантелеймонове монастыре и его собраниях, в связи с выходом аналогичных изданий о других монастырях Афона. Для изучения памятников на Афон выехала группа специалистов.

Присутствующим на заседании были продемонстрированы слайды, сделанные для альбома «Пантелеймонов монастырь на Афоне» *В. П. Казанцевым*.

Первым из членов группы, побывавшей на Афоне, выступил *А. А. Турилов* (АК), отметивший, что до поездки славянское собрание Пантелеймонова монастыря во многом представлялось загадочным, так как отсутствовало его полное описание, а существующая литература приводит разноречивые данные. В работах *А. А. Дмитриевского* (1912) говорилось о наличии около 300 славянских рукописей, в альбоме-каталоге иллюминированных рукописей Афона (1976) называлась цифра — 600, а в каталоге профессора *А.-Э. Тахиаоса* (1981) описано 74 рукописи. Первоочередная задача заключалась в том, чтобы составить ясное представление об объеме и характере собрания.

В процессе работы в библиотеке и других помещениях монастыря было выявлено 84 славянские рукописные книги (включая фрагменты) XIV—начала XX в., не вошедшие в каталог профессора Тахиаоса. Общее число славянских рукописей (вместе с Синодиком 1705 г., хранящимся в сейфе ризницы монастыря) составляет 158 книг и фрагментов XIII—начала XX в., из них 20 пергаменных. Находка рукописного инвентаря славянского собрания позволила установить происхождение печатного известия

² См. наст. изд.; см. также: СА, 1984, № 1.

о 600 рукописях библиотеки. В это число были включены, помимо рукописей, переплетенные архивные материалы издательского характера. В настоящее время можно говорить, что собрание славянских рукописей Пантелеймонова монастыря занимает третье место по количеству рукописей после сербского Хиландарского (830) и болгарского Зографского (320) монастырей. От последних оно отличается тем, что формировалось не исторически, в течение столетий, а было собрано во второй половине XIX — начале XX в. В. И. Григорович, посетивший русский Пантелеймонов монастырь в 1843 г., видел в это время всего лишь шесть рукописей. Начало собрания было положено библиотекарем иеромонахом Азарией, а большую часть рукописей приобрел его преемник, иеромонах Матфей, названный Дмитриевским «русским самородком». В целом собрание составлялось путем покупки рукописей на Афоне, в России и, возможно, на международных аукционах. Некоторые рукописи были пожертвованы.

Большинство славянских рукописей Пантелеймонова монастыря было описано членами группы на месте, в отдельных случаях (преимущественно это относится к отрывкам) были собраны материалы для последующего описания.

Среди хранящихся рукописей древнейшая — «Драгьино евангелие» болгарского происхождения XIII в. Старейшая рукопись восточнославянского происхождения — евангелие середины XVI в. Из русских рукописей исторического содержания наиболее ранний памятник — «Летописец начала царства» в списке середины XVII в., принадлежавший Очидным-Плещеевым. Можно назвать также летописный свод 1652 г., в списке середины XVIII в., две разрядные книги пространной редакции XVII в., одна из которых была пожертвована в библиотеку, сборник родословных и летописных статей рубежа XVII—XVIII вв., ряд житий XVI в., в списках XVIII в., и ранний список (30-х годов XVII в.) «Хождения Трифона Коробейникова». Южнославянская часть собрания более значительна. Одна из наиболее интересных находок — два черновика сербских хрисовулов XIV в. в греческой рукописи «Слов» Анастасия Синаита 1347 г., кроме того, можно отметить список хроники Григория Амартола 1387 г. Найденные исторические материалы были в основной своей массе ксерокопированы.

Каталог библиотеки монастыря погиб при пожаре 1968 г., поэтому трудно судить о составе ее в целом. Справочники насчитывают 25 тыс. томов, но на самом деле книжный фонд, по-видимому, больше. Библиотека содержит значительное число славянских и греческих старопечатных книг, с которыми не удалось ознакомиться в полном объеме из-за недостатка времени. Был составлен инвентарь на 114 книг XVI—XVIII вв., хранящихся в двух шкафах. Среди них имеются валахские, венецианские издания 1540—1570-х годов. Самое старое из восточнославянских изданий — Новый завет, изданный в Ост-

роге в 1580 г., включающий «Книжку вещей нужнейших». Имеются и другие редкие издания: Дерманский Октоих 1604 г., Евангелие 1600 г., виленской типографии Мамоничей. Большой фонд и московских, украинских, а также старообрядческих и униатских изданий. А. В. Лебедев обнаружил глаголическое издание Мисала (Рим, 1632 г.), происходящее из западноевропейской коллекции. Около 200 томов старопечатных изданий XVI—XVIII вв. насчитывает библиотека скита Ксилургу.

Вступление другого члена группы Н. В. Тиложирова (ОР ГБЛ) было посвящено древнейшим рукописям библиотеки. Отмечалось, что в них имеется ценный материал о культурных связях народов Балканского полуострова между собой и с восточными славянами. В месяцеслове Драгьина евангелия болгарского извода, например, есть памяти русским святым и праздникам. В Минее служебной находятся краткие жития, в том числе Саввы Сербского, ранний список службы Константину Философу. В этой связи большой интерес представляют и памятники собственно церковного происхождения, литургические рукописи, прежде всего в типологическом отношении. Это ряд Октоихов, не встречавшихся ранее в таком составе, сборник апостольских и евангельских чтений и др. И в этой части собрание рукописей предстает более значительным, чем по каталогу Тахиаоса, в котором допущен ряд неточностей при определении рукописей и их датировке. Описанные памятники важны и для лингвистов, особенно для акцентологов, так как содержат ярко выраженную систему ударений в рукописях XIV в. Рукописный сборник служб Пантелеймону отличается от известных. Одна из этих служб билингва — написана на греческом и славянском языках (сербского извода). Следует отметить, что многие памятники находятся в плохом физическом состоянии: на одних имеется плесень, тексты пергаменных рукописей выцветают. Необходимо их реставрация.

А. В. Лебедев (ИФ) рассказал о работе с собранием греческих рукописей, насчитывающим 1300 рукописей. Оно занимает четвертое место на Афоне. Большой объем собрания изменил задачи работы по сравнению со славянской частью. Была проведена проверка наличия. Составление инвентарной описи было облегчено тем, что обнаружился монастырский инвентарь. В греческом отделе собрания отсутствует какой-либо порядок. Одна из первоочередных задач будущей работы с греческими рукописями — наклеить инвентарные номера, так как поиск рукописей без этого очень затруднен. Сравнение рукописного описания собрания Порфирия Успенского (архив ЛОИИ) и печатного С. Ламброса (1900) показало, что за прошедшее время произошли некоторые изменения. По последнему описанию в библиотеке значилось 1027 греческих рукописей. В 1924 г. было продано три пергаменных кодекса. 56 бумажных кодексов, в большинстве своем XIX в., сгорело при пожаре. Помимо потерь,

имеются и существенные прибавления — 300 кодексов, из них 6 пергаменных X—XIV вв. Всего насчитывается 103 пергаменных рукописи IX—XIV вв.: 3 лицевых (два евангелия и Слова Григория Богослова), один палимпсест VII в. — сборник житий. Среди рукописей на бумаге исключительно интересны автографы епископа Максима Маргуня рубежа XVI—XVII вв. В фонде хранится большое количество музыкальных рукописей XVI—XIX вв.

Руководитель группы *А. И. Просвирнин* («Журнал Московской патриархии») рассказал, что состояние памятников Пантелеймонова монастыря вызвало озабоченность еще в начале 1970-х годов. Работа группы продолжила традиции изучения памятников на Афоне, прежде всего трудами Порфирия Успенского, роль которого представляется все более значительной, а описание его более глубоким, чем Ламброста. По замечаниям Успенского были сделаны ксерокопии, к которым были прибавлены копии обнаруженных листов с записями. Дальнейшая задача — продолжить работу и над материалами наследия ученого, шире ввести их в современную науку. Собранные группой материалы будут переданы в БАН СССР, где хранятся материалы, привезенные Успенским. В материалах архива XIX—начала XX в. освещается история складывания коллекции. Выясняется, что иеромонах Матфей получил хорошую школу, прежде всего в общении с русскими учеными, работавшими на Афоне. Об этом свидетельствуют и интереснейшие альбомы с их автографами. Заслуживает внимания и другая сторона деятельности Матфея — издательская. Типографский архив монастыря сгорел, но сохранился издательский. В нем хранятся оригиналы издававшихся книг, рукописи, по которым видно, какие изъятия были сделаны при подготовке изданий чиновниками дореволюционной России. Обнаружен и ряд неизданных рукописей, например *А. А. Дмитриевского*, большая переписка с русскими учеными. Научные сотрудники, используя богатейшее наследие русской дореволюционной науки, доказали, что очень высок и уровень современной отечественной науки.

Изучение памятников письменности Афона имеет значение и в связи с исследованием отечественной культуры и письменности и взаимосвязей их с культурой балканских народов. По-видимому, нужно поставить для научных исследований тему «Афон и Россия», рассмотреть и давние связи между ними и многочисленные памятники, привезенные с Афона, начиная с XVI в., и работу многочисленных русских ученых на Афоне, таких, как Порфирий Успенский, В. И. Григорович, Антонин Капустин, *А. А. Дмитриевский* и др. Опыт работы показал необходимость организации следующей, уже собственно научной группы и установления более тесных связей с греческими учеными. Патриарший институт патристических исследований микрофильмовал славянские рукописи из малодоступ-

ных собраний, например из афонского Павловского монастыря. Некоторые из этих микрофильмов группа получила. В институте имеется единый каталог, по которому можно заказывать микрофильмы и в будущем. Необходимость развития научных связей обуславливается еще и тем, что в Греции существуют планы описания рукописей всех собраний Афона, в том числе и славянских, с привлечением только ученых Запада. Естественно, что в этой работе должны принять участие не только американские и западноевропейские слависты, но и отечественные ученые. Работа группы вызвала интерес у греческих ученых, у Ассоциации славистических исследований, возглавляемой профессором Тахиаосом. В Центре византийских исследований членам группы побывать не удалось.

Выступления участников поездки на Афон вызвали большой интерес и многочисленные вопросы присутствовавших на заседании: *Е. В. Чистяковой* (УДН), *Н. М. Митряковой* (ААН), *Т. В. Николаевой* (ИА), *М. В. Бибикова*, *С. М. Кашианова* (Ин-т истории СССР), *С. О. Шмидта*.

В прениях выступила *О. А. Князевская* (Археографическая комиссия), оценившая работу группы как важное и интересное событие научной жизни. Описания и анализ памятников Пантелеймонова монастыря еще раз убедительно показывает тесные связи между славянскими народами Балканского региона. Особое значение имеет, конечно, Драгыно евангелие и замечания о нем *Н. Б. Тихомирова*, который справедливо подчеркнул также, как мало исследованы месячные записи и как много они дают для истории межславянских контактов. Нужно еще отметить и важную работу группы по разбору и атрибуции около 30 найденных ими пергаменных отрывков.

Б. Л. Фонкич (ИВИ) сказал, что, несмотря на ограниченность первоначальной задачи, результаты работы группы оказались значительными. Афон занимал заметное место в истории России, и многие рукописи в отечественных хранилищах происходят с Афона. В этом и заслуга десятков русских исследователей. В монастырских хранилищах на Афоне можно будет найти еще интересные памятники. Очень ценен тот факт, что удалось выявить значительное число новых греческих рукописей, по сравнению с каталогом Ламброста. Особый интерес представляет сборник XVI в., начатый известным писцом Николаем Хониатом в Венеции и законченный Маргунием, что позволяет теперь совершенно определенно говорить об их контактах. Среди найденных фрагментов важен в палеографическом отношении отрывок, происходящий из константинопольского скриптория монаха Ефрема середины X в. Важны также материалы XIX—начала XX в., рукописи школы Паисия Величковского, житие и службы Антония Печерского.

М. В. Бибиков (Ин-т истории СССР) поддержал высокую оценку работы группы и остановился на том, какое значение имеет изучение книжных собра-

ний Афона для исследования истории Византии и русско-греческих связей. Важна вся проделанная группой работа, включая техническую. Описание собрания поможет заказам советских ученых микрофильмов и микрофишей в Центре византийских исследований в Париже. Поздние рукописи представляют самостоятельный интерес своими многочисленными владельческими и другими записями, которые показывают путь рукописей, историю складывания библиотеки и др.

С. М. Каштапов (Ин-т истории СССР), высоко оценив сам факт возобновления исследований на Афоне, подчеркнул многоаспектность интереса ученых в этой области. Заслуживает внимания и сложная судьба самого Пантелеймонова монастыря, пережившего эпохи расцвета в период средневековья, в конце XIX—начале XX в. и периоды упадка. Среди описанных материалов несомненное значение имеют и актывые источники: русские, молдавские, валахские и др., публичные и частные. Они в большинстве своем уже опубликованы, поэтому встает вопрос об их факсимильном издании, которое позволит глубже их исследовать и даст полноценный источник для тех советских исследователей, которые не смогут побывать на Афоне.

Н. М. Митрякова (ААН) поздравила участников с успешной работой, напомнила о необходимости отразить разные стороны деятельности группы с той целью, чтобы документы об этой поездке, которые поступят на государственное хранение, содержали полноценную информацию о результатах проделанной работы. Подчеркнув важность предварительного изучения и использования архивных источников, как это показал опыт группы, она выразила готовность архивистов и дальше помогать при организации подобного рода научных исследований.

Закрывая заседание, *С. О. Шмидт* отметил, что группа, работавшая на Афоне над подготовкой материалов для альбома о Пантелеймонове монастыре, добилась значительных научных результатов. Учитывая недавний опыт описания рукописей и старопечатных книг собрания Вологодской области и некоторых других районов нашей страны, можно, по-видимому, говорить о своеобразной форме современных археографических экспедиций. Они напоминают о том этапе археографической деятельности в России начала XIX в., который привел к образованию Петербургской археографической комиссии в 1834 г. Сравнивая работу дореволюционных ученых и наших современников, наглядно убеждаемся в том, какой значительный путь прошла археография и как расширились ее связи со смежными научными дисциплинами.

Хочется надеяться, что первая поездка будет началом возрождения традиции работы русских ученых на Афоне, как об этом многие говорили на заседании. Выкристаллизовалось несколько научных проблем. Первая заключается в том,

что организация научных изысканий, имеющих давние традиции, имеет важное условием для успешной работы предварительное ознакомление с архивными материалами, как это сделали участники группы. В этом плане особенно велико значение детального исследования неопубликованного научного наследия русских ученых, ранее занимавшихся этими рукописями, и проверки на месте их археографических наблюдений.

Перерыв в изучении Афона отечественной наукой позволил недоброжелательно относящимся к нам зарубежным ученым утверждать, что памятники Афона, в том числе и славянские, можно исследовать без участия советских ученых. Работа группы убедительно опровергает эти заблуждения. История Афона — важная и многоаспектная научная проблема. В ней соединяются роль Афона в прошлом России, его воздействие на русскую культуру и обратное влияние, взаимодействие славянских народов, русско-греческие отношения и т. п. В рамках разработки этих проблем полезно рассмотреть и составление «Афоники» — собирание библиографических сведений. Нужно поддержать и изучение памятников позднего времени, начиная с XIX в., которые могут содержать тексты, утраченные за прошедшие десятилетия. Кроме того, как уже говорилось, поздние рукописи позволяют выявить пропуски и искажения в печатных текстах.

Опыт работы группы показывает необходимость установления более тесных связей с зарубежными учеными и научными центрами, особенно в Салониках и Париже. Еще одна важная проблема — при продолжении исследований на Афоне — сохранение памятников, их реставрация на месте или, при появлении такой возможности, в учреждениях АН. Как известно, реставрационные работы в нашей стране производятся на высоком уровне.

АН СССР и академик-секретарь Отделения истории С. Л. Тихвинский проявили и проявляют большую заинтересованность в результатах работы группы и в перспективах ее продолжения³. Материалы, привезенные группой, станут достоянием научной общественности. Имеется договоренность о создании в ОР БАН своеобразного «Депо манускриптов» Афона, в котором будут концентрироваться привезенные копии материалов, описания рукописей. Сейчас первоочередная задача — составление квалифицированного описания всех привезенных копий.

В. Ю. Афиани

³ *Тихвинский С. Л.* Задачи исторической науки по реализации решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. — ВИ, 1984. с. 15.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Латинские рукописи V—XII вв. Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: Краткое описание для сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. (Археографи-

ческая комиссия АН СССР; БАН, ГПБ)/ Сост. Е. В. Бернадская, Т. П. Воронова, С. О. Вялова; Редкол.: Т. П. Воронова, К. В. Лютова, С. О. Шмидт (отв. ред.), Л., 1983. Ч. 1.

НАУЧНОЕ СОВЕЩАНИЕ В ВОЛОГДЕ «ОХРАНА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ»

7—9 июня 1983 г. в Вологде состоялось научное совещание, организованное секцией документальных памятников Центрального Совета ВООПИК, Вологодским областным отделением ВООПИК, Археографической комиссией и ее Северным отделением.

На совещании было заслушано 26 докладов и сообщений. Выступили с докладами: С. О. Шмидт (секция документальных памятников ЦС ВООПИК) «Работа секции документальных памятников Центрального Совета ВООПИК», А. А. Курносов (Археографическая комиссия) «Научно-методическая помощь ВООПИК и Археографической комиссии АН СССР музеям, работающим на общественных началах», П. А. Колесников (Северное отделение Археографической комиссии) «Деятельность Вологодского областного отделения ВООПИК и Северного отделения Археографической комиссии АН СССР по выявлению, учету, собиранию и использованию исторических документов (от периода феодализма до наших дней)», А. А. Амосов (БАН) «Опыт научного описания документальных памятников, хранящихся в музеях Вологодской области», Н. И. Баладин (ВГПИ) «Опыт публикации документов по истории Великой Отечественной войны», Ю. С. Васильев (ВГПИ) «Полевые археографические исследования на Севере РСФСР». В выступлениях представителей секций документальных памятников областных отделений ВООПИК, сотрудников других государственных и общественных орга-

низаций в центре внимания были вопросы координации, организации обмена опытом, помощи ведущих научных центров работающим на местах. На совещании выступили: А. А. Александров (Удмуртское республиканское отделение ВООПИК), А. М. Блинов (Ленинградское отделение ВООПИК), М. А. Ильин (Архивный отдел Калининского облисполкома), Т. В. Чарторицкая (ГГУ), А. Г. Букштынович и Л. В. Филиппов (ЦС ВООПИК), Н. В. Полянских (Владимирский обком ВЛКСМ), А. В. Фролов (журнал «Юность»), В. Д. Шмитков (ЦА ВЛКСМ), И. В. Поздеева (МГУ), Л. Н. Краснопевцев (Музей Московского станкостроительного завода им. Серго Орджоникидзе), Н. И. Решетников (ЦМР СССР), Е. М. Зенц (ГИМ), В. Е. Туманов (ЦГАМО), З. П. Иноземцева (Главархив РСФСР), Ю. Н. Жуков (Институт истории СССР), В. Ф. Козлов (МГИАИ), А. А. Севастьянова (ЯГУ), Л. Ф. Фомина (ЦДЭТС СССР) и А. И. Лаптев (ЦДЭТС РСФСР). Материалы совещания опубликованы¹. В рекомендациях совещания отмечена необходимость создания секций документальных памятников во всех местных отделениях ВООПИК, задачей которых является содействие государственным хранилищам в выявлении, организации учета и передаче личных архивов и коллекций.

¹ Охрана и использование документальных памятников истории и культуры. Вологда, 1984; СА, 1983, № 6.

В ОТДЕЛЕНИЯХ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Ленинградское

Вышли в свет два тома ежегодника «Вспомогательные исторические дисциплины». В т. 14 (отв. ред. Н. Е. Носов. Л., 1983. 310 с.) помещены статьи по текстологии, дипломатике, генеалогии, истории летописания, мемуаристике, эпиграфике, латинской палеографии. Том 15 (отв. ред. В. А. Шишкин. Л., 1983. 235 с.) содержит статьи, посвященные об-

щим теоретическим проблемам и историографии вспомогательных (специальных) исторических дисциплин, а также конкретным вопросам исторической географии, хронологии, геральдики, отечественной и западноевропейской палеографии. Особое значение имеют материалы, посвященные изучению мемуаров о В. И. Ленине и текстологии ленинских произведений.

15 ноября состоялось годовое заседа-

ние отделения, посвященное итогам археографических экспедиций 1983 г. и подготовке к 150-летию Петербургской Археографической комиссии. С сообщениями о результатах экспедиций выступили В. П. Бударагин (ИРЛИ), Г. В. Маркелов (ИРЛИ), А. А. Амосов (БАН), А. Г. Бобров (ГПБ), Н. В. Шухтина (ЛГУ), С. А. Якунина (ЛГУ), А. Н. Власов (ЛГУ). Доклад «Из истории организации Петербургской Археографической комиссии» сделала аспирантка ЛГУ М. Ф. Хартанович. Принято решение о проведении в конце 1984 г. совместного заседания Ученого совета ЛОИИ и Археографической комиссии АН СССР, посвященного 150-летию Петербургской Археографической комиссии.

Северное

Вышло в свет научное описание: Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 2. Книги кириллической печати (1564—1825 гг.) / Под ред. П. А. Колесникова. Вологда, 1983. (БАН, Северное отделение Археографической комиссии АН СССР; Вологодский гос. пед. ин-т; Управление культуры Вологодского облисполкома; Секция документальных памятников ВООПИК). Отв. сост. А. А. Амосов. Сост.: М. Ю. Алексеева, Б. Н. Морозов, В. В. Морозов, С. А. Морозов. Редкол. А. А. Амосов, Л. М. Воробьева, А. В. Камкин, В. Л. Карпова, Г. И. Проsvирин, Г. В. Судаков, С. О. Шмидт.

Каталог содержит информацию о 1778 книгах кириллического шрифта, хранящихся в девяти районных краеведческих музеях Вологодской области. Продолжается работа над последующими частями каталога.

Сдан в печать очередной выпуск «Северного археографического сборника», содержащий публикацию вновь выявленных в архивах сотник XVI в.

Продолжается работа по анкетированию сельских населенных пунктов Вологодской области. Ожидается получение более 9 тыс. анкет со сведениями по истории социалистических преобразований северной деревни. Создание фонда новых документальных источников имеет не только историко-археографическое, но и практическое значение при разработке планов социального преобразования села.

В июне 1983 г. Центральным Советом и Вологодским отделением ВООПИК, Археографической комиссией АН СССР и ее Северным отделением в Вологде проведено научное совещание по теме: «Охрана и использование документальных памятников истории и культуры»². В рамках этого совещания состоялось очередное годичное собрание Северного отделения Археографической комиссии, отметившего в 1983 г. 15-летие своей деятельности.

По итогам археографических экспедиций проведена конференция, на которой обсуждены сообщения руководителей отрядов. Рукописи и книги, поступившие в отдел редкой книги научной библиотеки УГУ, используются в учебном процессе и для пропаганды отечественной истории и культуры. Организованы две выставки новых поступлений; за год в музее книги УГУ проведено свыше 100 экскурсий. В декабре открылась выставка, посвященная 400-летию со дня смерти Ивана Федорова, к этой дате приурочена также научно-практическая конференция, на которой выступили с докладами шесть студентов, специализирующихся по археографии. Студенты — участники археографических экспедиций выступали также с докладами на конференции «Исследования Оренбургского края XVIII—XIX вв.» в Оренбурге, на научной студенческой конференции в Томске, на студенческой конференции в день историка на истфаке УГУ. В 1983 г. в УГУ защищены 3 дипломных и 26 курсовых работ с использованием документальных памятников, полученных в археографических экспедициях.

Уральское отделение Археографической комиссии продолжает планомерное обследование рукописных и книжных собраний, находящихся в архивах и музеях Урала. Обследованы собрания Государственного архива Оренбургской области, Курганского и Оренбургского областных краеведческих музеев, Березниковского, Соликамского и Чердынского краеведческих музеев Пермской обл. В ходе обследования описаны 240 рукописей, документов и старинных книг, оказана методическая помощь работникам архивов и музеев.

Результаты археографических исследований, осуществляемых Уральским отделением Археографической комиссии и археографической лабораторией УГУ, нашли отражение в межвузовском сборнике «Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала» (Свердловск, 1983). В нем опубликована, в частности, статья А. А. Амосова, В. П. Бударагина, В. В. Морозова, Р. Г. Пихои «О некоторых проблемах полевой археографии». Готовится к печати «Уральский археографический сборник».

В плане работ по комплексной программе «Духовная культура Урала» на 1983—1985 гг., утвержденном Минвузом РСФСР, предусмотрено продолжение археографического исследования Урала, дальнейшее пополнение фонда рукописных и старопечатных книг научной библиотеки УГУ, подготовка и публикация научных описаний собраний документальных памятников.

Южноуральское

В октябре 1983 г. в Уфе состоялось совещание по вопросам каталогизации и описания памятников восточной письменности Урала и Поволжья, организо-

² СА, 1983, № 6, с. 82—83.

важное Советским комитетом тюркологов, ИИЯЛ БФАН и Южноуральским отделением Археографической комиссии. В работах совещания приняли участие ученые Ленинграда, Ташкента, Душанбе, Казани и Уфы. Заместитель председателя Президиума БФАН, председатель Южноуральского отделения Археографической комиссии Р. Г. Кузеев отметил во вступительном слове, что за последние десять лет в результате деятельности башкирских археографов в ИИЯЛ БФАН собран фонд восточных рукописей, насчитывающий свыше 3 тыс. единиц хранения. Очередной задачей является его научное описание и каталогизация. Основной целью совещания является обмен опытом работы по каталогизации и описанию восточных рукописей, проводимой в научных центрах нашей страны.

Совещание приняло рекомендации, которые предусматривают, в частности, разработку схем описания тюркских рукописей Урала и Поволжья на основе опыта «Описания тюркских рукописей» ИВАН, факсимильное издание наиболее ценных памятников.

В журнале «История СССР», 1983, № 3 помещена статья И. М. Гвоздиковой и Р. Г. Кузеева «Южноуральскому отделению Археографической комиссии АН СССР — 10 лет».

Сибирское

Вышел из печати сборник «Рукописная традиция XVI—XIX вв. на Востоке России. (Археография и источниковедение Сибири)» Отв. ред. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 1983.

Закончено описание фонда рукописей ИИФФ СО АН СССР, составлено также первичное описание старопечатных книг XVII в. из этого собрания.

В апреле в Новосибирске проведена традиционная конференция молодых ученых, на которой сотрудники ИИФФ и студенты НГУ сделали ряд докладов по археографической тематике.

Сибирское отделение Археографической комиссии приняло участие в подготовке и проведении Общесибирской конференции по книговедению, состояв-

шейся в ГПНТБ СО АН. На секции древнерусской письменности, которой руководил В. Н. Алексеев, обсуждались, в частности, вопросы создания Сводного каталога сибирской книги и Сводного каталога славяно-русских рукописей Сибири и Дальнего Востока.

В декабре в Новосибирске состоялась научная сессия, посвященная памяти русского первопечатника Ивана Федорова. В ГПНТБ СО АН была развернута книжная выставка «Иван Федоров и его современники».

Секция восточной археографии

13 декабря 1982 г. состоялось совместное заседание Ученых советов ЛО ИВАН, ЛО ИА и Секции восточной археографии Археографической комиссии АН СССР, посвященное 60-летию образования СССР. Открывая заседание, председатель секции академик А. Н. Козонов отметил, что советское востоковедение встречает эту дату большими успехами. Национальная политика Советской власти нашла яркое воплощение в подготовке квалифицированных кадров для республик и областей Советского Востока, в оказании помощи при становлении отдельных отраслей востоковедной науки — языковедения, истории, источниковедения, археологии, археографии. Всесторонне укрепились связи ЛО ИВАН с востоковедными центрами Средней Азии и Закавказья.

С докладом «ГАИМК—ЛОИИМК—ЛО ИА и развитие археологической науки в республиках Средней Азии и Казахстана» выступил заведующий ЛО ИА чл.-кор. АН Туркменской ССР В. М. Массон. Заведующий ЛО ИВАН Ю. А. Петросян в докладе «Востоковеды ЛО ИВАН и востоковедение в республиках Средней Азии и Закавказья» подробно охарактеризовал участие ленинградских востоковедов в разработке и осуществлении научных программ совместных с республиканскими центрами исследований узловых проблем истории и культуры народов Средней Азии и Закавказья, в том числе проблем выявления, собирания, научного описания и публикации письменных памятников на восточных языках.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ 1983 г.

1. Полевые исследования кириллической книжной традиции

Древлехранилище им. В. И. Малышева ИРЛИ проводило полевые исследования в Латвийской ССР (Г. В. Маркелов, С. И. Николаев), Новгородской и Псковской областях (В. П. Бударгин, А. А. Цеханович). Археографы БАН (А. А. Амосов, Н. Ю. Бубнов, Л. А. Петрова) с участием студентов ЛГПИ и ВГПИ работали в Вологодской и на за-

паде Архангельской обл. После длительного перерыва возобновили экспедиции археографы ГПБ: А. Г. Бобров и В. С. Белоненко работали в Псковской обл.; А. Г. Бобров совместно со студентами ЛГУ под руководством Н. С. Демковой — в Придвинских районах Архангельской обл.

Археографическая группа МГУ должна комплексные исследования книжной традиции в Пермской обл. и прилегающем районе Коми АССР (руководи-

тель И. В. Поздеева, совместно с ПГУ); Москве и Московской обл. (И. В. Поздеева, Е. А. Агеева, Е. Б. Смилянская и др.); Молдавской ССР, Винницкой, Хмельницкой, Черновицкой и Одесской областях УССР (руководитель Е. Б. Смилянская), а также предприняла археографическую разведку в Пензенской, Ульяновской и Саратовской областях (руководитель Е. А. Агеева). С. Е. Никитина (ИЯ) продолжила работы по изучению устной и музыкальной культуры в районах традиционной старообрядческой книжности Удмуртской АССР и Свердловской обл.; отряд Л. А. Игошева провел музыкально-этические исследования в Нижнедунайских слободах и в традиционном районе Гуслиц Московской обл. Экспедиция ГБЛ (руководитель Ю. Д. Рыков) работала в Московской и Рязанской областях.

Сибирское отделение Археографической комиссии, объединяющее работу археографов ИИФФ СО АН, НГУ и ГПНТБ СО АН, провело экспедиции в Хабаровском крае и Амурской обл. (Н. Д. Зольникова, О. А. Савельева), Тюменской обл. (Л. В. Титова, Д. О. Серов), Приморском крае, Томской и Кемеровской областях (В. Н. Алексеев, Е. И. Дергачева-Скоп) и в Киргизской ССР (Н. Д. Зольникова).

В экспедициях Уральского отделения Археографической комиссии, организуемых лабораторией археографических исследований УГУ, приняты участие сотрудники Отдела истории Института экономики УНЦ АН, Пермской областной публичной библиотеки, Пермского областного краеведческого музея, Уральской государственной консерватории, Свердловского педагогического института. Их работа проходила на территории Свердловской, Пермской, Челябинской, Курганской, Кировской, Куйбышевской областей и Башкирской АССР (руководитель экспедиции В. И. Байдин, руководители отрядов — Н. Н. Барминская, О. К. Беляева, А. А. Гриненко, Н. А. Мудрова, М. И. Титовец, А. Т. Шашков).

Археографические экспедиции ГГУ (руководитель Т. В. Черторицкая), ЯГУ (А. А. Севастьянова), СГУ (Т. Ф. Волкова), Псковского объединенного музея-заповедника (Н. П. Осипова) работали в пределах соответствующих областей.

В ходе названных экспедиций получено 617 рукописей (XV в. — 1, XVI в. — 4, XVII в. — 12) и 267 старопечатных книг кириллической традиции (XVI в. — 10, XVII в. — 77).

Древлехранилище ИРЛИ пополнилось в результате экспедиций 258 рукописями (XV в. — 1, XVI в. — 2, XVII в. — 3). Наиболее результативной оказалась совместная экспедиция ИРЛИ, ГПБ и ЛГУ на Северную Двину. Основную часть находок этой экспедиции составляли рукописи из архива семьи Шестаковых — наследников переписчика и рисовальщика Н. П. Шестакова. Наряду с древнерусскими рукописными книгами, принадлежавшими этой семье, получены образцы книгописного искусства Н. П. Шестакова, обширная переписка отца и сына

Шестаковых, письма к ним других лиц. Всего с Северной Двины поступили в Древлехранилище 192 рукописи XVI—XX вв. Среди них Октоих конца XVI в., сборник хронографический 1680-х годов, Космография в списке 1763 г., заговоры пастушеские 1820-х годов, материалы по истории старообрядцев-филипповцев XVIII—XX вв. Латгалское собрание ИРЛИ пополнилось 50 рукописными книгами, в том числе Евангелием-тетр конц XV в. (получено в дар от Т. Е. Суходынцевой), Апокалипсисом толковым середины XVIII в. с 12 гравюрами, житием Петра и Февронии, сборниками духовных стихов, орнаментированными певческими рукописями XIX—XX вв. В Новгородской обл. получены 16 рукописей, в их числе Месяцеслов последней трети XVII в. с тропарями и кондаками русским святым.

В БАН поступили 38 рукописных книг и 9 печатных изданий, среди них Синодик XVII в., сборник трудов древнерусских и болгарских отцов церкви, тетради, содержащие Слово Кирилла Туровского. Полученные в ходе экспедиции документы нового времени (в том числе письма с фронта Великой Отечественной войны, архив одного крестьянина за 1932—1946 гг.) переданы в ВОКМ.

Экспедиция ГПБ получила в Псковской обл. 21 рукопись XVIII—XX вв. (в том числе полемический сборник конца XVIII в., сборник, включающий житие Варлаама Хутынского) и 3 старопечатные книги.

В научную библиотеку ЛГУ поступили 11 старопечатных книг, полученных совместной экспедицией ЛГУ, ГПБ и ИРЛИ в Архангельской обл., среди них — Апостол (М., 1597), Минея общая с праздничной (М., 1589), Патерик Печерский (Киев, 1678).

Научная библиотека МГУ пополнилась 87 рукописями (XVI в. — 1, XVII в. — 4) и 58 старопечатными книгами (XVI в. — 3, XVII в. — 29). В верхоях Лещеры получены 12 рукописей (среди них Личевая рукопись «Прения живота со смертью» местного письма и местный стиховник середины XX в.) и 7 старопечатных книг (в том числе Соборное уложение. М., 1649; Цветник инок Дорофея. Гродно, 1794 с записью 1796 г. о покупке книги в Соликамске).

В Москве и Московской обл. получены 10 рукописей и 9 книг (XVII в. — 5). Среди рукописей — Устав («Око церковное») 1689 г. с дополнениями XVIII—XIX вв., сборник с Апокалипсисом и Словом Паллады Мниха 60—70-х годов XVIII в., Переписная книга с. Чеберина Алаторского уезда 1726 г., крюковые рукописи XIX—начала XX в. гуслицкой и ветковской традиции.

Молдавско-Украинской экспедицией получены 38 рукописей (XVI в. — 1, XVII в. — 3) и 29 книг (XVI в. — 1, XVII в. — 15). Из рукописей наиболее интересны Евангелие-тетр середины XVI в. с четырьмя красочными заставками неовизантийского стиля, сборник чтений на избранные праздники середины XVII в., толковый иконописный

подлинник рубежа XVII—XVIII вв. и Устав 1640-х годов с восьмью заставками старопечатного стиля в красках и переплетом, современным рукописи; под переплетом обнаружены четыре полоски пергаменной рукописи XIV в. с нелитургическим текстом. В ходе археографических разведок в Поволжье получены 25 рукописей XIX—XX вв. и 14 книг (XVI в. — 2, XVII в. — 9). Из рукописей следует отметить список Поморских ответов с киноварными заголовками, 13 иллюминированных крюковых рукописей; среди книг — ряд изданий Московского печатного двора, многие из них с интересными вкладными записями.

Археографами ГБЛ получено 11 рукописей XVIII—XX вв., в том числе старообрядческий сборник конца XVIII в. со статьями из Пролога и апокрифическими словами Палладия мниха, Кирилла Александрийского и других о Втором пришествии, «Праздники» на крюковых нотах и с гуслицким орнаментом, Обиход-демественник конца XIX в., содержащий наряду с демественной нотацией песнопения, записанные знаменной нотацией древнеболгарского и путевого распевов.

Сибирские археографы получили в Тюменской обл. 17 рукописей XIX—XX вв., в том числе два списка канона Ангелухранителю Грозному воеводе, выписки из различных книг отцов церкви, сборники духовных стихов, а также печатный экземпляр декабрьской Минеи (М., 1635) с интересными владельческими записями первой половины XVII в. В Томской обл. получено 10 рукописных и старопечатных книг, наиболее ранние из них — издания Московского печатного двора начала XVII в. Из Хабаровского края и Амурской обл. привезено 5 рукописей XIX—XX вв. и 6 старопечатных книг (XVI в. — 2, XVII в. — 4). Из книг наиболее интересны Острожская библия хорошей сохранности с записью конца XVII в., Шестоднев (М., 1626), июньская Минея (М., 1627), Октай (М., 1638) с вкладными и владельческими записями. Из Приморского края получено 12 рукописей XVIII—XIX вв., в том числе список «Родословия часовенного соглашения», крюковые рукописи; фрагмент рукописи XVI в.; 9 кириллических изданий XVIII в. В г. Фрунзе получено 5 рукописей XIX—XX вв., среди них сочинение о распространении брачной поморщины в Поволжье в первой половине XIX в., духовные стихи, а также еще один экземпляр Острожской библии.

Уральской объединенной археографической экспедицией получено 112 рукописей (XVI в. — 1, XVII в. — 2) и 55 старопечатных книг (XVI в. — 2, XVII в. — 20). Среди рукописей Апостол второй половины XVI в. с киноварными инициалами и многочисленными записями XVII—XVIII вв.; сборник житий русских святых (конволют) конца XVII в.; Поморские ответы, список конца XVIII в.; из книг наиболее интересны Апостол (Львов, тип. Ивана Федорова, 1574) с записями XVII—XVIII вв., Острожская библия с записями XVI—

XVII вв., Апостол (Москва, тип. И. А. Невежина, 1606) с записями XVII—XIX вв.

В научную библиотеку ГГУ в результате экспедиции поступило 6 рукописных книг XVIII—XIX вв. и 50 старопечатных книг (XVII в. — 9). Среди рукописей — старообрядческий четый сборник (конволют) и список Поморских ответов.

Ярославская библиотека пополнилась 24 рукописями (XVII в. — 2) и 49 старопечатными книгами (XVII в. — 9). В числе рукописей житие Макария Египтянина, Страсти Христовы со сказанием о явлении иконы Толгской богоматери, старообрядческие сборники XIX—XX вв.; среди книг — две Псалтири (1649 и 1680), Часовник (1638).

В научную библиотеку СГУ поступило 18 рукописей XVIII—XX вв. и 6 старопечатных книг (XVII в. — 1).

II. Полевые исследования книжной традиции на восточных языках

Институт рукописей им. Х. С. Сулейменова АН Узбекской ССР провел шесть экспедиционных выездов на территории Узбекской ССР, а также в города Ош (Киргизская ССР) и Ленинабад (Таджикская ССР). Руководители отрядов: Б. Р. Хасанов, М. Хакимов, Х. Мухтаров и др. Институтом получены 259 рукописей и 257 литографированных книг XVI—XIX вв. Среди них рукопись исторического труда Хондемира «Равзатуссафа» в узбекском переводе, автограф поэта и каллиграфа Мухаммада Расул-Мирзы, рукопись 1585/86 г. «Джавахир ат-тавсиф», недатированный список тюркского перевода «Калилы и Димны», выполненный в Кашгаре в 1719 г. Мулла Мухаммад Темуром.

ИИЯЛ БФАН совместно с Южно-уральским отделением Археографической комиссии осуществил три экспедиции в Башкирской АССР и Свердловской обл. (руководители отрядов И. Г. Галаятдинов, М. Х. Идельбаев). В результате экспедиций в ИИЯЛ поступило 83 рукописи XVIII—XX вв. и старопечатные издания, исполненные арабским шрифтом на тюркских, арабском и персидском языках. Среди наиболее ценных находок — рукописная книга «Мухаммадийа» М. Чалляби, список поэмы «Кисса-и Юсуф» Кул Гали, список поэмы Саади «Гулистан», отрывок тюркской поэмы неизвестного автора XVIII в.; сборники касыдов, хикаятов, стихотворений и сказаний; записи историко-краеведческого и этнографического характера.

ИЯЛИ КФАН проводил полевые археографические исследования в Татарской АССР и Кировской обл. (руководитель экспедиции Ш. Ш. Абилов). Получено 257 рукописей XVII—XX вв. и 64 старопечатные книги. Среди рукописей наиболее интересны списки поэтических произведений Кул Гали, Саади, Физули, Ризаи, Маджлиси, список «Таварих-и Булгария», медицинские и юридические трактаты. Старопечатные книги проис-

ходят из библиотек историка Ш. Марджани и деда Габдуллы Тукая — Зиннатуллы Амирова.

Казанский ГУ организовал экспедиции в Саратовской, Томской, Иркутской областях и Татарской АССР (руководитель М. А. Усманов). В научную библиотеку университета поступило свыше 50 рукописей XVIII—XX вв., в том числе список стихотворений татарского поэта и ученого Утыз-Имяни, сборники по народной медицине, тетради шакирдов (учеников медресе) с фольклорными текстами. Значительное количество рукописных текстов по истории и культуре татарского народа выявлено в архивах, библиотеках и музеях Томска и Иркутска. С наиболее ценных материалов сняты фотокопии.

ИИЯЛ ДФАН проводил полевые исследования на территории Дагестана (руководитель А. Р. Шихсаидов). Приобретено 25 рукописей и 10 старопечатных книг, обнаружены и описаны два собрания рукописей и 8 собраний старопечатных книг, находящихся в личной собственности. В числе приобретенных и скопированных материалов — списки стихотворений дагестанских поэтов XIX в. Иырчи-Казака, Хасана ал-Алкадари, список астрономических таблиц Улугбека в копии дагестанца Дамадана из Мегеба.

Бурятский ИОН приобрел коллекцию тибетских рукописей и ксилографов Г. Гомбожапова, содержащую тексты 486 произведений.

В. Ч.

ВЛАДИМИР ТЕРЕНТЬЕВИЧ ПАШУТО
(1918—1983 гг.)

10 июня 1983 г. ушел из жизни выдающийся советский историк и организатор науки, коммунист, чл.-кор. АН СССР Владимир Терентьевич Пашуто, с именем которого связана новая страница в изучении отечественной истории¹.

В. Т. Пашуто родился 19 апреля 1918 г. в Ленинграде. В 1941 г. он окончил исторический факультет ЛГУ, прослушав также ряд курсов филологического факультета для более глубокого изучения источниковедческих проблем. В годы Великой Отечественной войны он находился на комсомольской работе. В 1945—1948 гг. он был аспирантом в Институте истории АН СССР и под руководством акад. Б. Д. Грекова защитил в 1949 г. кандидатскую диссертацию, вышедшую в 1950 г. отдельной книгой: «Очерки по истории Галицко-Волынской Руси». С 1948 г. научная деятельность В. Т. Пашуто неразрывно связана с Институтом истории (с 1969 г. Институтом истории СССР) АН СССР, где с 1969 г. он возглавил сектор истории древнейших государств на территории СССР, а с 1977 г. — также отдел истории докапиталистических формаций. В 1976 г. В. Т. Пашуто был избран чл.-кор. АН СССР.

Разносторонне и многообразно научное наследие В. Т. Пашуто². Им написано

¹ О нем. см.: Pašuta V. T. — *Mažoji Lietuviškoji Tarybinė Enciklopedija*. Vilnius, 1968, t. 2, с. 788; [О присуждения премии им. Б. Д. Грекова]. — ВАН, 1971, № 7, с. 131; *Шабуня К. И.* Пашуто Владимир Терентьевич. — Белорусская савецкая энцыклапедыя. Мінск, 1975, т. 8, с. 360; Пашуто Владимир Терентьевич. — ПИШ, 1977, № 2, с. 35—36; [Об избрании чл.-кор. АН СССР]. — ВАН, 1977, № 3, с. 38—39; *Лизачев Д. С., Нарочицкий А. Л., Щапов Я. Н.* К 60-летию чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. — История СССР, 1978, № 2, с. 239—242; *Нарочицкий А. Л., Нечкина М. В., Преображенский А. А.* 60-летие В. Т. Пашуто. — ВИ, 1978, № 4, с. 114—116; Пашуто Вл. Тер. — Сов. энцикл. словарь. М., 1980, с. 989; *Буганов В. И.* Труды В. Т. Пашуто по истории отечественного летоисчисления. — В кн.: Летописи и хроники, 1980 г. М., 1981, с. 207—214; Pašuta V. T. — *Lietuviškoji Tarybinė Enciklopedija*. Vilnius, 1981, t. 8, p. 504; Пашуто Вл. Тер. — Сов. энцикл. словарь. М., 1983, с. 975; *Jurginis J.* Netekome Lietuvos istorijos bičiulis; — *Literatūra ir menas*, 1983, N 26 (1908); Владимир Терентьевич Пашуто, 1918—1983 гг. — ВИ, 1983, № 10, с. 189; Памяти Владимира Терен-

тьевича Пашуто (1918—1983 гг.). — История СССР, 1983, № 6, с. 213—214; Памяти Владимира Терентьевича Пашуто (1918—1983 гг.). — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР, 1983 год. М., 1984; *Черепнин Л. В.* К 60-летию В. Т. Пашуто. — В кн.: Черепнин Л. В. Отечественные историки (XVIII—XX вв.): Сб. ст., выступ. М., 1984; *Новосельцев А. П.* Творческий путь В. Т. Пашуто. — История СССР, 1984, № 4.

² Список его трудов см. в наст. изд.

15 монографий, более 300 статей, очерков, рецензий по различным проблемам методологии и теории исторической науки, конкретно-историческим проблемам, источниковедению. Страстный полемист, В. Т. Пашуто не раз выступал с яркой и острой критикой, отстаивая принципы партийности советской науки, разоблачая попытки фальсификации истории России в буржуазной историографии (Реваншисты — псевдоисторики России. М., 1971; большое число статей и рецензий).

Работы В. Т. Пашуто отличаются широтой исследовательских проблем, их новаторской разработкой, неустанным вниманием к методологическим вопросам, образным и точным языком. Характерными особенностями его трудов было широкое применение сравнительно-исторического метода как основного способа познания истории, комплексный подход к разноязычным и разнотипным источникам. Самостоятельное, творческое изучение и осмысление огромного круга письменных памятников: летописей, актов, правовых памятников, иностранных хроник и анналов, исландских саг, сопоставление их данных с материалами археологии, топонимики, ономастики — такова была его исследовательская база.

Специальное изучение южнорусского летописания, осуществленное в монографии «Очерки по истории Галицко-Волынской Руси», позволило не только вычленив летописные известия, восходящие к галицким сводам, и отделить их от собственно-киевского летописания, показать их специфику и политическую ориентацию, но и дать в результате этого новую трактовку ряда вопросов истории юго-западной Руси XII—XIV вв.

Обратившись к проблеме генезиса классового общества, государства, феодальных отношений у народов Восточной Европы — центральной в его творчестве, В. Т. Пашуто в первую очередь изучает сотни памятников на различных языках. Исследование становления феодализма у народов прибалтийского региона основывается на анализе русских и белорусско-литовских летописей, немецких хроник, латиноязычных актов, древнейшего памятника права — «Помезанской правды». Продолжая традиции историко-правовых исследований, заложенные Б. Д. Грековым, он издает монографию «Помезания» (1955), включает в свои труды публикации малоизвестных источников в форме приложений. Издание «Пославий Гедимины» (1964) ввело в научный оборот и впервые познакомило русских читателей с памятником если не эпистолярного, то частно-правового характера. Оно существенно расширило круг источников по истории Великого княжества Литовского и соседящих с ним народов. Поэтому книга «Образование Литовского государства» (1959), защищенная в качестве докторской диссертации и переизданная в 1971 г. на литовском языке, раздел «Страны Прибалтийского региона» коллективной монографии «Пути развития феодализма» (1972) стали образцом

источниковедчески обоснованных, фундаментальных исследований.

Рассматривая памятники права как один из важнейших источников по истории общества, В. Т. Пашуто обращается к ним для сравнительно-исторического и типологического исследования различных раннефеодальных структур. Его издание статута острова Корчула (Корчула. М., 1976; совместно с И. В. Шталль) дало ценнейший материал для изучения общины у славян, слабо разработанного вопроса в отечественной историографии.

Не менее ярко проявилась источниковедческая методика В. Т. Пашуто в его обобщающем труде «Внешняя политика Древней Руси» (1968). Скрупное изучение древнерусских, западноевропейских, византийских, разножанровых источников дало возможность извлечь и тщательно проанализировать крупицы известий о международных связях Древней Руси, объединить эти сведения и на их основе создать цельную картину широких международных контактов Древнерусского государства со странами Запада и Востока, показать роль Руси домонгольского времени как одной из крупнейших европейских держав.

Глубокое понимание значения источниковедческих исследований, необходимости всемерно расширять источниковую базу вылилось в ряд новых грандиозных по своим масштабам начинаний, инициатором и руководителем которых стал В. Т. Пашуто. В 1969 г. им был основан сектор истории древнейших государств на территории СССР, одной из основных задач которого стало издание свода «Древнейшие источники по истории народов СССР», включающего нарративные, правовые, эпиграфические, картографические источники арабского Востока, Византии, Западной Европы, Скандинавии. Около 100 томов предполагается издать в этой серии. Тщательной разработки потребовали археографические принципы издания иноязычных памятников. Вышедшие с 1977 г. первые пять томов серии под редакцией В. Т. Пашуто внесли важный вклад в изучение раннесредневековой истории народов Восточной Европы, ввели в научный оборот большое количество новых, неизвестных ранее советским историкам источников, заложили археографические основы этого не имеющего прецедентов в отечественной историографии издания.

Другим крупнейшим археографическим начинанием В. Т. Пашуто было возобновление издания материалов так называемой Литовской метрики, государственного архива Великого княжества Литовского. Здесь отложились документы, освещающие историю Западной Руси, Украины, Белоруссии, некогда входивших в состав Литовского государства, самой Литвы за период, охватывающий более четырех столетий — с XV по XVIII в. Эти материалы неопровержимо свидетельствуют о прочных традициях и преемственности экономики, социальных отношений, материальной и духовной культуры, заложенных во время существования Древнерусского государства. Мо-

нография «Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства» (М., 1982; совместно с А. Л. Хорошкевич, Б. Н. Флорей) в некоторой степени основана и на изучении этих документов. В. Т. Папуто придавал большое научное и политическое значение этому изданию, осуществляемому силами как Академии наук СССР и союзных республик (Украины, Литвы, Белоруссии), так и Академии наук ПНР. С поразительным оптимизмом в мае 1983 г. он писал о перспективах издания Литовской метрики вплоть до 2000 г. Особое значение В. Т. Папуто придавал археографической подготовке издания, стремясь учесть достижения советской и зарубежной археографии. Для этого под его редакцией были подготовлены «Правила издания и описания Литовской метрики».

Много сил и времени В. Т. Папуто отдал возобновлению еще одного серийного издания, основанного Б. Д. Грековым, — «Народы СССР в известиях иностранцев XV—XVIII вв.». Эта серия, по его мнению, должна была явиться продолжением свода «Древнейшие источники по истории народов СССР», публикуя

переводы не издававшихся ранее на русском языке сочинений по истории, географии, этнографии России, составленных иностранцами, побывавшими в «Московии» в период становления Русского централизованного государства. Как и в других случаях, В. Т. Папуто стремился широко привлечь к участию в подготовке серии ученых МГУ и других научных учреждений.

Многогранная творческая и организационная деятельность В. Т. Папуто высоко оценена партией и правительством. Он награжден орденом «Знак Почета», рядом медалей. Его труд «Внешняя политика Древней Руси» был удостоен премии им. акад. Б. Д. Грекова.

Светлая память о В. Т. Папуто навсегда останется в сердцах людей, знавших его. Его труды и начинания будут продолжены его учениками и последователями как высшее признание его заслуг перед отечественной наукой.

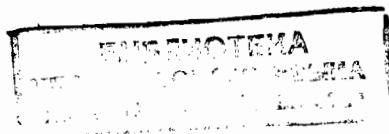
*Е. А. Мельникова
А. П. Новосельцев
А. Л. Хорошкевич*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН — Архив Академии наук СССР
 ААЭ — «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук»
 АВПР — Архив внешней политики России
 АД — «Архивное дело»
 АЕ — «Археографический ежегодник»
 АЗР — «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией»
 АИ — «Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией»
 АЛОИИ — Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР
 АРГ — «Акты Русского государства 1505—1526 гг.»
 АСЭИ — «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.»
 АФЗХ — «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков»
 БАН — Библиотека Академии наук СССР
 БСЭ — «Большая советская энциклопедия»
 Бурятский ИОН — Бурятский институт общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР
 ВА — «Вопросы архивоведения»
 ВАН — «Вестник АН СССР»
 ВАН — АрмССР — «Вестник АН Армянской ССР»
 ВГПИ — Вологодский государственный педагогический институт
 ВДИ — «Вестник древней истории»
 ВИ — «Вопросы истории»
 ВИД — «Вспомогательные исторические дисциплины»
 ВИЖ — «Военно-исторический журнал»
 ВНИИДАД — Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
 ВОКМ — Вологодский областной краеведческий музей
 ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
 ГААО — Государственный архив Архангельской области
 ГАГО — Государственный архив Горьковской области
 ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
 ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
 ГВПН — «Грамоты Великого Новгорода и Пскова»
 ГГУ — Горьковский государственный университет
 ГИМ — Государственный исторический музей
 Главархив (ГАУ) СССР — Главное архивное управление при Совете Министров СССР
 Главархив РСФСР — Главное архивное управление при Совете Министров РСФСР
 Главархив УССР — Главное архивное управление при Совете Министров УССР
 ГММК — Государственные музеи Московского Кремля
 ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
 ГПНТБ — Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения АН СССР
 СО АН — «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.»
 ДДГ — «Детская энциклопедия»
 ДЭ — «Декреты Советской власти»
 ДСВ — «Декреты Советской власти»
 ЕГАФ — Единый государственный архивный фонд РСФСР
 ЖЗЛ — «Жизнь замечательных людей»
 ЗОР ГБЛ — «Записки Отдела рукописей ГБЛ»
 ЗОР ИРЛИ — «Записки Отдела рукописей ИРЛИ»
 ИА — «Исторический архив»
 ИАН — «Известия Академии наук»
 ИВАН — Институт востоковедения АН СССР
 ИВИ — Институт всеобщей истории АН СССР
 ИЗ — «Исторические записки»

- ИИФФ СО АН — Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР
- ИИЯЛ БФАН — Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР
- ИИЯЛ ДФАН — Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
- ИМЛ — Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
- ИНИОН — Институт научной информации по общественным наукам АН СССР
- ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук»
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
- ИРЯ — Институт русского языка АН СССР
- ИФ — Институт философии АН СССР
- ИЯ — Институт языкознания АН СССР
- ИЯЛИ КФАН — Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР
- КГПИ — Казанский государственный педагогический институт
- КГУ — Киевский государственный университет
- ККМ — Крымский краеведческий музей
- КазГУ — Казанский государственный университет
- ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет
- ЛКРД — Лаборатория консервации и реставрации документов АН СССР
- ЛЗАК — «Летопись занятий Археографической комиссии»
- ЛО ААН — Ленинградское отделение Архива АН СССР
- ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
- ЛО ИВАН — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
- ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР
- ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР
- МАКИД — Московский архив Коллегии иностранных дел
- МАМЮ/ — Московский архив Министерства юстиции
- МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
- МГУ — Московский государственный университет
- МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР»
- МКИН — Международный конгресс исторических наук
- НАИИ — Научный архив Института истории СССР АН СССР
- НГУ — Новосибирский государственный университет
- ОЛДП — Общество любителей древней письменности
- ОЛЯ — Отделение литературы и языка АН СССР
- ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея
- ОР ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина
- ОР ГИМ — Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея
- ОР ГПБ — Отдел рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
- ОРМ ГММК — Отдел рукописных, печатных и графических материалов Государственных музеев Московского Кремля
- ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Академии наук
- ПГУ — Пермский государственный университет
- ПИШ — «Преподавание истории в школе»
- ПСЗ — «Полное собрание законов Российской империи»
- ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей»
- РА — «Русский архив»
- РБС — «Русский биографический словарь»
- РИБ — «Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией»
- РИЖ — «Русский исторический журнал»
- РИС — «Русский исторический сборник»
- РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР
- РС — «Русская старина»
- СА — «Советские архивы»
- Сб. ОРЯС — «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук»
- СГУ — Сыктывкарский государственный университет
- СИЭ — «Советская историческая энциклопедия»
- СЭ — «Советская этнография»
- ТААН — «Труды Архива АН СССР»
- ТВАН — «Труды Библиотеки АН СССР»
- ТВНИИДАД — «Труды Всесоюзного научно-исследовательского института документоведения и архивного дела»
- ТЛОИИ — «Труды Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР»
- ТМГИАИ — «Труды Московского государственного историко-архивного института»

- ТОДРЛ — «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР»
- ТУАК — Таврическая ученая архивная комиссия
- ТУДН — «Труды Университета дружбы народов им. П. Лумумбы»
- УГУ — Уральский государственный университет
- УДН — Университет дружбы народов им. П. Лумумбы
- УІЖ — Украинський історичний журнал
- УНЦ АН — Уральский научный центр АН СССР
- ЦА ВЛКСМ — Центральный архив ВЛКСМ
- ЦАУ СССР — Центральное архивное управление при Президиуме ЦИК СССР
- ЦАУ МВД СССР — Центральное архивное управление при Министерстве внутренних дел СССР
- ЦГА РСФСР — Центральный Государственный архив РСФСР
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
- ЦГАКФД — Центральный государственный архив кинофотодокументов СССР
- ЦГА КФФД УССР — Центральный Государственный архив кинофонофотодокументов УССР
- ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
- ЦГАМО — Центральный государственный архив Московской области
- ЦГАНХ — Центральный государственный архив народного хозяйства СССР
- ЦГАОР СССР — Центральный Государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР
- ЦГАСА — Центральный Государственный архив Советской Армии
- ЦГИА СССР — Центральный Государственный исторический архив СССР
- ЦГИА УССР — Центральный государственный исторический архив УССР
- ЦДЭТС СССР (РСФСР) — Центральная детская экскурсионно-туристическая станция Министерства просвещения СССР (РСФСР)
- Центрархив РСФСР — Центральный архив при Президиуме ЦИК РСФСР
- ЦМР СССР — Центральный музей революции СССР
- ЦПА ИМЛ — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
- ЦС ВООНИК — Центральный Совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры
- ЧОИДР — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете»
- ЯГУ — Ярославский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

<i>Б. Г. Литвак.</i> О культуре передачи текста в издании «Архив Маркса и Энгельса» (к выходу т. XVI)	3
<i>С. В. Чирков.</i> Некоторые проблемы развития русской археографии в начале XX века	12
<i>Ю. А. Петросян (г. Ленинград), Э. Н. Тёмкин (г. Ленинград).</i> Изучение собрания восточных рукописей Института востоковедения АН СССР. Описание фондов, издание и исследование текстов	27
<i>С. М. Каштанов.</i> Современные принципы издания латинских грамот	37
* * *	
<i>И. В. Панина.</i> К вопросу о соотношении восточнославянских и южнославянских особенностей в письме пергаменной рукописи начала XV в. (Апостол из собрания ГБЛ)	49
<i>Г. В. Семенченко.</i> О хронологии некоторых грамот, упоминающих «великого князя» Ивана III Васильевича	53
<i>Т. А. Тутова.</i> Из истории архива Соловецкого монастыря	58
<i>Е. Б. Емченко, И. В. Курукин.</i> К изучению публикаций «Дела Висковатого» и формирования его состава	68
<i>Л. Е. Морозова.</i> Вопросы авторства и датировки первых шести глав «Сказания» Авраамия Палицына	76
<i>Ю. Н. Мельников (г. Ульяновск).</i> О структуре и источнике Описи документов Разрядного приказа 1626 г.	87
<i>Ю. А. Иванов (г. Ленинград).</i> Документы русских архивов начала XVII века в коллекции С. В. Соловьева	91
<i>Е. И. Смирнова.</i> Документы петровского времени из архива Оружейной палаты о создании экспозиции в Мастерской Казенной палате Московского Кремля	96
<i>А. А. Формозов.</i> Воспоминания И. Е. Забелина о Т. Н. Грановском	100
<i>Е. Ю. Филькина.</i> Н. П. Барсуков и его «Собрание автографов»	106
<i>Н. Ю. Бубнов (г. Ленинград).</i> В. Г. Дружинин и его коллекция старообрядческих рукописей	113
<i>Ю. С. Уральский.</i> Расшифрованные письма из переписки редакции ленинской газеты «Искра»	126
<i>Н. М. Таранев.</i> Распубликование текста первой Советской Конституции в центральной и местной прессе 1918 г.	130
<i>В. О. Седелников.</i> Информационные издания центральных архивных органов РСФСР. 1921—1932 гг.	143
<i>М. Г. Белогуров, С. И. Кузьмин.</i> Проблемы отечественной археографии в журнале «Советские архивы»	150
<i>Б. В. Левшин.</i> Архив АН СССР и развитие архивов научных центров в союзных и автономных республиках	157
<i>О. Ф. Козлов.</i> Очерк археографической деятельности архивных учреждений союзных республик (из опыта подготовки)	166
<i>Г. И. Сургай (г. Киев), Д. В. Табачник (г. Киев).</i> Кафедра архивоведения и специальных исторических дисциплин Киевского государственного университета	174

<i>Н. И. Решетников.</i> Н. А. Черницын — исследователь Тотемского края	178
<i>Ю. Д. Рыков.</i> Археографическая деятельность И. М. Кудрявцева	182
<i>А. И. Рогов.</i> Академик Б. А. Рыбаков — исследователь источников по отечественной истории (к 75-летию со дня рождения)	185
<i>А. А. Курносоев.</i> Академик А. М. Самсонов — археограф и источниковед истории второй мировой войны (к 75-летию со дня рождения)	189

К 90-летию академика М. Н. Тихомирова

Тихомировские чтения 1983 года

<i>А. М. Самсонов.</i> Вступительное слово	192
<i>С. О. Шмидт.</i> Изучение и издание наследия М. Н. Тихомирова	195
<i>В. И. Буганов, Ю. П. Глушакова.</i> М. Н. Тихомиров и Институт истории АН СССР	198
<i>И. Д. Ковальченко, А. В. Муравьев.</i> М. Н. Тихомиров и Московский университет.	200
<i>А. П. Деревянко (г. Новосибирск), Н. Н. Покровский (г. Новосибирск).</i> М. Н. Тихомиров и сибирская археография	202
<i>А. И. Рогов.</i> М. Н. Тихомиров — исследователь памятников средневековой славянской культуры	204
<i>В. А. Александров.</i> Народный быт в исследованиях М. Н. Тихомирова.	207
<i>Е. В. Чистякова.</i> М. Н. Тихомиров и Армения (по материалам переписки с Л. С. Хачикяном)	212
<i>Э. В. Удальцова.</i> М. Н. Тихомиров — друг византистов	214
<i>К. Н. Тарновский.</i> Три встречи. Из воспоминаний о М. Н. Тихомирове	216

* * *

<i>Е. М. Жуков.</i> Вступительное слово на совместном заседании Отделения истории АН СССР и Археографической комиссии, посвященном памяти академика М. Н. Тихомирова, 25 января 1966 г.	218
<i>А. А. Сидоров.</i> М. Н. Тихомиров и история русского книгопечатания	220
<i>М. И. Автокротова, С. В. Чирков.</i> Документы ЦГАДА о начале научной деятельности М. Н. Тихомирова	223
<i>С. В. Чирков.</i> Из рукописного наследия М. Н. Тихомирова (По материалам Архива Академии наук СССР)	225
<i>И. Е. Тамм.</i> Литература 1963—1983 гг. о жизни и деятельности М. Н. Тихомирова.	250
В библиотеках страны (подг. <i>Н. А. Хрустова, С. С. Гарбер</i> — г. Владивосток)	256

II. Обзоры, описания, библиография

<i>И. В. Левочкин.</i> Писцовые и переписные книги Отдела рукописей Государственного исторического музея	257
<i>В. Г. Ткаченко (г. Чебоксары).</i> Архивное наследие С. В. Ешевского	263
<i>С. Б. Филимонов (г. Симферополь).</i> О подготовке А. Л. Бертье-Делагардом к печати перевода сочинения П. С. Палласа о Крыме	270
<i>Е. В. Васневская.</i> Воспоминания-интервью о битве под Москвой	272
<i>Б. Н. Казанцев.</i> Архивные материалы о численности рабочих черной металлургии СССР в четвертой пятилетке	277
<i>И. В. Поздеева.</i> Коллекция кириллических изданий Восточного института Ватикана в Риме	286
Список печатных трудов В. Т. Пашуто (сост. <i>М. Н. Перегуд, П. В. Пронина</i>)	295
<i>Р. Ш. Ганелин (г. Ленинград), М. П. Ирошников (г. Ленинград)</i> Новое справочное издание по фондам ГПБ	304

III. Публикации

Опись документов Московского архива Коллегии иностранных дел 1732 г. (предисл. В. И. Гальцова (г. Калининград), подг. С. Л. Турилова) . . .	307
К биографии Д. В. Стасова. (Воспоминания К. К. Арсеньева) (подг. Н. А. Троицкий, г. Саратов)	321

IV. Хроника

В. Ю. Афиани. Деятельность Археографической комиссии в 1983 г.	327
Новые издания Археографической комиссии	337
Научное совещание в Вологде «Охрана и использование документальных памятников истории и культуры»	337
В отделениях Археографической комиссии	337
В. Ч. Археографические экспедиции 1983 г.	339
Е. А. Мельникова, А. П. Новосельцев, А. Л. Хорошкевич. <u>Владимир Те- рентьевич Пашуто</u> (1918—1983)	343
Список сокращений	346

**Археографический ежегодник
за 1983 год**

*Утверждено к печати
Археографической комиссией
при Отделении истории СССР АН СССР*

Редактор издательства Е. Д. Евдокимова
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Л. В. Каскова
Корректоры Г. Н. Лац,
В. А. Нарядчикова, Н. А. Несмеева

ИБ № 28477

Сдано в набор 23.08.84.

Подписано к печати 8.04.85.

T-02757. Формат 70 × 108¹/₁₆.

Бумага книжно-журнальная, импортная.

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 30,975. Уч.-изд. л. 35,2. Усл. кр.-отг. 35,3

Тираж 1550 экз. Тип. зак. 2060.

Цена 4 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука».

117864 ГСП-7, Москва В-485,
Профсоюзная ул., 90.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

1983

АРХЕОГРА-
ФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
АН СС СР АН СССР

1983